

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2025. Том 52, № 1

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2025. Том 52, № 1

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, профессор кафедры всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Аглаич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия (Белгород, Россия)

В.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 30.0. Дата выхода 30.03.2025. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 5 **Денисова И.В., Кобзева А.В.**
От Боспора до Газы Палестинской. К 60-летию со дня рождения профессора Н.Н. Болгова
- 13 **Анисимов К.А.**
Фракийские кробизы – от Одесса до Одессы
- 22 **Растегаева М.Н.**
Amicitia Caesaris et populi Romani в Боспорском царстве: вопросы историографии
- 33 **Жукова Н.В.**
Капитолия (Capitolias) – город античного Декаполиса
- 40 **Лушанин Л.С.**
Сведения о гностических школах I–III вв. в сочинении Иоанна Дамаскина «О ересях»
- 48 **Фартушной Н.О.**
Институт федератов в Позднеантичной Нубии: сущность и использование
- 58 **Зибаев А.В., Жуков О.Р., Белоус П.В.**
О периодизации Юстиниановой чумы
- 69 **Сухова Ж.М.**
Экономический симбиоз городов, монастырей и паломничества и его роль в экономическом процветании Палестины в IV–VII вв.
- 87 **Урюмцев Е.Р.**
«Филиппианское Возрождение»: трансформация западно-франкского варианта феодализма в сторону укрепления королевской власти при Филиппе II Августе (1180–1223 гг.)
- 98 **Морозов С.В.**
Межкняжеские перипетии Руси и венгров: проблемы и подходы (по поводу книги: М.К. Юрасов «Венгрия и русские княжества в XII в.». Санкт-Петербург: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив, 2019. 496 с.)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 104 **Соломин В.А.**
Роль первых древнерусских монахов в складывании религиозного фактора сохранения политического и культурного единства Киевской Руси
- 113 **Пенской В.В.**
На пути к «предписанному» православию: начальный этап русской конфессионализации (2-я пол. XV – 1-я пол. XVI вв.)
- 126 **Шевцов Н.В., Кулабухов В.С.**
Конфликты государственных интересов и их аргументация в эпоху правления «бабьего царства» на примере Б.К. Миниха и Э.И. Бирона
- 137 **Шатохин И.Т., Мартыненко С.В.**
Материальное обеспечение учителей Кубанской области во второй половине XIX века
- 145 **Петербургский М.Ю.**
Личная жизнь политических ссыльных на Европейском Севере России в кон. XIX – нач. XX в.
- 155 **Маслова В.А.**
Положение сельского хозяйства в Туркестанском генерал-губернаторстве в освещении либеральных журналов Российской империи в 1894–1917 гг.
- 165 **Шурбаев К.К.**
Опыт проведения мобилизации на территории Оренбургской губернии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. (на примере 9-й частной мобилизации в Орском уезде)
- 175 **Новоселова О.П.**
Влияние неземледельческих промыслов крестьян на сельское хозяйство в 1920-е годы (на материалах Костромской губернии)
- 183 **Комлякова Ю.Ю., Руднева М.А.**
Угольная промышленность Донбасса накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1939–1943 гг.)
- 193 **Тимиряев Д.О.**
Проблемы применения бронетанковых войск Воронежского фронта в оборонительной фазе Курской битвы

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 202 **Алексеев Н.Н.**
Советский компонент цивилизационной идентичности России
- 212 **Казаков М.А., Лыцев М.С.**
Реалии современной Арктики: особенности политики новых членов НАТО и подходов РФ в решении проблем безопасности
- 223 **Толмачев Ю.О.**
Вызовы для БРИКС в XXI веке и методы их урегулирования
- 233 **Рыжов И.В., Трубицын К.А.**
Трансформация инструментов обеспечения международной и национальной безопасности в условиях гибридных войн
- 245 **Дубинин А.И., Коллегаев Е.А., Масланов К.Д., Мачадо Ортега Ш.Э.**
Влияние миграционного кризиса 2015 года на внутреннюю политику Европейского союза
- 258 **Воронин В.А.**
Уровень цифровизации и развитость демократии в разных странах мира: количественный анализ
- 268 **Кольчева С.К., Урывский А.П., Фомичев Н.Н.**
Экологическая политика Саудовской Аравии в XXI веке
- 277 **Сельницын А.С.**
Стратегическая коммуникация Китая в Африке

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE**2025. Volume 52, No. 1**

Until 2020, the journal was published as “Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science”

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is included in Russian Science Citation Index (РИЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod State National Research University "BelSU".

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL**Editor-in-Chief**

O.N. Polukhin, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Doctor of Sciences in Politics, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, Professor of the Russian History and Records Management Department, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputies Editor-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Professor of the Department of World History, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatokhin, Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

L.S. Polovneva, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in Politics (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History (Belgorod State National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Sciences in History, Professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, Doctor of Sciences in History, Professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, Doctor of Sciences in Politics (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

A.V. Glukhova, Doctor of Sciences in Politics, Professor of the Department of Sociology and Political Science (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, Doctor of Sciences in History; Corresponding Member of Russian Academy of Sciences; Director of the Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, Doctor of Sciences in History, Associate Professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy (I.D. Putilin Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

V.M. Marasanova, Doctor of Sciences in History, Professor (Yaroslavl Demidov State University)

V.A. Perepelitsyn, Doctor of Sciences in History, Professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, Doctor of Sciences in History, Leading Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФЦ 77-77960 of 19 February 2020.

Publication frequency: 4 times per year.

Commissioning Editor Yu.V. Mishenina. Page proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.S. Danilova. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 30.0. Date of publishing: 30.03.2025. Dummy layout prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 5 **Denisova I.V., Kobzeva A.V.**
From Bosphorus to Palestinian Gaza. On the 60th Anniversary of Professor N.N. Bolgov's Birth
- 13 **Anisimov K.A.**
Thracian Crobizi – from Odessos to Odessa
- 22 **Rastegaeva M.N.**
Amicitia Caesaris et populi Romani in the Bosporan Kingdom: Issues of Historiography
- 33 **Zhukova N.V.**
Capitolias – the City of the Ancient Decapolis
- 40 **Lupandin L.S.**
Information about the Gnostic Schools of the 1st – 3rd Centuries in John Damascene's Work "On Heresies"
- 48 **Fartushnoy N.O.**
The Institute of Federates in Late Antique Nubia: Essence and Use
- 58 **Zibaev A.V., Zhukov O.R., Belous P.V.**
On Periodization of the Justinian Plague
- 69 **Sukhova Zh.M.**
The Economic Symbiosis of Cities, Monasteries and Pilgrimage, and its Role in the Economic Prosperity of Palestine in the 4th – 7th Centuries
- 87 **Uryumtsev E.R.**
The "Philipian Renaissance": Transformation of the West Frankish Version of Feudalism Towards the Strengthening of Royal Power under Philip II Augustus (1180–1223)
- 98 **Morozov S.V.**
Inter-Princely Vicissitudes of Rus and the Hungarians: Problems and Approaches (Regarding the Book: M.K. Yurasov "Hungary and Russian Principalities in the 12th Century". St. Petersburg: Petroglyph, Center for Humanitarian Initiatives, 2019. 496 p.)

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 104 **Solomin V.A.**
The Role of the First Ancient Russian Monks in Shaping the Religious Factor of Preserving the Political and Cultural Unity of Kievan Rus
- 113 **Penskoy V.V.**
On the Way to the "Prescribed" Orthodoxy: The Initial Stage of Russian Confessionalization (2nd Half of the 15th – 1st Half of the 16th Centuries)
- 126 **Shevtsov N.V., Kulabuhov V.S.**
Conflicts of State Interests and their Argumentation in the Era of "The Female Kingdom" Rule on the Example of B.C. Minikh and E.J. Biron
- 137 **Shatokhin I.T., Martynenko S.V.**
Financial Support for Teachers of the Kuban Region in the Second Half of the 19th Century
- 145 **Peterburgsky M.Yu.**
The Personal Life of Political Exiles in the European North of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries
- 155 **Maslova V.A.**
Agricultural Situation in the Turkestan General Governorate in the Coverage of Liberal Magazines of the Russian Empire in 1894–1917
- 165 **Shurbaev K.K.**
Experience of Mobilization on the Territory of Orenburg Province during the Russo-Japanese War of 1904–1905 (on the Example of the 9th Private Mobilization in Orsk District)
- 175 **Novoselova O.P.**
The Influence of Non-Agricultural Trades of Peasants on Agriculture in the 1920s (Based on Materials from the Kostroma Province)
- 183 **Komlyakova Yu.Yu., Rudneva M.A.**
Donbass Coal Industry on the Eve of the Great Patriotic War and during its First Years (1939–1943)
- 193 **Timiryayev D.O.**
Problems of Using Armored Troops of the Voronezh Front in the Defensive Phase of the Battle of Kursk

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 202 **Alekseev N.N.**
Soviet Component of Russia's Civilizational Identity
- 212 **Kazakov M.A., Lystsev M.S.**
Realities of the Modern Arctic: Features of the Policy of New NATO Members and the Russia's Approaches to Resolving Security Problems
- 223 **Tolmachev Y.O.**
Challenges for BRICS in the 21st Century and Methods of their Settlement
- 233 **Ryzhov I.V., Trubitsin K.A.**
The Transformation of Instruments for Ensuring International and National Security in the Conditions of Hybrid Warfare
- 245 **Dubinin A.I., Kollegaev E.A., Maslanov K.D., Ortega Machado S.E.**
The Impact of the 2015 Migration Crisis on the Internal Policy of the European Union
- 258 **Voronin V.A.**
The Level of Digitalization and the Development of Democracy in Different Countries of the World: A Quantitative Analysis
- 268 **Kolycheva S.K., Uryvsky A.P., Fomichev N.N.**
Saudi Arabia's Environmental Policy in the 21st Century
- 277 **Selnitsyn A.S.**
China's Strategic Communication in Africa

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(3)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-5-12

Оригинальное исследование

От Боспора до Газы Палестинской. К 60-летию со дня рождения профессора Н.Н. Болгова

Денисова И.В. , Кобзева А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: denisova@bsuedu.ru, kobzevaav31@yandex.ru

Аннотация. В данной работе предпринята попытка очертить жизненный и научный путь профессора кафедры всеобщей истории Николая Николаевича Болгова в связи с его 60-летием. Выделено несколько тематических блоков в научном дискурсе юбиляра. Самый ранний связан с историей и археологией позднеантичного Боспора и Китейской археологической экспедицией. Посвятив без малого 20 лет этой тематике, Н.Н. Болгов с 2008–2009 гг. стал активно переходить к византийским сюжетам, сохранив до сегодняшнего дня интерес к боспорской археологии. В Византии юбиляра особенно привлекают темы истории регионов Ранней Византии, интеллектуальной жизни, проблемы источниковедения, гендерная история. Отмечается большая работа по подготовке кадров высшей квалификации: защищено 3 докторских и более 30 кандидатских диссертаций. Помимо собственных публикаций, Н.Н. Болгов подготовил и отредактировал более 40 сборников материалов научных конференций и прочих трудов. Среди других важных начинаний – Византийский клуб, всероссийская летняя школа по византологии, проект «Византийское древо» программы «Приоритет-2030», научно-образовательные поездки по различным странам ранневизантийской традиции. Став преемником проф. Е.А. Молева в Белгородском государственном университете, Н.Н. Болгов активно развивает научное направление БелГУ «Классическая и византийская традиция»; в проблемной группе занимается около 30 студентов.

Ключевые слова: профессор Н.Н. Болгов, поздняя античность, Ранняя Византия, юбилей

Для цитирования: Денисова И.В., Кобзева А.В. 2025. От Боспора до Газы Палестинской. К 60-летию со дня рождения профессора Н.Н. Болгова. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 5–12. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-5-12

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

From Bosphorus to Palestinian Gaza. On the 60th Anniversary of Professor N.N. Bolgov's Birth

Irina V. Denisova , Antonina V. Kobzeva

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: denisova@bsuedu.ru, kobzevaav31@yandex.ru

Abstract. This paper attempts to outline the life and scientific path of Nikolai Nikolaevich Bolgov, Professor of the Department of General History, in connection with his 60th birthday. We highlight several

thematic blocks in his scientific discourse. The earliest one is associated with the history and archeology of the late antique Bosphorus and the Kitean archaeological expedition. Having devoted almost 20 years to this topic, N.N. Bolgov began to actively move on to Byzantine subjects in 2008–2009, while maintaining an interest in Bosphoran archeology to this day. In Byzantium, the researcher is especially attracted to the topics of the history of the regions of Early Byzantium, intellectual life, problems of source studies, and gender history. The researcher has greatly contributed to training highly qualified personnel, being a scientific advisor for three doctoral and more than 30 candidate dissertations. In addition to his own articles, N.N. Bolgov has prepared and edited more than 40 books of conference proceedings and other works. Among his other important initiatives are the Byzantine Club, the All-Russian Summer School on Byzantine Studies, the Byzantine Tree project of the Priority 2030 program, and scientific and educational trips to various countries of the early Byzantine tradition. Having become the successor of professor E.A. Molev, N.N. Bolgov is actively developing the scientific direction of "Classical and Byzantine Tradition" at Belgorod State University; about 30 students are involved in the research team.

Keywords: professor N.N. Bolgov, late antiquity, Early Byzantium, anniversary

For citation: Denisova I.V., Kobzeva A.V. 2025. From Bosphorus to Palestinian Gaza. On the 60th Anniversary of Professor N.N. Bolgov's Birth. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 5–12 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-5-12

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Создание научной школы в нестоличном университете – редкое и неоднозначное явление, особенно относительно античной и византийской истории. По прошествии некоторого времени такой феномен привлекает внимание с точки зрения историографии. В 2025 г. есть повод обратиться к белгородским исследованиям в области истории поздней античности и Ранней Византии в связи с юбилеем профессора Николая Николаевича Болгова.

Объект и методы исследования

Научная жизнь юбиляра образует объект исследования, а основным методом будет выступать историко-биографический.

Результаты и их представление

Николай Николаевич Болгов родился 14 марта 1965 г. в Белгороде. В 1982 г. окончил среднюю школу № 28. Выбор дальнейшего жизненного пути, по его словам, был предопределен: получив учебники на следующий учебный год (1976), будущий пятиклассник ушел с головой в мир классической древней истории, с которой он до этого, как и любой советский школьник, имел весьма отдаленное знакомство. Судьба влекла нашего героя дальше с неуклонной силой: в 1977 г. в Белгородском государственном педагогическом институте имени М.С. Ольминского открылся исторический факультет. Поэтому по окончании школы, выдержав немалый конкурс, он поступил именно туда.

Обучение на первом курсе (1982–1983) сразу же ознаменовалось еще одним поворотом судьбы: преподаватель древней истории Евгений Александрович Молев (1947–2021) [Профессор Молев, 2017] стал научным руководителем, наставником и вдохновителем юного студента на всю жизнь, а археологическая практика на Боспоре, в Китее, летом 1983 г. открыла дивный новый мир, который и поныне питает юбиляра.

Но большая история своим неумолимым ходом вмешалась в намеченные планы. С 15 ноября 1983 по 4 ноября 1985 г. учебу пришлось прервать на срочную службу в рядах Советской армии, так как отсрочка для студентов тогда была отменена. Служба проходила в бригаде связи в Московской области; это была неболевая часть, которая занималась

обеспечением командно-штабных учений столичных академий, с многочисленными выездами по полевым учебным лагерям.

После возвращения Н.Н. Болгова, вопреки достаточно распространенному скепсису однокурсников и сослуживцев, учеба и научная жизнь продолжилась не менее успешно. С 1987 г. продолжился Китей, осенью того же года состоялась первая поездка на научную конференцию в Брянск. В 1989 г. была защищена дипломная работа о позднеантичном Боспоре и получен диплом с отличием.

В том же году Е.А. Молев, ставший первым заведующим созданной им в 1986 г. кафедры всеобщей истории, пригласил выпускника на 0,5 ставки ассистента. Параллельно началась трудовая деятельность учителем средней школы, которая продолжалась в разных вариациях и с перерывами до конца 90-х гг. В 1990 г. Н.Н. Болгов перешел на работу на кафедру на ставку, вел семинарские занятия по истории древнего мира и средних веков. Появились первые публикации. Летом 1991 г. появилась возможность поступления в целевую аспирантуру.

Период обучения в очной аспирантуре МПГУ им. В.И. Ленина по кафедре истории древнего мира и средних веков (сентябрь 1991 – октябрь 1994) был одним из наиболее счастливых и плодотворных периодов жизни, словно в противовес тому, что происходило тогда в стране. Были проштудированы все источники, многочисленные монографии. Диссертация под научным руководством профессора Геннадия Андреевича Кошеленко, заведующего отделом античной археологии ИА РАН, называлась «Боспор IV–V вв. и проблема позднеантичных государственных образований» и была защищена в ноябре 1994 г.

Возвращение в БГПИ имени М.С. Ольминского по окончании аспирантуры не предвещало благоприятных перспектив. Факультет был фактически разгромлен, большая часть первого состава преподавателей, слишком ярких и талантливых для тогдашней провинции, покинула его. Летом 1992 г. уехал в родной Нижний Новгород Е.А. Молев. Работать пришлось на межфакультетской кафедре истории и политологии. Но нить судьбы прядлась неуклонно, и уже в том же 1994 г. пединститут был преобразован в педагогический университет, а в 1996 г. – в классический университет. Потребовались дипломированные специалисты в узких областях; античника на кафедре не было. И с сентября 1996 г. Н.Н. Болгов вернулся на родную кафедру, а 1 марта 1997 г. возглавил ее как заведующий, еще даже не будучи доцентом.

Перед университетом открылись феноменальные перспективы. Строился новый кампус с учебными корпусами, жилые дома для преподавателей. Вся область включилась в этот проект, столь редкий для 90-х годов. Нужно было расти и в научном плане.

Поэтому без отрыва от основной работы, без докторантуры в марте 2003 г. Н.Н. Болгов защищает в Нижнем Новгороде докторскую диссертацию «Проблемы континуитета в контексте развития античной цивилизации в Северном Причерноморье (конец III–VI вв.)» (научный консультант проф. Е.А. Молев). И сама защита, и личные жизненные (семейные) обстоятельства в тот момент достигли пика обострения и сошлись в одно и то же время. Некоторые столичные археологи не приняли диссертацию и всячески пытались ее затормозить. Один из оппонентов, тесно связанный с ними, дал отрицательный отзыв. Но это не помешало защите, лишь получение диплома затянулось до марта 2004 г., после дополнительной экспертизы в СПбГУ.

Работа в Белгородском государственном университете вследствие получения докторской степени сразу предоставила новые возможности. На основе проблемной группы, созданной в конце 90-х гг., была открыта аспирантура, и с 2005 г. начали обучение первые аспиранты.

В течение 35-летней преподавательской деятельности Н.Н. Болгов читал и продолжает читать академические курсы: История древнего мира, История средних веков, История стран Востока в средние века, Латинский язык, Древнегреческий язык. Им разработаны и читаются авторские курсы: Классические языки в истории европейской культуры, История культуры восточно-христианского мира, Античные основы в истории европейской культуры, Античные основы отечественной цивилизационной традиции, Византийские основы отечественной цивилизационной традиции.

По организации учебного процесса следует отметить вклад Н.Н. Болгова в возобновление полевой археологической практики в БелГУ в 2001 г. (после длительного перерыва), открытие специальности «Зарубежное регионоведение», магистерской программы «Классическая и византийская традиция», подготовку и развертывание учебного процесса для историков-классиков (которых не было в прежнем пединституте) и многое другое, включая периодические комплексные аккредитации университета (раз в 5 лет начиная с 2000 г.), для которых нужно было готовить всю документацию.

В 1999 г. Н.Н. Болгов получает ученое звание доцента, а в 2009 г. – профессора.

В 2007 г. в Туле была защищена первая кандидатская диссертация под научным руководством Н.Н. Болгова (Е.В. Литовченко). В 2020 г. защищена первая докторская диссертация (И.В. Зайцева). На начало 2025 г. под его руководством защищено в целом 32 кандидатских и 3 докторских диссертации.

Много сил было отдано созданию диссертационного совета по историческим наукам (декабрь 2010 г.), в котором Н.Н. Болгов председательствует с первого дня. С 2020 г. совет присуждает ученые степени в автономном режиме. Серьезным испытанием здесь стало «дело Мединского» (2016), которое рассматривалось в совете. Совет подтвердил соответствие этой диссертации установленным требованиям, после чего либеральная «научная общественность» много лет пыталась поднять волну дискредитации БелГУ, белгородских историков, членов диссовета и лично его председателя, под лупой рассматривая все его публикации до последней строчки.

Круг научных интересов Н.Н. Болгова с годами претерпел значительную эволюцию. Со студенческих лет и почти до конца первого десятилетия XXI в. предметом его внимания выступали позднеантичный Боспор и Северное Причерноморье. Исчерпав для себя возможности этой темы, с конца 2000-х гг. юбиляр переключается на Раннюю Византию. Здесь он стоит у истоков исторической регионалистики Восточного Средиземноморья в отечественной исторической науке. Не менее важна тема истории школы и интеллектуальной традиции. Была затронута и гендерная история. Большое внимание уделяется письменным источникам, историографии истории и археологии Ранней Византии.

На уровне монографий и кандидатских и магистерских диссертаций учеников были изучены такие регионы Ранней Византии, как Таврика, Кипр, Писидия, Ликия, Палестина; ведется изучение Памфилии, Крита, Фригии, Карики, Лидии, Каппадокии. Выпущены и подготовлены переводы сочинений Зосима, Иоанна Малалы, Иоанна Лида, Энея Газского, Захарии Ритора, Прокопия Газского, Хорикия, Комита Марцеллина, Фульгенция Мифографа, Крескония Кориппа, Присциана, патриарха Фотия и др.

Любимым детищем юбиляра является крымская археология. После ухода из жизни Е.А. Молева он сохранил отряд Китейской экспедиции [Молев, 2013] и передал его под крыло новой экспедиции в Китее – экспедиции Эрмитажа во главе с А.В. Катцовой, где работает и поныне.

Кроме того, отряд Н.Н. Болгова принимал участие в раскопках некрополя Китея на участке Джурга-Оба (2006–2010), в Порфмии (2008–2013), Тиритаке (2010–2013), Феодосии (2023–2024), а также в экспедициях в Херсонесе.

Важное место в эволюции научных интересов юбиляра играют ознакомительные поездки по странам античного и византийского мира. Это как организованные стажировки БелГУ (Италия, 2014; Кипр, 2018), так и частные поездки (Армения, 2015; Турция, 2021; Израиль, 2013, 2019). Также Н.Н. Болгов стажировался в Венгрии (2010) и принял участие в научной конференции по истории Газской школы во Франции (2013).

Для расширения научного кругозора своих студентов Н.Н. Болгов организовал летнюю историко-археологическую школу в Армении (2016–2018), а его ученица Е.В. Литовченко создала летние школы в Италии (2012–2014) и на Кипре (2018–2019).

Для успешной работы научной школы нужна целенаправленная селекция. Поэтому Николай Николаевич начинает работу уже с первокурсниками на уровне проблемной группы.

Прежде всего для своих студентов и аспирантов им создан ряд научно-практических и научных конференций. Для начинающих это «Мой мир. Моя история» и «Славные и памятные даты года». Осенью проводится факультетская конференция «Археологический сезон». По итогам летних школ проводилась конференция «Путешествие в античность и средневековье». Для активизации интереса к художественной литературе проводится конференция «Художественная литература по истории». Для регионоведов ряд лет проводилась конференция «Европа регионов». Итоговая апробация результатов НИРС осуществляется на конференциях «Классическая и византийская традиция» (с 2007) и на антично-византийских секциях конференции «Белгородский диалог» (созданной на основе апрельской Недели науки). С 2021 г. проводятся Церковно-исторические чтения «Византийское древо». Наконец, для взрослых ученых проводятся Кондаковские чтения (с 2004) и конференция «Иресиона. Античный мир и его наследие» (с 1999).

Николай Николаевич также всячески поощряет участие своих студентов и аспирантов в различных внешних конференциях. Его ученики с конца 90-х гг. выступали и публиковались в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Туле, Екатеринбурге, Сыктывкаре, Архангельске, Брянске, Казани, Пскове, Харькове, Киеве, Одессе, Луганске, Днепропетровске, Севастополе, Херсоне, Симферополе, Минске, Бресте, Комрате и других городах России и зарубежья.

Он создал Всероссийскую летнюю школу по византологии (с 2017) при поддержке Национального комитета византистов РФ и регулярно ее проводит как в Белгородской области, так и в Крыму.

Важным детищем проф. Н.Н. Болгова стал Византийский клуб, созданный в 2016 г. при поддержке митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна и академика С.П. Карпова. На заседания клуба дважды в год приглашаются ведущие отечественные и зарубежные ученые. Выпускается ежегодный альманах клуба.

Большим событием в научной жизни НИУ «БелГУ» стало проведение Всероссийской сессии византистов в 2016 г., которая собрала десятки участников.

Научная школа Н.Н. Болгова оформлена в университете как Научное направление НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция».

Важным достижением научной школы стала реализация проекта «Византийское древо» (2021–2024) в рамках программы стратегического лидерства «Приоритет-2030». Проект позволил издать ряд монографий и сборников научных конференций, а также организовать и провести серию паломнических и ознакомительных поездок студентов – участников научного направления (Екатеринбург, Карелия – Соловки – Валаам, Херсонес, Троице-Сергиева лавра, Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри, Оптина пустынь, Тула, Елец и Задонск, Острогжск).

В течение 2007–2021 гг. Н.Н. Болгов руководил отделом ВАКовского научного журнала *Via in tempore* (Научные ведомости БелГУ), где составлял и рецензировал раздел «Всеобщая история». Он также являлся членом редколлегии ряда прочих научных журналов.

Н.Н. Болгов – член Российской ассоциации антиковедов и Харьковского историко-археологического общества.

В 1997–2021 гг. Н.Н. Болгов работал заведующим кафедрой всеобщей истории, с сентября 2021 г. – профессор кафедры; в 2016–2022 гг. был членом Ученого совета НИУ «БелГУ», членом Аттестационной комиссии университета, является руководителем аспирантской подготовки по направлению Всеобщая история.

Н.Н. Болгов – автор более 400 научных публикаций. Среди них наиболее важные – монографии о Боспоре [Болгов, 1996; Болгов, 2002а; 2002б; 2002в; Болгов, Красникова, 2010; Болгов, 2021], о Византии [Болгов, 2020; Кобзева, Болгов, 2022; Сеница, Болгов, 2022], издания источников [Зосим, 2010; Зосим, 2024; Марцеллин Комит, 2010; Хорикий, 2022], учебные пособия [Болгов, 1998–2000; Болгов, 2000; Болгов, Прокопенко, Рябцева, 2009; Болгов, Сбитнева, Будаева, 2009; Иваницкая, Болгов, 2011; Болгов, 2018; Болгов, Болгова, Денисова,

2023; Денисова, Руднева, Болгов, 2024; Шелудченко, Болгов, Руднева, 2024], переводы [Хьюджес, 2018], статьи¹.

Составлены и отредактированы 7 сборников «Кондаковских чтений» (2005–2022); 17 сборников «Классическая и византийская традиция» (2008–2024); 7 сборников «Иресиона. Античный мир и его наследие» (1999–2020); 1 сборник «Мир Византии» (2007) и его продолжение «Византийский клуб. Альманах» (7 выпусков) (2018–2024); материалы летней школы по византологии «Эргастирий» (4 выпуска) (2017–2020); 4 сборника церковно-исторических чтений «Византийское древо» (2022–2024). Для аспирантов и студентов проблемной группы было подготовлено и выпущено 20 выпусков ознакомительных материалов «Мир поздней античности» (2014–2024). Статьи и тезисы докладов публиковались в России, Англии, Франции, Турции, Белоруссии, Украине, Казахстане, Армении, Молдавии и др.

В научной деятельности и жизни Н.Н. Болгова огромную роль сыграли Е.А. Молев, Г.А. Кошеленко, С.П. Карпов, М.В. Бибииков, А.А. Чекалова и многие другие коллеги-ученые. Особенно тесные отношения он поддерживает с коллективом ученых СевГУ (где работает по совместительству с 2023 г.), ТГПУ им. Л.Н. Толстого, ВГУ, МПГУ, Института археологии Крыма и др.

Выводы

Подходя к важному хронологическому рубежу своей жизни, юбиляр находится в расцвете своей научной активности и работает над целым рядом проектов, продолжает руководить аспирантами и проблемной группой.

Поздравляя Николая Николаевича с юбилеем, коллектив научного направления «Классическая и византийская традиция», кафедры всеобщей истории, диссертационного совета БелГУ.19.04, все его ученики желают ему новых научных успехов, дальнейшего развития его научной школы, сохранения преемственности и традиций.

Список литературы

- Болгов Н.Н. 1998–2000. Античные письменные источники [в 3 ч.]. Белгород, БелГУ, 98+130+64.
Болгов Н.Н. 1996. Закат античного Боспора. Белгород, БелГУ, 180.
Болгов Н.Н. 2000. История древнего мира на экране. Белгород, БелГУ, 30.
Болгов Н.Н. 2002а. Культурный континуитет в Северном Причерноморье IV–VI вв. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 150.
Болгов Н.Н. 2020. От гетеры до игуменьи. Женщина в Ранней Византии: мир чувств и жизнь тела. М., Ломоносов, 208.
Болгов Н.Н. 2009. Поздняя античность: история и культура. Белгород, БелГУ, 88.
Болгов Н.Н. 2002б. Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. Белгород, БелГУ, 120.
Болгов Н.Н. 2021. Северное Причерноморье от античности к средневековью (2-я пол. III – 1-я пол. VII вв.). Белгород, НИУ «БелГУ», 516.
Болгов Н.Н. 2002в. Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Белгород, БелГУ, 206.
Болгов Н.Н. 2018. Художественная литература по истории древнего мира. Белгород, НИУ «БелГУ», 500.
Болгов Н.Н., Болгова А.М., Денисова И.В. 2023. Древний и византийский Кипр. Белгород, Эпицентр, 268 с.
Болгов Н.Н., Красникова Е.А. 2010. Позднебоспорские портреты. Белгород, БелГУ, 48.
Болгов Н.Н., Прокопенко С.Н., Рябцева М.Л. 2009. Боспор Киммерийский в древности и средневековье. Курс лекций. Белгород, БелГУ, 92.
Болгов Н.Н., Сбитнева Ю.Н., Будаева Н.С. 2009. История одежды и костюма в Византии. Белгород, БелГУ, 92.

¹ Публикации за 1990–2009 гг. см. в: [Прокопенко, Рябцева, 2010; за 2009–2014: Литовченко, 2015, с. 11–17].

- Денисова И.В., Руднева М.А., Болгов Н.Н. 2024. Ранневизантийские интеллектуалы в зеркале современной зарубежной историографии. Белгород, Эпицентр, 104.
- Зосим. 2010. Новая история. Белгород, БелГУ, 342.
- Зосим Комит. 2024. История новых времен. М., Дмитрий Сечин, 568.
- Иваницкая Я.Ю., Болгов Н.Н. 2011. Античные памятники Константинополя. Белгород, БелГУ, 84.
- Кобзева А.В., Болгов Н.Н. 2022. Иоанн Малала и изменение исторического сознания в Ранней Византии. Белгород, Эпицентр, 464.
- Литовченко Е.В. (сост.). 2015. Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. IV. Белгород, Эпицентр: 11–17.
- Марцеллин Комит. 2010. Хроника. Белгород, БелГУ, 230.
- Молев Е.А. 2013. Иллюстрированная хроника Китейской экспедиции. Нижний Новгород, ННГУ, 66.
- Прокопенко С.Н., Рябцева М.Л. (сост.). 2010. Н.Н. Болгов. Библиографический указатель. Белгород, БелГУ, 48.
- Профессор Евгений Александрович Молев. 2017. К 70-летию со дня рождения. Автобиография. Нижний Новгород, 98.
- Синица М.М., Болгов Н.Н. 2022. Иоанн Лид и интерес к древности в Ранней Византии. Белгород, Эпицентр, 512.
- Хорикий. 2022. Риторические сочинения. Белгород, Эпицентр, 344.
- Хьюджес Й. 2018. Аэций: возмездие Аттилы; пер. Н.Н. Болгова. М., Клио, 328.
- Шелудченко Ю.В., Болгов Н.Н., Руднева М.А. 2024. Ранневизантийские города в зеркале современной зарубежной историографии. Белгород, Эпицентр, 104.

References

- Bolgov N.N. 1996. Zakat antichnogo Bospora [The Decline of the Ancient Bosphorus]. Belgorod, BelGU, 180.
- Bolgov N.N. 1998–2000. Antichnye pis'mennye istochniki [Ancient Written Sources] [v 3 ch.]. Belgorod, BelGU, 98+130+64.
- Bolgov N.N. 2000. Istoriya drevnego mira na ekrane [Ancient World History in Cinema]. Belgorod, BelGU, 30.
- Bolgov N.N. 2002a. Kul'turnyj kontinuitet v Severnom Prichernomor'e IV–VI vv. [Cultural Continuity in the Northern Black Sea Region in the 4th–6th Centuries]. Nizhnij Novgorod, NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 150.
- Bolgov N.N. 2002b. Problemy istorii, istoriografii, paleogeografii Severnogo Prichernomor'ya IV–VI vv. [Problems of History, Historiography, Paleogeography of the Northern Black Sea Region in the 4th–6th Centuries]. Belgorod, BelGU, 120.
- Bolgov N.N. 2002v. Severnoe Prichernomor'e pozdneantichnogo vremeni: problemy istorii i arheologii [The Northern Black Sea Region of the Late Antique Period: Problems of History and Archeology]. Belgorod, BelGU, 206.
- Bolgov N.N. 2009. Pozdnyaya antichnost': istoriya i kul'tura [Late Antiquity: History and Culture]. Belgorod, BelGU, 90.
- Bolgov N.N. 2018. Hudozhestvennaya literatura po istorii drevnego mira [Fiction on the History of the Ancient World]. Belgorod, NIU «BelGU», 500.
- Bolgov N.N. 2020. Ot getery do igumen'i. ZHenshchina v Rannej Vizantii: mir chuvstv i zhizn' tela [From Hetaera to Abbess. Woman in Early Byzantium: the World of Feelings and the Life of the Body]. М., Lomonosov, 208.
- Bolgov N.N. 2021. Severnoe Prichernomor'e ot antichnosti k srednevekov'yu (2-ya pol. III – 1-ya pol. VII vv.) [Northern Black Sea Region from Antiquity to the Middle Ages (2nd Half of the 3rd – 1st Half of the 7th Centuries)]. Belgorod, NIU «BelGU», 516.
- Bolgov N.N., Bolgova A.M., Denisova I.V. 2023. Drevnij i vizantijskij Kipr [Ancient and Byzantine Cyprus]. Belgorod, Epicentr, 268 s.
- Bolgov N.N., Krasnikova E.A. 2010. Pozdnebosporские портреты [Late Bosporan Portraits]. Belgorod, BelGU, 48.
- Bolgov N.N., Prokopenko S.N., Ryabceva M.L. 2009. Bospor Kimmerijskij v drevnosti i srednevekov'e. Kurs lekcij [Cimmerian Bosphorus in Antiquity and the Middle Ages. Lecture Course.]. Belgorod, BelGU, 92.
- Bolgov N.N., Sbitneva Yu.N., Budaeva N.S. 2009. Istoriya odezhdy i kostyuma v Vizantii [History of Clothing and Costume in Byzantium]. Belgorod, BelGU, 92.

- Denisova I.V., Rudneva M.A., Bolgov N.N. 2024. Rannevizantijskie intellektualy v zerkale sovremennoj zarubezhnoj istoriografii [Early Byzantine Intellectuals in the Mirror of Modern Foreign Historiography]. Belgorod, Epicentr, 104.
- Zosim. 2010. Novaya istoriya [New History]. Belgorod, BelGU, 342.
- Zosim Komit. 2024. Istoriya novyh vremen [History of Modern Times]. M., Dmitrij Sechin, 568.
- Ivanickaya Ya.Yu., Bolgov N.N. 2011. Antichnye pamyatniki Konstantinopolya [Ancient Monuments of Constantinople]. Belgorod, BelGU, 84.
- Kobzeva A.V., Bolgov N.N. 2022. Ioann Malala i izmenenie istoricheskogo soznaniya v Rannej Vizantii [John Malalas and the Change of Historical Consciousness in Early Byzantium]. Belgorod, Epicentr, 464.
- Litovchenko E.V. (sost.). 2015. Iresiona. Antichnyj mir i ego nasledie. Vyp. IV [Iresion. The Ancient World and its Heritage. Vol. IV]. Belgorod, Epicentr: 11–17.
- Marcellin Komit. 2010. Hronika [Chronicle]. Belgorod, BelGU, 230.
- Molev E.A. 2013. Illyustrirovannaya hronika Kitejskoj ekspedicii [Illustrated Chronicle of the Kitaeen Expedition]. Nizhnij Novgorod, NNGU, 66.
- Prokopenko S.N., Ryabceva M.L. (sost.). 2010. N.N. Bolgov. Biobibliograficheskij ukazatel' [N.N. Bolgov. Biobibliographical Index]. Belgorod, BelGU, 48.
- Professor Evgenij Aleksandrovich Molev. 2017. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya. Avtobiografiya [Professor Evgeny Aleksandrovich Molev. On the 70th Anniversary of his Birth. Autobiography]. Nizhnij Novgorod, 98.
- Sinica M.M., Bolgov N.N. 2022. Ioann Lid i interes k drevnosti v Rannej Vizantii [John Lydus and the Interest in Antiquity in Early Byzantium]. Belgorod, Epicentr, 512.
- Chorikij. 2022. Ritoricheskie sochineniya [Rhetorical Writings]. Belgorod, Epicentr, 344.
- Hudgies J. 2018. Aecij: vozmezdje Attily [Aetius: Attila's Revenge]; per. N.N. Bolgov. M., Klio, 328.
- Sheludchenko Yu.V., Bolgov N.N., Rudneva M.A. 2024. Rannevizantijskie goroda v zerkale sovremennoj zarubezhnoj istoriografii [Early Byzantine Cities in the Mirror of Modern Foreign Historiography]. Belgorod, Epicentr, 104.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.11.2024

Received 19.11.2024

Поступила после рецензирования 20.02.2025

Revised 20.02.2025

Принята к публикации 22.02.2025

Accepted 22.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Ирина Викторовна, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-6612-4191](https://orcid.org/0000-0002-6612-4191)

Irina V. Denisova, Doctor of Sciences in History, Associate Professor of the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Кобзева Антонина Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0003-9341-4869](https://orcid.org/0009-0003-9341-4869)

Antonina V. Kobzeva, Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer of the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94 (3)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-13-21

Оригинальное исследование

Фракийские кробизы – от Одесса до Одессы

Анисимов К.А.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300041, г. Тула, проспект Ленина, 125;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

[E-mail: anisimov.cos@yandex.ru](mailto:anisimov.cos@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена интерпретации известий о кробизах Псевдо-Скимна, Страбона и Плиния Старшего, размещающих эту фракийскую народность в различных регионах Северо-Западного Причерноморья. Эти сведения позволяют проследить миграцию кробизов из Фракии в Северное Причерноморье. В данной работе предпринята попытка определить время и причины этого переселения. Выполнение этой цели требует обращения к более широкому кругу источников, в том числе к трудам античных писателей VI–V вв. до н. э. Автор предполагает, что можно говорить о двух этапах переселения кробизов – из Южной Добруджи в Северную и из Северной Добруджи в район Тилигульского лимана. Первое переселение было вызвано, по всей видимости, вторжениями бастарнов и савроматов во II – начале I вв. до н. э., а второе – походом Марка Лициния Красса в 29–28 гг. до н. э.

Ключевые слова: Фракия, фракийцы, кробизы, геты, Одесс, Плиний Старший, Добруджа

Для цитирования: Анисимов К.А. 2025. Фракийские кробизы – от Одесса до Одессы. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 13–21. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-13-21

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Thracian Crobizi – from Odessos to Odessa

Konstantin A. Anisimov

Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University,
125 Lenin Ave., Tula 300041, Russia;

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

[E-mail: anisimov.cos@yandex.ru](mailto:anisimov.cos@yandex.ru)

Abstract. The article is devoted to the interpretation of information about the Crobizi in the works by Pseudo-Skimnus, Strabo, and Pliny the Elder. According to the ancient scholars, this Thracian people lived in different regions of the Northwestern Black Sea region. This information allows us to trace their migration from Thrace to the Northern Black Sea coast. This paper attempts to determine the time and reasons for this migration. Fulfilment of this goal requires reference to a wider range of sources, including the works by ancient authors of 6th – 5th centuries BC. The author suggests that there were two stages of the Crobizi migration – first, from South Dobrudja to North Dobrudja, and then, from North Dobrudja to the area of the Tiligul estuary. The first migration was probably caused by the invasions of the Bastarnae and Savromatians from the 2nd century to the early 1st century BC, and the second one – by the campaign of Marcus Licinius Crassus in 29–28 BC.

Keywords: Thrace, Thracians, Crobizi, Getae, Odessos, Dobrudja, Pliny the Elder

For citation: Anisimov K.A. 2025. Thracian Crobizi – from Odessos to Odessa. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 13–21 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-13-21

© Анисимов К.А., 2025

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Фракийская история в целом относительно плохо отражена письменными источниками. Несколько лучше освещены приморские районы Фракии. С внутренними территориями ситуация более сложная. Ситуация осложняется еще и тем, что в разные периоды времени история отдельных регионов интересовала античных авторов не равномерно. Наши авторы часто пользовались информацией своих предшественников, что в еще большей степени затрудняет реконструкцию исторических процессов. Одним из многих сложных вопросов фракийской истории является проблема миграций фракийских племен, а также их локализация во времени и пространстве. В данном контексте особый интерес вызывает краткое известие римского писателя Плиния Старшего. Описывая побережье Северо-Западного Причерноморья, он пишет в «Естественной истории»: «За Истром же [находятся] города Кремниски, Эполий, горы Макрокремны, известная река Тира, давшая имя городу на том месте, где, как говорят, прежде была Офиуса; обширный остров на этой реке населяют тирагеты; он отстоит от Псевдостомы, [устья] Истра, на 130 миль. Далее аксиаки, названные по реке, за ними кробизы, река Рода, Саггарийский залив, гавань Ордес и в 120 милях от Тиры – река Борисфен и имеющие то же самое название озеро, племя и город, отстоящий от моря на 15 миль, в древности носивший имя Ольвиополь и Милетополь» (Plin. NH. IV. 82)². Интерес для нас в этом описании представляют кробизы.

Данное известие вызывает удивление, поскольку речь явно идет о фракийском племени, которые на протяжении многих веков упоминались в числе племен, населяющих Добруджу. В отношении этого известия существует два мнения. В комментариях к Плинию Старшему А.В. Подосинов и М.В. Скрижинская высказали предположение, что кробизы упомянуты Плинием по ошибке, так как он спутал северопричерноморский Ордес и западнопричерноморский Одесс [Подосинов, Скрижинская, 2011, с. 255, ком. 195]. Противоположного мнения придерживается В.П. Яйленко, который согласен с тем, что кробизы переселились из Фракии, принеся с собой топоним «Одесс» [Яйленко, 2018, с. 41–42]³. Нам предстоит разобраться в том, есть ли основания предполагать переселение крупного фракийского племени в Северное Причерноморье. Если же такие основания имеются, то выяснить обстоятельства этого события.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является история племен Северо-западного Причерноморья. Предмет исследования – миграции фракийского племени кробизов в III в. до н. э. – I в. н. э. Основу данного исследования составляют сведения письменных источников. Поскольку археологические раскопки в местах предполагаемого расселения кробизов в Северном Причерноморье не проводились, насколько нам удалось выяснить, привлечь археологический материал не представляется возможным. Все письменные источники, используемые нами, можно разделить на географические и собственно исторические. Поскольку, как было отмечено выше, античные авторы, освещающие какие-то аспекты истории интересующего нас региона Нижнего Подунавья и Северо-западного Причерноморья, часто воспроизводили сведения более раннего времени, важнейшей задачей становится определение происхождения тех или иных сведений, а также их правильная датировка. Нам представляется, что достичь этого возможно, используя сплошное перекрестное сравнение всех имеющихся источников. Исторические трактаты, описывая конкретные события политической истории, определяют

² Перевод: А.В. Подосинов, М.В. Скрижинская.

³ Этот топоним часто встречается в античной географической традиции: Cl. Ptol. III, 5, 29; Arr. Periopl. 31; Ps.-Arr. Periopl. 87.

контекст и задают относительно точные хронологические рамки. Географические труды фиксируют расселение племен в определенный период времени. Сравнительный анализ этих данных позволяет заполнить пробелы обеих групп источников и с относительной точностью восстановить этнические и политические процессы в данном регионе.

Результаты и их обсуждение

Сразу следует отметить, что, несмотря на различные мнения, все географические ориентиры, упоминаемые Плинием Старшим по соседству с кробизами, надежно локализируются в Северном Причерноморье, на пространстве между Одесским заливом и Тилигульским лиманом [Агбунов 1987, с. 126–127; Агбунов, 1992, с. 158–159; Зубарев, 2005, с. 79]. «Кробизы», как мы видим, вписаны в конкретный географический контекст, который не привязан собственно к Ордесу/Одессу. Поэтому мы позволим себе не согласиться с предложенной А.В. Подосиновым и М.В. Скрижинской трактовкой и рассматриваем данный источник как свидетельство миграции кробизов в Северное Причерноморье. Целью данной статьи как раз является определение возможного времени и обстоятельств этой миграции.

Описывая интересующий нас регион, Плиний Старший, судя по всему, пользовался данными, полученными во время понтийской экспедиции Агриппы (14 г. до н. э.), на которого он постоянно ссылается в этой части своего описания. Из этого следует, что кробизы уже в конце I в. до н. э. занимали часть побережья Северо-Западного Причерноморья, приблизительно между Хаджибейским и Тилигульским лиманами. Возникает вопрос: когда и при каких обстоятельствах кробизы, веками проживавшие к югу от Дуная, оказались к востоку от современной Одессы.

В связи с античным Одессом во Фракии (совр. Варна, Болгария) кробизы упоминаются в труде Псевдо-Скимна, который использовал трактат историка Деметрия Каллатийского (рубеж III–II вв. до н. э.). Согласно Деметрию/Псевдо-Скимну, кробизы проживали на побережье Черного моря от Гемских гор на юге, далее они контролировали окрестности Одесса (совр. Варна, Болгария), северные рубежи кробизов проходили в окрестностях Дионисополя (совр. Балчик, Болгария), где они граничили со скифами (Ps.-Sk. 745, 750, 756)⁴. Более ранние источники VI–V вв. до н. э. (Steph. Byz. s.v. Κρόβιζοι; Hdt. IV, 49) позволяют локализовать страну кробизов на плато Лудогорье, в бассейне рек Топчийска река или Царацар, Русенски Лом и Янтра⁵. Сочетание этих данных позволяет утверждать, что кробизы представляли собой значительное племенное объединение, контролирующее всю Южную Добруджу. На то, что около середины / второй половины III в. до н. э. кробизы переживали свой расцвет, указывает также фрагмент из труда историка Филарха, датируемый этим временем (Athen., 12, 536a). Филарх упоминает «царя кробизов» Исанфа, подчеркивая его красоту и богатство [Фол, 1975, с. 46–47].

На то, что ситуация меняется в конце III–II вв. до н. э., указывает следующее по времени упоминание кробизов. Страбон, описывая Добруджу, приводит свидетельство, указывающее на то, что кробизы были вытеснены севернее своих прежних мест проживания. Он помещает кробизов и неких троглодитов⁶ в окрестностях Каллатиса, Том и Истрии. Вероятно, к тому же источнику или более раннему восходят данные Клавдия Птолемея, который помещает троглодитов к югу от устья Дуная и о. Певки, а кробизов – на побережье Понта (Ptol., III, 10, 4). Ранее здесь помещали скифов, «Скифию»⁷.

⁴ О границах Малой Скифии в Добрудже: Андрух 1995: 96–106.

⁵ Т. Спиридонов придерживается мнения, что кробизов нужно помещать к западу от Янтры [Фол, Спиридонов 1983: 36–37, 97, 110, 113–115].

⁶ О троглодитах во Фракии: Христов, 2009; Dimitrova, 2016–2017, с. 42–54.

⁷ Любопытно, что Страбон как будто вовсе не называет гетов в числе обитателей Фракии. Для него это исключительно задунайские северные племена, хотя они периодически пересекали Дунай в древности и в недавнем для Страбона прошлом (Strabo. II. V, 12, 30; VII. III, 8, 13).

Положение дел в Нижнем Подунавье и Добрудже во 2-й пол. III–II вв. до н. э. остается почти не известным. Эпиграфические памятники из Истрии дают картину нестабильности, вызванной усилением местных фракийцев [Карышковский, 1971; Лазаренко, 2015, с. 196–204; Сапрыкин, 2018, с. 232–234]. Регион становится ареной вторжений и переселений различных племен. Страбон, следуя в том числе за Посидонием [Андрух, 1995, с. 22], отмечал частые переселения по обе стороны Истра гетов, трибаллов, скифов, бастарнов и савроматов (Strabo. VII. III, 13). Страбона дополняет Аппиан, сообщая о войнах скордисков и трибаллов, изгнании последних за Дунай, а также о переселении автариатов к устью Дуная (App. Hist. Rom. X. I, 4).

Скифами могут быть только основатели Скифского царства в Добрудже (Малой Скифии), созданного приблизительно в конце III в. до н. э.⁸ Бастарны включились в этот миграционный процесс лишь в 170-е гг. до н. э. Менее ясно с «савроматами». Судя по всему, основная масса сарматов появилась на Нижнем Дунае лишь к концу I в. до н. э.⁹ Но нельзя исключать, что какая-то группа этих кочевников могла прорваться сюда ранее, на что указывают сообщения Страбона и Плиния Старшего. Нестабильность, вызванная вторжениями из-за Дуная, приводила к передвижениям северофракийских племен (Strabo. VII. III, 13).

Попробуем определить время, к которому относится этот слой информации Страбона. Во-первых, среди жителей Добруджи в данном отрывке не упоминаются скифы. Во-вторых, южнее кробизов и троглодитов, вокруг Гемских гор, Страбон помещает кораллов, бессов, часть медов и денфелетов (Strabo. VII. V, 12). Меды и денфелеты примыкали к Гемским горам с юго-запада [Фол, Спиридонов, 1983, с. 38, 116; Делев, 2014, с. 228–237, 338–356]. Бессы занимали главным образом Родопские горы в верховьях Неста (Plin. NH. IV, 40), к востоку от медов. Но в период своего расцвета, во время Первой и Второй Митридатовых войн, они контролировали верхнее течение реки Марицы [Фол, 1975, с. 77–83; Делев, 2014, с. 167–185]¹⁰.

Наиболее загадочными в приведенном списке народов Страбона являются кораллы. Не ясны ни их происхождение, ни локализация. Впервые кораллы упоминаются в числе фракийских племен, напавших в 188 г. до н. э. на войско Гнея Манлия Вульсона (Liv. XXXVIII. 40, 4–15), но данное упоминание этого этнонима среди фракийских племен Юго-восточной Фракии вызывает сомнения, что подтверждается разнообразием его написания в разных списках труда Тита Ливия [Илиев, 2023, с. 150–155]. Кроме Страбона, кораллов рядом с племенами Нижнего Подунавья упоминают Аппиан и Овидий¹¹. Особенно интересно известие Аппиана. При описании событий 75 г. до н. э., он сообщает, что, когда Митридат VI перешел в Европу, «то присоединились к нему из савроматов так называемые царские, язуги, кораллы, а из фракийцев те племена, которые живут по Истру, по горам Родопе и Гему, а еще бастарны, самое сильное из них племя»¹² (App. Hist. Rom. XII, 69). Судя по контексту, кораллы относятся к савроматским племенам. Эти данные созвучны сведениям Страбона. Мы видим тут фактически один и тот же список племен. Очевидно, Страбон почерпнул эти сведения из Посидония. Таким образом, этот слой информации о кробизах относится, вероятнее всего, к эпохе Митридатовых войн¹³. Из этого следует, что кробизы (а также троглодиты) покинули Добруджу между 75 и 14 гг. до н. э.

⁸ Скифскому царству в Добрудже посвящена обширная литература. См. например: Андрух, 1995, 96 след.; Манов, 2015; Лазаренко, 2015, 168 след.; Драганов, 2020.

⁹ Археологические материалы, свидетельствующие о массовом переселении сарматов на запад от Днепра, датируются не ранее I в. н. э. [Симоненко, Лобай, 1991, с. 82; Полин, 2017].

¹⁰ На север они начинают уходить лишь в конце I в. до н. э. В Добрудже их фиксирует Овидий (Книга III. X).

¹¹ Письма с Понта. IV. II; IV. VIII: в первом послании он отмечает, что кораллы были «желтогривыми» и их «вспоил Истр», из второго следует, что они жили по соседству с Томами, но не в его окрестностях.

¹² Перевод С.П. Кондратьева.

¹³ Если признать кораллов «савроматским» племенем, то решается также проблема с миграцией «савроматов» через Дунай, о которой речь шла выше. Сравнивая сведения Страбона и Аппиана, можно сделать вывод, что кораллам на карте Страбона остается место лишь к северо-востоку от Гемских гор, в Южной Добрудже. То есть можно предположить, что именно они потеснили кробизов на север.

Картина расселения племен Нижнего Подунавья, обозначенных в диатессе Плиния Старшего, существенно отличается от обрисованной выше. К востоку от мезов («мисийцев» Страбона) он помещает гетов, которые, по Страбону, живут исключительно к северу от Дуная. На месте кораллов, кробизов и троглодитов мы видим целый ряд племен, никогда и нигде более не упоминаемых: эдов (аодов), скаугдов (скавгдов), клариев, ниже их сарматов – арреатов, в Северной Добрудже – «скифов-пахарей» и, вдоль берега Понта, – морисенов и ситонов, «от которых произошел Орфей» (Plin. NH. IV, 41). «Ситоны» также упоминаются у Овидия, как поэтический синоним «фракийцев» (Ovid. Ex Ponto. IV. VII, 21). Возможно, Плиний подчеркнул «ситонов» именно у Овидия, либо это название получили фракийцы, живущие на хоре западнопонтийских полисов Добруджи. Сарматов – арреатов можно гипотетически связать с кораллами (если верно понимание их у Аппиана как «савроматского» племени), но прочие мелкие племена сложно напрямую увязать с кробизами и троглодитами, так как они упоминаются Плинием к северу от Дуная (Plin. NH. IV, 81)¹⁴.

Понять причины этих изменений могут помочь сведения другого римского автора – Кассия Диона. Последний оставил подробное описание этнополитической ситуации в Нижнем Подунавье в связи с действиями римского полководца Марка Лициния Красса, разгромившего племена бастарнов, мезов и гетов в 29–28 гг. до н. э. (Cas. Dio. LI. 23, 2–26, 6). Бастарны являлись пришельцами из-за Дуная. Мезы локализованы там же, где их помещают Страбон и Плиний. Далее, согласно Кассию Диону, следуют три царства, которые возглавляли соответственно цари Рол, Дапиг и Зиракс (Цирак). Рол и Дапиг названы царями гетских племен (Cas. Dio. LI. 24, 6; LI. 26, 1). Рол сразу же заключил союз с римлянами, а в последствии пользовался их помощью и покровительством. После разгрома Крассом Дапига и Зиракса, он получил их владения в свое управление [Тодорова и др., 2011, с. 240–241].

Царство Рола было явно ближе к мезам и позициям Красса в этой войне, поскольку он пришел на помощь к Крассу. Зиракс правил наиболее удаленными землями, примыкавшими к Истру на севере Добруджи. Ряд деталей помогают уточнить границы этого объединения: в крепости Зиракса хранились римские знамена, захваченные после разгрома Марка Антония Гибриды коалицией племен, возглавляемых бастарнами, под стенами Истрии. Высказывалось мнение, что один из трех так называемых «тряновых валов» в Добрудже мог служить на самом деле оборонительным рубежом «царства Зиракса»¹⁵. Имя этого правителя наверняка связано с рекой Зирас, которая протекала рядом с Дионисополем (совр. Балчик).

Владения Дапига были расположены где-то между владениями Рола и Зиракса. С одной стороны, Кассий Дион сообщает, что Рол поссорился с Дапигом, следовательно, их владения имели общую границу, а с другой – к крепости Зиракса римляне пришли лишь под конец компании. После победы над Дапигом Красс принял за подчинение неких «местных жителей», укрывшихся «в огромном числе» вместе со скотом в пещере Кейрис (Cas. Dio. LI. 26, 3). За этим последовало подчинение «других гетов, хотя никто из них не пришел на помощь Дапигу» (Cas. Dio. LI. 26, 4), пока не «подошел к Генукле, самой укрепленной крепости во владениях Зиракса»¹⁶ (Cas. Dio. LI. 26, 5). Из этих слов следует, что речь уже не о подданных Дапига, а о группах гетов во владениях Зиракса. Нам кажется важным, что Кассий Дион не называет его царем гетов. Размещение его крепости на берегу Истра, недалеко от полиса Истрии, а также то, что в крепости хранились знамена, захваченные бастарнами после победы над Антонием Гибридой в 61 г. до н. э. [Златковская, 1951, с. 26], позволяют отождествить владения Зиракса с певкинами – бастарнами,

¹⁴ Плиний Старший помещает троглодитов не рядом с кробизами, а западнее, среди племен, живущих к северу от Дуная.

¹⁵ Речь идет о так называемом «малом земляном вале», который протянулся от Черनावоды до Констанцы. Он отличается от прочих валов тем, что ориентирован на юг: северная сторона покатая, а южная носит оборонительный характер, укреплена крутым склоном и рвом [Златковская, 1951, 28–29].

¹⁶ Перевод А.В. Махлаюка.

осевшими близ устья Дуная, на острове Певка¹⁷. Они были известны и Страбону (Strabo. VII. III, 15; III, 17), и Клавдию Птолемию (Ptol., III, 10, 4). Они размещали певкинов у устья Дуная, к северу от кробизов и троглодитов. Исходя из данных Птолема и Страбона, можно предположить, что кробизы в общем соответствуют «гетам Дапига» и «местным жителям». Троглодиты («живущие в пещерах»), соответствуют «гетам», прятаясь в огромной пещере от войска Красса, но из описания Кассия Диона не совсем понятно, были они подвластны Дапигу или Зираксу.

Насколько оправданно отождествление «гетов» Кассия Диона с кробизами и троглодитами? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны вновь обратиться к более древним авторам. Отчасти в письменных источниках, отчасти в историографии весь регион Добруджи ассоциируется с фракийской народностью гетов. Самым тесным образом с ними связана история кробизов.

Геты появляются на страницах «Истории» Геродота в связи с походом персидского царя Дария I на скифов в 513 или 512 гг. до н. э. (Hdt. IV, 93). Они прославляются «Отцом истории» как единственные из фракийцев, осмелившиеся вступить в борьбу с завоевателями, при этом не упоминаются ни кробизы, ни тризы, через земли которых должно было идти персидское войско. Далее Геродот, рассказывая о культе бога Замолксиса и о вере в бессмертие, связывает эти религиозные представления исключительно с гетами (Hdt. IV, 94–97; V, 3–4). Гелланик Лесбосский в одном из отрывков, приписываемых ему, рассказывает греческое предание о возникновении гетского культа Замолксиса очень близко к Геродоту¹⁸. Гелланик пишет: «И териды, и кробиды верят в бессмертие. Они говорят, что умершие уходят к Замолксису и что они вернуться. Они всегда верили, что эти вещи являются правдой. Приносят жертвы и празднуют, пируя, как будто умерший вернется назад» (Suidas et Elymol. M. Fr. 73). Сравнивая рассказы Геродота и Гелланика, создается впечатление, что в данном случае понятие «геты» включает в том числе кробизов и тризов, которые также были последователями Замолксиса¹⁹. Косвенно данный вывод подтверждается также тем, что кробизы и геты никогда не упоминаются рядом. Это умозаключение очень важно, поскольку объясняет, почему в письменных источниках мы чаще встречаем гетов, даже в тех случаях, когда ожидаем встретить кробизов. В том числе у Кассия Диона.

Заключение

Сравнивая диатессы Страбона, Птолема, Кассия Диона и Плиния Старшего, можно сделать несколько интересных выводов. Во-первых, мы не найдем в описании Страбона подходящее племя для «царства Рола», однако ему полностью соответствуют геты в диатессе Плиния. Во-вторых, у Плиния вместо «царств» Дапига и Зиракса мы видим семь мелких племен, тогда как в диатессе Страбона им полностью соответствуют кробизы и троглодиты. Плиний называет троглодитов, кробизов и певкинов к северу от Дуная²⁰. Таким образом, переселение кробизов и троглодитов за Дунай следует связывать с походом Марка Красса и созданием единого Гетского царства Рола. Люди Дапига и Зиракса могли не согласиться с этой новой политикой, что подвигло их к выселению за Дунай. В свою

¹⁷ Уже после того, как этот текст был написан, выяснилось, что к аналогичному выводу пришел болгарский исследователь П. Петков [Петков, 2011, с. 163].

¹⁸ Среди греков было распространено мнение о том, что Замолксис был человеком, бывшим рабом Пифагора.

¹⁹ Косвенно на обобщающий характер названия «геты» указывает также Фукидид. Рассказывая о сборах войска одрисского царя Ситалка, он выделяет в особую группу гетов и «остальные племена, живущие по сю сторону реки Истра ближе к Евксинскому понту», «гетов и другие тамошние племена». Их объединяли скифское вооружение и способ ведения войны (Thuc. II, 96, 1–2).

²⁰ Певкины названы соседями даков у Плиния (Plin. NH. IV, 100), в описании Европейской Сарматии у того же Клавдия Птолема (Ptol., III, 5, 19; III, 5, 21, III, 5, 24), аналогичным образом можно истолковать данные Тацита (Tac. Germ. 46).

очередь, их земли оказались заселены мелкими племенами неясного происхождения. Эды, скаугды, кларии, морисены, ситоны и «скифы-пахари» в равной степени могли быть пришельцами и осколками прежних объединений певкинов, кробизов и троглодитов.

Список литературы

- Агбунов М.В. 1987. Античная лоция Черного моря. Москва, Наука. 153 с.
- Агбунов М.В. 1992. Античная география Северного Причерноморья. Москва, Наука. 234 с.
- Андрух С.И. 1995. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н. э. (этно-политический аспект). Запорожье, Запорожский государственный университет. 205 с.
- Делев П. 2014. История на племената в Югозападна Тракия през I хил. пр. Хр. София, Университетско издателство «Св. Климент Охридски». 539 с.
- Драганов Д. 2020. Среброто на Сариак и крахът на Второто скитско царство в Добруджа. В: Божкова Б., Генчева Е. (ред.). In memoriam Ivani Venedikov. По случай 100 – годишнината от рождението му. Годишник на Националния археологически музей. Том XIV. София, НАИМ – БАН: 135–142.
- Златковская Т.Д. 1951. Мёзия в I–II веках нашей эры (К истории Нижнего Дуная в римское время). Москва, Издательство Академии наук СССР. 246 с.
- Зубарев В.Г. 2005. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. Москва, Языки Славянской Культуры. 502 с.
- Илиев Й. 2023. Тракия и траките в политиката на Рим и Македония по времето на Филипп V (221–179 г. пр. Хр.). Плевен, Izdavam.com. 232 с.
- Карышковский П.О. 1971. Истрия и ее соседи на рубеже III–II вв. до н. э. ВДИ 2: 35–55.
- Лазаренко И. 2015. Скитите в Тракия (VII в. пр. н. е. – I в. от н. е.). Часть I: писмени извори за скити в Тракия. Варна, Онгъл. 406 с.
- Манов М. 2015. Скифские цари в Добрудже. SCRIPTA ANTIQUA. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 4: 424–436.
- Петков П. 2011. Военно-политически отношения на тракийските владетели в европейския югоизток между 230/229 г. пр. Хр. – 45/46 г. сл. Хр. Велико Търново, Фабер. 348 с.
- Подосинов А.В., Скрижинская М.В. 2011. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарии. Москва, Индрик. 502 с.
- Полин С.В. 2017. Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы). Археология евразийских степей. 3: 224–243.
- Сапрыкин С.Ю. 2018. Древнее Причерноморье. Москва – Санкт-Петербург, Издательство РХГА. 742 с.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев, Наукова думка. 108 с.
- Тодорова Х., Йорданов К., Велков В., Торбатов С. 2011. История на Добруджа. Том I. Велико Търново, Фабер. 412 с.
- Фол А. 1975. Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София, Наука и Изкуство. 272 с.
- Фол А., Спиридонов Т. 1983. Историческа география на тракийските племена до III в. пр. н. е. В 2-х томах. Том I. София, Издательство Българската на Академия на Науките. 188 с.
- Христов И. 2009. Троглодитите. Непознатите траки и скалните паметници край морския бряг. Варна, Славена. 88 с.
- Яйленко В.П. 2018. Заметки по топонимике, этнонимии античного и средневекового Северного Причерноморья, Скифии – Сарматии. Боспорские исследования. 36, 37–86.
- Dimitrova St. 2016–2017. Troglodytes in Thrace. 1. Source and Location. Orpheus 23–24, 39–57.
- Matei-Popescu F. 2018. The Thracian Strategiae in Scythia Minor. В: Ботева-Боянова Д., Делев П., Цветкова Ю. (съст. и ред.). Общество, царе, богове. Сборник в памет на проф. Маргарита Тачева. София, Университетско издателство «Св. Климент Охридски»: 107–118.

References

- Agbunov M.V. 1987. Antichnaya lociya Chernogo morya [Ancient Black Sea Sailing Directions]. Moscow, Nauka. 153 p.

- Agbunov M.V. 1992. Antichnaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya [Ancient Geography of the Northern Black Sea Region]. Moscow, Nauka. 234 p.
- Andrukh S.I. 1995. Nizhnedunajskaya Skifiya v VI – nachale I v. do n. e'. (e'tno-politicheskiy aspekt) [Lower Danube Scythia in the VI – early I century B.C. (Ethno-Political Aspect)]. Zaporozh'e, Zaporozhskij gosudarstvenny'j universitet. 205 p.
- Delev P. 2014. Istoriya na plemenata v Yugozapadna Trakiya prez I hil. pr. Hr. [A History of the Tribes of South-Western Thrace in the First Millennium BC.]. Sofiy, Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Oxridski». 539 p. (in Bulgarian).
- Draganov D. 2020. Srebroto na Sariak i krah't na Vtoroto skitsko carstvo v Dobrudzha [The Silver of Sariakos and the Collapse of the Second Scythian Kingdom in Dobrudzha]. In: Bozhkova B., Gencheva E. (red.). In memoriam Ivani Venedikov. Po sluchaj 100-godishnina ot rozhdenieto mu. Godishnik na Nacionalniya arxeologicheski muzej [On the Occasion of the 100th Anniversary of his Birth. Yearbook of the National Archaeological Museum]. Tom XIV. Sofiya, NAIM – BAN: 135–142 (in Bulgarian).
- Zlatkovskaya T.D. 1951. Myoziya v I–II vekax nashej e'ry' (K istorii Nizhnego Dunaya v rimskoe vreme) [Moesia in the I–II centuries AD (Toward a History of the Lower Danube in Roman Times)]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 246 p.
- Zubarev V.G. 2005. Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya po danny'm antichnoj pis'mennoj tradicii [Historical Geography of the Northern Black Sea Coast According to the Data of the Ancient Written Tradition]. Moscow, Yazy'ki Slavjanskoj Kul'tury'. 502 p.
- Iliev J. 2023. Trakiya i trakite v politikata na Rim i Makedoniya po vremeto na Filipp V (221–179 g. pr. Xr.) [Thrace and the Thracians in the Policy of Rome and Macedonia in the Time of Philip V (221–179 B.C.)]. Pleven, Izdavam.com. 232 p. (in Bulgarian).
- Kary'shkovskij P.O. 1971. Istriya i ee sosedi na rubezhe III–II vv. do n.e. [Histria and its Neighbours at the Border of the 3rd – 2nd Centuries BC.]. In: *VDI (Ancient History Bulletin)*. 2: 35–55.
- Lazarenko I. 2015. Skitite v Trakiya (VII v. pr. n. e. – I v. ot n. e.). Chast' I: pismeni izvori za skiti v Trakiya [The Scythians in Thrace (7th Century BC – 1st Century AD). Part I. Written Sources for Scythians in Thrace]. Varna, Ong'l. 406 p. (in Bulgarian).
- Manov M. 2015. Skifskie cari v Dobrudzhe [Scythian Kings in Dobrudzha] In: *SCRIPTA ANTIQUA. Voprosy' drevnej istorii, filologii, iskusstva i material'noj kul'tury' (Questions of ancient history, philology, art and material culture)*. 4: 424–436.
- Petkov P. 2011. Voenno-politicheski otnoshenia na trakiyskite vladeteli v evropeyskia yugoiztok mezhdru 230/229 g. pr. Hr. – 45/46 g. sl. Hr. [Military and Political Relations of the Thracian Rulers in the European Southeast between 230/229 BC – 45/46 BC]. Veliko Tarnovo, Faber. 348 p. (in Bulgarian).
- Podosinov A.V., Skrizhinskaya M.V. 2011. Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponij Mela i Plinij Starshij. Teksty', perevod, kommentarii [Roman Geographical Sources: Pomponius Mela and Pliny the Elder. Texts, Translation, Commentary]. Moscow, Indrik. 502 p.
- Polin S.V. 2017. Sarmatskoe zavoevanie Severnogo Prichernomor'ya (sovremennoe sostoyanie problemy) [Sarmatian Conquest of the Northern Black Sea Coast (Current State of the Problem)]. In: *Arxeologiya evrazijskix stepej [Archaeology of the Eurasian Steppes]*. 3: 224–243.
- Sapry'kin S.Yu. 2018. Drevnee Prichernomor'e (Ancient Black Sea Region). Moscow – Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo RHGA. 742 p.
- Simonenko A.V., Lobaj B.I. 1991. Sarmaty' Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n. e'. Pogrebeniya znati u s. Porogi) [Sarmatians of the North-West Black Sea Region in the 1st Century A.D. (Burials of Nobles Near the Village of Porogi)]. Kiev, Naukova dumka. 108 p.
- Todorova X., Jordanov K., Velkov V., Torbatov S. 2011. Istoriya na Dobrudzha [History of Dobrudzha]. Tom I. Veliko T'rnovo, Faber. 412 p. (in Bulgarian).
- Fol A. 1975. Trakiya i Balkanite prez rannoelinisticheskata epoxa [Thrace and the Balkans in the Early Hellenistic Age]. Sofiya, Nauka i Izkustvo. 272 p. (in Bulgarian).
- Fol A., Spiridonov T. 1983. Istoricheska geografiya na trakiyskite plemena do III v. pr. n. e. [Historical Geography of the Thracian Tribes up to the III Century BC.]. V 2-x tomax. Tom I. Sofiya, Izdatel'stvo B'lgarskata na Akademiya na Naukite. 188 p. (in Bulgarian).
- Xristov I. 2009. Trogloditite. Nepoznatite traki i skalnite pametnici kraj morskiya bryag [Troglodytes. The Unknown Thracians and the Rock Monuments Near the Seashore]. Varna, Slavena. 88 p. (in Bulgarian).

- Yajlenko V.P. 2018. Zametki po toponimike, etnonimii antichnogo i srednevekovogo Severnogo Prichernomor'ya, Skifii – Sarmatii [Notes on Toponymy, Ethnonymy of the Ancient and Medieval Northern Black Sea Coast, Scythia-Sarmatia] In: *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)*. 36: 37–86.
- Dimitrova St. 2016–2017. Troglodytes in Thrace. 1. Source and Location. In: *Orpheus* 23–24, 39–57 (in English).
- Matei-Popescu F. 2018. The Thracian Strategiae in Scythia Minor. In: Boteva-Boyanova D., Delev P., Czvetkova Yu. (s`st. i red.). *Obshhestvo, czare, bogove. Sbornik v pamet na prof. Margarita Tacheva [Society, Kings, Gods. A Collection in Memory of Prof. Margarita Tacheva]*. Sofiya, Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Oхridski»: 107–118 (in English).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.12.2024

Received 29.12.2024

Поступила после рецензирования 12.02.2025

Revised 12.02.2025

Принята к публикации 14.02.2025

Accepted 14.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анисимов Константин Александрович, преподаватель кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия; аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Konstantin A. Anisimov, Lecturer, Department of History and Archaeology, L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia; Postgraduate Student, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0001-4139-9965](https://orcid.org/0009-0001-4139-9965)

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-22-32

Оригинальное исследование

Amicitia Caesaris et populi Romani в Боспорском царстве: вопросы историографии

Растегаева М.Н.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
E-mail: marija.rastegaeva1698@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обзору историографии вопроса о римской внешнеполитической «дружбе» в Боспорском царстве. Несмотря на множество исследований, обращенных к проблеме римского присутствия в регионе, тема *amicitia Caesaris et populi Romani* в публикациях рассматривалась *ad hoc*, применительно лишь к некоторым правителям Боспорского царства или же вовсе неоправданно опускалась. Проявлением политики римской *amicitia* являются эпитеты *φιλόκαισαρ* и *φιλωρῳμαίος*, которые используются в титулатуре боспорских династов вплоть до IV в. н. э. Детальное изучение царских титулов – методически необходимый подход при разработке вопроса о развитии и характере царской власти на Боспоре. Представленный обзор историографии показывает, что в исследовательской литературе на сегодняшний день сложилось два основных подхода к решению проблемы. Первый связывает получение титулов *φιλόκαισαρ* и *φιλωρῳμαίος* боспорскими правителями с существованием определенной юридически оформленной процедуры. Второй, напротив, принципиально отвергает подобный формализм и трактует титулы *φιλόκαισαρ* и *φιλωρῳμαίος* как проявление общей направленности политики того или иного династа. В заключение автор статьи приходит к тому, что, учитывая весь корпус доступных нам источников, окончательные ответы на ряд существующих по этой проблеме вопросов может дать лишь серьезное всестороннее изучение боспорских *φιλωρῳμαίои* и *φιλοκαίσαρες*, которое, к сожалению, в отечественной науке об античности пока отсутствует.

Ключевые слова: Рим, Северное Причерноморье, Боспорское царство, историография, эпиграфика, *amicitia Caesaris et populi Romani*

Для цитирования: Растегаева М.Н. 2025. *Amicitia Caesaris et populi Romani* в Боспорском царстве: вопросы историографии. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 22–32. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-22-32

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Amicitia Caesaris et populi Romani in the Bosporan Kingdom: Issues of Historiography

Maria N. Rastegaeva

N.G. Chernyshevsky Saratov State University,
83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia
E-mail: marija.rastegaeva1698@gmail.com

Abstract. The article is focused on the historiography of the Roman foreign policy of “friendship” in the Bosporan Kingdom. Despite numerous studies devoted to the problem of the Roman presence in the region, the topic of *amicitia Caesaris et populi Romani* in publications has so far been studied *ad hoc*, applicable only to some rulers of the Bosporan Kingdom, or completely unjustifiably omitted. A manifestation of the Roman

amicitia policy may be found in the epithets φιλόκαισαρ and φιλορώμαιος, which were used in the titulature of the Bosporan dynasts up until the 4th century AD. A detailed study of royal titles is a methodologically necessary approach in analyzing the development and nature of royal power in the Bosphorus. The presented review of the historiography shows that in contemporary research literature there are two main approaches to the problem. The first one associates the acquisition of the titles φιλόκαισαρ and φιλορώμαιος by the Bosporan rulers with the existence of a certain legally formalized procedure. The second one, on the contrary, fundamentally rejects such formalism and interprets the titles φιλόκαισαρ and φιλορώμαιος as a demonstration of the general direction of the policy of one or another ruler. The historiography review allows a conclusion that, taking into account the entire state of available sources, it is only comprehensive research on the Bosporan φιλορώμαιοι and φιλοκαίσαρες, that may provide definitive answers to a number of existing questions on this problem. Unfortunately, such research has not yet been implemented in the Russian classical studies.

Keywords: Rome, Northern Black Sea region, Bosporan Kingdom, historiography, epigraphy, *amicitia Caesaris et populi Romani*

For citation: Rastegaeva M.N. 2025. *Amicitia Caesaris et populi Romani* in the Bosporan Kingdom: Issues of Historiography. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 22–32 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-22-32

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

С I в. до н. э. отношения римских «уз дружбы» распространяются на территорию Северного Причерноморья, в особенности на Боспорское царство, титулатура правителей которого часто содержит термины φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος, перевод которых, как кажется, следует представить как «дружески настроенный по отношению к императору и Риму». Взаимоотношения Боспора и Рима не раз рассматривались исследователями XX–XXI вв. и решались они главным образом в политическом плане – был ли Боспор вассалом Рима и сумели ли римские императоры обратить его в свою провинцию. Однако во всем многообразии работ по римской тематике в Северном Причерноморье обнаружить специальные исследования, посвященные вопросам римской *amicitia*, достаточно сложно; как правило, эта проблема рассматривается вскользь или вовсе опускается, ограничиваясь лишь ссылками на работы зарубежных исследователей. Между тем необоснованно упускаются из виду региональные особенности, а также специфика этого политического института. Проблема отношений *amicitia populi Romani* не раз рассматривалась как в общих работах по римской истории, так и в специальных исследованиях. Однако целью данной статьи не является рассмотрение всей историографии, обращенной к проблемам римской внешнеполитической дружбы на территории всего средиземноморского мира; с обстоятельным обзором весьма обширного списка литературы по этому поводу можно ознакомиться в статье Х. Хайнена и А. Чошкун, опубликованной сначала на немецком, а позже на русском языках [Хайнен, Чошкун, 2005, с. 280–303; Coskun, Heinen, 2004, p. 45–75].

Объект и методы исследования

Объектом исследования является все поле предметного обращения отечественных и зарубежных исследователей к вопросу об *amicitia populi Romani* в Боспорском царстве. В целом все работы по этой теме можно разделить на две группы. В основе этого субъективного деления лежит вопрос о том, как тот или иной исследователь решает для себя задачу о юридической стороне вопроса. Большинство авторов склонны полагать, что дарование титулов φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος боспорским правителям было связано с существованием некой формальной процедуры, юридически оформленного акта, будь то мирный договор, заключенный между двумя государствами, или же официальное утверждение Римом на боспорском престоле царей. Вторая группа исследователей,

напротив, считает, что, учитывая весь корпус доступных нам источников, говорить о какой-бы то ни было четкой и закреплённой юридически процедуре мы не можем, а потому титулы *φιλορῶμαιος* и *φιλόκαισαρ* в боспорской эпиграфике свидетельствуют скорее об общей направленности политики того или иного династа. Иными словами, главный вопрос, который существует в литературе и по сей день, звучит примерно так – другом римлян и императора можно было стать по собственной воле или только в случаях, когда сами римляне удостоивали кого-то подобного звания?

Основным методологическим принципом исследования стал принцип историзма, который позволяет рассматривать всякое явление в его развитии и конкретной исторической обусловленности. В данном случае такой подход позволил определить значение и место изучаемой проблемы в общем процессе развития отечественных и зарубежных исследований, обращённых к вопросам политической истории Боспорского царства. Вторым ведущим методом в работе был принцип объективности, который представляет собой универсальную основу исторического познания и позволяет сохранить объективный подход к изложению и оценке исторических событий и явлений, воспринимать их как объективно существовавшую историческую реальность. Кроме того, немаловажное значение имели системный и комплексный подходы. Проблемно-хронологический подход в сочетании с историко-биографическим и историко-генетическим методами позволили не просто выявить динамику развития проблемы в отечественной и зарубежной науке, но и оценить вклад отдельных исследователей в генезис и дальнейшее изучение конкретных вопросов об *amicitia populi Romani* в Боспорском царстве. Данные методы использовались с помощью таких приемов научного мышления, как наблюдение, анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия.

Результаты и их обсуждение

Начнем с первой, наиболее многочисленной группы работ, в которых авторы, как правило, рассматривают титулы *φιλόκαισαρ* и *φιλορῶμαιος* как некоторые оформленные юридически статусы правителей Боспорского царства. В.В. Латышев, крупнейший отечественный эпиграфист, касается вопроса о «римской дружбе» в сборнике статей «ПОНТИКА». Излагая историю Боспора I в. до н. э., он обращается к фигуре Аспурга, отмечая, что, достигнув власти силою оружия, правитель был утверждён на царстве одним из римских императоров, поскольку в надписи IOSPE I² 36 (КБН 40) он назван *φιλόκαισαρ* *καί* *φιλορῶμαιος* [Латышев, 1909, с. 104]²¹. Похожие выводы автор делает относительно правления Котиса I, Тиберия Юлия Рескупорида и Тиберия Юлия Савромата, в титулатуре которых также встречаются эпитеты *φιλόκαισαρ* и *φιλορῶμαιος*, свидетельствующие, по мнению автора, о том, что боспорские цари утверждались на царство римскими императорами и сохраняли верность последним [Латышев, 1909, с. 107, 112, 113].

М.И. Ростовцев ни в одной из своих работ не считал возможным назвать Боспор римской провинцией, хотя его отношения к Риму называл вассальными. В частности, эта мысль прослеживается в статьях, посвящённых правлению боспорской царицы Динамии [Ростовцев, 1916, с. 1–24; Rostovtzeff, 1919, p. 88–109]. Обращаясь к так называемому второму периоду правления Динамии, он отмечает, что в это время Боспор становится «настоящим вассалом Рима», поскольку боспорская царица воздвигает памятники своим римским владыкам и благодетелям, где в посвяtitельных надписях она обозначается как *φιλορῶμαιος* [Ростовцев, 1918, с. 106–107]. М.И. Ростовцев рассматривает этот титул как выражение покорности и благодарности Динамии римскому императору Августу, который после смерти Полемона признал ее права на боспорский престол. Однако с этого момента

²¹ В.В. Латышев переводит эти термины как «друг Кесарей» и «друг римлян» (IOSPE I² 25, IOSPE I² 36 и др.), при этом в IOSPE I² 354 и 356, в которых упоминается боспорская царица Динамия, автор считает уместным перевод «римлянолюбивая».

на монетах перестает появляться изображение Динамии, а также ее полный титул; остается лишь скромная монограмма. Посвятительная надпись из Фанагории (IOSPE I² 356 = КБН 979), по мнению М.И. Ростовцева, также свидетельствует о том, что царица управляла Боспором от имени Августа – в ней «спасительница» Динамия упоминается как *φιλόρῳμαλος*, т. е. как римский вассал [Ростовцев, 1916, с. 18]. Как считает М.И. Ростовцев, дальнейшая вассальная зависимость от Рима на Боспоре сочетается с неограниченным абсолютизмом по отношению к подданным и выражается, прежде всего, в римском имени царя – Тиберий Юлий, которое, вероятно, уже Аспург получил вместе с римским гражданством, а также в эпитетах, которые становятся частью царской титулатуры – *φιλόκαισαρ* и *φιλόρῳμαλος* [Ростовцев, 1918, с. 121]²².

После М.И. Ростовцева тема о римской внешнеполитической «дружбе» вновь была затронута в статье Д.П. Каллистова. Автор отмечает, что в период правления императора Августа термины *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαλος* в применении к боспорским царям еще не утратили своего живого и конкретного содержания и были еще далеки от превращения в «казенный трафарет позднейшей эпохи» [Каллистов, 1940, с. 67]. Анализируя политику Аспурга, Д.П. Каллистов отмечает, что надписи, сочетающие имя боспорского царя с эпитетами *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαλος*, монеты с портретами римских императоров и связь римской и боспорской чеканки заставляют прийти к выводу о возникновении между Римом и Боспором нового типа взаимоотношений, отразившихся на финансовом суверенитете боспорского государства. При полном молчании наших источников о каких-либо акциях римского правительства на Боспоре возможно только одно предположение, а именно, что между Аспургом и Римом было заключено мирное соглашение договорного характера [Каллистов, 1940, с. 74].

Весьма существенное влияние на дальнейшую историографическую традицию о римской внешнеполитической дружбе в Северном Причерноморье оказала небольшая по объему статья Б. Наделя о посвяtitельной надписи Тиберия Юлия Реметалка (IOSPE I² 33 = КБН 47) [Надель, 1948, с. 212–214]. Вслед за Р. Мюнстербергом [Munsterberg, 1915, 317 ff.] он рассматривает эпитеты *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαλος* как греческую кальку латинского титула *amicus Caesaris populiq(ue) Romani*, поскольку в латинской надписи IOSPE I² 40 Савромат I назван *amicus Imp(eratoris) populiq(ue) R(omani) praestantissimus* [Надель, 1948, с. 212]. Бегло рассматривая боспорскую эпиграфику в попытке наполнить титулы *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαλος* конкретным содержанием, Б. Надель обращается к сведениям нарративных источников. В тексте Плутарха, где речь идет о просьбе Махара признать его другом и союзником римского народа, можно встретить фразу “*δεόμενος* (т. е. *Μαχάρης*) *Ρωμαίων ἀναγραφῆναι φίλος και σύμμαχος*” (Plut. Luc. 24.1). Автор статьи обращает внимание на глагол *ἀναγράφω*, предлагая формализованный вариант перевода – «вписывать». О том, куда Махар мог быть вписан, Б. Надель заключает на основании *senatus consultum de Asclepiade* (CIL I.203; IG XIV.951): *uti (consules) eos in amecorum formulam referundos curarent*. Исходя лишь из этого, Б. Надель считает возможным рассматривать титулы боспорских царей *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαλος* как свидетельства заключения договора о дружбе с Римом [Надель, 1948, с. 212]. Далее автор статьи переходит к рассмотрению надписи IOSPE I² 33 и делает ряд неоднозначных выводов, основанных по существу только на интерпретации ее текста. С позиций Б. Наделя, реконструкция внешнеполитической «дружбы» Рима и Боспорского царства может выглядеть следующим образом. Во-первых, как уже было отмечено выше, эпитеты *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαλος*, которые боспорские цари использовали в своей титулатуре, присваивались правителям только после заключения договора о дружбе (*amicitia*) с Римом, который не был наследственным, а обновлялся при вступлении на престол каждым новым царем, т. е. боспорские монархи должны были обновлять договор своего

²² В данном случае М.И. Ростовцев полагает, что эпитеты уместно перевести как «любящий Цезаря» и «любящий Рим», что сходно по смыслу с переводами В.В. Латышева в IOSPE I² 354 и 356. А.Б. Ашик переводит *φιλόκαισαρ* και *φιλόρῳμαλος* как «преданный императору и римлянам» [Ашик, 1848, с. 80].

предшественника, по существу заключая новый договор о дружбе [Надель, 1948, с. 213]. Вторых, титулы давались только после признания царя законным монахом, как это было в случаях с Фарнаком (Dio. Cass. XXXVII.14.2) и Птолемеем XI (Dio. Cass. XXXIX.12) [Надель, 1948, с. 214]. Наконец, такая внешнеполитическая дружба, подкрепленная соответствующим договором, по мнению Б. Наделя, предоставляла правителям Боспора более обширную свободу действий, что выражалось, к примеру, в возможности самостоятельно заключать союзы, как это было в ситуации с Тиберием Юлием Реметалком и *συμμαχία* с Херсонесом (IOSPE I² 423) [Надель, 1948, с. 214].

Столь же формальный подход к содержанию титулов *φίλοκαισαρ* и *φίλωρῳμαῖος* был представлен в статье А.И. Болтуновой [Болтунова, 1954, с. 168–176]. Автор дает весьма безапелляционную и четкую характеристику – титулы давались римским сенатом иноземным правителям вместе с консульскими инсигниями после их официального утверждения на престоле²³. Соответственно, присвоение боспорским династам этих почетных эпитетов покоилось на определенных юридических основаниях и должно было означать принятие их во всадническое сословие, хотя на самом деле они получали лишь чисто внешние почести (*τετραί*). Реконструкция этой формальной процедуры раскрывается А.И. Болтуновой на примере Фарнака, который первым из боспорских правителей получил наименование «друга и союзника» римлян (App. Mithr. 113), однако не успел включить этот эпитет в свою официальную титулатуру, о чем говорят нам сохранившиеся надписи. Причина такого положения дел, по мнению А.И. Болтуновой, должна заключаться в том, что для внесения этого звания в официальную титулатуру нужно было, чтобы сенат утвердил акт Помпея и предоставил Фарнаку соответствующие инсигнии. В случае с Асандром схожее предприятие завершилось более успешно – он был утвержден на престоле Августом (вероятно, после формального решения сената – *М.Р.*) и первым из правителей Боспора включил в свою титулатуру эпитет *φίλωρῳμαῖος* (IOSPE I² 25 = КБН 30) [Болтунова, 1954, с. 173].

Весьма спорные наблюдения можно обнаружить в статье Т.В. Блаватской [Блаватская, 1965, с. 197–209]. В связи с титулом *φίλωρῳμαῖος* Т.В. Блаватская обозначает, что он являлся как бы первой ступенью в отношениях Рима с другим государством или лицом, а дальнейшие «более тесные» отношения определялись термином *socius populi Romani*. *Amici populi Romani* устанавливались специальным договором [Neumann, 1894, Sp. 1832], а имя «друга римлян» заносили в специальные списки – *amicorum formula*. Автор статьи утверждает, что титул *φίλωρῳμαῖος* был дан Аспургу после заключения договора между Римом и Боспором, который предусматривал их союз в форме *amicitia*. Т.В. Блаватская полагает, что подготовка подобного договора могла вестись путем официальной переписки, а его подписание стоит связывать с вероятной поездкой Аспурга к римскому императору Тиберию [Блаватская, 1965, с. 206]. Очевидно, что содержание этого договора не отражено в источниках (впрочем, как и вообще его существование – *М.Р.*), однако «вне зависимости от конкретного содержания этот акт, несомненно, предусматривал определенную степень подчинения Боспора могучей средиземноморской империи» [Блаватская, 1965, с. 207]. Дарование Аспургу титула *φίλοκαισαρ* (IOSPE I² 36) связано, по мнению Т.В. Блаватской, с тем, что спустя некоторое время Аспург «еще более упрочил» связи с римским императором. Правда, рассуждения автора не позволяют судить о том, насколько прочными должны были стать связи между правителями Рима и Боспора, чтобы *φίλωρῳμαῖος* мог стать *φίλοκαισαρ*.

Несколько статей К. Навотки посвящены взаимоотношениям Рима с населением Северного Причерноморья. Исследователь пришел к заключению, что боспорские цари вынуждены были занимать компромиссную позицию, опасаясь излишнего выражения своего суверенитета и в то же время не обнаруживая явного сервиллизма [Nawotka, 1989, p. 326–338;

²³ Со ссылкой на фразу из текста Страбона о том, что боспорских правителей «назначали римляне» (“*Ρωμαῖοι καταστήσωσιν*”. Strabo VII. 4.7).

Nawotka, 1991–1992, p. 21–48]. Присутствие эпитетов *φιλορῶμαιος* и *φιλόκαισαρ* в титулатуре К. Навотка связывает с официальным утверждением правителей на престоле римскими властями и подписанием договора в форме *amicitia*. Так, первая боспорская надпись, напрямую связанная с Римом, была посвящена царем Асандром *φιλορῶμαιος* (КБН 30). Но мы знаем и другую его надпись, которая не содержит этого определения (КБН 913), из чего делается вывод, что титул не употреблялся Асандром постоянно, поскольку в течение первых трех лет своего правления Асандр как не суверенный и не признанный римлянами монарх именовал себя *ἄρχων*. Он не принимал титул *βασιλεύς* (по крайней мере, в своих надписях) до того, как был назначен Марком Антонием монархом, после чего был подписан договор *amicitia* между Боспором и Римом [Nawotka, 1989, p. 328]. Примерно такая же последовательность действий сопровождала правление Аспурга – он был официально утвержден на престоле Римом, после чего подписал договор *amicitia* с императором Тиберием в 14 г. н. э. и принял от него титул *φιλορῶμαιος* в 15 г. н. э. К. Навотка обозначает и еще один занятный момент – последующая эпиграфика, в которой к титулатуре Аспурга прибавляется *φιλόκαισαρ*, свидетельствует о том, что правители подписали дополнительный договор о дружбе, т. е. всякий раз принятие новых титулов боспорскими царями должно было подкрепляться юридическим актом [Nawotka, 1989, p. 329]. При этом остается не вполне понятным, каким образом новый статус и титулатура оговаривались в конкретных договорах об *amicitia* с Римом и нужны ли были такие комментарии вообще. Рассмотрев внутривосточную пропаганду боспорских царей от Асандра до Дуптуна, К. Навотка заключает, что царские титулы, появившиеся в надписях, с одной стороны, должны были доказать Риму лояльность боспорских монархов, а с другой – говорить собственным подданным о суверенном правлении [Nawotka, 1989, p. 333, 338].

Ряд весьма неоднозначных наблюдений относительно использования *φιλόκαισαρ* и *φιλορῶμαιος* в титулатуре боспорских царей можно найти в работах С.Ю. Сапрыкина. Так, рассматривая золотой боспорский статер с изображением Динамии, он отмечает, что царица именовала себя *φιλορῶμαιος* в посвящениях императору Августу и его супруге Ливии в благодарность за римское содействие в устройстве дел государственных. К жесту благодарности за этот поступок прибавляется также переименование Пантикапея и Фанагории соответственно в Кесарию и Агриппию [Сапрыкин, 1990, с. 211–212]. В более кристаллизованном виде эти рассуждения предстают в монографии автора – правители Боспора получали титул *φιλορῶμαιος* после признания Римом законности их власти и заключения договора об *amicitia* [Сапрыкин, 2002, с. 24, 224, 246 и др.]. Титул *φιλόκαισαρ* представлял собой, если можно так выразиться, вторую ступень в развитии отношений между двумя государствами. Так, римляне посчитали возможным признать за Аспургом этот титул, а также права римского гражданства, полноту привилегий вассального монарха, инсигнии в виде курульного кресла и скипетра с портретом императора не сразу, а только после того, как боспорский царь доказал, «что может считаться верным вассалом Рима». А уже затем император Тиберий «тотчас заверил дело о признании Аспурга союзником и другом римского народа с введением его в сенаторское звание» [Сапрыкин, 2002, с. 225]. В этой связи обращают на себя внимания рассуждения автора монографии о правлении Динамии, которая стала царицей Боспора уже во время принципата Августа и, вероятно, была им признана таковой, поэтому следовало бы ожидать использование в ее титулатуре и *φιλόκαισαρ* как знак преданности императору. Однако в эпиграфике, относящейся к Динамии, мы находим лишь *φιλορῶμαιος*. Объясняет сложившееся положение вещей С.Ю. Сапрыкин следующим образом – эпитет *φιλορῶμαιος* появляется у Динамии как у жены царя Асандра, «друга римлян». Август, в свою очередь, не мог утвердить царицу как «друга цезаря», сохранив за ней только лишь прежний эпитет «не в последнюю очередь по политическим соображениям», – несмотря на официальную позицию поддержки Боспора и его правительницы, римский император «в глубине души не доверял внучке Митридата Евпатора и дочери Фарнака» [Сапрыкин, 2002, с. 106–107].

Вторая группа исследований, где процедура получения титулов боспорскими правителями представлена менее формальным образом, включает в себя гораздо меньшее

число работ. Н.А. Машкин останавливается на IOSPE I² 356 (КБН 979), где Динамия упоминается как *φιλορῶμαιος*, а вместе с тем дочь великого Фарнака и внука царя царей Митридата Евпатора. Необычность, по мнению автора, здесь заключается в следующем – такие выражения, как «правитель моря и земли», употреблялись только в неофициальных надписях, связанных с культом Августа и носивших «литургический» характер [Машкин, 1949, с. 533]. Из этого следует вывод Н.А. Машкина – Динамия признавала *auctoritas* Августа, но «не считала себя вполне подчиненной ему» [Машкин, 1949, с. 533]. На деле это означало, что источником власти Динамии признавалось не пожалование императора, а легитимный принцип – происхождение от Фарнака и Митридата, при этом Август признавал ее другом римского народа. В подобном духе истолковано автором и посвящение Ливии (IOSPE IV 420 = КНБ 978), где супруга императора восхваляется как «благодетельница». Этот момент указывает не на то, что Ливия принимала участие в боспорских делах, а скорее свидетельствует о личной связи Динамии с домом Августа [Машкин, 1949, с. 533]. Таким образом, *φιλόκαισαρ* и *φιλορῶμαιος* в титулатуре боспорских династов были, вероятно, неформальными проявлениями лояльности царей, которые находились в зависимости от Рима, однако обладали весьма обширной свободой в решении внутренних вопросов [Машкин, 1949, с. 534].

Проблеме взаимоотношений Северного Причерноморья и Рима была посвящена работа Е.С. Голубцовой [Голубцова, 1951]. Признавая зависимость Боспора от Рима в ранний период, она отрицает возможность вассальных отношений Боспора к Риму, как предположил М.И. Ростовцев, считая, что в то время оправдала себя политика не Цезаря (т. е. установление вассалитета), а Антония (т. е. политика дружбы и союза). В этом же духе трактуются ею и царские эпитеты *φιλόκαισαρ* καὶ *φιλορῶμαιος*, которые были официальными и общепринятыми боспорскими титулами, при этом отнюдь не обозначали вассальных к Риму отношений и не всегда подразумевали, хотя и не исключали их [Голубцова, 1951, с. 99, 103–104]. Не характеризуют они конкретно и политические взаимоотношения двух государств – в данном случае Рима и Боспора; эпитеты не имели определенного значения, не давали никаких прав их обладателю, но и не связывали его никакими обязательствами [Голубцова, 1951, с. 103].

Взаимоотношения боспорских правителей с Римом входили и в круг весьма разнообразных интересов Д. Браунда. По его мнению, присутствие в титулатуре боспорских династов эпитетов *φιλορῶμαιος* и *φιλόκαισαρ* с начала I в. до н. э. было связано с их неформальным желанием почтить римских покровителей, что, однако, не отменяло местных династических традиций – в эпиграфике благодарности императором сочетаются с упоминанием происхождения царственной особы от Митридата VI Евпатора [Braund, 1984, p. 105–106]. Исходя из содержания КБН 46, *φιλορῶμαιος* следует рассматривать как перевод латинского *amicus populi Romani*, который мог быть как формальным титулом, присвоенным Римом, так и простым выражением дружественного отношения к римским императорам [Braund, 1984, p. 106]. На Боспоре *φιλορῶμαιος* впервые появляется при Асандре; при Аспурге к нему добавляется *φιλόκαισαρ*, после чего оба эпитета становятся стандартной частью царской титулатуры и используются вплоть до III в. н. э. Д. Браунд рассматривает их как часть пропаганды боспорских правителей, всячески стремившихся подчеркнуть свое дружественное отношение к Риму. Автор категорически отвергает некогда популярное утверждение о том, что *φιλορῶμαιος* указывало на сенаторское, а *φιλόκαισαρ* – на всадническое сословия римской политической структуры [Lemosse, 1967, p. 67], и выводит весьма существенное положение – использование указанных эпитетов в титулатуре зависимых от Рима правителей не подчинялось единым правилам, а было ситуативным в зависимости от правителя и от царства [Braund, 1984, p. 107].

Б. Функ вновь обращается к исследованию юридической стороны вопроса о *φιλορῶμαιος* καὶ *φιλόκαισαρ* и приходит к тому, что в основу обоих терминов положено римское представление об *amicitia* как одной из первых, ранних ступеней сложной и многослойной системы дипломатических и федеративных отношений [Функ, 1992, с. 76–77; ср. Neuss, 1933; Kaser, 1967]. Эта система предполагала в первую очередь установление дружеских связей без каких-либо далеко идущих претензий. Риму был обеспечен нейтралитет Боспора во всех

вопросах, затрагивающих интересы империи в регионах. Взамен этого Боспору была предоставлена свобода действий в вопросах сугубо местного значения [Функ, 1992, с. 76]. Из этого он выводит и первоначальное значение терминов *φιλορῶμαιος* и *φιλόκαισαρ* – «дружески настроен по отношению к Риму/цезарю». При этом он не считает, что латинский вариант *amicus imperatoris populique Romani* полностью отражает значение греческих слов. Латинский образец представляет собой твердо установившуюся часть официальной титулатуры, а греческий вариант оформлен описательным образом и применяется не всегда последовательно. Отмечены Б. Функом и различия в самом содержании понятий – «греческое *φιλορῶμαιος* или же *φιλόκαισαρ* с одинаковым правом могли быть восприняты и как «друзья» по собственной воле и как те, кто удостоен римлянами быть «друзьями» последних» [Функ, 1992, с. 77–78]. Б. Функ абсолютно справедливо предлагает не переоценивать появление титулов *φιλορῶμαιος* и *φιλόκαισαρ* в титулатуре боспорских царей в смысле юридически оформленного акта, который представлял бы собой итог дипломатических отношений [Функ, 1992, с. 82].

Схожие с Б. Функом рассуждения можно найти в докторской диссертации А.Р. Панова. Рассматривая правление боспорского царя Асандра, автор отмечает, что в ряде случаев титул *φιλορῶμαιος* «просто выражал дружеское отношение его владельца к Риму и не соответствовал официальному званию друга и союзника римлян. Однако в большинстве случаев так именовали себя правители, включенные официально в число друзей римлян» [Панов, 2009, с. 360]. Исходя из различий греческих и латинских терминов, автор диссертации отмечает также, что в римском утверждении нуждался статус монарха вообще, а на принятие правителем дополнительных титулов и эпитетов обязательная санкция Рима не была нужна [Панов, 2009, с. 357]. При этом титулатура боспорских царей весьма успешно сочетала в себе как местные, так и римские элементы – правители именовали себя великими царями и великими царями царей, однако никто не сомневался, что их звание друзей римлян отражало зависимость от Рима [Панов, 2009, с. 360].

Последнее положение нашло отклик и среди широкого круга проблем, к которым обращался в своих исследованиях Х. Хайнен. Несмотря на то, что цари Боспора, судя по эпиграфическому материалу, охотно подчеркивали самостоятельность своей династии, они не менее охотно перечисляли и свои верноподданнические по отношению к Риму титулы – таким образом, «дружба» с Римом и «национальная» традиция выступали не как противоположности друг другу, а как двойная, взаимодополняющая конструкция [Heinen, 2006a, S. 31; Heinen, 2006c, S. 266–282; Heinen, 2006b, S. 343–358; Heinen, 2008, S. 189–208]. *Φιλορῶμαιοι* и *φιλοκαίσαρες*, с одной стороны, придерживались традиций эллинистических монархий, управляя государством, включавшим как греческие города, так и покоренные варварские народы, а с другой – все больше демонстрировали свои связи с римским народом и императором, подчеркивая это краткими и емкими эпитетами в своей титулатуре [Heinen, 2008, S. 189].

К сожалению, многие из начинаний Х. Хайнена так и не были завершены в связи с его уходом в 2013 г. Однако на базе Трирского университета им и рядом его коллег был создан проект «*Amici Populi Romani*», успешно функционирующий и сегодня. Проект посвящен изучению «дружеских» внешнеполитических отношений Рима с государствами Средиземноморского региона, включая и Северное Причерноморье, в первую очередь Боспорское царство [Хайнен, Чошкун, 2005, с. 280–303; Coskun, Heinen, 2004, p. 45–75]. Огромное значение как для этого проекта, так и для исследования темы о «римской дружбе» вообще имеет созданная просопографическая база данных APR²⁴, а также уже сложившаяся традиция проведения международных конференций²⁵ и семинаров²⁶.

²⁴ Интернет-портал «*Amici Populi Romani*». Genealogical Tables of the Graeco-Roman World. – URL: <https://www.altaycoskun.com/apr> (дата обращения: 24.11.2024).

²⁵ Там же. – URL: <https://www.altaycoskun.com/conferences-1> (дата обращения: 24.11.2024).

²⁶ Там же. – URL: <https://www.altaycoskun.com/apr-workshop-1> (дата обращения: 24.11.2024).

Заключение

Вероятно, обозначенные выше вехи историографии сами по себе говорят о достаточно обширной истории изучения вопроса *amicitia populi Romani* в Северном Причерноморье, прежде всего, на Боспоре. Однако и на сегодняшний день у исследователей не сложилось определенной позиции о «римской дружбе» на Боспоре, в частности относительно эпитетов *φιλόκαισαρ* и *φιλωρῶμαιος* в титулатуре боспорских династов. Можем ли мы говорить о конкретной юридической оформленной процедуре, которая предшествовала принятию этих титулов? Или это была лишь инициатива боспорской стороны? Насколько *φιλόκαισαρ* и *φιλωρῶμαιος* соответствовали сухому и официальному латинскому *amicus imperatoris populique Romani*, которое находим в КБН 46? Пожалуй, ответы на эти и ряд вытекающих из них вопросов может дать лишь серьезное всестороннее изучение боспорских *φιλωρῶμαιοι* и *φιλοκαίσαρες*, а не рассуждения авторов *ad hoc* в духе «данное предположение доказывает». Действительно, продолжающий активную работу Трирский проект затрагивает и боспорскую проблематику, и пришедший на смену Х. Хайнену А. Чошкун весьма часто публикует соответствующие обстоятельные исследования²⁷. Однако, к сожалению, аналогичные по тематике и масштабу отечественные работы на сегодняшний день отсутствуют, несмотря на то, что они могли бы внести серьезные дополнения по вопросу о развитии и характере царской власти на Боспоре, а также в целом о римском влиянии в Северном Причерноморье.

Список литературы

- Ашик А.Б. 1848. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. 1. Одесса, типография Т. Неймана и К. 494 с.
- Блаватская Т.В. 1965. Рескрипты царя Аспурга. *Советская археология*, 2: 197–209.
- Болтунова А.И. 1954. К надписи IOSPE, II, 400. *Вестник древней истории*, 1: 168–176.
- Голубцова Е.С. 1951. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. Москва, изд-во Академии Наук СССР. 136 с.
- Каллистов Д.П. 1940. Политика Августа в Северном Причерноморье. *Вестник древней истории*, 2: 65–77.
- Латышев В.В. 1909. ПОНТИКА. Санкт-Петербург, типография Императорской Академии Наук. 430 с.
- Машкин Н.А. 1949. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. Москва; Ленинград, изд-во Академии Наук СССР. 686 с.
- Надель Б. 1948. Боспорская надпись IOSPE, II, 33. *Вестник древней истории*, 3: 212–214.
- Панов А.Р. 2009. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней республики – ранней империи (II в. до н. э. – начало II в. н. э.). Дисс. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород. 634 с.
- Ростовцев М.И. 1916. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. *Древности, XXV*. Москва, Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон: 1–24.
- Ростовцев М.И. 1918. Эллинство и иранство на Юге России. Петроград, Огни. 190 с.
- Сапрыкин С.Ю. 1990. Уникальный статер боспорской царицы Динамии. *Советская археология*, 3: 204–214.
- Сапрыкин С.Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. Москва, Наука. 271 с.
- Функ Б. 1992. Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей. *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург, Глаголь: 74–93.
- Хайнен Х., Чошкун А. 2005. *Amici populi Romani*. Презентация трирского проекта «Внешние друзья Рима». *Antiquitas aeterna I*. Казань, изд-во Отечество: 280–303.
- Braund D. 1984. *Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship*. London, Croom Helm; New York, St. Martin's Press. 226 p.
- Coskun A., Heinen H. 2004. *Amici populi Romani*. Das Trierer Projekt "Roms auswärtige Freunde" stellt sich vor. *Ancient Society* 34: 45–75.
- Heinen H. 2006a. *Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe*. Meinz; Stuttgart, Franz Steiner Verlag. 91 S.

²⁷ Основные публикации А. Чошкуна по вопросам изучения «римской дружбы» в Северном Причерноморье представлены на его сайте URL: <https://www.altaycoskun.com/publications-3> (дата обращения: 24.11.2024).

- Heinen H. 2006b. Die mithradatische Tradition der bosporanischen Könige – ein mißverständener Befund. *Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen. Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte*. Stuttgart, Steiner: 343–358.
- Heinen H. 2006c. Mithradates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne. Zur Interpretation von Bellum Alexandrinum 78. *Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen. Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte*. Stuttgart, Steiner: 266–282.
- Heinen H. 2008. Romfreunde und Kaiserpriester am Kimmerischen Bosporos. Zu neuen Inschriften aus Phanagoreia. *Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jh. v.Chr. – 1. Jh. n.Chr.)*. Frankfurt/M., Peter Lang Verlag: 189–208.
- Heuss A. 1933. Die volkerrechtlichen Grundlagen der römischen Aussenpolitik in republikanischer Zeit. *Klio*, 31. Leipzig, Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung. 119 S.
- Kaser M. 1967. Römische Rechtgeschichte. Göttingen, Vandenhoeck. 327 S.
- Lemosse M. 1967. Le régime des relations internationales dans le Haut – Empire romain. Paris, Librairie Sirey. 217 p.
- Munsterberg R. 1915. Verkannte Titel auf griechischen Munzen. *Jahreshefte des österreichischen archäologischen Instituts in Wien XVIII*: 307–324.
- Nawotka K. 1989. The Attitude Towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs. *Latomus* 48: 326–338.
- Nawotka K. 1991–1992. Asander of the Bosporus: his Coinage and Chronology. *American Journal of Numismatics* 3/4: 21–48.
- Neumann K. 1894. Amicus populi Romani. *Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft* 1. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag. Sp. 1832.
- Rostovtzeff M. 1919. Queen Dynamis of Bosporus. *Journal of Hellenic Studies* 39: 88–109.

References

- Ashik A.B. 1848. Bosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnyimi pamyatnikami, raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami [The Bosporan Kingdom with its Paleographic and Tombstone Monuments, Painted Vases, Plans, Maps and Views]. Part 1. Odessa, tipografiya T. Neymana i K. 494 p.
- Blavatskaya T.V. 1965. Reskripty tsarya Aspurga [Rescripts of Tsar Aspurg]. *Sovetskaya arkheologiya*, 2: 197–209.
- Boltunova A.I. 1954. K nadpisi IOSPE, II, 400 [To the Inscription IOSPE, II, 400]. *Vestnik drevney istorii*, 1: 168–176.
- Golubtsova E.S. 1951. Severnoe Prichernomor'e i Rim na rubezhe nashey ery [The Northern Black Sea Region and Rome at the Turn of Our Era]. Moscow, izd-vo Akademii Nauk SSSR. 136 p.
- Kallistov D.P. 1940. Politika Avgusta v Severnom Prichernomor'e [Augustus' Policy in the Northern Black Sea Region]. *Vestnik drevney istorii*, 2: 65–77.
- Latyshev V.V. 1909. PONTIKA [ΠΟΝΤΙΚΑ]. Sankt-Peterburg, tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. 430 p.
- Mashkin N.A. 1949. Printsipat Avgusta. Proiskhozhdenie i sotsial'naya sushchnost' [Principate of Augustus. Origin and Social Essence]. Moscow; Leningrad, izd-vo Akademii Nauk SSSR. 686 p.
- Nadel' B. 1948. Bosporskaya nadpis' IOSPE, II, 33 [Bosporan inscription IOSPE, II, 33]. *Vestnik drevney istorii*, 3: 212–214.
- Panov A.R. 2009. Vzaimootnosheniya Rima s gosudarstvami Severnogo Prichernomor'ya i Zakavkaz'ya v period pozdney respubliki – ranney imperii (II v. do n. e. – nachalo II v. n. e.) [Relations between Rome and the States of the Northern Black Sea Region and Transcaucasia during the Period of the Late Republic – Early Empire (2nd Century BC – Early 2nd Century AD)]. Diss. ... d-ra ist. nauk. N. Novgorod. 634 p.
- Rostovtsev M.I. 1916. Bronzovyy byust bosporskoy tsaritsy i istoriya Bospora v epokhu Avgusta [Bronze Bust of the Bosporan Queen and the History of the Bosporus in the Era of Augustus]. *Drevnosti*, XXV. Moscow, Tovarishchestvo skoropechatni A.A. Levenson: 1–24.
- Rostovtsev M.I. 1918. Ellinstvo i iranstvo na Yuge Rossii [Hellenism and Iranism in the South of Russia]. Petrograd, Ogni. 190 p.
- Saprykin S.Yu. 1990. Unikal'nyy stater bosporskoy tsaritsy Dinamii [Unique Stater of the Bosporan Queen Dynamis]. *Sovetskaya arkheologiya*, 3: 204–214.

- Saprykin S.Yu. 2002. Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epoch [The Bosporan Kingdom at the Turn of Two Eras]. Moscow, Nauka 271 p.
- Funk B. 1992. Prorimskaya oriyentatsiya v titulature bosporskikh tsarey [Pro-Roman Orientation in the Titulature of the Bosporan Kings]. *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya*. Sankt-Peterburg, Glagol": 74–93.
- Khaynen Kh., Choshkun A. 2005. Amici populi Romani. Prezentatsiya trirskogo proyekta "Vneshnie druz'ya Rima" [Amici populi Romani. Presentation of the Trier Project "External Friends of Rome"]. *Antiquitas aeterna I*. Kazan', izd-vo Otechestvo: 280–303.
- Braund D. 1984. Rome and the Friendly King. The Character of the Client Kingship. London, Croom Helm; New York, St. Martin's Press. 226 p.
- Coskun A., Heinen H. 2004. Amici populi Romani. Das Trierer Projekt "Roms auswärtige Freunde" stellt sich vor. *Ancient Society* 34: 45–75.
- Heinen H. 2006a. Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. Mainz; Stuttgart, Franz Steiner Verlag. 91 S.
- Heinen H. 2006b. Die mithradatische Tradition der bosporanischen Könige – ein mißverständener Befund. *Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen. Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte*. Stuttgart, Steiner: 343–358.
- Heinen H. 2006c. Mithradates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne. Zur Interpretation von Bellum Alexandrinum 78. *Vom hellenistischen Osten zum römischen Westen. Ausgewählte Schriften zur Alten Geschichte*. Stuttgart, Steiner: 266–282.
- Heinen H. 2008. Romfreunde und Kaiserpriester am Kimmerischen Bosporos. Zu neuen Inschriften aus Phanagoreia. *Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jh. v. Chr. – 1. Jh. n. Chr.)*. Frankfurt/M., Peter Lang Verlag: 189–208.
- Heuss A. 1933. Die volkerrechtlichen Grundlagen der römischen Aussenpolitik in republikanischer Zeit. *Klio*, 31. Leipzig, Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung. 119 S.
- Kaser M. 1967. Römische Rechtsgeschichte. Gottingen, Vandenhoeck. 327 S.
- Lemosse M. 1967. Le régime des relations internationales dans le Haut – Empire romain. Paris, Librairie Sirey. 217 p.
- Munsterberg R. 1915. Verkannte Titel auf griechischen Munzen. *Jahreshefte des österreichischen archäologischen Instituts in Wien XVIII*: 307–324.
- Nawotka K. 1989. The Attitude Towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs. *Latomus* 48: 326–338.
- Nawotka K. 1991–1992. Asander of the Bosphorus: his Coinage and Chronology. *American Journal of Numismatics* 3/4: 21–48.
- Neumann K. 1894. Amicus populi Romani. *Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft* 1. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag. Sp. 1832.
- Rostovtzeff M. 1919. Queen Dynamis of Bosphorus. *Journal of Hellenic Studies* 39: 88–109.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.11.2024

Received 26.11.2024

Поступила после рецензирования 10.02.2025

Revised 10.02.2025

Принята к публикации 12.02.2025

Accepted 12.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Растегаева Мария Николаевна, аспирант, кафедра истории древнего мира, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Mariya N. Rastegaeva, Postgraduate, Department of Ancient History, N.G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9744-637X](https://orcid.org/0000-0002-9744-637X)

УДК 94(3)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-33-39

Оригинальное исследование

Капитолия (Capitolias) – город античного Декаполиса

Жукова Н.В.

Белгородский государственный историко-краеведческий музей,

Россия, 308009, г. Белгород, ул. Попова, 9а;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: zzzzhmv@gmail.com

Аннотация. В работе предпринята попытка освещения истории и исторической топографии города Капитолия в Заиорданье (Декаполис) в контексте региональной истории Восточного Средиземноморья. Следов города в доримский период почти не обнаруживается, хотя есть древневосточная основа, как и у большинства иных городов региона. Вызывает вопросы место основания, что связано с причинами основания города – он расположен слишком близко к другим центрам, возникшим ранее. Но конкретная причина этого нам не известна. В результате деятельности путешественников XIX в. стало возможным приступить к археологическим раскопкам в XX столетии. Несмотря на наличие современной застройки, сильно осложняющей исследования, археологам удалось открыть линию оборонительных стен, контуры планировки улиц и некоторые общественные здания. В целом Капитолия занимала важное место в мозаике городов Декаполиса и нуждается в дальнейших исследованиях в сравнительно-историческом аспекте.

Ключевые слова: Декаполис, города, регион, Ранняя Византия, Рим, традиция

Для цитирования: Жукова Н.В. 2025. Капитолия (Capitolias) – город античного Декаполиса. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 33–39. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-33-39

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Capitolias – the City of the Ancient Decapolis

Nina V. Zhukova

Belgorod State Museum of History and Local Lore,

9a Popov St., Belgorod 308009, Russia;

Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: zzzzhmv@gmail.com

Abstract. The work attempts to highlight the history and historical topography of the city of Capitolias in Transjordan (Decapolis) in the context of the regional history of the Eastern Mediterranean. Almost no traces of the city in the pre-Roman period are found, although there is an ancient eastern basis, as is the case with most other cities in the region. The place of foundation raises questions, as it is located too close to other centers that arose earlier, and the reasons for the city foundation are unknown. The efforts of the 19th century travellers had paved the way for archaeological excavations that began in the 20th century. Despite the presence of modern buildings, greatly complicating research, archaeologists managed to discover the line of defensive walls, the contours of the street layout, and some public buildings. Overall, Capitolias occupied an important place in the mosaic of Decapolis cities and requires further research in a comparative-historical aspect.

Keywords: Decapolis, cities, region, Early Byzantium, Rome, tradition

For citation: Zhukova N.V. 2025. Capitolias – the City of the Ancient Decapolis. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 33–39 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-33-39

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В регионалистике римско-ранневизантийского Востока весьма своеобразное место занимает Декаполис – область, которая соответствует в основном Заиорданию (совр. Иордании). Не имея выхода к морю, этот регион ограничен с юга и востока пустыней. На севере граничит с южной Сирией (Келесирией), а на западе отделяется от Палестины рекой Иордан, причем эта граница близ Тивериадского озера несколько нарушается у Скифополя Палестинского, который традиционно включают в Декаполис.

Парадоксально, но факт: Декаполис не привлек внимания исследователей в отечественной историографии; есть лишь небольшое исключение [Жукова, 2021; Жукова, 2023].

Объект и методы исследования

Объектом исследования является историческое развитие города Капитолия в античный период в контексте его принадлежности к Декаполису. Списки городов, входивших в Декаполис, представлены античными авторами. Наиболее исчерпывающее описание представлено Плинием Старшим (I в.), которое включает следующие города: Дамаск, Филадельфию, Рафану, Скифополь, Гадару, Гиппос, Дион, Пеллу, Герасу и Канату.

Капитолия упоминается в работе II в. географа Клавдия Птолемея, где он перечисляет 18 городов Декаполиса и Келесирии, дополнив список Плиния городами из числа городов Южной Сирии, расположенных рядом с Дамаском. Несмотря на принадлежность городов Десятиградия к различным провинциям Римской империи, общие историко-географические характеристики способствовали их взаимодействию и формированию уникального микрорегиона.

В исследовании применяются общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение и систематизация, а также специальные исторические методы. Сравнительно-исторический метод позволил определить место Капитолии среди городов Заиордания и оценить её роль в социально-экономическом и культурном пространстве Десятиградия. Контент-анализ источников позволил реконструировать географическое положение Капитолии в регионе, описать её топографию и особенности городской планировки.

Результаты и их обсуждение

Греческие города этой области, основанные в период эллинизма, объединяются в одно понятие только географически. Появление собирательного термина Декаполис в контексте неких элементов политической или административной общности связано с освобождением Помпеем греческих городов к востоку от Иордана от власти Хасмонеев в 64–63 гг. до н. э. [Kennedy, 2007].

Плиний Старший в своей «Естественной истории» (V, 16) после описания географической природы региона Иудея утверждал, что Десятиградие было частью собственно Сирии, соседствующей с Галилеей, то есть это промежуток между Сирией и Галилеей.

Во II в. Клавдий Птолемей представил еще один список членов Десятиградия (V, 14, 22).

Дальнейшие упоминания датируются IV веком и позже: Евсевий упоминает регион в географическом смысле, говоря, что Десятиградие было расположено недалеко от Переи, вокруг Гиппоса, Пеллы и Гадары (Onomast. 362). У Епифания сказано, что Пелла была городом Десятиградия (Haereses, I, 30, 2). В своем географическом словаре Ἐθνικά Стефан Византийский (VI в.) утверждает, что Гераса была «городом Келе-Сирии, Десятиградия».

В общепризнанный список городов Декаполиса (рис. 1) входят Каната [Freyberger, 2000], Адраха, Дион, Рафана, Гиппос, Гадара, Капитолия, Абила [Wineland, 2001], Скифополь, Пелла, Гераса и Филадельфия. Эти города в реальности не должны были составлять однородную группу: их собственная история и городское развитие были очень

разными и своеобразными. По этим причинам возникла необходимость проанализировать каждый отдельный город и изучить его развитие [Donceel, 1983].

Рис. 1. Города Десятиградия [Cimadomo, 2017, p. 98]

Fig. 1. Cities of the Decapolis [Cimadomo, 2017, p. 98]

Если ведущими городами региона, имеющими хорошо выраженный археологический контекст, являются Гераса [Browning, 1982], Гадара [Maxwell, 1990; Weber, Hoffmann, 1991], Гиппос и Скифополь, то в число городов второго ряда (в том числе в силу сложного состояния памятника в наши дни) входит такой город, как Капитолия (рис. 2).

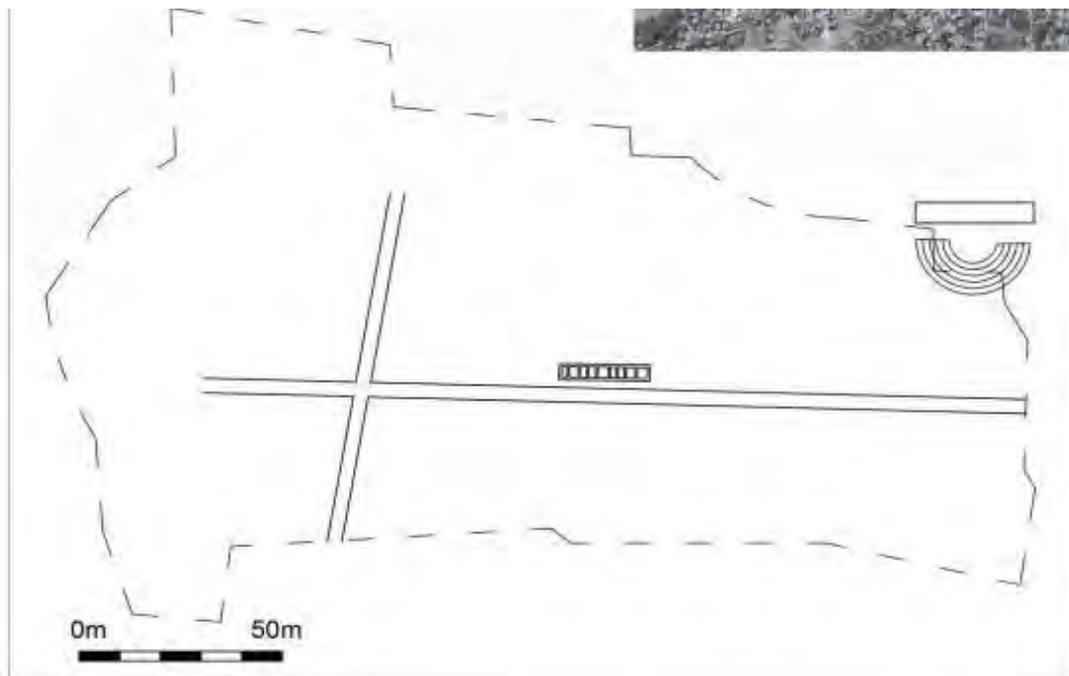

Рис. 2. План древней Капитолии [Lenzen, 2002, p. 41]

Fig. 2. Plan of the ancient Capitolias [Lenzen, 2002, p. 41]

Место древнего города Капитолия отождествляется с небольшой деревней Бейт-Рас, ныне расположенной на севере Иордании, в пяти километрах к северу от города Ирбид. Здесь римляне основали город Капитолию в I веке н. э. Город Рафану иногда отождествляли с Капитолией, хотя это отождествление, вероятно, неверно.

Местоположение города – на одном меридиане с Герасой (севернее ее) и к востоку от Гадары и Пеллы – делает Капитолию важным центром Десятиградия [Jones, 1937].

Предположительно город был основан на территории, ранее разделенной между городами Абила, Пелла и Дион.

Вполне вероятно, что в эллинистическую эпоху это место использовалось как сторожевая башня. Возможно, эллинистическое присутствие в этой местности связано с деятельностью Пердикки [Cohen, 2006].

Город был включен в список Клавдия Птолемея. Поскольку чеканка города началась в 97 или 98 г., отсутствие его в списке Плиния может указывать на обретение статуса города во времена Нервы или Траяна.

Из-за отсутствия письменных источников мы не можем объяснить, почему новый город был основан посреди и без того процветающего ландшафта. Возможно, это произошло по воле группы людей, получивших богатство и власть с приходом римлян, построить новый город. Другого объяснения основания нового города в непосредственной близости от существовавших городов Гадара и Абила и в 5 км от Арбелы (Ирбид) нет. Очевидно, что после основания Капитолии Арбела утратила свое прежнее влияние на этот район.

Первоначальное название этого места Бейт-Рас ясно указывает на его арамейское происхождение. Римляне, вероятно, называли это место Капитолией в честь Юпитера Капитолийского, но для коренных народов это всегда был Бейт-Рас [Lenzen, Knauf, 1987].

Город процветал во время римской власти и развивался на протяжении столетий благодаря своему значению как производителя вина и своему стратегическому положению.

На монетах, отчеканенных в городе во второй половине II в., была надпись ΚΑΠΙ(ΤΩΛΙΕΩΝ) ΑΛΕΞ(ΑΝΔΡΟΣ) ΜΑΚΕ(ΔΩΝ) ΓΕΝΑΡ(ΧΗΣ): очевидно стремление жителей Капитолии возвысить свое прошлое, утверждая, что Александр был их γενάρχης.

Греческая надпись, найденная на надгробии, датированная между 180 и 192 гг., дает латинские имена двух братьев: Юлий Антоний Валент и Марк Аррий Сабин, тогда как у их отца было семитское имя: Абдайос/Абдай.

Первым известным европейским путешественником нового времени был У. Зетцен, посетивший деревню Бейт-Рас в 1806 г. Он заметил древние останки, но не определил, что это за город. Самое раннее отождествление этого места с городом Капитолия было сделано К. ван де Вельде во время его путешествия в середине XIX в.

Гипотезу ван де Вельде подтвердил Селах Меррилл, зафиксировавший ряд архитектурных остатков общественных зданий и набатейских и греческих надписей; он также утверждал, что коренные жители помнили о наличии множества «написанных камней» на пути к Умм Кайсу.

Г. Шумахер в 1890 г. создал первое подробное описание этого места.

В 1930-е годы К.С. МакКаун исследовал территорию вокруг города, которую далее обследовал Нельсон Глюк, а затем Зигфрид Миттманн.

Археологический интерес сосредоточился на Бейт-Расе в 1983 г., когда начал работать проект «Ирбид». Дальнейшие археологические исследования были проведены в 1984 г. Ч. Ленцен [Lenzen, 1992]. Недавно Департамент древностей Иордании начал более масштабные раскопки, в ходе которых был обнаружен театр.

Археологический проект «Бейт-Рас (Капитолия)» осуществлялся в 2014–2016 гг. Департаментом древностей Иордании в сотрудничестве с Польским центром средиземноморской археологии и Институтом археологии Варшавского университета под руководством проф. Иоланты Млынарчик [Młynarczyk, 2018].

Раскопки охватили участок к западу от театра. Эллинистические остатки здесь, похоже, отсутствуют, поэтому сомнительно, существовало ли в это время городское

поселение [Freyberger, 1998]. На Расе – холме, доминирующем над всей территорией, была найдена керамика, датируемая 100 г. до н. э.

О городской застройке в I в. до н. э. – I в. ничего не известно: предполагалось, что на холме находилось святилище (найден алтарный камень).

Город имеет некоторые архитектурные особенности, которые обычно характеризуют спланированный город: перпендикулярные дороги, окружающая стена, монументальный вход, кладбище, муниципальный центр, рынок и хорошо развитая система водоснабжения [Lenzen, 2002, p. 36–37].

Мало что известно об основных этапах строительства города, однако вполне вероятно, что Капитолия активно развивалась во II – 1-й пол. III вв. Вполне вероятно, что граждане в римский период осознавали себя как греки и римляне [Cimadomo, 2017].

Город был обведен вокруг стеной из базальта и известняка: известняк для строительства происходил из непосредственной близости. Городская стена определяла границу города, связывая центр с округой: на юге и востоке были построены два некрополя. Городские стены и улицы были видны еще в XIX в.; они были разрушены в основном в 20–50-х гг. Первоначальная стена была построена из хорошо обработанного тесаного камня, типичного для построек II в. [Lenzen, 2002, p. 38–39].

Путешественниками (прежде всего Г. Шумахером) были описаны монументальные ворота в восточной части города, вероятно, воздвигнутые вместе с окружной стеной и сегодня полностью утраченные. Это был главный выход на главную улицу с востока на запад, которая делила город на две части. Эта дорога была вымощена базальтовыми камнями и еще 50 лет назад была частично видна.

Согласно карте Шумахера, главная улица по направлению с востока на запад простиралась до Расы, который по-прежнему представлял собой городской центр города [Lenzen, 2002, p. 40].

В северной части города, вероятно, находилось общественное пространство, здесь были возведены девять расположенных в ряд сводчатых палат: вероятно, это были магазины. Чуть севернее во II веке был построен театр, его главный фасад состоял из семи проходов (дверных проемов) [ср.: Freyberger, 2004].

Большая система цистерн, вероятно, была построена, когда город находился на первых этапах своего развития: об этом сообщили Шумахер и Глюк, но никаких свидетельств, связанных с наличием акведука, обнаружено не было.

Сохранившиеся руины включают храм Капитолийской Триады, трехъярусную рыночную площадь, улицу с колоннадой, церковь V века, акведук, водоемы, римское военное кладбище и вымощенные дороги. Хотя все эти остатки были раскопаны, многие из них весьма минимальны. Наиболее выдающиеся остатки – это театр [Lenzen, 2002, p. 41–42].

В 2018 г. была открыта гробница II в. с росписями в виде множества фигур людей, животных и богов, а также с большой картиной, иллюстрирующей строительство стены. Также открыто 60 подписей на арамейском языке греческими буквами, описывающих, что делали фигуры на картине. Считается, что эта роспись изображает основание города.

В IV и V вв. город был реконструирован: окружная стена все еще использовалась, сводчатые конструкции были перестроены, а все входы в театр были перекрыты стеной. Стены несколько раз реставрировались в византийский период, как и другие сооружения. В ранневизантийскую эпоху Капитолия была центром производства вторичного стекла в Заиорданье [Lenzen, 2002, p. 44].

Известны имена епископов города ранневизантийского времени: Антиох, Аниан, Басс, Феодосий. Приблизительно таковы же наши знания по этому вопросу и относительно других городов области [Donceel, 1987].

По всей видимости, город существовал до арабского завоевания, а затем резко изменил свой характер [Lenzen, 1995, p. 331].

Заклучение

Изучение городов римско-ранневизантийского Декаполиса имеет большое значение в сравнительно-историческом аспекте, в том числе для построения региональной истории Восточного Средиземноморья. Это особенно важно, так как Декаполис никогда не был отдельной провинцией, но имеет достаточно отчетливые традиционные исторические контуры.

Список литературы

- Жукова Н.В. 2023. Гадара и Хамат-Гадер римско-византийского времени. В: Церковно-исторические чтения. Круглый стол – 3. Белгород, Эпицентр: 75–87.
- Жукова Н.В. 2021. Филадельфия (Амман) в римско-византийское время. В: Классическая и византийская традиция. 2021. Белгород: 183–189.
- Browning I. 1982. Jerash and the Decapolis. London, Chatto & Windus, 224.
- Cimadomo P. 2017. Conflicts and Cohabitations in the Southern Levant during the first Centuries of the Roman Rule (64 BCE – 135 CE). Napoli, Universita, 239.
- Cohen G.M. 2006. The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press: 245–247.
- Donceel R. 1987. L'évêque Epiodore et les basiliques de Kanatha d'après une inscription grecque inédite. In: Le Muséon. 100: 67–88.
- Donceel R. 1983. L'exploration de Qanaouat (Qanawat). In: Annales Arabes Archéologiques Syriennes (AAAS). 33.2: 129–139.
- Freyberger K.S. 1998. Die frühkaiserzeitlichen Heiligtümer der Karawanenstationen im hellenisierten Osten. Mainz am Rhein, P. von Zabern, XV, 138.
- Freyberger K.S. 2000. The Roman Kanatha: Results of the Campaigns in 1997/1998. In: Bulletin d'Études Orientales, LII: 143–156.
- Freyberger K.S. 2004. Das Theater in Kanatha: Funktion und Bedeutung. In: Sacralidad y Arqueología: homenaje al Prof. Thilo Ulbert al cumplir 65 años. Murcia: Universidad de Murcia: 13–32.
- Jones A.H.M. 1937. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford: Clarendon Press, 595.
- Kennedy D. 2007. Gerasa and the Decapolis: A 'Virtual Island' in Northwest Jordan. London, Duckworth, 216.
- Lenzen C.J. 1995. Continuity or Discontinuity. Urban Change or Demise? In: Trade, Contact, and the Movement of Peoples in the Eastern Mediterranean: Studies in Honour of J. Basil Hennessy. Sydney, Southwood Press: 325–331.
- Lenzen C.J. 2002. Kapitoliás – Die vergessene Stadt im Norden. In: Gadara – Gerasa und die Dekapolis. Mainz am Rhein, P. von Zabern: 36–45.
- Lenzen C.J. 1992. Irbid and Beit Ras. Interconnected Settlements c. A.D. 100–900. In: Studies in the History and Archaeology of Jordan (SHAJ). 4: 299–301.
- Lenzen C.J., Knauf E. 1987. A. Beit Ras – Kapitoliás. A Preliminary Evaluation of the Archaeological and Textual Evidence. In: Syria. 64: 21–46.
- Maxwell L. 1990. Gadara of the Decapolis. St. Louise, Concordia Seminary, 230.
- Młynarczyk J. 2018. Beit Ras (Capitoliás): The Archaeological Project (2014–2016). In: Polish Archaeology in the Mediterranean. 26(1): 473–504.
- Weber T., Hoffmann A. 1991. Gadara of the Decapolis: Prelim. Rep. on the 1990 Season at Umm Qeis. In: Annual of the Department of Antiquities of Jordan (ADAJ). Vol. 35: 223–235.
- Wineland J.D. 2001. Ancient Abila: An Archaeological History. Oxford, Archaeopress, 216.

References

- Zhukova N.V. 2023. Gadara i Hamat-Gader rimsko-vizantijskogo vremena [Gadara and Hamat Gader in the Roman-Byzantine Period]. V: Cerkovno-istoricheskie chteniya. Kruglyj stol – 3 [Church-Historical Readings. Round Table – 3]. Belgorod, Epicentr: 75–87.
- Zhukova N.V. 2021. Filadelf'fiya (Amman) v rimsko-vizantijskoe vremya [Philadelphia (Amman) in Roman-Byzantine Times]. V: Klassicheskaya i vizantijskaya tradiciya. 2021 [Classical and Byzantine Tradition. 2021]. Belgorod: 183–189.
- Browning I. 1982. Jerash and the Decapolis. London, Chatto & Windus, 224.

- Cimadomo P. 2017. *Conflicts and Cohabitations in the Southern Levant during the first Centuries of the Roman Rule (64 BCE – 135 CE)*. Napoli, Universita, 239.
- Cohen G.M. 2006. *The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa*. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press: 245–247.
- Donceel R. 1987. L'évêque Epiphane et les basiliques de Kanatha d'après une inscription grecque inédite. In: *Le Muséon*. 100: 67–88.
- Donceel R. 1983. L'exploration de Qanaouat (Qanawat). In: *Annales Arabes Archéologiques Syriennes (AAAS)*. 33.2: 129–139.
- Freyberger K.S. 1998. Die frühkaiserzeitlichen Heiligtümer der Karawanenstationen im hellenisierten Osten. Mainz am Rhein, P. von Zabern, XV, 138.
- Freyberger K.S. 2000. The Roman Kanatha: Results of the Campaigns in 1997/1998. In: *Bulletin d'Etudes Orientales*, LII: 143–156.
- Freyberger K.S. 2004. Das Theater in Kanatha: Funktion und Bedeutung. In: *Sacralidad y Arqueología: homenaje al Prof. Thilo Ulbert al cumplir 65 años*. Murcia: Universidad de Murcia: 13–32.
- Jones A.H.M. 1937. *The Cities of the Eastern Roman Provinces*. Oxford: Clarendon Press, 595.
- Kennedy D. 2007. Gerasa and the Decapolis: A 'Virtual Island' in Northwest Jordan. London, Duckworth, 216.
- Lenzen C.J. 1995. Continuity or Discontinuity. Urban Change or Demise? In: *Trade, Contact, and the Movement of Peoples in the Eastern Mediterranean: Studies in Honour of J. Basil Hennessy*. Sydney, Southwood Press: 325–331.
- Lenzen C.J. 2002. Kapitoliás – Die vergessene Stadt im Norden. In: *Gadara – Gerasa und die Dekapolis*. Mainz am Rhein, P. von Zabern: 36–45.
- Lenzen C.J. 1992. Irbid and Beit Ras. Interconnected Settlements c. A.D. 100–900. In: *Studies in the History and Archaeology of Jordan (SHAJ)*. 4: 299–301.
- Lenzen C.J., Knauf E. 1987. A. Beit Ras – Kapitoliás. A Preliminary Evaluation of the Archaeological and Textual Evidence. In: *Syria*. 64: 21–46.
- Maxwell L. 1990. *Gadara of the Decapolis*. St. Louise, Concordia Seminary, 230.
- Młynarczyk J. 2018. Beit Ras (Capitoliás): The Archaeological Project (2014–2016). In: *Polish Archaeology in the Mediterranean*. 26(1): 473–504.
- Weber T., Hoffmann A. 1991. Gadara of the Decapolis: Prelim. Rep. on the 1990 Season at Umm Qeis. In: *Annual of the Department of Antiquities of Jordan (ADAJ)*. Vol. 35: 223–235.
- Wineland J.D. 2001. *Ancient Abila: An Archaeological History*. Oxford, Archaeopress, 216.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.11.2024

Received 20.11.2024

Поступила после рецензирования 15.02.2025

Revised 15.02.2025

Принята к публикации 17.02.2025

Accepted 17.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жукова Нина Васильевна, сотрудник, Белгородский государственный историко-краеведческий музей, г. Белгород, Россия; аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Nina V. Zhukova, Employee, Belgorod State Museum of History and Local Lore, Belgorod, Russia; Postgraduate Student, Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4261-7768](https://orcid.org/0000-0002-4261-7768)

УДК 94(37).27

DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-40-47

Оригинальное исследование

Сведения о гностических школах I–III вв. в сочинении Иоанна Дамаскина «О ересьях»

Лупандин Л.С.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14
E-mail: lexdubrovski@gmail.com

Аннотация. Иоанн Дамаскин (годы жизни приблизительно 675–753) прославился своими богословскими полемическими трудами, направленными в частности против противников иконопочитания в Восточной Римской империи. В данной статье рассматривается труд Иоанна Дамаскина «Περὶ αἱρέσεων» («О ересьях») в ракурсе анализа его сведений о гностических школах I–III вв. Делается вывод, что данная полемическая работа была ответом в первую очередь на вызовы, стоявшие перед православием в период ее написания (влияние несториан и монофизитов, возраставшая роль ислама, иконоборчество), а ее сведения о гностицизме вторичны, нередко не отражают исторические реалии времени его существования, содержат неверные характеристики данного учения и взглядов его представителей.

Ключевые слова: Гностицизм, патристика, раннее христианство, Иоанн Дамаскин, ересь

Для цитирования: Лупандин Л.С. 2025. Сведения о гностических школах I–III вв. в сочинении Иоанна Дамаскина «О ересьях». *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 40–47. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-40-47

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Information about the Gnostic Schools of the 1st – 3rd Centuries in John Damascene's Work “On Heresies”

Leonid S. Lupandin

P.G. Demidov Yaroslavl State University,
14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russia
E-mail: lexdubrovski@gmail.com

Abstract. Yūḥana ibn Maṣṣūr ibn Sarjūn (c. 675, Damascus – 753, near Jerusalem), better known as John Damascene, was an Eastern theologian, who gained prominence for a number of polemical works that were directed, in particular, against the opponents of iconodulism within the Byzantium Empire. John became the first and only ecclesiastical author to be monikered after the place of his ministry without being ordained a bishop. Damascene is also known for loose retellings of "Against Heresies" by Irenaeus of Lyon and "Panarion" by Epiphanius of Salamis. Both re-narrations contain a number of unverifiable and contradictory statements. This paper examines the work “Περὶ αἱρέσεων”, also known as “Concerning Heresy”, by John Damascene within the context of research into the Gnostic schools of the 1st – 3d centuries AD. The study points out that this polemical work was primarily aimed at the challenges facing Orthodoxy at the time of its writing: the influence of the Nestorians and Monophysites, the growing influence of Islam, and iconodulism. As a source for the study of Gnosticism of the 1st – 3d centuries AD, “Concerning Heresy” is inapplicable because it doesn't properly reflect historical realities of Gnosticism period and contains inaccurate secondary information about the gnostic teachings and the views of its followers. Such a conclusion may be derived from the general disinterest that John Damascene expressed towards the gnostic dogma and school of thought.

Keywords: Gnosticism, patristics, early Christianity, John Damascene, heresy

© Лупандин Л.С., 2025

For citation: Lupandin L.S. 2025. Information about the Gnostic Schools of the 1st – 3rd Centuries in John Damascene's Work “On Heresies”. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 40–47 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-40-47

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Христианский богослов, которого принято называть Иоанн Дамаскин, жил примерно с 675 по 753 гг., носил имя Мансур ибн Серджун ат-Таглиби. Он занимал высокую должность при дворе халифа в Дамаске, отсюда и произошло его прозвище Дамаскин. Таким образом, Иоанн Дамаскин – единственный церковный автор, прозванный по месту своего служения, при этом не обладавший саном епископа [Братухин, 2017]. Этот человек был хорошо известен за пределами Ближнего Востока тем, что написал множество книг в поддержку почитания икон и христианства в целом. Его книги имели широкое распространение, и большинство их дошло до наших дней. В числе прочих известна работа «Περὶ αἱρέσεων» (в русском переводе часто – «О ста еreseх кратко», либо «О еreseх»). В ней этот автор критикует всех, кто не придерживается христианского мировоззрения или же имеет иные христианские взгляды, нежели сам Дамаскин. В данной статье анализируются конкретные описания сект и еreseй, которые можно отнести к гностическим учителям и школам I–III вв. н. э.

В подобном ракурсе труд Иоанна Дамаскина рассмотрению специально не подвергался. Исследователи, обращающиеся к этому сочинению, чаще всего касаются основного теологического вопроса того периода – иконопочитания [Михальцов, 2020; Килимова, 2024], полемики с исламом [Пешков, 2016], а также рассматривают автора как человека, сыгравшего важную роль в создании церковной музыки Византии [Дрык, 2010; Африканова, Гузенкова, 2015]. В данной работе ставится иная задача: предпринимается попытка рассмотреть труд «О еreseх» как возможный источник по гностическим учителям и школам, охарактеризовать содержащиеся в нем сведения о них, выяснить потенциал его использования по данной тематике.

Объект и методы исследования

Объектом изучения являются представления Иоанна Дамаскина о гностицизме и гностических школах, его оценка их, отраженные в тексте книги «О еreseх». Данная работа представляет собой справочник по всем известным Иоанну еreseям и даёт краткий очерк о каждой из них. Корнями же всех еreseй для него являются «1) варварство, 2) скифство, 3) эллинизм, 4) иудейство» (De haer. 1–4), что роднит его с многими другими еreseиологами, творившими в более ранний период, например, с Феодоритом Кирским [Доброцветов, 2019, с. 444–456]. Из приведённых Иоанном описаний так называемых «ерeseй» видно, что основной целью этого автора является написание филиппики, поскольку сочинение не содержит подтверждений того, в чём обвиняются еретики, и контрдоводов, аргументирующих его правоту. Большая часть учений, упомянутых Иоанном Дамаскином, являются либо иными религиями, либо философскими учениями (платонизм, стоицизм и т. д.).

Основной прием изучения в нашей статье – метод исторической компаративистики; проводятся сравнения с трудами предшествующих еreseиологов, таких как Феодорит Кирский, Иринея Лионский и др., и в целом применяется сопоставительная методика источниковедческого анализа.

Результаты анализа

Всего из гностиков и гностических школ в сочинении «О еreseх» говорится о симонитах (последователях Симона-мага), менандрианах (учениках Менандра),

сатурнианах (школе Сатурнина), василидианах (последователях Василида) [Сидоров, 1982, 159], карпократианах (учениках Карпократа), керинфианах (учениках Керинфа), валентинианах (школе Валентина), секундианах (учениках Секунда), птолемианах (последователях Птолемея), маркосеях (последователях, вероятно, Марка-мага), колорвасеях (учениках Коловраса), татианах (последователях Татиана), апеллианах (учениках Апеллеса), кердонитах, вардесианистах (последователях Бардасиана), маркионитах [Пенькевич, 2004, с. 65] и ираклеонитах. Также им выделяются гностические секты, не объединённые по имени учителя: офиты, каиниты, сифиане²⁸ и архонтики.

Отдельно стоит отметить, что Иоанном, при всём разнообразии перечисленных им гностических школ и течений, гностики выделены в отдельную ересь и находятся в его списке под номером 26. Как следует из описания, гностики «...οἱ τὰς αἰρέσεις διαδεξάμενοι, πλεον δὲ τούτων πάντων τὴν αἰσχρότητα ἐμμανῶς ἐργαζόμενοι»²⁹ (De haer. 26). Основой их религиозной парадигмы служит поклонение Варвело. Таким образом, «гностиков» Дамаскина можно отождествить с варвелиотами, упомянутыми у Ириния Лионского (Adv. Haer. I 29) [Irenaeus. 1857]. В данный момент у исследователей есть подлинные тексты варвелиотов, такие как, например, «Апокриф Иоанна» [Giversen, 1963, с. 296], входящий в гностическую библиотеку из Наг-Хаммади, занимающий I трактат II кодекса, I трактат III кодекса и I трактат IV кодекса, являясь одним из самых ясных по композиции гностических текстов [Апокрифы древних христиан, 1989, с. 336]. Однако Иоанну Дамаскину этот текст не был известен. Вероятно, даже имея к нему доступ, Иоанн не стал ссылаться на него. Никакой иной информации, кроме поклонения Варвело и различных их, варвелиотов, названий в регионах Египта, Иоанн Дамаскин читателю не предоставляет. Таким образом, мы видим, что, несмотря на полную неактуальность гностиков как угрозы ортодоксии в VII–VIII вв., они всё ещё в том или ином виде занимают значительную часть списка ересей: 22 пункта из ста.

При сравнении описаний гностических учений I–III вв., приведённых Иоанном Дамаскином, и описаний этих же учений, данных их современниками, мы наблюдаем существенное различие. Дамаскин добавляет не содержащиеся у более ранних авторов подробности жизни учителей гносиса, регулярно искажает информацию или же подменяет факты. Довольно часто он использует в качестве доказательства своей правоты такие яркие экспрессивные термины, как «αἰσχρολογία» («непотребство» или «бесстыдство»), «μολυσμός» («осквернение») ³⁰, «αἰσχρότης» («непристойность», «безобразие», «гносность») и другие. Из четырёх упомянутых Иоанном корней ереси гностические школы, вероятно, восходят, в его представлении, к эллинству, так как в тексте идут сразу же после упоминания онога.

Отдельно стоит отметить, насколько различаются свидетельства Иоанна о разных ересьях. Большинство ересей не удостоилось пересказа их идей, не считая небольшой характеристики. В то же время описание мессалиан [Заболотный, 2017, с. 33], монофизитов [Frend, 1972, с. 402] и монофелитов [Сидоров, 1989, с. 159] занимают несколько страниц книги. Это неудивительно. В отличие от валентиниан или ессеев, монофизиты, как и монофелиты, в то время всё ещё обладали огромным влиянием. Информация же о мессалианах Иоанном Дамаскином просто позаимствована из «Творений» Феодорита Кирского.

Можно предположить, что информация о гностиках первых веков христианства в некоторой степени легендаризировалась к тому моменту, когда Иоанн Дамаскин обратился к этой теме. Кроме того, к VII–VIII вв. большинство сект и общин, в том числе и гностических, уже были осуждены сторонниками победившей христианской доктрины, и дискутировать с ними необходимость отпала. Поэтому, в отличие от Ириния Лионского и

²⁸ Подробнее о сифианах см.: Тёрнер Д.

²⁹ «Приняли все те же ереси и с неистовством совершают бесстыдные дела». – Здесь и далее: перевод коллектива авторов Императорской Санкт-Петербургской духовной академии.

³⁰ В переводе Императорской Санкт-Петербургской духовной академии – «мерзость».

других протоортодоксальных авторов первых веков, Дамаскин позволяет себе выражаться категорично. По этой же причине для Иоанна несущественно реальное положение дел, поэтому их описанию и разбору он внимания не уделяет. Например, Иоанн использует подобные фразы: «...λέγουσιν· ἀλίσκονται δὲ καὶ ἐπ' αἰσχροτήτι τινι»³¹ (De haer. 40). О каком конкретно безобразии идёт речь, не объясняется, так как для него это не имеет значения. Также читаем: «Ἐδίδασκεν δὲ αἰσχροποιδὸν μίξιμ μολυσμοῦ, ἀδιαφορίαν σωμάτων.» (De haer. 21)³². Вполне возможно, что тот негатив, в котором Дамаскин обвиняет всех еретиков, в том числе и гностиков, с точки зрения человека, не разделяющего позицию христиан того времени, негативом не являлся. Подобные выражения употреблены лишь для того, чтобы вызвать отторжение у читателя к еретикам. Все обвинения Иоанна строятся на одних и тех же вещах, которые повторяются от пункта к пункту. Это отрицание Ветхого Завета и отрицание воскресения плоти. Особенно интересным является обвинение в неприятии воскресения Симона-мага. Христианские апологеты и анонимные христианские писатели I–III вв. единодушно утверждают, что Симон не только не отрицает воскресение, но и хочет быть к нему причастным. По одной версии, Симон воскрешает человека самостоятельно [Деяние и мучение..., 1851], а по другой – просит своих учеников похоронить себя заживо, чтобы через три дня воскреснуть [Hippolytus Romanus, 1986].

Описание Иоанном Дамаскином многих известных гностиков является лишь очень краткими выдержками из свидетельств Иринея Лионского. Например: Менандра – (Irenaeus. Adv. Haer. I. 23.5), Сатурнина – (Adv. Haer. I. XXIV). Жизнеописание, вероятно, самого известного из гностических учителей, Валентина, также полностью позаимствовано из более ранних источников [Афонасин, 2017].

Если в описании прочих гностиков подробности, признанные ненужными, Иоанном упускаются, то описание школы Марка-мага – маркиан приобретает новые. Так, довольно подробно изученный предшественниками феномен «гностической евхаристии», активно используемый Марком (Adv. Haer. XIII. 4) [Ремизов, 2020, с. 17–25; Förster, Niclas, 1999], приобретает новые подробности. Евхаристическое вино в чашах наделяется возможностью менять цвет (De haer. 34).

Гносис Карпократа Иоанн пересказывает в целом схоже с другими источниками [Афонасин, 2008, с. 38], хотя и не без искажений сути. Так, Дамаскин утверждает, что Карпократ призывал совершать «всякое бесстыдство и всякое греховное дело», а также обвиняет последнего в воскурении благовоний идолам «Иисуса, Павла, Гомера и Пифагора» (De haer. 27). При этом необратимость совершения грехов, очевидно, не являлась призывом к действию. Довольно сложно представить, что последователи Карпократа умышленно совершали убийства или грабежи, дабы соединиться с Богом. Что же касается обвинения в поклонении и воскурении благовоний перечисленным Иоанном лицам, то оно представляется бездоказательным, поскольку никакими аргументами и другими источниками оно не подтверждается.

Мы видим существенное отличие позиции Иоанна Дамаскина от позиции первых критиков гностицизма, таких как Иринея, Ипполит, Тертуллиан, Иустин и других. Но это вполне объяснимо разрывом во времени и различием в позиции христианства I–III и VIII вв. Также можно предположить, и это предположение будет наиболее вероятным, что Иоанн Дамаскин во время написания своего труда «О ересях» не ставил своей целью в действительности классифицировать давно пропавшие и утратившие актуальность религиозные течения. Вполне возможно, что труд был направлен против конкретной, актуальной на тот момент проблемы – дебатов об иконопочитании, коим в творчестве Дамаскина отведено куда больше времени. Так как именно ереси II–III вв., возникавшие

³¹ «Уличаются и в некоем бесстыдстве».

³² «Учил постыдному и скверному смешению, неразличению тел».

вместе с богословской апперцепцией христианства, послужили основой византийскому спору об иконопочитании [Данилов, 2021].

В отличие от них Иоанн Дамаскин не углубляется в анализ и не приводит каких бы то ни было аргументов в защиту своей позиции. Его книга имеет целью ознакомить читателя с тем, что он называет ересями и еретиками. Никаких дискуссий и полемики он не ведёт. Это можно объяснить тем, что в то время, когда он жил и работал, большинство описанных им ересей и еретиков давно были не актуальны и забыты, а их школы и секты прекратили существование. Произошла консолидация христианства, и все споры между школами и течениями были устранены. Поэтому победившее христианство не считало нужным вступать в дебаты с инакомыслящими и доказывать свою правоту. Текст же был направлен на колеблющихся внутри ортодоксии, вероятно, автор ставил своей целью провести параллели между актуальными ему событиями и собирательным образом древних ересей.

Гностицизм логически определялся – практически всеми известными его протоортодоксальными критиками – как производная синтеза эллинистической философии и зародившегося христианства. Иоанн Дамаскин прямо говорит, что гностики «приняли те же ереси, но больше всех этих ересей с неистовством совершают бесстыдные дела» [Иеромонах Макарий (Денисов), 2020], таким образом непосредственно выводя гностицизм из верований и учений, существовавших в более ранний период. В то же время подавляющее большинство протоортодоксальных апологетов, являвшихся современниками гностических школ, возводили их к учению Симона Мага и симонитов, чего Иоанн Дамаскин не делал [Лупандин, 2020, с. 6–9].

Заключение

Таким образом, мы видим, что полемический труд Иоанна Дамаскина «О ересях» не содержит существенной и новой, по сравнению с более ранними источниками, такими как «Против ересей» Иринея Лионского или же «Панарион» Елифания Кипрского, информации по проблематике изучения гностических школ и учителей I–III вв. В этом отношении он вторичен. Сочинение Дамаскина в первую очередь было направлено на борьбу с современными ему вызовами: влиянием несториан и монофизитов, распространением ислама и иконоборчеством. Тезисы и догматы учителей гносиса и гностических школ Иоанна совершенно не волновали и не имели для него никакого значения. Приводимые им описания частично или полностью чаще всего не соответствуют историческим реалиям. В большинстве случаев его краткая характеристика является крайне вольным пересказом сочинений Отцов Церкви и направлена скорее не на то, чтобы читатель понял суть еретического учения, а на то, чтобы провести некоторые параллели с происходящими в религиозной жизни событиями в момент написания труда «О ересях».

Список литературы

- Апокрифы древних христиан: Исследование, А76 тексты, комментарии. 1989. Акулов А.Ф., Гараджа В.И., Момджян Х.Н., Трофимова М.К. и др.; под ред. Акулова А.Ф. Москва, Мысль, 336 с.
- Афонасин Е.В. 2017. Школа Валентина. Фрагменты и свидетельства. Санкт-Петербург, Алетейя, 320 с.
- Афонасин Е.В. 2008. Гносис. Фрагменты и свидетельства. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета, 318 с.
- Африканова Е.В., Гузенкова С.Е. 2015. Христианская гимнография Иоанна Дамаскина. *БМИК*. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskaya-gimnografiya-ioanna-damaskina> (дата обращения: 05.10.2024).
- Братухин А.Ю. 2017. Климент Александрийский и Египет. *Мировая литература в контексте культуры*. 6(12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kliment-aleksandriyskiy-i-egipet> (дата обращения: 08.08.2024).
- Данилов А.В. 2021. Иконоборчество в исторической ретроспективе: влияние, формы, методы. *Геологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии*. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/ikonoborchestvo-v-istoricheskoy-retrospektive-vliyanie-formy-metody> (дата обращения: 24.05.2024).
- Деяние и мучение святых и славных и всехвалных апостолов Петра и Павла. Подготовка текста, перевод и комментарии Е.Г. Водолазкина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10111> (дата обращения: 03.08.2024).
- Доброцветов П.К. 2019. Феодорит Кирский, блаженный. Лечение эллинских недугов. Слово IV. О материи и космосе. *Вопросы теологии*. 3: 444–456. Христианское чтение. № 23. 126 с.
- Дрык С.В. Иоанн Дамаскин как ключевая фигура византийской церковной музыки. 2010. *Вестник МГУКИ*. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ioann-damaskin-kak-klyuchevaya-figura-vizantiyskoj-tserkovnoj-muzyki> (дата обращения: 05.10.2024).
- Заболотный Е.А. 2017. Мессалиане. Православная энциклопедия Т. 45. Москва, ЦНЦ «Православная Энциклопедия»: 30–35.
- Иеромонах Макарий (Денисов). 2020. К вопросу о происхождении гностицизма. *Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви*. 2. URL: https://scientific-journals-spbd.ru/f/04-denisov_hch-2-2020.pdf (дата обращения: 01.05.2024).
- Килимова К.Д. 2024. Защита иконопочитания в трудах Иоанна Дамаскина. *Поволжский вестник науки*. (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-ikonopochitaniya-v-trudah-ioanna-damaskina> (дата обращения: 12.10.2024).
- Лупандин Л.С. 2020. Симон Маг: личность историческая или легендарная? Актуальные проблемы истории, туризма, рекламы и связей с общественностью. Международная молодежная научно-практическая конференция, 18 апреля 2019 г. Редкол.: В.М. Марасанова [и др.]; отв. ред. Н.В. Тихомиров. Ярославль, ЯрГУ: 6–9.
- Михальцов Н.Н. 2020. Христологическая аргументация прп. Иоанна Дамаскина в контексте философии иконопочитания. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristologicheskaya-argumentatsiya-prp-ioanna-damaskina-v-kontekste-filosofii-ikonopochitaniya> (дата обращения: 03.10.2024).
- Пенькевич Алексей, протоиерей. Псевдо-Тертуллиан. Пять книг против Маркиона. 2004. *Христианское чтение*. 23: 65–126.
- Пешков А.А. 2016. Преподобный Иоанн Дамаскин и полемика с исламом. *Труды Нижегородской духовной семинарии*. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodobnyu-ioann-damaskin-i-polemika-s-islamom> (дата обращения: 10.10.2024).
- Ремизов С.А. 2020. Свидетельство святых отцов неразделённой Церкви о Эпиклезисе. *Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии*. № 7: 17–25.
- Сидоров А.И. 1982. Гностицизм и философия (учение Василида по Ипполиту). *Ежегодник «Религии мира. История и современность»*. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»: 159–183.
- Сидоров А.И. 1989. История монофелитских споров в изображении Анастасия Синаита (sermo III) и Псевдо-Анастасия Синаита (Synopsis de haeresibus et synodis. 18–26). *Византийский временник*. 50: 93–105.
- Творения преподобного Иоанна Дамаскина – Источник знания. Афиногенов Д.Е., Бронзов А.А., Сагарда А.И., Сагарда Н.И., 2002. Москва, Индрик, 416 с.
- Тёрнер Д. Гностицизм и платонизм: сифианские платонизирующие тексты из Наг-Хаммади в их отношении к поздней платонической литературе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gnostitsizm-i-platonizm-sifianskie-platoniziruyuschie-teksty-iz-nag-hammadi-v-ih-otnoshenii-k-pozdnej-platonicheskoy-literature> (дата обращения: 01.10.2024).
- Förster N. 1999. Marcus Magus, Kult, Lehre, und Gemeinde-leben einer valentinianischen Gnostiker-gruppe. Sammlung der Quellen und Komment bingen, Mohr Siebeck, XII+485 p.
- Frend W.H.C. 1972. The Rise of the Monophysite Movement: Chapters in the History of the Church in the 5th and 6th Cent. Camb. 405 p.
- Giversen S. 1963. Apocryphon Johannis. The Coptic Text of the Apocryphon Johannis in the Nag Hammadi Codex II with Translation, Introduction and Commentary. Copenhagen, 296 p.
- Hippolytus Romanus. 1986. Refutatio Omnium Haeresium, ed. M. Marcovich, Berlin – N.-Y., Пер. с лат., коммент. И.С. Егоренков. [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://wiki.kutha.ru/w/Oblichenie_vseh_ereseh_\(Ippolit_Rimskij\)](http://wiki.kutha.ru/w/Oblichenie_vseh_ereseh_(Ippolit_Rimskij)) (дата обращения: 15.08.2024).

Irenaeus. 1857. *Adversus haereses. Libri I–II* ed. W. Wigan Harvey. URL: <https://patrologia-lib.ru/patrolog/irenaeus/haereses.htm>.

References

- Apokrify drevnih hristian: Issledovanie, A76 teksty, komentarii [The Apocrypha of the Ancient Christians: A Study, A76 Texts, Commentaries] Akulov A.F., Garadzha V.I., Momdzhjan H.N., Trofimova M.K. i dr.; pod red. Akulova A.F. Moscow, Mysl', 1989. 336 p.
- Afonasin E.V. 2008. *Gnosis. Fragmenty i svidetel'stva* [Gnosis. Fragments and Testimonies]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterbugskogo universiteta, 318 p.
- Afonasin E.V. 2017. *Shkola Valentina. Fragmenty i svidetel'stva* [Valentine's School. Fragments and Testimonies]. Saint Petersburg, Aletejja, 320 p.
- Afrikanova E.V., Guzenkova S.E. 2015. *Hristianskaja gimnografija Ioanna Damaskina* [The Christian Hymnography of John Damascene] // *BMIK*. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskaya-gimnografiya-ioanna-damaskina> (data obrashhenija: 05.10.2024).
- Bratuhin A.Ju. 2017. *Kliment Aleksandrijskij i Egipet* [Clement of Alexandria and Egypt]. *Mirovaja literatura v kontekste kul'tury*. 6(12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kliment-aleksandrijskiy-i-egipet> (data obrashhenija: 08.08.2024).
- Danilov A.V. 2021. *Ikonoborcestvo v istoricheskoj retrospektive: vlijanie, formy, metody* [Iconoclasm in Historical Retrospect: Influence, Forms, Methods]. *Teologicheskij vestnik Smolenskoj Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ikonoborcestvo-v-istoricheskoy-retrospektive-vlijanie-formy-metody> (data obrashhenija: 24.05.2024).
- Dejanie i muchenie svjatyh i slavnyh i vsehval'nyh apostolov Petra i Pavla [The Acts and Martyrdom of the Holy and Glorious and All-Sacred Apostles Peter and Paul]. Podgotovka teksta, perevod i komentarii E.G. Vodolazkina. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10111> (data obrashhenija: 03.08.2024).
- Dobrocvetov P.K. 2019. *Feodorit Kirskij, blazhennyj. Lechenie jellinskih nedugov. Slovo IV. O materii i kosmose* [Theodoret of Cyrus, the Blessed. Treatment of Hellenic Ailments. Word IV. On Matter and the Cosmos]. *Voprosy teologii*. 3: 444–456. *Hristianskoe chtenie*. 23. 126 p.
- Dryk S.V. *Ioann Damaskin kak kljuhevaja figura vizantijskoj cerkovnoj muzyki* [John Damascene as a Key Figure in Byzantine Church Music]. 2010. *Vestnik MGUKI*. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ioann-damaskin-kak-klyuchevaya-figura-vizantijskoj-tserkovnoj-muzyki> (data obrashhenija: 05.10.2024).
- Zabolotnyj E.A. 2017. *Messaliane* [Messalians]. *Pravoslavnaja jenciklopedija* [Orthodox Encyclopedia]. T. 45. Moscow, CNC «Pravoslavnaja Jenciklopedija»: 30–35.
- Ieromonah Makarij (Denisov). 2020. *K voprosu o proishozhdenii gnosticizma* [To the Question of the Origin of Gnosticism] *Hristianskoe chtenie Nauchnyj zhurnal Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. 2 URL: https://scientific-journals-spbd.ru/f/04-denisov_hch-2-2020.pdf (data obrashhenija: 01.05.2024).
- Kilimova K.D. 2024. *Zashchita ikonopochitaniya v trudah Ioanna Damaskina* [Defense of Iconoclasm in the Works of John Damascene]. *Povolzhskij vestnik nauki*. (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-ikonopochitaniya-v-trudah-ioanna-damaskina> (data obrashhenija: 12.10.2024).
- Lupandin L.S. 2020. *Simon Mag: lichnost' istoricheskaja ili legendarnaja?* [Simon Magus: Historical or Legendary Figure?] *Aktual'nye problemy istorii, turizma, reklamy i svjazej s obshhestvennost'ju. Mezhdunarodnaja molodezhnaja nauchno-prakticheskaja konferencija, 18 aprelja 2019 g.* Redkol.: V.M. Marasanova [i dr.]; otv. red. N.V. Tihomirov. Jaroslavl', JarGU: 6–9. [http://wiki.kutha.ru/w/Oblichenie_vseh_erezej_\(Ippolit_Rimskij\)](http://wiki.kutha.ru/w/Oblichenie_vseh_erezej_(Ippolit_Rimskij)) (data obrashhenija 15.08.2024.)
- Mihal'cov N.N. 2020. *Hristologicheskaja argumentacija prp. Ioanna Damaskina v kontekste filosofii ikonopochitaniya* [The Christological Argumentation of St. John Damascene in the Context of the Philosophy of Iconoclasm]. *NOMOTHETIKA: Filosofija. Sociologija. Pravo*. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristologicheskaja-argumentatsiya-prp-ioanna-damaskina-v-kontekste-filosofii-ikonopochitaniya> (data obrashhenija: 03.10.2024).
- Pen'kevich Aleksij, protoierej. *Psevdo-Tertullian. Pjat' knig protiv Markiona* [Pseudo-Tertullian. Five Books Against Marcion]. 2004. *Hristianskoe chtenie*. 23: 65–126.

- Peshkov A.A. 2016. Prepodobnyj Ioann Damaskin i polemika s islamom [Rev. John Damascene and the Polemic with Islam]. *Trudy Nizhegorodskoj duhovnoj seminarii*. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prepodobnyy-ioann-damaskin-i-polemika-s-islamom> (data obrashhenija: 10.10.2024).
- Remizov S.A. 2020. Svidetel'stvo svjatyh otcov nerazdel'noj Cerkvi o Jepiklezise [The Testimony of the Holy Fathers of the Undivided Church on Epiclesis]. *Teologicheskij vestnik Smolenskoj Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii*: № 7: 17–25.
- Sidorov A.I. 1982. Gnosticizm i filosofija (uchenie Vasilida po Ippolitu) [Gnosticism and Philosophy (the Doctrine of Basilides According to Hippolytus)]. *Ezhegodnik «Religii mira. Istorija i sovremennost'»*: Moskva: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka", 159–183.
- Sidorov A.I. 1989. Istorija monofelitskih sporov v izobrazhenii Anastasija Sinaita (sermo III) i Pseudo-Anastasija Sinaita (Synopsis de haeresibus et synodis. 18–26) [The History of the Monothelite Controversy as Portrayed by Anastasius Sinaiticus (sermo III) and Pseudo-Anastasius Sinaiticus (Synopsis de haeresibus et synodis. 18–26)]. *Vizantijskij vremennik*. 50: 93–105.
- Tvorenija prepodobnogo Ioanna Damaskina – Istochnik znanija [The Works of St. John Damascene – The Source of Knowledge]. 2002. Afinogenov D.E., Bronzov A.A., Sagarda A.I., Sagarda N.I., Moscow, Indrik, 416 p.
- Tjorner D. Gnosticizm i platonizm: sifianskie platonizirujushhie teksty iz Nag-Hammadi v ih otnoshenii k pozdnej platonicheskoj literature [Gnosticism and Platonism: Sethian Platonizing Texts from Nag Hammadi in their Relation to Later Platonic Literature]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gnostitsizm-i-platonizm-sifianskie-platoniziruyushhie-teksty-iz-nag-hammadi-v-ih-otnoshenii-k-pozdnej-platonicheskoj-literature> (data obrashhenija: 01.10.2024).
- Förster N. 1999. Marcus Magus, Kult, Lehre, und Gemeinde-leben einer valentinianischen Gnostikergruppe. Sammlung der Quellen und Kommentar. Mohr Siebeck, XII+485 p.
- Frend W.H.C. 1972. The Rise of the Monophysite Movement: Chapters in the History of the Church in the 5th and 6th Cent. Camb. 405 p.
- Giversen S. 1963. Apocryphon Johannis. The Coptic Text of the Apocryphon Johannis in the Nag Hammadi Codex II with Translation, Introduction and Commentary. Copenhagen, 296 p.
- Hippolytus Romanus. 1986. Refutatio Omnium Haeresium, ed. M. Marcovich, Berlin – N.-Y., Пер. с лат., коммент. И.С. Егоренков. [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://wiki.kutha.ru/w/Oblichenie_vseh_erezej_\(Ippolit_Rimskij\)](http://wiki.kutha.ru/w/Oblichenie_vseh_erezej_(Ippolit_Rimskij)) (data obrashhenija 15.08.2024.)
- Irenaeus. 1857. Adversus haereses. Libri I–II ed. W. Wigan Harvey. URL: <https://patrologia-lib.ru/patrolog/irenaeus/haereses.htm>.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.11.2024

Received 15.11.2024

Поступила после рецензирования 20.02.2025

Revised 20.02.2025

Принята к публикации 22.02.2025

Accepted 22.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лупандин Леонид Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории, Ярославский государственный университет, г. Ярославль, Россия

Leonid S. Lupandin, Postgraduate Student of the Department of General History, Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

 [ORCID: 0009-0007-6297-6446](https://orcid.org/0009-0007-6297-6446)

УДК 94(6)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-48-57

Оригинальное исследование

Институт федератов в Позднеантичной Нубии: сущность и использование

Фартушной Н.О.

Средняя общеобразовательная школа № 29 имени Д.Б. Мурачёва г. Белгорода,
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Некрасова, 38а;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: mrthinkmr@gmail.com

Аннотация. Для Римской империи эпохи Поздней Античности одним из важнейших внешнеполитических аспектов являлось активное взаимодействие с восточной периферией в широком понимании, включая в это понятие в т. ч. и южные границы государства. В условиях политической нестабильности Позднеантичной Нубии римским императорам регулярно приходилось использовать различные инструменты, которые позволили бы наладить взаимодействие с регионом. Одним из таких инструментов можно считать постепенно формировавшийся институт федератов, который более активно использовался на северных границах, однако в той или иной форме использовался и к югу от Египта. В статье делается попытка сопоставить выделяемые исследователями характеристики института федератов и те обстоятельства, в которых происходили контакты между имперскими должностными лицами и нубийскими потестарными образованиями. Анализируются греко- и латиноязычные источники на предмет использования нубийских федератов Римом и Константинополем. В работе показывается заверение отношений между обозначенными сторонами в публично-правовом поле. Отдельно анализируется военно-политическое использование (или возможности использования) федератов в вооруженных конфликтах на территории Северо-Восточной Африки и Южной Аравии. Также в исследовании показываются способы легитимизации отношений с федератами через уполномоченных должностных лиц империи.

Ключевые слова: Поздняя Античность, Нубия, восточная периферия, институт федератов, блеммии, нобады

Для цитирования: Фартушной Н.О. 2025. Институт федератов в Позднеантичной Нубии: сущность и использование. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 48–57. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-48-57

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Institute of Federates in Late Antique Nubia: Essence and Use

Nikita O. Fartushnoy

D.B. Murachev Secondary Comprehensive School № 29 of Belgorod,
38a Nekrasov St., Belgorod 308023, Russia;
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: mrthinkmr@gmail.com

Abstract. For the Roman Empire of Late Antiquity, one of the most important foreign policy aspects was active interaction with the eastern periphery in a broad sense, including the southern borders of the state.

© Фартушной Н.О., 2025

In the context of the political instability of Late Antique Nubia, the Roman emperor regularly had to use various tools that would allow him to establish interaction with the region. One of these tools was the gradually forming institute of federates, which was more actively used on the northern borders. However, in one form or another it was also used to the south of Egypt. The article attempts to compare the characteristics of the Federate institute highlighted by researchers and the circumstances in which contacts took place between imperial officials and Nubian potestiar formations. Greek and Latin-language sources are analyzed to reveal the use of Nubian federates by Rome and Constantinople. The work shows the verification of relations between the designated parties in the public legal field. Separately, the military-political use (or the possibility of using) federates in armed conflicts on the territory of Northeast Africa and South Arabia is analyzed. The study also shows ways to legitimize relations with federates through authorized officials of the empire.

Keywords: Late Antiquity, Nubia, Eastern Periphery, Institute of the Federates, the Blemmyes, the Nobatai

For citation: Fartushnoy N.O. 2025. The Institute of Federates in Late Antique Nubia: Essence and Use. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 48–57 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-48-57

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Римская империя (и до, и после своего раздела), будучи крупнейшим государством своей эпохи, в качестве одного из ключевых вопросов во внешней политике ставила взаимодействие с периферией. Зародившаяся еще в античную эпоху система «центр – периферия – дальняя периферия» [Болгов, 1997, с. 35] своей главной задачей ставила взаимовыгодное существование империи с государственными и потестарными образованиями, находившимися на границах государства. Это взаимодействие могло принимать разные формы (а иногда и все сразу): торговые, духовные, военные; всё это зависело от множества факторов, в том числе от географии и нацеленности соседей на мирную жизнь.

Одной из таких форм является зародившийся в римское время институт федератов (энспондов в византийское время). Изучение данного явления представляет некоторые трудности, т. к. набор источников достаточно скуден [Ермолова, 2001, с. 33.]. Тем не менее на основе имеющихся источников, а также косвенных данных в данной статье будет предпринята попытка проанализировать сложившиеся между империей и варварами отношения на южной границе Египта в регионе Нубия, проблема которых еще не поднималась в отечественной историографии, а в зарубежной всецело не рассматривалась.

Объект и методы исследования

В качестве объекта исследования выступает сущность института энспондов-федератов в Нижней Нубии, а в качестве предмета – конкретные примеры его проявления в виде использования нубийских племён в той или иной форме, согласно имеющимся источникам. Методология исследования опирается на принципы историзма и объективности, среди общенаучных методов также используются анализ и синтез. Для выявления общих закономерностей в сущности института энспондов-федератов на различных границах империи использовался системный подход. Историко-системный подход использовался и при исследовании системы «центр – периферия – дальняя периферия», которая рассматривается как единая система, функционирующая обособленно и имеющая свои особенности в функционировании. Ввиду часто сменяющейся политической ситуации в исследуемом регионе в рассматриваемый период в работе применялась теория локальных цивилизаций, позволившая сделать ряд важных наблюдений за сменой исторических циклов. При изучении византийского этапа взаимодействия применялась концепция Поздней Античности.

Из конкретно-исторических методов был применен и историко-сравнительный метод, позволяющий сравнить использование нубийских федератов на различных исторических этапах.

Результаты и их обсуждение

Для дальнейшего анализа поставленной проблемы необходимо дать краткую справку о рассматриваемом феномене. Считается, что начало института федератов было положено в 332 г. после подписания между императором Константином и готами договора [Рябцева, Болгов, 2010, с. 19].

Термин «федераты» впервые, по мнению Е.Ч. Скржинской [1999, с. 124], появляется в V в. у Олимпиодора в его работе «История», не дошедшей до нас в полном объеме, но частично сохраненной в записках Фотия. Олимпиодор называет федератов «беспорядочной и смешанной толпой» (Olymp. Fr. 7). Давая более точное описание, Скржинская характеризует федератов как «вооруженное своим оружием, готовое к нападению или обороне, целое племя [...] подчинялись своим вождям, и, даже если размещались на территории империи, не платили налогов и сохраняли свои обычаи».

Более пространное упоминание федератов встречается у Прокопия Кесарийского как в «Войне с готами», так и в «Войне с вандалами», где дается и толкование данного термина: «В прежнее время к федератам причислялись только те из варваров, которые не находились в подчинении у римлян, поскольку не были ими побеждены, но пришли к ним, чтобы жить в государстве на равных с римлянами правах. Словом "федера" римляне называют договор о мире, заключенный с врагами, теперь же всех стало можно называть этим именем, так как с течением времени теряется точность приложенных к чему-либо названий, и, поскольку условия жизни и дела меняются в том направлении, в каком угодно людям, они обращают мало внимания на ранее данные ими названия» (Proc. Bell. Vand., I, 11, 3–4). Таким образом, акцент здесь делается именно на заключении договора о мире, который заключался между сторонами на определенных условиях. В «Войне с готами» мы можем увидеть описание федератов-готов, бежавших от нашествия киммерийцев: «С одной стороны, они сражались вместе с римлянами, являясь их союзниками и получая от императора, как и другие воины, ежегодное жалованье и нося звание "федератов": так называли их тогда римляне этим латинским словом, желая, думаю, тем показать, что готы не были ими побеждены на войне, но заключили с ними договор на основании известных условий. Условия, касающиеся военных дел, по-латыни называются "федера" (foedera), как я это указывал раньше в прежних книгах» (Proc. Bell. Goth., IV, 5). Несмотря на некоторые хронологические несостыковки в данном отрывке [Рябцева, 2016], описание федератов представляет интерес и соответствует описанию в «Войне с вандалами». Отдельно стоит отметить, что Прокопий в этом контексте упоминает и другой термин – «энспонды» (встречающийся в переводах как «союзники»).

Пример использования федератов и конкретные условия имеющегося договора с готами мы можем увидеть у Иордана. В работе «О происхождении и деяниях готы» он сообщает следующее: «Помощь готы была использована и для того, чтобы [Константин] смог основать знаменитейший в честь своего имени город, который был бы соперником Риму: они заключили с императором союз и привели ему для борьбы против разных племен 40 тысяч своих [воинов]. До настоящего времени в империи остается их войско; зовутся же они и до сего дня федератами» (Jord. Get. 112).

Говоря о присущих системе федератов отличительных чертах, В.А. Коростелин выделяет три «ипостаси»:

– первая из них – публично-правовая форма отношений, по крайней мере на этапе максимального развития применения института федератов. Т. е. юридическое оформление данного договора, в котором прописывалось время действия, условия, последствия и обязательства. Отдельно стоит отметить, что они, как правило, заключались с конкретным правителем, а не с племенем в целом [Ермолова, 2001, с. 37];

– вторая: ярко выраженная и акцентированная военно-политическая направленность данного союза, проявляемая с каждой из сторон;

– третья: попытка со стороны империи принять новую политическо-правовую форму, обосновавшую в последствии легитимность нахождения собственных варварских анклавов за пределами империи [Коростелин, 2007, с. 420–421].

На основе имеющихся данных об институте федератов перейдем к рассмотрению конкретных примеров в нубийском регионе. Следует отметить, что нормативных источников, которые бы содержали пример такого договора между нубийскими племенами и Римом, мы не имеем. Тем не менее уже в раннеримское время мы можем увидеть в Нижней Нубии нечто схожее с описанными ранее институтами. Граничащим с ещё Птолемеевским Египтом являлся регион, называемый в документах данного периода Триаконтасхойн. Уже в период правления Октавиана Августа мы видим похожие способы взаимодействия. В 31 г. до н. э. после удачной военной кампании в Египте префектом на месте стал Гай Корнелий Галл, фрагмент из надписи которого привлекает наше внимание: «Захватив вождей этих мятежей, он провел войско за порог Нила; прежде до этого места не доходили вооруженные силы ни римского народа, ни царей. Покорив Фиваиду, общину, устрашавшую всех царей, дав у Филе аудиенцию послам царя эфиопов и приняв этого царя под покровительство, назначив тирана в Триаконтасхену, одну из областей Эфиопии, посвятил отеческим богам и Нилу-помощнику» [Парфенов, 2003, с. 218]. Данный отрывок четко дает понять сложившиеся отношения между Римом и территориями Нижней Нубии, на которых находился Триаконтасхойн. Такой подход вполне следовал концепции, применявшейся Римским государством по отношению к клиентским образованиям [Braund, 1984, p. 146]. Некоторые исследователи считают, что уже эти договоренности, особо проявившиеся во времена второго префекта Египта Элия Галла и дальнейшей Нубийской войны, можно считать примером существования института федератов [Török, 2009, p. 427–435]. Существует предположение, что именно попытки римских префектов вмешаться во внутривосточную ситуацию Эфиопии и спровоцировали дальнейший конфликт [Парфенов, 2003, с. 62]. Так или иначе, дальнейшая военная кампания нового префекта Гая Петрония закончилась успехом в 22 г. до н. э., а территории к югу от Египта были оставлены ради мира и стабильности. На продолжительное время южная граница империи превратилась в зону относительного спокойствия.

До конца III в. н. э. граница Римского Египта проходила по местности, именовавшейся Иера-Сикамин (современная Махаракка), о чем свидетельствуют находившиеся там военные посты [Моммзен, 1949, с. 528]. Однако во время правления Диоклетиана граница была отодвинута севернее, в область Элефантины. По свидетельствам Прокопия Кесарийского, такое решение было принято в связи с отсутствием прибыли с этих территорий, а также дороговизны содержания гарнизонов (Proc. Bell. Pers., I, 19, 27–29). В контексте исследования интересна дальнейшая судьба оставленных Диоклетианом территорий. Уже начиная с I в. н. э. [Грант, 1998, с. 222] регулярные налеты на территории Египта стали совершать блеммии – кочевые нубийские племена, проживавшие на пустынных территориях между Нилом и Красным морем. Для борьбы с набегами было привлечено племя нобадов – еще одно нубийское племя, также проживавшее в Нижней Нубии. Им было предложено поселиться на территориях от Элефантины до Иеры-Сикамин (именовавшейся Додексахойн) за определенную плату со стороны Рима в обмен на защиту от набегов (Proc. Bell. Pers., I, 19, 32–33). Предложение было принято, и, даже несмотря на то, что налеты не прекратились в полной мере, они стали менее разрушительными и уже не несли былой угрозы. В данном примере мы можем видеть проявление сразу двух отличительных черт федеративной системы: военно-политический замысел данного действия очевиден, как и публично-правовая форма (ситуация, при которой сведения о договоре мог получить Прокопий без его нахождения в правовой плоскости, нам кажется

невероятной). Уильям Адамс рассматривает это событие в ключе формирования клиентского государства нобадов [Adams, 1977, p. 452].

Говоря о третьей «ипостаси» – легитимизации анклавов за пределами империи, следует отметить, что определение федератов как таковых в IV веке несло в себе в том числе и пропагандистский подтекст. П. Хизер, в частности, считает, что этот социальный конструкт мог использоваться для обсуждения внешней политики Рима среди налогоплательщиков империи, создавая таким образом образ вечно побеждающей империи [Heather, 2006, p. 252]. Уже упомянутый Иордан подчеркивал, что в этой связи мы можем наблюдать несколько отдельных сюжетов, которые могут подтвердить вышесказанное. В качестве одного из примеров следует привести посольство блеммиев к Константину от 336 года в честь празднования его 30-летия. Сведения о нём сохранились у Евсевия Памфила (Euseb. Pamph. Vita Const. IV, 7). Автор рассказывает нам о прибытии послов из разных частей света, среди которых были «блеммии, индийцы и эфиопы», приносившие дары Константину. Остановившись более подробно на блеммиях, стоит отметить, что под ними могли подразумеваться и т. н. «политические блеммии», т. е. племена, проживавшие в Додекасхойне (что было достаточно распространено в позднеантичных источниках, см.: Obluski, 2013). Как бы то ни было, появление блеммиев при дворе императора можно расценивать как результат римской дипломатии, в том числе направленный на привлечение периферийных народов в качестве федератов.

В этом контексте важным источником является свидетельство Флавия Абиннея, который, в частности, известен своим архивом папирусов. Первое свидетельство о данном военачальнике датируется 342 годом, где он упоминается как командир алы в Дионисии [Barnes, 1985, p. 369], однако, в сообщениях о своей предыдущей карьере он повествует о взаимодействиях с блеммиями. Будучи на службе в Филах, Флавий был направлен комитом Верхней Фиваиды Сенецием сопроводить отряд блеммиев в Константинополь, а затем отправился с ними в их земли, проведя в пути три года [FHN III, 295, p. 1084–1087]. Учитывая карьерный путь Абиннея, нет никаких сомнений в том, что это посольство и было описано у Евсевия [Barnes, 1985, p. 370]. Однако привлекает к себе внимание упоминание блеммиев в словосочетании «*Blemniogum gentis refugas*», что можно перевести как «блеммии-беженцы». Исходя из имеющейся информации, мы имеем группу блеммиев, оппозиционную по отношению к «государству блеммиев» (одному из потестарных образований, которых, вероятно, было несколько [Obluski, 2013]), которая запросила поддержки у должностных лиц в Верхнем Египте, вследствие чего была сформирована группа федератов, делегированная Флавию и в последствии «легитимизированная» в Константинополе.

Существование групп федератов среди блеммиев косвенно подтверждаются и другими источниками. Уже упоминавшийся выше Олимпиодор сообщает о своем пребывании в землях блеммиев, и, по мнению некоторых исследователей [ср.: Torgok, 1988, p. 51] (которые восходят к гипотезе Блоукли [Blockley, 1981, p. 27], это была не просто поездка, к которой Олимпиодора, по мнению Фотия, «побудила их слава». Согласно гипотезе, Олимпиодор отправился к блеммиям с дипломатической миссией, что соотносится с их вероятным статусом федератов.

Эта теория подтверждается и другим источником – греческой надписью из Калабши [FHN III, 313, p. 1134–1138], где были весьма распространены культы блеммиев, постепенно интегрирующиеся в духовную жизнь Нижней Нубии и Верхнего Египта. Помимо основной информации источника, который дает данные для изучения религии блеммиев и их взаимоотношений с политическими структурами, которые сложились в Нубии, но и ценную информацию в контексте рассматриваемой проблематики. Титул филарха, под которым упоминается Фонен (вероятнее всего, тождественный Фонену, упоминаемому в более поздних источниках), может расцениваться как титул главы группы федератов. Гипотеза Кирвана о том, что миссия Олимпиодора была отправлена после приглашения блеммиями-федератами [Kirwan, 1982, p. 197] вполне укладывается в формирующиеся рамки и

дополнительно подтверждается отсылкой к комиту в данном источнике (του κομίτος), которого следует расценивать никак иначе, кроме как командующим на римских границах, через которого велось взаимодействие с Константинополем.

Титул филарха встречается и в иных источниках блеммиев. В частности, в письме Фонэна – источнике на греческом языке середины V в., повествующем о политическом взаимодействии между блеммиями и нобадами [Письмо Фонэна. История Африки в древних и средневековых источниках, 1990, с. 184–187]. В письме Фонэн фигурирует в качестве басилевса, а филархом является Бреейтек, сын Фонэна, судя по всему, являющийся еще и наследником престола, на что указывает форма обращения к басилевсу нобадов Абурни. Здесь, однако, нет прямых указаний на взаимосвязь с Римом и федератский статус той или иной стороны. В то же время мы имеем хронологически близкий источник, авторство которого приписывается предшественнику Абурни Силко. В своей триумфальной надписи [Надпись Силко. История Африки в древних и средневековых источниках, 1990, с. 180–183], которая повествует о внешнеполитических победах, в т. ч. над блеммиями. Здесь следует вновь обратить внимание на титулатуру: уже в первой строке Силко называет себя базилиском нобадов (Βασιλίσκος), но далее говорит о том, что не следовал позади других басилевсов. По предположению Томаса Хагга [Hägg, 1990, p. 154], к этому периоду в Нубии сложилась ситуация, при которой греческие термины использовались при необходимости иерархически соотносить того или иного правителя с другими носителями власти. Таким образом, для других вождей и своего народа Силко являлся басилевсом, а термин базилиск в данном случае указывает на федератские отношения с императором. Позднее в федератских отношениях с Константинополем находился и филарх нобадов Тантани, о чём мы можем судить из адресованных ему писем, найденных в Каср Ибриме [FHN III, 320–322, p. 1165–1175], в частности, из косвенно подтверждающих это сведений мы можем выделить использование Тантани пурпурной ткани, которая могла использоваться для подчеркивания его статуса.

Так или иначе, все обозначенные выше примеры не дают в полной мере примера заверения статуса федератов в публично-правовом поле и дают лишь косвенные свидетельства об установленных отношениях. Документальное заверение и использование в качестве военной единицы мы можем увидеть в следующих примерах.

В 453 году, при императоре Маркиане, по свидетельствам Приска Панийского [Приск Панийский. Сказания, 2005, с. 515], между римским военачальником Максимином с одной стороны и блеммиями и нобадами с другой был заключен мирный договор, в условия которого, среди прочего, входил столетний мир между сторонами (который, впрочем, был нарушен уже после смерти Максимиана), а также характерные для взаимоотношений с федератами выдача пленных и отправление знатных заложников со стороны федератов [Буданова, 1990, с. 117]. Здесь, однако, не говорится об использовании федератов в военных целях. Несмотря на то, что для империи в целом период IV–V вв. являлся кульминационным с точки зрения использования федератов и их значения, представляя взаимовыгодный договор между Константинополем и варварами [Головина, 2017, с. 173], на южных границах не прослеживается той же зависимости от соседей, и заключаемые договоры несли в себе попытки дипломатически избавиться от военных столкновений.

На рубеже V–VI вв. происходят значимые для империи изменения, заключавшиеся в реформах императора Анастасия, который систематизировал контроль за федератами и внедрил для этой деятельности опционов, которые следили и снабжали т. н. «императорских» федератов, в результате чего те стали более управляемыми, их использование стало более структурированным, а присущие прежде племенные структуры федератов распадаются. Эти преобразования были характерны в первую очередь для северных границ империи, тем не менее частично они происходили и на южных рубежах [Шувалов, 2006, с. 69]. Несмотря на то, что источников, демонстрирующих отношения с федератами Нубии, которые однозначно датируются правлением Анастасия, не сохранилось, в VI в. мы можем увидеть и конкретные примеры использования блеммиев и нобадов в отдельных вооруженных конфликтах.

В качестве одного из примеров можно привести аксумито-химьяритские войны – конфликт между Аксумским царством в Восточной Африке и Химьяритским государством в Южной Аравии, произошедший в годы правления Юстина I. Опустив подробности конфликта, следует отметить, что Юстин выступил в качестве определенного катализатора, отправив письмо царю Калебу, в котором призывал правителя Аксума пойти войной на химьяритского царя Зу-Нуваса [FHN III, 327, p. 1185–1188]. Важным для нас здесь является фрагмент, в котором Юстин угрожает «гневом богов с небес» (*οὐρανοθεν οργίζεται αὐτοῦ ο θεός*), под которым подразумевается отправленная в Химьяр через Копт и Беренику «огромная армия», состоящая из племен нобадов и блеммиев, которая сокрушит всех (в т. ч. и Калеба) на своем пути и уничтожит Химьяритское царство. Учитывая потенциальный маршрут движения военных формирований, угрозы, по всей видимости, не были осуществлены (Nuxley, 1980, p. 49). В то же время Джордж Хатке полагает, что в данном отрывке речь идёт лишь о предложении помощи в виде нубийских наёмников, объясняя это трудностями в интерпретации в отдельных фрагментах текста [Hatke, 2013, p. 159]. Как бы то ни было, очевидно, что Юстин имел определённые рычаги воздействия на вышеупомянутые племена, что в полной мере даёт нам отнести этот фрагмент к форме использования федератов в качестве военной силы.

Источники времени Юстиниана не оставляют нам данных об использовании нубийских народов в качестве федератов. Несмотря на то, что, по мнению исследователей, юстиниановская армия по большей части состояла именно из приграничных варваров [Диль, 1908, с. 152], на южных границах империи значительный упор делался на религиозную политику. Именно к периоду правления Юстиниана относится христианизация трех нубийских царств: Нобадии, Макурии и Алвы [Рябцева, 2017, с. 52–56]. Блеммии и нобады, прежде имевшие достаточно высокий уровень свобод в вопросах религии, начали притесняться: по официальной версии Прокопия Кесарийского, в 537 году был закрыт языческий храм богини Исиды на острове Филэ, который долгое время был центром активного паломничества (Proc. Bell. Pers., I, 19, 36–37). Следует отметить, что некоторые исследователи, в частности Йетсе Дейкстра, считают, что храм перестал функционировать как языческий еще в V веке, а при Юстиниане трансформирован в христианский [Dijkstra, 2011, p. 423].

Заключение

Институт федератов, целью сформировавшийся в IV в., стал крайне важной формой организации нубийских племен. Несмотря на «урезанный» вариант, характерный для южных границ (что связано во многом с географической и этнографической спецификой), такое взаимодействие было выгодно для каждой из сторон, и в соответствии с выделяемыми исследователями отличительными чертами он справедливо может использоваться и при рассмотрении Нубийского региона.

Отношения между империей и нубийскими племенами выходили в публично-правовое поле и в более ранние периоды, например, уже при Октавиане Августе и Диоклетиане устанавливались определенные договоренности по определению границ, которые должны были в первую очередь обезопасить Египет от регулярных налётов. Более официальный вид эта система приняла в V в., к этому времени мы уже имеем сохранившиеся источники, в которых описывается специфика договоренностей, классическая для договоров с федератами (выдача пленных, передача ценных заложников, переговоры с доверенным лицом).

Военно-политическая направленность этих союзов прямым образом вытекает из сущности нубийских племен и потестарных образований, регулярно нацеленных на набеги (опять же из-за географических особенностей региона, вынуждавших искать средства к существованию вовне). На первых этапах перед договоренностями стояла задача по ограничению южной угрозы для Египта, однако к VI в. мы можем увидеть и

акцентированное использование отдельных племен (блеммиев и нобадов) в качестве военной силы в укрупненном африканском регионе.

Легитимизация этих устанавливаемых отношений проводилась в несколько этапов (не обязательно следующих друг за другом). Для заверения федератских отношений в Константинополь отправлялось посольство (сопровожаемое, как правило, римским военачальником), где статус федератов официально закреплялся. Дальнейшее управление производилось через специально назначенных людей, которые контролировали федератов. Применительно ко всем периодам не до конца ясно соотношение должностных лиц с точки зрения этнического происхождения, однако имеет место использование специфических титулов для их обозначения, таких как «филарх» и «басилиск» (в то же время титулатура в потестарных и государственных образованиях Нубии является важной проблемой и требует дополнительного исследования).

Таким образом, отношения между Римской империей и нубийскими федератами на протяжении рассматриваемого периода были не до конца структурированы и нерегулярны, завися во многом от политической обстановки в регионе. Тем не менее сам факт существования таких отношений вытекает как из имеющихся источников, так и из косвенных данных, что свидетельствует о справедливости тезиса о том, что институт федератов развивался и на южных границах империи.

Список литературы

- Болгов Н.Н. 1997. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV–VI вв.): дескриптивный обзор. Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, БелГУ: 35–48.
- Буданова В.П. 1990. Готы в эпоху великого переселения народов. Москва, Наука. 212 с.
- Головина О.В. 2017. Германцы в Ранней Византии. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Белгород, 236 с.
- Грант М. 1998. Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э. – 476 г. н. э. Пер. с англ. М. Гитт. Москва, ТЕРРА – Книжный клуб, 400 с.
- Диль Ш. 1908. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. СПб. тип. Альтшулера, 687 с.
- Ермолова И.П. 2001. Римская империя и федераты в IV в. *Новый исторический вестник*, 2(4): 33–44.
- История Африки в древних и средневековых источниках. 1990. Москва, Наука. 471 с.
- Коростелин В.А. 2007. Федератство в Позднем Риме как система: к проблеме варваров-федератов. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIII. Симферополь: 420–429.
- Моммзен Т. 1949. История Рима. Т. V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. Москва, 588 с.
- Парфенов В.Н. 2003. Император Цезарь Август: армия, война, политика. Санкт-Петербург, Алетейя. 275 с.
- Феофан Византиец. 2005. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания. Рязань, Александрия. 606 с.
- Рябцева М.Л., Болгов Н.Н. 2010. Готские федераты Боспора и готы – федераты Византии на Боспоре. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. Вып. 13. 1(72). Белгород, БелГУ: 19–26.
- Рябцева М.Л. 2016. Федераты Позднеримской империи (по материалам письменных источников V–VI вв. *Научные ведомости. Серия История. Политология*. Вып. 40. 22(243). Белгород, БелГУ: 62–66.
- Рябцева М.Л. 2017. К истории ранневизантийской миссии VI в. в Нубии. *Via in tempore. История. Политология*. Вып. 44. 22(271). Белгород, БелГУ: 52–56.
- Скржинская Е.Ч. 1999. Примечания. Олимпиодор. История. 2-е изд. Санкт-Петербург, Алетейя, 233 с.
- Шувалов П.В. 2006. Секрет армии Юстиниана: восточноримская армия в 491–641 гг. Санкт-Петербург, Петербургское Востоковедение. 296 с.
- Adams W.Y. 1977. Nubia: Corridor To Africa. London, Allen Lane, 797.
- Barnes T.D. 1985. The Career of Abinnaeus. Phoenix, Vol. 39, № 4: 368–374.
- Blockley R.C. 1981. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Liverpool, Francis Cairns ed., 196.
- Braund D. 1984. Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. London, Croom Helm, 226.

- Dijkstra J. 2011. The Fate of the Temples in Late Antiquity Egypt. The Archaeology of Late Antique «paganism». Vol.7. Boston, Brill Academic Pub.: 389–436.
- Fontes Historiae Nubiorum. Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the Eighth Century BC and Sixth Century AD. Vol. III. Bergen, 1998: 751–1216.
- Hägg T. 1990. Titles and Honorific Epithets in Nubian Greek Texts. *Symbolae Osloenses*, 65. Oslo: 147–177.
- Hatke G. 2013. Aksum and Nubia: Warfare, Commerce, and Political Fictions in Ancient Northeast Africa. New York, University Press, 208.
- Heather P.J. 2006. *Foedera and Foederati of the Fourth Century. From Roman Provinces to Medieval Kingdoms*. London – New-York, Routledge, 402.
- Huxley G.L. 1980. On the Greek Martyrium of the Negranites. Dublin, Royal Irish Academy, 55.
- Kirwan, L.P. 1982. The X-Group Problem. *Meroitic Studies*, № 6: 191–204.
- Obluski A. 2013. Dodekaschoinos in Late Antiquity Ethnic Blemmyes vs. Political Blemmyes and the Arrival of Nobades. *Der Antike Sudan. Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* Berlin. H. 24: 141–147.
- Török L. 1988. Late Antique Nubia: History and Archaeology of the Southern Neighbour of Egypt in the 4th – 6th c. A.D. Budapest, 279.
- Török, L. 2009. *Between Two Worlds: The Frontier Region between Ancient Nubia and Egypt 3700 BC – AD 500*. Leiden, Brill Academic Pub., 628.

References

- Bolgov N.N. 1997. K istorii klientskikh gosudarstv na vostochnoy periferii pozdneantichnogo mira (IV–VI vv.): deskriptivnyy obzor [On the History of Client States on the Eastern Periphery of the Late Antique World (IV–VI Centuries): A Descriptive Review]. *Voprosy vseobshchey istorii i politologii* [Questions of World History and Political Science]. Belgorod, BelGU, 1997: 35–48.
- Budanova V.P. 1990. Goty v epokhu velikogo pereseleniya narodov [The Goths in the Era of the Migration Period]. Moscow, Nauka, 212 p.
- Golovina O.V. 2017. *Germantsy v Ranney Vizantii* [The Germans in Early Byzantium]. Diss. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk. Belgorod, 236 p.
- Grant M. 1998. *Rimskie imperatory: Biograficheskiy spravochnik praviteley Rimskoy imperii 31 g. do n. e. – 476 g. n. e.* [Roman Emperors: A biographical Directory of the Rulers of the Roman Empire 31 BC – 476 AD]. Per. s angl. M. Gitt. Moscow, TERRA – Knizhnyy klub, 400 p.
- Dil' Sh. 1908. *Yustinian i Vizantiyskaya tsivilizatsiya v VI veke* [Justinian and the Byzantine Civilization in the Sixth Century]. Saint Petersburg, tip. Al'tshulera, 687 p.
- Ermolova I.P. 2001. *Rimskaya imperiya i federaty v IV v.* [The Roman Empire and the Federates in the Fourth Century]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [New Historical Bulletin]. 2(4). Moscow: 33–44.
- Istoriya Afriki v drevnikh i srednevekovykh istochnikakh* [The History of Africa in Ancient and Medieval Sources]. Moscow, Nauka, 1990, 471 p.
- Korostelin V.A. 2007. *Federatstvo v Pozdnem Rime kak sistema: k probleme varvarov-federatov* [Federalism in Late Rome as a System: On the Problem of Barbarian Federates]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on the Archeology, History and Ethnography of Taurica]. Vyp. XIII. Simferopol': 420–429.
- Mommzen T. 1949. *Istoriya Rima. T. V. Provintsii ot Tsezarya do Diokletiana* [The History of Rome. Vol. 5. Provinces from Caesar to Diocletian]. Moscow, 588 p.
- Parfenov V.N. 2003. *Imperator Tsezar' Avgust: armiya, voyna, politika* [Emperor Caesar Augustus: Army, War, Politics]. Saint Petersburg, Aleteyya, 275 p.
- Feofan Vizantiets. *Letopis' ot Diokletiana do tsarey Mikhaila i syna ego Feofilakta. Prisk Paniyskiy* [Theophanes the Byzantine. The Chronicle from Diocletian to the Kings Michael and his Son Theophylact. Priscus of Pania]. Skazaniya. Ryazan', Aleksandriya, 2005, 606 p.
- Ryabtseva M.L., Bolgov N.N. 2010. *Gotskie federaty Bospora i goty – federaty Vizantii na Bospore* [The Gothic Federates of the Bosphorus and the Gothic Federates of Byzantium on the Bosphorus]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Computer science]. Vyp. 13. 1(72). Belgorod, BelGU: 19–26.
- Ryabtseva M.L. 2016. *Federaty Pozdnerimskoy imperii (po materialam pis'mennykh istochnikov V–VI vv.)* [The Federates of the Late Roman Empire (Based on Written Sources of the V–VI Centuries)].

- Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya* [Scientific bulletin. Series: History. Political Science]. Вып. 40. 22(243). Belgorod, BelGU: 62–66.
- Ryabtseva M.L. 2017. К истории ранневизантийской миссии VI в. в Нубии [On the History of the Early Byzantine Mission of the Sixth Century in Nubia]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. [Via in tempore. History. Political science]. Вып. 44. 22(271). Belgorod, BelGU: 52–56.
- Skrzhinskaya E.Ch. 1999. Primechaniya. Olimpiodor. Istoriya [Notes. Olympiodorus. History]. 2-e izd. Saint Petersburg, Aleteyya, 233 p.
- Shuvalov P.V. 2006. Sekret armii Yustiniana: vostochnorimskaya armiya v 491–641 gg. [The Secret of Justinian's Army: The East Roman Army in 491–641]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 296 p.
- Adams W.Y. 1977. Nubia: Corridor To Africa. London, Allen Lane, 797.
- Barnes T.D. 1985. The Career of Abinnaeus. Phoenix, Vol. 39, № 4: 368–374.
- Blockley R.C. 1981. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Liverpool, Francis Cairns ed., 196.
- Braund D. 1984. Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. London, Croom Helm, 226.
- Dijkstra J. 2011. The Fate of the Temples in Late Antiquity Egypt. The Archaeology of Late Antique «paganism». Vol.7. Boston, Brill Academic Pub.: 389–436.
- Fontes Historiae Nubiorum. Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the Eighth Century BC and Sixth Century AD. Vol. III. Bergen, 1998: 751–1216.
- Hägg T. 1990. Titles and Honorific Epithets in Nubian Greek Texts. Symbolae Osloenses, 65. Oslo: 147–177.
- Hatke G. 2013. Aksum and Nubia: Warfare, Commerce, and Political Fictions in Ancient Northeast Africa. New York, University Press, 208.
- Heather P.J. 2006. Foedera and Foederati of the Fourth Century. From Roman Provinces to Medieval Kingdoms. London – New-York, Routledge, 402.
- Huxley G.L. 1980. On the Greek Martyrium of the Negranites. Dublin, Royal Irish Academy, 55.
- Kirwan, L.P. 1982. The X-Group Problem. Meroitic Studies, № 6: 191–204.
- Obluski A. 2013. Dodekaschoinos in Late Antiquity Ethnic Blemmyes vs. Political Blemmyes and the Arrival of Nobades. Der Antike Sudan. Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V. Berlin. H. 24: 141–147.
- Török L. 1988. Late Antique Nubia: History and Archaeology of the Southern Neighbour of Egypt in the 4th – 6th c. A.D. Budapest, 279.
- Török, L. 2009. Between Two Worlds: The Frontier Region between Ancient Nubia and Egypt 3700 BC – AD 500. Leiden, Brill Academic Pub., 628.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.07.2024

Received 03.07.2024

Поступила после рецензирования 15.10.2024

Revised 15.10.2024

Принята к публикации 18.10.2024

Accepted 18.10.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фартушной Никита Олегович, учитель, средняя общеобразовательная школа № 29 имени Д.Б. Мурачёва г. Белгорода, г. Белгород, Россия; магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Nikita O. Fartushnoy, Teacher, D.B. Murachev Secondary Comprehensive School № 29 of Belgorod, Belgorod, Russia; Master's Student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0005-6810-437X](https://orcid.org/0009-0005-6810-437X)

УДК 94(38)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-58-68

Оригинальное исследование

О периодизации Юстиниановой чумы

Зибаев А.В.¹ , Жуков О.Р.² , Белоус П.В.¹

¹ Сургутский государственный университет,

Россия, 628400, г. Сургут, ул. Энергетиков, д. 8;

² Частный медицинский университет «Реавиз» (Саратовский филиал),

Россия, 410003, г. Саратов, Верхний рынок, к. 10

E-mail: zibaew@mail.ru, olegzhukov1990@mail.ru, thinkertgs@gmail.com

Аннотация. В статье дается первая в отечественной историографии попытка периодизации Юстиниановой чумы. За основу взята концепция исследователей Г. Хезера и М.В. Супотницкого о 7–20 летних циклах пандемии, основанная на кратком рассказе Евагрия Схоластика из IV книги «Церковной истории». В результате предложено разделение пандемии на 11 циклов, охватывающих временные рамки с 541 по 750 гг. Каждый новый цикл пандемии во взаимосвязи с другими потрясениями того времени создает общую картину хаоса и разрушения в эпоху «Темных веков». Разделение «классической Юстиниановой чумы» и периода «долгой чумы» представляется важным нарративом в истории византийской литературы.

Ключевые слова: Юстинианова чума, периодизация, пандемия, Евагрий Схоластик, циклы пандемии

Для цитирования: Зибаев А.В., Жуков О.Р., Белоус П.В. 2025. О периодизации Юстиниановой чумы. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 58–68. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-58-68

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

On Periodization of the Justinian Plague

Anton V. Zibaev¹ , Oleg R. Zhukov² , Pavel V. Belous¹

¹ Surgut State University,

8 Energetikov St., Surgut 628400, Russia;

² Private Medical University "REAVIZ" (Saratov branch),

10 Verkhnij rynok, Saratov 410003, Russia

E-mail: zibaew@mail.ru, olegzhukov1990@mail.ru, thinkertgs@gmail.com

Abstract. The article presents the first attempt in the Russian historiography to periodize the Justinian plague. It is based on the concept of researchers G. Hezer and M. V. Supotnitsky about the 7–20-year cycles of the pandemic, based on a short story by Evagrius Scholastic from Book IV of the Church History. As a result, it is proposed to divide the pandemic into 11 cycles, which cover the time frame from 541 to 750. Additionally, the “Justinian plague” narrative seems to be very important for the history of the Byzantine literature. Each new cycle of the pandemic, in conjunction with other shocks of that time, creates a general picture of chaos and destruction in the era of the “Dark Ages”. The separation of the “classical Justinian plague” and the “long plague” period seems to be an important narrative in the history of Byzantine literature. Along with the widespread use of the chronicle genre, colossal shifts in the worldview of intellectuals of that era are obvious, where the plague is God’s indulgence for the mortal sins of contemporaries.

Keywords: Justinian's plague, periodization, pandemic, Evagrius Scholastic, pandemic cycles

For citation: Zibaev A.V., Zhukov O.R., Belous P.V. 2025. On Periodization of the Justinian Plague. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 58–68 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-58-68

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Одной из самых обсуждаемых тем в современной исторической науке традиционно остается Юстинианова чума (542–750 гг.), которая вместе с позднеантичным малым ледниковым периодом (536–660 гг.) навсегда изменила облик Восточной Римской империи. Серьезное изучение первой пандемии насчитывает уже более 50 лет. На сегодняшний день написано много работ, затрагивающих её наиболее значимые итоги: чудовищные демографические потери населения Средиземноморья, разрушение веками устоявшихся торговых связей, уменьшение численности населения византийских городов, упадок сельского хозяйства и др. Учитывая всё это, многие исследователи не отрицают значительного влияния чумы на ослабление Ранней Византии и начавшиеся процессы литургизации (духовной трансформации) позднеантичного общества после пережитой катастрофы.

В результате стремительного развития естественнонаучных дисциплин в историографии было пересмотрено пренебрежительное отношение к Юстиниановой чуме как к важному историческому событию VI–VIII вв. Однако вместе с указанными позитивными изменениями начиная с 90-х гг. XX в. постоянно увеличивается число противников разрушительных последствий пандемии для Средиземноморья, опирающихся в последние годы на неоднозначные выводы американского исследователя Л. Мордехая [Mordechai, 2019. P. 3–50]. Проведя комплексный анализ практически всех сохранившихся источников с широким привлечением методов негуманитарных наук, он сформулировал идеи, послужившие основной доказательной базой для критики, казалось бы, уже устоявшегося мнения о пагубности чумы. Но идеи Л. Мордехая пока не получили широкого распространения среди историков.

Все больше вопросов вызывает проблема периодизации Юстиниановой чумы из-за ее недостаточной изученности и противоречивого состояния многих письменных источников. В исследовании кипрского византиниста Д.Х. Статакопулоса «Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine Empire: A Systematic Survey of Subsistence Crises and Epidemics» пандемия представлена в виде нескольких десятков последовательно сменяющих друг друга вспышек эпидемий моровых болезней, опустошавших Раннюю Византию и соседние государства [Stathakopoulos, 2016, 177–386] (переиздание в 2004 г). Несомненным плюсом работы стало изучение чумы в прямой взаимосвязи с голодными десятилетиями в Средиземноморье, зачастую сдержанно упомянутыми современниками и повлиявшими на ухудшение здоровья у большей части населения. Несмотря на создание Д.Х. Статакопулосом цельной картины череды бесконечных катастроф, исследователем не был учтён ряд важных моментов: влияние похолодания климата на распространение чумы, полный терминологический разбор наименований болезни в сочинениях авторов того времени [Stathakopoulos, 1998, 2–7], общее противоречивое состояние письменных и эпиграфических источников.

В этой связи изучение периодизации эпидемии вызывает новые споры и позволяет иначе взглянуть на решенные проблемы.

Объект и методы исследования

В статье представлена периодизация Юстиниановой чумы, основанная на анализе трудов греческих, латинских и сирийских авторов VI–VIII вв. Для изучения этой темы и

решения упомянутых выше задач применяются традиционные для современной византистики и медиевистики методы анализа письменных источников, а также общенаучные и специальные методы исторических исследований. Терминологический и лексический анализ используются для разбора таких ключевых для исследования понятий: λοῖμός, λοῖμώδεις πάθος, βουβών, inguinalis plaga, inguinaris morbus, mortalitas magna, clades glandolaria, pestis inguinaris, pestilentia, mawtānā, kūrhanā, shabtā.

Результаты и обсуждение

Основные проблемы

Прежде чем приступить к теме статьи, необходимо учесть несколько проблем, без которых невозможно изучение периодизации и хронологии первой пандемии чумы.

I. Определение Юстиниановой чумы

Название пандемии имеет достаточно условный характер и связано с именем императора Юстиниана I, при котором болезнь пришла из Африки в Средиземноморье. В современной историографии понятие «Юстинианова чума» употребляется для обозначения первой пандемии чумы и обычно охватывает длительный период в 541–750 гг., часто включает в себя не только чуму при Юстиниане I, но и сменяющие друг друга каждые 15–20 лет эпидемии, серьезно замедлявшие рост населения в Раннем Средневековье [Russel, 1987, 43–44; Toohey, 2016, 401–412; Harper, 2017, 272–275]. Благодаря этому практически все повоальные заболевания этого времени подходят под это понятие.

II. Вопросы терминологии

Значительные затруднения в работе исследователей создает собирательность понятия «чума», из-за чего в текстах письменных и эпиграфических источников не всегда можно получить представление, о какой именно болезни в них идет речь [Супотницкий, Супотницкая, 2006, с. 4]. Терминологический разбор описаний чумы в греческих источниках позволяет выделить несколько слов и словосочетаний, которые употреблялись не только в древности, но и в средневековой Византии, в т. ч. для обозначения «Черной смерти» [Зибаев, 2022, 189–206]. К их числу относятся: 1. ὁ λοῖμός – чума, бедствие, мор, болезнь, паразит (иногда) (Procopius. De bellis. IV. 14, 5–6; II. 23; Agathias Schol. Hist. Prelog.; V. 10; Malala. Chron. 487–489; Evagrius. Hist. ecc. IV. 29; Theophylactus Simocatta. Hist. V. 10. 13–15), значение термина см: [Sophocles, 1914, 720; Frisk, 1960, 134–135; Liddel, Scott, 1996, 1060]. 2. τό λοῖμώδεις πάθος – чумное несчастье (Evagrius. Hist. ecc. IV. 29). 3. ὁ βουβών – опухоль в паху, пах (изначально) (Malala. Chronog. XVIII. P. 481–482, 489), значение термина см: [Liddel, Scott, 1996, 323; Дворецкий, 1958, 302].

В отличие от греческих авторов, латинские используют значительно больше терминов для обозначения чумы. К ним относятся: 1. Inguinalis plaga – паховая рана (An. Caes. a. 542; Iohan. Bictar. Chron. a. 573), значение термина plāga см: [Дворецкий, 1976, 774]; inguen в: [Дворецкий, 1976, 526; Vaan M. de., 2008, 389]. 2. Inguinaris [morbus] – паховая болезнь / бедствие (Vic. Tunn. a. 542; Gregor. Tur. Hist. Franc. IV. 5; X. 1), значение термина morbus см: [Дворецкий, 1976, 648; Vaan M. de., 2008, 303–304]. 3. Mortalitas magna – великая / большая смерть. (Marc. Com. a. 543), значение термина mortalitas см: [Дворецкий, 1976, 649]. 4. Clades glandolaria – поражение желез (Fredeg. Chron. a. 599); 5. Pestis inguinaris / pestilentia – паховая чума / эпидемия чумы (Paul. Diac. Hist. Langobard. II. 4), значение термина pestilentia см: [Дворецкий, 1976, 761; Vaan M. de., 2008, 463].

В сирийских письменных источниках для обозначения чумы использовались несколько слов и словосочетаний [Morony, 2007, 59–86]: mawtānā – эпидемия, смертность (словарная форма), mawtānā rabbā – смертельная язва (Anecdota Syr. II. 304), kūrhanā –

болезнь (словарная форма), shabtā – бедствие (словарная форма), mawtānā h^cwa rabbā – великая язва / чума (Ioan. Ephes. 639), mawtānā qadmayā – великая смерть (Chron. misc. CSCO 3, p. 143), wabā – чума (Hist. Nestor. 182–83 [90–91]), shabtā d^e mawtāna – смертельное бедствие (Mich. Syr. Chron. II. 240, IV. 307), mawtānā^cazzīzā – эпидемия чумы / моровая язва (Zachar. Hist. ecc. II. 174) и mawtānā d^e shar^cūtā – бубонная чума (Hist. Nestor. 185 [93]).

Мы смогли подтвердить, что в Ранней Византии не было специальных терминов, относящихся исключительно к чуме. Если у древних греческих авторов, начиная с архаического периода, термин λοιμός употреблялся для обозначения любых повальных болезней и продолжает применяться для обозначения чумы в современной греческой медицинской литературе, то у латинских авторов понятия pestis inguinalis и pestilentia окончательно станут названиями чумы только в VIII в. У сирийцев слово mawtā ляжет в основу большинства наименований этой болезни вплоть до окончательного вытеснения классического сирийского языка арабским из культурной среды Сирии.

III. Общее состояние нарративной традиции

Внезапное появление чумы в Египте подробно описано только у Прокопия Кесарийского (Procopius. De bellis. IV. 14, 5–6; II. 23) и Иоанна Эфесского (Ioan. Ephes. 639). При этом тезис об огромных демографических потерях населения империи в значительной степени основан на рассказах этих двух авторов. Все отрывки с упоминаниями чумы из «Истории войн» и монофизитской «Церковной истории» рассматривались исследователями как в контексте произведений, в которых они упоминались, так и в рамках греческой и сирийской культурной среды [Biraben, Le Goff, 1975, 48–80].

С нач. VII в. общее количество свидетельств об эпидемиях в различных областях Средиземноморья продолжает постепенно сокращаться, пока после 750 г. они не исчезают полностью. В связи с этим вызывает сомнение категорическая позиция Л. Мордехая о незначительных последствиях дальнейших повторений чумы по сравнению с эпидемией 542 г. [Mordechai, 2018]. По мнению исследователя, из множества греческих и латинских авторов, живших в VI–VIII вв., только 20 % упоминают один из симптомов болезни, остальные же лишь подчеркивают высокую смертность от неких повальных болезней. Диагноз чумы далеко не однозначен, так как половина источников описывает неопределенную смертность от разных болезней [Stathakopoulos, 2016, 177–386]. На наш взгляд, объяснение этому противоречию в нарративных источниках и терминологии находится в изменении отношения современников к чуме как к неизбежному страшному явлению своего времени наряду с войнами, внутренней нестабильностью и массовой смертностью населения [Зибаев, Жукова, 2022, 158–186].

Периодизация Юстиниановой чумы

Представленные выше проблемы необходимо учитывать при определении периодизации Юстиниановой чумы. По нашему мнению, в рамках первой пандемии необходимо выделить собственно *классическую «Юстинианову чуму»* – длительную эпидемию, затронувшую Средиземноморье с прилегающими областями в правления Юстиниана I Великого, Юстина II, Тиберия II, Маврикия и подробно изложенную в греческой нарративной традиции; и *«долгую чуму»* – прочие эпидемии, свирепствовавшие в цивилизованном мире до 750 г. Большинство современных исследователей не приводят никакой периодизации эпидемии, поэтому в нашем исследовании мы берем за основу схему, которая была принята Г. Хезером [Haeser, 1882, 37–54] и изменена М.В. Супотницким [Супотницкий, Супотницкая, 2006, с. 48–51]. Согласно ей, нижние хронологические рамки собственно классической «Юстиниановой чумы» ограничиваются 541 г., верхние – 590 г. Затем выделяются три последовательно сменяющие друг друга цикла эпидемии: 541–556 гг., 558–565 гг., 570–590 гг. Несмотря на все ее достоинства, схема не была продлена авторами на последующие вспышки чумы VI–VIII вв. Продолжительность каждого цикла пандемии

определяется от 7 до 15–20 лет, при этом наиболее уязвимым местом в цивилизованном мире был г. Константинополь из-за своего расположения на пересечении важнейших торговых путей. Принципы периодизации Юстиниановой чумы, предложенные упомянутыми исследователями, во многом основаны на рассказе о четырех эпидемиях в «Церковной истории» Евагрия Схоластика (Evagrius. Hist. ecc. IV. 29), который создал свой труд спустя почти 50 лет после ее внезапного появления (590 г.) в г. Пелузии, где описывается возвращение чумы через каждые 15 лет.

Но начиная с VII в. возвращение чумы в греческой и латинской историографии начинает упоминаться эпизодически с практически полным отсутствием описаний симптомов болезни и резким изменением стиля повествования в источниках. Можно согласиться со справедливыми замечаниями М. Мейера и М. Келлера [Keller, Paulus, Xoplaki, 2021, 385–401], что во время катастрофических событий VI–VIII вв. практически все авторы видели в чуме Божью кару за греховную и развратную жизнь современников. Арабские завоевания привели к утрате огромных территорий на Ближнем Востоке и в Северной Африке с их важнейшими для античной цивилизации культурными центрами: Александрией, Антиохией, Кесарией Палестинской, Газой, Карфагеном и др. [Meier, 2004, 283, 310; Meier, 2020, 172–199]. Переживаемую уже несколькими поколениями страшную катастрофу уже нельзя было интерпретировать обычными приемами античной историографии, поэтому мирские люди и светские историки стали прибегать к объяснительным моделям церковной историографии, более присущим хроникам и «Церковным историям» эпохи раннего христианства. Краткие свидетельства авторов VII–VIII вв. об эпидемиях своего времени все же позволяют осторожно продолжить схему Г. Хезера и М. Супотницкого еще на два столетия, вплоть до 750 г. Этому способствуют как широкие территориальные рамки распространения болезни от бывших римских провинций на западе Средиземноморья до Танского Китая на Дальнем Востоке, так и многочисленность самих свидетельств о чуме. На наш взгляд, первая пандемия включает в себя следующие периоды:

I. 541–556 гг. В это время чума появилась в Египте (541 г., г. Пелузий) и за короткое время распространилась по всему Средиземноморью, уменьшив население побережья на 30–50 % [Wójcik, 2011, 377–401]. Во внутренних районах она затронула практически все территории, когда-либо входившие в состав Римской империи, за исключением Британии и Ирландии, куда болезнь придет в 544–549 гг. [Sticker, 1908–1910, 24–35; MacArthur, 1948–1949, 169–188; Dooley, 2007, 215–230]. Подробный разбор свидетельств греческих и латинских авторов позволяет прийти к выводу, что чума этого времени отличалась повышенной смертоносностью (Procop. De bellis. IV. 14, 5–6; Agath. Schol. Hist. Prelog. V. 10; Malala. Chron. P. 487–489; Marcell. Com. a. 543; Vict. Tunn. a. 542; Chron. Caesar. a. 542).

II. 557–565/569 гг. Из источников становится известно (Agath. Schol. Hist. V. 10; Malala. Chron. XVIII. P. 481–490), что в эти хронологические рамки сильнее всего пострадали Константинополь и Италия, причем последняя была опустошена настолько сильно, что, судя по всему, погибла значительная часть личного состава гарнизонов, которые охраняли альпийскую границу [Alfani, 2013, 408–412]. Этим стечением обстоятельств незамедлительно воспользовались лангобарды, начавшие вторжение в Цезальпийскую Галлию в 568 г. Павел Диакон, один из выдающихся авторов VIII в., признавал, что чума оказала положительное влияние на начальный этап переселения людей короля Альбоина, причем германцы столкнулись с серьезным сопротивлением римлян только в Тицине. Глазам варваров предстала ужасная картина: опустевшие деревня, брошенные поля и множество непогребенных мертвецов (Paul. Diac. Hist. langobard. II. 4).

III. 570–591 гг. Третий цикл пандемии, как и первый, охватил почти все бывшие провинции Римской империи. Античные авторы сообщали, что чума не уходила, пока не забирала до половины населения городов и деревень (Evagr. Hist. ecc. IV. 29). Последние её очаги упомянуты Григорием Турским (Gregor. Tur. Hist. Franc. IV. 5; X. 1) и Павлом Диаконем (Paul. Diac. Hist. langobard. II. 4) в 589–591 гг. Особенно сильно пострадали в это

время г. Массилия и г. Рим. По словам М.В. Супотницкого, злокачественность чумы в третий цикл эпидемии значительно снизилась, и в бассейне Средиземного моря умирало все меньше людей [Супотницкий, 2006, с. 50].

IV. 591–608 гг. В отличие от предыдущего периода о четвертом цикле пандемии сохранились обрывочные сведения. По подсчетам исследователей, начиная с этого времени злокачественность чумы заметно уменьшилась и от нее умирало уже около 10 % населения при каждой вспышке заболевания. В это время заметно сократилось население отдельных районов Италии, Балканского полуострова, Египта, Африканского экзархата, Сирии и Финикии. В Италии сильнее всего пострадали Равеннский экзархат (Agnel. Lib. pontif. 101) с его крупнейшими центрами Равенной и Римом и несколько пограничных городов в Лангобардском королевстве (Paul. Diac. Hist. langobard. IV. 14; Gregor. Magn. Regist. Epist. IX. 232, X. 20). Об эпидемиях во Фракии (597 г.) и Македонии (598 г.) сообщают Феофилакт Симокагта (Theof. Sim. Hist. VII. 15.2) и хартофилак Иоанн Ставракий в «Чудесах св. Димитрия Солунского» (Mirac. S. Demetrii I. 57–82). При этом на Балканском полуострове сильнее всего была затронута Македония, что позволило славянам свободно заселить весь регион. На это же время приходится начало процесса смены греческих названий на славянские (Баришић Фр., 1953, с. 143–145; Димитров, 2005, с. 21–23; Кузмановска, 2013, с. 244–256; Ковачева, 2018, 491–497).

Григорий Великий описывает эпидемию чумы (600 г.) в первом письме к патрицию Венанцию и его жене Италике (Gregor. Magn. Regist. Epist. IX. 232). Во втором письме к Доминику, епископу Карфагенскому, он упоминает о том же самом как о моровой язве, заполонившей Африканский экзархат, добавляя, что Италия также не была свободна от этого недуга (X. 20. 814–15, 850–51). В «Хронике» Михаила Сирийца (XII в.) кратко рассказывается об эпидемиях в г. Константинополе, Малой Азии, Сирии и Финикии (597–604 гг.) (Mich. Syr. Chron. II. 373–374).

V. 609–626 гг. В этот период существуют лишь несколько записей о чуме в Средиземноморье: в Риме, Александрии и Константинополе. Катастрофические события, связанные с войной с Сасанидским Ираном (602–628 гг.), успехами лангобардов в Италии, расселением славян на Балканах и внутривосточной нестабильностью в Византии отвлекли внимание современников от эпидемий. В Liber Pontificalis – сборнике деяний римских пап – кратко описываются бедствия, обрушившиеся на Равеннский экзархат при понтификате Бонифация IV, где чуме и голоду отводится важнейшая роль в успехах лангобардов на приграничных землях (Lib. Pontif. LXVIII, I. 317). На наш взгляд, очевидной причиной начавшегося голода стал пик похолодания климата, начавшегося после климатической катастрофы 535–536 гг. Произошло резкое снижение урожайности зерновых культур и плодовых деревьев в Средиземноморье, при этом особенно сильно пострадала в это время Северная Африка, снизившая поставки зерна в Италию [В ntgen, Myglan, 2016; Hartman, Kurbatov, 2018; McCormick, 2019, 3–30]. Здесь важен и политический фактор. Персы временно завоевали Египет в 616 г. и лишили г. Константинополь продовольствия. После восстания знатной семьи Ираклиев в г. Карфагене и свержения узурпатора Флавия Фоки в 610 г. новый император перенаправил поставки большей части зерна в столицу, осложнив тем самым положение г. Рима.

На это же время приходится вспышка чумы в г. Константинополе, которая описывается в более поздних источниках VIII в.: «Бревиарии» патриарха Никифора, «Хронике» Георгия Монаха и «Чудесах св. Артемия» (Mirac. S. Demetrii I. 57–82; Nikeph. Breviar. 8, 12; Georg. Mon. Chron. 669; 34). В каждом из них даны свои описания хода эпидемии. Главной же причиной бедствия авторы видят смертные грехи современников и последствия невероятной жестокости тирана Фоки, поправшего своими деяниями Божьи законы. Особенное внимание здесь уделяется убийству законного императора Флавия Маврикия Тиберия и его семьи, что обрушило гнев Божий на всю империю. Эпидемии в

Александрии и Египте в 609–619 гг. описывает только Леонтий в «Жизни Иоанна Милостивого» (Leont. 95).

VI. 626–647 гг. В эти хронологические рамки практически отсутствуют сведения об эпидемиях на территории Византии. Возвращение чумы в бывшие византийские провинции, завоеванные арабами, кратко описывали только Михаил Сириец (Mich. Syr. Chron. II. 412, 431, 445–449) и Агапий Манбиджский (Agar. PO 8, 469), жившие в X в. По их словам, болезни погубили множество жителей Ирака, Сирии, Палестины и Египта. В ряде источников говорится о первой вспышке чумы в Иране на 6 год Хиджры (23 мая 627 г. – 10 мая 628 г.). Арабы называли эту болезнь «чумой Шируйе» в честь персидского шахиншаха Кавада II Шируйе, умершего от чумы в 629 г.

VII. 648–668 гг. Седьмой цикл пандемии представлен двумя эпидемиями в Риме и Ираке, упоминаемыми арабскими хронистами и Бедой Достопочтенным (Beda. III. 29, IV. 1). Беда описывает возвращение чумы в г. Рим в 664 г. По его словам, Вигхард, избранный архиепископ Кентерберийский, был отправлен в Рим для посвящения в сан; однако вместо этого и он, и его спутники умерли от эпидемии, которая в то время свирепствовала в городе. Арабские авторы упоминают эпидемию чумы в г. Куфа, которая свирепствовала в городе около восьми месяцев, примерно с февраля по сентябрь 670 г.

VIII. 670–690 гг. Из письменных источников становится понятно, что в указанное время чума появилась на арабском Ближнем Востоке (Египет, Ирак, Палестина), в Риме и королевстве Лангобардов. При этом сильнее всех пострадала Сирия, потерявшая до 20 % населения в 683–687 гг. (Theoph. Chron. 361; Agar., in PO 8, 497). Наиболее жуткие описания эпидемии в Сирии оставил Иоанн бар Петкайя. Чума в г. Риме связана с понтификатами Донуса 676–680 гг. (Lib. Pontif. LXXX, I. 348; Paul. Diac., Hist. Langob, V. 31) и Агафона в 680 г. (Lib. Pontif. LXXXI, I. 350; Paul. Hist. Langob, VI. 5). По сообщению источников, в это время погибает до половины всего населения города. Многие горожане бегут в горы, а городские улицы зарастают травой.

IX. 698–718 гг. В это время произошли вспышки чумы в Сирии, на о. Крит и в г. Константинополе. Об эпидемии в столице (698 г.) сообщают Феофан и патриарх Никифор, которые связывали ее возникновение с работами в гавани Неорион императором Леонтием (Theoph. Chron. 370; Nikeph. Brev. 41). Византийские авторы сообщали о пассивном распространении эпидемии водным путём.

В это время сильно пострадала Сирия. Феофан описывает вспышку тяжелой эпидемии без какой-либо дополнительной информации о ее географическом охвате или последствиях (Theoph. Chron. 371). Сообщение Ильи аналогично, за исключением того, что эпидемия указана как «бубонная» (Elīyā bar Shin. Chron. a. 80). В «Хронике Зукнина» говорится о вспышке мора, который убил так много людей, что живых не хватало, чтобы похоронить мертвых (Chron. Zuqn. a. 1016). Михаил Сириец пишет, что мор унес жизни трети всех ныне живущих людей (Mich. Syr. Chron. II. 480). Об эпидемии, засухе и недостатке продовольствия (711 г.) на о. Крит сообщает автор «Жития Андрея Критского» (9. 177–8).

X. 725–745 гг. Десятый цикл пандемии затронул Сирию, Месопотамию, Палестину, Италию, Грецию и г. Константинополь. При этом большая часть источников об этом написана на сирийском и арабском языках (Agar., in PO 8, 506; Elīyā bar Shin. Chron. 107). Из греческих авторов о чуме писали патриарх Никифор (Nikeph. Brev. 66), Феодор Студит (Theod. Stud. Laud. Plat., in PG 99, 805 B-D) и Феофан (Theoph. Chron. 404).

XI. 748–750 гг. На это время приходятся последние упоминания чумы в Раннем Средневековье. В 748 г. началась последняя крупная эпидемия в г. Константинополе, где, по сообщениям Феофана, Феодора Студита и патриарха Никифора, умерло много людей. Все источники настроены враждебно по отношению к императору Константину V, при котором произошла чума, и поэтому приписывают вспышку эпидемии лично ему и его иконоборческой политике.

Заклучение

На основании представленного выше материала можно сделать вывод о периодизации Юстиниановой чумы. На наш взгляд, продление схемы М.В. Супотницкого и Г. Хезера на VII–VIII вв. позволяет лучше увидеть вспышки болезни с исследовательской точки зрения, поскольку каждый новый цикл пандемии в прямой взаимосвязи с другими потрясениями того времени создает общую картину хаоса и разрушения в эпоху «Темных веков». Разделение «классической Юстиниановой чумы» и периода «долгой чумы» отражает и важный рубеж в истории византийской литературы. Наряду с широким распространением жанра хроник очевидны колоссальные сдвиги в мировоззрении интеллектуалов той эпохи, где чума является пощущением Божиим за смертные грехи современников.

Список литературы

- Дворецкий И.Х. 1958. Древнегреческо-русский словарь. Т. I. Москва, государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1043 с.
- Дворецкий И.Х. 1976. Латинско-русский словарь. Москва, Русский язык, 1096 с.
- Зибаев А.В. 2022. От *λοϊμός* (Procop. De bellis. IV. 14, 5–6; II. 23) к *pestis inguinalis* (Paul. Diac. Hist. langobard. IV. 4): восприятие «Юстиниановой чумы» греческими и латинскими авторами VI–VIII вв. В: Мнемон. *Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 22. № 1–2: 189–206.
- Зибаев А.В., Жукова В.Ф. 2022. Формы чумы у Прокопия Кесарийского (Procop. De Bellis. IV. 14) и Евагрия Схоластика (Evagrius. Hist. ecc. IV. 29): О развитии теоретической медицины в Восточной Римской империи VI в. В: Нуротека. Журнал по истории античной педагогической культуры. Вып. 6. Медицинское образование в Античности: 158–186.
- Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. 2006. Очерки истории чумы. Кн. 1. Чума добактериологического периода. Москва, Вузовская книга, 468 с.
- Баришић Фр. 1953. Чуда Димитрија Солунског као историјски извори. Београд, 157 с.
- Димитров Д.Й. 2005. Тъмните векове на Византия: (културно-исторически очерци). Велико Търново, Издателство «Фабер», 256 с.
- Ковачева Л. Куга у Антици и Византији и њена перцепција у македонским народним предвњима. 2018. В: Ниш и Византија. 36. XVII: 491–497.
- Кузмановска Ј.А. 2013. Позноантичка топонимија Македоније и Тесалије у Прокопијеву делу De aedificiis. Београд, докторска дисертација, 280 с.
- Alfani G. 2013. Plague in Seventeenth-Century Europe and the Decline of Italy: An Epidemiological Hypothesis. In: European Review of Economic History. Vol. 17(4): 408–412.
- Biraben J.N., Le Goff J. 1975. The Plague in the Early Middle Ages. In: Biology of Man in History. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 48–80.
- tgen U., Myglan V.S., Ljungqvist F.Ch., McCormick M., Cosmo N.D., Sig M.J., Wagner S., Krusic P.J., Esper J., Kaplan J.O., Vaan M.A.C. de, Luterbacher J., Wacker L., Tegel W., Kirdeyanov A.V. 2016. Cooling and Societal Change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD. In: Nature Geoscience. (<http://dx.doi.org/10.1038/geo2652>).
- Dooley A. 2007. The Plague and Its Consequences in Ireland In: Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750. Cambridge, Cambridge University Press: 215–230.
- Frisk H. 1960: Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. II: K–Ω. Heidelberg, Universitätsverlag, 1154 s.
- Haeser H. 1882. Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der Volkskrankheiten. Bd. III. Jena, Verlag von Gustav Fischer, 996 s.
- Haldon J., Elton H., Huebner S. R., Izdebski A., Mordechai L., Newfield T. P. 2018. Plagues, Climate Change, and the End of an Empire: A Response to Kyle Harper's The Fate of Rome. In: History Compass. Vol. 1–3 (e12507. <https://doi.org/10.1111/hic3.12507>)
- Harper K. 2017: The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire. Princeton, Princeton University Press, 440 p.
- Hartman L., Kurbatov A.V. 2018: SI Data on Colle Gnifetti Tephra from AD 536 Volcanic Event. In: Antiquity. Cambridge, (<https://doi.org/10.7910/DVN/WJVK3>).

- Keller M., Paulus Ch., Xoplaki E. 2021. Die Justinianische Pest. Grenzen und Chancen naturwissenschaftlicher Ansätze r ein integratives Geschichtsverständnis. In: Evangelische Theologie. Vol. 81. Iss. 5: 385–401.
- Liddel G.H., Scott R. 1996. A Greek-English Lexicon. Oxford, Oxford University Press, 2438 p.
- MacArthur W.P. 1948–1949. The Identification of Some Pestilences Recorded in the Irish Annals. In: Irish Historical Studies. Vol. 6: 169–188.
- McCormick M. 2019. Climates of History, Histories of Climate: From History to Archaeoscience. In: Journal of Interdisciplinary History № 50. Iss. 1: 3–30.
- Meier M. 2004. Prokop, Agathias, die Pest und das Ende' der antiken Historiographie. In: Historische Zeitschrift. Bd. 278. H. 1: 281–310.
- Meier M. 2020. "The 'Justinianic Plague': An "Inconsequential Pandemic"? A Reply". In: Medizinhistorisches Journal. Bd. 55/2: 172–199.
- Mordechai L., Eisenberg M. 2019. Rejecting Catastrophe: The Case of the Justinianic Plague. In: Past & Present, Vol. 244. Iss. 1: 3–50.
- Morony M.G. 2007: For Whom Does the Writer Write? The First Bubonic Plague Pandemic According to Syriac Sources. In: Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750. Cambridge, Cambridge University Press, 59–86.
- Russel J.C. 1987. Medieval Demography: Essays, Ams Studies in the Middle Ages. New York, Ams Pr. Inc., 325 p.
- Sophocles E.A. 1914. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From 146 B.C. to A.D. 1100). Cambridge, Cambridge University Press, 1188 p.
- Stathakopoulos D.Ch. 1998. Die Terminologie der Pest in byzantinischen Quellen. In: Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Bd. 48: 2–7.
- Stathakopoulos D.Ch. 2016. Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine Empire: A Systematic Survey of Subsistence Crises and Epidemics. London; New York, Routledge, 432 p.
- Sticker G. 1908–1910. Abhandlungen aus der Seuchengeschichte und Seuchenlehre. Bd. 2. Teil 1. Die Pest: Die Pest als Seuche und als Plage. Gießen, Toepelmann, 1068 s.
- Toohey M. 2016: Climatic and Societal Impacts of the Volcanic Double Event at the Dawn of the Middle Ages. In: Climatic Change, 136: 401–412.
- Vaan M. de. 2008. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden; Boston, Brill, 825 s.
- Wójcik M. 2011. Plaga Justyniana: Cesarstwo wobec epidemii. W: Zeszyty Prawnicze. R. 11. Z. 1: 377–401.

References

- Dvoreckij I.H. 1958. Drevnegrechesko-russkiy slovar [Greek-Russian Dictionary]. T. I. Moscow, «Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykhslovaray», 1043 p.
- Dvoreckij I.H. 1976. Latinsko-russkiy slovar' [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Russkij jazyk, 1096 p.
- Zibaev A.V. 2022. Ot λοιμός (Procop. De bellis. IV. 14, 5–6; II. 23) k pestis inguinaria (Paul. Diac. Hist. langobard. IV. 4): vospriyatie «Justinianovoj chumy» grecheskimi i latinskimi avtorami VI–VIII vv. [From λοιμός (Procop. De bellis. IV. 14, 5–6; II. 23) to pestis inguinaria (Paul. Diac. Hist. Langobard. IV. 4): perception of "Justinian's plague" by Greek and Latin authors of VI–VIII centuries] V: *Mnemon. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira*. Vyp. 22. № 1–2: 189–206.
- Zibaev A.V., Zhukova V.F. 2022. Formy chumy u Prokopija Kesarijskogo (Procop. De Bellis. IV. 14) i Evagrija Sholastika (Evagrius. Hist. ecc. IV. 29): O razvitii teoreticheskij mediciny v Vostochnoj Rimskoj imperii VI v. [Forms of Plague in Procopius of Caesarea (Procop. De bellis. IV. 14) and Evagrius Scholasticus (Evagrius. Hist. ecc. IV. 29): On the Development of Clinical Medicine in the Eastern Roman Empire in the Fourth Century] V: *Hypotekai. Zhurnal po istorii antichnoj pedagogicheskoy kul'tury*. Vyp. 6. Medicinskoe obrazovanie v Antichnosti: 158–186.
- Supotnickij M.V., Supotnickaja N.S. 2006. Oчерki istorii chumy [Essays on the History of the Plague. Vol. I. Plague of the Pre-Bacteriological Period]. Kn. 1. Chuma dobakteriologicheskogo perioda. Moskow, Vuzovskaja kniga, 468 s.
- Баришић Фр. 1953. Чуда Димитрија Солунског као историјски извори. Београд, 157 с.
- Димитров Д.Ї. 2005. Тъмните векове на Византия: (културно-исторически очерци). Велико Търново, Издателство «Фабер», 256 с.

- Ковачева Л. Куга у Антици и Византији и њена перцепција у македонским народним предвњима. 2018. В: Ниш и Византија. Зб. XVII: 491–497.
- Кузмановска Ј.А. 2013. Позноантичка топонимија Македоније и Тесалије у Прокопијеву делу *De aedificiis*. Београд, докторска дисертација, 280 с.
- Alfani G. 2013. Plague in Seventeenth-Century Europe and the Decline of Italy: An Epidemiological Hypothesis. In: *European Review of Economic History*. Vol. 17(4): 408–412.
- Biraben J.N., Le Goff J. 1975. The Plague in the Early Middle Ages. In: *Biology of Man in History*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 48–80.
- tgen U., Myglan V.S., Ljungqvist F.Ch., McCormick M., Cosmo N.D., Sig M.J., Wagner S., Krusic P.J., Esper J., Kaplan J.O., Vaan M.A.C. de, Luterbacher J., Wacker L., Tegel W., Kirilyanov A.V. 2016. Cooling and Societal Change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD. In: *Nature Geoscience*. (<http://dx.doi.org/10.1038/ngeo2652>).
- Dooley A. 2007. The Plague and Its Consequences in Ireland In: *Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750*. Cambridge, Cambridge University Press: 215–230.
- Frisk H. 1960. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. II: K–Ω. Heidelberg, Universitätsverlag, 1154 s.
- Haeser H. 1882. *Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der Volkskrankheiten*. Bd. III. Jena, Verlag von Gustav Fischer, 996 s.
- Haldon J., Elton H., Huebner S. R., Izdebski A., Mordechai L., Newfield T. P. 2018. Plagues, Climate Change, and the End of an Empire: A Response to Kyle Harper's *The Fate of Rome*. In: *History Compass*. Vol. 1–3 (e12507. <https://doi.org/10.1111/hic3.12507>)
- Harper K. 2017: *The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire*. Princeton, Princeton University Press, 440 p.
- Hartman L., Kurbatov A.V. 2018: SI Data on Colle Gnifetti Tephra from AD 536 Volcanic Event. In: *Antiquity*. Cambridge, (<https://doi.org/10.7910/DVN/WJVK3>).
- Keller M., Paulus Ch., Xoplaki E. 2021. Die Justinianische Pest. Grenzen und Chancen naturwissenschaftlicher Ansätze r ein integratives Geschichtsverständnis. In: *Evangelische Theologie*. Vol. 81. Iss. 5: 385–401.
- Liddel G.H., Scott R. 1996. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, Oxford University Press, 2438 p.
- MacArthur W.P. 1948–1949. The Identification of Some Pestilences Recorded in the Irish Annals. In: *Irish Historical Studies*. Vol. 6: 169–188.
- McCormick M. 2019. Climates of History, Histories of Climate: From History to Archaeoscience. In: *Journal of Interdisciplinary History* № 50. Iss. 1: 3–30.
- Meier M. 2004. Prokop, Agathias, die Pest und das Ende' der antiken Historiographie. In: *Historische Zeitschrift*. Bd. 278. H. 1: 281–310.
- Meier M. 2020. “The ‘Justinianic Plague’: An “Inconsequential Pandemic”? A Reply”. In: *Medizinhistorisches Journal*. Bd. 55/2: 172–199.
- Mordechai L., Eisenberg M. 2019. Rejecting Catastrophe: The Case of the Justinianic Plague. In: *Past & Present*, Vol. 244. Iss. 1: 3–50.
- Morony M.G. 2007: For Whom Does the Writer Write? The First Bubonic Plague Pandemic According to Syriac Sources. In: *Plague and the End of Antiquity: The Pandemic of 541–750*. Cambridge, Cambridge University Press, 59–86.
- Russel J.C. 1987. *Medieval Demography: Essays*, *Ams Studies in the Middle Ages*. New York, Ams Pr. Inc., 325 p.
- Sophocles E.A. 1914. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From 146 B.C. to A.D. 1100)*. Cambridge, Cambridge University Press, 1188 p.
- Stathakopoulos D.Ch. 1998. Die Terminologie der Pest in byzantinischen Quellen. In: *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Bd. 48: 2–7.
- Stathakopoulos D.Ch. 2016. *Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine Empire: A Systematic Survey of Subsistence Crises and Epidemics*. London; New York, Routledge, 432 p.
- Sticker G. 1908–1910. *Abhandlungen aus der Seuchengeschichte und Seuchenlehre*. Bd. 2. Teil 1. Die Pest: Die Pest als Seuche und als Plage. Gießen, Toepelmann, 1068 s.
- Toohey M. 2016: Climatic and Societal Impacts of the Volcanic Double Event at the Dawn of the Middle Ages. In: *Climatic Change*, 136: 401–412.

Vaan M. de. 2008. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden; Boston, Brill, 825 s.

Wójcik M. 2011. Plaga Justyniana: Cesarstwo wobec epidemii. W: Zeszyty Prawnicze. R. 11. Z. 1: 377–401.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.03.2025

Received 04.03.2025

Поступила после рецензирования 15.03.2025

Revised 15.03.2025

Принята к публикации 17.03.2025

Accepted 17.03.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зибаев Антон Валерьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт гуманитарного образования и спорта, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

 [ORCID: 0009-0000-9810-493X](https://orcid.org/0009-0000-9810-493X)

Anton V. Zibaev, Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer, Institute of Humanitarian Education and Sports, Surgut State University, Surgut, Russia

Жуков Олег Русланович, кандидат филологических наук, преподаватель, Частный медицинский университет «РЕАВИЗ», г. Саратов, Россия

 [ORCID: 0009-0008-7527-8003](https://orcid.org/0009-0008-7527-8003)

Oleg R. Zhukov, Candidate of Sciences in Philology, Lecturer, Private Medical University "REAVIZ", Saratov, Russia

Белоус Павел Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт гуманитарного образования и спорта, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0744-8759](https://orcid.org/0000-0003-0744-8759)

Pavel V. Belous, Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer, Institute of Humanitarian Education and Sports, Surgut State University, Surgut, Russia

УДК 94(569.4)"70/638"

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-69-86

Оригинальное исследование

Экономический симбиоз городов, монастырей и паломничества и его роль в экономическом процветании Палестины в IV–VII вв.

Сухова Ж.М.

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а
E-mail: zhanna-suhova@mail.ru, jmsuhova44@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию экономического симбиоза городов, монастырей и паломничества, а также влияния этих отношений на экономическое процветание Палестины в IV–VII вв. Города были соединены хорошо спланированной дорожной сетью, по которой паломники, купцы и торговцы для безопасности перемещались совместно. У монастырей было несколько источников доходов. Среди них собственный труд монахов (обработка земли, плетение корзин); пожертвования, дарения и завещания в пользу монастырей – вероятно, они были наибольшим источником дохода, на эти средства содержались монастыри, платили налоги, строились странноприимные дома, подспорьем могли стать доходы от сдачи земли в аренду. Труднее оценить размах средств, вырученных от продажи ампулл, оказания услуг сопровождения монахом паломников по святым местам и от оплаты за место в странноприимном доме. Вероятно, даже небольшая плата при монастырях V–VI вв. была вполне уместной и приемлемой. В некоторых случаях церкви и монастыри или даже часть региона могли быть освобождены от уплаты налогов. Однако богатство и процветание монастырей, которые вносили значительный вклад в региональную экономику позднеантичной Палестины, имели значимые социальные функции в эпоху трансформаций и изменений: средства в том числе шли на заботу о больницах, о домах для стариков, сирот и бедняков; подобные дома появлялись при монастырях. Все это, наряду с другими факторами, играло существенную роль в экономическом развитии Палестины, позволяло городам и монастырям Палестины процветать в эпоху Поздней античности и превратиться в развитый центр христианского мира, в который люди шли в поисках внутреннего самоочищения и физического исцеления, в поисках духовных ориентиров в переломные жизненные моменты.

Ключевые слова: город, монастырь, монах, паломничество, монастырская экономика, паломник, экономика, экономический симбиоз, Палестина, Поздняя античность

Для цитирования: Сухова Ж.М. 2025. Экономический симбиоз городов, монастырей и паломничества и его роль в экономическом процветании Палестины в IV–VII вв. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 69–86. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-69-86

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Economic Symbiosis of Cities, Monasteries and Pilgrimage, and its Role in the Economic Prosperity of Palestine in the 4th – 7th Centuries

Zhanna M. Sukhova

Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University,
31a Minin St., Nizhny Novgorod 603155, Russia
E-mail: zhanna-suhova@mail.ru, jmsuhova44@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the economic symbiosis of cities, monasteries and pilgrimage, and its role in the economic prosperity of Palestine in the 4th – 7th centuries. The cities were connected by a well-planned road network, which allowed pilgrims and merchants to travel together for safety. Monasteries had several sources of income, including the work performed by monks, such as cultivating the land and weaving

© Сухова Ж.М., 2025

baskets. Donations, wills, and testaments in favor of the monastery were also significant sources of income. These funds supported the monasteries themselves, allowing them to pay taxes, build guesthouses, and possibly even rent land. The extent of proceeds from the sale of ampullae, providing services for pilgrims (exorcisms), and charging for accommodation at guesthouses is more difficult to estimate. In the 5th–6th centuries, even a modest fee at monasteries was quite appropriate and acceptable. In some cases, entire churches, monasteries, or even regions could be exempt from taxation. However, the wealth and prosperity of the monasteries, which contributed significantly to the regional economy of Late Antique Palestine, also had significant social functions during a time of transformation and change. The funds, among other things, were used to support hospitals, homes for the elderly, orphanages, and the poor. Similar institutions were established at monasteries. All of this, along with other factors, contributed to the economic development of Palestine and allowed the cities and monasteries to prosper in Late Antiquity, becoming a developed center for Christianity where people sought inner purification and physical healing as well as spiritual guidance during critical moments in their lives.

Keywords: city, monastery, monk, pilgrimage, pilgrim, economy, economic symbiosis, monastic economy, Palestine, Late Antiquity

For citation: Sukhova Zh.M. 2025. The Economic Symbiosis of Cities, Monasteries and Pilgrimage, and its Role in the Economic Prosperity of Palestine in the 4th – 7th Centuries. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 69–86 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-69-86

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Современная научная потребность детального и углубленного изучения эпохи Поздней античности как одного из важнейших и спорных периодов всемирной истории регулярно порождает новые предметные области для проведения исследований и дискуссий. Процессы культурной, экономической и социальной трансформации городов, религиозное, этническое и языковое взаимодействие внутри них, а также культурные практики городского образа жизни и способы организации людей в городской среде исторически складывались и происходили неоднородно и сложнее в таких регионах, которые находятся на границе культурных миров. В этом отношении одним из перспективных направлений исследований должны стать города провинций Ближнего Востока, а для нашего исследования мы выбрали конкретно города Палестины – области, расположенной в самом сердце Ближнего Востока между Сирией, Египтом, Месопотамией, Аравией и Средиземноморьем, которая находится на линии разлома цивилизаций, столкновения империй и народов. Бесспорно, реалии городской жизни позднеантичной Палестины заложили основы и до сих пор во многом определяют вектор развития и специфику данного региона: эпоха и ее излет обозначили будущую глубину противоречий, которые накапливались в последующие эпохи и, вызревая веками, разрослись в нынешнем мире. Эти противоречия все так же связаны с потребностями в земле, воде, в контроле над торговыми путями и святынями, подогреваемые доктринальными несовпадениями мировых религий, а также осложняемые доктринальными несовпадениями внутри самих религий [Гасратян, 2019, с. 7–8].

Практически с начала эпохи Поздней античности, но главным образом со времени правления императора Константина (306–337 гг.), облик городов Палестины стал меняться: был запущен сам процесс формирования культа Святой земли, культа святынь и мучеников приобрели невиданные до этого времени масштабы, широкий размах приобрело церковное строительство, в городах и близ них стали появляться многочисленные монастыри, и, наконец, формируется традиция христианского паломничества [Stemberger, 2000, p. 115]. Вопрос взаимосвязи экономического процветания провинций римского Востока и совместной роли городов, монастырей и паломничества в этом начал изучаться относительно недавно (отметим, что вместе с этим формируется исследовательское поле об экономических отношениях сельской местности и монастырей в эпоху Поздней античности, однако в отрыве от паломничества и святых мест) [Goldfus, 2003, p. 71–79; Aviam, 2017, p. 117–133; Aviam,

Ashkenazi, 2018, p. 1–8; Blanke, Cromwell, 2023, p. 1–38]. Поэтому целью нашего исследования является изучение экономического симбиоза городов, монастырей и паломничества и влияния этих отношений на экономическое процветание Палестины в IV–VII вв.

Объекты и методы исследования

Настоящая работа основана на концепции Поздней античности, благодаря которой события, процессы и явления III–VII вв. изучаются в контексте времени изменений и трансформаций, а саму эпоху принято рассматривать как эпоху культурного разнообразия и экономического подъема, становления христианства [Ващева, 2009; Brown, 1971; Cameron et al., 2008]. Для достижения цели исследования нами были использованы письменные и археологические, вещественные источники. Несмотря на то, что археологического материала Святой земли хватит еще на несколько поколений ученых, на сегодняшний день возможно сделать некоторые уверенные выводы относительно изучаемой нами проблемы, а появление новых сведений и деталей в будущем поможет дополнить и скорректировать выводы, сделанные нами сегодня.

Результаты и их обсуждение

Крупнейшие монастырские кластеры в Палестине складывались либо в самих городах, либо вокруг таких крупных городов, как Газа, Скифополь, Кесария Палестинская, Елевферополь и Иерусалим, в последний кластер обычно включают еще и монастыри Иудейской пустыни [Hirschfeld, 2004, p. 87]. Благодаря археологическим исследованиям, проведенным в Иудейской пустыне, и составленному плану монастырей этого кластера известно, что ни один из монастырей не был удален от древних дорог более чем на 10 км [Heiska, 2003, p. 94–95]. Это расстояние было возможно преодолеть меньше чем за один день пути. Сами монастыри также были расположены близко друг к другу, расстояние до самого ближнего монастыря варьировалось от 1 до 5 километров [там же]. В контексте рассуждений о монастырях близ городов и на пути к городам нужно пояснить, что через Палестину проходило несколько значимых дорог как для самого региона, так и для экономики соседних провинций и всей империи (рис. 1, 2). Первая – *путь Патриархов*³³, пролегла с севера на юг и охватывала территорию от Мегиддо до Хеврона³⁴. Далее – *Via Maris* (морская дорога, «путь филистимлян»), которая соединяла Египет и Левант с Анатолией и Месопотамией³⁵ через торговые прибрежные города³⁶. Следующая – *Царская дорога* (*via Regia, via Traiana Nova*), шла из Египта через Синайский полуостров, выходила через пустыню Негев к Петре и через Иерусалим связывала города в восточной части региона, а далее через Герасу уходила на Дамаск³⁷. Наконец, *торговый путь благовоний* – еще более обширная система путей, которая связывала Средиземноморье с Индией в целом³⁸. Здесь были задействованы как морские, так и сухопутные пути, на которых стояли разные города Палестины. Эти пути являлись в том числе паломническими, так как вели к святыням, расположенным в городах и на пути к ним³⁹.

³³ Дорога, по которой часто перемещались Авраам, Исаак и Иаков.

³⁴ Пролегла через такие важные экономические центры, как Беэр-Шева, Неаполь (Наблус), Иерусалим, Вифлеем, и связывала центральную область региона между собой.

³⁵ То есть территорию плодородного полумесяца.

³⁶ Среди них – Рафия, Газа, Аскалон, Ашдод, Яффа, Антипатрис, Дор, Мегиддо, Тверия и другие. Через Мегиддо или Хацор можно было свернуть на дорогу путь Патриархов.

³⁷ Через эту дорогу набатеи везли предметы роскоши.

³⁸ Позволяла посредством транзитной торговли провозить благовония, пряности, ткани, драгоценности и предметы роскоши.

³⁹ Эти дороги были важны для иудеев, христиан, а с VII столетия и для мусульман (последние совершали хадж по Царской дороге). По мнению исследователя И. Ролла, настоящими причинами строительства разветвленной сети дорог в Палестине в первую очередь стали военные и административные мотивы для правильного управления провинцией и эффективной организации и транспортировки воинских частей, рост населения и

В этом контексте перечисленные ранее города, а вместе с ними и монастыри, стали важными опорными точками на пути транзитной торговли и паломничества. *Кесария Палестинская* представляла собой крупный портовый центр и являлась столицей сначала провинции Сирия-Палестина, а затем Палестины Прими; *Газа* была одним из самых экономически развитых и богатых городов не только Палестины, но и в целом в империи – к ней вели *Via maris* и торговый путь благовоний; *Елевферополь* – город, который находился на главной торговой дороге, ведущей от Иерусалима к морю, то есть к портовым городам (к Газе, Ашдоду, Аскалону и др.); *Скифополь* – столица провинции Палестина Секунда, город располагался на стыке долины Харод и долины Иордана: по долине Иордана на юг пролегла Царская дорога, соединявшая Дамаск и Аравию, а долина Харод соединяла долину Иордана с побережьем Средиземного моря, вдоль берега которого проходила *Via maris*. Наконец, *Иерусалим* – Святой город, находился в центре дороги путь Патриархов, на пути по царской дороге, а также, идя из Иерусалима через Мегиддо или Хацор, можно было свернуть на дорогу *Via maris*. То есть дорожная сеть связывала между собой практически все города, ведь всегда можно было свернуть на нужный путь. Например, во время своего паломничества практически все эти места посетила римская матрона Павла, жившая в 347–406 гг. н.э.: Иероним описал ее путь, и среди упомянутых городов встречаются Иерусалим, Елевферополь, Газа, Кесария Палестинская и другие, связанные с библейской историей [The Pilgrimage of The Holy Paula, 1887, p. V].

Рис. 1. Дорожная сеть Палестины VI–VII вв. Карта была составлена Mapping Past Societies (ссылка: <https://harvard-cga.maps.arcgis.com/apps/webappviewer/index.html?id=9e7b4e361f5940d5bd399ec6c2ca2197>)

Fig. 1. Road network of Palestine in 6th–7th centuries. This map was made by Mapping Past Societies (link: <https://harvard-cga.maps.arcgis.com/apps/webappviewer/index.html?id=9e7b4e361f5940d5bd399ec6c2ca2197>)

В этом ключе близкое расположение монастырей к дорогам и иногда практически на них самих было значимым фактором в отношении экономического развития городов и региона: известно, что торговцы и паломники преодолевали путь совместно, в первую очередь в целях безопасности, кроме того, в житиях святых неоднократно упоминаются случаи нападения разбойников и грабителей на монахов, в особенности когда те старались уединиться от мира, став отшельниками.

экономики стали же во многом результатом дорожной сети, но не причиной ее строительства, и играли второстепенные роли, с чем мы вполне согласны. По подсчетам исследователей, было построено римлянами около 1 500 км дорог. Для сравнения: береговая линия современного Израиля составляет около 230 км, ширина Израиля в самом широком месте составляет около 150 км. Попытки рассчитать плотность дорожной сети на площадь региона требуют доскональных археологических исследований (а значит, и времени), ведь при расчетах необходимо учитывать и километраж улиц городов.

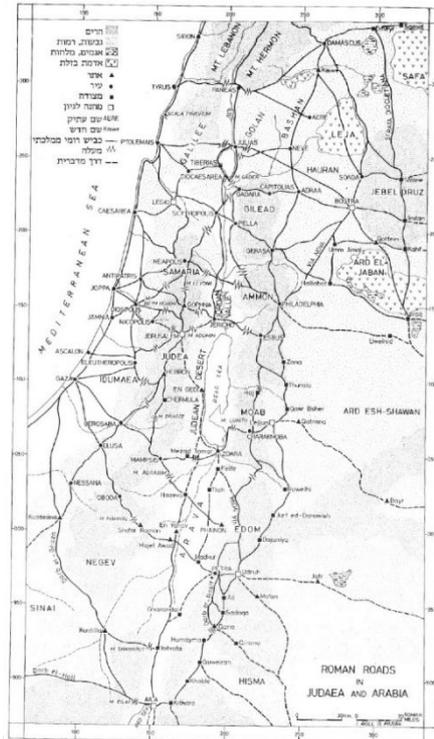

Рис. 2. Главные дороги Палестины [Roll, 1999, p. 109]

Fig. 2. Main roads of Palestine [Roll, 1999, p. 109]

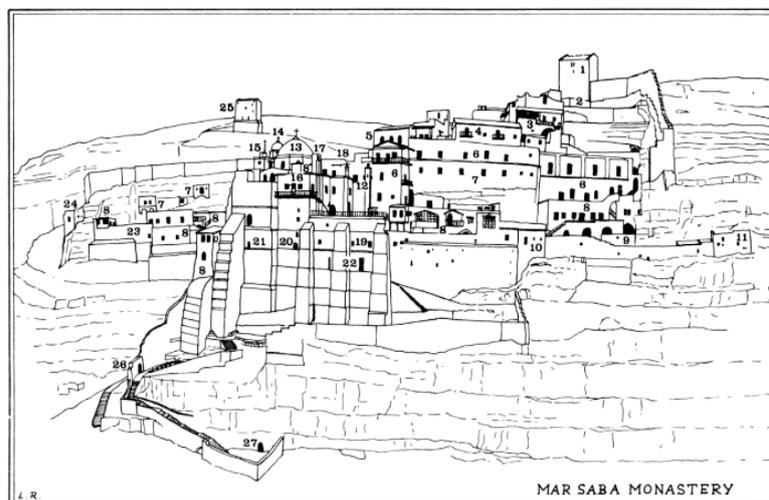
Посещая Святую землю с торговыми целями, можно было воспользоваться пребыванием здесь и по пути приобщиться к святым местам, не потеряв большого количества времени – промедление составило бы 1–2 дня максимум. Остановиться на ночлег⁴⁰ можно было в странноприимных домах, которые строились, как правило, близ монастырей и за что некоторые монастыри брали плату (об этом речь пойдет еще ниже). Это было удобно и для паломников. Некоторые из монастырей имели защитные стены от грабителей, кочевников, нападения сильного соседа – противника империи, могли иметь сторожевые башни. Среди таковых выделяется лавра Саввы Освященного в Кедронской долине (рис. 3, 4), ограничивающей Старый город Иерусалима с востока; Суккийская лавра в Иудейской пустыне, от которой осталась сторожевая башня (рис. 5); монастырь Георгия Хозевита в 5 километрах от Иерихона (рис. 6) и некоторые другие. Помимо монастырей на пути могли встретиться станции вдоль дорог, где паломники могли совершить небольшую остановку для отдыха. Одна такая станция находилась в районе Шфелы (Шефела, Иудейское предгорье) по дороге из Иерусалима к морю через Диосполис (он же Лод или Лидда) – это Хирбет эль-Лататин (Khirbet el Latatin или Horvat el-Lattatin, близ современного поселения Гиват Зеев), которая, вероятно, был основана в первой половине V века н. э. (рис. 7) [Selinger, 1998, p. 77]. Там можно было также дать отдых животным (лошадям или ослам). Изученная Й. Зелингером станция имела часовню, и исследователи предполагают, что раз станция находилась недалеко от монастыря, то службу там могли нести монахи. Другой вариант дорожной станции представляет Хирбет Харсис (в районе Шаар ха-Гай, он же Баб эль-Вад, в 23 км от Иерусалима на пути к Яффе). Там были обнаружены остатки бани, вероятно, услуги купания были одной из статей дохода для держателя таковой (рис. 8) [Landes-Nagar, 2020, p. 3–4].

⁴⁰ Даже если у торговцев и не было цели увидеть святыни (в англоязычной литературе это называется «случайное паломничество»).

Рис. 3. Фотография лавры Саввы Освященного, сделана в начале XX столетия. Лавра была основана ок. 484 г., и известно, что стены были построены еще в Позднюю античность, но, разумеется, они достраивались и ремонтировались, особенно в IX в. и при крестоносцах и сохранились до настоящего времени

Fig. 3. The photo of the Holy Lavra of Saint Sabbas the Consecrated was taken at the beginning of the 20th century. The Lavra was founded around 484. It is known that the walls were built in Late Antiquity, but of course they were rebuilt and repaired especially in the 9th century and under the Crusaders, and they have been preserved to the present day

8. Mar Saba. View from the east.

Legend

1. "Tower of Justinian"	10. Lavatory	20. Kitchen
2. Upper water cistern	11. Chapel of St. John Chrysostom	21. Storeroom
3. Deserted cells	12. Chapel of St. George	22. Bakery
4. Two apartments for visiting bishops	13. Dome of St. Mary Theotokos Church	23. Water cistern
5. Guest rooms for priests	14. Belfry	24. Chapel of Anna and Joachim; Sabas' <i>hesychasterion</i>
6. Hostel for visitors	15. Clock room	25. "Women's Tower" and Chapel of St. Symeon Stylites
7. Dwellings for monks (not occupied)	16. Reception hall	26. Lower gate
8. Dwellings for monks	17. Kitchen chimney	27. Sacred spring
9. "Palm tree of St. Sabas"	18. Bakery chimney	
	19. Refectory (<i>trapezuaristerian</i>)	

Рис. 4. План лавры Саввы [Patrich, 1995, p. 60]
 Fig. 4. Plan of the Lavra of Saint Sabbas [Patrich, 1995, p. 60]

Рис. 5. Остатки сторожевой башни Суккийской лавры византийской эпохи
Fig. 5. The remains of the watchtower of the Suca Lavra of the Byzantine era

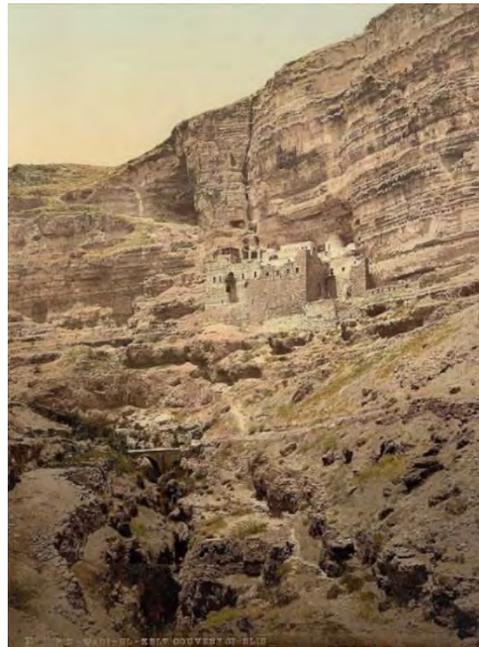

Рис. 6. Монастырь Георгия Хозевита, основанный около 420 г. Фото сделано в 1890–1900-е гг. Некоторые монахи, желающие получить опыт отшельника, уединялись в пещерах близлежащих скал. Несмотря на кажущуюся защищенность монастыря ландшафтом – скалами, в 614 г. персы разрушили этот монастырь, восстановительные работы проводились уже в период крестовых походов и после ухода крестоносцев монастырь вновь был оставлен. Только в XIX веке его вновь начинают населять монахи, которые также стали проводить восстановительные работы

Fig. 6. The monastery of Saint George of Choziba was founded around 420. The photo was taken in the 1890s-1900s. Some monks, who wanted to gain the experience of hermits, could stay into caves of nearby rocks. Despite the apparent protection of the monastery by the landscape (rocks), in 614 the Persians destroyed this monastery. It was rebuilt and repaired under the Crusaders, though afterwards the monastery was abandoned again. It was not until the 19th century that monks inhabited it again and began rebuilding and restoration

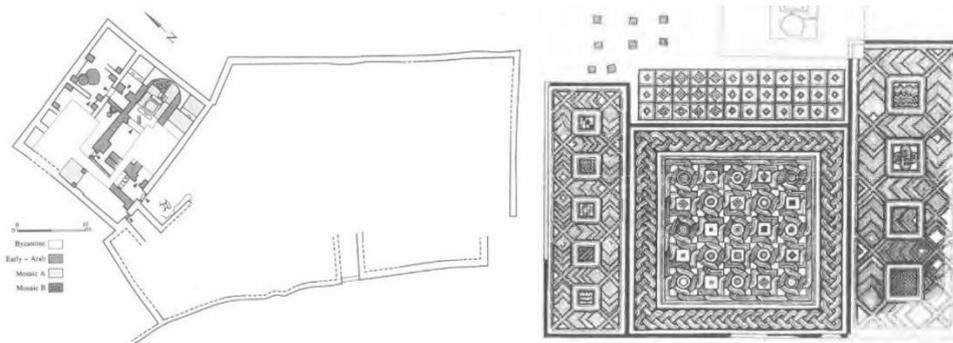

Рис. 7. Общий план участка Хирбет эль-Лататин и мозаичный пол, обнаруженный в восточной части, в конце нефа [Selinger, 1998, p. 78–80]

Fig. 7. General plan of site of Kh. el Latatin and mosaic floor at the eastern end of the nave [Selinger, 1998, p. 78–80]

Рис. 8. Баня и мозаичный крестообразный символ в раздевалке бани [Landes-Nagar, 2020, p. 10–11]

Fig. 8. The bathhouse and the cross decoration of the mosaic floor of the bathhouse of the dressing room [Landes-Nagar, 2020, p. 10–11]

Палестинское монашество синтезировало египетский, сирийский и каппадокийский монашеский опыт и сформировало на его основе собственную оригинальную традицию. Отличительными чертами этой традиции были соборный дух и интернациональность (в особенности это касается IV–V столетий), забота местного монашества о миссионерстве, а главной специфической чертой был культ святых мест и Святой Земли [Рышковская, 2014, с. 173] и, как следствие, гостеприимство (*ξενία*) по отношению к паломникам [Whiting, 2012, p. 73]. На пути паломников встречалось немало соблазнов: городская жизнь Поздней античности – шумная, ритмичная и разнообразная – могла увлечь неискущенного человека. В городах к услугам путешественников были частные гостиницы, в обслуге которых значились и проститутки, дурной славой пользовались и постоянные дворы попроще (такие как *сауропа*), обслуживающие моряков, возчиков и рабов [Юзефовский, 2015, с. 9–10]. С целью решения этой проблемы в эпоху Поздней античности было построено большое число странноприимных домов (*ξενοδοχείον*) при монастырях [там же, с. 11]. Наиболее полно сохранившийся образец монастырской гостиницы был обнаружен к востоку от Иерусалима, на территории современного города Маале Адумим, при монастыре св. Мартирия, который, в свою очередь, находился на возвышенности и недалеко от дороги из Иерусалима в Иерихон. Этот монастырь справедливо считается самым большим среди византийских монастырей Иудейской пустыни. Он возник в третьей четверти V столетия. Монастырь представляет собой

прямоугольный в плане комплекс, различные монастырские постройки – храм, трапезная, конюшни, жилые и складские помещения скомпонованы вокруг центрального двора, имелась баня, цистерны, канализация (рис. 9, 10, 11) [там же, с. 12]. Весь комплекс был окружен стеной. Планировка здания позволяла гостям отдыхать, ухаживать за животными, питаться и совершать богослужения, практически не заходя в сам монастырь (рис. 12). Схожая планировка, отделяющая гостей на постоялом дворе от самого монастыря, встречается повсеместно в византийских монастырях Ближнего Востока [там же, с. 13].

Fig. 1. Aerial photograph of Kh. el-Muraşşas, the monastery of Martyrius, view from the north.

Рис. 9. Аэрофотосъемка остатков построек монастыря св. Мартигия [Magen, 2015, p. 2]

Fig. 9. Aerial photograph of the monastery of Martyrius [Magen, 2015, p. 2]

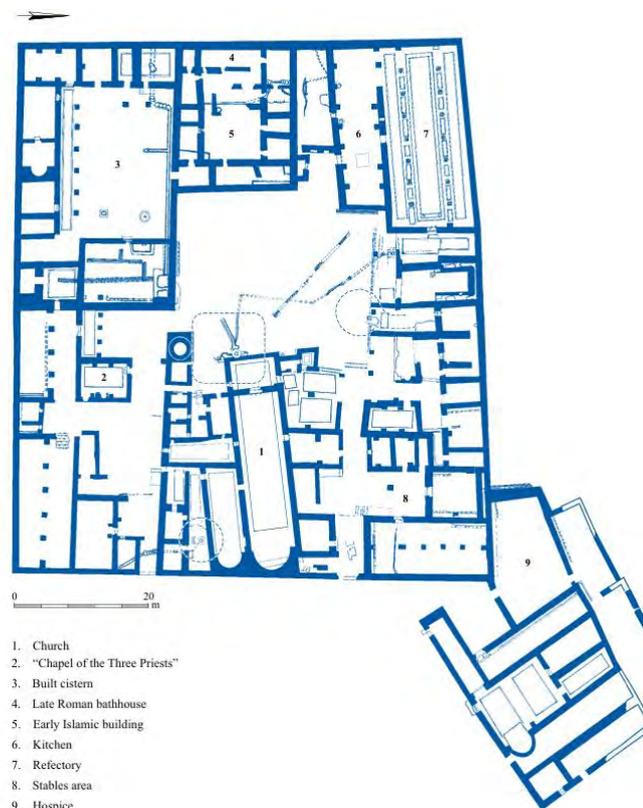

Рис. 10. Общий план монастыря св. Мартирия [Magen, 2015, p. 3]

Fig. 10. General plan of the monastery of Martyrius [Magen, 2015, p. 3]

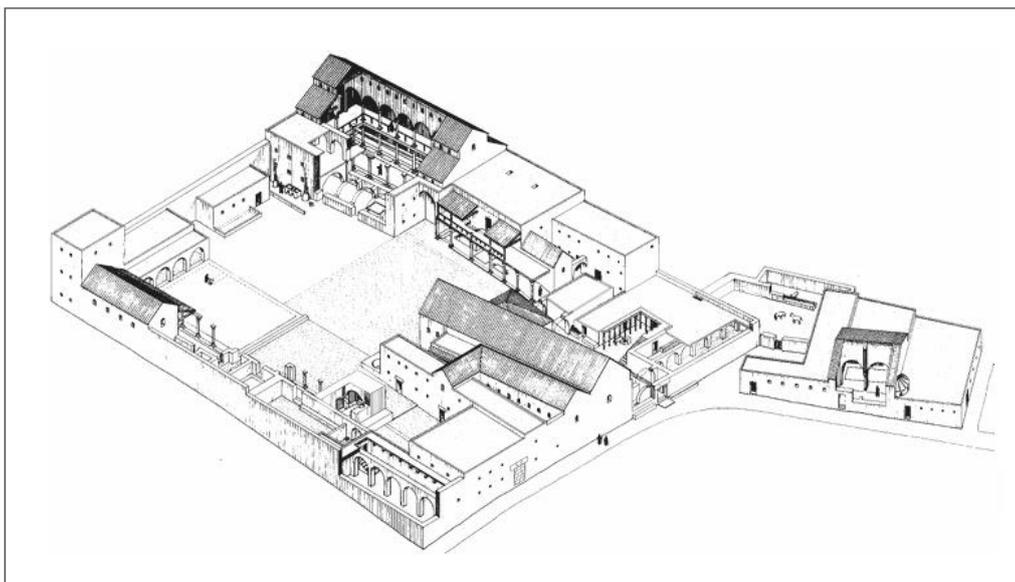

Рис. 11. Реконструкция монастыря св. Мартирия [Magen, 2015, p. 26]
Fig. 11. Reconstruction of the monastery of Martyrius [Magen, 2015, p. 26]

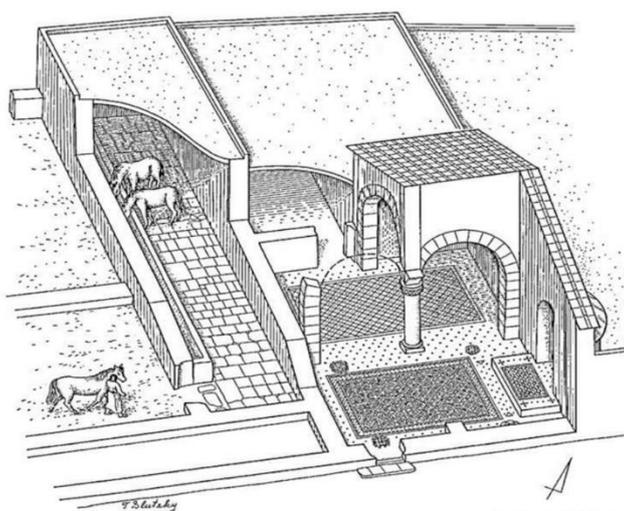

Рис. 12. Реконструкция постоялого двора при монастыре св. Мартирия [Юзефовский, 2015, с. 12]
Fig. 12. Reconstruction of the guesthouse of the monastery of Martyrius [Juzefovskij, 2015, p. 12]

Среди множества городов с монастырями выделяется, конечно, Иерусалим, но мы обратим внимание на исследование, проведенное в 2018 г. археологом и ученым Я. Чехановец, которое было организовано Управлением древностей Израиля: раскопки на краю исторического иерусалимского квартала Мусрара выявили византийский комплекс за городскими стенами, на сегодняшний день – самый крупный из раскрытых в районе расположения Святого города, включавший в себя десятки монастырских построек, с монашескими кельями, странноприимными домами, церквями и часовнями, банями, водопроводами, цистернами, кухнями и трапезными [Чехановец, Вах, 2019, с. 147]. Упоминаний о нем не сохранилось в литературных памятниках поздней античности, дальнейшие археологические раскопки должны помочь в уточнении целого ряда важных деталей о функционировании комплекса. Комплекс формировался с V по VII вв., его строительство, несомненно, было связано с ростом паломничества в Иерусалим, который не имел возможности разместить многочисленных пилигримов в городской черте,

функционирование комплекса, вероятно, поддерживалось в том числе на императорские пожертвования [там же, с. 148; Di Segni, Gellman, 2017, p. 35–36].

Письменные источники дополняют археологические выводы деталями: в частности, они сообщают нам сведения о приобретении настоятелями монастырей помещений и территорий около монастырей для их дальнейшего обустройства. Так, в житии Саввы Освященного упоминается, что патриарх Илия Иерусалимский (ок. 494–516 гг.) построил монастырь близ своего епископского дома, позднее несколько келий при монастыре купил авва Савва (ок. 439–532 гг.) и превратил их в помещения для паломников, кроме этого, он хотел купить для принятия странных монахов и другие кельи, находящиеся с северной стороны уже купленных келий⁴¹. В житии Кириака Отшельника (ок. 449–557 гг.) Кирилл Скифопольский, сообщая о распре между монахами монастырей Евфимия и Феоктиста (живших на рубеже IV–V вв.; Евфимий – 377–473 гг.), которые имели общее управление, отметил, что новый игумен Павел завладел средствами и выдал часть из них на покупку странноприимного дома, «чтобы ему одному удерживать за собою общую странноприимницу»⁴².

Выделяется история, рассказанная Иеронимом Блаженным: по возвращении в Вифлеем Павла Римская (347–406 гг.) построила на дороге к Иерусалиму странноприимный дом и монастырь на собственные средства, где Иероним был настоятелем. Странноприимство в Вифлееме стоило дорого Павле и Иерониму – Павла оставила свою дочь в долгах, а Иероним был вынужден продать часть имущества своей семьи в Италии и Далмации [Whiting, 2014, p. 81]. Возможно, на ранних этапах развития паломничества оплату с паломников не брали, или это было личное решение Павлы. При несколько более поздних подвижниках – при Евфимие Великом, при авве Савве, при Кириаке Отшельнике долги монастырей в таком ключе не упоминаются, а для савваитских монашеских общин ксенодохейоны были значимым источником дохода [Patrich, 2001, p. 319]. Вряд ли эти монастыри функционировали бы себе в убыток, в таком случае даже небольшая плата за комнату была бы вполне уместной, а доходы от пожертвований могли бы покрыть остальную часть расходов, связанных с принятием паломников. К тому же Павла тратила большие суммы на благотворительную деятельность, на помощь нуждающимся. Свидетельства уже V–VI вв. говорят об оплате паломниками и гостями городов проживания близ монастырей, сопровождения их монахами за плату по святым местам, покупке реликвий для исцеления, воды в ампуллах [Heiska, 2003, p. 52]. В то же время были распространены и евлогии на продукцию монастырей – благословение на фрукты, воду, хлеб, елей, которые раздавались монахами в память о посещении святых мест без оплаты [там же, p. 51].

Другой выделяющийся пример – два монастыря Иерусалима, основанные Меланией Старшей на Масличной горе по ее прибытии в Иерусалим около 372 г., вовсе не имели странноприимных домов, но славились своим гостеприимством паломников [Whiting, 2012, p. 76]. Эти паломники, как правило, были из среды Мелании – ее друзья и знакомые, то есть люди знатного происхождения. Хотя совместное проживание противоречило правилам устройства и распорядка монастырей, возможно, она сознательно устроила проживание в монастыре таким образом с целью более близкого знакомства ее гостей с опытом и практикой монашества. Тем более если монастырь располагал святынями или был населен известными подвижниками, то все это демонстрировалось гостям, монашеский подвиг был примером для подражания, а сам монах – примером человека, с которым происходило чудо на земле (если ему являлись ангелы, снилась Дева Мария, был спасен от животных в пустыне и прочие примеры).

⁴¹ Cyrillus Scythopolitanus. Vita Sabae, 31.

⁴² Cyrillus Scythopolitanus. Vita Cyriaci, 6–7.

Рассмотренные примеры показывают, что, не отказываясь ни от чего из монашеского идеала как такового, Палестина смотрела на монашескую жизнь более гармонично, и потому характер палестинского монашества был наиболее разнообразным по формам и проявлениям [Рышковская, 2014, с. 171–172]. Выражением этой специфики, видимо, и стала лавра⁴³, в которой сочетаются киновитные и отшельнические черты устройства обители. Лавру населяли отшельники, которые в течение недели жили в отдельных кельях и собирались в установленное время вместе в общей церкви для совместной молитвы и трапезы, и киновиты – монахи, которые встречались ежедневно [Hirschfeld, 1993, p. 339–371]. Благодаря этому в том числе, как нам представляется, и стало возможно водить паломников по монастырям, рассказывать о его истории, демонстрировать его святыни и подвиги отшельников в качестве наглядного примера⁴⁴.

Путешествие в Палестину, посещение святынь и приобретение памятных вещей стало важным аспектом христианского мира: люди совершали путешествие, как правило, в переломные жизненные моменты, связанные с потребностью в переоценке ценностей, подведении предварительных жизненных итогов, смене духовных ориентиров, исцелении, внутреннем самоочищении – эпоха этому вполне соответствовала. Путешествие в Святую землю, в Святой город символически означает путь человеческой души, таким образом, земной Иерусалим предстает как отражение и прообраз Нового Иерусалима [Рышковская, 2014, с. 171–173]⁴⁵. Городское пространство организовывалось особым образом. Например, раскопки в Еврейском квартале Старого города Иерусалима выявили расширение города на юг в византийский период и удлинение этих улиц: сначала стена имени императрицы Евдокии (ок. 410–460 гг.), которая прожила последние годы своей жизни в Иерусалиме, была перенесена на гору Сион, затем темпы городского строительства стремительно ускорились при императоре Юстиниане, в особенности с постройкой в 543 году церкви Неа – самой большой и монументальной базилики в Палестине на горе Сион, и удлинением *cardo maximus*, которая теперь стала вести к церкви Голгофы [Tsafir, 2000, p. 149–164]. Решение построить церковь на горе Сион подкреплялось несколькими причинами: постройка церкви на высокой точке обеспечивала политический и религиозный, идеологический контроль над обитателями города, которые придерживаются паноптического представления о контроле над теми, кто находится внизу, и теофанических представлениями о явлении Господа человеку именно на труднодоступной возвышенности. Кроме того, теперь церковь Неа как бы находилась в диалоге с двумя другими святынями, построенными ранее на других высоких точках города, – это церковь Гроба Господня на Голгофе и базилика Святого Сиона. Таким образом, мы видим включение в основное пространство города важных христианских объектов, взаимосвязь, «диалог» ключевых христианских мест между собой посредством

⁴³ От греч. *λαύρα*. Примечательно, что первоначально это слово переводилось как «городская улица, узкий проход». В таком значении его использовал, например, Гомер. Но в IV веке лаврами стали называть многолюдные поселения. По отношению к монастырям этот термин впервые употребили именно в Палестине. Одна из древнейших известных лавр – Фаранская – признается одной из самых старейших и была основана между 323 и 330 годом.

⁴⁴ У этого явления было две стороны: близкое приобщение паломников к христианству, возможность почувствовать святость, намоленность места и коммерциализация паломничества.

⁴⁵ Это также вело к охоте за святынями – настоящими и мнимыми, ведь сам факт их происхождения или изготовления в Святой земле играл первостепенную роль, так как они считались зримым и осязаемым свидетельством святости. В позднеантичной Палестине охота за святынями достигла такого уровня, что подобные вещи старались регулироваться законом, что все же нельзя признать удачной мерой. Все это действительно кажется далеким от идеала монастырской жизни, рисуемой нам в отдельных житиях и фрагментах житий. А между тем, в византийскую эпоху монашеский образ жизни воспринимался как идеальный, в глазах современников общество по праву делилось на тех, кто отрекся от мира, и тех, кто был его частью. Именно поэтому в последнее время активно изучается жизнь монастырей в сравнении, и часто исследователи отмечают, что сведения письменных источников, таких как жития Кирилла Скифопольского, «Луг духовный» Иоанна Мосха, записи паломников и другие, вступают в спор с археологическими находками, которые свидетельствуют о другой реальности, чем это представлено в житиях.

города и сакрализацию пространства. В этом контексте Мадабская карта занимает центральное место в качестве исторического источника, являясь наглядным подтверждением этого: во-первых, мозаика представляла христианскую концепцию истории спасения в виде карты, где Палестина в целом являлась сакральным пространством, города – точками, которые связывали ее святые места между собой; во-вторых, уже тогда верующие могли ходить босиком по мозаике и таким образом символически перемещаться по Святой Земле [Donner, 1992, S. 30].

Из исторических свидетельств и археологического материала складывается картина сложных отношений, связывавших монахов и паломников. С одной стороны, разделение монастыря и странноприимного дома на практике в целом давало монахам возможность предоставить отдых паломникам, не смешивая монастырский распорядок и уклад быта с паломническим. Вместе с тем в монастырях радушно встречали и обслуживали паломников. Монахи, несшие послушание в монастырской гостинице, обеспечивали постояльцев постелями и едой, а в больших монастырях нередко предоставлялась помощь врача. Сам Кириак Отшельник «в различные годы проходил четыре послушания: пекаря, больничного, странноприимника и иконома»⁴⁶.

И все же, несмотря на то, что паломничество оставило заметные материальные следы в виде предметов и зданий, по-прежнему трудно оценить его относительную долю в качестве источника дохода для монастырей [Heiska, 2003, p. 94–95]. Нам известно, что монахи также полагались на поддержку жителей региона, благотворительность, завещания щедрых гостей и, кроме этого, на собственные силы, чего, например, желал авва Савва⁴⁷. Разберем их каждую. Экспериментируя и трудолюбиво обрабатывая землю, монахам удалось заставить пустынные земли расцвести и давать плоды. Несомненно, также было много неудач, но религиозные писания, в частности, не раскрывают и не подчеркивают такие случаи. Согласно Кириллу Скифопольскому, монастырь Феоктиста владел полями вместе с лаврой Евфимия и их монахи обрабатывали земли вместе [там же, p. 37]. Но выращивание зерна, винограда и оливок могло удовлетворить только собственные нужды монахов. Кроме этого, своими руками монахи могли плести корзинки и продавать их, но эта деятельность тоже не приносила большого дохода, а составляла лишь малую его часть. Исследователями отмечается, что плетение – занятие, вполне подходящее для монахов, поскольку оно непростое и вырабатывает усердие, а во время этого процесса монахи могли погружаться в молитвы.

Сведения о пожертвованиях, завещаниях, дарениях в пользу монастырей содержит законодательство, которое регулировало эти операции. Оно формировалось постепенно, и мы знаем, что с 321 года законодательством было дано разрешение церкви на наследование собственности и на получение ее в дар⁴⁸. Детали этих операций оформились ко времени правления Юстиниана (527–565 гг.). В случае если наследники имущества пытались укрыть от церкви то, что ей полагалось по завещанию после смерти владельца, то их могли наказать⁴⁹. При этом ушедшие в монашество жители городов должны были так или иначе позаботиться о своих наследниках и супруге и обеспечить их проживание, что означает, что жертвовать все имущество в монастырь было неприемлемо: «...Если же у него есть дети, и он уже подарил им некоторые вещи... и это составило четвертую часть его имущества... то дети больше не могут претендовать ни на какую часть оставшегося имущества. Если же он не подарил им ничего или

⁴⁶ Cyrillus Scythopolitanus. Vita Cyriaci, 6–7. Для сравнения: монастыри сельской местности не имели (не организовывали) странноприимных домов (за редким исключением) [Aviam, 2017, p. 121–124]. Дискуссии же о таких поселениях, как Нессана, должны быть организованы на новом уровне, поскольку таковые – та же Нессана – частью исследователей считается большой деревней, при этом это поселение, несомненно, обладает признаками города.

⁴⁷ Cyrillus Scythopolitanus. Vita Sabae, 58.

⁴⁸ Codex Theodosianus, 16.2.20.

⁴⁹ Codex Iustinianus, 1.3.45.

менее четверти, то после объявления об уходе в монахи детям должна все же отойти четвертая часть...» [Максимович, 2007, с. 43–44]. Каждый жертвовал в зависимости от своего достатка. Известны случаи пожертвований императорской семьи: согласно подсчетам, из императорской семьи только одна императрица Евдокия потратила около 1 500 000 золотых монет во время своего пребывания в Иерусалиме [Heiska, 2003, p. 37]! Пожертвования продолжали поступать в Палестину вплоть до арабского завоевания [там же, p. 54–55].

Люди, захотевшие стать монахами, могли пожертвовать свои земли в пользу монастыря при вступлении в него, но вернуть их обратно и сделать землями для использования в миру не могли: «Если же кто-либо, посвятив себя и приняв образ, пожелает впоследствии оставить монастырь и жить как частное лицо, пусть сам подумает, какое оправдание в этом он даст Богу – а имущество, которым он владел при вступлении в монастырь, да пребудет в собственности монастыря, и вообще ничего из этого он не сможет получить обратно (ἐξάγει)» [Максимович, 2007, с. 43–44]. Споры возникали при переходе монаха из одного монастыря в другой и земель вместе с ним как с дарителем. Указ императора Юстиниана четко дает нам понять, что если монах «...оставив монастырь, в котором проходил аскезу, перейдет в другой монастырь, то и в этом случае его имущество должно остаться в собственности прежнего монастыря, в котором он его оставил после отречения...». Кроме этого, в 529 году император Юстиниан строго запретил отчуждение всего церковного и монастырского имущества (где определил недвижимое церковное имущество как здания, поля, сады, деревенских рабов и зерно, предоставляемое государством), объявив продажу и обмен незаконными, а сделки недействительными [Heiska, 2003, p. 63]. Исключением стали ситуации, когда у религиозных учреждений не было другого способа выплатить налоги или долги частным кредиторам [там же]. Если земля при монастыре не обрабатывалась, то она могла быть сдана в аренду, но изначально церкви не разрешалось сдавать свою собственность более чем на двадцать лет подряд, а в более позднем эдикте Юстиниан подтвердил право передавать собственность во временную или бессрочную аренду [там же]. Несмотря на обилие законов, масштабы участия монастырей в продаже и аренде недвижимости в Палестине неизвестны [там же, p. 64], но мы можем согласиться с теми исследователями, которые заключают, что в Палестине очень активно шел процесс становления церкви в качестве земельного собственника⁵⁰.

Налоговое бремя для монастырей IV–VII столетий было разным: в определенных случаях налоги могли быть ослаблены (и даже в случае послаблений монахам предписывалось выполнять работу на пользу обществу, например, ремонтировать и строить мосты и дороги). Известно, например, что в 511 г. авва Савва при личной встрече попросил императора Анастасия (491–518 гг.) отменить «...подать, которая наложена на церковь святого Воскресения и на жителей Святого Града: ибо они бедны и несчастны»⁵¹. Автор жития этого святого Кирилл Скифопольский приводит скудное объяснение этого фрагмента: «Некогда сборщики общественных податей в Палестине не могли собрать с бедных и несчастных лиц ста литр золота, принуждены были уплату оных возложить на иерусалимских жителей, соразмерно достатку каждого. Когда сто литр золота были разлагаемы, то и церковь св. Воскресения и прочие святые места с их жителями были обложены оною. Сию подать просил уничтожить великий старец» (там же). Из контекста не очень понятно, о каких податях и размерах податей конкретно идет речь, но ясно, что это касалось и монастырей – «и прочие святые места с их жителями» (там же). Под церковью св. Воскресения же имеется в виду храм Воскресения, она же церковь Гроба Господня – одна из самых почитаемых среди христиан и посещаемых паломниками

⁵⁰ Соотношение же между частной, имперской и городской собственностью на земле менялось на протяжении всего периода, поскольку собственность, как правило, переходила в руки все меньшего числа людей.

⁵¹ Cyrillus Scythopolitanus. Vita Sabae, 54.

святынь; трудно поверить в то, что она была «бедна и несчастна» в эпоху формирования образа Палестины как Святой земли и Иерусалима как Святого города для христиан⁵². В 530 году авва Савва посетил Константинополь и лично попросил императора Юстиниана об освобождении от налогов Первой и Второй Палестины из-за разрушений, вызванных восстанием самаритян и иудеев под руководством Юлиана бен Цабара годом ранее, которые случались довольно часто⁵³. Император согласился с этой просьбой и еще выделил государственные средства на восстановление разрушенных священных зданий (там же, 73). Важно, что освобождение от налогового бремени было сделано не по причине бедности Палестины, экономического упадка или бедности Церкви, а потому, что самаритяне устроили погромы, в ходе которых христианские храмы расхищались, жглись селения, а дороги были разрушены, что могло незамедлительно сказаться на паломничестве и торговле. После Юстиниана законодательство не содержит новых подробностей, касающихся налогообложения монастырей, и, таким образом, можно утверждать, что оно действовало вплоть до исламского завоевания региона [Heiska, 2003, p. 76–77].

Заключение

Города Палестины эпохи Поздней античности стали привлекательными центрами торговли и паломничества. Они были соединены хорошо спланированной дорожной сетью, по которой паломники, купцы и торговцы для безопасности перемещались совместно. У монастырей было несколько источников доходов. Чтобы обеспечить себя пропитанием, монахи обрабатывали землю, а также плели корзины на продажу, но вырученные деньги могли пойти на покупку тех товаров, которые монахи не могли изготовить сами. Пожертвования, дарения и завещания от людей разного достатка, вероятно, были наибольшим источником дохода – на эти средства содержались монастыри (ремонтировались, расширялись и пр.), платили налоги, они могли быть «финансовой подушкой» в трудные годы, строились странноприимные дома, покупались комнаты, строились и украшались церкви. При трудной финансовой ситуации земельные владения монастыря могли быть сданы в аренду. Мы видим, что в Позднюю античность интенсивно протекал процесс становления церкви в качестве землевладельца. Законодательство отражает постепенность этого процесса. Труднее оценить размах средств, вырученных от продажи ампулл, оказания услуг сопровождения монахом паломников по святым местам и от оплаты за место в странноприимном доме. Вероятно, даже небольшая плата при монастырях V–VI вв. была вполне уместной и приемлемой. В некоторых случаях церкви и монастыри или даже часть региона могли быть освобождены от уплаты налогов, а ремонт дорог и улиц вместо уплаты налогов можно считать выполнением задачи перед обществом, перед городом. Конечно, говоря о коммерциализации паломничества, не всегда легко провести границу между разумной и естественной платой, жертвованием за услугу и жадной богатства (как, видимо, было в случае с упомянутым настоятелем одновременно двух монастырей Павлом). Но богатство и процветание монастырей имели значимые социальные функции в эпоху трансформаций и изменений: они были источником финансирования благотворительной деятельности, средства в том числе шли на заботу о должном функционировании больниц, домов для стариков, сирот и бедняков, а сама роль епископов и настоятелей монастырей неукоснительно менялась в позднеантичное время, и служители церкви брали на себя роль лидера общества. Все это, наряду с другими факторами, играло существенную роль в экономическом развитии Палестины, позволяло

⁵² Далее в житии сообщается, что император отменил упомянутую подать, а авве Савве выдал «большое количество золота», которое тот послал в свой родной город Муталаска, чтобы построить там церковь (Cyrillus Scythopolitanus. Vita Sabae, 55). Почему в таком случае он не направил эти средства церкви св. Воскресения в Иерусалиме?

⁵³ Cyrillus Scythopolitanus. Vita Sabae, 70.

городам и монастырям Палестины процветать в эпоху Поздней античности и превратиться региону в развитый центр христианского мира, в который люди шли в поисках внутреннего самоочищения и физического исцеления, в поисках духовных ориентиров в переломные жизненные моменты. Все это было вполне созвучно эпохе.

Список литературы

- Вашева И.Ю. 2009. Концепция Поздней Античности в современной исторической науке. *Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского*, 6(1): 220–231.
- Гасратян С.М. 2019. Взаимоотношения Израиля и арабо-суннитских стран в контексте международных и региональных проблем: столкновение или диалог цивилизаций? Том 1. Израиль и арабо-суннитские страны Ближнего Востока (война или мир?). Москва, Издатель Воробьев А.В., 2019. 504.
- Максимович К.А. 2007. Законодательство императора Юстиниана I о монашестве (часть 1): новеллы V и LXXIX. *Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия*, 4(20): 38–51.
- Рышковская А.Ю. 2014. Традиция женского аскетизма и монашества на ранневизантийском Востоке: Египет и Палестина. Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 283.
- Чехановец Я., Вах К.А. 2019. Византийский монастырь и консульский дом в Иерусалиме (по материалам раскопок 2018 г.). *Российская археология*, 3: 147–157.
- Юзефовский Б. 2015. Постоялые дворы (xenodochia) в монастырях Святой земли в византийский период. *Иерусалимский Православный Семинар*, 6: 9–16.
- Aviam M. 2017. Monasteries and Villages: Rural Economy and Religious Interdependency in Late Antique Palestine. *Vigiliae Christianae*. 71(2): P. 117–133.
- Aviam M., Ashkenazi J. 2018. Economic Growth and Religious Materiality in Christian Upper Galilee in Late Antiquity. Available at: https://www.academia.edu/41294442/Economic_growth_and_religious_materiality_in_Christian_Upper_Galilee_in_Late_Antiquity (accessed 8 September 2024).
- Blanke L., Cromwell J. 2023. The Monastic Economies in Late Antique Egypt and Palestine: Past, Present, and Future. In: *Monastic Economies in Late Antique Egypt and Palestine*. Cambridge University Press: 1–38.
- Brown. P. 1971. *The World of Late Antiquity: From Marcus Aurelius to Muhammad*. London, 216.
- Cameron A., Ward-Perkins B., Whitby M. 2008. *The Cambridge Ancient History: Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Cambridge University Press, 1101.
- Di Segni L., Gellman D. 2017. A Justinian Inscription North of Byzantine Jerusalem, and its Importance for the Dating of the Nea Church Inscription. *New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region Collected Papers*. XI: 27–37.
- Donner H. 1992. The Mosaic Map of Madaba: An Introductory Guide. *Pharos*, 102.
- Goldfus H. 2003. Urban Monasticism and Monasteries of Early Byzantine Palestine – Preliminary Observations. *Aram Periodical*, 15(1): 71–79.
- Heiska N. The Economy and Livelihoods of The Early Christian Monasteries in Palestine. Available at: <https://core.ac.uk/reader/14915150> (accessed 17 August 2024).
- Hirschfeld Y. 1993. Euthymius and his Monastery in the Judean Desert. *Liber Annuus*. 43: 339–371.
- Hirschfeld Y. 2004. The Monasteries of Gaza: An Archaeological Review. In: *Christian Gaza in Late Antiquity. Jerusalem Studies in Religion and Culture*, 3: 61–88.
- Landes-Nagar A. 2020. Kh. Harsis (Sha'ar HaGai) – An Iron Age 2 Settlement and a Byzantine Road Station: Bathhouse, Structure, and Installations. Available at: https://www.academia.edu/43901268/Landes_Nagar_A_2020_Kh_Harsis_Shaar_HaGai_An_Iron_Age_2_Settlement_and_a_Byzantine_Road_Station_Bathhouse_Structure_and_Installations?nav_from=9142ae06-fe3c-4da2-aca2-9174b6d71dc3 (accessed 13 September 2024).
- Patrich J. 1995. Sabas, Leader of Palestinian Monasticism: A Comparative Study in Eastern Monasticism, Forth to Seventh Centuries. *Dumbarton Oaks*, 419.
- Patrich J. 2001. *The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present*. Peeters Publishers, 463.
- Roll I. 1999. The Roads in Roman-Byzantine Palestine and Arabia. In: *The Madaba Map Centenary 1897–1997*, Jerusalem: 109–113.

- Selinger Y. 1998. The Identification of the Jerusalem-Lydda (Diospolis) Roman Road on the Madaba Map and Kh. el Latatin. *Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society*, 16: 75–84.
- Stemberger G. 2000. *Jews and Christians in the Holy Land: Palestine in the Fourth Century*. A&C Black, 350.
- The Pilgrimage of The Holy Paula. 1887. *Palestine Pilgrims' Text Society*. London, 297.
- Tsafir Y. 2000. Procopius and the Nea Church in Jerusalem. *Antiquité Tardive*, 8: 149–164.
- Whiting M. 2012. Asceticism and Hospitality as Patronage in the Late Antique Holy Land: The Examples of Paula and Melania the Elder. *Female Founders in Byzantium and Beyond*, LXI: 74–84.

References

- Vashcheva I.Ju. 2009. Konceptiya Pozdnej Antichnosti v sovremennoj istoricheskoy nauke [Concept of Late Antiquity in the Modern Historical Science]. *Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo*, 6(1): 220–231.
- Gasratjan S.M. 2019. Vzaimootnosheniya Izrailja i arabo-sunnitskih stran v kontekste mezhdunarodnyh i regional'nyh problem: stolknovenie ili dialog civilizacij? Tom 1. Izrail' i arabo-sunnitskie strany Blizhnego Vostoka (vojna ili mir?) [The Relationship between Israel and the Arab-Sunni Countries in the Context of International and Regional Problems: A Clash or a Dialogue of Civilizations? Vol. 1. Israel and the Arab-Sunni Countries of the Middle East (War or Peace?)]. Moscow, Izdatel' Vorob'ev A.V., 2019. 504.
- Maksimovich K.A. 2007. Zakonodatel'stvo imperatora Justiniana I o monashestve (chast' 1): novelly V i LXXIX [Legislation of Emperor Justinian I on Monasticism (Part 1): Novellas V and LXXIX]. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*, 4(20): 38–51.
- Ryshkovskaja A.Ju. 2014. Tradicija zhenskogo asketizma i monashestva na rannevizantijskom Vostoke: Egipet i Palestina [Tradition of Female Asceticism and Monasticism in the Early Byzantine East: Egypt and Palestine]. *Dis. ... kand. ist. nauk*. Belgorod, 283.
- Chehanovec Ja., Vah K.A. 2019. Vizantijskij monastyr' i konsul'skij dom v Ierusalime (po materialam raskopok 2018 g.) [Byzantine Monastery and Consular House in Jerusalem (Based on the Excavations of 2018)]. *Rossijskaja arheologija*, 3: 147–157.
- Juzefovskij B. 2015. Postojalye dvory (xenodochia) v monastyrjah Svjatoj zemli v vizantijskij period [Guesthouses (xenodochia) in the Monasteries of the Holy Land in the Byzantine Period]. *Ierusalimskij Pravoslavnyj Seminar*, 6: 9–16.
- Aviam M. 2017. Monasteries and Villages: Rural Economy and Religious Interdependency in Late Antique Palestine. *Vigiliae Christianae*. 71(2): P. 117–133.
- Aviam M., Ashkenazi J. 2018. Economic Growth and Religious Materiality in Christian Upper Galilee in Late Antiquity. Available at: https://www.academia.edu/41294442/Economic_growth_and_religious_materiality_in_Christian_Upper_Galilee_in_Late_Antiquity (accessed 8 September 2024).
- Blanke L., Cromwell J. 2023. The Monastic Economies in Late Antique Egypt and Palestine: Past, Present, and Future. In: *Monastic Economies in Late Antique Egypt and Palestine*. Cambridge University Press: 1–38.
- Brown. P. 1971. *The World of Late Antiquity: From Marcus Aurelius to Muhammad*. London, 216.
- Cameron A., Ward-Perkins B., Whitby M. 2008. *The Cambridge Ancient History: Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Cambridge University Press, 1101.
- Di Segni L., Gellman D. 2017. A Justinian Inscription North of Byzantine Jerusalem, and its Importance for the Dating of the Nea Church Inscription. *New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region Collected Papers*. XI: 27–37.
- Donner H. 1992. The Mosaic Map of Madaba: An Introductory Guide. *Pharos*, 102.
- Goldfus H. 2003. Urban Monasticism and Monasteries of Early Byzantine Palestine – Preliminary Observations. *Aram Periodical*, 15(1): 71–79.
- Heiska N. The Economy and Livelihoods of The Early Christian Monasteries in Palestine. Available at: <https://core.ac.uk/reader/14915150> (accessed 17 August 2024).
- Hirschfeld Y. 1993. Euthymius and his Monastery in the Judean Desert. *Liber Annuus*. 43: 339–371.
- Hirschfeld Y. 2004. The Monasteries of Gaza: An Archaeological Review. In: *Christian Gaza in Late Antiquity. Jerusalem Studies in Religion and Culture*, 3: 61–88.
- Landes-Nagar A. 2020. Kh. Harsis (Sha'ar HaGai) – An Iron Age 2 Settlement and a Byzantine Road Station: Bathhouse, Structure, and Installations. Available at: https://www.academia.edu/43901268/Landes_Nagar_A_2020_Kh_Harsis_Shaar_HaGai_An_Iron

- Age_2_Settlement_and_a_Byzantine_Road_Station_Bathhouse_Structure_and_Installations?nav_from=9142ae06-fe3c-4da2-aca2-9174b6d71dc3 (accessed 13 September 2024).
- Patrich J. 1995. Sabas, Leader of Palestinian Monasticism: A Comparative Study in Eastern Monasticism, Forth to Seventh Centuries. Dumbarton Oaks, 419.
- Patrich J. 2001. The Sabaite Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present. Peeters Publishers, 463.
- Roll I. 1999. The Roads in Roman-Byzantine Palestine and Arabia. In: The Madaba Map Centenary 1897–1997, Jerusalem: 109–113.
- Selinger Y. 1998. The Identification of the Jerusalem-Lydd (Diospolis) Roman Road on the Madaba Map and Kh. el Latatin. Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society, 16: 75–84.
- Stemberger G. 2000. Jews and Christians in the Holy Land: Palestine in the Fourth Century. A&C Black, 350.
- The Pilgrimage of The Holy Paula. 1887. Palestine Pilgrims' Text Society. London, 297.
- Tsafir Y. 2000. Procopius and the Nea Church in Jerusalem. Antiquité Tardive, 8: 149–164.
- Whiting M. 2012. Asceticism and Hospitality as Patronage in the Late Antique Holy Land: The Examples of Paula and Melania the Elder. Female Founders in Byzantium and Beyond, LXI: 74–84.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.10.2024

Received 28.10.2024

Поступила после рецензирования 20.01.2025

Revised 20.01.2025

Принята к публикации 22.01.2025

Accepted 22.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сухова Жанна Михайловна, аспирант кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Zhanna M. Sukhova, Postgraduate Student, Department of Philosophy, History and Theory of Social Communication, Nizhny Novgorod N.A. Dobrolyubov State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0002-6807-6549](https://orcid.org/0009-0002-6807-6549)

УДК: 94(4)

DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-87-97

Оригинальное исследование

«Филиппианское Возрождение»: трансформация западно-франкского варианта феодализма в сторону укрепления королевской власти при Филиппе II Августе (1180–1223 гг.)

Урюмцев Е.Р.

Новосибирский государственный университет,
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1;
Музей Новосибирска,
Россия, 630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, д. 27
E-mail: hokston00@mail.ru

Аннотация. Исследование рассматривает общественно-политические изменения, произошедшие во Франции в правление Филиппа II Августа (1180–1223 гг.). Анализируется комплекс политических преобразований, направленных на укрепление реальной власти монархии Капетингов. Главной целью данных преобразований являлось установление во Франции иерархической центральной системы под контролем набиравшей силу бюрократии и сильным личным вмешательством короля во все сферы общественной жизни. Новая независимая монархия конструировала вокруг себя идеолого-системный синтез, выраженный через образ реновации империи Карла Великого во Франции начала XIII в., именуемый «Филиппианским Возрождением». Таким образом Французское королевство должно было реинкарнировать имперскость, создав сплав сильной королевской власти и культурного ренессанса «Золотого века франков». Успех преобразований данной политики позволяет говорить об особой значимости периода правления Филиппа II Августа в дальнейшем становлении Капетингского государства.

Ключевые слова: Филипп II Август, Капетинги, Франкское Возрождение, Империя, королевская модель, Высокое средневековье

Для цитирования: Урюмцев Е.Р. 2025. «Филиппианское Возрождение»: трансформация западно-франкского варианта феодализма в сторону укрепления королевской власти при Филиппе II Августе (1180–1223 гг.). *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 87–97. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-87-97

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The “Philippian Renaissance”: Transformation of the West Frankish Version of Feudalism Towards the Strengthening of Royal Power under Philip II Augustus (1180–1223)

Egor R. Uryumtsev

Novosibirsk State University,
1 Pirogov St., Novosibirsk 630090, Russia;
Novosibirsk Museum,
27 Chaplygin St., Novosibirsk 630099, Russia
E-mail: hokston00@mail.ru

Abstract. The article examines the structural socio-political changes that took place in France during the reign of Philip II Augustus. The object of the study is the French society at the junction of the 12th – 13th centuries. It describes a complex of political transformations, as well as their consequences for strengthening

the monarchy. Special attention is paid to the methods used by the king to change society. These were the formation of a bureaucratic system, the strengthening of the hierarchical principle in a feudal society headed by the king, and the subordination of all vassals to the crown. The main purpose of the research is to study the ideological and systemic synthesis expressed through the image of the renewed empire of Charlemagne – the “Philippian Renaissance”. This synthesis brought a cultural and ideological foundation to the political field, bringing together the idea of Empire and strong monarchical power. The study allows a conclusion about the special significance of this period in the formation of the Capetian state. According to the author, it was this political renewal that allowed France to become a model for the European monarchies of the High Middle Ages.

Keywords: Philip II Augustus, Capetians, Frankish Renaissance, Empire, royal model, High Middle Ages

For citation: Uryumtsev E.R. 2025. The “Philippian Renaissance”: Transformation of the West Frankish Version of Feudalism Towards the Strengthening of Royal Power under Philip II Augustus (1180–1223). *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 87–97 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-87-97

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Время правления Филиппа II Августа (1180–1223 гг.) – один из самых значимых периодов во французской истории. Окончательно утвердившаяся к концу XI в. концепция европейского феодализма при Филиппе II претерпевала серьезную трансформацию, во многом определившую дальнейшее развитие Французской монархии. Постепенно заменив главенствующую роль потомственной аристократии и богатых феодалов, Филипп превратил в опору монархии талантливых людей различных социальных слоев. Королю удалось распознать в городских и сельских коммунарах, богатых горожанах, рыцарях средней руки и министерiales новые возможности для укрепления королевства и использовать их на благо страны. Данные преобразования, заложенные Филиппом в противовес феодальной модели, получили наименование «королевской модели» управления [Sivéry, 2003, p. 11–12]. Выстраивая во Франции власть на положениях королевской модели, Филипп II чаще всего использовал два главных инструмента своей политики: видоизменившуюся бюрократическую систему и постепенное введение практики иммедиатизации – прямой вассальной зависимости мелких и средних рыцарей от королевской милости. Саму королевскую власть монарх Франции всеми силами старался сделать независимой. Политика независимости короля от феодалов внутри королевства и соседей снаружи стала тем фундаментом, на котором постепенно выстраивалось Французское королевство с централизованной реальной властью и под контролем королевской бюрократии.

Но идея «королевской модели» оказалась связана не только с трансформацией политического управления. Здесь в полной мере проявляется очередной виток европейского «Возрождения». Во второй половине XII в. для культурно-политической мысли того времени наступил период, когда все французское общество пребывало в глубоком и всестороннем кризисе. Этот кризис являлся следствием падения Империи Карла Великого, формированием феодальной раздробленности и отсутствием реальной центральной власти, способной систематизировать общественное взаимодействие между Церковью и всеми сословиями. Выходом из кризиса могло стать всестороннее обновление (культуры, общественных отношений, науки и искусства), реновация, воскрешение – «Возрождение» – явление в истории Европы, обреченное на постоянные периоды ретрансляций и кризисов, всесторонний взгляд назад в поисках ответов на вопросы сегодняшние. Однако это «Возрождение» имело четко выраженную специфику, главным образом связанную не с попыткой возвращения в Римскую античность, а с возвращением во Франкский Рим – *Renovatio imperii* Карла Великого [Пиков, 2002]. Таким образом, период правления Филиппа II Августа хронологически и концептуально положил начало «Французскому Возрождению»

эпохи Высокого средневековья. Эпоху, которую интеллектуальная и культурная элита ожидала на протяжении XI и XII веков и которая приобрела свой завершённый вид лишь в правление короля Людовика IX Святого (1226–1270 гг.). Данное исследование представляет собой попытку анализа всех политико-социальных предпосылок и тенденций, приведших к началу «*Филиппианского Возрождения*», разбор его основных положений и тезисов, а также подтверждение о необходимости выделения этого периода как особенно важного для истории Франции и Европейского континента в Высокое средневековье.

Объекты и методы исследования

В статье разбирается синтез социальных трансформаций, повлиявших на жизнь французского общества начала XIII в. Для решения этого вопроса использовались методы критики, источниковедческого анализа, общие методы исследования исторических материалов (аналогия, сравнение, анализ, синтез), а также методы исторических исследований (сравнительный, структурный и нарративный). Используются методы терминологического анализа ключевых в нашем исследовании слов, таких как империя, ренессанс, модель. Важным в методологическом отношении является труд Пикова Г.Г., в котором автор разносторонне исследует различные аспекты восприятия *Возрождения* и идеи империи [Пиков, 2002].

Результаты и их обсуждение

К середине XII в. на территориях Франкского королевства окончательно утвердился и господствовал феодализм. По определению Шарля Пти-Дютайи, феодализм – сдержанная анархия, управляемый беспорядок [Пти-Дютайи, 2019, с. 7], а, следовательно, данное явление противоположно всякой централизации. Феодальной модели чужда идея крепкой власти и стремление к единому, пусть даже ограниченному средневековыми рамками государственному образованию. Если говорить о государственном управлении, то при развитой феодальной системе, существующей в описываемый период, власть осуществляется по принципу взаимозависимых связей, выстроенных по иерархическому принципу – от высшего к низшему. Основа этих связей – земельное пожалование (бенефиций), которым вышестоящий даровал своего подчиненного в обмен на службу и клятву (оммаж). Таким образом, когда речь идет о феодализме, то решающим звеном в определении будет вопрос о клятве и земле – оммаже и фьефе [Жак ле Гофф, 2022, с. 94]. После распада империи Карла Великого историческая действительность Западной Европы, прежде всего на территории будущей Франции, сложилась таким образом, что любой сосед, номинально являющийся вассалом короны, фактически мог обладать гораздо более солидными силами. В первую очередь это касалось финансовых и военных ресурсов. Западно-франкские феодалы признавали за титулом «Короля франков» определенный престиж, связанный в основном с символическими аспектами: миропомазанием, коронацией, главенствующим положением. Но и помазание, и связанный с ним мифолого-символический аспект выходили за пределы феодальных понятий, относясь скорее к временам Библии и воспоминаниям о древности. Общество феодальное по-настоящему признавало лишь связи между сюзереном и вассалом. По итогу реальность оказалась таковой, что при первых Капетингах некогда могущественная Франкская Империя окончательно потеряла свое былое величие, а великие сеньоры и прелаты королевства не воспринимали всерьез особу правителя, царствующего в Париже [Пти-Дютайи, 2019]. К концу XII в. крупные феодальные образования сложились в обособленную реальность, не признающую права короля решать по-настоящему важные политические или жизненные вопросы.

Капетингские короли постоянно пытались противопоставить этому свое видение того, как должно быть устроено королевство. Да, возможности монархов были строго ограничены, но они уже пытались сформулировать то, каким образом власть должна распределяться, что входит в ее обязанности, но, главное, почему реальная власть должна принадлежать единому

центру, подконтрольному короне. Сюда входила широкая совокупность факторов, начиная от реальных политических шагов по консолидации власти и заканчивая конструированием идеологием. Так сама собой сформировалась общественная дихотомия: не имея возможностей сломить феодальный принцип, создав новую общественную систему, филиппианская монархия максимально извлекала выгоду из сложившейся исторической действительности. То есть новая королевская модель была полноценным развитием феодального общества, но с абсолютистским, государственным уклоном. Наибольшего развития это видение достигло в правление Филиппа II Августа. Эволюция феодальных отношений в эти периоды и их сложные взаимоотношения с королем отражают изменяющуюся историческую действительность, те политические изменения, произошедшие во французской истории в правление Филиппа II Августа.

Серьезная системная трансформация, произошедшая с королевством франков в правление Филиппа II Августа, носила комплексный характер, и, естественно, эти изменения не были одномоментными. На обоснование идеологии «величия королевской власти» ушли первые столетия правления Капетингов. Так или иначе, претендуя на наследие Карла Великого, новые монархи старались дать своей власти практическое и реальное обоснование. Комплекс этих изменений получил наименование «королевская модель». Идеологическое обоснование того, какой она должна быть, была сформулирована трудами монаха Сугерия – главного идеолога французской монархии середины XII века. В его концепции Французского королевства, помимо вышеупомянутых ослаблений феодальной вольницы, нашли место выстроенные и регулирующие королевскими ордонасами иерархические структуры, помогающие королю контролировать феодальную реальность. Необходимо было создать широкую общественную прослойку, на которую король сможет опереться в случае неверности феодалов или нужды обхода существующих традиций и кутюмов. Так постепенно во Франции начинается зарождение чиновничьей администрации. Феодальная система и королевская власть на протяжении многих столетий не располагали возможностями формирования сословия чиновников, равно как и отсутствовала необходимость в них ввиду небольших территориальных образований и общей ограниченности политического управления. Тем не менее в правление Филиппа Августа изменился масштаб политических процессов. Пытаясь всеми силами отстранить крупных сеньоров от управления страной, королю все чаще требовалась помощь неких людей, никак не связанных родственными узами с потомственными знатными фамилиями, выходцев из низов, целиком и полностью обязанных своим благополучием королевской власти. Для понимания, условно эту систему можно назвать бюрократической, поскольку задачи именно такого плана были возложены на ее представителей.

По мнению Шарля Пти-Дютайи, идея создания чиновничьих институтов на королевской службе пришла из Английского королевства [Пти-Дютайи, 2019]. Достаточно давно в нем были сформированы чины разъездных судей, шерифов. Они занимались объездом земель, представляя короля и его двор, вершили суд и собирали налоги. По английскому образцу были сформированы бюрократические институты во Франции. Так появились чины балби, сенешалей и шателенов. Стоит отметить, что сама по себе идея формирования чиновничьей прослойки не была нова: так, у Гинкмара Реймского, видного деятеля эпохи Карла Великого, в его сочинении «Об управлении дворцом» уже проговаривается необходимость появления стойких, добросовестных и воздержанных служителей из разных краев. Эти служители должны следить за обустройством и управлением «Королевским дворцом». Вместе с другой составляющей, надзором за состоянием всего королевства в соответствии с ее природой и ревностнейшим предвидением, данный синтез и определяет благополучие всего королевства. То есть для процветания необходима совместная служба королевских чиновников и, конечно, «Божьих людей» (епископов, аббатов, священников), без которых вообще невозможно представить средневековую систему управления [Гинкмар Реймский, 2021].

Спектр обязанностей новоявленной королевской администрации мы постараемся осветить в данном исследовании. Полноценной новинкой среди чиновников были бальи, сенешали и шателены. До этого во Французском королевстве уже существовал институт королевских прево, выполнявших свои обязанности еще при Людовике VII, однако, по признанию современников, их работа была жестокой, неэффективной и несла в себе множество различных злоупотреблений. Эту ситуацию предстояло исправить таким образом, чтобы вместе с добавлением новых чинов реформировалась работа уже существующего аппарата.

Первым нововведением короля Филиппа стало формирование среди категорий чиновников иерархического принципа. За монархом стояли представители крупного чиновничества – двенадцать бальи, а территории, за которые они отвечали, назывались бальяжами. Бальи были обязаны объезжать вверенные им земли, творя суд от имени короля, следить за добросовестным поступлением налогов и исправным ведением финансовых дел, надзирать за прево и защищать Церковь [Пти-Дютайи, 2019]. Исходя из специфики неопределенности средневековых границ, географической привязки к территории у бальи не было. Конкретика появится несколько позже, в XIII в. Бальи находились на жаловании короля, и, по сути, это была ретрансляция феодальной системы, ведь чины также клялись в верности сеньору. Лишь после оммажа они становились представителями короля и подлежали личной отчетности три раза в год по большим церковным праздникам⁵⁴ самому монарху, минуя любые другие инстанции. Во время войны бальи даже командовали частями королевского войска, хотя это не было их обязанностью [Contamine, 1972]. Жалование бальи составляло целый ливр за день службы – самое высокое жалование среди всех «людей короля». Такой оклад подтверждает высокую значимость их статуса и цену лояльности короне [Baldwin, 1991].

За бальи стояли королевские прево, а территории, им подотчётные назывались превотствами. Эти территории явно уступали бальяжам в размере, отсюда и меньше ответственность. Вообще до конца неясно, чем именно занимались прево после создания высших чиновников. Скорее всего, они рассматривали местные юридические дела и отчеты в назначенных им землях, отчитываясь перед бальи. В некоторых землях их функции могли выполнять шателены – коменданты, концентрировавшие в пределах даже небольшого замка военные и административные функции.

Стоит отметить, что отныне все категории чиновников стали подотчетны королю. Этим жестом король ставил себя на вершину иерархической пирамиды, не позволяя чиновничеству посягать на власть центра. Король строго следил, чтобы должности не передавались по наследству, снижая риск конкуренции между королевской властью и чиновничеством. Все эти категории выполняли схожие административные функции, но из-за местных территориальных кутюмов или условий могли меняться их названия и нюансы исполняемого долга. Так что титулы бальи, прево, шателена, сенешаля, кастеляна и даже лесничего имели главную общую черту – обозначали чиновника на королевской службе.

Чиновническая система была окончательно сформирована к 1200 г. Юридическим актом, регламентирующим права и обязанности чиновнических категорий, стал Ордоннанс – завещание короля Филиппа от 1190 г. Ордоннанс был сформирован перед отбытием короля в Левант. Уже в этом тексте богатейшие сеньоры королевства так или иначе уступали свои позиции по отношению к королевским чиновникам. Помимо этого, в нем закладывалось господство монарха на всей территории домена, закреплялись обязанности чиновников, а феодальные перипетии использовались для укрепления центральной власти [Sivéry, 2003]. Любопытно, что во Франции времен Филиппа II Августа имела место своего рода двойственность феодализма. С одной стороны, королевские сановники учитывали все и понимали, что невозможно мгновенно распространить действие новой администрации и судопроизводства повсеместно. Иными словами, построить

⁵⁴ 2 февраля – Сретение Господне, 6 мая – день Вознесения, 1 октября – День Святого Ремигия. В эти дни также по всему королевству собирались налоги и созывались войска.

полноценное государство абсолютистского типа, следующего максиме короля Людовика XIV «Государство – это я», невозможно в реалиях исторической действительности Развитого средневековья. С другой стороны, они старались извлечь максимальную выгоду из сложившейся двойственной ситуации. Видные деятели эпохи не отрицали, что феодальные фьефы оставались главным подразделом королевства. И поэтому в том числе впервые в истории Капетингской Франции именно они дали полный перечень всех вассалов короля вместе со всеми подвассалами. Сделано это было с целью упорядочивания вассальной системы, упрощения сбора феодалов на войну, взимания налогов. Однако главным аспектом здесь был военный вопрос: в случае мятежа прямых вассалов арьервассалы должны сохранять верность королю (!). Опыт мятежной молодости Филиппа помогал ему организовать государственную систему таким образом, при котором бунт вассалов был крайне невыгоден зачинщикам и быстро приходил бы к закономерному краху. То есть «новый феодализм» в духе филиппианских реформ появляется только тогда, когда король впервые начинает превалировать над системой на реальных основаниях. Теперь это была подчиненная «феодальная модель», над которой верховенство взяла «модель королевская». Помимо этого, отныне король не был лишь «королем феодалов», о чем свидетельствует центральное описание королевства, составленное канцлером Французского королевства Гереном и его чиновниками. Непосредственные феодалы со своими землями были далеки от того, чтобы представлять всю территорию домена и его население. Закрепились роли чиновничества, городских коммун, а роль сеньоров ослабла, вплоть до избегания в записях существительного «фьеф». В распоряжении сановников для обозначения разграничения королевской власти и феодального строя было лишь одно средство – сравнение королевства с сеньорией. Ориентируясь на всем понятные и привычные представления своего времени, авторы изображали короля как «господина» («Dominus»), сделавшего сеньорию двухчастной. Теперь она состояла из собственно домена, где распоряжался король, а доход добывался через королевских представителей и земель вассалов, светских и церковных, к которым добавились городские коммуны [Люшер, 2018].

Владения, из которых король извлекал доход напрямую, последовательно называются «Civitates», или области, названные по имени населяющих их народов. Также в списке имелись крепости и некоторое количество других округов, где король размещал свои собственные гарнизоны. Чаще всего они соответствовали превоствам, шатленствам и лесам. Затем представлялись земельные бенефиции, владельцы которых приносили оммаж королю. Они собирали для него рыцарей в карантен, выплачивали жалование сержантам, исполняли различные службы.

Всем остальным в пределах вверенной земли держатели были вольны распоряжаться как угодно. Классификация земельных держателей соответствовала иерархическому, тройственному общественному делению и выглядела следующим образом:

- 1) главные церковные прелаты (архиепископы, епископы, аббаты);
- 2) прямые светские вассалы (графы, герцоги, бароны, кастеляны и подвассалы);
- 3) отряды коммун, обязанные служить в народном ополчении и не находившиеся в феодальной зависимости.

Король рассматривал как части своего домена лишь те территории, на которых распоряжались его чиновники: бальи, прево, консьержи, сенешали, шателены и лесничие. Теперь Филипп отказывался быть просто сеньором, одним среди многих прочих. Между своими прямыми держателями земель он больше не различал старинных вассалов древних родов, больших территориальных хозяев и простых рыцарей. Отныне король требовал от всех одинакового почтения и оммажа/рельефа/исполнения всех вассальных клятв. Разумеется, эта система начала свое распространение и на подвассалов. В угоду королевским требованиям чиновники включили крупных феодалов в перечень вассалов средней руки. Так королевская власть принижала, ограничивала и держала под контролем крупных землевладельцев. Не имея возможности изменить феодальное общество, король извлекал

максимальную выгоду из сложившейся исторической действительности. Отныне король стал главным руководителем мобилизации людей своего домена: он лично выбирал себе союзников и противников, став, таким образом, единственным в королевстве ответственным за войну и мир [Урюмцев, 2024].

Естественно, все эти шаги неизбежно привели к столкновению с крупнейшими сеньорами страны. Эта борьба вошла в историю как война Феодалной Лиги 1181–1187 гг. Во многом новые взгляды на изменение политического режима связывали не с именем короля, а с его королевским советом, сформированным в первые месяцы правления Филиппа, и, возможно, восстание Лиги было против его ближайших сторонников. Тем не менее даже последствия этого мятежа король смог использовать для своей выгоды. После победы в отношениях короля со своими вассалами произошли существенные изменения. Король Филипп пытался всеми силами разобраться в причинах предательства своих вассалов и старался по возможности устранить их. В случае если это не удавалось и слишком независимый сеньор отказывался подчиниться королю, его политическое влияние строго ограничивалось, допуск ко двору прекращен, а наследники лишены потенциальных приобретений. Даже их титулы и должности после смерти человека переходили к королю. Так постепенно создалась система, в которой поддержать короля во всех перспективах выглядело более выгодно, чем противостоять ему. В ответ взгляды сеньоров на короля постепенно трансформировались. Изначально их отношение к королю трактовалось из соображений использования монарха в собственных интересах. К середине войны оно изменилось на готовность сотрудничать и переговариваться. А ко времени подавления мятежа отношение к королю преобразилось окончательно. Теперь это полноценная готовность подчиняться королевскому решению – очень нестандартное явление для сложившейся ранее ситуации. Это и было подлинное завоевание Филиппа по результатам этой войны – завоевание престижа королевской власти перед лицом собственных вассалов. Угроза смены династии устранилась в результате войны, а сеньоры королевства будут вынуждены искать компромиссные пути решения назревающих проблем с королем и курией. Так постепенно зная консолидировалась вокруг короля и его двора [Урюмцев, 2022].

Логика королевских преобразований изменила сам масштаб внутренней политики. Если отец Филиппа II Людовик VII вел дела только с феодалами собственного домена, то Августу пришлось противостоять владельцам всех крупных фьефов Франции. Об ограниченных возможностях Людовика свидетельствует, например, тот факт, что если раньше король даровал привилегии церквям, городам и крестьянам лишь в землях собственного домена, происходящее в остальных землях королевства оставалось для него непреодолимой преградой. При Филиппе ситуация кардинальным образом меняется. Новый король проводил политику покровительства церквям и бедным рыцарям на землях всего королевства, и в первую очередь на землях своих политических соперников, подрывая их влияние и авторитет. Постепенно крупные феодалы были отстранены от дел управления государством. Закрепляя их полномочия на персоне короля после смерти, Филипп расширял спектр собственных возможностей [Sivéry, 2003].

Международная политика из территориальных споров с герцогом Нормандским превратилась в затяжную борьбу с Английским королевством. Во втором десятилетии XIII в. вмешательство короля Филиппа во внутренние дела Священной Римской Империи спровоцировало формирование против Французского королевства коалиции Западных держав. Все это свидетельствует о серьезных изменениях масштабов политического противостояния на Европейской авансцене. Новое видение развития государства, позволившее Филиппу создать поистине большую державу, уже заметно отличалось от устройства соседних государств, с чем никто мириться не собирался. Защищать свое право на собственное видение развития феодального государства королю Франции приходилось на поле боя не один раз. По результатам четверти века на престоле король Филипп Август укрепил положение династии на троне, постепенно изменив у вассалов само представление

о сущности королевской власти. Новые земли, ставшие частью королевского домена, позволяли королю Филиппу получить возможности для консолидации больших ресурсов. И здесь, конечно, борьба Французского королевства с Феодалной лигой и Анжуйской империей имела огромное значение в деле появления единого французского государства.

Но не только практические политические изменения имели место в идеях Сугерия и в воплощении его проектов при Филиппе II Августе. Здесь также нашлось место духовно-нравственному обоснованию, схожему с формулировкой государственных и идеологических доктрин более поздних исторических периодов. Здесь нисходящую тенденцию (общество феодальной раздробленности) должна заменить тенденция восходящая, уже имевшая место в истории этих земель три столетия назад – воскрешение Каролингского Рима. Королевская власть по Сугерию обязана наследовать то величие, которым обладало имперское правление Карла Великого с целью консолидации и устранения кризисных анархичных тенденций [Сугерий, 2006]. Образ этого императора был непререкаемым примером для Капетингских монархов, и большая часть их политики была связана с адаптацией и обработкой богатого культурного и политического капитала, оставленного в наследие Каролингским Возрождением. Главный тезис заключался в формировании «образа короля-сюзерена, стоящего на вершине иерархической пирамиды и сжимающего в руке, словно сноп колосьев, все полномочия, которые в течение столетий растворялись в феодализме» [Дюби, 2002, с. 15]. Этот король должен быть благочестив, милосерден, добр к нуждающимся и бедным; он верный помощник для дел и нужд Церкви. Он также обязан защищать государство от всех внешних врагов, а споры внутри страны решать честно и справедливо, исходя из христианских побуждений. Данный образ был скорее моральным и соответствовал нравственным идеалам эпохи, однако он же диктовал политические изменения – восстановление прав, растерянных королевской властью в течение веков. Таким образом, для Сугерия королевская власть есть имперская власть; именно франкские короли являются подлинными наследниками Римской Империи, суть которой была изложена в обладании атрибутами, авторитетом и геополитическими возможностями правителей Возрожденного Рима. Христианская Империя, Каролингский Рим, где власть Императора никто не смеет оспаривать, должна возродиться в королевстве франков. Его правитель обязан вобрать в себя все великое наследие Карла Великого и по его примеру стать обладателем реальной и бесспорной власти в противовес феодальному беспорядку. Подобная новая реальность свидетельствовала о получении королем реальных политических возможностей и изменившейся исторической действительности во Французском королевстве начала XIII в. Герен, канцлер королевства при Филиппе II и символ правительства той эпохи, характеризовал королевскую власть и королевство как «живые организмы, которым надлежит постепенно пройти через все новые этапы развития» [Sivéry, 2003]. Пройти их необходимо, чтобы королевская власть окончательно восторжествовала над своеволием феодальной анархии [Урюмцев, 2024].

Не следует забывать здесь и момент происхождения династии. Мать короля Филиппа, Адель Шампанская, вела свою родословную от Карла Великого, и все придворное окружение подчеркивало эту связь. Филипп Август своей первой супругой выбрал Изабеллу де Эно, дочь Карла Лотарингского, также ведущую свой род от Каролингов. Так, у сына Филиппа II дофина Людовика, будущего Людовика VIII, с обеих сторон матери и отца текла каролингская кровь. Французские хроники Сен-Дени и в короле Филиппе через материнское происхождение, и в дофине Людовике, и в будущих королях Капетингского дома видели «возвращенное потомство Карла Великого, бывшего Императором и королем (!) Франции, отстраненное на семь поколений» [Фавтье, 2001, с. 78]. Здесь символическая идея королевской власти находит свое обоснование в реальном прецеденте, объединяя две династии и тем самым предоставляя правителям Иль-де-Франса право на Каролингское наследие. Таким образом, магистральная идея нового «*Филиппианского Возрождения*» кроется в сильной и неоспоримой монаршей власти, стоящей выше феодальной вольницы и комплексно во всех аспектах эксплуатирующей образ Каролингской Империи. Парижу в этих замыслах уготовано стать Новым Римом, Новым Аахеном.

Несмотря на проявляющееся на всех этапах своих реформ сопротивление, Филиппу удалось его преобразования. Титул «Август» обозначал именно это – Каролингское наследие окончательно закрепилось за фигурой короля Франции. Имперская идея, реинкарнировав в королевстве, дала обоснование Капетингам встать над феодальной лестницей, обладая реальными политическими возможностями. И если предшественники Филиппа пытались это сделать, но возможностей не хватало (ни финансовых, ни военных, ни идеологических), то к концу правления Филиппа II монархия окрепла. Ее авторитет укреплен Церковным благословлением и коронацией, ее сила подтверждена гигантскими военными-политическими ресурсами, ее право существовать и быть прямым наследником Каролингского Рима подтверждено громогласными победами – Шато-Гайяром, Ла-Рош-о-Муаном, Бувином. Теперь, после 1214 г., года побед, оспаривать у французского короля право на власть не мог никто. Ведь для любого рыцаря и феодала, следуя морали эпохи, битва – акт справедливости, спор и суд Божий, и соблюдение его результатов обязательно для всех. После бурной молодости, когда Филипп был вынужден бороться с направленной против него Феодальной Лигой, после Бувина и до самой его смерти в 1223 г. ни один сеньор не осмеливался поднять против короля Франции оружие. Тем не менее укрепление королевской власти еще не обозначало полноценного прекращения феодальных междоусобиц. Отдельные очаги феодальной борьбы постоянно давали о себе знать. Однако после 1214 г. окончательно трансформировалась риторика обоснования феодальной войны. Если изначально феодалы воевали между собой, так как имели право защищать свои интересы и землю с оружием в руках, то теперь сеньоры по обе стороны конфликта в первую очередь заявляли о своей покорности королю и его решению [Sivéry, 2003].

Заключение

«Человек католической веры, он твердо придерживался тех решений, которые принял, и выносил суждения быстро и очень хорошо. Хотя победа была к нему благосклонна, он, однако, опасался за свою жизнь и выходил из себя также легко, как и успокаивался. Он карал магнатов королевства, повинных в злых деяниях или притеснениях, и успешно разжигал среди них ссоры» [Sivéry, 2003, p. 292]. Такой портрет короля оставил нам Пайен Гатинель, туренский каноник вскоре после смерти короля. И самое главное здесь то, что отныне фигура короля возвысилась над сеньорами, а вассалы постепенно воссоединились вокруг персоны монарха в угоду целостности домена и борьбы с внешними врагами. Потомкам короля Филиппа, королям Капетингской династии XIII в. в значительной мере было проще взаимодействовать с вассалами в реалиях феодального общества благодаря тому, что французская монархия на стыке веков обрела силу и вернула себе утраченные в эпоху раздробленности позиции [Жуанвиль, 2018]. На укрепление культурно-политических идей «Филиппианского Возрождения» потребовалось полвека, но система была сформирована. Теперь верховному сюзеру подчинены все, власть упорядочена, Святая Церковь защищена, а внешние угрозы устранены. Так, победившая во Франции имперская идея начала свое распространение по Европе через культуру, обычаи – триумф реальной королевской власти и, как следствие, образ порядка и стабильности. Франкскими государствами в XIII в. были Итальянское королевство и Латинская империя, государства крестоносцев, под большим влиянием Франции находились английские континентальные владения, земли Фландрии, королевств Арагона и Кастилии, западные части Священной Римской Империи. Так или иначе, именно благодаря комплексу королевских преобразований удалось вывести Францию в державы-гегемоны европейской политико-культурной жизни. Ослабить же доминирование французской культуры и традиции в Европе удастся лишь вследствие совокупности объективных факторов (Черной чумы, трагической смены династии, тяжелого начала Столетней войны) уже в непосредственной близости к периоду Позднего Средневековья и очередному витку кризиса Европейского Возрождения.

Список литературы

- Гинкмар, архиепископ Реймский. 2021. Об управлении дворцом. Санкт-Петербург, Евразия, 221 с.
- Дюби Ж. 2002. Время соборов. Искусство и общество 980–1420 годов. Москва, Ладомир, 379 с.
- Дюби Ж. 2000. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. Москва, Языки русской культуры, 320 с.
- Дюби Ж. 2001. История Франции. Средние века. Москва, «Международные отношения», с. 264–290.
- Жак ле Гофф. 2022. Цивилизация средневекового Запада. Москва, «Альма-Матер», «Гаудеамус», 398 с.
- Жуанвиль, Жан де. 2018. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. Пер. со старофранц. Цыбулько Г.Ф. под редакцией Карачинского А.Ю., научный редактор перевода Малинин Ю.П. Санкт-Петербург, Евразия, 396 с.
- Люшер А. 2018. Французское общество времен Филиппа Августа. Пер. с франц. Цыбулько Г.Ф. под редакцией Малинина Ю.П. Санкт-Петербург, Евразия, 410 с.
- Пиков Г.Г. 2002. Из истории Европейской культуры: Учебное пособие. Новосибирск, Новосибирский государственный университет, 255 с.
- Пти-Дютайи Ш. 2019. Королевская власть во Франции и Англии X–XIII веков. Санкт-Петербург, Евразия, 399 с.
- Ригор. 2008. Деяния Филиппа Августа, Короля франков. Centaurus: Studia classica et mediaevalia. Москва. № 4. С. 196–224.
- Сугерий, аббат Сен-Дени. 2006. Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции (1108–1137). Пер. с лат. Т.Ю. Стукаловой. Москва, Старая Басманная, Plusquamperfectum, 320 с.
- Урюмцев Е.Р. 2024. Политические преобразования во Франции в эпоху правления Филиппа II Августа (1180–1223 гг.): специфика, эволюция, проблемы. Теория и практика современной аграрной науки. Новосибирск, ИЦ НГАУ «Золотой колосс»: 1920–1924.
- Урюмцев Е.Р. 2020. Проблемы укрепления королевской власти во Франции на примере борьбы с Феодалной Лигой 1181–1187 гг. Наука. Технологии. Инновации. Сборник научных трудов. В 9 частях. Том Часть 8. Под редакцией А.В. Гадюкиной. Новосибирск, Новосибирск, Новосибирский государственный технический университет: 88–91.
- Урюмцев Е.Р. 2020. Противостояние Французского королевства и Феодалной лиги 1181–1187 гг.: причины, предпосылки, проблемы. МНСК-2020: История: Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10–13 апреля 2020 года. Новосибирск, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет: 11–12.
- Урюмцев Е.Р. 2023. К вопросу о формировании бюрократической системы Французского королевства при Филиппе II Августе (1180–1223 гг.). Проблемы гуманитарных исследований. Новосибирск, ИЦ НГАУ «Золотой колосс»: 53–57.
- Фавтье Р. 2001. Капетинги и Франция. Санкт-Петербург, Евразия, 294 с.
- Baldwin J.-W. 1991. Philippe Auguste et son gouvernement. Paris, Fayard, 724 с.
- Philippe Contamine, Guerre, état et société à la fin du Moyen Âge, La Haye, 1972. Т. 1. Mouton, Paris, 450 с.
- Philippe Contamine. 1980. La Guerre au Moyen Age. Paris, Presses universitaires de France, 410 с.
- Sivéry G. 2003. Philippe Auguste. Paris, Perrin, 346 с.

References

- Hincmar de Reims. 2021. Ob upravlennii dvorcrom [About the Management of the Palace]. Sankt-Peterburg, Evraziya, 221 s., 1885, Paris, 221 с.
- Duby G. 2002. Vremya soborov. Iskusstvo i obshchestvo 980–1420 godov [The Time of the Councils. Art and Society from the Years 980–1420]. Moskva, Ladoimir, 379 s.
- Duby G. 2000. Trekhchastnaya model', ili Predstavleniya srednevekovogo obshchestva o sebe samom [Three-Part Model, or Medieval Society's Ideas about Itself]. Per. s fr. Yu.A. Ginzburg. Moskva, Yazyki russkoj kul'tury, 320 s.
- Duby G. 2001. Istoriya Francii. Srednie veka [History of France. The Middle Ages]. Moskva, «Mezhdunarodnye otnosheniya», s. 264–290.
- Le Goff Jacques. 2022. Civilizaciya srednevekovogo Zapada [The Civilization of the Medieval West]. Moskva, «Al'ma-Mater», «Gaudeamus», 398 s.
- Joinville Jean de. 2018. Kniga blagochestivyh rechenij i dobryh deyanij nashego svyatogo korolya Lyudovika [The Book of the Pious Sayings and Good Deeds of our Holy King Louis]. Per. so

- starofranc. Cybul'ko G.F. pod redakciej Karachinskogo A.Yu., nauchnyj redaktor perevoda Malinin Yu.P. Sankt-Peterburg, Evraziya, 396 s.
- Achille Luchaire. 2018. Francuzskoe obshchestvo vremen Filippa Avgusta [French Society of the Time of Philippe Augustus]. Per. s franc. Cybul'ko G.F. pod redakciej Malinina Yu.P. Sankt-Peterburg, Evraziya, 410 s.
- Pikov G.G. Iz istorii Evropejskoj kul'tury [From the History of European Culture]. 2002. Novosibirsk, 255 s.
- Petit-Dutaillis Charles. 2019. Korolevskaya vlast' vo Francii i Anglii X–XIII vekov [Royal Power in France and England of the X–XIII Centuries]. Sankt-Peterburg, Evraziya, 399 s.
- Rigord. 2008. Dejanija Filippa Avgusta, Korolja frankov [Acts of Phillippe Auguste, King of the Franks]. Centaurus: Studia classica et mediaevalia. Moscow, c. 196–224.
- Suger. 2006. Zhizn' Lyudovika VI Tolstogo, korolya Francii (1108–1137) [The Life of Louis VI the Fat, King of France (1108–1137)]. Per. s lat. T.Yu. Stukalovoj. Moskva, Staraya Basmanaya, Plusquamperfectum, 320 s.
- Uryumtsev E.R. 2024. Politicheskie preobrazovaniya vo Frantsii v epokhu pravleniya Filippa II Avgusta (1180–1223 gg.): spetsifika, evolyutsiya, problemy [Political Transformations in France during the Reign of Philip II Augustus (1180–1223): Specifics, Evolution, Problems]. Teoriya i praktika sovremennoy agrarnoy nauki. Novosibirsk, ITs NGAU "Zolotoy koloss": 1920–1924.
- Uryumtsev E.R. 2020. Problemy ukreplenija korolevskoj vlasti vo Francii na primere bor'by s Feodal'noj Ligoj 1181–1187 gg. [Problems of Strengthening Royal Power in France on the Example of the Fight Against the Feudal League of 1181–1187]. NAUKA. TEHNOLOGII. INNOVACII. Sbornik nauchnyh trudov. V 9 chastjah. Tom Chast' 8. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University: 88–91.
- Uryumtsev E.R. 2020. Protivostojanie Francuzskogo korolevstva i Feodal'noj ligi 1181–1187 gg.: prichiny, predposylki, problemy [The Confrontation between the French Kingdom and the Feudal League of 1181–1187: Causes, Prerequisites, Problems]. MNSK-2020. Istorija: Materialy 58-j Mezhdunarodnoj nauchnoj studencheskoj konferencii [MNSC-2020. History: Proceedings of the 58th International Scientific Student Conference]. Novosibirsk, Novosibirsk State University: 11–12.
- Uryumtsev E.R. 2023. K voprosu o formirovanii bjurokraticheskoy sistemy Francuzskogo korolevstva pri Filippe II Avguste (1180–1223 gg.) [On the Formation of the Bureaucratic System of the French Kingdom under Philip II Augustus (1180–1223)]. Problemy gumanitarnyh issledovanij [Problems of Humanitarian Research]. Novosibirsk, ITs NGAU "Zolotoy koloss": 53–57.
- R. Fawtier. 2001. Kapetingi i Franciya [Capetians and France]. Sankt-Peterburg, Evraziya, 294 s.
- Baldwin J.-W. 1991. Philippe Auguste et son gouvernement. Paris, Fayard, 724 c.
- Philippe Contamine, Guerre, état et société à la fin du Moyen Âge, La Haye, 1972. T. 1. Mouton, Paris, 450 c.
- Philippe Contamine. 1980. La Guerre au Moyen Age. Paris, Presses universitaires de France, 410 c.
- Sivéry G. 2003. Philippe Auguste. Paris, Perrin, 346 c.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.01.2025

Received 14.01.2025

Поступила после рецензирования 10.03.2025

Revised 10.03.2025

Принята к публикации 12.03.2025

Accepted 12.03.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Урюмцев Егор Романович, аспирант кафедры всеобщей истории, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия; методист, Музей Новосибирска, г. Новосибирск, Россия

Egor R. Uryumtsev, Postgraduate Student, Department of General History, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; Methodologist, Museum of Novosibirsk, Novosibirsk, Russia

 [ORCID: 0000-0002-6473-5108](https://orcid.org/0000-0002-6473-5108)

УДК 94(47).084.6+94(47).027+ 94(439).02
DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-98-103
Краткое сообщение

Межкняжеские перипетии Руси и венгров: проблемы и подходы (по поводу книги: М.К. Юрасов «Венгрия и русские княжества в XII в.». Санкт-Петербург: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив, 2019. 496 с.)

Морозов С.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: morozov_s@bsuedu.ru

Аннотация. Внешняя политика Древней Руси нечасто привлекала внимание отечественных исследователей как советского, так российского периода. После выхода монографии В.Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» отдельные из его учеников уделяли этой теме внимание, но с наибольшей тщательностью и скрупулезностью к её венгерскому направлению подошел ученый ИРИ РАН М.К. Юрасов. В статье рассматриваются, прежде всего, его научные подходы и методология, позволяющие ставить под сомнение и опровергающие подходы и концепции венгерских ученых, специалистов по данной проблеме. Используя русскоязычные источники и археологические данные, М.К. Юрасов ярко показал, как в середине XII в. происходит постепенная девальвация внешнеполитических целей, которые ставили перед собой венгерские короли относительно Руси. Он также уделяет внимание истории предков современных подкарпатских русинов. По его мнению (не разделяемому венгерскими коллегами), восточные славяне проживали на территории современной Венгрии ещё до поселения там самих мажаров. Монография М.К. Юрасова является на сегодняшний день самым подробным исследованием русско-венгерских отношений в XII в.

Ключевые слова: внешняя политика Руси, русско-венгерские отношения, Рюриковичи, Арпады, XII в., Борис Калманович, Ярослав Святополкович, Ярослав Осмомысл

Для цитирования: Морозов С.В. 2025. Межкняжеские перипетии Руси и венгров: проблемы и подходы (по поводу книги: М.К. Юрасов «Венгрия и русские княжества в XII в.». Санкт-Петербург: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив, 2019. 496 с.). *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 98–103. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-98-103

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Inter-Princely Vicissitudes of Rus and the Hungarians: Problems and Approaches (Regarding the Book: M.K. Yurasov “Hungary and Russian Principalities in the 12th Century”. St. Petersburg: Petroglyph, Centerfor Humanitarian Initiatives, 2019. 496 p.)

Stanislav V. Morozov

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
Email: morozov_s@bsuedu.ru

Abstract. The foreign policy of Ancient Rus has rarely attracted the attention of domestic researchers, both of the Soviet and Post-Soviet eras. After the publication of V.T. Pashuto's monograph "Foreign Policy of

© Морозов С.В., 2025

Ancient Rus", some of his students paid attention to this topic, but M.K. Yurasov, scientist of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, approached its Hungarian direction with the greatest care and scrupulousness. The article examines, first of all, his scientific approaches and methodology, which allow questioning and refuting the approaches and concepts of Hungarian scientists who are specialists in this problem. Using Russian-language sources and archaeological data, M.K. Yurasov clearly showed how in the middle of the 12th century there was a gradual devaluation of the foreign policy goals that the Hungarian kings set for themselves regarding Rus. He also pays attention to the history of the ancestors of modern Subcarpathian Rusyns. In his opinion (which is not shared by his Hungarian colleagues), the Eastern Slavs lived on the territory of modern Hungary even before the Magyars themselves settled there. M.K. Yurasov's monograph is currently the most detailed study of Russian-Hungarian relations in the 12th century.

Keywords: foreign policy of Rus, Russian-Hungarian relations, Rurikovich, Arpad, 12th century, Boris Kalmanovich, Yaroslav Svyatopolkovich, Yaroslav Osmomysl

For citation: Morozov S.V. 2025. Inter-Princely Vicissitudes of Rus and the Hungarians: Problems and Approaches (Regarding the Book: M.K. Yurasov "Hungary and Russian Principalities in the 12th Century". St. Petersburg: Petroglyph, Center for Humanitarian Initiatives, 2019. 496 p.). *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 98–103 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-98-103

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Нынешние времена предполагают различного рода новые формы и подходы, которые, основываясь на новых первоисточниках, пытаются внедрять современные российские исследователи [Морозов, 2007, 2017, 2021]. Однако это намного легче применить относительно периодов сравнительно недавнего прошлого нашего Отечества [Морозов, 2024]. Что же касается более удаленных во времени периодов его прошлого, то дело обстоит несколько иначе. Например, изучение различных направлений внешнеполитической истории Древней Руси ранее не было популярным в научной среде. На степень интереса учёных к решению проблем истории взаимоотношений Руси с её западными соседями значительное влияние оказывает языковой фактор. О результатах исследований венгерских историков советские и российские коллеги могли судить лишь из небольшого количества их изданий, переведённых на некоторые мировые языки, а также из работ квалифицированных отечественных специалистов по истории Венгрии. В связи с этим история русско-венгерских отношений домонгольского периода в целом остаётся на уровне разработки «смежных вопросов», связанных с изучением социальной истории или отношений между князьями.

Исследователи как в бывшем СССР и возникших после его распада независимых России и Украине, так и в Венгрии в лучшем случае ограничивались последовательным рассмотрением династических связей и совместных военных действий венгерских королей и союзных им русских князей. При этом упускается из виду то, что на отношения между Рюриковичами и Арпадами заметное (а в отдельные эпохи и определяющее) влияние оказывали правители соседних с ними государств – Византии, Германии, Польши и Чехии. Кроме того, специалисты по внешнеполитической истории Руси недостаточно полно учитывают тонкости междукняжеских отношений внутри рода Рюриковичей и их отражение на выборе венгерскими королями союзников на Руси. Российские и украинские историки мало внимания обращают на политическую борьбу при дворе Арпадов, исследуя внешнеполитическую историю русских земель.

После выхода в свет в 1968 г. монографии В.Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» [Пашуто, 1968], имевшей обобщающий характер, его ученики продолжили изучение отдельных сюжетов и эпизодов внешнеполитической истории Восточной Европы домонгольского времени. Однако это не привело к появлению исследований, в которых последовательно анализировались бы все сведения о контактах Руси с тем или иным соседним государством на протяжении длительного периода времени или целой эпохи.

Монография М.К. Юрасова [Юрасов, 2019] ставит своей целью осветить, насколько позволяют источники, историю русско-венгерских отношений на протяжении XII в.

Венгерские исследователи уделяли значительно больше внимания изучению связей и контактов своей родины с восточными соседями в Средние века, чем их советские, а позднее – российские и украинские коллеги. Однако при этом их работы либо посвящены отдельным значимым эпизодам и кратким историческим периодам, либо имеют обобщающий характер, в который не всегда вписываются малозначимые (с их точки зрения) события и дискуссии, касающиеся мелких нюансов некоторых эпизодов.

Наибольший вклад в изучение венгеро-русских отношений в Средние века внесла М. Фонт. Результаты своих многолетних исследований она изложила в монографии «Короли из династии Арпадов и князья Рюриковичи» [Font, 2005], недавно вышедшую в переводе на английский язык [Font, 2021] с изменениями и дополнениями. Как видно из названий этих книг, они охватывают эпоху от рубежа IX–X вв. до 1301 г. Вторая из названных монографий М. Фонт вышла позже рецензируемой работы, автор которой на протяжении четверти века внимательно следил за творчеством венгерских исследователей и их коллег из России и других стран, занимавшихся историей русско-венгерских отношений IX–XII вв., а также изучал научное наследие их предшественников.

М.К. Юрасов так же, как и М. Фонт, написал монографию на основании исследования отдельных эпизодов и небольших периодов истории взаимоотношений Руси и Венгрии в XII в., но, в отличие от венгерской исследовательницы, в своём труде стремился свести к минимуму материалы обобщающего характера. В монографии М.К. Юрасова отсутствуют сводные хронологические таблицы, касающиеся отдельных «сюжетных линий» развития связей и контактов между двумя соседними народами. Он сознательно отказался от ограничения своего исследования рассмотрением династических браков, военных походов и союзов, как это сделала М. Фонт, поставив перед собой иную цель: выявить и оценить всю доступную и возможную (гипотетическую) информацию, прямо или косвенно относящуюся к истории русско-венгерских отношений XII в.

В результате М.К. Юрасову удалось расширить источниковую базу своего исследования, включив в него анализ археологического материала (остатки обнаруженной украинскими археологами ротонды в окрестностях Галича, на основании чего (с привлечением «татищевского известия») они считают, что жена основателя Галицкого княжества Владимира Володаревича была венгеркой [Юрасов, 2019, с. 156–159]; сведения арабского путешественника ал-Гарнати, привезшего киевскому князю Изяславу Мстиславичу в 1153 г. письмо от венгерского короля Гезы II [Юрасов, 2019, с. 350]; сочинение райхерсбергского настоятеля Герхоха «Из комментариев к псалмам», в котором он вспоминает о своей неудачной миссии в Венгрию и на Русь, сорванную Гезой II [Юрасов, 2019, с. 342–345]. Понимая, с какой осторожностью следует относиться к «татищевским известиям», М.К. Юрасов тем не менее стремится оценить степень возможного отражения ими реальной действительности. Все эти сведения не привлекались венгерскими историками.

После вступительных глав, представляющих собой обзор источников [Юрасов, 2019, с. 9–56] и историографический очерк [Юрасов, 2019, с. 57–112], М.К. Юрасов анализирует события первой четверти XII в., причём в ракурсе истории русско-польско-венгерских отношений, поскольку это было время, когда южнорусские княжества, Польша и Венгрия были втянуты в общую борьбу против князей или герцогов-сепаратистов, время от времени устраивавших междоусобицы в каждой из названных стран [Юрасов, 2019, с. 113–143]. Тогда верховным правителям Польши, Венгрии и киевским князьям удалось сохранить верность принципу отказа от любой военной помощи зачинщикам междоусобиц, даже если они являлись их зятьями.

Особое внимание М.К. Юрасов уделяет судьбе Бориса Калмановича [Юрасов, 2019, с. 173–225] – внука Владимира Мономаха, мать которого её муж – венгерский король

Калман Книжник – обвинил в прелюбодеянии и выслал на Русь, не признав Бориса своим сыном. Подробнейшим образом, с учётом дискуссий историков по некоторым спорным вопросам, в рецензируемой монографии исследуются походы Гезы II в Южную и юго-западную Русь в 1148–1152 гг. [Юрасов, 2019, с. 261–336]. Затрагивая периоды относительного затишья в русско-венгерских отношениях в конце 30-х – начале 40-х годов [Юрасов, 2019, с. 227–259] и в середине 50-х – начале 70-х годов XII в. [Юрасов, 2019, с. 337–391], М.К. Юрасов стремится найти причины этого затишья и увидеть предпосылки для нового оживления взаимоотношений между двумя соседними народами.

М.К. Юрасов ярко показал, как в середине XII в. происходит постепенная девальвация внешнеполитических целей, которые ставили перед собой венгерские короли относительно Руси. С одной стороны, падение политической роли Киева отбило у венгерских королей желание помогать своим русским родственникам в борьбе за «матерь городов русских», с другой стороны, обособление юго-западной Руси вызывало соблазн у Арпадов и их окружения расширить свои владения за счёт этой приграничной с Венгрией области. Впервые такая попытка была предпринята в 1188 г., когда Беле III удалось посадить на галицкий стол своего сына Андраша. М.К. Юрасов приводит ряд весомых аргументов против господствующей в историографии точки зрения о пребывании Андраша в Галиче в течение года, доказывая, что он вернулся на родину в 1190 г. [Юрасов, 2019, с. 432–438]. Тем не менее, как указывает исследователь, хотя эта попытка закончилась неудачей, она знаменовала собой радикальную смену главной цели Арпадов в отношении восточных соседей: поддержку родственников венгерских королей на киевском столе сменило стремление сделать будущую Галицию частью территории Венгрии [Юрасов, 2019, с. 454], что ярко проявилось после 1205 г.

Автор рецензируемой работы обратил внимание на целый ряд нюансов в истории русско-венгерских отношений, не замеченных его коллегами. М.К. Юрасов отмечает роль владими́ро-волы́нского князя Ярослава Святополковича как фактического руководителя русско-венгерского войска, помогавшего польскому князю Болеславу III Кривоустому в борьбе с оспаривавшим у него престол сводным братом Збигневом [Юрасов, 2019, с. 449]. Исследователь также приводит дополнительные аргументы в пользу версии Н.Г. Бережкова, согласно которой галицкий князь Владимир Володаревич в 1152 г. дважды спасался бегством от армии Гезы II, не соглашаясь с утверждением А.Н. Насонова, что в Лаврентьевской летописи продублированы сведения об одном таком бегстве [Юрасов, 2019, с. 326–329]. По мнению М.К. Юрасова, капитулировавший тогда перед силами собранной Изяславом Мстиславичем и Гезой II коалиции Владимир Володаревич сумел одержать дипломатическую победу над своими противниками, добившись возвращения их в свои земли, после чего он отказался от всех данных им клятв и сохранил в составе Галицкого княжества отобранные им у Киева города [Юрасов, 2019, с. 332–335, 345–348].

В правление Мануила I Комнина (1143–1180) огромное влияние на русско-венгерские отношения оказывала Византия, добившаяся после смерти Гезы II (1162) подчинения Венгрии своему влиянию. Заслугой М.К. Юрасова является то, что он показал, какую роль в смене политических приоритетов Арпадов на Руси сыграл Андроник Комнин – двоюродный брат Мануила и будущий император. Являясь также двоюродным братом галицкого князя Ярослава Осмомысла, Андроник способствовал примирению Венгрии и Галича и потере интереса венгерских королей к борьбе их русских родственников за Киев [Юрасов, 2019, с. 355–357, 380–383]. Анализируя сообщаемые византийским хронистом Иоанном Киннамом (в греческой транскрипции) имена русских князей, обещавших Мануилу I военную помощь против Венгрии, М.К. Юрасов приводит аргументы в пользу того, что одним из них, скорее всего, был переяславский князь Глеб Юрьевич [Юрасов, 2019, с. 382].

Освещая различные этапы истории русско-венгерских отношений XII в., М.К. Юрасов, в отличие от своих предшественников, прежде всего описывает

политическую ситуацию в Венгрии и южнорусских княжествах, соотношение сил внутри борющихся за власть групп знати. Так же исследователь поступает и в случаях смены королей в Венгрии и князей в Киеве и Галиче.

М.К. Юрасов в рецензируемой монографии также уделяет внимание истории предков современных подкарпатских русинов. По его мнению (не разделяемому венгерскими коллегами), восточные славяне проживали на территории современной Венгрии ещё до поселения там самих мадьяр. В XII в. там ещё существовала пограничная с русскими землями Русская марка, получившая своё название от проживавшего там населения, которая также рассматривается в рецензируемой монографии [Юрасов, 2019, с. 181–185], как и переселение отдельных групп «рутеннов» (русских) на земли венгерской короны после женитьбы Калмана Книжника на Евфимии Владимировне в 1112 г. [Юрасов, 2019, с. 152–155] и в эпоху Белы III (1172–1196) [Юрасов, 2019, с. 404–405]. М.К. Юрасов также поддержал мнение К.Я. Грота, что проживавшие тогда в Венгрии русины могли оповещать галичских князей о выступлении в поход на Русь королевского войска [Юрасов, 2019, с. 298].

Монография М.К. Юрасова является на сегодняшний день самым подробным исследованием русско-венгерских отношений в XII в. Она во многом опирается на достижения венгерских историков. Польскую историографию (особенно последних десятилетий) её автор знает не так досконально, как венгерскую, но это отнюдь не умаляет перечисленных выше достоинств рецензируемой работы. Остаётся дождаться, когда М.К. Юрасов «на микроуровне» изложит историю более раннего периода взаимоотношений двух соседних народов, проживавших по разные стороны от восточной линии Карпатских хребтов, которой он тщательно занимался в течение четверти века.

Список литературы

- Морозов С.В. 2007. Из довоенного досье. *Международная жизнь* 1–2: 194–213.
- Морозов С.В. 2017. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги. Документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939). Москва, Международные отношения. 592 с.
- Морозов С.В. 2021. Чехословакия, Польша, Венгрия и Подкарпатская Русь в контексте предыстории и последствий Мюнхенской конференции 1938 г. *Русин* 1(63): 173–189. URL: http://journals.tsu.ru/rusin/&journal_page=archive&id=2098 DOI: 10.17223/18572685/63/9
- Морозов С.В. 2024. К вопросу о движущих силах создания в 1925 г. «правового механизма „подталкивания“ Германии на Восток». *Экономические стратегии* 5(197): 122–129. doi: <https://doi.org/10.33917/es-5.197.2024.122-129>
- Пашуто В.Т. 1968. Внешняя политика Древней Руси. Москва, Наука. 472 с.
- Юрасов М.К. 2019. Венгрия и русские княжества в XII в. Санкт-Петербург, Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив. 496 с.
- Font M. 2005. *Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek*. Szeged, Szegedi Középkorász Műhely. 330 p.
- Font M. 2021. *The Kings of the House of Árpád and the Rurikid Princes: Cooperation and Conflict in Medieval Hungary and Kievan Rus'*. Budapest, Research Centre for the Humanities. 354 p.

References

- Morozov S.V. 2007. Iz dovoennogo dos'e [From the Pre-War Dossier]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs]. 1–2: 194–213.
- Morozov S.V. 2017. «Varshavskaya melodiya» dlya Moskvy` i Pragi. Dokumenty` iz lichnogo arkhiva J.V. Stalina, Sluzhby` vneshnej razvedki Rossijskoj Federacii, II Otdela Glavnogo shtaba Vojska Pol'skogo i dr. (1933–1939) [“Warsaw Melody” for Moscow and Prague. Documents from the Personal Archive of I.V. Stalin, the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, the II Department of the General Staff of the Polish Army, etc. (1933–1939)]. Moskva: Mezhdunarodny`e otnosheniya. 592 p.
- Morozov S.V. 2021. Chekhoslovakiya, Pol'sha, Vengriya i Podkarpatskaya Rus` v kontekste predy`storii i posledstvij Myunhenskoj konferencii 1938 g. [Czechoslovakia, Poland, Hungary, and Subcarpathian

Rus' in the Context of the Prehistory and Consequences of the 1938 Munich Conference]. *Rusin* [Rusin]. 1(63): 173–189. URL: http://journals.tsu.ru/rusin/&journal_page=archive&id=2098 doi: 10.17223/18572685/63/9

Morozov S.V. 2024. К вопросу о движущих силах создания в 1925 г. «правового механизма „подталкивания“ Германии на Восток» [On the Issue of the Driving Forces behind the Creation in 1925 of the "Legal Mechanism for 'Pushing' Germany to the East"]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies]. 5(197): 122–129. doi: <https://doi.org/10.33917/es-5.197.2024.122-129>

Pashuto V.T. 1968. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi [Foreign Policy of Ancient Rus]. Moskva, Nauka. 472 p.

Yurasov M.K. 2019. Vengriya i russkie knyazhestva v XII v. [Hungary and Russian Principalities in the 12th Century]. Sankt-Peterburg, Petroglif, Centr gumanitarny`x iniciativ. 496 p.

Font M. 2005. Árpád-házi királyok és Rurikida fejedelmek. Szeged, Szegedi Középkorász Műhely. 330 p.

Font M. 2021. The Kings of the House of Árpád and the Rurikid Princes: Cooperation and Conflict in Medieval Hungary and Kievan Rus'. Budapest, Research Centre for the Humanities. 354 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.07.2024

Received 01.07.2024

Поступила после рецензирования 30.10.2025

Revised 30.10.2025

Принята к публикации 01.11.2025

Accepted 01.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Морозов Станислав Вацлавович, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Stanislav V. Morozov, Doctor of Sciences in History, Professor, Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-5027-4048](https://orcid.org/0000-0002-5027-4048)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).026

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-104-112

Обзорная статья

Роль первых древнерусских монахов в складывании религиозного фактора сохранения политического и культурного единства Киевской Руси

Соломин В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1200751@bsuedu.ru

Аннотация. Статья посвящена попыткам церковных деятелей по формированию и развитию идеологии в Древнерусском государстве, направленной на укрепление единства страны. Оценена роль митрополита Илариона в становлении идеи о верховной власти как значимого фактора территориального единства Киевской Руси. Проанализированы его возможные связи с основателем Киево-Печерского монастыря преподобным Антонием. Изучено становление Антония как монаха. Исследованы вопрос взаимодействия княжеской власти с Киево-Печерской обителью и процесс выстраивания их взаимоотношений. Дана оценка влиянию киевских князей на деятельность монастыря. Выявлены наиболее значимые для киево-печерских церковных деятелей факторы единства Древнерусского государства и их реакция на междоусобные конфликты между князьями. Также выявлены факторы, помимо персоналистского правления, которые были поставлены во главе угла вопроса о единстве государства первыми древнерусскими монахами. Оценено их восприятие роли Церкви в процессе единения древнерусских земель.

Ключевые слова: идеология, монашество, Иларион, Антоний Печерский, власть, единство, Древняя Русь

Для цитирования: Соломин В.А. 2025. Роль первых древнерусских монахов в складывании религиозного фактора сохранения политического и культурного единства Киевской Руси. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 104–112. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-104-112

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Role of the First Ancient Russian Monks in Shaping the Religious Factor of Preserving the Political and Cultural Unity of Kievan Rus

Vladimir A. Solomin

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1200751@bsuedu.ru

Abstract. The article is devoted to the attempts of church figures to form and develop an ideology in the Old Russian state aimed at strengthening the unity of the country. The author assesses the role of Metropolitan Hilarion in the formation of ideas about the supreme power as an innovative factor in the unity of Kievan Rus and analyses his possible connection with St. Anthony, the founder

of the Kiev-Pechersk Monastery. Anthony's development as a monk is studied. The research also looks at the interaction between the princely power and the Kiev-Pechersk monastery and their relationship building. A high assessment of the influence of Kiev princes on the monastery activities is given. The study reveals the factors of the Old Russian state's unity that are most significant for the Kiev-Pechersk church figures and shows their reaction to internecine conflicts between the princes. The author identifies factors, other than personalistic rule, that the first Old Russian monks put at the forefront of the issue of the state's unity. Their perception of the Church's roles in the process of unification of the Old Russian lands is assessed.

Keywords: ideology, monasticism, Hilarion, Anthony of Kiev, power, unity, Ancient Rus.

For citation: Solomin V.A. 2025. The Role of the First Ancient Russian Monks in Shaping the Religious Factor of Preserving the Political and Cultural Unity of Kievan Rus. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 104–112 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-104-112

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Деятельность Церкви в XI веке начала играть одну из наиболее определяющих ролей в развитии Древнерусского государства. Религия стала одной из значимых составляющих великокняжеской идеологии, направленной на объединение Руси вокруг фигуры правителя. Уже при Ярославе усложнение политической структуры государства поставило проблему возможности обособления некоторых земель от Киева, и князь искал способы сохранения и укрепления централизованной власти на всей территории Руси, что позволило сохранить формальное единство Древней Руси до XII века [Поляков, 2013, с. 46].

В свою очередь, в середине XI века вели религиозную деятельность два пресвитера, вклад в культуру которых сложно переоценить: митрополит Иларион Киевский и основатель Киево-Печерского монастыря преподобный Антоний Печерский. Сыграв значимую роль в оформлении древнерусского монашества и укрепления христианства, они также сталкивались с необходимостью взаимодействия с государством. Так, помимо появления трудов Илариона, включая его помощь в работе над церковным уставом, сложился Киево-Печерский монастырь, который играл существенную роль в том числе и в политических процессах Киевской Руси.

Эти личности объединены также тем, что наследие их работ заключалось в создании церковной тенденции, направленной на сохранение единства государства. Именно в единой державии первоначально Иларион, а позже и остальные книжники будут видеть оплот христианской веры [Замалеев, 1998, с. 33]. Их деятельность позволяла сохранять роль Киева как центрального и власть киевского князя над дочерними общинами и другими древнерусскими городами.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является литературное и духовное наследие первых церковных деятелей Руси и их значение для становления идеологического аспекта о необходимости сохранения и укрепления единства Древнерусского государства.

При изучении темы теорико-методологическая работа основывалась на принципах историзма, объективности и всесторонности, так как изучаемые идеи преобразались в зависимости от времени и статуса церковных деятелей. Также из общенаучных методов были использованы анализ, синтез и исторический методы.

Сравнительно-исторический метод играл немалую роль для проведения анализа общих и отличительных черт в восприятии основных факторов, обеспечивающих единство Руси, в воззрении митрополита Илариона и Антония Печерского.

Применение историко-системного метода позволило изучить процесс развития воззрений первых древнерусских монахов о единстве государства и путях его сохранения

как части единой идеологической системы, начавшей своё развитие со времён Ярослава Мудрого и преследующей в том числе идею сакрализации власти.

В связи с тем, что взгляды на единство Древнерусского государства и обеспечивающие его факторы не были статичными на протяжении второй половины XI века, их эволюция также требовала использования историко-генетического метода при изучении проблемы.

Результаты и их обсуждение

Книжная церковная тенденция уже в ранние этапы развития Древнерусского государства была направлена на прославление правящей фигуры и недопущение междоусобицы. Церковники стали частью политической жизни Руси, однако во многом их роль сводилась к легитимации власти и утверждению господства светской власти над её подданными, что использовалось сначала великими князьями, а позже и удельными [Рапов, 1988, с. 406–407].

Одним из первых церковных деятелей, которые связывали централизацию власти с возможностью укрепления государственных основ и позиций христианства в нём, был митрополит Иларион. «Похвала Владимиру», являющаяся частью «Слова о законе и благодати», преследовала цель продемонстрировать значимость роли правителя в становлении и укреплении веры в стране [Иларион, 2011, с. 98].

Говоря о централизации власти, Иларион подразумевал и проблему сохранения единства страны, из чего следовала положительная оценка языческих правителей, которые пытались добиться объединения племён под руководством киевского князя. Так, при Игоре им были подчинены древляне [Лаврентьевская летопись, 1848, с. 18]. При нём же начали укрепляться позиции христианства при княжеском дворе. В 944 году уже упоминались христиане среди окружения Игоря. Во время заключения мира с Византией христианская часть дружины принесла клятву соблюдения договорённостей в церкви святого Ильи [Договор Руси с Византией 944 г., 1952, с. 34].

Говоря о благородстве князя Святослава, Иларион наверняка подразумевал в том числе и войско князя. Его военная деятельность в первую очередь была связана с восстановлением власти Киева над восточнославянскими племенами. Однако он стремился не только завершить деятельность Ольги по восстановлению контроля над восточнославянскими племенами, но и увеличить количество податей за счёт завоёванных территорий. Эти мероприятия были необходимы не только для поддержания порядка внутри Руси, но и для конфликтов с Хазарским каганатом и Византией, для чего требовалась опытная и закалённая в боях дружина, которая получала опыт именно в сражениях с не желавшими покориться добровольно племенами [Шинаков, 2009, с. 226–227].

Итогом их деятельности по расширению Руси стало усиление военной и экономической силы княжества [Андреева, 2007, с. 180]. Помимо этого, языческим князьям удалось построить фундамент государства, в котором племена были зависимы от центральной власти и были бы подчинены её воле. Эти обстоятельства позволили облегчить процесс христианизации при Владимире, ослабить некоторых внешнеполитических конкурентов и обновить договоры с Византией.

Необходимость сохранения Руси как единого государства продвигалась не только на примере языческих князей, но и на основе деятельности Владимира. Тенденция была отражена в пассаже о покорении Владимиром окрестных народов как при помощи убеждения, так и путём силового принуждения, что позволило присоединить все восточнославянские племена и некоторые неславянские народы [Иларион, 2011, с. 82]. Идея стала частью сформированной политикой Ярослава идеологии единовластия, в которой монарх рассматривался гарантом территориальной целостности государства и единства страны [Замалеев, 1998, с. 33].

Не менее значимую роль в укоренении христианизации Древнерусского государства стал преподобный Антоний Печерский, известный также как основатель Киево-Печерского монастыря. Он был мужем из Любеча, однако его монашеский путь был начат на Святой горе Афон в одном из монастырей [Антоний, 2001, с. 602]. Антоний уже селился близ

княжеской резиденции в Берестове, однако не признал власть Святополка и снова отбыл на Афон. Причиной отбытия на Святую гору стало неприятие междоусобицы и братоубийства, что начало формировать представления Антония и будущих монахов о недопустимости раскола Руси [Киево-Печерский патерик, 1997, с. 316].

Согласно данным, имеющимся в источниках, а также на основе имеющихся в исследованиях, следует указать на то, что и Антоний, и Иларион имели как общие черты, так и некоторые пересечения друг с другом. Прежде всего, известно, что Иларион обучался богословию в Византии. Точное место неизвестно, однако наиболее вероятными местами были Константинополь или же Афон [Подскальски, 1996, с. 148]. В свою очередь, Антоний Печерский также посещал Афон и вёл там монашескую жизнь с 1012 года. Нет точной информации, в каком монастыре проходило его послушание, однако известно, что афонским игуменом он был отправлен в Киев укреплять монашеский образ жизни в Древнерусском государстве, привнесённый Руси окружением митрополита Михаила I [Бибиков, Родионов, 2022, с. 112]. Таким образом, и Иларион, и Антоний были напрямую знакомы с византийской богословской традицией в целом и с практиками афонских монахов в частности.

Прямых свидетельств о знакомстве митрополита с монахом не было зафиксировано в источниках, тем не менее присутствуют косвенные данные о том, что они знали друг друга. Их общей точкой пересечения была пещерка близ княжеской резиденции, где Иларион молился и вёл аскезу в тайне от всех [Лаврентьевская летопись, 1846, с. 67]. Именно эту пещерку впоследствии будет использовать Антоний Печерский для молитв. Поселившись там, он и Феодосий соорудили монастырь, ставший впоследствии Киево-Печерской Лаврой [Память Антония Печерского, 2004, с. 269].

Отметим также, что Иларион считал себя не только пресвитером, но и монахом [Исповедание веры, 2011, с. 121]. С учётом вышеупомянутой связи тайных богослужений митрополита с историей Киево-Печерского монастыря мог быть пострижен Антонием в монахи [Гайденко, 2015, с. 77].

Указанные нами церковные деятели могли быть связаны не только схожим образованием и аскетическими практиками. Антоний занял пещерку Илариона, и к началу правления Изяслава, а также к вероятному оставлению Иларионом сана митрополита в Берестове к монаху уже начала формироваться община учеников преподобного монаха [Киево-Печерский патерик, 1997, с. 318]. Согласно результатам имеющихся исследований, одним из наиболее вероятных исходов оставления митрополичьего сана Иларионом был именно уход в обитель к Антонию [Гайденко, 2015, с. 77]. Таким образом, и Иларион, и Антоний сыграли немалую роль в становлении монашества на Руси, и их взгляды могли также заметно повлиять на развитие книжной мысли непосредственно в Киево-Печерской обители.

Анализ доступной литературы и источников по указанной проблеме свидетельствует о заинтересованности киевских князей в контактах с монахами Киево-Печерского монастыря и с Антонием в частности. Само поселение преподобного было расположено в месте, где располагалась княжеская резиденция, а одними из первых насельников обители были люди из числа окружения князя Изяслава [Гайденко, 2016, с. 42–43]. Его подвижническая деятельность привлекала не только стремящихся к аскезе, но и князей. Известно, что Изяслав в начале правления прибывал к нему с дружиной с целью добиться благословления [Ушакова, 2009, с. 52].

Эти обстоятельства не могли не оказать влияния как на политическую позицию киево-печерских монахов, так и на степень влияния князей на деятельность монастыря. При игумене Феодосии монахи просили у Изяслава дать землю над пещерами, чтобы построить на ней деревянную церковь и кельи [Память Антония Печерского, 2004, с. 272].

Однако, несмотря на общую готовность сотрудничать с князем, Изяслав известен наличием конфликтов с обителью. Один из них был связан с пострижением сына боярского Варлаама и княжего евнуха Ефрема. Изяслав, будучи недовольным этим решением, угрожал заточением и ликвидации пещерки, что однако пресекла жена Изяслава Гертруда, и конфликт удалось уладить, а Варлаам стал игуменом монастыря [Память Антония Печерского, 2004, с. 270].

Известно также, что князья, в частности вышеупомянутый Изяслав Ярославич, привлекали подвижников основанного Антонием монастыря на должности игуменов в княжеские монастыри [Ушакова, 2009, с. 53]. Одним из таких примеров является привлечение Варлаама управлять Дмитриевым монастырём, названным в честь великомученика Дмитрия Солунского. В честь этого святого получил имя при крещении Изяслав, что побуждало его создать монастырь, по своему величию превосходящий Печерский [Киево-Печерский патерик, 1997, с. 320]. Эпизод стал следствием ранее указанного конфликта между обителем и князем и демонстрировал подход Изяслава к Церкви и некоторым её представителям. Воспринимая Варлаама как своего ставленника, он заставил подчиниться послушников монастыря, и конфликт был урегулирован поставлением нового игумена.

После попытки Всеслава занять Киевский престол Изяслав решил начать конфликт непосредственно с Антонием. Сохраняя положительные отношения с Феодосием, Изяслав отправил Антония в опалу, так как тот предсказал поражение в битве с половцами. Обвинив преподобного в симпатиях Всеславу, он добился ухода Антония из монастыря [Память Антония Печерского, 2004, с. 277]. Эпизод в очередной раз демонстрирует попытки князей занять верховное положение во взаимоотношениях с Церковью, включая и вопросы покровительства. Несмотря на то, что в монастыре был введён Студийский устав, который позволил бы быть монастырю более самостоятельным, нежели основанные князьями обители, факт введения устава и обилие церковных вещей, привезённых Ефремом, позволяют предположить, что князь принимал участие в подготовке путешествия инок в Константинополь, что было частью политики Ярославичей по попытке распространить свою власть и на монастыри [Гайденко, 2016, с. 45].

Отдельного внимания заслуживает деятельность Святослава Ярославича. Именно Святослав помог Антонию бежать в Чернигов, где преподобный имел возможность продолжить свою аскезу, результатом которой стало основание нового монастыря в Болдинских горах [Память Антония Печерского, 2004, с. 278].

Несмотря на то, что главы монастыря не стремились к конфликту, ситуация со свержением власти для них первоначально была неприемлема. Преподобный Феодосий Печерский, бывший в указанное время игуменом, не принял изгнание Изяслава и становление Святослава великим князем киевским [Творогов, 1987, с. 457]. Первоначально он даже не поминал Святослава как киевского князя, не признавая легитимность его статуса. Тем не менее ему пришлось согласиться на упоминание обоих членов княжеской семьи в молитвах [Житие Феодосия, 1997, с. 424].

Поведение игумена впоследствии будет заложено в восприятии княжеской власти Церковью. В первую очередь Церковь вставала на сторону жертвы вне зависимости от итогов её деятельности и причин свержения. Это было связано с положением о том, что лишь Бог был способен определить, когда необходимо наказать того или иного человека [Антонов, Сукина, Майзульс, 2024, с. 94]. Нарушение легитимности было недопустимым для церковников ещё и тем, что сложившийся порядок престолонаследования в условиях движения государства к политической раздробленности обеспечивал единство Руси, а попытки мятежа подрывали выстроенную иерархию членов княжеского рода и отдаляли древнерусские земли от достижения единства, всё ещё воспринимавшегося во всех слоях духовенства как идеальная норма [Сосенков, 2014, с. 43].

Однако отметим, что князь стремился стать единодержцем, стараясь стать подобным Ярославу Мудрому. Своё княжение на киевском престоле Святослав начал с укрепления позиций великокняжеской власти на территории Руси с целью недопущения раздробленности. В вопросе централизации власти Святослав за чуть более чем три года правления достиг более значительных результатов, чем князь Изяслав. Так под его личный контроль и владения его сыновей попали все древнерусские земли, а князь Всеволод сохранял лояльность. Помимо сохранения Руси под единой властью из Киева, великий князь подражал своему отцу и в любви к книгам и просветительской деятельности. При нём были созданы так называемые «Изборники». Так, помимо переведённых произведений, послесловие источника включало похвалу Святославу, считавшемуся «новым Птолемеєм», так как имел обширную библиотеку и не закрывал доступ к ней приближённым [Толочко, 1987, с. 91].

Эти амбиции побуждали его искать поддержки среди монахов Киево-Печерского монастыря. Известно, что ещё до становления великим князем он знал не только Антония. Никон Печерский был знаком со Святославом во время посольства с целью добиться разрешения отпустить своего сына Глеба княжить в Тмутаракани [Житие Никона, 2004, с. 447]. Итогом его деятельности стало расположение монахов, которого он добился от Феодосия не сразу [Алексеев, 2014, с. 77].

В вопросах верховной власти церковники держались мысли Иоанна Златоуста о том, что деспотичный правитель – следствие Божьей кары, которую необходимо терпеть. Следствием данных воззрений стала идея, что князя можно при жизни осуждать, однако неповиновение было недопустимым [Антонов, Сукина, Майзульс, 2024, с. 94]. Данная формула вписывалась в рамки церковного восприятия древнерусского единства, что отражено и в житии Феодосия. В тексте источника указано, что в ходе примирения с князем Феодосий продемонстрировал, что критика князя была направлена не на свержение Святослава, а на спасение его души [Житие Феодосия, 1997, с. 422].

Одной из попыток добиться расположения монахов стало участие князя в строительстве нового храма. Ради данной цели великий князь пожертвовал 100 гривен золота на строительство храма Успения Богородицы, ставшей одним из основных храмов Киево-Печерского монастыря, а также лично участвовал в закладке фундамента храма, чтобы продемонстрировать значимость укрепления монастыря для князя [Толочко, 1987, с. 91].

При этом роль князя в укреплении единства государства через религиозное познание касалась не только монашества, но и белого духовенства. Так, в Киеве сохранилась граффито, где неизвестный священник, молясь о здоровье великого князя, называл его каганом [Высоцкий, 1966, с. 52]. Титул не был официальным, однако указывал на восприятие представителями духовенства на сакральность фигуры князя и его высокий авторитет, подобный царскому.

Согласно известным данным, в агиографических источниках содержатся элементы нового восприятия пути сохранения единства Древнерусского государства, устоявшиеся на рубеже XI–XII веков. Феодосий был сторонником централизма, однако источником данной тенденции было православие. Князь им воспринимался как «богоугодный властелин», что в дальнейшем станет основой для идеологического обоснования церковно-государственного взаимодействия в последующие годы. Так, Киево-Печерская обитель хранила истинную веру, а князь обязывался всеми силами поддерживать её распространение [Замалеев, 1998, с. 46]. Эта мысль была направлена как на укрепление роли Церкви в жизни древнерусского общества, так и на централизацию власти.

В глазах другого киево-печерского монаха, Нестора, составителя жития Феодосия, именно Церковь и сложившиеся в ней традиции должны были обеспечивать сплочённость княжеств, а князья должны были объединяться за счёт общей веры [Замалеев, 1998, с. 48]. Следует также отметить, что Нестор был автором «Чтения о святых мучениках Борисе и Глебе», в результате чего мы можем сказать, что Нестор не принимал междоусобицы как способа решения политических вопросов [Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе, 1916, с. 26].

Однако в целом православная церковь при Ярославичах и позднее поддерживала вопрос единства не столько в вопросе централизации власти вокруг правящей персоны, сколько старалась поддерживать культурное и духовное единство, стремясь не допустить новых междоусобиц. Ввиду малого количества епархий территории епископств были значительными, и епископы не желали терять владения. Данное обстоятельство позволяло играть епископам немалую роль в древнерусском обществе [Петрушко, 2007, с. 50].

Заключение

Завершая анализ тематики, следует обратить внимание на итоги работы.

Прежде всего, отметим, что образ единства государства как для Илариона, так и для первых Киево-Печерских монахов строился в первую очередь на христианской вере. Однако Илариона интересовали преимущественно вопросы территориального единства государства, так как единой властью в годы его жизни была оплотом христианства на Руси, на

которое сама же власть и опиралась. В свою очередь, первые монахи Киево-Печерской лавры вели активную религиозную деятельность в годы триумvirата Ярославичей и фокусировались преимущественно на единстве духовном, видя путь к сплочённости князей в первую очередь за счёт соблюдения религиозных традиций и единства Церкви.

Иларион, вероятно, был знаком с Антонием, и их взаимодействие в дальнейшем могло не только влиять на развитие монашеской традиции на Руси, но также и на взаимодействие с княжеской властью. Киевские князья были заинтересованы в связях с Киево-Печерским монастырём и старались как покровительствовать ему, так и использовать монахов для укрепления собственной власти, что иногда приводило к конфликтным ситуациям.

В рамках новой политической ситуации в Киево-Печерском монастыре воспринимали верховную власть с позиции «богоугодного властелина», согласно которой правитель должен был быть благоверным и оказывать поддержку Церкви по распространению веры. Одним из основных требований к правителю было также и недопущение междоусобицы. Нарушение легитимности ввиду нарушения сложившегося статус-кво и риска начала очередной междоусобной войны крайне порицалось служителями Церкви и осуждалось подобно братоубийству, так как грозило разрушить сплочённость князей.

Список литературы

- 944 год. Договор Руси с Византией. 1952. В кн.: Памятники русского права. Вып. 1. Под ред. С.В. Юшкова; сост. А.А. Зимин. Москва, Госюриздат: 30–35.
- Алексеев С.В. 2014. Игорь Святославич. Москва, Молодая гвардия, 348 с.
- Андреева А.Л. 2007. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Москва, Ладомир, 304 с.
- Антоний. 2001. В кн.: Православная энциклопедия. Т. 2. Под ред. патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Москва, Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»: 50–69.
- Антонов Д., Сукина Л., Майзульс М. 2024. Русское Средневековье. Мир идей. Москва, Слово, 336 с.
- Бибиков М.В. Родионов О.А. 2022. Афонское греческое Житие преподобного Антония Печерского. *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. 107: 113–133.
- Высоцкий С.А. 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, Наукова думка, 240 с.
- Гайденко П.И. 2016. Несколько замечаний об институте ктиторов в домонгольской Руси (на примере Печерского монастыря). *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*, 4 (16): 31–52.
- Гайденко П.И. 2015. Несколько замечаний о социальных аспектах древнерусского монашества XI – первой половины XIII вв. *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*, 4 (12): 48–78.
- Житие преподобного отца нашего Никона, игумена Печерского. 2004. В кн.: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского (репринт), Т. VII, Киев, Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 443–450.
- Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского. Пер. О.В. Творогова. 1997. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Под ред. Д.С. Лихачёва и др., Т. 1. Санкт-Петербург, Наука: 352–433.
- Замалеев А.Ф. 1998. Восточнославянские мыслители: Эпоха Средневековья. Санкт-Петербург, Изд-во СПбГУ, 270 с.
- Иларион. 2011. Слово о законе и благодати. В кн.: Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати. Москва, Институт русской цивилизации: 36–109.
- Исповедание веры. 2011. В кн.: Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати. Москва, Институт русской цивилизации: 116–121.
- Киево-Печерский патерик / пер. Л.А. Дмитриева и Л.А. Ольшевской. 1997. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси, Т. 4, Санкт-Петербург, Наука, 1997, 296–489.
- Лаврентьевская летопись. 1846. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. 1. Санкт-Петербург, Типография Эдуарда Праца: 1–209.
- Память преподобного отца нашего Антония Печерского. 2004. В кн.: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского (репринт), Т. XI, Киев, Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 250–286.
- Петрушко В.И. 2007. История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества. Москва, Изд-во ПСТГУ, 356 с.

- Подскальски Г. 1996. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Санкт-Петербург, Византинороссика, 572 с.
- Поляков А.Н. 2013. Административно-территориальное устройство Киевской Руси. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 9: 42–47.
- Рапов О.М. 1988. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. Москва, Русская панорама, 416 с.
- Сосенков Ф.С. 2014. Об идеях государственного единства в древнерусской агиографической литературе домонгольского периода. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, 3: 40–46.
- Творогов О.В. Феодосий. 1987. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Отв. ред. Д.С. Лихачёв. Ленинград, Наука, 457–459.
- Ушакова Н.В. 2009. Проблема становления и развития русского монашества в домонгольский период в трудах советских историков 1950–1960-х гг. *Северный регион: наука, образование, культура*, 1 (19): 49–54.
- Чтение о Святых Мучениках Борисе и Глебе. 1916. В кн.: Жития святых мучеников Бориса и Глеба, и службы им, Петроград, Типография императорской академии наук: 1–26.
- Шинаков Е.А. 2009. Образование Древнерусского государства. Москва, Восточная литература, 477 с.

References

- 944 god. Dogovor Rusi s Vizantiyey [944. Treaty of Rus' with Byzantium]. 1952. In: Pamyatniki russkogo prava [Monuments of Russian Law]. Issue. 1. Ed. by S.V. Yushkova; sost. A.A. Zimin. Moscow, Gosyurizdat: 30–35.
- Alekseyev S.V. 2014. Igor' Svyatoslavich [Igor Svyatoslavovich]. Moscow, Molodaya gvardiya, 348 p.
- Andreyeva A.L. 2007. Sakralizatsiya vlasti v istorii khristianskoy tsivilizatsii [Sacralization of Power in the History of Christian Civilization]. Moscow, Lodomir, 304 p.
- Antoniy [Anthony]. 2001. In: Pravoslavnyaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 2. Ed. by Patriarch of Moscow and All Rus' Alexy II. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya»: 50–69.
- Antonov D., Sukina L., Mayzul's M. 2024. Russkoye Srednevekov'ye. Mir idey [Russian Middle Ages. The World of Ideas]. Moscow, Slovo, 336 p.
- Bibikov M.V. Rodionov O.A. 2022. Afonskoye grecheskoye Zhitiye prepodobnogo Antoniya Pecherskogo [Athonite Greek Life of St. Anthony of the Caves]. *Bulletin of PSTGU. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church*. 107: 113–133.
- Vysotskiy S.A. 1966. Drevnerusskiye nadpisi Sofii Kiyevskoy XI–XIV vv. [Old Russian Inscriptions of St. Sophia of Kyiv in the 11th – 14th Centuries] Kiev, Naukova dumka, 240 p.
- Gaydenko P.I. 2016. Neskol'ko zamechaniy ob institute ktitorov v domongol'skoy Rusi (na primere Pecherskogo monastyraya) [Several Remarks on the Institution of Ktitors in Pre-Mongol Rus' (Using the Pechersky Monastery as an Example)]. *Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, 4 (16): 31–52.
- Gaydenko P.I. 2015. Neskol'ko zamechaniy o sotsial'nykh aspektakh drevnerusskogo monashestva XI – pervoy poloviny XIII vv. [Some Notes on the Social Aspects of Old Russian Monasticism in the 11th – First Half of the 13th Centuries]. *Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, 4 (12): 48–78.
- Zhitiye prepodobnogo ottsa nashego Nikona, igumena Pecherskogo [Hagiography of Our Venerable Father Nikon, Abbot of the Caves]. 2004. In: Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ikh-Miney sv. Dimitriya Rostovskogo (reprint) [Hagiographies of the Saints in Russian, Set Out According to the Guide of the Chetyi-Minei of St. Demetrius of Rostov (Reprint)], Vol. VII, Kiev, Svyato-Uspenskaya Kiyev-Pecherskaya Lavra: 443–450.
- Zhitiye prepodobnogo ottsa nashego Feodosiya, igumena Pecherskogo [Hagiography of Our Venerable Father Theodosius, Abbot of the Caves]. Trans. by O.V. Tvorogov. 1997. In: Biblioteka literatury Drevney Rusi, Vol. 1. Saint Petersburg, Nauka: 352–433.
- Zamaleyev A.F. 1998. Vostochnoslavyanskiye mysliteli: Epokha Srednevekov'ya [East Slavic Thinkers: The Middle Ages]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 270 p.
- Ilarion. Slovo o zakone n blagodati [Sermon on Law and Grace]. 2011. In: Mitropolit Ilarion. Slovo o zakone i blagodati [Metropolitan Hilarion. Sermon on Law and Grace]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii: 36–109.
- Ispovedaniye very [The Confession of Faith]. 2011. In: Mitropolit Ilarion. Slovo o zakone i blagodati [Metropolitan Hilarion. Sermon on Law and Grace]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii: 116–121.

- Kiyevno-Pecherskiy paterik [Kievo-Pechersky Patericon] / trans. by L.A. Dmitriyev i L.A. Ol'shevskaya. 1997. In: Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of Literature of Ancient Rus], Vol. 4, Saint Petersburg, Nauka: 296–489.
- Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. 1846. In.: Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Saint Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa: 1–209.
- Pamyat' prepodobnogo ottsa nashogo Antoniya Pecherskogo [Memory of our Venerable Father Anthony of the Caves]. 2004. In: Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ikh-Miney sv. Dimitriya Rostovskogo (reprint) [Hagiographies of the Saints in Russian, Set Out According to the Guide of the Chetyi-Minei of St. Demetrius of Rostov (Reprint)], Vol. XI, Kiev, Svyato-Uspenskaya Kiyevno-Pecherskaya Lavra: 250–286.
- Petrushko V.I. 2007. Istoriya Russkoy Tserkvi s drevneyshikh vremen do ustanovleniya patriarshstva [History of the Russian Church from Ancient Times to the Establishment of the Patriarchate]. Moscow, Izd-vo PSTGU, 356 p.
- Podskal'ski G. 1996. Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoy Rusi (988–1237 gg.) [Christianity and Theological Literature in Kievan Rus (988–1237)]. Saint Petersburg, Vizantinorossika, 572 p.
- Polyakov A.N. 2013. Administrativno-territorial'noye ustroystvo Kiyevskoy Rusi [Administrative-Territorial Structure of Kievan Rus]. *Bulletin of the Orenburg State University*, 9: 42–47.
- Rapov O.M. 1988. Russkaya tserkov' v IX – pervoy trety XII v. Prinyatiye khristianstva [Russian Church in the 9th – First Third of the 12th Century. Adoption of Christianity]. Moscow, Russkaya panorama, 416 p.
- Sosenkov F.S. 2014. Ob ideyakh gosudarstvennogo yedinstva v drevnerusskoy agiograficheskoy literature domongol'skogo perioda [On the Ideas of State Unity in Ancient Russian Hagiographic Literature of the Pre-Mongol Period]. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*, 3: 40–46.
- Tvorogov O.V. Feodosiy [Theodosius]. 1987. In: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Rus]. Issue 1. Ed. by D.S. Likhachëv. Leningrad, Nauka: 457–459.
- Ushakova N.V. 2009. Problema stanovleniya i razvitiya russkogo monashestva v domongol'skiy period v trudakh sovetskikh istorikov 1950–1960-kh gg. [The Problem of Formation and Development of Russian Monasticism in the Pre-Mongol Period in the Works of Soviet Historians of the 1950s – 1960s.]. *Northern Region: Science, Education, Culture*, 1 (19): 49–54.
- Chteniye o Svyatykh Muchenikakh Borise i Glebe [Reading about the Holy Martyrs Boris and Gleb]. 1916. In: Zhitiya svyatykh muchenikov Borisa i Gleba, i sluzhby im [Hagiographies of the Holy Martyrs Boris and Gleb, and Services to Them], Petrograd, Tipografiya imperatorskoy akademii nauk, 1–26.
- Shinakov E.A. 2009. Obrazovaniye Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian State. Moscow, Eastern Literature]. Moscow, Vostochnaya literatura, 477 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.02.2025

Received 10.02.2025

Поступила после рецензирования 24.02.2025

Revised 24.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Accepted 25.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Соломин Владимир Алексеевич, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Vladimir. A. Solomin, Postgraduate Student of the Department of Russian History and Records Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-5677-8853](https://orcid.org/0000-0002-5677-8853)

УДК 93/94

DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-113-125

Оригинальное исследование

На пути к «предписанному» православию: начальный этап русской конфессионализации (2-я пол. XV – 1-я пол. XVI вв.)

Пенской В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: penskoy@bsuedu.ru

Аннотация. В данной статье автор продолжает начатое в предыдущей публикации изучение феномена конфессионализации, на этот раз применительно к конкретно-историческим условиям России раннего Нового времени. В ней он предлагает свое видение периодизации процессов конфессионализации в России, выделяя в них три периода. Ранний приходится на сер. XV – сер. XVI вв. Второй был связан с событиями 30-х – 80-х гг. XVII в. Начало третьего этапа пришлось на время правления Петра I и было связано с попытками создания в России «регулярного» полицейского государства. Завершается он вместе с отказом от попыток довести до работоспособного состояния «регулярного» государства во 2-й пол. 50-х – нач. 60-х гг. XIX в. Главное внимание в статье уделено анализу особенностей этого общественно-политического и культурного феномена на первом этапе его развития. В это время, по мнению автора, закладываются основы русского варианта конфессионализации, формируются ее характерные черты и особенности и определяется главный вектор ее развития в последующие десятилетия и столетия.

Ключевые слова: Средневековье, раннее Новое время, традиция, обычай, православие, государство, церковь, конфессионализация, Россия

Для цитирования: Пенской В.В. 2025. На пути к «предписанному» православию: начальный этап русской конфессионализации (2-я пол. XV – 1-я пол. XVI вв.). *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 113–125. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-113-125

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

On the Way to the "Prescribed" Orthodoxy: The Initial Stage of Russian Confessionalization (2nd Half of the 15th – 1st Half of the 16th Centuries)

Vitaliy V. Pensky

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: penskoy@bsuedu.ru

Abstract. In this article, the author continues the study of the confessionalization phenomenon, which he began in the previous publication. This time, he turns to the specific historical conditions of Russia in the early modern period. The author offers his vision of the periodization of confessionalization processes in Russia, identifying three periods. The early one stretches from the middle of the 15th to the middle of the 16th century. The second was associated with the events of the 1530s–1580s. The beginning of the third stage fell on the reign of Peter I and was associated with attempts to create a "regular" police state in Russia. It ends with the abandonment of attempts to bring the "regular" state to a working state from the second half of the 1850s to early 1860s. The main attention in the article is paid to the analysis of the features of this socio-political and cultural phenomenon at the first stage of its development. At this time, according to the author, the foundations of the Russian version

of confessionalization are laid, its characteristic features and features are formed, and the main vector of its development in the following decades and centuries is determined.

Keywords: Middle Ages, Early Modern, Tradition, Custom, Orthodoxy, State, Church, Confessionalization, Russia

For citation: Penskoj V.V. 2025. On the Way to the "Prescribed" Orthodoxy: The Initial Stage of Russian Confessionalization (2nd Half of the 15th – 1st Half of the 16th Centuries). *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 113–125 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-113-125

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение. Об объекте и методах исследования

В предыдущей статье речь шла о феномене европейской конфессионализации раннего Нового времени. Она выступала одной из важнейших «стратегий», посредством которых верховная власть в европейских государствах той эпохи большим или меньшим успехом выстраивала здание раннемодеิร์น государственности. Как и прежде, объектом нашего исследования выступают взаимоотношения власти, общества и церкви в это переходное время с тем лишь отличием, что в качестве предмета его на этот раз будет русский вариант конфессионализации. Использование историко-системного, историко-культурного и, естественно, сравнительно-исторического методов на общем фоне цивилизационного подхода позволило не только сделать положительное заключение относительно того, существовала ли русская конфессионализация, но еще и выявить ее особенности и отличия от европейских ее вариаций. При этом, говоря о своеобразии русского варианта этого феномена, мы исходили из того, что складывание русского раннемодеิร์น общества происходило в условиях, отличных от европейских. Иные стартовые условия и обусловили эти отличия.

О сущности конфессионализации

Говоря о европейской конфессионализации, мы имеем в виду прежде всего конфессионализацию в Германии – отсюда началась протестантская Реформация, которая дала толчок Реформации католической. В итоге совместными усилиями власти, церкви и *corporationes* в странах Западной Европы на протяжении 2-й четв. XVI – 1-й пол. XVII вв. в общем и в целом был завершен процесс религиозного размежевания и формирования обновленной католической конфессии и множества протестантских, среди которых выделялись лютеранская (евангелическая) и разные изводы кальвинистской.

Эта конфессионализация (*Konfessionalisierung*), по мнению А.Ю. Прокопьева, применительно к лютеранской конфессии в Германии после 1556 г. «характеризуется тремя процессами, ставшими свойственными всем другим конфессиям в Германии: *отмежеванием* от других исповеданий (от кальвинизма, цвинглианства, спиритуализма, швайнкфельдианства, католичества, анабаптизма), *внутренней консолидацией* за счет объединения различных направлений в лютеранстве и *формированием территориальной церкви* под эгидой князей, что обеспечивалось территориальной экспансией Реформации после 1555 г.» [Прокопьев, 2008, с. 96].

Однако мы все же не согласимся с таким толкованием сущности *Konfessionalisierung*. На наш взгляд, в данном случае речь идет все же о начальном ее этапе – о *Konfessionsbildung*. Собственно же конфессионализация, сопряженная с *Sozialdisziplinierung*, образует следующий этап внутренней трансформации и государства, и общества, и самой конфессии. *Konfessionsbildung* выступает, таким образом, первым, сугубо религиозным этапом конфессионализации, затрагивающим как территориальный, так организационный и идеологический аспекты оформления конфессии. Он предшествует собственно *Konfessionalisierung*.

Последняя представляла собой масштабный и многоплановый процесс реформирования всей общественно-политической и идеологической системы раннемодерных европейских государства и общества. Ее результатом стала реинтеграция последних на обновленной религиозной основе и формирование того самого «конфессионального абсолютизма» эпохи раннего Нового времени с его принципом «*Cuius regio eius religio*». При этом, подчеркнем особо этот момент еще раз, импульсы, обусловившие ход и особенности как *Konfessionalisierung*, так и *Sozialdisziplinierung*, шли и «сверху», и «снизу». В итоге в раннее Новое время (по меньшей мере до начала XVIII в.), как отмечал Н.Н. Покровский, «система власти базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними» [Покровский, 1991, с. 6. Ср.: Rethinking Leviathan, 1999, p. 1–12]. В итоге в решении социально значимых вопросов власть и общество («политический народ» как его наиболее активная и влиятельная часть) были вынуждены тесно взаимодействовать, в том числе и в религиозной сфере. Раннемодерная Россия не была исключением в этом плане.

О русском варианте конфессионализации

Естественно, что эта общая схема конфессионализации с учетом региональных особенностей политического, социального и религиозно-культурного развития обрела характерные местные отличия. Русское государство и русское общество раннего Нового времени в этом отношении не были исключениями, и русский вариант конфессионализации существенно отличался от «классического» «германского». В чем заключались эти отличия и особенности?

Прежде всего, отметим, что, по нашему мнению, сам по себе процесс конфессионализации (в широком смысле) в раннемодерной России достаточно четко разделяется на три этапа-волны. Первый этап охватывает промежуток времени между серединой XV столетия и серединой XVI века (то есть существенно раньше, чем этот процесс был запущен в Германии), второй оказался растянут почти на весь XVII век (с 20-х – 30-х гг. и далее). Наконец, третий этап связан с попытками построения в России «регулярного» полицейского государства (от реформ Петра I до реформ Николая I, то есть с нач. XVIII по сер. XIX вв.). Наиболее важным, на наш взгляд, представляется именно первый этап русской конфессионализации, когда не только завершаются в целом процессы православного *Konfessionsbildung*, но и закладываются сами основы русской модели *Konfessionalisierung*, которые получают свое развитие на втором и третьем ее этапах. По этой причине далее речь пойдет о важнейших событиях первого века русской конфессионализации.

Важнейшим событием этого первого этапа, безусловно, стало «создание конфессии». Оно должно рассматриваться, на наш взгляд, в трех тесно взаимосвязанных аспектах – в религиозном, территориальном и организационном.

Говоря о религиозном обособлении, заметим, что оно имеет в русском случае давнюю природу – начало этого процесса можно отнести к «Великой Схизме» 1054 г. Следующим ее этапом стала 1-я пол. XIV в., когда Золотая Орда принимает ислам. И, наконец, в свою завершающую стадию этот процесс вступает в конце XIV в., и связан он был с претензиями великих литовских князей на доминирование в Восточной Европе. Не сумев подчинить своей воле русскую митрополию, они взяли курс на создание собственной православной митрополии, рассчитывая перевести в ее подчинение те православные епархии на контролируемых Гедиминовичами территориях. Политический подтекст этих действий по расколу восточноевропейского православного пространства со стороны литовских князей в конце XIV – нач. XV вв. дополнился и религиозным – Кривская уния и Городельский привилей открыли дорогу для широкой экспансии католицизма в земли Великого княжества Литовского.

Серьезным ударом по единству восточноевропейского православного пространства стал Ферраро-Флорентийский собор и Флорентийская уния 1439 г. Митрополит Киевский и всея Руси Исидор подписал соглашение об унии и в дальнейшем выступал одним из наиболее активных ее сторонников, но его действия не нашли понимания в Москве. Великий князь Василий II отказался признать унию. Более того, он приказал арестовать митрополита и настоял на созыве собора русских епископов, которые осудили действия Исидора и отвергли акт унии. Следствием этого шага стал собор 1448 г., состоявшийся по инициативе великого князя. На нем русские епископы избрали рязанского и муромского епископа Иону новым митрополитом, причем это решение не было согласовано, как прежде, с Константинополем, так как в Москве считали, что и патриарх, и император, приняв унию, уклонились в латинство. Примечательно, что на этом соборе не присутствовали епископ тверской и архиепископ новгородский, ограничившиеся присылкой утвердительных грамот.

Этот шаг Москвы ускорил запущенный литовскими великими князьями процесс территориального размежевания «московского» и «литовского» «изводов» восточноевропейского православия. Оно стало необратимым после того, как в 1458 г. униатский патриарх константинопольский Григорий Мамма рукоположил в митрополиты киевские ученика и протодиакона Исидора Григория Болгарина, под властью которого были объединены православные епархии, находившиеся на территории Польши и Литвы. Таким образом, к тому моменту, когда Иван III стал великим князем московским и владимирским, процесс территориального, религиозного и организационного обособления Русской церкви в целом был завершен. Теперь перед светской властью (в лице великих князей – патронов-покровителей русской церкви) и властью духовной (в лице московских митрополитов) встала чрезвычайно сложная и неоднозначная задача – добиться внутренней консолидации «московской» церкви.

Эта внутренняя консолидация также имела несколько уровней. Прежде всего необходимо было решить вопрос о создании более или менее жесткой вертикали власти внутри самой церкви, избавиться от пережитков удельной старины и подчинить власти митрополита и епископат и настоятелей крупнейших и влиятельнейших монастырей. В идеале эта власть должна была соответствовать формуле, которую выразил архиепископ новгородский Серапион во время разбирательства причин его конфликта с Иосифом Волоцким: «Волен, деи, яз в своем черныце, а князь Федор в своем монастыре – хочет жалует, хочет грабит» [Преподобный Иосиф Волоцкий, 2007, с. 193].

Решение этой задачи отчасти облегчалось тем, что в процессе «собираения земель» и «собираения власти» великие московские князья постарались свести к минимуму удельную «старину», присоединив к своему «домену» такие значительные в политическом и ином плане княжества и земли, как, к примеру, Тверское или Новгород. С ликвидацией их политической субъектности почвы лишились и попытки местных церковных иерархов вести независимую от московских митрополитов политику (в особенности это касалось архиепископов новгородских [См., например: Успенский, 2023, с. 42–82]).

Вместе с тем стоит заметить, что наряду с этим препятствием, унаследованным от прежней «старины», было и другое, не менее традиционное и, пожалуй, еще более труднопреодолимое. Речь идет об институте патроната, возникшем еще на заре истории христианства на Руси и подошедшем к началу раннего Нового времени в устоявшейся форме. Исследовавший особенности этого института Б.Н. Флоря отмечал, что отношения патроната способствовали складыванию такого положения, когда, во-первых, духовенство не имело собственной самоуправляющейся организации и аппарат церковного управления был слабо развит; во-вторых, клир не был отделен от остального населения в правовом отношении и находился в зависимости от своих патронов, а епископ обладал лишь литургическими функциями, занимаясь освящением храмов и поставлением клириков (кандидатуры которых ранее были одобрены патронами) [См.: Флоря, 2007, с. 72, 81]. И, само собой, церковное

имущество не было защищено от посягательств со стороны светских патронов, ибо, с их точки зрения, и церкви, и монастыри со всем, что к ним «тянуло», являлись частью «отчины» патрона (и неважно, был ли он князем великим или удельным, боярином или сыном боярским или даже коллективным «вотчинником», как мужи новгородские или черносозные «мирь»).

Освященная «старинной» власть патрона над находящимися в его «отчине» церковными учреждениями и структурами затрагивала практически все сферы деятельности церкви. А.А. Казаков, анализируя причины и следствия конфликта между ростовским архиепископом Вассианом и белозерским князем Михаилом Андреевичем в 1477 г. относительно прав на Кирилло-Белозерский монастырь, отмечал, что «монастыри, основанные в уделах, в хозяйственных, имущественных и правовых вопросах **целиком и полностью** зависели от удельных князей-патронов (выделено нами – **В.П.**)...» [Казаков, 2022, с. 201–202]. От себя же добавим к этому, что сказанное историком по отношению к монастырям касалось в полной мере и «вотчинных» церквей и их причта [См., например: Флоря, 2007, с. 65–66]. Что же означало на практике выражение «целиком и полностью», наглядно показал другой конфликт, возникший между игуменом Иосифом Волоцким и князем Федором Борисовичем Волоцким. Князь, посягнувший на монастырское имущество, был уверен в своем праве – как заявили его люди игумену, **«волен, де, государь, в своих монастырех (и в церквях – В.П.), хочет жалуеть, хочет грабит (выделено нами – В.П.)...»** [Преподобный Иосиф Волоцкий, 2007, с. 210].

Патрон считал себя вправе вмешиваться в хозяйственные вопросы (контролировать расходы и доходы монастыря или церкви; регулировать вопросы, связанные с выполняемыми в пользу церковных учреждений повинностями и поборами со стороны подвластных им крестьян); распоряжаться по своему усмотрению церковной и монастырской недвижимостью и вообще имуществом (которое он рассматривал де-факто как свое собственное – тот же князь Федор, по словам Иосифа Волоцкого, «имал, как хотел» из монастырской казны «кони, доспех, платие», «иное даром просит, а иное на полцены емлет», не говоря уже о деньгах, драгоценностях, церковных облачениях и утвари, иконах, книгах и пр. [Преподобный Иосиф Волоцкий, 2007, с. 210–212]); по своему же усмотрению замещать вакантные должности в монастырях и церквях и вообще поступать так, как ему заблагорассудится, с конкретными клириками, рассматривая их едва ли не как своих холопов; блюсти внутренний распорядок в тех же монастырях и вершить суд и расправу (если последнее право жалованной грамотой не передавалось в руки того же игумена) [См., например: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, 1952, с. 396, 397; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, 1958, с. 526–527; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, 1964, с. 93, 471; Акты феодального землевладения и хозяйства, 1956, с. 102; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, 1950, с. 358; Жития преподобного Иосифа Волоцкого, 2007, с. 64, 65; Назаров, 1966, с. 354–368; Стоглав, 2015, с. 147, 216 и др.].

Под контролем патрона находились даже вопросы, связанные с отправлением религиозного культа, и сама сердцевина религии – ответ на вопрос «како веруеши?». А.И. Алексеев по этому поводу писал, что «предметом конфликтов часто служили не традиционное право печалования за опальных, но вопросы, находившиеся сугубо в компетенции иерархии: порядок освящения церквей, вопросы канонизации и др.» [Алексеев, 2019, с. 191]. Ярким примером тому может служить конфликт между Иваном III и митрополитом Геронтием по поводу того, каким образом следует освящать церкви. Пока этот спор не был разрешен, Иван своим распоряжением «с год не велел свещати» «свои» церкви в столице [См., например: Львовская летопись, 2005, с. 348]. О симпатиях же, которые испытывал Иван III к еретикам-жидовствующим, писали практически все исследователи, которые занимались изучением проблем взаимоотношений церкви и государства в России в конце XV в. (историографию вопроса подробно рассматривал, к примеру, А.И. Алексеев [Алексеев, 2012, с. 215–250]). Так что когда А.И. Алексеев, говоря об Иване III, писал, что

«великий князь являлся гармоничной личностью, в которой уважение к Церкви, почитание святых и монастырей сочетались со стремлением властно проводить в жизнь свой идеал благочестия, вступая порой в острые конфликты с высшей иерархией» [Алексеев, 2010, с. 149], то эти слова можно отнести в полной мере не только к нему и другим князьям московского правящего дома (тому же Дмитрию Ивановичу Донскому, отношения которого с высшей церковной иерархией после смерти митрополита Алексия были весьма далеки от благодетельных). Это же касается и других русских князей – тех же великих князей тверских.

И нельзя сказать, что сама церковь в лице ее отдельных (и порой весьма влиятельных персонажей) была особенно против такого положения дел. Так, тверской монах Акиндин, обвинивший митрополита Петра в симонии, в своем «Написании», руководствуясь принципом «Царь еси, господине княже, в своей земли», потребовал от тверского князя Михаила Ярославича вступить в церковную распрю. «Ты истязан имаши на страшнем и нелицемернем судищи Христове, аже смолчиши митрополиту», – писал он, обращаясь к князю [Памятники древнерусского канонического права, 1880, стб. 158]. Точно так же Иосиф Волоцкий, рассматривая верховную власть как богоустановленную [См., например: Преподобный Иосиф Волоцкий, 2007, с. 230], считал государя ответственным за все, что происходит в его государстве [Преподобный Иосиф Волоцкий, 2011, с. 408]. И власть эта распространялась, по мнению преподобного, в полной мере на церковь [Преподобный Иосиф Волоцкий, 2007, с. 195–196].

Подобные примеры можно множить и множить, но полагаем, что в этом нет особой необходимости, ибо тенденция более чем налицо. С чем связано это явление – полагаем, что немаловажную роль сыграло здесь наряду с существованием института патроната еще и отмеченное выше отсутствие развитого церковного административного аппарата и «сословного» самоуправления, о чем писал Б.Н. Флоря. Ранняя институционализация церкви способствовала бы ее автономизации от светской власти, однако этого не случилось. В итоге отношения зависимости проникли глубоко в самую толщу церковного «тела».

Ненормальность такого положения епископат русской церкви ощутил еще в домонгольский период, и тогда же предпринимались первые попытки исправить ситуацию (что примечательно – при поддержке извне, со стороны константинопольского патриархата) [См., например: Древнерусские княжеские уставы, 1976, с. 144; Памятники древнерусского канонического права, 1880, стб. 82, 83]. Важной вехой на этом пути стал собор 1274 г., решения которого усиливали власть епископа над низовым клиром [Памятники древнерусского канонического права, 1880, стб. 92, 108]. От ордынских «царей» русские митрополиты добились освобождения от каких-либо налогов и повинностей, а также запрета «вступаться» (понятие, трактовать которое можно в довольно широких пределах – **В.П.**) в принадлежащие церквям и монастырям «земли и воды, сады и огороды, бани и мельницы» [См.: Григорьев, 2004, с. 44, 65–66, 114, 202]. Дальнейшее развитие получает и церковная администрация – в источниках упоминаются митрополичьи и епископские наместники и десятичники, которые, судя по всему, были клириками [См., например: Древнерусские княжеские уставы, 1976, с. 178, 179; Памятники древнерусского канонического права, 1880, стб. 92]. Однако в дальнейшем эта тенденция, как отмечал Б.Н. Флоря, не получила развития [Флоря, 2007, с. 92].

Почему так получилось? На наш взгляд, это было связано с теми особенными условиями, в которых происходило становление Русского государства и русской церкви на излете Средневековья. Когда высшие иерархи русской церкви по настоянию великого князя пошли на столь серьезный шаг, как избрание митрополита без согласования с константинопольским патриархом, считавшимся главой русской церкви, то в итоге они лишились той внешней опоры, используя которую они могли бы избавиться (или, по крайней мере, существенно ослабить) от подчинения светской власти. Зависимость русской церкви и ее иерархии от светской власти не только не уменьшилась, но еще и усилилась. И аморфная в организационном и религиозном отношениях русская церковь, пребывая во

враждебном окружении, не препятствовала этому, ибо выжить и продолжить исполнять свои функции она могла только с опорой на власть.

Вместе с тем нельзя не отметить такой парадоксальный, на первый взгляд, факт – 2-я половина XV – начало XVI вв. стали временем, когда окончательно оформляются структуры центрального административного аппарата при митрополичьей кафедре. Исследовавший этот вопрос А.Ю. Савосичев отмечал в этой связи, что в это время митрополичий двор следует по своим функциям и структуре вслед за Государевым двором (и в этом отношении он если и запаздывал по сравнению с двором великокняжеским, то несущественно – **В.П.**) [Савосичев, 2019, с. 93]. Связь между этими процессами, суверенизацией Русского государства и завершением отмежевания русской митрополии и церкви от иных представляется несомненной, тем более что и великокняжеский двор в это же время вступает на путь постепенной трансформации прежней патримониальной «вотчинной» администрации в общегосударственную.

Но почему государство пошло на такой шаг и де-факто одобрило создание параллельной властной структуры? Ведь соглашаясь с тем, что митрополиты выстраивают свою вертикаль власти, великие князья тем самым как будто ослабляли свою власть над церковью и ограничивали свой «внутренний» суверенитет (здесь стоит напомнить о практике раздачи великими и удельными князьями иммунитетных грамот церковным структурам и учреждениям, посредством которых принадлежавшие церкви земельные владения и люди, проживавшие на них, практически выводились из-под княжеской юрисдикции [См., например: Акты Троицкого Калязина монастыря, 2007, с. 23, 52, 53, 72]).

Однако такая их политика представляется противоречащей «собираанию власти» только на первый взгляд. Особенностью раннемоделных государств была, как уже было отмечено прежде, слабость их властной мускулатуры [См., например: Петров, 2008, с. 376], «инфраструктурной власти» [О ее сути см.: Mann, 1984, p. 189]. Следствием этого являлось вынужденное сотрудничество верховной власти с влиятельными и авторитетными местными политическими, финансово-экономическими и религиозными элитами. Они рассматривались ею де-факто как младшие партнеры в деле управления страной. И чтобы церковь могла выполнять налагаемые этим статусом функции, она обязана была обзавестись собственным административным, фискальным и судебным аппаратом. Тем самым нагрузка на немногочисленную и маломощную великокняжескую администрацию снижалась за счет переноса части управленческих функций на администрацию церковную.

Но была и другая причина, не менее, если не более важная, почему верховная власть не видела существенной угрозы со стороны усиливающейся внутренне церкви. Молодое Русское государство формировалось, писал Ю.Г. Алексеев, как «земско-служилое». Его системообразующим принципом, вокруг которого выстраивалась вся система отношений между властью, обществом в целом, сословиями-«чинами» и отдельными подданными, был принцип обязательной службы Отечеству и государю всея Руси как его персональному воплощению. Поэтому верховная власть не видела для себя ущерба в том, что власть духовная выстраивает свою параллельную административную, правовую и фискальную вертикаль. Все равно эта вертикаль являлась таким же элементом общей системы управления государством, как и земское самоуправление, будучи встроенной, по наблюдению Ю.Г. Алексеева, в «иерархическую систему общин, подчиненных общеземской власти в лице государя всея Руси – гаранта правды и милости в духе православного менталитета» [См.: Алексеев, 2001, с. 433–434].

Таким образом, к исходу XV в. можно вести речь о том, что складывается в целом такая система отношений между церковью и верховной властью, которая развивала сложившиеся ранее отношения патроната и ставила церковь, ее учреждения и структуры под эгиду государя всея Руси и на его службу. При этом за государем сохранялось право вмешиваться в широких пределах во внутрицерковные дела ради ее, церкви, «исправления», а сами отношения между государем и церковными иерархами

выстраивались на основе «старинны» и носили ярко выраженный субъективный характер. Многие, если не все, зависело от персональных качеств великого князя, митрополита и епископов с игуменами наиболее влиятельных монастырей, насколько они готовы к сотрудничеству и компромиссу ради общих, а не партикулярных интересов.

Естественно, что это не всем пришлось по вкусу, в том числе и внутри самой церкви. Так, ростовский священник Георгий Скрипица в своем «Написании» резко высказался против установившегося нового порядка, обвинив митрополита и епископов в том, что они управляют церковью «по царьскому сану земного царя, бояры и дворецкими, неделщиками и тиуны, своих деля прибытков, а не по достоянию небесного царя воинству» [См.: Русский феодальный архив, 1987, с. 667]. Это недовольство нашло свое отражение в бурных дискуссиях внутри церкви конца XV – 1-й пол. XVI вв. вокруг вопроса о правомерности монастырского землевладения и об отношении к еретикам и др. вопросам, которые периодически выносились на суд государя и боярства. Все они способствовали внутренней консолидации церкви на определенной религиозно-идеологической «платформе». В нашем случае речь идет о так называемом «иосифлянстве» (название это неточное, поскольку основы этой «платформы» начали создаваться задолго до того, как начал свою деятельность преподобный Иосиф Волоцкий, и завершились намного позже его смерти). Сторонники этой «платформы» сумели доказать свою полезность верховной власти не в последнюю очередь тем, что их политико-религиозная философия покоилась на принципе религиозно-земской службы, социального «тягла», добровольно возложенного на себя Церковью [См.: Зеньковский, 2001, с. 47; Флоровский, 2009, с. 31]. Одолев с помощью государства, оценившего их готовность содействовать власти в построении «храмины» Русской православной державы, своих оппонентов, иосифляне надолго утвердили свое доминирование в церкви и религиозно-идеологической сфере Русского государства.

Параллельно с процессом внутренней консолидации церкви запускаются и процессы социального дисциплинирования, которые в первую очередь коснулись самой церкви и ее служителей. Собственно говоря, мотив о недостаточной христианизации, которая носила внешний характер, и касалось это не только мирян, но и клириков, звучал в проповедях и посланиях церковных иерархов давно [См., например: Поучение философа, епископа Българодьскаго, 1997, с. 286–290; 2-е поучение преподобнаго Серапиона, 1997, с. 372, 374, 376 и др.], а жанр учительно-назидательных сочинений пользовался немалой популярностью в кругу церковных и околоцерковных книжников [См., например: Бернштам, 2007, с. 149–150]. Однако теперь, когда ситуация и в стране, и вокруг нее радикально переменилась, когда в кругу церковных интеллектуалов постепенно вызревает идея об избранности Русского государства («Москва – III Рим»), проблема соответствия поведения и клириков, и мирян христианским канонам становилась все более злободневной. Последнее истинно православное царство не должно было погибнуть из-за того, что его жители вели не соответствующий требованиям православных канонов образ жизни. Однако до поры до времени, пока борьба за приведение морали и поведения клириков и мирян к требованиям канона оставалась уделом книжников и церковных иерархов, обращавшихся к своей пастве с увещательными посланиями (в этом плане весьма любопытно творчество митрополита Даниила, писателя весьма начитанного и плодовитого, относившегося к своим пастырским обязанностям весьма ответственно), она по определению не могла иметь большого успеха, тем более тогда, когда «мир», по словам П.С. Стефановича, «в приходском духовенстве видел лишь одну из земских выборных должностей» [Стефанович, 1997, с. 31].

Ситуация изменилась, когда к разрешению этой проблемы активно подключилось государство. Голос церковных книжников, неоднократно, но без особого успеха обращавшихся к Ивану III и Василию III, был услышан молодым царем Иваном IV. Импульсивный и впечатлительный, Иван был глубоко потрясен событиями лета 1547 г. – сперва зрелищем дотла выжегшего Москву грандиозного пожара, а затем явлением перед ним с оружием в руках взбунтовавшегося московского люда: «И от сего убо вниде страх в

душу мою и трепет в кости моя» [Стоглав, 2015, с. 47]. Результатом этого потрясения стало то, что Иван, до того пренебрегавший своими обязанностями православного государя, теперь начал относиться к ним должным образом. И убежденный в том, что бедствия, постигшие его державу и столицу, есть следствие той несправедливой жизни, которую вели все, от самого государя до последнего его подданного [Стоглав, 2015, с. 46–47], молодой царь занялся «устройством» своего царства, в том числе и в церковно-религиозном отношении.

Центральное место в политике конфессионализации, которую де-факто проводило «правительство» молодого Ивана IV, занимает, несомненно, созванный в начале 1551 г. Стоглавый собор. Не касаясь подробно истории его созыва и работы (это не входит в нашу задачу), подчеркнем, что этот собор, на котором был обсужден весьма широкий круг вопросов, касавшихся церковного строительства и того, что сегодня мы называем «социальным дисциплинированием», по существу подвел итоги столетнего периода развития русской церкви как церкви автономной. При этом, как отмечала Л.Б. Сукина, решения Стоглавого собора, «имевшие силу юридического акта и документа нормативной регламентации религиозной жизни православного населения на всей территории Русского государства», давали в руки верховной власти необходимый правовой инструментарий и поддержку со стороны церкви в деле наведения порядка в исповедании православной веры и воспитания населения в духе православного благочестия [Сукина, 2021, с. 57]. И, говоря о той роли, которую сыграл этот собор в деле русской конфессионализации, стоит вспомнить о любопытной параллели, которую провел Е.Е. Голубинский. По его мнению, есть несомненное сходство между православным Стоглавым собором и католическим собором Тридентским. Созванные примерно в одно и то же время, писал историк, они решали примерно одни и те же задачи по обновлению церкви, наведению порядка в ее внутренней жизни и социальному дисциплинированию, касавшемуся и клириков, и мирян [Голубинский, 1900, с. 789].

Своеобразным дополнением к «Стоглаву» стал «Домострой», сборник нравственно-назидательного характера, отредактированного с учетом решений собора 1551 г. священником Кремлевского Благовещенского собора Сильвестром. Этот сборник, предназначенный в первую очередь для мирян, включал в себя, помимо прочих, еще и блок текстов, закреплявших, по словам Л.Б. Сукиной, «нормативный образец православного человека» [Сукина, 2021 с. 58]. Тем самым «Домострой», как отмечали авторы очерка о Сильвестре в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» Д.И. Буланин и В.В. Колесов, «в настоящем своем виде входит органической частью в правительственные мероприятия сер. XVI в. по регламентации общественной и частной жизни» [Буланин, Колесов, 1989, с. 328].

Итоги первого этапа русской конфессионализации

Безусловно, появление на свет решений Стоглавого собора и «Домостроя» не решило разом тех проблем, которые в них упоминались. Они продолжили существовать и в церкви, и в обществе, так что спустя сто лет необходимость нового церковного и общественного «устроенья» породило движение ревнителей благочестия и никонианских реформ, определивших лицо второго этапа русской конфессионализации). Тем не менее, Иван IV и митрополит Макарий определили вектор дальнейшего развития и сумели добиться определенного продвижения вперед на пути реинтеграции раннемоделных русских государства и общества на обновленной религиозной основе. Так что в известном смысле английский купец-авантюрист и дипломат Дж Горсей был прав, когда, подводя итоги религиозной политики Ивана IV, писал в своих записках, что «этот царь установил и обнародовал единое для всех вероисповедание, учение и богослужение в церкви» [Горсей, 1990, с. 91].

Если же вести речь в целом о результатах первого этапа конфессионализации в раннемоделной России, то нельзя не согласиться с мнением Н.М. Никольского. Он отмечал,

что за сто лет, от избрания Ионы митрополитом и до Стоглавого собора, «московская церковь стала национальной, со своим независимым от греков главою, со своими святыми, со своим культом, значительно отличавшимся от греческого, даже со своей догматикой, установленной на Стоглавом соборе» [Никольский, 1985, с. 110]. Можно с уверенностью сказать, что в целом вопросы, связанные с обособлением Русской церкви и ее внутренней консолидацией в этот промежуток времени, были решены, запущены процессы социального дисциплинирования, а сама конфессионализация вышла на новый уровень.

Список литературы

- Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. 2007. Москва – Санкт-Петербург, Альянс-Архео, 248 с.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. 1952. Т. I. Москва, Изд-во АН СССР, 804 с.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. 1958. Т. II. Москва, Изд-во АН СССР, 727 с.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. 1964. Т. III. Москва, Наука, 687 с.
- Акты феодального землевладения и хозяйства. 1956. Часть 2-я. Москва, Изд-во АН СССР, 663 с.
- Алексеев А.И. 2019. «Бодроопасный воин Христов». Иосиф Волоцкий и его сочинения в свете данных современной науки. Москва – Санкт-Петербург, Центр гуманитарных дисциплин, 376 с.
- Алексеев А.И. 2012. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. Москва, Индрик, 560 с.
- Алексеев А.И. 2010. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510 гг. Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, 390 с.
- Алексеев Ю.Г. 2001. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 448 с.
- Бернштам Т.А. 2007. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петербур. ун-та; Петербургское Востоковедение, 311 с.
- Буланин Д.И., Колесов В.В. 1989. Сильвестр. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 2. Л. – Я. Москва, Наука: 323–333.
- Преподобный Иосиф Волоцкий. 2007. Послания. Санкт-Петербург, Аксион эстин, 390 с.
- Преподобный Иосиф Волоцкий. 2011. Просветитель. Москва, Институт русской цивилизации, 432 с.
- Григорьев А.П. 2004. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петербургского университета, 276 с.
- Голубинский Е.Е. 1900. История Русской церкви. Период второй, московский. Т. II. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. Москва, Университетская типография, VIII – 919 с.
- Горсей Дж. 1990. Записки о России XVI – начало XVII в. Москва, Изд-во МГУ, 288 с.
- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. 1976. Москва, Наука, 240 с.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. 1950. Москва – Ленинград, Изд-во АН СССР, 586 с.
- Жития преподобного Иосифа Волоцкого. 2007. Санкт-Петербург, Аксион эстин, 192 с.
- Зеньковский В. Протоиерей. 2001. История русской философии. Москва, Академический Проект, Раритет, 880 с.
- Казakov А.А. 2022. Иосиф Волоцкий: от агиографического повествования к научной биографии. Москва – Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, 292 с.
- Львовская летопись. 2005. *Полное собрание русских летописей*. Т. XX. Москва, Языки славянских культур, 704 с.
- Назаров В.Д. 1966. Жалованная грамота Лжедмитрия I Галицкому Великопустыньскому Авраамьеву монастырю. *Археологический ежегодник за 1965 год*. Москва, Наука: 354–368.
- Никольский Н.М. 1985. История Русской церкви. Москва, Политиздат: 447 с.
- Памятники древнерусского канонического права. 1880. Часть первая (памятники XI–XV вв.). *Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией*. Т. 6. Санкт-Петербург, Тип-я Имп. Академии наук: IV – XX – 1313.

- Петров К.В. 2008. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерова «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.»). *Очерки феодальной России*. Вып. 12. Москва – Санкт-Петербург, Альянс-Архео: 365–382.
- Покровский Н.Н. 1991. От редактора. В кн.: Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука: 3–12.
- Поучение философа, епископа Българодьскаго. 1997. В кн.: Библиотека литературы древней Руси. Т. 4. XII век. Санкт-Петербург, Наука: 286–290.
- Прокопьев А.Ю. 2008. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петерб. ун-та, 483 с.
- Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. 1987. Москва, Институт истории АН СССР, 696 с.
- Савосичев А.Ю. 2019. Структура и функции митрополичьего двора во второй половине XV – начале XVI века. *Вестник ВГУ. Серия История. Политология. Социология*. 3: 89–93.
- 2-е поучение преподобнаго Серапиона. 1997. В кн.: Библиотека литературы древней Руси. Т. 5. XIII. Век. Санкт-Петербург, Наука: 372–376.
- Стефанович П.С. 1997. Приход и приходское духовенство в России до начала XVIII в. (к постановке проблемы). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 5. История*. 4: 18–39.
- Стоглав. Текст. Словоуказатель. 2015. Москва – Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив: 320.
- Сукина Л.Б. Поздняя осень русского Средневековья. Очерки культурной истории Московского государства (XVI–XVII вв.). 2021. Москва – Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, 359 с.
- Успенский Б.А. 2023. Иона, архиепископ Новгородский, и вопрос о каноническом подчинении Новгородской епархии (К истории борьбы московской и литовской партии в Новгороде). *Slovéne*. 1: 42–82.
- Флоровский Г. 2009. Протоиерей. Пути русского богословия. Москва, Институт русской цивилизации, 848 с.
- Флоря Б.Н. 2007. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. Сборник. Москва, ЦНИ «ПЭ», 528 с.
- Mann M. 1984. The Autonomous Power of the State: its Origins, Mechanisms and Results. *European Journal of Sociology / Archives Europeennes de Sociologie / Europaisches Archiv fur Soziologie*. Vol. 25. No. 2. Tending the Roots: Nationalism and Populism: 185–213.
- Rethinking Leviathan: The Eighteenth-Century State in Britain and Germany. 1999. Eds. J. Brever and E. Hellmuth. London-Oxford: Oxford University Press, 428.

References

- Akty` Troiczkiego Kalyazina monasty`rya XVI v. [Acts of the Trinity Kalyazin Monastery of the 16th Century]. 2007. Moscow - Saint Petersburg Al`yans-Archeo, 248 p.
- Akty` social`no-e`konomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi koncza XIV – nachala XVI v. [Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus' of the End of the 14th – Beginning of the 16th Century]. 1952. Т. I. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 804 p.
- Akty` social`no-e`konomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi koncza XIV – nachala XVI v. [Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus' of the End of the 14th – Beginning of the 16th Century]. 1958. Т. II. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 727 p.
- Akty` social`no-e`konomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi koncza XIV – nachala XVI v. [Acts of the Socio-Economic History of North-Eastern Rus' of the End of the 14th – Beginning of the 16th Century]. 1964. Т. III. Moscow, Nauka, 687 p.
- Akty` feodal`nogo zemlevladieniya i xozyajstva. [Acts of Feudal Land Ownership and Economy]. 1956. Chast` 2-ya. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 663 p.
- Alekseev A.I. 2019. «Bodroopasny`j vojn Xristov». Iosif Voloczkiy i ego sochineniya v svete danny`x sovremennoj nauki ["The Dangerous Warrior of Christ." Joseph Volotsky and His Works in Light of Modern Scientific Data]. М.-SPb.: Moscow - Saint Petersburg, Centr gumanitarny`x disciplin, 376 p.

- Alekseev A.I. 2012. Religiozny`e dvizheniya na Rusi poslednej treti XIV – nachala XVI v.: strigol`niki i zhidovstvuyushhie [Religious Movements in Rus' in the Last Third of the 14th – Early 16th Centuries: Strigolniki and Judaizers]. Moscow, Indrik, 560 p.
- Alekseev A.I. 2010. Sochineniya Iosifa Voloczkiego v kontekste polemiki 1480–1510 gg. [Works of Joseph Volotsky in the Context of the Controversy of the 1480s – 1510s.]. Saint Petersburg, Rossijskaya nacional`naya biblioteka, 390 p.
- Alekseev Yu.G. 2001. Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma [The Code of Law of Ivan III. Tradition and Reform]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 448 p.
- Bernshtam, T.A. 2007. PRIXODSKAYA zhizn` russkoj derevni: ocherki po cerkovnoj e`tnografii [Parish Life of the Russian Village: Essays on Church Ethnography]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Peterburgskoe Vostokovedenie, 311 p.
- Bulanin, D.I., Kolesov, V.V. 1989. Sil` vestr [Sylvester]. In Slovar` knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vy`p. 2 (vtoraya polovina XIV – XVI v.). Chast` 2. L – Ya. Moscow, Nauka: 323–333.
- Prepodobny`j Iosif Voloczkiy. 2007. Poslaniya [Epistles]. Saint Petersburg, Aksion e`stin, 390.
- Prepodobny`j Iosif Voloczkiy. 2011. Prosvetitel` [Enlightener]. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 432 p.
- Grigor`ev A.P. 2004. Sbornik xanskix yarly`kov russkim mitropolitam. Istochnikovedcheskij analiz zolotoordyn`skix dokumentov [Collection of Khan's Labels to Russian Metropolitans. Source Analysis of Golden Horde Documents]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 276 p.
- Golubinskij E.E. 1900. Istoriya Russkoj cerkvi. Period vtoroj, moskovskij. T. II. Ot nashestviya mongolov do mitropolita Makariya vklyuchitel`no. Pervaya polovina toma [History of the Russian Church. The Second, Moscow Period. Vol. II. From the Mongol Invasion to and including Metropolitan Macarius]. Moscow, Universitetskaya tipografiya: VIII – 919.
- Gorsej Dzh. 1990. Zapiski o Rossii XVI – nachalo XVII v. [Notes on Russia in the 16th – Early 17th Centuries]. Moscow, Izd-vo MGU, 288 p.
- Drevnerusskie knyazheskie ustavy` XI–XV vv. [Old Russian Princely Charters of the 11th – 15th Centuries]. 1976. Moscow, Nauka, 240 p.
- Duxovny`e i dogovorny`e gramoty` velikix i udel`ny`x knyazej XIV–XVI vv. [Testament and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the 14th – 16th Centuries]. 1950. Moscow – Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 586 p.
- Zhitiya prepodobnogo Iosifa Voloczkiego [Lives of the Venerable Joseph of Volotsk]. 2007. Saint Petersburg, Aksion e`stin, 192 p.
- Zen`kovskij V. Protoierej. 2001. Istoriya russkoj filosofii [History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskij Proekt, Raritet, 880 p.
- Kazakov A.A. 2022. Iosif Voloczkiy: ot agiograficheskogo povestvovaniya k nauchnoj biografii [Joseph Volotsky: from a Hagiographic Narrative to a Scientific Biography]. Moscow - Saint Petersburg, Centr gumanitarny`x iniciativ, 292 p.
- L`vovskaya letopis` [Lvov's Chronicle]. 2005. In Polnoe sobranie russkix letopisej. T. XX. Moscow, Yazyki slavyanskix kul`tur, 704 p.
- Nazarov V.D. 1966. Zhalovannaya gramota Lzhedmitriya I Galiczkomu Velikopusty`nskomu Avraam`evu monasty`ryu [Charter of False Dmitry I to the Galician Velikopustynsky Abraham Monastery]. In Arxeograficheskij ezhegodnik za 1965 god. Moscow, Nauka: 354–368.
- Nicol`skij N.M. 1985. Istoriya Russkoj cerkvi [History of the Russian Church]. Moscow, Politizdat, 447 p.
- Pamyatniki drevne-russkogo kanonicheskogo prava. Chast` pervaya (pamyatniki XI–XV vv.) [Monuments of Old Russian Canon Law. Part One (Monuments of the 11th – 15th Centuries)]. 1880. In Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arxeograficheskoyu komissieyu. T. 6. Saint Petersburg, Tip-ya Imp. Akademii nauk: IV – XX – 1313.
- Petrov K.V. 2008. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenie zakona v ego sovremennom ponimanii? (Po povodu stat`i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskij Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoj poloviny` XVI v.») [Did the Sudebnik of 1497 Have the Significance of a Law in Its Modern Understanding? (Regarding the Article by S.N. Kisterev "The Grand Ducal Code of 1497 and the Judicial Practice of the First Half of the 16th Century")]. In Ocherki feodal`noj Rossii. Vy`p. 12. Moscow - Saint Petersburg, Al`yans-Arxeo: 365–382.
- Pokrovskij N.N. 1991. Ot redaktora [From the Editor]. In Alekseev Yu.G. Gosudar` vseya Rusi. Novosibirsk, Nauka, 240 p.

- Pouchenie filosafo, episkopa Belgorod'skago [Instructions of the Philosopher, Bishop of Belgorod]. 1997. In Biblioteka literatury` drevnej Rusi. T. 4. XII vek. Saint Petersburg, Nauka: 286–290.
- Prokop`ev A.Yu. 2008. Germaniya v e`poxu religioznogo raskola. 1555 – 1648 [Germany in the Era of Religious Schism. 1555–1648]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 483 p.
- Russkij feodal'ny`j arxiv XIV – pervoj treti XVI veka [Russian Feudal Archive of the 14th – First Third of the 16th Century]. 1987. Moscow, Institut istorii AN SSSR, 696 p.
- Savosichev A.Yu. 2019. Struktura i funkcii mitropolich`ego dvora vo vtoroj polovine XV – nachale XVI veka [Structure and Functions of the Metropolitan Court in the Second Half of the 15th – Early 16th Century]. In *Vestnik VGU. Seriya Istorija. Politologiya. Sociologiya*. 3: 89–93.
- 2-e pouchenie prepodobnago Serapiona [The 2nd Instruction of the Venerable Serapion]. 1997. In Biblioteka literatury` drevnej Rusi. T. 5. XIII. Vek. Saint Petersburg, Nauka: 372–376.
- Stefanovich P.S. 1997. Prixod i prihodskoe duxovenstvo v Rossii do nachala XVIII v. (k postanovke problemy`) [Parish and Parish Clergy in Russia before the Beginning of the XVIII Century. (Towards the Formulation of the Problem)]. In *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Referativny`j zhurnal. Seriya 5. Istorija*. 4: 18–39.
- Stoglav. Tekst. Slovoukazatel` [Stoglav. Text. Word Index]. 2015. Moscow - Saint Petersburg, Centr gumanitarny`x iniciativ, 320 p.
- Sukina L.B. 2021. Pozdnyaya osen` russkogo Srednevekov`ya. Oчерки kul`turnoj istorii Moskovskogo gosudarstva (XVI – XVII vv.) [Late Autumn of the Russian Middle Ages. Essays on the Cultural History of the Moscow State (16th – 17th Centuries)]. Moscow - Saint Petersburg, Centr gumanitarny`x iniciativ, 359 p.
- Uspenskij B.A. 2023. Iona, arxiepiskop Novgorodskij, i vopros o kanonicheskom podchinenii Novgorodskoj eparxii (K istorii bor`by` moskovskoj i litovskoj partii v Novgorode) [Jonah, Archbishop of Novgorod, and the Question of Canonical Subordination of the Novgorod Diocese (On the History of the Struggle between the Moscow and Lithuanian Parties in Novgorod)]. In *Slovéne*. 1: 42–82.
- Florovskij G. 2009. Protoierej. Puti russkogo bogosloviya [Archpriest. Paths of Russian Theology]. Moscow, Institut russkoj civilizaci, 848 p.
- Florya B.N. 2007. Issledovaniya po istorii cerkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov`e. Sbornik [Research in the History of the Church. Old Russian and Slavic Middle Ages]. Moscow, CzNCz «PE», 528 p.
- Mann M. 1984. The Autonomous Power of the State: its Origins, Mechanisms and Results. *European Journal of Sociology / Archives Europeennes de Sociologie / Europaisches Archiv fur Soziologie*. Vol. 25. No. 2. Tending the Roots: Nationalism and Populism: 185–213.
- Rethinking Leviathan: The Eighteenth-Century State in Britain and Germany. 1999. Eds. J. Brever and E. Hellmuth. London-Oxford: Oxford University Press, 428.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 31.01.2025

Received 31.01.2025

Поступила после рецензирования 22.02.2025

Revised 22.02.2025

Принята к публикации 24.02.2025

Accepted 24.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Vitaly V. Penskoj, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4092-8992](https://orcid.org/0000-0002-4092-8992)

УДК 927.7
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-126-136
Оригинальное исследование

Конфликты государственных интересов и их аргументация в эпоху правления «бабьего царства» на примере Б.К. Миниха и Э.И. Бирона

Шевцов Н.В. , Кулабухов В.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: shevtsov@bsuedu.ru, kulabuhov@bsuedu.ru

Аннотация. Эпоха дворцовых переворотов является любопытной страницей отечественной истории, во время которой происходила борьба влиятельных группировок за власть, каждая из которых, поддерживая того или иного претендента на российский престол, надеялась получить как можно больше влияния на политику в благодарность за оказанную услугу. Не последнее место в управлении молодой империей, созданной Петром I, сыграли приехавшие в Россию иностранцы, которые были активно вовлечены как в её развитие и управление, так и в придворные интриги. Прибывшие при Петре иностранцы, такие как А.И. Остерман, Б.К. Миних, сделали блистательную карьеру. Однако данная страница отечественной истории в большей степени политически окрашена, поскольку без конца повторяются нарративы дворянской и буржуазной историографии про т. н. «засилье» иноземцев. Данная проблематика, в большей степени выстроенная на политических и государственных интересах вышеназванных деятелей, вызывает научный интерес и сегодня, в современной историографии. Одна из задач, которые мы ставим в данной статье, – сравнить две ключевые исторические личности, которые являлись кавалерами высшей награды Российской империи – ордена Святого апостола Андрея Первозванного, а именно Б.К. Миниха и Э.И. Бирона. Оба внесли вклад в государственные дела, однако каждый из них был по-разному оценён историей и потомками.

Ключевые слова: Анна Иоанновна, эпоха дворцовых переворотов, бироновщина, Э.И. Бирон, Б.К. Миних

Для цитирования: Шевцов Н.В., Кулабухов В.С. 2025. Конфликты государственных интересов и их аргументация в эпоху правления «бабьего царства» на примере Б.К. Миниха и Э.И. Бирона. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 126–136. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-126-136

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Conflicts of State Interests and their Argumentation in the Era of “The Female Kingdom” Rule on the Example of B.C. Minikh and E.J. Biron

Nikolay V. Shevtsov , Vladimir S. Kulabuhov

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: shevtsov@bsuedu.ru, kulabuhov@bsuedu.ru

Abstract. The era of palace coups is a curious page in Russian history. It was a time of influential groups struggling for power, each supporting one or another contender for the Russian throne, hoping to gain as much influence on politics as possible in gratitude for the service rendered. Foreigners who came to Russia and were actively involved in its development and governance, as well as in court intrigues, played an

important role in the management of the young empire created by Peter the Great. Foreigners who arrived under Peter, such as A.I. Osterman and B.K. Minikh, had a brilliant career. However, this page of Russian history is more politically colored, since the narratives of noble and bourgeois historiography about the so-called "dominance" of foreigners are endlessly repeated. This issue is more focused on the political and state interests of the above-mentioned figures, and it is certainly of scientific interest in modern historiography. One of the tasks that we set in this article is to compare two key historical figures who were holders of the highest award of the Russian Empire – the Order of St. Andrew the First-Called, namely B.K. Minikh and E.J. Biron. Both made contributions to the affairs of the state, but each of them was evaluated differently by history and posterity.

Keywords: Anna Ioannovna, the era of palace coups, Age of Biron, E.J. Biron, B.C. Minikh

For citation: Shevtsov N.V., Kulabuhov V.S. 2025. Conflicts of State Interests and their Argumentation in the Era of "The Female Kingdom" Rule on the Example of B.C. Minikh and E.J. Biron. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 126–136 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-126-136

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Российская история знает ряд примеров того, как иностранцы, переехавшие в Россию, внесли весомый вклад в развитие своей новой Родины. Однако на другом полюсе отечественной историографии, начиная с первых дворянских историков, имеются резко негативные оценки их деяний и появляется однозначное мнение, что их управление принесло государству больше вреда чем пользы.

Достаточно вспомнить известную фразу В.О. Ключевского о рассматриваемом нами периоде, чтобы лишний раз в этом убедиться: «немцы посыпались в Россию, как сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении» [Ключевский, 2021, с. 938]. Тут возникает закономерный вопрос «где же правда?», в поиске ответа на который стоит вспомнить о необходимости выслушать мнения различных сторон, чтобы достичь золотой середины.

Мы рассматриваем две абсолютно непохожие фигуры с разной судьбой: Бурхарда Миниха и Эрнста Бирона. То, что они сделали головокружительную карьеру и в одночасье лишились всего, чего достигли, стало возможным вследствие реформ Петра I, а также из-за того, что государство вступило после его смерти в новую эпоху – дворцовых переворотов [На Российском престоле. XVIII век, 1993, с. 7]. Царь-реформатор активно приглашал зарубежных специалистов различного профиля, прекрасно осознавая, что без них ему не добиться проведения модернизации и победы в Северной войне со Швецией. Именно так Бурхард Кристоф Миних оказался в России.

Эрнст Иоганн Бирон приехал в Россию уже после смерти Петра, когда на российском престоле уже успело поцарствовать 2 человека. Он оказался здесь благодаря тому, что в 1730 г. племянница Петра Великого Анна Иоанновна была приглашена на престол членами Верховного тайного совета после подписания «кондиций». «Верховники» надеялись на то, что вчерашняя курляндская герцогиня будет подчиняться их воле, но она, заручившись поддержкой дворянства и гвардии, разорвала ранее подписанный документ [Анна Иоанновна, 1997, с. 35].

Именно поэтому новая императрица искала опору своей власти среди тех, кто не поддержал идею «верховников» и шляхетства, а потому лица, оставшиеся в стороне либо поддержавшие Анну Иоанновну (Миних, Остерман, Бирон, братья Левенвольде и др.) завоевали её доверие, а потому получили ключевые посты и награды [Анисимов, 2022, с. 199]. К тому же за годы своего правления орденом Андрея Первозванного – высшей наградой империи, учреждённой Петром I, было отмечено 24 человека (самой первой

награждённой в этот период была императрица, а затем Бирон, Миних и другие), что свидетельствует о её уважении и доверии к данным лицам [Кузнецов, 1985, с. 31].

Вместе с тем дошедшие до наших дней документы данной исторической эпохи лишней раз подтверждают слова исследователей о том, что Анна Иоанновна практически не занималась государственными делами, доверив эти обязанности своим министрам, на которых она всецело полагалась [На Российском престоле. XVIII век, 1993, с. 144].

Объект и методы исследования

Объектом исследования является конфликт интересов между двумя политиками-иностранцами Российской империи Б.К. Минихом и Э.И. Бироном, каждый из которых стремился заполучить побольше власти, обойти конкурентов и преобразить страну по личному усмотрению. За свои труды, достижения и поддержку Анны Иоанновны они оба были удостоены ордена Святого Андрея Первозванного, но каждый за вклад в определенную сферу профессиональной деятельности.

Методологическую основу нашего исследования составили принцип историзма, историко-сравнительный, историко-системный методы вкупе с анализом и синтезом.

Результаты и их обсуждение

История – достаточно специфичная научная дисциплина по той простой причине, что та или иная личность оказывается в ней в том или ином амплуа – совсем как в театре. Это означает, что если для одних в ней уготована роль великих деятелей, то для других – т. н. злодеев, что крайне субъективно и ненаучно. Своё исследование мы начали с этих слов, поскольку сравниваем две знаковые, но в то же время противоречивые фигуры, к каждой из которых у современников, а в последующем и у исследователей сложилось своё отношение.

Если Бурхард Кристоф Миних был так высоко оценён, что его фигуру поместили среди выдающихся деятелей на открывшемся в 1862 г. в Новгороде памятнике «Тысячелетие России» [Смирнов, 1993, с. 169], то с Эрнстом Иоганном Бироном всё намного сложнее. За ним закрепилась репутация интригана и взяточника, а годы правления Анны Иоанновны (1730–1740) по сей день называют не иначе как «бионовщина», подразумевая под этим господство иностранных временщиков и систему свирепого политического террора, жертвами которой становились как аристократы, так и простолюдины – подлинные и мнимые противники всесильного фаворита [В борьбе за власть: Страницы полит. истории России. XVIII в., 1988, с. 28].

Однако, помимо различий, у двух иностранцев на русской службе имеются и некоторые сходства, в чём нам и предстоит разобраться, а потому необходимо рассмотреть и проанализировать жизненный путь каждого из них.

Уроженец Ольденбурга Б.К. Миних (1683–1767) появился на свет в семье инженера, занимавшегося возведением и надзором за состоянием каналов. Его отец стал дворянином после рождения сына, что, по словам Е.В. Анисимова, сказалось на личности его сына, стремившегося доказать всем своё превосходство [Анисимов, 2022, с. 195]. С данным высказыванием трудно не согласиться, поскольку общеизвестным фактом является то, что родовитая аристократия смотрела свысока на лиц из тех семей, которые недавно стали дворянами и не могли похвалиться древностью своего рода.

В свою очередь, Бурхард Кристоф Миних получил превосходное образование, освоив математику, фортификацию, а также иностранные языки. Задолго до того, как Миних оказался в России, он служил при разных европейских дворах: при гессен-дармштадтском, гессен-касельском, французском и польско-саксонском [Соловьёв, 2000, с. 66–67].

В 1721 г. Бурхард при посредничестве русского посла Г.Ф. Долгорукова перешёл на русскую службу, покинув польского короля, являвшегося по совместительству курфюрстом Саксонии, Августа II Сильного [Соловьёв, 2000, с. 67]. С ним был подписан

контракт на 5–6 лет, поскольку он являлся ценным специалистом, имевшим богатый опыт не только на поле боя, но в инженерном деле. Талант специалиста пригодился ему при решении ряда инженерных задач: так, в 1723 г. он продолжал строительство Ладожского канала, а через время, справившись с этим делом, он продлил контракт ещё на 10 лет [История государства Российского: Жизнеописание. XVIII век, 1996, с. 179].

В литературе встречается информация о том, что он был неплохим политическим стратегом, поскольку при разных правителях его влияние и власть увеличивались. Так, при Екатерине I он сохранил своё положение и даже был награждён орденом Александра Невского, а при Петре II Миниха назначили главой Санкт-Петербурга и обер-директором над фортификациями, а позднее – генерал-губернатором [Соловьёв, 2000, с. 67].

В последующем царский двор вернулся в Москву, а потому северная столица стала постепенно приходить в запустение, однако решительные действия Миниха, который вёл строительство в ней и в ряде близлежащих городов, позволили не зачахнуть молодому городу. Завершение строительства Ладожского канала обеспечили Петербургу бесперебойные поставки провианта и стабильную связь с Европой – из Кронштадта на Любек и Данциг стали ходить почтовые и пассажирские пакетботы [Резниченко, 2020, с. 122]. Эти и многие меры, предпринятые Минихом на занимаемом посту, позволили граду Петрову сохранить своё стратегическое значение.

Политический гений не подвёл его и в 1730 г., когда члены Верховного тайного совета оказывали давление на Анну Иоанновну. Тогда Б.К. Миних не присоединился к ним, а поддержал сторону, выступавшую за сохранение самодержавной власти монарха [История государства Российского: Жизнеописание. XVIII век, 1996, с. 158]. Так вышеназванный политик оказался на стороне победителей, благодаря чему его карьера пошла в гору уже при четвёртом на его веку российском правителе, тогда как Верховный тайный совет был упразднен, а его члены и сторонники наказаны [Писаренко, 2014, с. 49–50]. К тому же поддерживаемый Б. Минихом Санкт-Петербург именно благодаря ему смог без проблем обратно принять императрицу и весь царский двор, который, по его же словам, вернулся обратно из-за того, что он убедил Анну Иоанновну перенести туда резиденцию [Миних, 1874, с. 43].

В последующем политик стал членом Кабинета министров по военным и внешним делам, а в 1732 г. ему присвоили звание генерал-фельдмаршала. Именно тогда им был осуществлён целый ряд преобразований в русской армии, которые проявились в следующем: были учреждены 2 новых гвардейских полка, появились конные кирасиры, была отделена инженерная часть от артиллерии, учреждён сухопутный армейский корпус [Смирнов, 1993, с. 170]. То есть мы видим, что данный исторический деятель был искусным политиком, инженером и преобразователем, но вот по вопросам его полководческого таланта мнения современников и исследователей разнятся.

Говоря о личных качествах данного исторического деятеля, следует обратиться к воспоминаниям знавшего его испанского посла герцога Лирийского. Тот, признавая несомненные заслуги и таланты Миниха, отмечал, что он «самолюбив до чрезвычайности, весьма тщеславен, а честолюбие его выходило из пределов. Он был лжив, двоедушен, казался каждому другом, а на деле не был ничьим; внимателен и вежлив с посторонними, он был несносен в обращении с своими подчиненными» [Герцог Лирийский, 1989, с. 253–254].

И действительно, анализируя биографию Миниха, мы находим подтверждения тому, что он был очень тщеславным человеком, который, помимо прочего, стремился стяжать себе славу не только реформатора, но и военного. Зная об этом, в последующем Э.И. Бирон и А.И. Остерман в 1734 г. предложили Анне Иоанновне отправить Миниха на войну за польское наследство осаждать Данциг, стремясь тем самым ослабить его влияние при дворе [Смирнов, 1993, с. 170]. Но он с поставленной задачей справился, город был взят.

На следующий год Россия объявила войну Османской империи за то, что её вассал Крымское ханство продолжал совершать набеги на территорию Российского государства.

Амбициозный генерал-фельдмаршал, стремясь опередить своих оппонентов, стал главнокомандующим. Здесь он себя проявил следующим образом: в 1736 г. ему удалось взять Перекоп, Бахчисарай и ряд других городов. На следующий год им был предпринят очередной военный поход на Очаков, который он сумел взять. Под конец войны Миниху удалось добиться перелома в Молдавии, где, перехитрив турок в сражении под Ставучанами, он разгромил целую армию, взял турецкую крепость и занял часть Молдавии.

Несмотря на внушительные успехи, многие исследователи и современники относятся критически к его полководческому таланту из-за того, что Бурхард потерял на поле боя значительно меньше людей, чем из-за эпидемий, нехватки провианта и воды. В довершение ко всему этому для достижения поставленных целей он не щадил людей, за что солдаты прозвали его «живодёр» [Анисимов, 2022, с. 196]. Например, при походе в Крым были проблемы и с конницей, так, согласно ведомостям Санкт-Петербургского драгунского полка, в 1736 г. было потеряно в сражениях 9 драгунов и 63 лошади, от болезней умерло 2 офицера и 543 солдата, от бескормицы пало 935 строевых и 184 обозных лошадей, также угнано неприятелем 72 лошади [Бегунова, 1992, с. 46]. Впрочем, в это время с людскими потерями в России особо не считались.

В последующем генерал-фельдмаршал Миних строил планы покорить Константинополь, но не успел, поскольку война, к его разочарованию, завершилась. За победу над Османской империей в Русско-турецкой войне (1735–1739) он был пожалован званием подполковника Преображенского полка, шпагой, орденом святого Андрея Первозванного и 5 тыс. рублей [Соловьёв, 2000, с. 73]. Влияние Бурхарда Кристофа при дворе существенно возросло, что крайне не нравилось Бирону, Остерману и ряду влиятельных сановников, не без основания видевших в нём опасного конкурента. Однако данная кампания не разрешила несколько задач: Россия не имела права держать корабли в Чёрном море и имела право вести торговлю в данном регионе только через посредничество турок [История государства Российского: Жизнеописание. XVIII век, 1996, с. 158].

К тому же Швеция, видя первые поражения России в войне с турками, желала взять реванш за Северную войну и вернуть утраченные территории, а потому вела переговоры с Османской империей и Францией о войне с Россией [Кан, 1999, с. 132]. Тёмным пятном на биографию Миниха легло убийство русскими военными в Германии летом 1739 г. шведского дипкурьера барона М. Синклера, выполнявшего тайную миссию в Турции, что повлекло крупный дипломатический скандал, однако на военачальнике он особо не отразился.

Другая рассматриваемая нами не менее важная историческая личность – Эрнст Иоганн Бирон (1690–1772) своим возвышением также была обязана Анне Иоанновне, но, в отличие от Миниха, Бирон оказался в России вместе с племянницей Петра Великого, которую «верховники» желали сделать марионеточным монархом. Следует заметить, что Анна Иоанновна оказалась в Курляндии в 1710 г. из-за того, что, желая укрепить российское влияние в Прибалтике, Пётр Великий выдал её замуж за курляндского герцога Фридриха-Вильгельма, умершего год спустя [Анна Иоанновна, 1997, с. 34–35].

Овдовевшая герцогиня осталась жить в Курляндии, где благодаря влиятельному дворянину Кейзерлингу в 1718 г. местный житель Эрнст Бирон попал к ней на службу. Однако вскоре он потерял место при её дворе из-за столкновений с управляющим имением герцогини, но в 1724 г. благодаря тому же Кейзерлингу Бирон вновь устроился к ней на службу и больше с ней никогда не разлучался [Строев, 1912, стб. 745]. После смерти Петра II Анну Иоанновну пригласили на русский престол, и она взяла вместе с собой в Россию Бирона, где назначила его обер-камергером с рангом действительного генерала. 30 октября 1730 г. императрица наградила своего приближённого орденом Андрея Первозванного [На Российском престоле. XVIII век, 1993, с. 149].

Среди современников и потомков за ним закрепилась однозначная слава грубого, корыстолюбивого интригана и взяточника, у которого не было никаких принципов. Однако

принимать данную оценку за чистую монету мы не имеем права, поскольку т. н. «выскачка» Бирон не устраивал как русскую аристократию, так и многих иностранцев (надо сказать, в большинстве своём прибывших в Россию не при Анне Иоанновне, а при Петре Великом!).

Несмотря на то, что Бирон, согласно воспоминаниям современников, был честолюбивым, властным, а также расчётливым человеком, он держался в тени, официально не занимая никаких ключевых постов. Он стремился не афишировать своего участия в управлении огромной империей [Каменский, 1999, с. 161]. Иными словами, Эрнст Бирон являлся серым кардиналом, который, помимо влияния на императрицу, имел на различных уровнях управления своих ставленников и шпионов, которые держали его в курсе всех сказанных кем-либо слов и произошедших событий.

Царедворец был грубым человеком, чем отталкивал от себя людей, но в исторических источниках нет подтверждения всевозможным слухам о том, как якобы по его воле репрессировали огромное количество людей. При вышеназванной императрице происходил ряд процессов, но они мало интересовали его, они в первую очередь интересовали императрицу и тех людей, которые помогли утвердиться ей на престоле [Строев, 1912, стб. 747]. Страх правительницы понять можно, Анна боялась того, что поднимут вопрос о легитимности того, как она заполучила престол.

Между тем с именем Эрнста Иоганна было связано громкое «дело Волынского», который оказался под следствием из-за него. Он нашёл повод в том, что Артемий Волынский «побил» Третьяковского в кабинете Бирона, а тот убедил Анну Иоанновну начать следствие. Поначалу Волынский обвинялся в том, что «побил» Третьяковского и оскорбил Бирона, но вскоре к этим обвинениям присоединили «бунтовские речи», «поношение действий» вышеназванного царедворца и то, что его дворецкий Кубанец взял из конюшенной канцелярии на «партикулярные нужды» своего господина 500 рублей казённых денег [Звягинцев, Орлов, 1994, с. 40–41].

Однако в данном процессе вина осуждённого политического деятеля Волынского (казнённого, а в дальнейшем не без оснований романтизированного) была доказана [На Российском престоле. XVIII век, 1993, с. 149]. Поначалу многие считали, что объединённые вокруг него заговорщики стремились сделать главной фигурой цесаревну Елизавету, однако в материалах Тайной канцелярии, в которых тщательно фиксировались показания, говорится, что Артемий Петрович и его «конфиденты» не воспринимали её всерьёз и, вероятнее всего, надеялись привлечь на свою сторону Анну Леопольдовну (племянницу Анны Иоанновны) [В борьбе за власть: Страницы полит. истории России. XVIII в., 1988, с. 45].

История знает ряд примеров, как вкусы и предпочтения правителей и лиц из их ближайшего окружения поспособствовали развитию того или иного дела, и данный случай не стал исключением. Так, увлечение императрицы и Бирона поспособствовало развитию конного дела. Анна Иоанновна страстно любила лошадей, а потому неудивительно, что при ней был создан первый гвардейский кавалерийский полк, получивший название лейб-гвардии Конного, и из-за границы за немалые деньги закупались породистые лошади [Бегунова, 1992, с. 44].

В литературе встречается информация о том, что армейская кавалерия страдала от нехватки средств, на что обратил внимание Бурхард Миних. Он считал, что драгунам (ездящей верхом пехоте) уже не помочь, а потому он решил в дополнение к ним организовать настоящую кавалерию – 10 кирасирских полков. Правительство одобрило это предложение, но из-за дефицита средств его реализовали не полностью, в 1731–1733 гг. в кирасирские полки переименовали только 3 драгунских [Бегунова, 1992, с. 44].

В своих мемуарах Миних подтверждает, что Бирон действительно любил лошадей и поспособствовал созданию в России конных заводов, в которые из Европы привозили лучших лошадей, а также то, что тот любил играть в карты на деньги. Описывая его, фельдмаршал замечал, что «он был довольно красивой наружности, вкрадчив и очень предан императрице, которую никогда не покидал» [Миних, 1874, с. 68]. Про его приятную внешность писал и ранее нами упоминаемый герцог Лирийский, отмечая: «В обращении он

был весьма вежлив; имел хорошее воспитание; любил славу своей государыни и желал быть для всех приятным; но ума в нём было мало и потому позволял другим управлять собою до того, что не мог отличать дурных советов от хороших. Несмотря на всё это, он был любезен в обращении; наружность его была приятна; им владело честолюбие, с большею примесью тщеславия» [Герцог Лирийский, 1989, с. 252].

К тому же не следует обделять вниманием человеческий фактор. Пережившая тяготы Анна Иоанновна имела тяжёлый характер и была жёстким человеком, придворные это знали и опасались попасть ей под горячую руку или перейти дорогу Бирону. Всесильный фаворит запросто мог настроить императрицу против кого угодно [Анисимов, 2022, с. 199–200].

Стоит заметить, что ставленник Бирона Курт фон Шёмберг своими делами бросил тень не только на самого себя, но и на своего патрона. Он, пользуясь его покровительством, занял пост генерал-берг-инспектора, получил большую ссуду, земли и крестьян, чтобы развивать горное дело. Однако в годы царствования Елизаветы Петровны было выявлено множество злоупотреблений Шёмберга: комиссия Сената в 1742 г. подтвердила несостоятельность Берг-директориума, который он возглавлял, и выявила факты хищения казённых средств в пользу Шёмберга и Бирона [Лоранский, 1900, с. 25]. Именно поэтому заводы и рудники вернули казне, а у управленца потребовали выплатить долги, но он этого не сделал, из-за чего был арестован, но в 1745 г. Курту Шёмбергу разрешили уехать за границу после того, как он заплатил в казну 200 тыс. рублей [Лоранский, 1900, с. 27].

Сложившееся положение при дворе открыло Эрнсту Бирону в 1737 г. возможность быть избранным на опустевшее место герцога Курляндского при содействии России, чему не воспрепятствовал польский король Август III, обязанный российской императрице короной [Строев, 1912, стб. 746]. Как бы парадоксально ни звучало, но Миних поспособствовал возвышению своего соперника, поскольку при его участии война за Польское наследство завершилась для России благополучно.

Незадолго до смерти императрицы, помимо юридической составляющей, желая узаконить статус регента в глазах населения, Бирон поставил дворян в такое положение, что они сами просили его стать регентом, собирали подписи и пошли с депутацией к Анне Иоанновне, которая в конце концов перед самой смертью подписала указ о его назначении [В борьбе за власть: Страницы полит. истории России. XVIII в., 1988, с. 29]. Но всё же смерть императрицы, наступившая 28 октября 1740 г., всё равно нарушила расстановку сил, и каждый из её подчинённых опасался потерять своё положение и начал бороться с теми, кто стал прибираться к своим рукам слишком много власти.

Многих не устраивал тот факт, что покойная императрица назначила регентом Э.И. Бирона, нажившего при дворе немало врагов [Анисимов, 2022, с. 203]. Тогда же Миних помог Бирону получить регентство и, по предположению ряда исследователей, задумался о его смещении, однако в тот момент они оба опасались, что без указа Анны к власти придёт цесаревна Елизавета Петровна, за которой имелась поддержка гвардейцев [Каменский, 1999, с. 170].

Широкой поддержки у фаворита покойной императрицы не было, к тому же Эрнст Бирон узнал о разговоре Антона Ульриха, и после разбирательств и покаяния принца он поругался с Анной Леопольдовной и пригрозил выслать её вместе с супругом в Германию, что сыграло против него в этот же день [Каменский, 1999, с. 171–172]. Вечером 20 ноября Миних с согласия Анны Леопольдовны приказал своему адъютанту К.Г. Манштейну арестовать Бирона, что было исполнено [История государства Российского: Жизнеописание. XVIII век, 1996, с. 202]. Всесильный фаворит был повержен, осуждён и в одночасье лишён всех чинов, званий, наград и имущества, после чего был сослан с семьёй в Пелым Тобольской губернии (его хотели казнить, но впоследствии казнь заменили ссылкой) [История государства Российского: Жизнеописание. XVIII век, 1996, с. 170].

В литературе устоялось мнение, что у Бурхарда Миниха выиграло тщеславие, т. к. его не устраивало занимаемое положение и награды, поскольку он хотел большего – получить звание генералиссимуса и обеспечить первенствующее положение при дворе [Анисимов,

2022, с. 199–200]. Анна Леопольдовна, ставшая фактически правительницей, и её супруг Антон Ульрих боялись усиления Миниха, а потому звание генералиссимуса получил Ульрих. Вместо этого Бурхард получил пост первого министра, что оскорбило его, т. к. за свержение Бирона он требовал для себя особых почестей и практически неограниченной власти.

После переворота Бурхард Миних сильно заболел и на время выбыл из политической игры, а когда он выздоровел, то увидел, что баланс сил при дворе из-за интриг Остермана заново поменялся. Андрей Остерман вернул себе иностранные дела, Черкасский и Головкин заполучили внутреннее управление, в результате чего у Миниха, как и при Бироне, в ведении осталось одно военное дело, но теперь он был вынужден подчиняться генералиссимусу Антону Ульриху, из-за чего между ними нередко происходили стычки. Тогда он вступил в открытую борьбу с Остерманом и Черкасским, что вызвало недовольство императрицы Анны Леопольдовны [В борьбе за власть: Страницы полит. истории России. XVIII в., 1988, с. 33].

Тогда обиженный генерал-фельдмаршал подал прошение об отставке, надеясь, что его попросят остаться, однако неожиданно для него отставку одобрили [Анисимов, 2022, с. 205]. Несмотря на то, что он уже был не у дел, это не спасло его от опалы, последовавшей после очередного дворцового переворота в 1741 г. Елизавета Петровна заменила Миниху смертную казнь ссылкой в сибирскую деревню Пелым, куда незадолго до этого сослали Бирона [Резниченко, 2020, с. 123]. Вместе с тем в начале её правления формируется крайне негативная оценка 14-летнего исторического периода со дня смерти Екатерины I и до воцарения Елизаветы (1727–1741) – это время оценивали исключительно как период мрака, упадка страны, что, в свою очередь, повлияло и на оценку ряда исторических деятелей данной эпохи, не исключая вышеназванных персон [Чижова, 2002, с. 74].

Так две влиятельнейшие фигуры, которые являются предметом нашего исследования, оказались низвергнуты, однако дальнейшая судьба каждого из них сложились по-разному и в то же время одинаково. Если Бирону в начале своего правления Елизавета Петровна, которой он, будучи при власти, оказывал помощь, разрешила переселиться в Ярославль (из-за того, что его не любили в обществе, она не рискнула его реабилитировать и запретила ему проживать в столицах) [Писаренко, 2014, с. 106], то Миних провёл 20 лет своей жизни в сибирской ссылке. Однако они оба своему полному восстановлению в правах были обязаны одному человеку.

Им стал занявший престол в 1762 г. племянник Елизаветы Петровны Пётр III Фёдорович, который амнистировал многих ранее наказанных лиц. Так он вернул из ссылки Миниха и Бирона, к которым относился по-разному, но при этом каждому из них были возвращены ранее отобранные звания и награды.

Монарх, реабилитируя данных политических деятелей, вопреки популярному мифу, руководствовался не германофильством, а определённым политическим расчётом. Б.К. Миниха он вернул, припоминая его боевые заслуги и близость к своему деду Петру I, а Э.И. Бирона – как в прошлом Курляндского герцога, с которым он связывал определённые политические планы [Мильников, 1991, с. 58–59]. Однако в управлении страной снова произошли перемены.

Так, в 1762 г. случился очередной дворцовый переворот, во время которого реабилитированный Миних остался верен действующему монарху, что также нашло отражение в русской поэзии [Соловьёв, 2000, с. 75]. Поэт А.С. Пушкин в стихотворении «Моя родословная», припоминая историю своего рода и повествуя о XVIII столетии, замечает, что его дед «Как Миних, верен оставался Паденью третьего Петра» [Пушкин, 1985, с. 493]. То есть Б.К. Миних у великого русского поэта ассоциировался с понятием чести и верности, хотя в дальнейшем Екатерина II простила его за это, а он ей дал присягу на верность. В свою очередь, Бирон тоже остался на плаву, Екатерина II вернула ему титул герцога Курляндского, который он через время передал своему сыну.

Головокружительная жизнь обоих иностранцев, полная взлётов и падений, завершилась спокойно: они оба были восстановлены в правах и в званиях, а также оба дожили до старости, но история каждого из них рассудила по-своему. Миних был назначен главнокомандующим важнейшими балтийскими портами – Ревельским, Нарвским,

Кронштадтским и над Ладожским каналом, а в 1767 г. он скончался на 85-м году жизни [История государства Российского: Жизнеописания. XVIII век, 1996, с. 180].

В свою очередь, Эрнст Бирон ненадолго пережил своего зачатого «друга». Царедворец скончался в 1772 г. в возрасте 82-х лет и завещал, чтобы его похоронили в орденском одеянии ордена Святого Андрея Первозванного, которым в 1730 г. его в начале своего правления наградила за поддержку и верную службу Анна Иоанновна [Строев, 1912, стб. 749].

Заключение

Таким образом, нами были рассмотрены и проанализированы конфликты интересов, в которых принимали участие 2 выдающихся иностранца, определявших как внутреннюю, так и внешнюю политику Российской империи: Бурхард Кристоф Миних и Эрнст Иоганн Бирон, достигли пика своей политической карьеры при Анне Иоанновне, не обделив их ни званиями, ни наградами. И, надо сказать, они оба, несмотря на придворные дразги, сделали достаточно многое для своей второй Родины.

Талант Миниха, инженера и управленца, позволил не прийти в упадок северной столице в то время, когда Петербург на время потерял статус центра, к тому же благодаря ему укрепилась хозяйственная система государства. Как военачальник вышеназванный политик провёл необходимые преобразования внутри армии и разрушил в русском сознании миф о непобедимости турок-османов, открыв дорогу к череде походов против беспокойного соседа и протоптав тропу для последующего присоединения Крыма. Вместе с тем из материалов его военных походов были сделаны выводы о необходимости развития в армии лёгкой конницы, а также немного была пересмотрена тактика.

Эрнсту Бирону же досталась в истории незавидная роль злого гения-интригана, однако по мере открытия и изучения всё новых и новых источников эпохи дворцовых переворотов данное оценочное суждение, составленное его недоброжелателями, пересматривается исследователями.

Со счетов не следует сбрасывать и то, что Бирон часто отказывался от наград, которые ему желала вручить императрица (так, орден Андрея Первозванного он принял по просьбе Анны Иоанновны только со второго раза, а многие денежные вознаграждения он так и не принял), благодаря его вмешательству из Тайной канцелярии были освобождены многие подозреваемые лица. а отдельным людям он помог продвинуться вперёд по служебной лестнице. Во внешней политике он защищал интересы России, отстаивая её принципиальные позиции. Стоит добавить и то, что Бирон, будучи герцогом Курляндским, проводил веротерпимую политику, стремился улучшить положение крестьян, а также покровительствовал евреям, что не устраивало местных феодалов [Строев, 1912, стб. 749].

Изучив данную тему, мы пришли к выводу, что укоренившееся в отечественной историографии мнение о засилье иностранцев и «бионовщина» как таковая в большей степени являются политическими мифами. Немцы не были большинством в управленческом аппарате, политические группировки не делились по национальному признаку, к тому же они тогда не являлись единой группой (вспомним, что Священная Римская империя германской нации была лоскутной конфедерацией). То есть мы (как справедливо заметил историк А. Каменский) имеем дело с борьбой за власть между старыми и новыми людьми у трона, в которую и были вовлечены Миних и Бирон [Каменский, 1999, с. 163].

Список литературы

- Анна Иоанновна. 1997. Шикман А.П. Деятели отечественной истории: Биограф. сл.-справ. В 2 кн.: А-К. Москва, Издательство АСТ-ЛТД: 34–36.
- Анисимов Е. В. 2022. Императорская Россия. Санкт-Петербург, Питер. 640 с.
- Бегунова А.И. 1992. Сабли остры, кони быстры...: Из истории русской кавалерии. Москва, Молодая гвардия. 256 с.

- В борьбе за власть: Страницы полит. истории России. XVIII в. 1988. Москва, Мысль. 606 с.
- Герцог Лирийский. 1989. Записки о пребывании при Императорском Российском дворе в звании посла короля Испанского. В кн.: Россия XVIII в. глазами иностранцев. Ред. Ю.А. Лимонов. Ленинград, Лениздат: 189–260.
- История государства Российского: жизнеописания. XVIII век. 1996. Ред. Е.А. Масалитина. Москва, Книжная палата. 445 с.
- Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. 1994. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. Москва, Российская политическая энциклопедия. 318 с.
- Каменский А. 1999. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. Москва, Новое литературное обозрение. 328 с.
- Кан А.С. 1999. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. Москва, Российский государственный гуманитарный университет. 359 с.
- Ключевский, В.О. 2021. Курс русской истории. Москва, Альфа-книга. 1197 с.
- Кузнецов А.А. 1985. Ордена и медали России. Москва, МГУ. 174 с.
- Лоранский А. М. 1900. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России: 1700–1900 гг. Санкт-Петербург, Типография инженера Г. А. Бернштейна. 207 с.
- Миних Б.Х. 1874. Записки фельдмаршала графа Миниха. Санкт-Петербург, Типография Безобразова и комп. 406 с.
- Мыльников А.С. 1991. Испытание чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Ленинград, Наука. 268 с.
- На Российском престоле. XVIII век. 1993. Под ред. Т. Сумарокова. Москва, Интерпракс. 384 с.
- Писаренко К.А. 2014. Елизавета Петровна. Москва, Молодая гвардия. 462 с.
- Пушкин А.С. 1985. Моя родословная. В кн.: Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: поэма. Москва, Художественная литература. С. 493.
- Резниченко А.Я. 2020. Империя протестантов. Россия XVI – первой половины XIX в. Москва, Эксмо. 176 с.
- Смирнов В.Г. 1993. Россия в бронзе: Памятник Тысячелетию России и его герои. Новгород, Русская провинция. 224 с.
- Соловьёв Б.И. 2000. Генерал-фельдмаршалы России. Ростов-на-Дону, Феникс. 382 с.
- Строев В. 1912. Бироны. Новый энциклопедический словарь. Т. 6. Санкт-Петербург, Типография акционерного общества «Брокгауз-Ефрон». Стб. 744–751.
- Чижова И.Б. 2002. Пять императриц: Петербургская культура XVIII века. Санкт-Петербург, Знание. 448 с.

References

- Anna Ioannovna. 1997. Shikman A.P. Deyateli otechestvennoj istorii: Biogr. sl.-sprav [Figures of National History: Biogr. Sl.-Reference]. V 2 kn.: A-K. Moskva, Izdatel'stvo AST-LTD: 34–36.
- Anisimov E. V. 2022. Imperatorskaya Rossiya [Imperial Russia]. Sankt-Peterburg, Piter. 640 p.
- Begunova A.I. 1992. Sabli ostry, koni bystry...: Iz istorii russkoj kavalerii [Sabers are sharp, horses are fast...: From the History of the Russian Cavalry]. Moskva, Molodaya gvardiya. 256 p.
- V bor'be za vlast': Stranicy polit. istorii Rossii. XVIII v. [In the Struggle for Power: Political Pages. The History of Russia. XVIII Century] 1988. Moskva, Mysl'. 606 p.
- Gercog Lirijskij. 1989. Zapiski o prebyvanii pri Imperatorskom Rossijskom dvore v zvanii posla korolya Ispanskog [Notes on his Stay at the Imperial Russian Court with the Rank of Ambassador of the King of Spain]. V kн.: Rossiya XVIII v. glazami inostrancev [Russia of the XVIII Century through the Eyes of Foreigners]. Red. Yu.A. Limonov. Leningrad, Lenizdat: 189–260.
- Istoriya gosudarstva Rossijskogo: zhizneopisaniya. XVIII vek [The History of the Russian State: Biographies. The XVIII Century]. 1996. Red. E.A. Masalitina. Moskva, Knizhnaya palata. 445 p.
- Zvyagincev A.G., Orlov Yu.G. 1994. Oko gosudarevo. Rossijskie prokurory. XVIII vek [The Eye of the Sovereign. Russian Prosecutors. XVIII Century]. Moskva, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya. 318 p.
- Kamenskij A. 1999. Rossijskaya imperiya v XVIII veke: tradicii i modernizaciya [The Russian Empire in the 18th Century: Traditions and Modernization]. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.
- Kan A.S. 1999. Shveciya i Rossiya v proshlom i nastoyashchem [Sweden and Russia in the past and present]. Moskva, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. 359 p.
- Klyuchevskij V.O. 2021. Kurs russkoj istorii [The Course of Russian History]. Moskva, Al'fa-kniga. 1197 p.

- Kuznecov A.A. 1985. Ordena i medali Rossii [Orders and Medals of Russia]. Moskva, MGU. 174 p.
- Loranskij A. M. 1900. Kratkij istoricheskij ocherk administrativnyh uchrezhdenij gornogo vedomstva v Rossii: 1700–1900 gg. [A Brief Historical Sketch of the Administrative Institutions of the Mining Department in Russia: 1700–1900] Sankt-Peterburg, Tipografiya inzhenera G.A. Bernshtejna. 207 p.
- Minih B.H. 1874. Zapiski fel'dmarshala grafa Miniha [Notes of Field Marshal Count Minich]. Sankt-Peterburg, Tipografiya Bezobrazova i komp. 406 p.
- Myl'nikov A.S. 1991. Iskushenie chudom: «Russkij princ», ego prototipy i dvojniki-samozvancy [The Temptation by a Miracle: The "Russian Prince", his Prototypes and Impostor Doppelgangers]. Leningrad, Nauka. 268 p.
- Na Rossijskom prestole. XVIII vek [On the Russian Throne. The XVIII Century]. 1993. Pod red. T. Sumarokova. Moskva, Interpraks. 384 p.
- Pisarenko K.A. 2014. Elizaveta Petrovna [Elizabeth Petrovna]. Moskva, Molodaya gvardiya. 462 p.
- Pushkin A.S. 1985. Moya rodoslovnaya. V kn.: Pushkin A.S. Sochineniya [My Pedigree. In: Pushkin A.S. Essays]. V 3-h t. T. 1. Stihotvoreniya; Skazki; Ruslan i Lyudmila: poema [Poems; Fairy Tales; Ruslan and Lyudmila: a Poem]. Moskva, Hudozhestvennaya literature: 493.
- Reznichenko A.Ya. 2020. Imperiya protestantov. Rossiya XVI – pervoj polviny XIX v. [The Protestant Empire. Russia of the XVI – the First Half of the XIX Century]. Moskva, Eksmo. 176 p.
- Smirnov V.G. 1993. Rossiya v bronze: Pamyatnik Tysyacheletiyu Rossii i ego geroi [Russia in Bronze: Monument to the Millennium of Russia and its Heroes]. Novgorod, Russkaya provinciya. 224 p.
- Solov'yov B.I. 2000. General-fel'dmarshaly Rossii [General Field Marshals of Russia]. Rostov-na-Donu, Feniks. 382 p.
- Stroev V. 1912. Birony. Novyj enciklopedicheskij slovar' [Biron Family. The New Encyclopedic Dictionary]. T. 6. Sankt-Peterburg, Tipografiya akcionernogo obshchestva «Brokgauz-Efron». Stb. 744–751.
- Chizhova I.B. 2002. Pyat' imperatric: Peterburgskaya kul'tura XVIII veka [Five Empresses: St. Petersburg Culture of the XVIII Century]. Sankt-Peterburg, Znanie. 448 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.02.2025

Received 26.02.2025

Поступила после рецензирования 10.03.2025

Revised 10.03.2025

Принята к публикации 12.03.2025

Accepted 12.03.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шевцов Николай Владимирович, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0008-9676-0747](https://orcid.org/0009-0008-9676-0747)

Nikolay V. Shevtsov, Postgraduate Student of the Department of Russian History and Records Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Кулабухов Владимир Семёнович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-1548-4680](https://orcid.org/0000-0002-1548-4680)

Vladimir S. Kulabuhov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Records Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(47).08

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-137-144

Оригинальное исследование

Материальное обеспечение учителей Кубанской области во второй половине XIX века

Шатохин И.Т. , Мартыненко С.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: shatohin@bsuedu.ru, sergeyMatynenko1992@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические условия жизни учителей Кубанской области во второй половине XIX века. Исследование базируется на архивных документах, материалах и сведениях, опубликованных в справочных изданиях и периодической печати Кубанской области изучаемого периода. Анализ привлеченных источников осуществлен на основе общенаучных и специальных исторических методов: историко-сравнительного метода, контент-анализа, статистического метода. Авторы анализируют размер жалования учителей различных учебных заведений, условия их труда, сравнивают материальное положение учителей с доходами иных категорий населения Кубанской области, дают оценку доходов учителей различных образовательных заведений через возможности покупок тех или иных товаров и услуг. Выявлены негативные обстоятельства, с которыми сталкивались учителя рассматриваемого региона (несвоевременная оплата труда, негативное отношение местных жителей), и сделана попытка объяснения этих проблем.

Ключевые слова: Кубанская область, образование, учительство, жалование, материальное обеспечение

Для цитирования: Шатохин И.Т., Мартыненко С.В. 2025. Материальное обеспечение учителей Кубанской области во второй половине XIX века. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 137–144. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-137-144

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Financial Support for Teachers of the Kuban Region in the Second Half of the 19th Century

Ivan T. Shatokhin , Sergey V. Martynenko

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308007, Russia

E-mail: shatohin@bsuedu.ru, sergeyMatynenko1992@yandex.ru

Abstract. The article examines the socio-economic living conditions of teachers of the Kuban region in the second half of the 19th century. The research is based on archival documents, materials and information published in reference publications and periodicals of the Kuban region of the studied period. The analysis of the sources involved was carried out on the basis of general scientific and special historical methods: historical and comparative method, content analysis, statistical method. The authors analyze teachers' salary at various educational institutions, their working conditions, compare the financial situation of teachers with the incomes of other categories of the population of the Kuban region, and assess the income of teachers of various educational institutions through the purchase of certain goods and services. The negative circumstances faced by teachers in the region under consideration (late payment, negative attitude of local residents) have been identified, and an attempt has been made to explain these problems.

Keywords: Kuban region, education, teaching, salary, financial support

For citation: Shatokhin I.T., Martynenko S.V. 2025. Financial Support for Teachers of the Kuban Region in the Second Half of the 19th Century. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 137–144 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-137-144

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Во второй половине XIX века уклад жизни жителей, населявших образованную 8(20) февраля 1860 г. Кубанскую область, кардинальным образом начинает меняться. Завершение Кавказской войны 21 мая (2 июня) 1864 г. ознаменовало начало нового этапа социально-экономического развития региона. Произошел взрывной рост численности населения в Кубанской области. Если в 1873 году число проживающих здесь составляло 733 043 чел. обоюго пола⁵⁵, то в 1881 году оно почти удвоилось и составило 1 408 718 чел.⁵⁶ В следующие годы рост населения стабилизировался, и к 1897 году в области проживало уже 1 773 690 чел.⁵⁷ Социально-экономическое развитие региона после завершения Кавказской войны перешло на рельсы мирной созидательной жизни, что повлекло за собой формирование в Кубанской области стандартных для внутренних губерний гражданских структур управления, в том числе и учреждений образования.

Наиболее сложной задачей было решение проблемы привлечения в учебные заведения разного уровня учительских кадров, а также и обеспечение финансирования их деятельности. Изучение доходов и материального положения учителей Кубанской области в XIX веке актуально по нескольким причинам. Во-первых, это позволяет понять социально-экономические условия и статус образования в регионе в рассматриваемый период. Во-вторых, анализируя размер жалования и материального положения учителей, можно выявить тенденции в развитии образовательной системы, социальной справедливости и государственной поддержки образования. В-третьих, исследования в этой области помогают осветить изменения в условиях труда учителей, что актуально для современных дискуссий о реформах в образовании.

Объект и методы исследования

Проблема доходов и качества материального положения учителей Кубанской области в XIX веке изучена не столь глубоко, как другие аспекты социальной истории изучаемого региона. Исследования в данной области присутствуют, но они часто являются частью более широких работ по истории образования или социальной политики [Гордейчук, 2007; Емельянов, 2006]. Более детально различные аспекты материального положения и повседневной жизни кубанского учительства рассмотрены в ряде специальных работ исследователей изучаемого региона [Штурба В.А., Штурба Е.В., 2011; Акоева, Заева, 2015; Чикаева, 2019]. Представляют интерес работы ученых, изучавших развитие образования в казачьих поселениях других регионов Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Рассмотрены вопросы создания и деятельности таких образовательных учреждений на территории Терского казачьего войска [Бесолова, 2008], в Оренбургской губернии [Михашенко, 2007], в Сибири [Колупаев, 2008; Ермачкова, 2013], на Дальнем Востоке [Кузина, Андрианов, 2013; Белоглазова, 2015].

Источниковой базой для изучения материального положения и доходов учителей Кубанской области в рассматриваемый период стали документы из фондов

⁵⁵ Памятная книжка Кубанской области. 1874 г. Екатеринодар, 1873. С. 232.

⁵⁶ Памятная книжка Кубанской области. 1881 г. Екатеринодар, 1881. С. 96.

⁵⁷ Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар, 1898. С. 6.

Государственного архива Краснодарского края, справочные издания и материалы периодической печати Кубанской области. Для анализа указанных источников авторы использовали общенаучные и специальные исторические методы: историко-сравнительный метод – для сопоставления материального обеспечения в разных регионах или периодах; контент-анализ – для изучения печатных материалов того времени (газет, отчетов); интерпретацию статистических данных – для оценки динамики уровня заработной платы и других условий труда.

Результаты и их обсуждение

Ежегодный оклад учителей в 1860-е гг. зависел от разных факторов: статуса образовательного учреждения, уровня и качества образования учителя, совмещения им основной деятельности с другими занятиями в образовательном учреждении. Так, учителя Кубанской войсковой гимназии коллежский асессор Николай Воронов, титулярные советники Николай Архипов и Николай Стоянов имели жалование 700 руб. в год⁵⁸. За их спинами было обучение в университетах. Архипов окончил со степенью кандидата Санкт-Петербургский университет, Стоянов – со степенью кандидата Харьковский университет. При поступлении на работу им был выплачен годовой оклад и двойные прогонные. Младший учитель русского языка, коллежский секретарь, выпускник юридического факультета все того же Харьковского университета Федор Зартецкий имел жалование 550 руб. в год, однако в общем он получал больше, чем Архипов и Стоянов, поскольку имел надбавку за исполнение обязанностей комнатного надзирателя в размере 300 руб. в год⁵⁹, соответственно, ежегодное денежное содержание Зартецкого составлял 850 руб. в год.

Гораздо ниже жалования были у учителей окружных училищ. Например, жалование учителя Полтавского окружного училища губернского секретаря Антона Бабкина⁶⁰, окончившего Кубанскую войсковую гимназию, составляло 350 руб. в год, как и у учителя Уманского окружного училища, титулярного советника Александра Пристайко⁶¹. Такое же жалование было и у окончившего Таганрогскую гимназию губернского секретаря Ивана Говорова, преподававшего в Ейском уездном училище⁶².

Жалование учителей в окружных училищах не являлись самыми низкими по области. В стенах Таманского и Екатеринодарского первоначальных училищ хорунжий Михаил Федотов и сотник Николай Голуб получали по 250 руб. в год⁶³, при этом никаких доплат они не имели, как и учитель Темрюкского первоначального училища Михаил Загинайко с таким же жалованием 250 руб. У учителя Армавирского армянского первоначального училища губернского секретаря Ивана Таманшева был такой же размер жалования. Законоучитель Вардан Каспаров и учитель армянского языка Калуст Миньев, трудившиеся в этом же училище, получали по 60 руб. в год.⁶⁴ По штату в Дмитриевской школе учитель согласно штатному расписанию получал 200 руб.⁶⁵

Таким образом, в 60-е гг. XX века на Кубани жалование учителя гимназии составляло 700 руб. в год, окружного учителя – 350 руб., а учителя первоначальных училищ – 200–250 руб. Не составит труда подсчитать, что ежемесячная оплата в таком случае составит у учителя гимназии – 58,3 руб., окружного учителя – 29,17 руб., а у учителя первоначальных училищ – 16,67–20,83 руб.

Священнослужители же, преподававшие в школах, получали минимальные оклады. Ранее упомянутые законоучитель Армавирского первоначального училища Вардан Каспаров

⁵⁸ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 492. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

⁵⁹ ГАКК. Ф. 492. Оп. 1. Д. 3. Л. 40.

⁶⁰ ГАКК. Ф. 492. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.

⁶¹ ГАКК. Ф. 492. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.

⁶² ГАКК. Ф. 492. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

⁶³ ГАКК. Ф. 492. Оп. 1. Д. 3. Л. 29–30.

⁶⁴ ГАКК. Ф. 492. Оп. 1. Д. 3. Л. 48.

⁶⁵ Кубанские войсковые ведомости. 1865. № 45. С. 3.

и учитель армянского языка Калуст Миньев имели жалование в 60 руб., такая же сумма предписывалась для выплаты по штату и в Дмитриевской школе, а 40 руб. выплачивались дьякону⁶⁶.

Для того чтобы понять возможности покупательской способности учителей из разных школ, приведем пример с возможностью приобретения недвижимого имущества. Дом турлучный с 4 комнатами, принадлежащий сотнику Ивану Гвоздика в 1865 г., продавался по цене 608 руб. 55,5 коп.⁶⁷ Накопить на него могли за год, пожалуй, только лишь учителя гимназии, при условии, что не будут совершать крупных трат. Учителю из окружного училища пришлось бы откладывать 2 года, а окружному – 3 года и 2 месяца. Кроме того, учителя в гимназиях могли оформить 152 подписки на Кубанские войсковые ведомости, на 467 сборников Всеобщей истории в 3-х частях. Учитывая тот факт, что к середине 60-х гг. XIX века четверть муки (5 пудов) стоила 6–8 руб. [Волков, 1993, 229]. Купить ее учитель гимназии мог, отработав 4 дня, окружной учитель – за 7–9 дней, а учителю первоначального училища понадобилось бы на это до 16 дней.

В сравнении с другими категориями учителя далеко не всегда имели преимущество в оплате своего труда. Хотя в сравнении с годовым содержанием фельдшеров в Кубанской области учительские доходы были вполне достойными. Оплата труда фельдшеров здесь в середине 60-х годов XIX века составляла 25 руб. 35 коп., к которым добавлялось жалование от казны войска 23 руб. 55 коп. и приварочные деньги 5 руб. 21,5 коп.⁶⁸ Таким образом, войсковой фельдшер в год в общей сложности получал 54 руб. 11,5 коп.

Сравнительный анализ жалования учителей, занимавших классные чины в Табеле о рангах с XII по IX, с жалованием офицеров русской императорской армии, имевших аналогичные классные, показывает обратную ситуацию. Учитель – губернский секретарь (XII класс) – в окружном училище получал в год 350 рублей, в то время как поручик – 695 руб. [Волков, 1993, 345], что было в 1,9 раза больше. Учитель – коллежский секретарь (X класс) – в гимназии получал 550 руб., в то время как штабс-капитан – 1 305 руб. [Волков, 1993, 345], что в 2,5 раза больше. Учитель – титулярный советник (IX класс) в гимназии получал жалование в размере 700 руб., в то время как капитан – 1 332 руб. [Волков, 1993, 345], что в 1,9 раза больше. Таким образом, мы можем говорить о том, что жалование в армии превышало практически в 2 раза жалование учителей.

В июне 1873 г. состоялось совещание уездных начальников и инспекторов народных училищ, проходившее под председательством атамана Кубанского казачьего войска Н.Н. Кармалина. На этом собрании обсуждались меры, направленные на развитие народного образования в Кубанской области. На совещании было принято решение о введении определённого жалования для учителей в каждой станице. При этом учителям предоставлялась готовая квартира с отоплением и прислугой. Размер жалования зависел от благосостояния станицы: для зажиточных станиц оно составляло 300 руб., для средних – 200–250 руб., а для бедных – менее 200 руб. [Чикаева, 2019; Гордейчук, 2007, 152].

Разделение станиц на разряды было поручено уездным начальникам с учётом мнения местных обществ. По результатам местных станичных совещаний, 118 станиц приняли решение установить жалование учителю в размере 300 руб. в год при готовой квартире с отоплением и прислугой. 36 станиц установили жалование в размере 200–250 руб., а остальные станицы и посёлки, расположенные в нагорной полосе, установили жалование в размере 100–150 руб. [Штурба В.А., Штурба Е.В., 2011, 59–64].

К 1881 г. жалование учителей повышается, что, вероятно, можно связать как с некоторым ростом благосостояния местного населения, так и с инфляционными процессами в экономике страны. В занимавшей промежуточное положение между

⁶⁶ Кубанские войсковые ведомости. 1865. № 45. С. 2.

⁶⁷ Кубанские войсковые ведомости. 1865. № 8. С. 3.

⁶⁸ Кубанские войсковые ведомости. 1865. № 9. С. 5.

начальным и средним образованием Лабинской городской школе учитель-надзиратель Иван Илларионович Кузьмин имел жалование 400 руб. и квартирных 120 руб., получая таким образом 520 руб. в год. Аналогичное жалование было и у другого учителя-надзирателя данной школы Ивана Васильевича Головки⁶⁹. Учитель Майкопского трехклассного училища Федор Домашевский имел жалование 350 руб., столовых – 190 р. и квартирных – 75 руб. Общий доход за год составил 615 руб.⁷⁰ Таким образом, в среднем ежемесячный заработок в Лабинской городской школе составлял 43 руб. 30 коп., в Майкопском училище – 51 руб. 25 коп. Эти доходы существенно уступали оплате учительского труда в казачьих школах Оренбургской губернии, где жалование учителей составляло в среднем не менее 80 руб. в месяц [Михащенко, 2007, 12]. Кроме того, официально в 80-х годах XIX века учителям выделялось 50 пудов муки (800 кг), предоставлялась квартира с отоплением и освещением [Симагин, 1888, 392].

Однако на те деньги, которые ежемесячно получали учителя в Кубанской области в 80-х годах XIX века, они могли позволить себе поездки в столицу или другие города. Так, учитель Майкопского трехклассного училища Федор Домашевский мог купить билет от станции Кавказская в поезде 3 классом до Москвы (20 руб. 22 коп.) или Санкт-Петербурга (30 руб. 18 коп.⁷¹). Более доступным являлось путешествие на пароходе по р. Кубань от Екатеринодара до Темрюка. 1-м классом можно было доплыть за 6 руб. 50 коп.⁷² Непозволительной роскошью было путешествие по Черному морю из Керчи до Одессы 3-м классом, на это понадобилось бы 520 руб.⁷³

Доходы учителей в Кубанской области в 80-х годах XIX века значительно превосходили деньги, зарабатываемые семьями казаков от различных промыслов. Например, казачьи семьи, которые были заняты в выращивании винограда, получали около 110 руб. в год [Ржевусский, Максимов, 2014, 313]. Заработок на овощах в различные годы мог достигать 80–100 руб. на семью [Ржевусский, Максимов, 2014, 319]. Хозяин невода в ст. Дубовской зарабатывает в год 150 руб., три его пайщика – по 50 руб. [Ржевусский, Максимов, 2014, 320].

Таким образом, можно говорить о том, что ежегодный доход учителей Кубанской области превосходил доходы от различных промыслов, причем годовой доход всей семьи.

Когда жалование учителей определялось и выдавалось станичным обществом, у учителя не было гарантии и уверенности в том, что жалование это он будет получать своевременно и в полном объеме. Исследователи отмечали неоднократные случаи задержек в выплате жалования учителям в казачьих станицах Кубанской области в рассматриваемый период. Например, в ст. Новоминской «жалование учитель получает неисправно – по 3–4 руб. за раз; здание содержится грязно. В ст. Калниболотской учитель за все время с 1 июля по 25 мая получил только 50 руб., а в ст. Костромской учитель в течение семи месяцев подряд не получал и вовсе своего жалования. В ст. Губской учительница также не получала жалованье в течение полугода» [Акоева, Заева, 2015, 15].

Жалование учителей являлось нефиксированным. В большинстве станиц области учителям старались платить минимальное жалование. Низкая оплата труда учителям являлась основной причиной частой смены учителей в станицах. Этот фактор – один из важных недостатков народного образования в Кубанском казачьем войске к началу XX века [Емельянов, 2006, 117].

⁶⁹ ГАКК. Ф 492. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Кубанская справочная книжка. Екатеринодар, 1883. С. 159.

⁷² Там же. С. 161.

⁷³ Там же. С. 160.

Заключение

Становление образовательной среды в новом регионе Российской империи – Кубанской области – предполагало создание здесь тех же разнообразных образовательных учреждений, которые существовали в центральных губерниях. Однако это не исключало учета местной специфики, связанной как с определенными сложностями по формированию учительского корпуса, так и по источникам финансирования, особенно низших учебных заведений. Если создававшиеся гимназии предполагали четко установленные нормы оплаты труда привлекаемых преподавателей, то жалование учителей других учреждений, особенно в станицах, как правило, выплачивало местное общество. Поэтому размер жалования, качество предоставляемого жилого помещения зависели от зажиточности местного населения, что не могли не учитывать местные власти Кубанской области, нормативно закрепляя размер жалования для станиц с разным уровнем достатка населения. Однако и такое нормативное закрепление материального обеспечения не гарантировало учителям своевременную выплату жалования и качественное жилье. Тем не менее, несмотря на имевшиеся сложности, число образовательных учреждений росло, увеличивалась и численность учительских кадров. Размер жалования и иных мер поддержки зависел от статуса образовательного учреждения, уровня образования учителя, а потому качество материального обеспечения учителей и возможности для реализации своего развития у них были разными, и порой доходы даже у низкооплачиваемой части кубанского учительства превосходили доходы местного населения, занятого сельскохозяйственным трудом.

Список источников

- Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 492. Екатеринодарское духовное училище Ставропольской епархии, г. Екатеринодар Кубанской области. Оп. 1. Д. 3.
Кубанская справочная книжка на 1883. Екатеринодар, 1883. 266 с.
Кубанские войсковые ведомости. 1865. № 8, 9, 45.
Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар, 1898. 243 с.
Памятная книжка Кубанской области на 1874 год. Екатеринодар, 1873. 263 с.
Памятная книжка Кубанской области, издание 1881 года. Екатеринодар, 1881. 341 с.

Список литературы

- Акоева Н.Б., Заева Н.И. 2015. Повседневная жизнь кубанского учителя во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам краевых газет). *Историческая и социально-образовательная мысль*. 7(2): 13–17.
Белоглазова С.Е. 2015. Казачьи школы Тихоокеанской России в контексте реформ XIX века. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2: 42–51.
Бесолова А.А. 2008. Учебно-просветительская деятельность Терского казачьего войска во второй половине XIX в. и до 1918 г. *Известия Алтайского государственного университета*. 4–3: 21–25.
Волков С.В. 1993. Русский офицерский корпус. Москва, Воениздат. 367 с.
Гордейчук О.В. 2007. Кубанская область в период правления Н.Н. Кармалина: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар. 207 с.
Емельянов Ю.Н. 2006. Генезис и региональные особенности сословной ментальности кубанского казачества (конец XVIII – 30-е гг. XX в): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар. 192 с.
Ермачкова Е.П. 2013. К вопросу об организации народного образования в Сибирском казачьем войске в дореволюционный период. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 1(22): 54–60.
Колупаев Д.В. 2008. Образование в поселениях сибирского казачества во второй половине XIX века. *Известия Алтайского государственного университета*. 4–4(60): 106–112.
Кузина И.Л., Андрианов И.К. 2013. Развитие системы школьного образования в казачьей среде Приамурья и Приморья в конце XIX – начале XX в. *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. 4: 24–30.

- Михашенко А.Л. 2007. Учительство казачьих школ Оренбургской губернии. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 1: 11–14.
- Ржевусский Е.Д., Максимов Е.Д. 2014. Терское казачье войско. Москва, Вече. 397 с.
- Симагин В. 1888. Учреждение казачьих школ в Оренбургском казачьем войске. *Военный сборник*. 183(9–10): 391–399.
- Чикаева Д.И. 2019. Материальная обеспеченность учебных заведений Кубанской области во второй половине XIX – начале XX вв. *Общество: философия, история, культура*. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.27> (дата обращения: 01.12.2024 г.)
- Штурба В.А., Штурба Е.В. 2011. Развитие казачьего народного образования в Кубанской области во второй половине XIX в. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 5(10): 59–64.

References

- Akoeva N.B., Zaeva N.I. 2015. Povsednevnaia zhizn' kubanskogo uchitelja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (po materialam kraevykh gazet) [Everyday Life of a Kuban Teacher in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (Based on Materials from Regional Newspapers)]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*. 7(2): 13–17.
- Beloglazova S.E. 2015. Kazach'i shkoly Tihookeanskoj Rossii v kontekste reform XIX veka [Cossack Schools of Pacific Russia in the Context of the 19th Century Reforms]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovanija*. 2: 42–51.
- Besolova A.A. 2008. Uchebno-prosvetitel'skaja dejatel'nost' Terskogo kazach'ego vojska vo vtoroj polovine XIX v. i do 1918 g. [Educational and Training Activities of the Terek Cossack Army in the Second Half of the 19th Century and up to 1918]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–3: 21–25.
- Volkov S.V. 1993. Russkij oficerskij korpus [Russian Officer Corps]. Moscow, Voenizdat. 367 p.
- Gordejchuk O.V. 2007. Kubanskaja oblast' v period pravlenija N.N. Karmalina [Kuban Region during the Reign of N.N. Karmalin]: dis. ...kan. ist. nauk. Krasnodar. 207 s.
- Emel'janov Ju.N. 2006. Genezis i regional'nye osobennosti soslovnoj mental'nosti kubanskogo kazachestva (konec XVIII – 30-e gg. XX v) [Genesis and Regional Features of the Class Mentality of the Kuban Cossacks (late 18th – 1930s)]: dis. ...kand. ist. nauk. Krasnodar. 192 p.
- Ermachkova E.P. 2013. K voprosu ob organizacii narodnogo obrazovanija v Sibirskom kazach'em vojske v dorevoljucionnyj period [On the Issue of Organizing Public Education in the Siberian Cossack Army in the Pre-Revolutionary Period]. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1(22): 54–60.
- Kolupaev D.V. 2008. Obrazovanie v poselenijah sibirskogo kazachestva vo vtoroj polovine XIX veka [Education in the Settlements of the Siberian Cossacks in the Second Half of the 19th Century]. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–4(60): 106–112.
- Kuzina I.L., Andrianov I.K. 2013. Razvitie sistemy shkol'nogo obrazovanija v kazach'ej srede Priamur'ja i Primor'ja v konce XIX – nachale XX v. [Development of the School Education System in the Cossack Environment of the Amur and Primorsky Regions in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*. 4: 24–30.
- Mihashhenko A.L. 2007. Uchitel'stvo kazach'ih shkol Orenburgskoj gubernii [Teachers of Cossack Schools of the Orenburg Province]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1: 11–14.
- Rzhevusskij E.D., Maksimov E.D. 2014. Terskoe kazach'e vojsko [Terek Cossack Army]. Moscow, Vechе. 397 p.
- Simagin V. 1888. Uchrezhdenie kazach'ih shkol v Orenburgskom kazach'em vojske [Establishment of Cossack Schools in the Orenburg Cossack Army]. *Voennyj sbornik*. 183(9–10): 391–399.
- Chikaeva D.I. 2019. Material'naja obespechennost' uchebnykh zavedenij Kubanskoj oblasti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Material Security of Educational Institutions of the Kuban Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura*. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.27> (data obrashhenija: 01.12.2024 g.)
- Shturba V.A., Shturba E.V. 2011. Razvitie kazach'ego narodnogo obrazovanija v Kubanskoj oblasti vo vtoroj polovine XIX v. [Development of Cossack Public Education in the Kuban Region in the Second Half of the 19th Century]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*. 5(10): 59–64.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.03.2025
Поступила после рецензирования 15.03.2025
Принята к публикации 17.03.2025

Received 04.03.2025
Revised 15.03.2025
Accepted 17.03.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шатохин Иван Тихонович, кандидат исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-4686-3560](https://orcid.org/0000-0002-4686-3560)

Мартыненко Сергей Владимирович, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0001-1182-9047](https://orcid.org/0009-0001-1182-9047)

Ivan T. Shatokhin, Candidate of Sciences in History, Professor of the Department of Russian History and Records Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Sergey V. Martynenko, PhD Student of the Department of Russian History and Records Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 93/94+379.8

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-145-154

Оригинальное исследование

Личная жизнь политических ссыльных на Европейском Севере России в кон. XIX – нач. XX в.

Петербургский М.Ю.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

Россия, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

E-mail: mpeterburgsky@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению личной жизни политических ссыльных северных губерний России на рубеже XIX–XX вв. Опираясь на материалы печати, воспоминания и архивную документацию, автор анализирует различные стратегии выстраивания личной жизни в условиях ссылки. Сделан вывод, что многие романтические союзы, которые завязывались в ссылке, были основаны не только на личной симпатии, но и на родстве политических убеждений. Таким союзам способствовали общие идеалы, совместная революционная работа, проживание в условиях скученности. Показано, что вдали от губернских городов поведение ссыльных в области межполового взаимодействия зачастую было девиантным (внебрачное сожительство, беспорядочные половые связи), а иногда и делинквентным (сексуальное насилие и проституция). Местное население реагировало на нравы и привычки ссыльных настороженно, но со временем все же частично перенимало их практики, например, гражданский брак.

Ключевые слова: брак, Европейский Север России, личная жизнь, мораль, политические ссыльные, революционное движение

Для цитирования: Петербургский М.Ю. 2025. Личная жизнь политических ссыльных на Европейском Севере России в кон. XIX – нач. XX в. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 145–154. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-145-154

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Personal Life of Political Exiles in the European North of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries

Mikhail Yu. Peterburgsky

Demidov Yaroslavl State University,

14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russia

E-mail: mpeterburgsky@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of political exiles' private life in Russia's northern provinces at the turn of the 19th and 20th centuries. Based on newspapers, memoirs and archival documentation, the author analyzes various strategies for building personal life in exile. It is concluded that many romantic unions that formed in exile were based not only on mutual attraction, but also on shared political beliefs. Such unions were facilitated by common ideals, joint revolutionary work, and living in crowded conditions. It is shown that far from Governorate capitals, the behavior of exiles in inter-gender interaction was often deviant (extramarital cohabitation, promiscuous sexual relations), and sometimes delinquent (sexual violence and prostitution). The local population reacted to the mores and habits of the exiles with caution, but over time they still partially adopted their practices, for example, informal marriage.

Keywords: marriage, European North of Russia, personal life, morality, political exiles, revolutionary movement

© Петербургский М.Ю., 2025

For citation: Peterburgsky M.Yu. 2025. The Personal Life of Political Exiles in the European North of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 145–154 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-145-154

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

История массового революционного движения в России кон. XIX – нач. XX в. является одной из самых популярных областей научных изысканий отечественных историков с момента становления советского государства. Высочайший интерес к этой теме сохраняется и сегодня. Примыкающей к ней областью исследований является история административной политической ссылки – история жизнедеятельности революционеров и случайных лиц, обвиненных в революционной пропаганде и удаленных властями из столиц и столичных губерний на строго означенный период (от 1 до 5 лет) в административном порядке.

Советская историография политической ссылки представлена главным образом трудами, посвященными политической активности ссыльных, которая проявлялась в их подпольной революционной работе. Работы постсоветского периода чаще касаются правового и экономического положения политических ссыльных, социального и партийного состава ссылки, занятий ссыльных. В то же время число научных исследований, уделяющих внимание аспектам личной жизни политических ссыльных, очень невелико. Впрочем, следует отметить, что если в советское время эти вопросы считались глубоко вторичными, то сейчас, когда микроистория и гендерная история пользуются заслуженным вниманием специалистов, число таких исследований растет. Так, среди наиболее примечательных работ следует назвать совместную монографию Т.А. Сабуровой и Б. Эклофа «Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов», вышедшую в издательстве «НЛО» в 2016 году [Сабурова, Эклоф, 2016]. Отдельные параграфы кандидатских диссертаций С.Ю. Овечкиной и О.В. Ванюшиной посвящены личной жизни административно-ссыльных женщин, находившихся под гласным надзором полиции в Архангельской и Тверской губерниях [Овечкина, 2005; Ванюшина, 2016]. Некоторые аспекты личной жизни революционерок-народниц в сибирской ссылке затрагивает в своей кандидатской диссертации О.Н. Кондакова [Кондакова, 2002].

Большинство работ, обращаясь к проблеме организации личной жизни политических ссыльных, касаются истории сибирской ссылки. В отношении административно-ссыльных европейских губерний России эти аспекты повседневности изучены недостаточно. В настоящей статье ставится задача показать, по какой логике и под влиянием каких факторов развивались индивидуальные и коллективные стратегии выстраивания личной жизни политическими ссыльными Европейского Севера России.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является личная жизнь политических ссыльных, высланных административным порядком в губернии Европейского Севера России. Предмет исследования – индивидуальные и коллективные особенности организации личной жизни политических ссыльных в контексте их адаптации к условиям ссылки.

Хронология исследования охватывает период с кон. XIX по нач. XX в. Географические рамки исследования включают Вологодскую и Архангельскую губернии, административная ссылка в которые после революции 1905–1907 гг. приобрела массовый характер.

Источниковой основой статьи выступили воспоминания современников, материалы периодической печати, а также ранее неопубликованные архивные материалы из фонда

губернского жандармского управления Вологодской губернии, выявленные нами в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО, ф. 108). Большинство архивных материалов, используемых в статье, представляют собой перлюстрированные письма административно-ссылных и содержат любопытную информацию об организации личной жизни как в колониях политссылных, так и на уровне отдельных лиц. Эти письма, по нашему мнению, обладают исключительно высокой источниковедческой ценностью, тогда как другие источники содержат или достаточно скудную (мемуары), или в определенной степени предвзятую (промонархическая дореволюционная периодика) информацию об этой стороне жизни ссылных.

Методологической основой исследования стали принципы историзма и объективизма, метод контент-анализа (в работе с источниками личного происхождения), историко-биографический и статистический методы. Центральным, объединяющим методом исследования стал микроисторический метод, посредством которого явилось возможным исследование индивидов, их социальных связей и стратегий поведения в рамках отдельных территорий в течение небольшого промежутка времени [Минский, 2009, с. 71]. В исследовании применялись также общенаучные методы, такие как анализ, синтез и обобщение.

Результаты и их обсуждение

Административная ссылка политически неблагонадежных лиц в отдаленные губернии России стала на рубеже XIX–XX вв. инструментом, широко используемым царской властью в целях нормализации политической обстановки в империи. Нормативные основы административной ссылки устанавливались «Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Большая часть решений о высылке лиц принималась Особым совещанием при МВД, кроме того, принятие таких решений в ряде случаев входило в компетенцию генерал-губернаторов и градоначальников. Наиболее популярным направлением административной ссылки исторически являлась Восточная Сибирь, однако с началом русско-японской войны и поражением первой русской революции 1905–1907 гг. ссылных, предназначенных для следования в Сибирь, стали размещать в губерниях Европейского Севера России. В местах водворения ссылные подчинялись гласному надзору полиции, ограничивались в правах и свободном передвижении.

Ввиду различных обстоятельств вместе со ссылным к определенному для него месту отбывания гласного надзора следовала его семья. Так, активный участник революции 1905 г., социал-демократ А.А. Андреев в марте 1911 г. прибыл в ссылку вместе с семейством. Андреевы, расквартированные сначала в Никольске, а затем переведенные в Великий Устюг, стали самой многочисленной семьей среди ссылных – у них было пятеро детей. Младшая дочь Андреева родилась в ссылке [Советская мысль, 1973, 2 октября, с. 2–3]. Под гласным надзором полиции в Вологде в 1902–1903 гг. с семьей находился известный революционер и писатель Борис Савинков. Вместе с женой Верой и двумя детьми Савинков занимал меблированные комнаты рядом с местным католическим храмом [Русский Север. Пятница, 2006, 25 октября, 1 ноября, 8 ноября, с. 18–19; 23]. Семейные ссылные считались самой надежной категорией политссылных. Они имели «более всего побудительных причин чуждаться бродячей жизни»; в них сильнее, чем в остальных, было развито стремление к укреплению своего материального благосостояния [Саломон, 1900, с. 279].

Однако тех, кто прибывал в ссылку с семьями, было меньшинство. Согласно опросным листкам, изъятым в 1908 г. при обыске у врача Вологодской губернской земской управы П. Филиппова, из 70 респондентов-мужчин только 15 прибыли в ссылку вместе с семьями. Среди 5 женщин – 3 замужних, в большинстве семей – один или два ребенка. В Архангельской губернии за период с 1862 по 1905 гг. из 139 ссылных женщин лишь 42

были замужем, 15 вступили в замужество в ссылке, 8 состояли в гражданском браке. Брачная статистика по сибирским ссыльным демонстрирует ту же тенденцию: ряды семейных ссыльных пополняются людьми, прибывающими в ссылку с семьями; тогда как в ссылке под влиянием неблагоприятных для брака условий жизни вступает в брак гораздо меньший процент ссыльных [Саломон, 1900, с. 280]. Условия проживания в ссылке зачастую не благоволили к комфортной семейной жизни: резонно предположить, что подтолкнуть супругу следовать за мужем могли или сильные чувства, или невозможность обеспечить заработок самостоятельно.

В целях экономии средств ссыльные снимали одну комнату на двоих или троих и жили «коммуной»; готовили еду сразу на несколько человек, а если «столовались у хозяйки, то получали небольшие скидки» [Коновалов, 2007, с. 184; с. 187–188; Овечкина, 2005, с. 17]. Коммунары не признавали права частной собственности: «инвентарем, обстановкой и даже гардеробом пользовались сообща» [Ильинский, 1906, с. 199]. Несмотря на то, что в такие коммуны политссыльные объединялись на основе общности убеждений [Вестник знания, 1909, № 8–9, с. 230], проживание в условиях крайней скученности и стесненности в средствах часто становилось серьезным испытанием и для межличностных отношений в целом, и для брака в частности.

В ссылке нередко образовывались новые пары: общие убеждения, вызовы и трудности, совместная подпольная революционная работа, совместный досуг подталкивали ссыльных к новым романтическим связям, некоторые из которых закреплялись на долгие годы. Так, в Вологде начался новый этап жизни политссыльного писателя Алексея Ремизова – там он встретил будущую жену Серафиму Довгелло, с которой не расстался до ее смерти [Красный Север, 1986, 14 июня, с. 4]. Довгелло также была политссыльной и даже являлась любимицей «бабушки русской революции», знаменитой Е. Брешко-Брешковской. Брешко-Брешковская посещала Вологду и увещевала Довгелло за предательство революционного дела и будущее замужество, однако ее усилия оказались тщетными, и молодая пара, к этому моменту уже практически отошедшая от политики, обручилась. Брак дал Довгелло возможность осознать вторичность своих революционных увлечений. Впоследствии она признавалась, что побудительным мотивом к революционной работе для нее стало желание «мученического венца»: «...мне было стыдно, что другие страдают, и я хотела пострадать» [Русский Север. Пятница, 1994, 21 января, с. 4–5].

Женился в ссылке и известный революционер, будущий первый нарком просвещения РСФСР Анатолий Луначарский. Через три дня после знакомства он сделал предложение сестре товарища, ссыльного революционера, врача и писателя А. Богданова (Малиновского). В Анне Малиновской он нашел спутницу, наполнившую его жизнь «светом личного счастья» [Новоселов, 2004, с. 12]. Их венчание состоялось 1 сентября 1902 г., невесте было 19 лет, жениху – 26 [Кохно, 1970, с. 607].

Имели место в ссылке и случаи, когда пары образовывались не по влечению, а в целях соединения пособий. По свидетельству Э.И. Павчинского, «прожить совместно двум, сложив казенное пособие (11 р. + 11 р. или 8 р. + 8 р.), легче, чем одному. И дешевле: совместная квартира, стол и т. д.». Подобного рода временные браки стали в ссылке обычным явлением. Павчинский пишет, что в немалой степени способствовал этому и общий фон ссыльной повседневности: короткие дни и длинные ночи северных губерний и «гнетущая, давящая тоска одиночества, доводившая многих до отчаяния. И вот люди, – особенно те, которые духовно еще не окрепли, – искали выхода, и, не найдя его, шли по линии наименьшего сопротивления: сходились в надежде, что вдвоем «все-таки легче будет» [Павчинский, 1932, с. 192].

Традиция заключения браков среди политссыльных закрепилась еще в поколении народников 1870-х. Это поколение, по сути, заложило две противоположные траектории выстраивания личной жизни революционера. С одной стороны, идеалы, сформированные в умах молодой интеллигенции чтением произведений Чернышевского, Некрасова и

Писарева, определяли безусловный выбор в пользу общественного, отодвигая вопросы личного на задний план. В общественном мнении женщины, участвующие в революционном движении, представляли как нигилистки, отказавшиеся от семьи и личного счастья во благо служения народу. Создавались и культивировались в молодежной среде такие канонические образы женщин, как «икона революции» – Вера Фигнер, «бабушка русской революции» – Екатерина Брешко-Брешковская, Софья Перовская как символ самоотверженности и преданности революционному делу. Впечатляясь их примерами, молодые женщины демонстративно отказывались от традиционной гендерной роли, лишая брак и деторождение первостепенного приоритета в своей жизни и предпочитая им получение образования, максимально способствующего общественной и профессиональной самореализации [Сабурова, Эклоф, 2016, с. 40, с. 81, с. 111]. Тем не менее получить образование удавалось не всем: на начало XX в. его доступность для женщины все еще была существенно ограничена. Отсутствие возможности построить самостоятельную политическую карьеру и реализовать свой интеллектуальный потенциал в соответствии с талантами и потребностями толкало наиболее активных девушек в подпольные организации, где они надеялись обрести высокую цель жизни, а в сопряженных с опасностью действиях – возможность самоутвердиться [Гейфман, 1997, с. 17]. Среди революционерок было много женщин из еврейской среды. Евреи стремились влиться в революционное движение, поскольку особенности их статуса в правовом поле Российской империи накладывали существенные ограничения на участие в большинстве сфер общественной жизни. Кроме того, молодые еврейки отказывались принимать и традиционный уклад еврейской семейной жизни, в соответствии с которым им была уготована одна роль – быть матерью семейства. Уходя в дело революции, они разрывали со своими семьями и традициями, отрекались от политических взглядов своих родителей [Максимова, 2003, с. 37], нередко погружаясь в самую гущу опасной революционной работы. Реалии будничной жизни молодой революционерки не способствовали гармоничной жизни в браке: это была жизнь, полная опасностей, чреватая арестами и заключением в каторжные тюрьмы, диктовавшая необходимость частой мобильности и строгой конспирации [Красный Север, 1986, 14 августа, с. 4].

Тем не менее, несмотря на предписываемую революционеру сдержанность в проявлении чувств и отказ от личной жизни ради революционного дела, интенсивные личные привязанности и проявление сопряженных с ними эмоций сохраняли свое значение и в этой среде. При этом браки, заключаемые в революционной среде, обычно были союзом личного и общественного: в основе таких браков лежали не только чувства, но и общие убеждения, взгляды и деятельность [Сабурова, Эклоф, 2016, с. 101, с. 109].

Были нередки случаи, когда романтические отношения и последующий брак предваряло вынужденное сожительство в тесных условиях ссылки [Королева, 2021, с. 10]. Иногда знакомство завязывалось еще раньше: во время этапа к месту водворения. Например, так социал-демократ А. Воронский познакомился со своей будущей женой Зиной. Взаимный интерес привел к тому, что в Яренске они поселились вместе. Спустя некоторое время возлюбленная Воронского призналась ему, что вскоре с одной из партий в Яренск должен прибыть ее жених – эсер, студент Андреев. Воронский вспоминал, что по приезду жениха Зина имела с тем сложный разговор, после которого явилась от Андреева в слезах. Несколько дней спустя Андреев прислал записку, в которой называл Воронского «совратителем неопытных девиц, требовал удовлетворения, т. е. вызывал на дуэль». Воронский писал: «На такую буржуазно-помещичью пошлость я ответил, разумеется, отказом. Тогда он в нетрезвом виде при встрече в лесу затеял дрянную ссору, кричал, что желает драться со мной на пистолетах (интересно, где бы их достали), назвал меня трусом и кинулся с кулаками. Произошла свалка, он попортил мне нос, я, в свою очередь, разодрал ему пиджак» [Воронский, 1931, с. 29–30]. Инцидент был разобран колонией

политссыльных, где поступок Андреева подвергли осуждению. Позже между бывшим женихом и Зиной произошла окончательная размолвка, и Зина с Воронским обвенчались.

Политссыльные северных губерний активно взаимодействовали и с местным населением, располагая к себе как интеллигенцию, так и рабочих. В губернских центрах молодые революционеры легко завязывали дружбу с гимназистками и проводили с ними совместный досуг, который нередко способствовал возникновению взаимной симпатии. Член РСДРП С.Г. Струмилин (Струмилло-Петрашкевич), отбывавший гласный надзор в Вологде, вспоминал общие прогулки с девушками по реке Вологде на ялике: «...когда я катал на нем вечерком юных девушек, и со встречных лодок наш ялик приветствовали возгласами: «Красотка, красотка!..», мои девушки, неизменно принимая эти возгласы на свой счет, краснели, как мак, и конфузились до слез. Одним словом, житье наше в Вологде было привольное» [Струмилин, 1968, с. 91]. Молодые гимназистки очаровывались романтическим ореолом революционной борьбы и образами молодых, идейных и благородных революционеров, готовых пострадать за свои ценности и идеалы, мужественно перенося тяготы ссылки.

Однако на практике далеко не все лица, пополнившие ряды политссыльных Европейского Севера России, отвечали этому образу. Многие ссыльные начинали вести разгульную жизнь и вовлекались в аморально-авантюрные, а зачастую и прямо криминальные приключения на любовных нивах. До 1917 г. в России на законодательном уровне обладали признанием лишь два сексуальных института: брак и проституция, однако помимо них во всех слоях общества процветали незаконные связи. Начиная с 1890-х гг. внебрачное сожительство распространилось настолько, что приходские священники повсеместно обсуждали меры «борьбы с этим злом» [Стайтс, 2004, с. 252]. Гражданские браки порицались и местными властями, что отражалось в рапортах уездных исправников начальству [Овечкина, 2005, с. 18]. Не стала исключением из правила и вологодская ссылка. Так, среди ссыльных Вологды есть и «альфонсы, есть даже господа, отбивающие у купцов «по несколько жен за сезон», – делился с товарищем вологодский политссыльный Г. Луппо в письме от 29 февраля 1908 г.⁷⁴ Впрочем, в Вологде, на виду у губернатора и начальника ГЖУ, политссыльные стараются не выходить за рамки приличий; настоящий «разврат» происходит в отдаленных уездах губернии.

В период реакции, наступившей после 1905 г., молодые люди нашли выход своей энергии в сексуальных приключениях и плотской неумеренности, прикрывая свое поведение «вульгарным понятием удовольствия ради удовольствия. Среди молодежи необузданная жажда удовольствий дополнилась депрессивной волной саморазрушения» [Стайтс, 2004, с. 263]. Одновременно с этим потоки политических ссыльных хлынули в северные губернии России, наводнив их уезды: вологодская и архангельская ссылки стали массовыми. О повседневности Никольского, Кадниковского и Вельского уездов Вологодской губернии рассказывает в трех письмах к знакомым (от 14 января, 6 и 18 февраля 1909 г.) политссыльный А. Губанов. Отвечая на вопросы собеседников, Губанов описывает место своего водворения – г. Никольск, в котором на момент отправки его письма находится, не считая жен и детей, около 300 ссыльных. Согласно свидетельству Губанова, местные ссыльные живут «в невозможных условиях. В маленькой, душной, темной конуре помещается до 10 человек. Разобщенность среди ссыльных полная. Среди сосланных есть много «случайных» людей и «темных личностей», которые насаждают разврат, проституцию, пьянство»⁷⁵. Никольские политссыльные злоупотребляют спиртными напитками, «заражаются сифилисом, дерутся из-за проститутки и доходят до «туруханских бунтов», заключающихся в повальном насилии над женщинами и старухами

⁷⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 68. Л. 5.

⁷⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4213, Л. 57.

в пьяном виде»⁷⁶. В Кадникове и Вельске, где ссыльных женщин гораздо больше, «парочки растут как грибы». Наградой за неумение «жить по-человечески» становится, как отмечает Губанов, распространение среди ссыльных венерических заболеваний⁷⁷. О ситуации в г. Яренске Вологодской губернии пишет 21 июня 1908 г. товарищу в Никольск политссыльная «Роза». Из ее письма следует, что в Яренске и уезде больше дюжины политссыльных девиц, которые, «по рассказам некоторых, чем-то так заняты, что и для чтения не находят времени». Принадлежащую к «сознательным» политссыльным Розу берет досада за легкомысленное поведение соратниц, и она сетует адресату, ссыльному Д.А. Розанову: «Невольно вспоминаешь Ваш взгляд на наш «прекрасный» пол. Ваше рассуждение, что из тысячи только одна заслуживает уважения. Как ни больно, а приходится сознаваться, что это так»⁷⁸. Не отличается ситуация и в Сибири: согласно свидетельству А.П. Саломона, положение незамужних тяжело; «их личность и женская честь не ограждена от самых грубых посягательств, и большинство таких несчастных кончает проституцией или, в лучшем случае, переходит из рук в руки», вступая в ряд кратковременных незаконных сожителств с местными жителями или такими же ссыльными [Саломон, 1900, с. 281].

Наиболее красноречивые сюжеты из повседневности политических ссыльных попадают на страницы местных газет – и чаще всего это реакционная печать. Так, в одном из номеров правомонархической вологодской газеты «Русский Север» корреспондент, скрывающийся под псевдонимом «Вольный», делится наблюдениями за ссыльным сообществом г. Сольвычегодска, подчеркивая аморальное поведение ссыльных обоих полов: «...брак «товарищи» отрицают, признавая свободу в половых отношениях, поэтому товарки, боясь показаться отсталыми, не пекутся о своем целомудрии. Связи редко бывают продолжительными...»⁷⁹. Другой корреспондент той же газеты акцентирует внимание читателя на непристойной выходке политссыльной во время танцевального вечера в общественном собрании: «...с папироскою в зубах, бросая многозначительные взгляды на подбадривающих ее сотоварищей, с выкриками и проч. (это в зале-то), она своим поведением окончательно уронила репутацию клуба»⁸⁰. Описанный корреспондентом «неприглядный образ политической ссыльной как опустившейся и утратившей стыд женщины не мог не ассоциироваться у северян-провинциалов со всем многообразием освободительных левых идей и, безусловно, дискредитировал в их глазах и идею женского равноправия. <...> Их [ссыльных женщин – М.П.] поведение и нравы, в силу декларировавшихся ими ценностей, связывались с феминизмом и в целом создавали и закрепляли в сознании обывателей весьма неприличный и малопривлекательный образ «свободной» женщины» [Собакина, 2021, с. 239–240].

Местное население патриархального Севера, несмотря на симпатии к молодой и образованной части ссыльного сообщества, было не готово воспринять моральный релятивизм поведения ссыльных в области межполового взаимодействия. Однако, живя бок о бок со ссыльными, оно прививало ряд чужеродных ему практик, и привнесенные извне привычки пускали корни в «мещанской и заскорузлой среде» северных уездов. В начале XX в. в Сольвычегодске, как вспоминал журналист Э.И. Павчинский, женщина находилась еще в состоянии крепостной зависимости, и даже гражданские браки являлись «для этого медвежьего уголка тогда «революцией», но и они скоро нашли себе место среди местных жителей. В те времена это называлось падением нравов, и в этом все обвиняли исключительно ссылку» [Павчинский, 1932, с. 194].

⁷⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4213. Л. 63.

⁷⁷ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4213. Л. 61.

⁷⁸ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 477. Л. 17.

⁷⁹ Русский Север. 1908. 5 декабря.

⁸⁰ Русский Север. 1908. 20 ноября.

Заключение

Аспекты личной жизни политических ссыльных долгое время были «слепым пятном» отечественной историографии, уступая место многочисленным реконструкциям условий подпольной революционной работы ссыльных социал-демократов (в советское время), а также анализу материального и правового положения ссыльных, их социального и партийного состава. На сегодняшний день, когда профессиональное сообщество историков демонстрирует повышенный интерес к вопросам повседневности и личной жизни людей в разные эпохи, эта проблема находится на этапе преодоления. Появляются исследования, так или иначе затрагивающие аспекты личной жизни ссыльных участников российского революционного движения.

Ссылное сообщество, формировавшееся в губерниях Европейского Севера России, не было замкнутым, поэтому романтические контакты политссыльных выходили за пределы сообщества. Однако большинство прочных связей завязывалось именно в своей среде. На это влияли общность убеждений, вовлечение в совместную революционную работу, проживание коммунами. Способствовали сближению холостой статус мужчин и незамужний статус женщин – согласно личным делам административно-ссыльных, отложившимся в ГАВО, большинство революционеров были молодыми мужчинами и девицами.

В ссылке находилось место как возвышенным чувствам, так и сексуальной невоздержанности. Девиации в сексуальном поведении ссыльных обуславливались главным образом следующими причинами. Среди них следует выделить моральную неустойчивость отдельных лиц, их возраст, поиск доступных удовольствий в условиях вынужденной праздности и удаленности от столичных городов – центров публичной и теневой политической жизни империи. Половая невоздержанность и частая смена партнеров становились следствием альтернативного взгляда на брак, который лишался одного из основных приоритетов в жизненной траектории молодых революционерок и революционеров. Кроме того, социально порицаемые формы сексуального поведения ссыльных катализировались присутствием в их среде случайных элементов, а также уголовных ссыльных, которыми царские власти стремились разбавлять политическую ссылку в целях ее внутреннего разобщения.

Список источников

- Вестник знания. 1909. № 8–9.
Воронский А. 1931. Из старых писем: новелла. Новый мир, 2: 27–33.
Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 108. Вологодское губернское жандармское управление. Город Вологда Вологодской губернии (1827–1917). Оп. 1. Д. 4213.
ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 68.
ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 477.
Ильинский М.В. 1906. Архангельская ссылка. Бытовые очерки из истории Архангельской политической ссылки. Санкт-Петербург, Типо-литография «Энергия», 294 с.
Красный Север. 1986. 14 июня, 14 августа.
Павчинский Э.И. 1932. Места не столь отдаленные: из воспоминаний о Вологодской ссылке 1906–1910 годов. Каторга и ссылка, 3: 167–195.
Русский Север. 1908. 20 ноября, 5 декабря.
Русский Север. Пятница. 1994. 21 января, 2006. 25 октября, 1 ноября, 8 ноября.
Саломон А.П. 1900. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения. Санкт-Петербург, Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 339 с.
Советская мысль. 1973. 2 октября.
Струмилин С.Г. 1968. Избранные произведения: Воспоминания и публицистика. Москва, Наука, 480 с.

Список литературы

- Ванюшина О.В. 2016. Административно высланные в Тверскую губернию женщины (1881–1917 гг.): адаптация к условиям повседневной жизни. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Москва, 31 с.
- Гейфман А. 1997. Революционный террор в России, 1894–1917. Москва, Крон-Пресс, 448 с.
- Кондакова О.Н. 2002. Женщины-революционерки 70–80-х гг. 19 века и их пребывание в Сибирской ссылке. Дисс... канд. ист. наук. Москва, 177 с.
- Коновалов Ф.Я. 2007. Политические ссыльные г. Вологды в 1907 г. (по материалам анкетирования колонии политссыльных). В сб.: История пенитенциарной системы России в XX веке. Вологда, Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский институт права и экономики: 184–190.
- Королева Л.С. 2021. Семейные отношения участников народовольческого движения в 60–80-х гг. XIX в. (на примере политических ссыльных в северо-западном регионе Российской империи). *История повседневности*, 3(19): 6–15.
- Кохно И.П. 1970. Вологодская ссылка Луначарского. В кн.: А.В. Луначарский. Неизданные материалы. Москва, Наука: 603–619.
- Максимова В.Н. 2003. Женская политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907–1917 гг.). Дисс... канд. ист. наук. Иркутск, 206 с.
- Минский М.Ю. 2009. Микроисторический метод и макроисторический вывод. *Вестник МГУ. Серия 7. Философия*, 3: 67–77.
- Новоселов В.И. 2004. Вологодская ссылка А.А. Богданова. *Вестник Международного института А. Богданова*, 3: 10–19.
- Овечкина С.Ю. 2005. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: Вторая половина XIX – начало XX вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Архангельск, 21 с.
- Сабурова Т.А., Эклоф Б. 2016. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. Москва, Новое литературное обозрение, 448 с.
- Собакина А.А. 2021. Женская политическая активность как результат распространения идей феминизма и модернизации русской провинциальной культуры начала XX в. (по материалам вологодских газет). *Ярославский педагогический вестник*, 6(123): 235–242.
- Стайтс Р. 2004. Женское освободительное движение в России, 1860–1930. Москва, РОССПЭН, 616 с.

References

- Vanjushina O.V. 2016. Administrativno vyslannye v Tverskuju guberniju zhenshhiny (1881–1917 gg.): adaptacija k uslovijam povsednevnoj zhizni [Women Administratively Exiled to the Tver Governorate (1881–1917): Adaptation to the Conditions of Everyday life]. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Moscow, 31 p.
- Geifman A. 1997. Revoljucionnyj terror v Rossii, 1894–1917 [The Revolutionary Terror in Russia, 1894 to 1917]. Moscow, Kron-Press, 448 p.
- Kondakova O.N. 2002. Zhenshhiny-revoljucionerki 70–80-h gg. 19 veka i ih prebyvanie v Sibirskoj ssylke [Women Revolutionaries of the 70–80s of the 19th Century and their Stay in Siberian Exile]. Diss... kand. ist. nauk. Moscow, 177 p.
- Konovalev F.Ja. 2007. Politicheskie ssyl'nye g. Vologdy v 1907 g. (po materialam anketirovanija kolonii politssyl'nyh) [Political Exiles of Vologda in 1907 (Based on the Survey Materials of the Colony of Political Exiles)]. V sb.: Istorija penitenciarnoj sistemy Rossii v XX veke. Vologda, Federal'naja sluzhba ispolnenija nakazanij, Vologodskij institut prava i jekonomiki: 184–190.
- Koroleva L.S. 2021. Semejnye otnoshenija uchastnikov narodovol'cheskogo dvizhenija v 60–80-h gg. XIX v. (na primere politicheskijh ssyl'nyh v severo-zapadnom regione Rossijskoj imperii) [Family Relations of Participants in the Narodnaya Volya Movement in the 60–80s. XIX Century (Using the Example of Political Exiles in the Northwestern Region of the Russian Empire)]. *Istorija povsednevnosti*, 3(19): 6–15.
- Kohno I.P. 1970. Vologodskaja ssylka Lunacharskogo [Vologda Exile of Lunacharsky]. V kn.: A.V. Lunacharskij. Neizdannye materialy. Moscow, Nauka: 603–619.
- Maksimova V.N. 2003. Zhenskaja politicheskaja katorga i ssylka v Vostochnoj Sibiri (1907–1917 gg.) [Women's Political Penal Servitude and Exile in Eastern Siberia (1907–1917)]. Diss... kand. ist. nauk. Irkutsk, 206 p.

- Minsky M.Yu. 2009. Mikroistoricheskiy metod i makroistoricheskiy vyvod [Microhistorical Method and Macrohistorical Conclusion]. *Moscow State University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 3: 67–77.
- Novoselov V.I. 2004. Vologodskaja sсыlka A.A. Bogdanova [Vologda Exile of A.A. Bogdanov]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova*, 3: 10–19.
- Ovechkina S.Ju. 2005. Zhenskaja politicheskaja sсыlka v Arhangel'skoj gubernii: Vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv [Women's Political Exile in the Arkhangelsk Governorate: Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Arhangel'sk, 21 p.
- Saburova T.A., Eklof B. 2016. Druzhiba, sem'ja, revoljucija: Nikolaj Charushin i pokolenie narodnikov 1870-h godov [Friendship, Family, Revolution: Nikolai Charushin and a Generation of Populists of the 1870s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p.
- Sobakina A.A. 2021. Zhenskaja politicheskaja aktivnost' kak rezul'tat rasprostraneniya idej feminizma i modernizacii russkoj provincial'noj kul'tury nachala XX v. (po materialam vologodskih gazet) [Women's Political Activity as a Result of the Spread of Ideas of Feminism and Modernization of Russian Provincial Culture of the Early Twentieth Century (Based on Materials from Vologda Newspapers)]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 6(123): 235–242.
- Stites R. 2004. Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii, 1860–1930 [Women's Liberation Movement in Russia, 1860–1930]. Moscow, ROSSPEN, 616 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.12.2024

Received 04.12.2024

Поступила после рецензирования 10.02.2025

Revised 10.02.2025

Принята к публикации 12.02.2025

Accepted 12.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Петербургский Михаил Юрьевич, соискатель кафедры отечественной средневековой и новой истории, Ярославский государственный университет, г. Ярославль, Россия

Mikhail Yu. Peterburgsky, Postgraduate Student, Department of Medieval and Modern Russian History, Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

 [ORCID: 0000-0002-7559-0709](https://orcid.org/0000-0002-7559-0709)

УДК 94 (575) “1894/1917”:63:070(470)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-155-164

Оригинальное исследование

Положение сельского хозяйства в Туркестанском генерал-губернаторстве в освещении либеральных журналов Российской империи в 1894–1917 гг.

Маслова В.А.

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Россия, 196605, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10

E-mail: mhtrade@inbox.ru

Аннотация. Статья основана на анализе статей либеральных журналов «Русская мысль» и «Вестник Европы», посвященных описанию положения сельского хозяйства в Туркестанском генерал-губернаторстве. Авторы статей подробно рассматривают различные аспекты ведения сельского хозяйства в крае, их точки зрения не всегда совпадают, объединяет всех авторов ориенталистский дискурс на присоединенный к империи край. В исследовании использованы хронологический и сравнительно-исторический методы. Актуальность темы продиктована происходящими изменениями в подходах к изучению последних лет существования Российской империи. Статьи периодической печати о Туркестанском генерал-губернаторстве указанного периода не разработаны в историографии, и данное исследование частично восполнило пробел.

Ключевые слова: Туркестанское генерал-губернаторство, переселенческая политика, сельское хозяйство, либеральная пресса Российской империи, периодическая печать

Для цитирования: Маслова В.А. 2025. Положение сельского хозяйства в Туркестанском генерал-губернаторстве в освещении либеральных журналов Российской империи в 1894–1917 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 155–164. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-155-164

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Agricultural Situation in the Turkestan General Governorate in the Coverage of Liberal Magazines of the Russian Empire in 1894–1917

Vera A. Maslova

A.S. Pushkin Leningrad State University,
10 Petersburgskoye Hwy, Pushkin, St. Petersburg 196605, Russia

E-mail: mhtrade@inbox.ru

Abstract. The study is focused on the analysis of articles from the liberal journals “Russkaya Mysl” and “Vestnik Evropy” devoted to the description of the state of agriculture in the Turkestan General Governorate. The authors of the liberal journals were prominent public figures of the era. They examined various aspects of agriculture in the region, their points of view did not always coincide, though all of them shared an orientalist discourse on the region annexed to the empire. Articles in the periodical press about the Turkestan General Governorate of the specified period have not been sufficiently studied in historiography, and this research has partially filled the gap. The study uses chronological and comparative-historical methods. The relevance of the topic is dictated by the ongoing changes in approaches to studying the last years of the Russian Empire.

Keywords: Turkestan General Governorate, resettlement policy, agriculture, liberal press of the Russian Empire, periodical press

For citation: Maslova V.A. 2025. Agricultural Situation in the Turkestan General Governorate in the Coverage of Liberal Magazines of the Russian Empire in 1894–1917. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 155–164 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-155-164

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Ценность периодической печати как исторического источника давно признана. Пресса, будучи тесно связанной с общественной жизнью, выполняет как репродуктивную (отражающую реальность), так и продуктивную (формирующую общественные взгляды) функции. Особенно важна роль периодических изданий в критические моменты истории, когда общественное сознание оказывается более восприимчивым к внешним влияниям.

Современные исследователи С.Н. Брежнева [Брежнева, 2012], Р.Ю. Почекаев [Почекаев, 2014] и С.Н. Абашин [Абашин, 2008] отмечают общественное воодушевление и пристальное внимание прессы к среднеазиатскому региону периода завоевания, т. к. «этот регион стал своеобразной компенсацией за поражение в Крымской войне» [Абашин 2008, с. 319], а также снижение интереса в последующий период. В конце XIX – начале XX вв. это внимание было несколько оживлено решением правительства ускорить интеграцию региона в состав империи, т. к. туркестанский хлопок существенно сокращал расходы бюджета, заменяя на рынке более дорогой американский хлопок. Министр финансов И.А. Вышнеградский видел в крае потенциал, считал его «заметным алмазом в короне российского императора» [Пален, с. 581].

Жаркий климат туркестанских земель, огромные пустующие территории первоначально вселили надежду на возможность ведения успешной сельскохозяйственной деятельности. При исследовании земель и колонизации их русскими крестьянами были выявлены трудности, связанные с климатическими и географическими особенностями земель – недостаток воды для орошения и суровые зимы. К сельскохозяйственной проблематике отнесены вопросы, связанные с земледелием, землепользованием и скотоводством, включающие участие в этих сферах переселенцев.

Объект и методы исследования

Объектом исследования настоящей статьи являются журналы либерального толка. В конце XIX – начале XX вв. толстые журналы были важным элементом медиа-ландшафта, формировали общественное мнение, освещая актуальные проблемы. Значимость периодики особенно возрастает в трудные и переломные моменты истории, когда общественное сознание становится более восприимчивым к влиянию. Хронологические рамки исследования 1894–1917 гг., т. е. период правления Николая II, который связан с сильными социальными потрясениями.

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи возросло количество периодических изданий. «1890-е годы – время промышленного подъема в России. С процессами капитализации всей русской жизни связано дальнейшее развитие периодической печати. Продолжается количественный рост прессы, появляются новые типы периодических изданий» [Есин, с. 61]. Популярность набирают газеты, вытесняя лидерство толстых журналов. Наиболее читаемыми изданиями, по мнению исследователя отечественной журналистики Б.И. Есина [Есин, с. 61–79], в рассматриваемый период времени являются журналы «Жизнь», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Русская мысль», газеты «Россия», «Гражданин», «Московские ведомости», «Новое время», «Речь». Перечисленные издания представляли разные общественно-политические направления. Отдельно следует

выделить журнал либерального толка «Северный вестник», в котором публиковались видные литераторы Л.Н. Толстой, М. Горький, В.К. Короленко. «Журнал «Северный вестник» принадлежит к числу самых известных и популярных в истории русской периодической печати конца XIX – начала XX вв.» [Павлова, Богомолов, с. 9]. Он был закрыт по представлению Санкт-Петербургского цензурного комитета в 1898 г. [Лапшина, с. 87].

Существовали специализированные издания, освещающие жизнь на окраинах империи, а также местная пресса. Проблемы окраин описывали либеральный журнал «Сибирские вопросы», однако его издатели обращали внимание на вопросы других регионов – Сибирь и Степное генерал-губернаторство; консервативный журнал «Окраины России», выпускавшийся с 1906 по 1912 г., социалистический «Народы и области», претерпевший восемь выпусков в 1914 г.; сборник «Вопросы колонизации», «издававшийся чиновниками Переселенческого управления с 1907 по 1917 г.» [Чупин, с. 69]. Он был направлен на рассмотрение профессиональных управленческих вопросов окраин.

К специальным изданиям о Туркестанском крае можно отнести газету «Туркестанские ведомости» (1870–1917 гг.). Она являлась официальным изданием Туркестанского генерал-губернаторства, освещала административные, экономические и культурные аспекты жизни региона. Печаталась в Ташкенте газета «Русский Туркестан» (1898–1917 гг.), ориентированная на русских переселенцев и чиновников в Средней Азии. «Туркестанский сборник» (1867–1917 гг.), издававшийся в Ташкенте, представлял собой свод документов и материалов, посвященных Туркестанскому краю. Включал официальные отчеты, статистические данные, этнографические исследования и описания путешествий.

В статье анализируются статьи популярных журналов либерального толка, распространявшихся по территории всей империи. Среди них на проблемы Туркестанского генерал-губернаторства обращали «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Образование», «Северный вестник», «Русская старина». Внимание «Северного вестника» привлекла в 1896 г. [Культурное воздействие бухарских..., 1896] тема воздействия бухарских чиновников на местную промышленность, в «Русском богатстве» в 1894 г. [Очерк колонизационного движения..., 1894] и 1905 г. [Уральцы в Туркестанском крае, 1905] опубликована статья о колонизационном движении, в журнале «Образование» выходили тексты Берлина П., посвященные обзору колонизационного движения во всем мире, включая Африку и Австралию, под названием «Дикие народы и цивилизация». В статье он описывает в том числе положение инородцев в Туркестанском крае и их «беззастенчивую эксплуатацию» [Берлин, 1903] приехавшими торговцами. В «Русской старине» публиковались биографические очерки военных чиновников и воспоминания о видных генералах, чья служба проходила в Туркестане.

В журналах «Русская мысль» и «Вестник Европы» в период с 1894 по 1917 гг. было опубликовано по двенадцать статей на туркестанскую проблематику. Наиболее популярной темой рассмотрения являются сельскохозяйственные вопросы, связанные с ними проблемы орошения земель и трудности переселенческого движения. Меньше внимания авторы обращают на строительство и эксплуатацию железных дорог; кроме того, в «Вестнике Европы» присутствуют путевые заметки, описывающие природу края и местных жителей, а в «Русской мысли» две статьи в 1903 г. посвящены последствиям землетрясения в Андижане.

«Вестник Европы» издавался в Санкт-Петербурге с 1866 г., основателем и руководителем до 1909 г. был М.М. Стасюлевич [Библиография, Том 1, с. 179–180], журнал считался одним из главных и авторитетных либеральных средств массовой информации продолжительное время. Журнал «Русская мысль» издавался в Москве с 1880 г., выходил тиражом от 7 000 до 10 000 экземпляров [Библиография, Том 3, с. 56–57], имел умеренно-либеральное [Гапоненков, с. 13] направление, его редакторами были такие видные общественные деятели, как А.А. Кизеветтер и П.Б. Струве.

При изучении публикаций применялись общенаучные подходы к анализу исторического материала, такие как анализ, синтез, аналогия и сравнение. Кроме того, использовался специализированный сравнительно-исторический метод исторического анализа.

Результаты и их обсуждение

Путевые впечатления русского учёного-геолога и публициста В.Д. Соколова под названием «Москва – Самарканд» были напечатаны в октябрьском и декабрьском выпусках «Русской мысли» в 1894 г. [Соколов, 1894]. Это наиболее подробное описание положения землевладения и землепользования в крае. Приведем описание Мервского оазиса и Мангишлакского уезда В.Д. Соколовым, которые к дате выхода публикации входили в состав Закаспийской области, которая вскоре, в 1898 году (через 4 года), вошла в Туркестанское генерал-губернаторство. Данная область находилась в этой юрисдикции до конца существования Российской империи. В дальнейшем повествовании автор использует описание этих местностей как пример для всех остальных территорий Туркестанского генерал-губернаторства, т. к. все они имеют сходное устройство в сельском хозяйстве. При описании Мерва В.Д. Соколов обращает внимание на обычаи местных «туркмен», в число которых входит порядок «пользования водою и орошаемой землёю, – здесь всё строго регулировано и даже есть специальные лица, обязанные следить за строгим исполнением соответствующих правил» [Соколов, 10, с. 170]. Ему кажутся любопытными «порядки их землевладения и их сельскохозяйственные приемы» [Соколов, 10, с. 172]. Он подробно объясняет, что определяющим при землепользовании является «владение водою, которая может составлять или общественную, или частную собственность» [Соколов, 10, с. 172], ценность надела земли зависит от наличия на нём водных ресурсов. Последние могут быть естественными водоёмами и искусственно сооруженными каналами. Поскольку «землевладение у туркмен нераздельно связано с водовладением» [Соколов, 10, с. 172], каждый собственник владеет не только землей, но и источником или каналом, снабжающим его участок. Обязанность по содержанию ирригационных сооружений возложена на пользователей воды.

Сообщает В.Д. Соколов и о сложившейся правовой форме землевладения: «частные или "мюльковые" и общественные или "санышек"» [Соколов, 10, с. 172], которая характеризуется преобладанием общинного типа с частым переделом земли над единоличными; крупных землевладельцев крайне мало. Общественные земли сдаются в аренду, а арендная плата делится между всеми членами общины; частные же земли можно продать только единоплеменникам. В аулах, где преобладает частное землевладение, большинство жителей не владеют водой, поэтому они занимаются скотоводством или арендуют воду у её владельцев в счёт доли урожая. Деятельность русской администрации меняет систему землевладения: родовые земли, сдаваемые общиной в аренду, – «карендные» земли, переходят в ведение администрации, а доход от их аренды используется для общественных нужд. В.Д. Соколов отмечает проблемы, связанные с «карендными» землями, которые вызваны увеличением количества населения и мельчанием доступных для аренды наделов. Автор говорит о необходимости более детального изучения вопроса землевладения с целью его решения. По поводу землепользования он отмечает следующее: «Пастбищных земель, строго говоря, у туркмен не существует» [Соколов, 10, с. 173], скот выпасают после уборки урожая на общинных землях; наёмный труд используется редко, при необходимости помогают единообщинники, получающие в качестве оплаты угощение. Перечисляет он и возделываемые культуры: «на пашнях засеивается ячмень и пшеница, а на огородах возделываются дыни, арбузы, джугара, кукуруза, рис, кунжут, лук, морковь и т. п.» [Соколов, 10, с. 172].

Автор обращает внимание на примитивность сельскохозяйственных орудий и способов обработки земли, а также готовность коренного населения к использованию вводимых русской администрацией новшеств: местные жители «охотно применяют на своих землях рекомендуемые улучшения» [Соколов, 10, с. 173], то есть он всё же считает необходимой использование технического прогресса, привнесённого империей, для развития сельского хозяйства.

Покинув Мерв, В.Д. Соколов посетил Мангишлакский и Красноводский уезды, подробно описанные им в статье. В Мангишлакском уезде дефицит воды ощущается более остро, поэтому земли нуждаются в гидротехнических сооружениях. Отмечая опыт местного населения по строительству водоотведения, он приходит к выводу, что «масса воды в их ирригационных сооружениях непроизводительно тратится на просачивание и испарение» [Соколов, 12, с. 163], поэтому в этом необходимо технически грамотное участие. Разбирая вопрос скотоводства, автор говорит о популярности овец и верблюдов, рогатого скота, а также ослов и коз. Скотоводство даёт возможность местным жителям поставлять на продажу мех, кожу, шерсть, поэтому оно имеет потенциал для развития.

Описывая туркестанский Самарканд, автор снова обращает внимание на проблемы территории, связанные с её водоснабжением. С нескрываемой гордостью сообщает он о технологических нововведениях, привнесенных после присоединения края, к ним относятся «железные дороги, ирригационные сооружения, применение механических двигателей в различных производствах, улучшения в сельскохозяйственной практике» [Соколов, 12, с. 184]. В.Д. Соколов отмечает трудолюбие местного населения, готовность использовать привнесенные цивилизацией новшества: «с усердием занимаются самаркандцы сельским хозяйством, в особенности садоводством, ... не менее успешно ведется в окрестностях Самарканда огородничество и полевое хозяйство» [Соколов, 12, с. 182]. Автор отмечает наличие небольшого количества переселенцев в крае, но при этом считает, что переселенческую политику необходимо проводить осторожно, т. к. количество орошаемой земли, пригодной для ведения сельского хозяйства, ограничено. В.Д. Соколов также высказывает мнение, что русским переселенцам для успешного ведения сельского хозяйства необходимо перенимать опыт местных. Он полагает, что при грамотном управлении со стороны имперских властей есть перспективы получения высоких результатов при ведении сельского хозяйства.

Смелые планы выдвигает известный русский ученый, географ-путешественник и общественный деятель М.И. Венюков в статье «Туркестанские вопросы» [Венюков], опубликованной в «Русской мысли» в 1899 г., по строительству гидротехнических сооружений. Он считает, что изменение русел рек для впадения их в Каспийское море «создаст из соседних степей плодородные равнины» [Венюков, с. 141]. О введении посевов хлопка автор отзывается позитивно, приводя данные об увеличении урожая с 1889 г. к 1893 г. в два раза, «в 1895 г. Россия почти перестала покупать хлопок заграничный: блистательная страница с экономической истории нашей» [Венюков, с. 148]. Исследователь отмечает, что рост цен на хлопок сначала привел к сокращению посадок зернового хлеба, обусловившему рост цен последнего. Однако с проблемой увеличения цен на хлеб помогла справиться пресса, привлекая внимание к этой ситуации.

Действительный статский советник профессор А.И. Воейков, будучи создателем сельскохозяйственной метеорологии, в статье «Туркестан, его воды и орошение» в «Вестнике Европы» 1915 года детально рассматривает вопрос изучения и использования водных ресурсов края. «Воды – главное богатство края, и первая задача экономической политики – целесообразное использование вод» [Воейков, 1915, с. 262]. Он также отмечает активную научную деятельность в крае, проводимую с 1909 г., по исследованию водных ресурсов, подробно описывает ход работ. Автор предлагает использовать опыт местных жителей по строительству и эксплуатации оросительных каналов. Он видит прекрасные перспективы превращения Туркестана в цветущий край при использовании оросительных систем, вынашивает планы по увеличению урожая различных экзотических плодов, т. к. жители столицы «в последние годы узнали высокое качество туркестанских фруктов, особенно с того времени, как предприимчивые русские люди устроили там сады с хорошими сортами плодов» [Воейков, 1915, с. 260–261].

Авторы «Русской мысли» И. Аничков, П. Берлин, О. Шкапский обращают внимание на тяжелое положение местных сельских жителей Туркестана. В 1897 году в № 6 и № 7

журнала выходит исследование Действительного члена Туркестанского отдела Русского географического общества О.А. Шкапского «Некоторые данные для освещения киргизского вопроса», в котором он рассматривает положение кочевого населения края. Автор задаётся вопросом, почему положение кочевого населения после присоединения к империи не улучшилось. При анализе ссылается на вышедшую в 1890 г. брошюру Н. Васильева «Кочевники Туркестана. Опыт экономического обзора». Н. Васильев видит причину бедствия в изменении социальных условий жизни с приходом империи и неприспособленности к ним местного населения, а также в падежах скота, прекращении получения доходов от караванных перевозок из-за строительства железной дороги, высоких налогов и кредитных нагрузок, возникающих в процессе обмена товара у процентщиков. О.А. Шкапский пишет: «Как беззащитность киргиз, так и обременительность для него существующей податной системы, по моему мнению, не причины современного экономического расстройств киргиз» [Шкапский, 6, с. 50], следовательно, одни административные меры не принесут желаемого результата, т. к. главными причинами низкого уровня жизни киргиз автор считает другие.

Проанализировав данные «Обзоров Тургайской области» и Сырдарьинской области, он приходит к выводу, что после суровых зим поголовье скота возобновляется только через несколько лет. Он полагает, что строительство крытых зимних стойл поможет кочевникам смягчить «жестокие удары мачехи-природы» [Шкапский, 7, с. 52] и сохранить поголовье скота. Исследователь пишет, что степь разнообразна, в местах, где есть вода и более богатая растительность, кочевники строят загоны и делают зимние запасы, а в более бедных местностях у них нет такой возможности. Автор призывает имперскую администрацию активизировать просветительскую деятельность среди местного населения, то есть разъяснять выгоды от оседлой формы хозяйствования, включающую возможность строительства крытых стойл для животных; возводить большее количество оросительных систем для перевода засушливых земель в пригодные для ведения сельского хозяйства, в том числе заготовки зимнего корма и выпаса скота. О. Шкапский считает, что оседлое земледелие – более продвинутая форма ведения хозяйства, при применении его в Туркестане финансовое состояние местных народов улучшится, а также будут достигнуты высокие результаты хозяйственной деятельности, в чем и проявится цивилизаторская миссия империи.

В 1902 г. в «Русской мысли» была опубликована статья И.В. Аничкова «Упадок народного хозяйства в киргизских степях». К переселенческой политике в Туркестан автор относится с одобрением, отмечает положительное влияние русских на местное население, которое может воспользоваться «результатами нашей материальной культуры» [Аничков, с. 55]: «киргизы, столкнувшись с переселенцами в Туркестанском крае, почти на наших глазах перешли от примитивного серпа к косе» [Аничков, с. 55], начали закупать сенокосилки. Проблемой колонизации он полагает то, что русские занимают «в ущерб туземному населению самые удобные места» [Аничков, с. 57]. Скотоводческое кочевое хозяйство он считает рискованным, т. к. суровые зимы приводят к падежу скота, он поддерживает мнение О.А. Шкапского о необходимости возведения крытых зимних загонов. И.В. Аничков считает, что администрация края должна помогать осуществить «переход киргиз от одного скотоводства к земледелию и от кочевого быта к оседлому» [Аничков, с. 60].

В статье «Экономическое положение наших инородцев», напечатанной в «Русской мысли» в 1904 году, русский публицист П.А. Берлин, ссылаясь на исследование Туркестана О.А. Шкапским, сообщает, что за пять лет с 1872 по 1879 гг. сократилось количество лиц, имеющих скот, на 33 % [Берлин, с. 58], «административное насаждение новых хозяйственных форм» принесло отрицательный результат. Резюмируя данные о коренных народах Сибири и Азии, автор приходит к выводу: «Огромному количеству инородцев столкновение с русской культурой в экономическом отношении принесло лишь разорение и вымирание» [Берлин, с. 58]. П.А. Берлин, критикуя принимаемые меры, уточняет, что

нужно «развить самого кочевника, его потребности, его умственный кругозор и просветлить его инстинктивные хозяйственные приемы завоеваниями современной техники и науки» [Берлин, с. 58].

Продолжает критику действий царской администрации российский экономист-аграрник и политический деятель Н.П. Огановский в статье «Очерки по аграрному вопросу. Экономическое положение переселенцев на новых местах», вышедшей в «Вестнике Европы» в 1913 г. Он дает негативную оценку переселению русских крестьян в Туркестанский край, считает неэффективным ведение хозяйства русскими землепашцами: «Появились неурожаи вследствие того, что переселенцы, по меткому выражению одного из них, «запакостили» свои участки» [Огановский, с. 274], т. е. вели хозяйство хищническими методами, без перерыва несколько лет подряд высевая одну культуру. Автор считает, что переселенцы сталкиваются в Туркестанском крае «с более высокой туземной культурой, чем их собственная» [Огановский, с. 297], т. к. принципы ведения хозяйства у местных формировались тысячелетиями.

Исследователь говорит также о проблеме пастбищ, площади которых передаются переселенцам, что явилось одной из причин сокращения поголовья скота. Описывая ведение сельского хозяйства местным населением, он сообщает, что «преобладает поливное земледелие; из 600 тыс. дес. посева 400 тыс. орошаются искусственным путём. Они сами создали и разработали сеть иногда очень искусно проведенных каналов-арыгов, работая самыми примитивными орудиями. Переселенческому ведомству, оросившему до 1910 г. всего 4 тыс. дес., производство работ обошлось вчетверо дороже, чем туземцам (около 40 руб. десятина)» [Огановский, с. 298].

Рассказывая об ошибках переселенцев в Семиречье, Н.П. Огановский выражает опасение, что они приведут к запустению земли, а переселенцы сами скоро будут нуждаться в завозе зерна для личного потребления. Он отмечает также, что «устойчивая с.-хозяйственная эволюция возможна лишь при широкой организации искусственного орошения» [Огановский, с. 299–300], но полагает, что отсутствие опыта в построении оросительных систем приведет к высокой стоимости, а поэтому сельскохозяйственная деятельность будет невыгодной. Автор считает, что размеры земель, которые доступны для обработки без оросительных систем, в десять раз меньше, чем указано в публичной информации правительства. Н.П. Огановский высоко оценивает возможность местного населения вести хозяйство в знакомых условиях, а потенциал переселенцев оценивает скептически. «Пример необычайно быстрого развития хлопководства на орошаемой туземной территории показывает, какую мощную производительность могло бы проявить местное население, если бы к дичку его азиатской культуры сделать прививку европейской науки» [Огановский, с. 301], т. е. Н.П. Огановский придерживается цивилизаторской миссии империи в регионе.

Противоположную точку зрения транслирует В.Г. Тарковский в статье «Русские поселения в Закаспийской области», опубликованной в «Русской мысли» в 1895 г. Из названия видно, что публикация посвящена описанию дел в Закаспийской области. Автор считает, что каждая осевшая в регионе русская «семья представляется драгоценным приобретением и новым успехом русского дела в Средней Азии» [Тарковский, с. 36]. Выкладывая статистические данные об увеличении количества переселенцев, он отмечает, что они «выражаются очень скромными цифрами, особенно в деле устройства и развития земледелия» [Тарковский, с. 36]. Такой незначительный прирост В.Г. Тарковский объясняет труднодоступностью и сложными климатическими условиями края региона, недостатком денежной компенсации для переезда. Он описывает несколько населенных пунктов, в которых живут переселенцы. Сообщает, что первоначально вновь прибывшие столкнулись с рядом трудностей, вызванных климатическими особенностями края, справиться с которыми помогла поддержка администрации.

Автор указывает на успешное ведение хозяйства и сытость населения в увиденных селениях и замечает: «Практика переселенческого дела в Туркестанском крае и Закаспийской области выяснила, что успешно применяются к новой обстановке лишь люди твёрдого характера и нравственно устойчивые, умеющие жить в сравнительном достатке у себя на родине» [Тарковский, с. 40]. С нескрываемой гордостью сообщает В.Г. Тарковский об успешных предпринимательских начинаниях поселенцев, к которым относятся устройство молочной фермы, разведение шелковника и выращивание американского хлопка. Он указывает на специализацию каждого населенного пункта, зависящую от географического положения. Это может быть скотоводство и молочное хозяйство, хлебопашество, разведение фруктовых деревьев, травосеяние. Автор сообщает о необходимости расширения строительства оросительных сооружений в большинстве поселений, он подчеркивает, что «русский земледелец может справиться и с поливным хозяйством, несмотря на непривычность и новизну этого дела» [Тарковский, с. 46]. В.Г. Тарковский положительно относится к переселенческому движению в Среднюю Азию и считает, что приехавшие успешно адаптируются к новым условиям и эффективно ведут сельскохозяйственную деятельность.

С оптимизмом переселенческое дело оценивает рецензия А.Б. в «Русской мысли» в 1913 г., написанная на ряд статей и брошюр (за авторством В. Вошинина, И. Гинса, И. Тхоржевского), которые посвящены переселенческой политике. Автор высказывает мысль о необходимости продолжения и усиления переселенческого движения, в том числе в Среднюю Азию, об использовании в движении европейского опыта, о срочных правительственных мерах по этому вопросу. Он полагает, что необходимо обрабатывать пустующие земли для извлечения экономической выгоды: необходима «колонизация, т. е. система мер более быстрого экономического и культурного развития отсталой части страны» [А.Б., с. 8].

Единственным материалом о вакуфных землях является статья «О мусульманском движении» в «Вестнике Европы» за 1912 год. Её автор Милищ пишет: «Русский режим отрицательно отразился на самом священном и дорогом для мусульманина установлении: на вакуфах» [Милищ, с. 358]. Были приняты меры по изменению статуса части земель, изменению налогообложения, что вызвало недовольство у местного населения, т. к. статус земель регулировался долгие годы законами традиционного мусульманского права. Милищ считает, что неясность правового статуса земель мешает их эффективному использованию.

Заключение

Можно сделать вывод, что на страницах либеральных журналов отразился весь спектр проблем, характерных для сельского хозяйства Туркестанского генерал-губернаторства. Большинство авторов для подтверждения своих выводов приводят статистические данные, ссылаются на статьи предшественников по сходным вопросам. В период 1894–1917 гг. актуальным являлся вопрос о развитии переселенческой политики, поэтому именно его исследованию посвящено большее количество публикаций. Мнения авторов по этому вопросу не совпадали: от полной поддержки рецензента брошюр на эту тему А.Б. в «Русской мысли» до жесткой критики Н.П. Огановским в «Вестнике Европы». Присутствуют идеализированные представления и планы по орошению земель и разведению экзотических фруктов в крае. По статьям авторов видно, что они с уважением относятся к местному населению, считают его трудолюбивым и изобретательным, искренне желают экономического развития краю. В статьях содержатся рекомендации по дальнейшему решению освещаемых проблем. Необходимо отметить снижение интереса прессы к Туркестану после начала Первой мировой войны. Общим для авторов является осознание цивилизаторской миссии империи по отношению к краю, признание необходимости привнести европейские нововведения в сельскохозяйственную деятельность Туркестанского

генерал-губернаторства. Необходимо отметить, что статьи периодической печати о Туркестанском генерал-губернаторстве указанного периода не разработаны в историографии, и данное исследование частично восполнило пробел.

Список источников

- А. Б. Переселение или колонизация? *Русская мысль*, 1913. 8: 3–9.
- Аничков И. Упадок народного хозяйства в киргизских степях. *Русская мысль*. 1902. 5: 50–73.
- Берлин П. Дикие народы и цивилизация. *Образование*. 1903. 9: 9–37.
- Берлин П. Экономическое положение наших инородцев. *Русская мысль*. 1904. 12: 39–58.
- Венюков М. Туркестанские вопросы. *Русская мысль*. 1899. 9: 138–151.
- Воейков А. Туркестан, его воды и орошение. *Вестник Европы*. 1915. 3: 259–277.
- Культурное воздействие бухарских чиновников на местную промышленность. Областной отдел. *Северный вестник*. 1896. 10. Ч. 2: 11–12.
- Милиц. О мусульманском движении. *Вестник Европы*. 1912. 8: 356–371.
- Огановский Н. Очерки по аграрному вопросу. Экономическое положение переселенцев на новых местах. *Вестник Европы*. 1913. 9: 273–302.
- Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края: материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Санкт-Петербург, 1911. Ч. 1. Отд. 2. 268 с.
- Сандр. Уральцы в Туркестанском крае. *Русское богатство*. 1905. 6. Ч. 2: 1–35.
- Соколов В.Д. Москва-Самарканд. *Русский вестник*. 1894. 10: 154–177.
- Соколов В.Д. Москва-Самарканд. *Русский вестник*. 1894. 12: 160–186.
- С.Ф. Очерк колонизационного движения в Акмолинскую область. *Русское богатство*. 1894. 2. Ч. 2: 90–217.
- Тарковский Г. Русские поселения в Закаспийской области. *Русская мысль*. 1895. 5: 36–48.
- Шкапский О. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса. *Русский вестник*. 1987. 6: 44–58.
- Шкапский О. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса. *Русский вестник*. 1987. 7: 31–48.

Список литературы

- Абашин С.Н., Арапов Д.Ю., Бекмаханова Н.Е. Центральная Азия в составе Российской империи. [С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова и др., отв. ред. С.Н. Абашин и др. Междунар. благотвор. фонд им. Д.С. Лихачева]. Москва, Новое литературное обозрение, 2008. 451 с.
- Библиография периодических изданий России 1901–1916. Под общей редакцией В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. Том 1. А-З. Ленинград, 1963. 661 с.
- Библиография периодических изданий России 1901–1916. Под общей редакцией В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. Том 3. Р-Я. Ленинград, 1963. 668 с.
- Брежнева С.Н. Русская общественность о наступлении Российской империи на Туркестан (вторая половина XIX века). *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*. 2012. 1(73). Ч. 2: 26–31.
- Васильев Н. Кочевники Туркестана. Опыт экономического обзора. Самарканд, Типо-лит. Н.В. Полторанова, 1890. 163 с.
- Гапоненков А.А. Журнал «Русская мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст: автореф. дисс. ... доктор фил. наук: 10.01.01. Гапоненков Алексей Алексеевич. Саратов, 2004. 50 с.
- Есин Б.И. История русской журналистики XIX века (1903–1917). [Электронный ресурс], учебно-метод. комплект (учеб. пособие, хрестоматия, темы курсовых работ). Москва, Флинта, 2018. 464 с.
- Лапшина Г.С. Журнал «Северный вестник» и цензура. *МедиаАльманах*. 2018. 2: 80–90.
- Павлова М.М., Богомолов Н.А. Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая. *Литературный факт*. 2021. 1(19): 8–60.
- Почекаев Р.Ю. Присоединение Средней Азии к Российской Империи и борьба за общественное мнение в России (1840–1910). *Электронный научнообразовательный журнал «История»*. 2014. Т. 5. Выпуск 4(27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000721-2-1>. (дата обращения 24.12.2024)
- Чупин М.Ю. Сборник «Вопросы колонизации» (1907–1917): статус, издательские характеристики, авторский состав, проблематика. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2023. Т. 30 (4): 68–76.

References

- Abashin S., Arapov D., Bekmahanova N. Central'naja Azija v sostave Rossijskoj imperii [Central Asia as Part of the Russian Empire]. (S.N. Abashin, D.Ju. Arapov, N.E. Bekmahanova et al.; otv. red. S.N. Abashin et al. Mezhdunar. blagotvor. fond im. D.S. Lihacheva). Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 451 p.
- Bibliografija periodicheskikh izdanij Rossii 1901–1916 [Bibliography of Periodicals of Russia 1901–1916]. Pod obshhej redakciej V.M. Barashenkova, O.D. Golubevoj, N.Ja. Morachevskogo. Tom 1. A–Z. Leningrad, 1963. 661 p.
- Bibliografija periodicheskikh izdanij Rossii 1901–1916 [Bibliography of Periodicals of Russia 1901–1916]. Pod obshhej redakciej V.M. Barashenkova, O.D. Golubevoj, N.Ja. Morachevskogo. Tom 3. R–Ja. Leningrad, 1963. 668 p.
- Brezhneva S. Russkaja obshhestvennost' o nastuplenii Rossijskoj imperii na Turkestan (vtoraja polovina XIX veka) [The Russian Public on the Offensive of the Russian Empire on Turkestan (the Second Half of the 19th Century)]. *Vestnik ChGPU im. I.Ja. Jakovleva*. 2012. 1(73). P. 2: 26–31.
- Vasil'ev N. Kochevniki Turkestana. Opyt jekonomicheskogo obzora [The Nomads of Turkestan. The Experience of the Economic Review]. Samarkand. Tipo-lit. N.V. Poltoranova, 1890. 163 p.
- Gaponenkov A. Zhurnal «Russkaja mysl'» 1907–1918 gg. Redakcionnaja programma, literaturno-filosofskij kontekst [The Journal "Russkaja mysl'" 1907–1918. Editorial Program, Literary and Philosophical Context]: avtoref. diss. ... doktor fil. nauk: 10.01.01. Gaponenkov Aleksej Alekseevich. Saratov, 2004. 50 p.
- Esin B. Istorija russkoj zhurnalistiki XIX veka (1903–1917) [The History of Russian Journalism of the 19th Century (1903–1917)]. [Elektronnyj resurs], uchebno-metod. komplekt (ucheb. posobie, hrestomatija, temy kursovych rabot). M. Flinta, 2018. 464 p.
- Lapshina G. Zhurnal «Severnyj vestnik» i cenzura [Severny Vestnik Magazine and Censorship]. *MediaAl'manah*, 2018. 2: 80–90.
- Pavlova M., Bogomolov N. Iz vospominanij L.Ja. Gurevich o zhurnale «Severnyj vestnik». Stat'ja pervaja [From the Memoirs of L.Ya. Gurevich about the Magazine "Northern Bulletin". The First Article]. *Literaturnyj fakt*. 2021. 1(19): 8–60.
- Pochekaev R. Prisoedinenie Srednej Azii k Rossijskoj Imperii i bor'ba za obshhestvennoe mnenie v Rossii (1840–1910) [The Annexation of Central Asia to the Russian Empire and the Struggle for Public Opinion in Russia (1840–1910)]. *Elektronnyj nauchnoobrazovatel'nyj zhurnal «Istorija»*. 2014. T. 5. Vypusk 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000721-2-1> (data obrashhenija 24.12.2024).
- Chupin M. Sbornik «Voprosy kolonizacii» (1907–1917): status, izdatel'skie harakteristiki, avtorskij sostav, problematika [Collection "Issues of Colonization" (1907–1917): Status, Publishing Characteristics, Author's Composition, Problems]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2023. T. 30(4): 68–76.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.01.2025

Поступила после рецензирования 05.03.2025

Принята к публикации 07.03.2025

Received 10.01.2025

Revised 05.03.2025

Accepted 07.03.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслова Вера Анатольевна, аспирант факультета истории и социальных наук, кафедры отечественной истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия

 [ORCID: 0009-0005-5340-3254](https://orcid.org/0009-0005-5340-3254)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera A. Maslova, Postgraduate Student of the Faculty of History and Social Sciences, Department of National History, A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Pushkin, Russia

УДК 94 (470.56) “1904/1905”

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-165-174

Оригинальное исследование

Опыт проведения мобилизации на территории Оренбургской губернии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. (на примере 9-й частной мобилизации в Орском уезде)

Шурбаев К.К.

Оренбургский государственный педагогический университет,

Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19

E-mail: proffesor07@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проведение 9-й частной мобилизации на территории Оренбургского края, которая стала одной из самых масштабных в регионе. Автором проанализированы мобилизационные мероприятия на территории Орского уезда Оренбургской губернии, выделены основные периоды с момента объявления о подготовке к мобилизации и до отправки запасных нижних чинов по местам назначения. Сделан вывод, что местными властями была ответственно проделана масштабная работа по подготовке, хотя Орский уезд не привлекался в двух предыдущих мобилизациях на территории Оренбургской губернии. Особенно отмечена эффективность в вопросах по оповещению запасных нижних чинов и сбору необходимых сведений, которые подтверждали их право на льготы. Несмотря на трудности в период мобилизации после ее объявления 16 августа 1905 г., уездные власти в Орске смогли эффективно провести призыв благодаря высокому уровню взаимодействия властей и населения.

Ключевые слова: Русско-японская война 1904–1905 гг., 9-я частная мобилизация, нижние чины, Оренбургская губерния, Орский уезд

Для цитирования: Шурбаев К.К. 2025. Опыт проведения мобилизации на территории Оренбургской губернии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. (на примере 9-й частной мобилизации в Орском уезде). *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 165–174. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-165-174

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Experience of Mobilization on the Territory of Orenburg Province during the Russo-Japanese War of 1904–1905 (on the Example of the 9th Private Mobilization in Orsk District)

Kairat K. Shurbaev

Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia

E-mail: proffesor07@mail.ru

Abstract. The article deals with issues of the 9th private mobilization in the Orenburg province, which was one of the largest campaigns in the region. The author analyzes the mobilization activities on the territory of Orsk uyezd of Orenburg province and highlights the main periods from the moment of announcement of preparations for mobilization to the dispatch of reserve lower ranks to their destinations. It is concluded that the local authorities duly performed a large-scale work of preparation, although Orsk uyezd had not been involved in the two previous mobilizations in Orenburg province. The author stresses the efficiency in notifying the reserve lower ranks and collecting the necessary information that confirmed their eligibility

for benefits. Despite the difficulties during the mobilization period after its announcement on August 16, 1905, the district authorities in Orsk were able to effectively carry out the draft, due to a high level of cooperation between the authorities and the population.

Keywords: Russo-Japanese War of 1904–1905, 9th private mobilization, lower ranks, Orenburg province, Orsk district

For citation: Shurbaev K.K. 2025. Experience of Mobilization on the Territory of Orenburg Province during the Russo-Japanese War of 1904–1905 (on the Example of the 9th Private Mobilization in Orsk District). *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 165–174 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-165-174

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Летом 1905 г. Российская империя столкнулась с необходимостью усиления своих вооруженных сил на Дальнем Востоке. Было решено, как и в 1904 г., прибегнуть к частным мобилизациям, главным отличием которых от общей являлся призыв запасных нижних чинов только в определенных губерниях и уездах [Куропаткин, 1909, с. 258–259; Айрапетов, 2014, с.400–401]. В ходе следующих друг за другом 8-й и 9-й частной мобилизации главное командование решало несколько задач [Красный архив, 1928, с. 192–194]. Во-первых, необходимо было пополнить войска после кровопролитного Мукденского сражения, когда некомплект в составе трех Маньчжурских армий достиг 136 000 человек [Русско-японская война, 1910, с. 15–16]. Во-вторых, за счет частей действующей армии, переброшенных на театр военных действий, перехватить инициативу и попытаться провести наступательную операцию [Романов, 1947, с. 370–371]. В-третьих, в созданных еще в 1904 г. запасных батальонах в Европейской части России подготовить резерв из призванных запасных нижних чинов перед их отправкой на Дальний Восток [Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1905год, 1907, с. 31]. Одним из ключевых регионов, вовлеченных в процесс 9-й частной мобилизации, стала Оренбургская губерния, которая входила в обширный Казанский военный округ, активно привлекаемый в мобилизациях 1904 года [Летопись войны с Японией, 1905, с. 1061]. Целью данной статьи является изучение региональных особенностей мобилизации в Оренбургской губернии на примере оперативной и слаженной работы местных властей Орского уезда.

Объект и методы исследования

Объектом исследования данной статьи выступает Орский уезд Оренбургской губернии в период 9-й частной мобилизации. В работе применяются историко-генетический, проблемно-хронологический, нарративный и историко-сравнительный методы, что позволило выявить региональные особенности проведения мобилизационных мероприятий на территории Оренбургского края.

Современные исследователи в своих работах уделяют достаточное внимание изучению мобилизационных мероприятий, проводившихся в отдельных регионах Российской империи [Ширшов, 2018; Кузнецов, 2019; Кудрявцев, 2023; Рыжов, 2023; Леонов, 2024; Мустафин, 2024]. Авторы выделяют различные местные особенности, связанные с мобилизацией, включая национальный состав призывников [Жучкова, 2017], повседневную жизнь в условиях военного времени [Шмельков, 2022], а также вопросы организации подготовки и логистики в регионах [Комарова, 2012], затронутых частной мобилизацией.

В последние десятилетия возрос интерес к изучению Оренбургской губернии в период частных мобилизаций 1904–1905 годов. Первая мобилизация, проведенная летом 1904 года, затронула Оренбургский и Верхнеуральский уезды [Шурбаев, 2015]. Основное внимание

сосредоточено на формировании пехотных полков на территории губернии, включая как те части, которые были отправлены на Дальний Восток, так и те, что остались в пределах военного округа для выполнения гарнизонной службы. Зимой 1904 года Оренбург планировалось использовать только как место развертывания запасного батальона, однако в последний момент выяснилось, что для его укомплектования потребуется призвать запасных нижних чинов из ближайшего уезда [Шурбаев, 2016]. Это вызвало ряд трудностей, связанных с размещением призывников, поддержанием правопорядка и организацией логистики в условиях суровых погодных условий.

Несмотря на значительный интерес к региональным аспектам мобилизаций в период русско-японской войны 1904–1905 годов, большинство исследований сосредоточено на событиях 1904 года, включая работы, посвященные Оренбургской губернии. В то же время мобилизационные мероприятия 1905 года, которые учитывали недостатки предыдущих мобилизаций, а также проходили на фоне внутренних потрясений в Российской империи, содержат не менее важные аспекты для изучения, чем те, что имели место в начале войны.

Результаты и их обсуждение

20 июня 1905 г. штаб Казанского военного округа уведомил оренбургского губернатора Я.Ф. Барабаша о планах по усилению войск, действующих на Дальнем Востоке. Согласно им, Оренбургская губерния должна была принимать участие при предстоящей 9-й частной мобилизации. Предварительной датой начала мобилизации называлось 15 августа, поэтому все подготовительные работы обязаны были быть окончены за пять дней до обозначенного срока. В случае если дата менялась на более позднее время, командование все равно устанавливало 10 августа как крайний день, перенос даты на более раннее число не рассматривался.

На территории Оренбургской губернии к этому времени прошло уже две частных мобилизации в 1904 г. (2-я и 7-я). Однако несмотря на это, штаб Казанского военного округа, отмечая, что предстоящий призыв будет одним из масштабных в регионе, повторно опрашивал Правила от 24 августа 1904 г. и циркуляр МВД от 27 ноября 1904 г. к исполнению. В первом документе подтверждалось освобождение от призыва лиц, упомянутых в распоряжениях окружного командования, а также семейных запасных нижних чинов, получивших льготы при прежних мобилизациях. В циркуляре МВД прописывались условия по расширению прав «семейных» на получение льгот. Теперь на них могли претендовать вдовцы с детьми (малолетними и подростками), не имеющие родственников, чтобы детей можно было оставить им на попечение, к тому же женатые нижние чины, жены которых больны и сами требующих ухода наравне с детьми. Еще разъяснялось, что если вдруг запасного приняли в войска и уже отправили по назначению, а он смог представить удостоверение многосемейности, то он не будет отправлен домой, а получит перевод в войска Европейской России⁸¹.

Изменения имелись и в сроках отправки сформированных команд запасных со сборного пункта. Связано это было с тем, что в предыдущих мобилизациях было много примеров неравномерного распределения льгот. Поэтому окружное командование предлагала два способа решения проблемы: или задерживать отправку всех команд на 2–3 дня, чтобы было время проверить запасных, или из тех, кто заявляет о льготе, составлять отдельную команду, задерживать до последнего дня, а затем посылать дополнительными подводами в места назначения, где есть недобор. Кроме того, командование подчеркивало, что выбор способа зависел от местных условий и требовал обязательного согласования с заведующим передвижением войск по железной дороге. Последнее сделать следовало как можно раньше, так как из-за того, что перевозки выполнялись не по военному, а коммерческому расписанию, график, установленный мобилизационным расписанием №18, не действовал⁸².

⁸¹ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–1 (об).

⁸² ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 3-5.

В итоге мобилизационные мероприятия в Оренбургской губернии в 1904 году сопровождались как стремлением к улучшению организации процесса, так и необходимостью учитывать социальные и логистические аспекты. Однако существовавшие проблемы, такие как неравномерное распределение льгот и сложности с транспортировкой, требовали дальнейшей доработки и адаптации к местным условиям.

26 июня 1905 г. начальник Оренбургской местной бригады Е.М. Черевко и губернатор Я.Ф. Барабаш переправили приказ, полученный из Казани, в уездные центры.

Гражданские власти оповестили в уездах земских начальников, волостные и станичные правления, городские и мещанские управы, а также полицейское управление. В качестве дополнения из Оренбурга отправлялся образец, руководствуясь которым на местах должны были делать предварительные списки «семейных» нижних чинов для сборных пунктов. Главным в распоряжении называлась подготовка помещений для размещения запасных, медицинского освидетельствования и продуктового пункта. Ответом на вопрос о закрытии и открытии винной торговли стали циркуляры МВД от 14 февраля и 22 ноября 1904 г. и напоминание о том, что нет ничего важнее, чем поддержание порядка и спокойствия в период мобилизации ⁸³.

Военные власти настоятельно требовали от уездных воинских начальников ответственно отнестись к подготовке к мобилизации. Начать предлагалось с проверки объявлений о призыве на службу запасных. Ввиду того что три уезда ранее в частных мобилизациях не участвовали, имеющиеся у них в наличии объявления заготавливались в мирное время для общей мобилизации. Следовательно, было необходимо проверить их соответствие, правильно указать категории и исправленные варианты предоставить в распоряжение уездного полицейского управления. И наконец, после того как станет известно, сколько запасных будут призвано из каждой волости и уезда, необходимо было рассчитать количество подвод для перевозки запасных. В уездных городах имелись готовые списки, по которым имелась возможность начать подготовку, однако так как в большинстве уездов призвать могли меньше общего числа нижних чинов запаса, требовалось заблаговременно оповестить власти [Фаворисов, 2011, с. 107]. Вдобавок надлежало выверить маршруты следования маршевых команд, и, если таких не имелось или они устарели, не ждать до последнего числа, а немедленно потребовать их у областного уездного воинского начальника. Для Челябинского уезда имелась отдельная инструкция, по которой там должны были держать связь с железнодорожным заведующим передвижением войск Омского района при формировании маршрутов следования. До 1 августа следовало предоставить примерные списки маршевых команд для своевременного создания плана перевозок. Основными местами посадки было приказано считать ж/д станции Шумиха, Мишкино, Юргамыш. Перевозки должны были быть осуществлены преимущественно днем, начиная с третьего дня мобилизации, крайний срок приходился на седьмой день ⁸⁴.

2 августа из Петербурга пришло сообщение, в котором министр МВД Д.Ф. Трепов спрашивал Я.Ф. Барабаша, нужны ли ему дополнительные полномочия для поддержания порядка в ходе мобилизации. Губернатор в ответной телеграмме отмечал, что население в общей массе спокойно, и даже, допуская отдельные и единичные инциденты, он считал, что ему не нужны особые полномочия. Однако вместе с тем он отправил на места требование немедленно провести в каждом уезде срочные заседания с участием воинского начальника, городского головы и исправника по обсуждению совместных действий и мер для спокойного хода предстоящей мобилизации ⁸⁵.

Приготовления к 9-й частной мобилизации в Орском уезде начались с получения первых телеграмм из Оренбурга. В начале августа уездное присутствие по воинской

⁸³ ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 9–11 (об), 17–19, 29.

⁸⁴ ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 12–16.

⁸⁵ ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 42–48.

повинности проводило практически ежедневные заседания, на которых рассматривались и утверждались мобилизационные планы. После этого документы направлялись в Министерство внутренних дел и Военное министерство [Мухамедов, 2011, с. 379].

После совещания 3 августа в Орске начали заготовку экземпляров объявлений о призыве на службу запасных нижних чинов, поднимаемых в предстоящей мобилизации категории, для заблаговременной рассылки их в соответствующем количестве. Предварительно в известность ставили приставов 1-го и 3-го стана и Кананикольского волостного правления, чтобы они были готовы разослать их в волостные и станичные правления указанного им района. Затем безотлагательно в недельный срок до 10 августа требовалось составление списков домовладельцев Орска, в квартирах которых могли бы быть размещены запасные нижние чины из волостей и станиц Орского уезда. Данный документ содержал в себе таблицу, где в двух колонках указывалось, у кого из домовладельцев и сколько человек запасных может быть размещено. Данные решения свидетельствовали о желании местных гражданских и военных властей обеспечить четкость и оперативность в проведении мобилизационных мероприятий⁸⁶.

Также был заслушан доклад капитана Нидекера, который в рамках усиления местных властей был командирован в Бирск во время 7-й частной мобилизации. Подводя итог, офицер сообщал, что для быстрого и правильного определения семейного положения призываемых запасных в декабре 1904 г. на сборный пункт были приглашены все земские начальники Бирского уезда. В целом отмечая положительный опыт прошлой мобилизационной кампании, в Орске решили также привлечь земских начальников для улучшения процедуры учета социальных льгот мобилизованных. Прибыв в город с первой партией запасных, им следовало принять участие в определении семейного положения призывника, отмечая собственноручно на призывных картах также о числе способных и отдельно неспособных членов семьи призываемого⁸⁷.

К 4 августа в уездах были получены первые сведения по количеству призываемого контингента. В ходе мобилизации задействовали 4 из 5 уездов Оренбургской губернии, при этом в трех из них подобные мероприятия проводились впервые. Больше всего, 4 783 чел., мобилизовалось в Челябинском уезде, затем 2 508 чел. – из Орского уезда и, наконец, 1 474 чел. – из Троицкого уезда, еще 258 чел. в артиллерийские части привлекались из Верхнеуральского уезда. Всего 9 023 чел. переводились в военное положение. Основная масса запасных нижних чинов предназначалась Казанскому военному округу, прежде всего в Пензу (2 300 чел.), Саратов (1 176 чел.), Сызрань (623 чел.), где дислоцировались 213-й, 215-й, 216-й и 228-й запасные батальоны. Общее число запасных, отбывающих в Златоуст, Екатеринбург, Вятку и Оренбург, не превышало 300 чел. Далее местами назначения числились города Московского военных округов – Тула (1 582 чел.), Калуга (1 167 чел.), Коломна (1 021 чел.), где располагались 1–2-й, 9–12-й запасные батальоны. Дополнительно усиливались артиллерийские и железнодорожные бригады в Европейской части России (500 чел.)⁸⁸.

Изначально этих сведений было достаточно, чтобы дать распоряжение по подготовке подвоза для безостановочного следования запасных нижних чинов из волостей и станиц до сборных пунктов. Однако уездные воинские начальники ждали от управления Оренбургской местной бригады уточненных маршрутов, а в Орске, Троицке и Челябинске дополнительные разъяснения по некоторым циркулярам МВД⁸⁹.

7 августа из Орска оренбургскому губернатору Я.Ф. Барабашу сообщалось, что в уезде существует проблема с формированием конной стражи из льготных казаков соседнего Ново-Орского станичного юрта. Поэтому предлагалось для поддержания

⁸⁶ ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 85–86.

⁸⁷ ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 141.

⁸⁸ ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 6–7.

⁸⁹ ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 49–50.

тишины и порядка в Орске воспользоваться услугами уездной, волостной и сельской полиции. Всего предлагалось привлечь 4 пристава, 18 урядников, 16 старшин и 101 старосту. Особенно отмечалось, что большинство старшин и старост из башкир – хорошие наездники и вполне дисциплинированы для несения обязанностей конной полицейской стражи. На местах оставались сотские, десятские и кандидаты старшин и старост. В результате это подчеркивало стремление к использованию местных ресурсов и традиций для поддержания стабильности в уезде. Далее при обсуждении вопроса, какие предупредительные меры следует принять в отношении домов терпимости, где посетители во всякое время могут получить в изобилии крепкие напитки, присутствие по воинской повинности предлагало наложить те же ограничения, что будут действовать и для трактирных заведений⁹⁰.

14 августа было официально сообщено о начале 9-й частной мобилизации с 16 августа 1905 г., соответствующая телеграмма была разослана штабом Казанского военного округа⁹¹.

В Орске, Верхнеуральске, Троицке телеграммы о готовности к мобилизации из Оренбурга были получены в 02:30 ночи, за исключением властей в Челябинске, которые были проинформированы из Уфы в 02:55 ночи. Уведомляя о получении сообщений, на местах началась немедленная работа, к которой так усиленно готовились три недели. Первым делом по назначению были отправлены призывные карты и отданы распоряжения по расквартированию запасных нижних чинов⁹².

Дополнительно в силу позднейшего указания сообщалось, что призыв волостных старшин и писарей, а также сельских старост, состоящих в запасе и призываемых по мобилизации, отсрочен до следующей мобилизации. Запасные нижние чины, проживающие в ближайших деревнях к месту жительства их сельских старост, по объявлению призыва должны были явиться к последнему и уже с ним следовать на пункты сбора подвод, откуда по составленному маршруту в Орск. Запасные из дальних селений должны были прибыть непосредственно на пункты сбора подвод. На этих пунктах староста вручал каждому призывные карты. Подводчикам разъяснялось, что по окончании мобилизации им будет уплачено из казны по 4 копейки с версты. Сопровождающим партии запасных вменялось в обязанность доставить запасных в Орск в те сроки, которые указаны в распоряжении полицейского управления, и явку ранее не допускать. В конечном итоге начало мобилизации в Орском уезде было организовано на высоком уровне, что продемонстрировало гибкость и оперативность местных властей⁹³.

Прибытие запасных на сборный пункт в Орск началось в пятницу 18 августа на 2 день по объявлению мобилизации с явки 247 чел., проживающих в уездном центре. К концу недели добрались 435 чел. из 1-й и 3-й Усерганской и Ново-Покровской волостей, а также из станиц Ново-Орской и Таналыкской. В первой половине следующей недели в городе разместили 1 661 чел. из 2-й, 4-й, 5-й, и 6-й Усерганских, Преображенской и Тангауровской волостей, а также из станиц Ильинской и Гирьяльской. Остальные до 11-го дня мобилизации поступали из Салиховской, Кананикольской и Бурзяно-Таналыкской волостей, а также из станиц Кваркенской и Воздвиженской. После прибытия запасных отправляли на медицинский осмотр, который проходил в здании Инженерного ведомства № 10. Согласно списку гражданских врачей, предназначенных для осмотра запасных нижних чинов на сборных пунктах, в Орске во время мобилизации привлекали уездного врача А.А. Рождественского. Затем с призывником продолжал работу делопроизводитель, который оформлял документы и с помощью уездных властей сверял данные семейного положения для своевременного предоставления льгот. В конце из запасных формировали

⁹⁰ ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 89, 91 (об).

⁹¹ ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 102.

⁹² ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 110-114.

⁹³ ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 87, 146.

маршевую команду и ставили их на довольствие, и до отправки в губернский центр размещали по квартирам. В виду того что запасные не были сосредоточены в одном месте, а были разбросаны по всему городу, было принято решение не отводить отдельное здание под продовольственный пункт. Последний день мобилизации в уезде пришелся на 31 августа ⁹⁴.

К 23 августа было подготовлено три маршрута за № 105, 106, 108 из Орска в Оренбург, откуда запасные должны были быть отправлены по местам назначения. Всего было подготовлено 5 команд, которые после торжественных проводов выступали из Орска с 29 по 31 августа и прибывали в Оренбург 4–5 сентября. На всем пути следования были приготовлены пункты ночлега и приняты меры по расквартированию и довольствию запасных нижних чинов. Орский уезд отвечал за сопровождение колонн призывников через Губурлинский, Ильинский, Верхнеозерский и Красногорский поселки. В Оренбурге все было готово для немедленной переброски запасных далее по маршруту следования. Однако забастовка железнодорожных служащих изменила планы, отправка призывников откладывалась. Вследствие чего начальник оренбургского гарнизона генерал-майор Ф.Ф. Таубе рекомендовал закрыть винные лавки в губернском центре до 8 сентября, а затем до дня прекращения забастовки. Движение поездов через Оренбург было возобновлено только 10 сентября, после того как все требования железнодорожников были удовлетворены ⁹⁵. В итоге запасные прибывали на сборный пункт в Орск в течение двух недель, а их отправка в Оренбург заняла несколько дней. Это свидетельствует о сложности и масштабности мобилизационных мероприятий, которые требовали координации между различными уровнями власти и местными сообществами.

Заключение

Таким образом, летом 1905 года штаб Казанского военного округа инициировал подготовку к 9-й частной мобилизации, которая должна была начаться в середине августа. Согласно предварительным планам, в Оренбургской губернии активно привлекался Орский уезд, что потребовало от местных властей оперативной и слаженной работы. Во время заблаговременной подготовки были учтены все региональные особенности и в организации помещений для сборного пункта и для запасных нижних чинов, которые организовано и своевременно прибывали из волостей. Власти также столкнулись с необходимостью урегулировать вопросы правопорядка, особенно в связи с возможными волнениями среди населения. Особое внимание уделялось вопросам предоставления льгот семейным запасным, что было закреплено в циркулярах Министерства внутренних дел и правилах, утвержденных ранее. Были проведены многочисленные заседания уездных властей, разработаны маршруты следования запасных, организованы пункты ночлега и питания. Несмотря на сложности, такие как забастовка железнодорожных служащих, мобилизация была проведена организовано и в установленные сроки. Как видно из архивных документов, проведенная призывная кампания продемонстрировала высокий уровень взаимодействия между уездными властями и населением в условиях военного времени.

Список источников

- Всподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1905 год. 1907. СПб: Военная типография: 1436.
- Красный архив. 1928. Т. 3. М.; Л.: Государственное издательство: 243.
- Летопись войны с Японией. 1905. Редактор-издатель полковник Дубенский. № 84. СПб: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг: 1581–1612.

⁹⁴ ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 61, 71, 90–91, 173.

⁹⁵ ОГАОО. Ф. Ф-188. Оп. 1. Д. 93. Л. 91 (об), 164–172, 178.

Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Ф-188. Оренбургское губернское по воинской повинности присутствие, г. Оренбург, Оренбургская губерния 1874–1918 гг. Оп. 1. Д. 93. О производстве 9-й частной мобилизации в 1905 году.

Список литературы

- Айрапетов О.Р. 2014. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Алгоритм, 496 с.
- Жучкова С.В. 2017. Мобилизация населения Марийского края на Русско-японскую войну 1904–1905 гг. (по материалам Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов). В кн.: Богатство финно-угорских народов: материалы IV Международного финно-угорского студенческого форума, Йошкар-Ола, 25–26 мая 2017 года. Выпуск 4. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет: 289–291.
- Комарова Т.С. 2012. «Едем, братцы, к Порт-Артуру, чтоб содрать с японца шкуру». Мобилизация в Енисейской губернии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. *Военно-исторический журнал*. 10: 45–52.
- Куропаткин А.Н. 1909. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне: Итоги войны. Berlin: J. Ladyschnikow, 549 с.
- Кузнецов М.Ю. 2019. Иркутская местная бригада в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. *Вестник гуманитарного образования*. 1(13): 27–36.
- Кудрявцев А.Н. 2023. Участие уроженцев Царевококшайского уезда Казанской губернии в русско-японской войне 1904–1905 гг. В кн.: Регионы России в военной истории страны: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 15–16 ноября 2023 года. Йошкар-Ола: государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»: 113–119.
- Леонов Е.А. 2024. Мобилизованные части приграничных восточных военных округов и их роль в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В кн.: Граница как историко-психологическое явление: Материалы LV Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 13 мая 2024 года. Санкт-Петербург: ООО «Полторак»: 92–97.
- Мустафин Д.Р. 2024. Мобилизация в Нижегородской губернии в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.). В кн.: Актуальные вопросы локальной и региональной истории: Сборник статей по материалам II Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Нижний Новгород, 12 апреля 2024 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина: 141–145.
- Мухамедов Р.А. 2011. Уездные Присутствия по воинской повинности на рубеже XX в. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 13, № 3–2: 378–380.
- Романов Б.А. 1947. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 496 с.
- Русско-японская война. 1910. Т. VI. Сынгайский период. Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина, 675 с.
- Рыжов Н.Л. 2023. «На защиту престола и Отечества». Мобилизационные мероприятия в Вятской губернии в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. *Военно-исторический журнал*. 9: 50–61.
- Фаворисов Е.В. 2011. Порядок призыва чинов запаса при мобилизации (последняя треть XIX – начало XX вв.). *Вестник Екатеринбургского института*. № 1(13): 107–110.
- Ширшов М.А. 2018. Комплектование частей и соединений Приамурского военного округа запасными нижними чинами Западной Сибири в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*. № 4(37): 110–114.
- Шмельков Л.В. 2022. Мобилизационные мероприятия 1904 и 1914 гг. в Тульской губернии как индикатор синтеза пьянства и преступности. В кн.: Военная история России: Материалы XV Международной военно-исторической конференции, Санкт-Петербург, 18 ноября 2022 года. Под редакцией М.А. Королевой, В.А. Носова, С.А. Пищулина. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Центр патриотического воспитания молодежи «Дзержинец»: 104–114.
- Шурбаев К.К. 2015. Формирование 78-й пехотной дивизии на территории Оренбургского края в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. *В мире научных открытий*. 11–7(71): 2473–2480.

Шурбаев К. К. 2016. Проведение 7-й частной мобилизации на территории Оренбургского края во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. *Вестник Костромского государственного университета*. Т. 22. 2: 46–48.

References

- Ajrabetov O.R. 2014. Na puti k krahu. Russko-japonskaja vojna 1904–1905 gg. [On the Way to Collapse. The Russo-Japanese War of 1904–1905]. M.: Algoritm, 496 p.
- Zhuchkova S.V. 2017. Mobilizacija naselenija Marijskogo kraja na Russko-japonskuju vojnu 1904–1905 gg. (po materialam Carevokokshajnskogo i Koz'modem'janskogo uezdov) [Mobilisation of the Population of the Mari Region for the Russo-Japanese War of 1904–1905 (on the Materials of Tsarevokokshaisk and Kozmodemyansk District)]. V kn.: Bogatstvo finno-ugorskih narodov: materialy IV Mezhdunarodnogo finno-ugorskogo studencheskogo foruma [The Wealth of Finno-Ugric Peoples: Proceedings of the IV International Finno-Ugric Student Forum], Joshkar-Ola, 25–26 maja 2017 goda. Vypusk 4. Joshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj universitet: 289–291.
- Komarova T.S. 2012. "Edem, bratcy, k Port-Arturu, chtob sodrat' s japonca shkuru". Mobilizacija v Enisejskoj gubernii vo vremja Russko-japonskoj vojny 1904–1905 gg. [‘Let's go, brothers, to Port Arthur to skin the Japanese’. Mobilisation in Yenisei Province during the Russo-Japanese War of 1904–1905] *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 10: 45–52.
- Kuropatkin A.N. 1909. Zapiski generala Kuropatkina o Russko-japonskoj vojne: Itogi vojny [General Kuropatkin's Notes on the Russo-Japanese War: Results of the War]. Berlin: J. Ladyschnikow, 549 p.
- Kuznecov M.Ju. 2019. Irkutskaja mestnaja brigada v period Russko-japonskoj vojny 1904–1905 gg. [Irkutsk Local Brigade during the Russian-Japanese War 1904–1905] *Vestnik gumanitarnogo obrazovanija*. 1(13): 27–36.
- Kudrjavcev A.N. 2023. Uchastie urozhencev Carevokokshajnskogo uezda Kazanskoj gubernii v russko-japonskoj vojne 1904–1905 gg. [Participation of Natives of Tsarevokokshai District of Kazan Province in the Russian-Japanese War of 1904–1905]. V kn.: Regiony Rossii v voennoj istorii strany: Materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Regions of Russia in the Military History of the Country: Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference], Joshkar-Ola, 15–16 nojabrja 2023 goda. Joshkar-Ola: gosudarstvennoe bjudzhetnoe nauchnoe uchrezhdenie pri Pravitel'stve Respubliki Marij Jel "Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva": 113–119.
- Leonov E.A. 2024. Mobilizovannye chasti prigranichnyh vostochnyh voennyh okrugov i ih rol' v Russko-japonskoj vojne 1904–1905 gg. [Mobilized Units of the Eastern Border Military Districts and their Role in the Russian-Japanese War of 1904–1905]. V kn.: Granica kak istoriko-psihologicheskoe javlenie: Materialy LV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Border as a Historical and Psychological Phenomenon: Proceedings of the LV International Scientific Conference], Sankt-Peterburg, 13 maja 2024 goda. Sankt-Peterburg: OOO "Poltorak": 92–97.
- Mustafin D.R. 2024. Mobilizacija v Nizhegorodskoj gubernii v gody russko-japonskoj vojny (1904–1905 gg.) [Mobilization in Nizhny Novgorod Province during the Russian-Japanese War (1904–1905)]. V kn.: Aktual'nye voprosy lokal'noj i regional'noj istorii: Sbornik statej po materialam II Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Nizhnij Novgorod, 12 aprelja 2024 goda [Topical Issues of Local and Regional History: Collection of Articles on the Materials of the II All-Russian Student Scientific and Practical Conference]. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K. Minina: 141–145.
- Muhamedov R.A. 2011. Uezdnye Pristutstvija po voinskoj povinnosti na rubezhe XX v. [District Military Commissariats in the Beginning of XX Century] *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. Т. 13, № 3–2: 378–380.
- Romanov B.A. 1947. Oчерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907) [Essays on the Diplomatic History of the Russo-Japanese War (1895–1907)]. Moskau – Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 496 p.
- Russko-japonskaja vojna. 1910. Т. VI. Sypingajskij period [Syngai Period]. Sankt Petersburg, Tip. A.S. Suvorina. 675 p.
- Ryzhov N.L. 2023. "Na zashhitu prestola i Otechestva". Mobilizacionnye meroprijatija v Vjatskoj gubernii v period Russko-japonskoj vojny 1904–1905 gg. [“For the Defense of the Throne and the

- Motherland". Mobilization Measures in the Vyatka Gubernia during the Russo-Japanese War of 1904–1905] *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 9: 50–61.
- Favorisov E.V. 2011. Porjadok prizyva chinov zapasa pri mobilizacii (poslednjaja tret' XIX – nachalo XX vv.). [The Procedure for Calling up Reserve Ranks during Mobilisation (the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries)]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*. № 1(13): 107–110.
- Shirshov M.A. 2018. Komplektovanie chastej i soedinenij Priamurskogo voennogo okruga zapasnymi nizhnimi chinami Zapadnoj Sibiri v gody Russko-japonskoj vojny 1904–1905 gg. [Acquisition of Parts and Units of the Amur Military District with Spare Lower Ranks of Western Siberia during the Russian-Japanese War of 1904–1905]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 4(37): 110–114.
- Shmel'kov L.V. 2022. Mobilizacionnye meroprijatija 1904 i 1914 gg. v Tul'skoj gubernii kak indikator sinteza p'janstva i prestupnosti [Mobilization Measures in 1904 and 1914 in the Tula Province as an Indicator of the Synthesis of Drunkenness and Crime]. V kn.: Voennaja istorija Rossii: Materialy XV Mezhdunarodnoj voенно-istoricheskoi konferencii [Military History of Russia: Proceedings of the XV International Military History Conference], Sankt-Peterburg, 18 nojabrja 2022 goda. Pod redakciej M.A. Korolevoj, V.A. Nosova, S.A. Pishhulina. Sankt Petersburg, Sankt-Peterburgskoe gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie "Centr patrioticheskogo vospitanija molodezhi "Dzerzhinec": 104–114.
- Shurbaev K.K. 2015. Formirovanie 78-j pehotnoj divizii na territorii Orenburgskogo kraja v period Russko-japonskoj vojny 1904–1905 gg. [The Formation of the 78th Infantry Division in the Orenburg Territory during the Russo-Japanese War, 1904–1905] *V mire nauchnyh otkrytij*. 11–7(71): 2473–2480.
- Shurbaev K.K. 2016. Provedenie 7-j chastnoj mobilizacii na territorii Orenburgskogo kraja vo vremja Russko-japonskoj vojny 1904–1905 godov [Conduct of the 7th partial Mobilisation in Orenburg Land's Territory during 1904–1905 Russian-Japanese War]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 22. 2: 46–48.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.03.2025

Received 03.03.2025

Поступила после рецензирования 10.03.2025

Revised 10.03.2025

Принята к публикации 12.03.2025

Accepted 12.03.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шурбаев Кайрат Кимерканович, старший преподаватель кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Kairat K. Shurbaev, Senior Lecturer of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

 [ORCID: 0009-0007-3562-9975](https://orcid.org/0009-0007-3562-9975)

УДК 908.

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-175-182

Оригинальное исследование

Влияние неземледельческих промыслов крестьян на сельское хозяйство в 1920-е годы (на материалах Костромской губернии)

Новоселова О.П.

Костромской государственный университет,
Россия, 156005, г. Кострома, улица Дзержинского, дом 17/11;
Сергиево-Посадский колледж,
Россия, 141303, Московская область, г. Сергиев Посад, ул. 40 лет Октября, 5А
E-mail: napalkovao@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние неземледельческих промыслов крестьян на сельское хозяйство на примере Костромской губернии в 1920-х гг. Автором проанализированы региональные источники, а также периодическая печать Костромской губернии 1920-х гг., на основе которых сделан вывод о противоречивой роли отходничества в сельском хозяйстве. Неземледельческие промыслы были необратимым явлением, так как в крупных городах с развитой индустрией крестьяне получали дополнительный доход, который могли вложить в развитие и улучшение собственного сельского хозяйства – обустройство жилых построек, закупку сельскохозяйственного инвентаря и удобрений, проведение землеустройства и переход на многополье. С другой стороны, отхожие работы имели и отрицательные последствия для развития сельского хозяйства губернии. В изучаемый период прослеживалась тенденция, согласно которой отходникам сельское хозяйство уже не требовалось, так как крестьяне понимали, что больший доход они могут получить на сезонных работах, а содержание собственного хозяйства являлось только страховкой в случае неспособности заработать деньги в городе.

Ключевые слова: неземледельческий промысел, отходники, сельское хозяйство, Советская Россия, Костромская губерния

Для цитирования: Новоселова О.П. 2025. Влияние неземледельческих промыслов крестьян на сельское хозяйство в 1920-е годы (на материалах Костромской губернии). *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 175–182. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-175-182

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Influence of Non-Agricultural Trades of Peasants on Agriculture in the 1920s (Based on Materials from the Kostroma Province)

Olga P. Novoselova

Kostroma State University,
17/11 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russia;
Sergiev Posad College,
5A 40th Anniversary of October St., Sergiev Posad 141303, Moscow Region, Russia
E-mail: napalkovao@bk.ru

Abstract. The article examines the impact of peasants' non-agricultural trades on agriculture using the example of the Kostroma province in the 1920s. The author analyzes regional sources, as well as the periodical press of the Kostroma province of the 1920s, which allows a conclusion about the contradictory role of seasonal work in agriculture. Non-agricultural trades were an irreversible phenomenon, since in large cities with developed industry, peasants received additional income that they could invest in the development and improvement of their own homesteads – arrangement of residential buildings, purchase

of agricultural equipment and fertilizers, land management and transition to multiple fields. On the other hand, seasonal work also had negative consequences for the development of agriculture in the province. During the period under study, a tendency was observed according to which seasonal workers no longer needed agriculture, since peasants understood that they could get more income from seasonal work, and maintaining their own farm was only insurance in case of inability to earn money in the city.

Keywords: Non-agricultural trade, migrant workers, agriculture, Soviet Russia, Kostroma province

For citation: Novoselova O.P. 2025. The Influence of Non-Agricultural Trades of Peasants on Agriculture in the 1920s (Based on Materials from the Kostroma Province). *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 175–182 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-175-182

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Сельское хозяйство при различных уровнях его развития и системах землепользования всегда обеспечивало население нужными ему продуктами питания и обмена. Эволюция экономики крестьянского хозяйства часто зависела от состава семьи, а также от экономического уровня самого хозяйства. Хрящева А.И. пишет, что не каждое хозяйство в первые годы Советской власти прогрессировало, а упадок нового хозяйства наступал очень быстро. И причина, согласно её мнению, заключается в отхожих промыслах: «Не успеет как следует обстроиться, как уже уходит на заработки, и тогда будущее зависит от удачи на стороне» [Хрящева, 1924, с. 24]. Костромская губерния в рассматриваемый период являлась ярким примером развитой отхожей стороны, в которой отходничество в 1920-е годы было порождено особенностями развития отсталого мелкокрестьянского хозяйства и дифференциации деревни.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются неземледельческие промыслы крестьян Костромской губернии в 1920-е годы и их влияние на крестьянское хозяйство.

Историография по теме отходничества крестьян на заработки в 1920-е годы является обширной. В рамках заявленной темы отметим монографию Хрящевой А.И., в которой рассмотрено положение крестьянства Советской России, а также изучены причины отхода крестьян – середняков и бедняков [Хрящева, 1924]. Историография Костромской губернии по исследуемой теме представлена работами Жбанкова Д.Н. [Жбанков, 1891], Владимирского Н.Н. [Владимирский, 1927], Казаринова Л.Н. [Казаринов, 1926], а также Соловьева А.Н. [Соловьев, 1923].

Кроме того, наше исследование проведено с привлечением широкого ряда опубликованных и неопубликованных источников, делопроизводственных материалов, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Кроме этого, проанализирована периодическая печать, в частности «Северная Правда», представленная в Костромской областной универсальной научной библиотеке.

В данной статье были использованы общенаучные и специальные методы исторического исследования, такие как методы объективизма, историзма, анализа и синтеза, а также описательно-повествовательный метод исторического познания, позволившие нам изучить степень влияния отхожих промыслов на сельское хозяйство в местах отхода и проследить противоречивость отходничества для крестьянства Костромской губернии в целом.

Результаты и их обсуждение

В 1920-е годы отходничество служило важным дополнительным источником доходов деревни вследствие того, что сельское хозяйство не приносило крестьянам высоких средств

к существованию. Помимо этого, отхожий промысел рассматривался не только как вынужденная мера для обеспечения своего хозяйства, а как необратимое и необходимое явление для подъёма промышленности в стране [Захаров, 1926, с. 2].

Костромскому крестьянству отхожие промыслы приносили большие заработки. На собрании отходников восьмого района Каликинской волости Чуломского уезда Костромской губернии от 10 апреля 1926 г. секретарь собрания Измаилов, жалуясь на плохой урожай, высказывался о необходимости отхожего промысла ⁹⁶.

По подсчётам губстатбюро, в 1924–1925 гг. благодаря неземледельческим промыслам бюджет костромского крестьянства составлял не менее 7 млн рублей. В 1930 г. бюджет отходнического хозяйства состоял на 40 % из заработков на отхожих промыслах [Шустов, 1967, с. 6]. К примеру, в Солигаличском уезде Костромской губернии валовой доход волости за 1924 г. состоял из общей суммы дохода в 89,35 %, а остальные 10,55 % – от побочного заработка на стороне ⁹⁷. Эта сумма, вложенная в крестьянское хозяйство, могла служить немалым толчком к его подъёму. Так, на губернском совещании секретарей деревенских ячеек товарищ Руколтан, секретарь ячейки из Галичского уезда, рассказал, как на деньги, вложенные отходниками в сельское хозяйство, было коллективно приобретено до 40 веялок и сортировок [Н.Т., 1926, с. 3].

Таким образом, отходники вкладывали полученные в отходе денежные средства на развитие собственного сельского хозяйства. К примеру, в Головинской волости Буйского уезда ежегодно отходник вносил от 25 до 125 рублей на усовершенствование хозяйства. А в Коровинской волости этого же уезда откладывали 70–150 рублей ⁹⁸. В Карцовской волости Буйского уезда, по мнению ответственного секретаря Карцовской ячейки товарища Серогородского, небольшая часть отходников стремилась всеми силами улучшить своё имение путём усовершенствования способов ведения хозяйства, таких как переход на многополье ⁹⁹. Однако он подчёркивал, что стремлений к переходу на хутора и отруба у населения не встречалось. А Павлов из этой же волости на совещании членов и кандидатов ВКП(б) в 1928 г. заметил, что отход влияет на сельское хозяйство в лучшую сторону, так как без побочного заработка невозможно было поднять хозяйство – «отходник сейчас живёт лучше маломощного крестьянства, который бьётся, бьётся, и в результате в хозяйстве нет ничего» ¹⁰⁰. Члены Георгиевской ячейки Солигаличского уезда ВКП(б) были согласны с вышеуказанной позицией о положительном влиянии неземледельческих промыслов на сельское хозяйство, так как отходник «живёт лучше и приобретает лишних вещей в своё хозяйство» ¹⁰¹.

Многие исследователи уточняют тот факт, что неземледельческие заработки были выгодны только в том случае, если они носили временный характер. С этой позицией был солидарен товарищ Дмитров, который на заседании партийной ячейки в Костромском уезде заявил, что «отходничество Костромской губернии делится на две части. Заработок большей группы направлен только на сельское хозяйство» ¹⁰². На уездном совещании партийцев и комсомольцев-отходников 25 января 1928 г., заслушав доклад члена ВКП(б) Баскакова о вовлечении средств отходников на развитие сельского хозяйства и сельскохозяйственной кооперации, были отмечены общие результаты отходничества. К ним относились: усиленные темпы землеустройства в отхожих районах, а также частичная замена сельскохозяйственного инвентаря более современным и улучшенным ¹⁰³.

⁹⁶ Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. р.-938. Оп. 1. Д. 46. Л. 103–117.

⁹⁷ ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 10. Д. 882. Л. 69–73.

⁹⁸ ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 10. Д. 875. Л. 2–57.

⁹⁹ ГАНИКО. Ф. р.-8. Оп. 1. Д. 310. Л. 67–71.

¹⁰⁰ ГАНИКО. Ф. р.-8. Оп. 1. Д. 375. Л. 24–29.

¹⁰¹ ГАНИКО. Ф. р.-8. Оп. 1. Д. 306. Л. 15–22.

¹⁰² ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 11. Д. 286. Л. 2–38.

¹⁰³ ГАНИКО. Ф. р.-719. Оп. 1. Д. 7. Л. 178–179.

Кроме того, ответственные секретари волостных ячеек ВКП(б) подтверждали заметное положительное влияние неземледельческих заработков на сельское хозяйство. Например, ответственный секретарь Покровской волостной ячейки ВКП(б) Буйского уезда Костромской губернии Семичев в 1926 году указывал, что «от отходничества сельское хозяйство не ухудшается, так как на отхожий промысел идут лишние в хозяйстве руки, которые побочными заработками стремятся улучшить свои хозяйства»¹⁰⁴.

В 1926 году ответственным секретарём Головинской волостной ячейки ВКП(б) Николаевым была представлена статистика состояния отходничества Головинской волости Буйского уезда. На основе наблюдений крестьянских хозяйств в данной волости он пришёл к выводу, что хозяйства плотников улучшились на 60 %, а у кирпичников – на 40¹⁰⁵. А ответственный секретарь Писменской волостной ячейки ВКП(б) этого уезда Смирнов утверждал, что вклад в развитие собственного хозяйства вносят только те отходники, которые уходят на заработки зимой. Причиной этого мнения служит не только факт материального обеспечения хозяйства, но и участие самих отходников в работах на собственной земле. К примеру, отходники таких профессий, как сапожники, кузнецы, столяры, в связи со спецификой своей работы в зимний сезон помимо внесения денежных средств в сельское хозяйство успевали участвовать в пахоте земли, а кровельщики, уезжающие на работы летом, «помогают плохо, в связи с чем ухудшается сельское хозяйство»¹⁰⁶. Что касается шапочников, по его мнению, молодёжь, работающая в шапочном промысле, тратила деньги только на наряды. Сапожники, по его мнению, плохо стараются, а плотники, несмотря на то, что их большинство в волости, примерно 536 человек в 1926 году, «участвуют в хозяйственной жизни плохо, так как пьянствуют»¹⁰⁷.

В крупных городах с развитой инфраструктурой всегда требовались и ценились высокопрофессиональные специалисты. Для галичских мастеров-маляров в Ленинграде всегда находилась тонкая работа, о которой писал Соловьёв А.Н.: «Разделка дверей под разные дерева, раскрышка потолков соответствующими тонами, писанье углов, розеток, тяга филёнок и т. д.» [Соловьёв, 1923, с. 10]. Впоследствии костромские отходники находили заработок, работая в музеях и театрах. В то же время мастера, имея постоянную работу и живя в Ленинграде, перевозили туда и всю свою семью, постепенно обрывая связь с деревней.

В отдельных случаях целые волости достигали экономического роста благодаря неземледельческим промыслам. В Молвитино, где был развит шапочный промысел, сказывалось влияние капитала, полученного от отходничества. «Здесь наглядно проскальзывала тенденция мелких капиталистов к объединению и захвату всех экономических высот в волости, – говорил Вознесенский, изучающий Буйский уезд, – это, пожалуй, уже удаётся, если не будет дальнейшего вмешательства уезда или губернии, и здесь может случиться неблагоприятное явление в смысле закабаления»¹⁰⁸ – подытожил он негативными последствиями расширение экономических возможностей отходников в волости. Так, отходники становились подрядчиками и приобретали возможность нанимать на работу крестьян. Например, в Головинской волости Буйского уезда проживали бывшие подрядчики, которые «выбились в люди» и имели по 40–50 наёмных рабочих, строили в деревне каменные дома и покупали лошадей¹⁰⁹. Что касается подрядчиков, а также десятников и хороших мастеров, то, по мнению Соловьёва А.Н., они «чувствовали себя достаточно прочно и устойчиво как в городе, так и в деревне» [Соловьёв, 1923, с. 3].

С другой стороны, отходничество имело и негативные последствия для развития сельского хозяйства в губернии. К примеру, в 1926 г. ответственный секретарь Шушкодомской волостной

¹⁰⁴ ГАНИКО. Ф. р.-714. Оп. 1. Д. 532. Л. 38.

¹⁰⁵ Там же. Л. 103.

¹⁰⁶ Там же. Л. 49.

¹⁰⁷ Там же. Л. 51.

¹⁰⁸ ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 10. Д. 875. Л. 2–57.

¹⁰⁹ ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 10. Д. 879. Л. 1–10.

ячейки ВКП(б) Буйского уезда Дмитров указывал, что работники строительных профессий, уехавшие в города, своё хозяйство не ведут¹¹⁰. Казаринов Л. рассматривает отходничество как возможную сепарацию в крестьянских семьях, когда с появлением нового безлошадника уменьшалось количество земли, необходимой для крестьянского хозяйства [Казаринов, 1926, с. 13]. Помимо прочего, отходники не стремились реализовать землеустройство, так как знали, что при разделе земли им достанется больше, чем у них имелось, вследствие чего увеличится и сельхозналог. А та часть, которая у них существовала, обрабатывалась оставшимися в деревнях женщинами¹¹¹. Ковальковский А. считает, что отход на заработки – «явление ненормальное» [Ковальковский, 1926, с. 2], так как излишки рабочей силы необходимо было использовать на подъем сельского хозяйства, например, на введение в культуру трудоёмких растений, таких как лён, корнеплодов картофеля и развитие скотоводства, распределив работы в течение года. По мнению Костерина, необходимо было вовлекать свободные денежные средства отходников на восстановление сельского хозяйства, объясняя это тем, что «сельское хозяйство может стать более выгодным, чем отхожие промыслы, и вместе с тем может стать надёжной страховкой от неожиданных случайностей» [Костерин, 1926, с. 2].

Кроме того, острым оставался вопрос о материальном обеспечении крестьянского хозяйства. Существовал ряд примеров расточительного отношения крестьян-отходников к собственному хозяйству, когда свободные средства использовались на предметы домашнего обихода, то есть на обстановку, посуду, одежду, оставляя без внимания затраты на восстановление либо улучшение собственного домашнего хозяйства. По мнению Крылова С., озвучивавшего состояние хозяйства в Чухломском уезде и перспективы его развития, значительная доля заработков от отхода на сельское хозяйство не тратилась, а уходила на те нужды крестьян, которые к сельскому хозяйству никакого отношения не имели¹¹².

Другой пример, подтверждающий данный факт, есть в описании «питерщиков»: «Осенью, возвращаясь с «горячими деньгами» и подарками «на сарафаны» жёнам и головные платки остальной родне, пожилые «питерщики» ложились на печь на всю зиму, слезая с неё только для пьянки» [Костерин, 1926, с. 2]. Характерно возвращение молвитинских шапочников, рассматриваемое Тарабашиным С.: «Катание на рысаках, полилась рекой «русская горькая». 200–300 рублей, заработанные за весь зимний период, прокутили. Ехать назад бы, а денег нет. Вот и ходят по базару вереницы шапочников, продавая свои «масленичные» каракулевые шапки за бесценок» [Тарабашин, 1926, с. 4]. Что касается жён отходников, то их внешний облик также был антуражем для обычных крестьян 1920-х годов: «У жён их можно видеть золотые зубы – предмет разговоров и насмешек в деревне. Ездит в деревню летом на «отдых», вроде как на «дачу». Новая буржуазия» [П., 1926, с. 4]. Схожее описание возвращения на малую родину костомских плотников: «нарядные, с подарками, с городскими гостинцами. Заживёт в эти дни Костома пьяной, весёлой, гулливой, бесшабашной жизнью. Все зимние праздники – Рождество, Никола и т. д. проводятся также – с пьянкой, с хулиганством, с драками» [К., 1928, с. 5]. На совещании членов и кандидатов ВКП(б) Солигаличского уезда при вопросе о влиянии отходничества на сельское хозяйство была озвучена мысль товарища Котлова о том, что никакого улучшения не наблюдается, так как отходники «гонятся за внешностью вида своего хозяйства, приобретая вместо новых сельскохозяйственных машин выездные санки, сбрую»¹¹³. А оппонент Голубев предлагал проверять приезжающих домой отходников «в лисьих шубах на их идеологию, и каким путём он заработал материальные средства».¹¹⁴ Были случаи, когда денежных средств, вырученных с отхожих промыслов, не хватало крестьянам для обеспечения собственного хозяйства и приобретения необходимого сельскохозяйственного инвентаря¹¹⁵.

¹¹⁰ ГАНИКО. Ф. р.-714. Оп. 1. Д. 532. Л. 38.

¹¹¹ ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 11. Д. 286. Л. 2–38.

¹¹² ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 11. Д. 201. Л. 68–85.

¹¹³ ГАНИКО. Ф. р.-8. Оп. 1. Д. 375. Л. 24–29.

¹¹⁴ Там же. Л. 31.

¹¹⁵ ГАНИКО. Ф. р.-1. Оп. 2. Д. 1107. Л. 12–20.

Необходимо учитывать и роль деревенских женщин, оставшихся в хозяйстве в условиях отхода мужчин на заработки. Отсутствие мужчин во время летних полевых работ полностью возлагало все тяжёлые полевые работы на женщин, превращая деревни Костромской губернии, по мнению Владимирского Н.Н., в «бабью сторону» [Владимирский, 1926, с. 1]. Соотношение полов внутри сельского населения было неравномерным. Так, в 1926 г. по РСФСР на каждую тысячу мужчин приходилось 1 101 женщина [Баланс народного хозяйства, 1927, с. 109]. Преобладание женщин молодых возрастов сложилось не только как результат потерь в Гражданской войне, но и как результат миграционного оттока из деревни многих мужчин [Озеров, 1998, с. 143–145]. Согласно переписи населения, в РСФСР на каждую 1 000 мужчин приходилась 1 101 женщина. А в 1926 г. такая диспропорция достигла максимума в группе от 25 до 29 лет, где на каждых 1 000 мужчин приходилось женщин такого же возраста на 12,4 % больше. В Костромской губернии, по статистическим данным за 1924 г., население Чухломского уезда состояло из 26 483 мужчин и 32 913 женщин [Костромская губерния в цифрах, 1925, с. 16–17; 143].

Информацию об упадке сельского хозяйства, в котором оставалась хозяйничать женщина, можно встретить в отчёте Карцовской волостной ячейки ВКП(б) Буйского уезда Костромской губернии за апрель-май 1926 г. Так как в этой волости 50 % населения занимается отхожим промыслом, не было возможности полноценно заниматься сельским хозяйством. Оставшиеся в хозяйствах женщины не только не стремились к улучшению форм земледелия, но и физически не в состоянии были заниматься сохранением обработки земли в том виде, в каком она была в те годы, когда крестьянство не занималось отходничеством¹¹⁶. Пример изнурительного женского труда в сельском хозяйстве мы можем встретить в газете «Северная Правда»: «тяжела жизнь для женщины в Костоме. На её плечах – дети и всё крестьянское хозяйство. Женщина здесь – пашет, сеет, косит, жнёт молотит, делает изгороди, рубит дрова. Тяжёлый труд накладывает резкий отпечаток на костомскую крестьянку, редко услышишь на работах весёлое слово, смех или песню. А иногда к этому прибавляются еще и неприятные вести о муже – ... Загулял, запьянствовал, обокрали, нашёл подружку» [К., 1928, с. 5].

В тяжёлых и невыносимых условиях многие из них начинали злоупотреблять алкоголем. Например, Казаринов Л. пишет, что большинство женщин Чухломского уезда пили водку. Кроме того, прослеживался упадок нравственности вследствие отхода мужчин на заработки. Были случаи в Чухломском уезде, когда женщины, разлучённые на долгое время с мужьями, вступали в связь с нанятыми работниками из Вологодской губернии [Казаринов, 1926, с. 16–19].

Интересна статистика доктора Жбанкова, согласно которой рождаемость, а следовательно, прирост населения губернии сократились в результате отхожей деятельности крестьян: «Более сильные представители здешнего крестьянства изгнаны отсюда нуждой, и мы находимся в мифологическом царстве амазонок, которых встречается здесь многое множество... Тот же всемогущий властитель, – нужда, изгнавший отсюда мужчин, заставляет молодых и старых, беременных и больных крестьянок с трудом взбираться на своих сивок и бурок и тащиться на работу в поле, за вестями от мужа на почту, за покупками на базар» [Жбанков, 1891, с. 115].

Заключение

Таким образом, мы можем отметить противоречивое влияние отхожих промыслов на сельское хозяйство в 1920-е годы. Порождённое неспособностью мелкого хозяйства обеспечить крестьянину необходимые средства к жизни, отходничество служило важным дополнительным источником доходов деревни. Неземледельческие заработки оказывали существенное влияние на строй и характер крестьянского хозяйства. С одной стороны, крестьянин был заинтересован в ведении собственного земельного хозяйства, так как с помощью заработков с неземледельческих отходов он постепенно вливал капиталы в своё

¹¹⁶ ГАНИКО. Ф. р.-8. Оп. 1. Д. 310. Л. 67–71.

хозяйство, а также в условиях неурожайных лет отходничество выручало население, так как на заработанные от неземледельческих промыслов средства крестьяне могли приобретать недостающее количество хлеба.

Однако отходничество крестьян на заработки имело и свои отрицательные стороны. Так, в тех районах, где отходничество было особенно развито, к примеру, в Костромской губернии, в упадок приходило сельскохозяйственное производство в целом, так как крестьянин осознавал, что больший заработок он мог иметь от отхожей деятельности, а сохранение собственного хозяйства ему необходимо только в случае неудач на заработках. Поэтому ведение сельского хозяйства в таких регионах почти целиком ложилось на крестьянку.

Список источников

- Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф.р.-1. Костромской губернский комитет ВКП(б), 1918–1929. Оп. 2. Д. 1107. Настроения в деревне. Оп. 10. Д. 875. Документы о состоянии кустарной промышленности и кустарно-промысловой кооперации в Костромской губернии. Д. 879. Протоколы общих партсобраний сельских и городских ячеек ВКП(б). Д. 882. Доклады уполномоченных губкома РКП(б) о результатах обследования волостей Солигаличского уезда. Оп. 11. Д. 201. Доклады Костромского и Чухломского укомов ВКП(б) об экономическом и политическом положении уездов и работе укомов партии. Д. 286. Циркулярные письма: губкома ВКП(б) укомами райкома партии, протоколы совещаний партийных работников, доклады, сведения о работе среди бедноты, батрачества, с отходниками.
- ГАНИКО. Ф. р.-8. Солигаличский уездный комитет, 1918–1929. Оп. 1. Д. 306. Информационные и статистические отчёты, протоколы собраний Георгиевской ячейки РКП(б) и бедноты волости. Д. 310. Протоколы общих собраний, заседаний бюро, информационные и статистические отчёты, акт обследования Карцовской ячейки ВКП(б). Д. 375. Протоколы совещаний и комиссий при укоме ВКП(б), городских собраний бедноты.
- ГАНИКО. Ф. р.-714. Буйский уездный комитет, 1917–1929. Оп. 1. Д. 532. Протоколы совещания комиссии по работе в деревне губкома ВКП(б), сводки о состоянии работы в деревне среди бедноты.
- ГАНИКО. Ф. р.-719. Костромский волостной комитет ВКП(б) Костромского уезда Костромской губернии, 1918–1929. Оп. 1. Д. 7. Массовая работа с беднотой, активом, отходниками, среди женщин, компаний.
- ГАНИКО. Ф.р.-938. Каликинский волостной комитет ВКП(б) Чухломского уезда Костромской губернии, 1918–1928 гг. Оп. 1. Д. 46. Протоколы собраний крестьянского актива, селькоров и отходников.

Список литературы

- Баланс народного хозяйства Костромской губернии за 1925–1926 годы. 1927. Кострома, Костромская губернская плановая комиссия, 126 с.
- Владимирский. 1926. Отхожие промыслы в нашей губернии (8-й исторический очерк). *Северная Правда*. 51: 2.
- Жбанков Д.Н. 1891. Бабыя сторона. Кострома, губернская типография, 136 с.
- Захаров Н. 1926. Прав ли товарищ Ковальковский? *Северная Правда*. 50: 2.
- К. 1928. Костома – село отходников. *Северная Правда*. 84: 5.
- Казаринов Л. 1926. Отхожие промыслы Чухломского уезда. Выпуск 2. Чухлома, Труды Костромского отделения Костромского научного общества, 19 с.
- Ковальковский А. 1926. Наши отхожие промыслы. *Северная Правда*. 45: 2.
- Костерин. 1926. Экономические корни отхожих промыслов. *Северная Правда*. 60: 2.
- Костромская губерния в цифрах. 1923–1924 гг. Статистический справочник IV. 1925. Кострома, Костромской губисполком, 276 с.
- Н.Т. 1926. Сельское хозяйство нашего края. *Северная Правда*. 66: 3.
- Озеров О.В. 1998. Миграция и половозрастная структура сельского населения Российской Федерации в 20–30-е гг. *Особенности Российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв.* 26: 143–145.
- П. 1926. В Москву (среди шапочников-отходников). *Северная Правда*. 229: 4.
- Соловьёв А.Н. 1923. Питерщики-галичане. Галич, типография Галичского отдела местного хозяйства, 16 с.

- Тарабашин С. 1926. По селам и деревням. *Северная Правда*. 145: 4.
Хрящева А.И. 1924. Группы и классы в крестьянстве. Москва, Центральное статистическое управление, 172 с.
Шустов А.К. 1967. К вопросу о периодизации подготовки и осуществления коллективизации деревни. Кострома, Костромской обком КПСС, Костромской педагогический институт им. Н.А. Некрасова, 17 с.

References

- Balans narodnogo hozjajstva Kostromskoj gubernii za 1925–1926 gody [Balance of the National Economy of the Kostroma Province for 1925–1926]. 1927. Kostroma, Kostromskaja gubernskaja planovaja komissija, 126 p.
Vladimirskij. 1926. Othozhie promysly v nashej gubernii (8-j istoricheskij ocherk) [Migrant Work in Our Province (8th Historical Essay)]. *Severnaja Pravda*. 51: 2.
Zhbankov D.N. 1891. Bab'ja storona [Women's Side]. Kostroma, gubernskaja tipografija, 136 p.
Zaharov N. 1926. Prav li tovarishh Koval'kovskij? [Is Comrade Kovalkovsky Right?]. *Severnaja Pravda*. 50: 2.
К. 1928. Kostoma – selo othodnikov [Kostoma – a Village of Migrant Workers]. *Severnaja Pravda*. 84: 5.
Kazarinov L. 1926. Othozhie promysly Chuhlomskogo uezda [Migrant Industries of Chukhloma District]. Vypusk 2. Chuhloma, Trudy Kostromskogo otdelenija Kostromskogo nauchnogo obshhestva, 19 p.
Koval'kovskij A. 1926. Nashi othozhie promysly [Our Seasonal Trades]. *Severnaja Pravda*. 45: 2.
Kosterin. 1926. Jekonomicheskie korni othozhjih promyslov [Economic Roots of Seasonal Industries]. *Severnaja Pravda*. 60: 2.
Kostromskaja gubernija v cifrah. 1923–1924 gg. [Kostroma Province in Figures. 1923–1924]. Statisticheskij spravocnik IV. 1925. Kostroma, Kostromskoj gubispolkom, 276 p.
N.T. 1926. Sel'skoe hozjajstvo nashego kraja [Agriculture of Our Region]. *Severnaja Pravda*. 66: 3.
Ozerov O.V. 1998. Migracija i polovozrastnaja struktura sel'skogo naselenija Rossijskoj Federacii v 20–30-e gg. [Migration and Age and Sex Structure of the Rural Population of the Russian Federation in the 20–30s]. *Osobennosti Rossijskogo zemledelija i problemy rasselenija IX–XX vv.* 26: 143–145.
P. 1926. V Moskvu (sredi shapochnikov-othodnikov) [To Moscow (Among the Migrant Hatters)]. *Severnaja Pravda*. 229: 4.
Solov'jov A.N. 1923. Piterishhiki-galichane [St. Petersburg Galicians]. Galich, tipografija Galichskogo otdela mestnogo hozjajstva, 16 p.
Tarabashin S. 1926. Po selam i derevnyam [Through Villages and Towns]. *Severnaja Pravda*. 145: 4.
Hrjashheva A.I. 1924. Gruppy i klassy v krest'janstve [Groups and Classes in the Peasantry]. Москва, Central'noe statisticheskoe upravlenie, 172 p.
Shustov A.K. 1967. K voprosu o periodizacii podgotovki i osushhestvlenija kollektivizacii derevni [On the Issue of Periodization of Preparation and Implementation of Village Collectivization]. Кострома, Костромской обком КПСС, Костромской педагогический институт им. Н.А. Некрасова, 17 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.11.2024

Received 17.11.2024

Поступила после рецензирования 10.02.2025

Revised 10.02.2025

Принята к публикации 12.02.2025

Accepted 12.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Новоселова Ольга Павловна, аспирант кафедры истории, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия; преподаватель истории, Сергиево-Посадский колледж, г. Сергиев Посад, Московская область, Россия

Olga P. Novoselova, Postgraduate Student, Department of History, Kostroma State University, Kostroma, Russia; Teacher of History, Sergiev Posad College, Sergiev Posad, Moscow Region, Russia

 [ORCID: 0009-0001-5608-0981](https://orcid.org/0009-0001-5608-0981)

УДК 94

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-183-192

Оригинальное исследование

Угольная промышленность Донбасса накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1939–1943 гг.)

Комлякова Ю.Ю. , Руднева М.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: komyakova@bsuedu.ru; rudneva@bsuedu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению специфики развития угольной промышленности Донбасса накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1939–1943 гг.). Исследование направлено на получение более полного представления о роли региона в экономике СССР. Учитывая стратегически важное положение Донбасса в качестве одного из наиболее развитых центров угольной промышленности, руководством страны был осуществлён комплекс действий, направленных на интенсификацию производства в свете надвигавшейся угрозы. Несмотря на трудности в кадровом отношении и иные проблемы с подготовкой, в предвоенные годы были получены значительные результаты. Тяжелое положение военного периода, оккупация региона прервали планомерное развитие Донбасса, привели к разрушению материально-технической базы угольной промышленности. Сразу же после освобождения региона благодаря трудовому энтузиазму советского народа удалось восстановить промышленный потенциал региона и его роль в качестве одного из ключевых центров угольной промышленности.

Ключевые слова: Донбасс, угольная промышленность, Великая Отечественная война, оборона, фронт, шахтер, угледобыча

Для цитирования: Комлякова Ю.Ю., Руднева М.А. 2025. Угольная промышленность Донбасса накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1939–1943 гг.). *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 183–192. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-183-192

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Donbass Coal Industry on the Eve of the Great Patriotic War and during its First Years (1939–1943)

Yulia Yu. Komlyakova , Maria A. Rudneva

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: komyakova@bsuedu.ru; rudneva@bsuedu.ru

Abstract. The article is focused on the specifics of the development of Donbass coal industry before the Great Patriotic War and during its first years (1939–1943). The study is aimed at obtaining a more complete picture of the region's role in the economy of the USSR. Given the strategically important position of Donbass as one of the most developed centers of the coal industry, the country's leadership carried out a set of actions aimed at intensifying production in light of the impending threat. Despite difficulties in terms of personnel and other training problems, significant results were achieved in the pre-war years. The difficult situation of the war period, the Nazi occupation of the region interrupted the planned development of Donbass and led to the destruction of the material and technical base of the coal industry. Immediately after the region's liberation, the Soviet people succeeded in restoring its industrial potential and its role as a key centre of the coal industry, all due to their labour enthusiasm.

Keywords: Donbass, coal industry, Great Patriotic War, defense, front, miner, coal mining.

For citation: Komlyakova Yu.Yu., Rudneva M.A. 2025. Donbass Coal Industry on the Eve of the Great Patriotic War and during its First Years (1939–1943). *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 183–192 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-183-192

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Изучение угольной промышленности имеет важное значение в исторических исследованиях, поскольку индустриальные экономики в пер. пол. XX в. во многом опирались на промышленную эксплуатацию каменноугольного топлива [Михеев, 2024, с. 62–71]. В период индустриализации СССР угольная промышленность Донбасса превратилась в главную отрасль региона [Ермолаев, Зеленин, Овчинников, 2023, с. 113–119]. В довоенное время доля угледобычи на Донбассе в общесоюзном масштабе достигала до 60 % [Судацков, 2017, с. 33–40]. В период Великой Отечественной войны восстановление угольной промышленности Донбасса, разрушенной немецко-фашистскими захватчиками, являлось одной из приоритетных задач советской власти, поскольку Донецкий бассейн представлял собой главную топливную и энергетическую базу СССР [Судацков, 2017, с. 33–40]. Учитывая вышесказанное, исследование специфики развития угольной промышленности Донбасса накануне и в 1939–1943 гг. является актуальным, поскольку позволяет получить более детальное представление о подготовке промышленности СССР к сложнейшему периоду Великой Отечественной войны, мерах в чрезвычайных условиях по эвакуации промышленных объектов и начальном периоде восстановлении промышленности в условиях военного времени.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является угольная промышленность Донбасса накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1939–1943 гг.). Хронологические рамки исследования обусловлены необходимостью установления динамики развития угольной промышленности в период подготовки к военному столкновению, спада в данной отрасли ввиду объективных причин – разрушений времени оккупации и начального периода восстановления. Подобный выбор хронологических границ позволяет выявить специфику развития угольной промышленности Донбасса в чрезвычайных исторических обстоятельствах и деятельность СССР по сохранению одной из наиболее важных топливных баз. В ходе работы были применены общие методы – анализ, синтез, индукция, дедукция, систематизация, абстрагирование и др. Диалектический и хронологический методы позволили рассматривать события в логически обусловленной последовательности происходивших событий. Работа над поставленной проблемой также потребовала применения специальных методов, таких как историко-генетический, сравнительно-исторический, а также историко-системный. Характер исследования обусловил необходимость комплексного подхода к изучению источниковой базы.

Результаты и их обсуждение

В предвоенное время СССР наращивал темпы развития тяжелой промышленности, оборонного и в целом народнохозяйственного комплекса. Об остроте проблемы приоритетного развития угольной промышленности СССР свидетельствует повышенное внимание к ней со стороны политического руководства, в преддверии Второй мировой войны был принят ряд документов, предусматривавших конкретные организационные мероприятия, строительство новых и реконструкцию старых шахт, внедрение новой техники, решение кадровых проблем и социальных вопросов шахтеров. Развитие угольной

отрасли УССР на начальном этапе Второй мировой войны шло по пути строительства новых шахт, освоения новых угольных регионов республики (Западная Украина, Днепропетровская и Кировоградская области), формирования рабочих и инженерно-технических кадров отрасли, механизации шахтного производства. В течение 1939–1942 гг. в республике планировалось заложить 157 новых шахт с объемом добычи 58,8 млн т. Однако из-за нехватки строительных материалов этот план не был выполнен. Для решения этой проблемы пришлось выделять специальные лесоучастки в Западной Украине и в Киевской области. Невыполнение планов строительства шахт вызывалось и нехваткой рабочей силы. Большинство угольных предприятий было обеспечено рабочими на 35–55 %.

Еще с середины 30-х годов на Донбассе началось внедрение угольных комбайнов. Официально утверждалось, что уровень механизации добычи угля на шахтах бассейна составил 88,6 %, хотя обследование передовых шахт, проведенное учеными Донецкого индустриального института в апреле 1940 г., показало, что в шахтах механизмы использовались на 40–50 %, конвейерные установки практически не использовались. Горняки, работавшие на механизмах, не выполняли нормы добычи: машинисты врубмашин – на 40,9 %, забойщики – на 27,5 %, машинисты электровозов – на 35 %. К тому же систематически срывались снабжение горной техники и механизмов машиностроительными заводами.

В связи с необходимостью резкого увеличения добычи угля, механизацией и строительством новых шахт остро встала проблема подготовки квалифицированных рабочих для отрасли. Комплектование рабочей силы в этот период производилось в основном путем оргнаборов и мобилизации из числа рабочих и колхозников как в самой УССР, так и в других регионах СССР.

Кадровая проблема в отрасли продолжала оставаться острой как в конце 1930-х, так и в начале 1940-х гг. В УССР планировали открыть 157 новых шахт с планируемым объемом добычи 58,8 миллионов т в год. Ежегодно должны были сдавать в полноценную эксплуатацию 31 шахту, тогда как за весь период 1938–1941 гг. в строй вошли всего 16 новых шахт. Несмотря на введение в 1930-х гг. новых механизированных методов добычи угля на Донбассе, обследование, проведенное Донецким индустриальным институтом в апреле 1940 г., выявило, что шахтные механизмы использовали на 40–50 %, а конвейерные установки – всего на 30–50 % от запланированной мощности. Регулярные срывы поставок шахтной техники и механизмов с машиностроительных заводов вызывали дополнительные проблемы в выполнении планов добычи угля. Соблюдение плана со стороны разнообразных категорий шахтеров Донбасса тоже было далеким от ожиданий политического руководства СССР: согласно информации комиссии Донецкого индустриального института, в апреле 1940 г. машинисты врубмашин выполняли план на 40,9 %, машинисты электровозов – на 35 %, а забойщики – на 27,5 % [Суюсанов, 2002, с. 8]. Далекое не полные цифры, свидетельствующие о том, что основной объем добычи осуществлялся той категорией шахтеров, которые были вынуждены добывать уголь методами конца XIX – начала XX в., в условиях постоянно растущих потребностей военной и тяжелой промышленности СССР. Однако основным кризисным фактором в угольной промышленности Донбасса и СССР была текучесть шахтерских кадров. Достаточно большие заработки шахтеров не компенсировали плохих жилищных и санитарных условий, а также не решали проблемы дефицита разнообразных товаров.

С 1930-х гг. политическое руководство СССР пыталось осуществить меры по закреплению за угольными предприятиями работников. Проанализировав ситуации в конкретных угольных предприятиях Сталинской области, можно увидеть, что, например, лишь за 10 месяцев 1939 г. из Треста «Орджоникидзеуголь» уволилось 4 238 работников (общее количество шахтеров треста составляло на тот момент 12 тыс. чел.), т. е. текучесть кадров составила более 25 % [Суюсанов, 2002, с. 9].

Стоит учитывать, что всего на территории Сталинской области на начало 1939 г. функционировало 11 угольных трестов комбината «Сталинуголь». В такой ситуации

решение руководства СССР привлечь новых работников на шахты Донбасса из других регионов УССР, в том числе территорий Галиции и Волыни. 14 октября 1939 г. секретарь сталинского обкома направил пять человек в командировку в Центральный комитет КП(б)У в Киеве «для решения вопроса о наборе рабочей силы для шахт Донбасса в районах Западной Украины»¹¹⁷. Развитие добывающей и тяжелой промышленности Донбасса в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. происходило на фоне многочисленных миграционных процессов, которые были вызваны как политикой иностранных кампаний, правительственной активностью, а также добровольным перемещением разнообразных этнических и социальных групп.

Несмотря на указанные выше трудности, Донецкий бассейн полностью обеспечивал народное хозяйство европейской части СССР топливом. В постановлении ЦК ВКП(б) «О задачах угольной промышленности Донбасса», принятом в январе 1929 г., подчеркивалось, что успешность его работы «является залогом решения основных задач индустриализации» [Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1967, с. 6]. Были реконструированы старые угольные предприятия, строились новые. Введено в эксплуатацию 150 новых шахт. Если в 1940 году добыча угля вообще по СССР составляла 165,9 млн т, то на УССР приходилось 83,8 млн т, из них на Донбасс – 83,2 млн т., или 52,2 % всесоюзной угледобычи. К 1942 году только по комбинату «Ворошиловградуголь» намечалось увеличить добычу угля вдвое – до 52,2 млн т. В начале 30-х годов главный механик Первомайского рудоуправления А.И. Бахмутский сконструировал первый в мире угольный комбайн. Выпуск этих машин начался на Горловском заводе по горному машиностроению. Первые опытные образцы, которые были испытаны на шахте № 1, добывали и загружали за смену до 25 т угля [Народное хозяйство Ворошиловградской области, 1956, с. 62–67]. Механизации ручного труда способствовали разработки ученых тогда образованных научно-исследовательских учреждений. Новую технику поставляли ленинградские заводы «Пневматика», «Термоэлектроприбор», «Светлана». Если, к примеру, в 1926 г. подбор угля был механизирован только на 6 %, то к 1940 г. уже 92 % всего угля добывалось с помощью механизмов, а удельный вес механизированной поставки топлива от забоя к штреку повысился почти вчетверо. По уровню механизации Донбасс накануне войны занимал первое место среди угольных бассейнов мира¹¹⁸. Только на шахтах комбината «Сталинуголь» работало 1 929 врубовых комбайнов, 6 955 отбойных молотков, 1 757 электросверл, 1 349 конвейеров, 1 365 скреперных подъемных механизмов, 827 электротяг и много других механизмов. Донбасс до войны имел в эксплуатации 365 основных шахт Наркомугля, не считая мелких и строившихся шахт, а также небольших шахт местного назначения, и добывал 270–280 тыс. т угля в день¹¹⁹.

Следует добавить, что только шахты г. Сталино давали 7 % общесоюзной добычи угля. В 1940 г. шахтеры города дали стране 10,2 млн т угля в сравнении с 5,9 млн т в 1931 г. Если в 1930 г. шахта № 1 не могла справиться с суточным заданием и давала только 9 тыс. т, то в предвоенные годы по ее забоям горняки выдавали уже до 36 тыс. т угля в сутки. На территории с. Нижняя Крынка в конце 30-х годов началось строительство крупной шахты «Ясиновская», которое велось скоростными темпами с применением новых методов работы на протяжении всего года, и уже в декабре 1939 г. шахта вступила в строй. Проектная мощность новой шахты составила 700 тонн в сутки. За рекордно короткий срок (9 месяцев) была введена в действие шахта № 40 «Кураховка». К 22 января 1939 г. была в полной мере осуществлена её работа по добыче угля. Предприятие было оборудовано новейшей техникой: ленточными конвейерами, врубмашинами и т. д. Сначала шахта давала 312 т угля

¹¹⁷ Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее Государственный архив ДНР). Ф. 326. Оп. 5. Д. 41а. Л. 1–4.

¹¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.

¹¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 246. Л. 6.

в сутки, а накануне войны – уже 510 т¹²⁰. В то же время строилась шахта № 42 «Кураховка», к строительству которой коллектив шахтостроителей приступил в начале 1939 г., 7 апреля 1940 г. она была сдана в эксплуатацию. В январе 1940 г. строители, возглавляемые инженером Х.И. Бумажным, заложили шахту № 43 «Кураховка». Планировалось ввести ее в действие в следующем 1941 г., однако помешала война. Таким образом, угольная промышленность Донбасса накануне Великой Отечественной войны играла немаловажную роль в создании и укреплении материально-технической базы страны. С началом войны хозяйство СССР было переориентировано на нужды обороны. Большинство промышленных предприятий было поставлено в условия военного времени и было переведено на сформированную скорость производства [Бровар, 2006, с. 12–17].

Чрезвычайно острой была потребность в металле, в связи с чем были значительно увеличены темпы производства металлургических заводов. В то же время ощутимо возросла нагрузка на угольную промышленность, особенно на угольную отрасль Донбасса. Во-первых, необходимо было обеспечить в полном объеме высококачественным коксующимся углем металлургические заводы донецко-приднепровского экономического района; во-вторых, в несколько раз вырос спрос на уголь со стороны железнодорожников, на которых одновременно возлагалось выполнение двух важнейших государственных задач того времени – круглосуточная перевозка войск и военной техники на фронт и эвакуация промышленности и населения из западных и центральных районов СССР, находящихся перед угрозой захвата врагом. Лишь к ноябрю 1941 г. из СССР было вывезено в РСФСР, Среднюю Азию более 500 крупных предприятий. Всего из СССР было эвакуировано около тысячи заводов и более 4 млн человек [Щедний, 2000, с. 56–62].

Итак, шахты Донбасса в тяжелых условиях начального периода войны, пытаясь обеспечить углем железнодорожный транспорт, металлургические заводы, электростанции, другие оборонные предприятия, в подавляющем большинстве не прекращали, а, наоборот, повышали добычу угля. При этом с первых же дней Великой Отечественной войны большая часть мужского населения региона была призвана в ряды действующей армии. Многие шахтеры ушли на фронт добровольно. Часть горняков вошла в состав 383, 384 и 393 шахтерских дивизий, формирование которых началось в августе 1941 г. Только в июле – сентябре 1941 г. на фронт ушло 175 тыс. горняков Донбасса. Вместо мужчин, мобилизованных в ряды Красной Армии, работать на шахты и заводы шли женщины. Так, в молодежной бригаде шахты № 8/9 треста «Макеевуголь» бригадиром был И. Колодин, систематически выполнявший производственную норму на 180–200 %; на шахте им. Калинина бригада молодой шахтерки М. Ковалевой загружала в смену 150 т угля; бригада Т. Жилиной, тоже состоявшей полностью из девушек, на шахте им. Румянцева выполняла переменные нормы на 15,7 %¹²¹.

Вполне оправданная в то время попытка советского руководства до последнего использовать угольную отрасль Донбасса для обеспечения потребностей фронта и оборонной промышленности имела и определенные негативные последствия. Прежде всего, это проявилось во время срочной и вынужденной эвакуации. Советская военная доктрина того времени не предусматривала возможности захвата значительной части европейской территории страны, а тем более столь важного индустриального региона, как Донбасс, враждебными войсками. Поэтому стремительное наступление немецко-фашистских войск на всех участках фронта и быстрое их продвижение в направлении важных промышленных центров потребовало принятия чрезвычайных мер. Проблема срочной эвакуации промышленности Донбасса, в том числе угольной, встала перед советским руководством уже в начале сентября 1941 г.

Все эвакуационные работы проводились в соответствии с обращением Президиума Верховного Совета СССР, Совнаркома СССР и ЦК КП(б)У к украинскому народу. «... Если

¹²⁰ Государственный архив ДНР. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 5. Л. 10; Ф. 67. Оп. 1. Д. 206. Л. 12.

¹²¹ Государственный архив ДНР. Ф. 424. Оп. 1. Д. 217. Л. 49.

вашему городу грозит враждебное нашествие, не оставляйте ничего ценного врагу. Все ценное имущество, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться» [За Радянську Україну! 1941. № 15. 7 июля]. Еще более жесткие требования по судьбе имущества, которое из-за тех или иных обстоятельств не успевали вывезти, были поставлены в директиве «Родина в опасности!», принятой Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б) 29 июня 1941 г.: «...Война резко изменила положение, наше Отечество оказалось в чрезвычайной опасности... Все должны быстро и решительно перестроить свою работу на военный строй... При вынужденном уходе частей Красной Армии отогнать подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни паровоза, ни вагона, не оставлять врагу ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое нельзя вывезти, должно безусловно уничтожаться» [Донецкая область в годы Великой Отечественной войны, 1982, с. 22]. Срочно были эвакуированы в Караганду инженерно-технические работники комбината «Сталинуголь», трестов «Красноармейскуголь», «Макеевуголь» и «Красногвардейскуголь». Тресты «Орджоникидзеуголь», «Артемуголь», «Советскийуголь», «Снежнянскийантрацит» были эвакуированы в Кузбасс. В общей сложности было эвакуировано 25 тыс. шахтеров, впрочем, значительную долю шахтного оборудования вывезти не успели. С одной стороны, это произошло потому, что эвакуировали прежде всего станки и оборудование машиностроительных и металлургических заводов, которые можно было быстро установить и запустить в действие в глубоком тылу, а специфические шахтные механизмы и машины, которые к тому же нужно было поднимать с подземных горизонтов и штреков, эвакуировать было достаточно сложно. С другой стороны, быстрое продвижение войск врага не оставляло времени на завершение запланированных работ по эвакуации – 19 октября 1941 г. немецкие танки прорвали оборону советских войск в районе Мандрыкино, а к концу того же дня захватили станцию Рутченково, на которой было сосредоточено большое количество эшелонов с оборудованием. Ночью 22 октября части 38 кавалерийской дивизии, 383 шахтерской дивизии, две роты 30-го полка НКВД, защищавшие столицу Донбасса, отошли на восток. Донбасс был оккупирован [Книга памяти Украины, 1999, с. 61].

В этих обстоятельствах было срочно принято решение о немедленном уничтожении недвижимого шахтного оборудования, выведении из строя подземного оборудования и затоплении шахт. Диверсионно-взрывные группы, в состав которых рядом с шахтерами-специалистами входили и военные, продолжали свою деятельность даже тогда, когда враг почти полностью захватил город. Так же поступили и в других шахтерских городах, где демонтажу и разрушению подлежали в первую очередь крупные мощные шахты со значительным объемом суточной угледобычи – Макеевцы, Горловцы, Шахтерское, Красноармейское. Поэтому для объективного освещения состояния угольной отрасли Донбасса на время освобождения региона следует учитывать ряд взаимосвязанных факторов. Во-первых, угольная промышленность Донбасса практически перестала существовать уже во время захвата региона немецко-фашистскими войсками в результате демонтажа и эвакуации в глубокий тыл наиболее ценного оборудования, уничтожения оборудования, которое нельзя было вывезти, выведения из строя подъемных и погрузочных механизмов, затопления большинства; во-вторых, военные действия, которые велись на территории Донбасса осенью 1941 г. и во время неудачного зимнего наступления в январе-феврале 1942 г., и особенно в ходе освобождения региона в августе-сентябре 1943 г., тоже нанесли ущерб угледобывающей отрасли [Великая Отечественная война 1941–1945, 1985, с. 248–249]; в-третьих, активные диверсионные действия десятков подпольных групп и организаций, действовавших во всех без исключения шахтерских городах и поселках, были направлены на срыв попыток оккупационных властей восстановить угольную промышленность Донбасса; в-четвертых, на ее тотальное уничтожение было направлено проведение тактики «выжженной земли», к которой прибегли оккупанты во время отступления осенью 1943 г., выполняя приказ рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера о

разрушении Донбасса (№ 174/43 от 7 сентября 1941 г. «и не осталось ни одного человека, ни одного поголовья скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса, чтобы не осталось ни одного пригодного здания, ни одной шахты, которая не была бы выведена из строя на долгие годы... Враг должен найти действительно тотально выжженную и разрушенную страну» [Из распоряжения Гимmlера о разрушении Донбасса. 7 сентября 1943 г. Военно-исторический журнал, 1965, с. 83]. Во исполнение этого приказа оккупанты разрушили все шахты, уничтожили весь промышленный шахтный транспорт.

Основные объекты шахт на день освобождения были разрушены от 33 до 91 %. Всего было разрушено и затоплено 314 основных шахт и 30 шахт-новостроек, повреждено более 2 100 км подземных разработок, взорвано 280 металлических коперов, 515 подъемных машин, 570 главных вентиляционных сооружений¹²². Были уничтожены целые рабочие поселки и большинство культурных и бытовых заведений угольных шахт Донбасса. Только по комбинату «Сталинуголь» было уничтожено 1 126 900 кв. м жилой площади. При этом за период с июня 1941 г. к сентябрю 1943 г. и трудовые ресурсы угольной промышленности Донбасса понесли весомые потери. 25 тыс. специалистов были эвакуированы на восток, сотни тысяч шахтеров мобилизованы в действующую армию и находились на фронте, тысячи погибли на оккупированной территории или были вывезены в Германию. Потери определялись сотнями тысяч человеческих жизней, поэтому на начальном этапе восстановления шахты испытывали достаточно серьезную потребность в персонале. В ходе восстановления угольной промышленности региона необходимо было срочно решать целый комплекс важных и насущных вопросов как в материально-техническом плане, так и по обеспечению трудовыми резервами, особенно квалифицированной рабочей силой и инженерно-техническими специалистами.

26 октября 1943 г. Государственный Комитет Оборонь издал новое постановление «О первоочередных мерах по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна», в котором констатировалось, что «Государственный Комитет Оборонь считает важнейшей политической и военно-хозяйственной задачей всех партийных, советских и хозяйственных организаций. В целях обеспечения углем железнодорожного транспорта, электростанций, черной металлургии и заводов военной промышленности и центральных районов СССР, Государственный Комитет Оборонь обязывал принять следующие меры: а) отстроить в первую очередь средние и малоразрушенные крупные шахты, обновить и построить малые шахты, наладить быстрее всех; б) отстроить заводы угольного машиностроения, восстановить жилищный фонд шахтерских городов и поселков и коммунально-бытовые учреждения; в) мобилизовать для строительства шахт, заводов угольного машиностроения и шахтных поселков все местные материальные ресурсы, как и рабочую силу освобожденных районов» [Броварь, Субботин, 2016, с. 197–203]. Согласно решению ГКО, по 4 трестам Сталинского угольного района, прежде всего, должны были быть отстроены 17 шахт, которые в июне 1941 года давали круглосуточно 9 305 т угля. Шахты 1–2 «Смолянка» треста «Куйбышевуголь», шурф № 19 должны были быть введены в эксплуатацию уже в первом квартале 1944 г. с добычей, равной не менее 56 % довоенного уровня»¹²³.

Впрочем, одной из самых больших проблем стало почти постоянное, хроническое невыполнение производственных планов многими шахтами. Так, к середине ноября 1943 г. план добычи угля был выполнен по трестам: «Рутченко уголь» – на 94,8 %; «Сталинуголь» – на 93 %. Одним из главных недостатков в работе угольной промышленности была низкая производительность труда рабочих основных квалификаций. Невыполнение рабочими производственных норм объяснимо ненадлежащей организацией труда. Нередко на работу посылали 5–6 шахтеров туда, где могли справиться 2–3 рабочих¹²⁴.

¹²² Государственный архив ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 246. Л. 7.

¹²³ Там же. Оп. 2. Д. 33. Л. 25.

¹²⁴ Государственный архив ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 33. Л. 25–26.

Заключение

Таким образом, далеко не претендующий на полноту обзор позволяет получить представление о том, что специфика развития угольной промышленности Донбасса накануне Великой Отечественной войны была связана, как и многие отрасли промышленности СССР, с интенсификацией производства и стремлением повысить промышленные мощности. Несмотря на определенные трудности, связанные как с нехваткой квалифицированных кадров, так и с отсутствием заготовительных материалов, медленным внедрением модернизированных способов производства и др., в развитии отрасли удалось добиться внушительных результатов. Колоссальный урон угольной промышленности Донбасса был нанесён в годы Великой Отечественной войны в период оккупации региона гитлеровскими войсками. Параллельно с процессом освобождения Донбасса началась деятельность по восстановлению материально-технической базы угольной промышленности, также была проделана большая работа по возобновлению работы социально важных объектов.

Список источников

- Государственный архив Донецкой Народной Республики (Государственный архив ДНР). Ф. 67. Оп. 1. Д. 206. Л. 12.
- Государственный архив ДНР. Ф. 326. Оп. 5. Д. 41а. Л. 1–4. Справки и докладные записки обкома КП(б)У о наборе и положении рабочих, прибывших в Донбасс из Западной Украины. Копии писем рабочих, 14 октября 1939 г. – 18 ноября 1940 г. 60 л.
- Государственный архив ДНР. Ф. 326. Оп. 1. Д. 6. Л. 44.
- Государственный архив ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 33. Л. 25.
- Государственный архив ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 246. Л. 6.
- Государственный архив ДНР. Ф. 424. Оп. 1. Д. 217. Л. 49.
- Государственный архив ДНР. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
- Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сборник документов и материалов. Партийный Архив Донецкого обкома Компартии Украины, Донецкий областной государственный архив. Сост. А.В. Грушко и др. Донецк: Донбас, 1982. 310 с.
- За Радянську Україну! 1941. № 15. 7 июля.
- Из распоряжения Гимmlера о разрушении Донбасса. 7 сентября 1943 г. *Военно-исторический журнал*. 1965. 1: 83.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сборник документов за 50 лет. Т. 2. 1929–1940 гг. Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. Москва, Политиздат, 1967. 800 с.

Список литературы

- Броварь А.В., Субботин В.Н. Правовое регулирование восстановления угольной отрасли Донбасса в послевоенный период: исторический аспект (1943–1953 гг.) Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество. Сборник статей международной научной конференции. 2016, Пенза, 2016, с. 197–203.
- Бровар О.В. 2006. Стан вугільної промисловості Донбасу та її відбудова у 1943–1945 рр. *Культура народів Причорномор'я*. Гол. ред. Ю.А. Катунін. Сімферополь. 95: 12–17.
- Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия. Институт военной истории Министерства обороны СССР. Гл. ред. М.М. Козлов. Москва, Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
- Ермолаев А.Н., Зеленин А.А., Овчинников В.А. 2023. Кузбасс – Донбасс: из истории взаимодействия регионов в годы Великой Отечественной войны. *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. 2(85): 113–119.
- Книга памяти Украины: Донецкая область. Сост. Д.З. Дидова, И.И. Кулага. Донецк: Донбас, 1999. Т. 21. 336 с.
- Михеев М.В. 2024. Угольные бассейны СССР в системе межрегиональных грузоперевозок в 1940–1953 гг. *Уральский исторический вестник*. 1(82): 62–71.

- Народное хозяйство Ворошиловградской области. Статистический сборник. Москва, Госстатиздат, 1956. 170 с.
- Судаев Н.Д. 2017. Восстановление Донбасса в годы Великой Отечественной войны. *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. 1(60): 33–40.
- Суясанов Л.И. 2002. Вугільна промисловість і шахтарі України в роки Другої світової війни (1939–1945 рр.). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Донецьк, 18.
- Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Под ред. И.Д. Назаренко. Т. 1. Киев, Политиздат Украины, 1975. 543 с.
- Щедний І.В. 2000. Економіка України в роки Другої світової війни. *Історичні та політологічні дослідження*. 1(3): 56–62.

References

- Brovar A.V., Subbotin V.N. Pravovoe regulirovanie vosstanovleniya ugol'noj otrasli Donbassa v poslevoennyj period: istoricheskij aspekt (1943–1953 gg.) [Legal Regulation of the Restoration of the Donbass Coal Industry in the Post-War Period: Historical Aspect (1943–1953)] Pamyat' i vremya: vliyaniye vojn i vooruzhennykh konfliktov XX v. na rossijskoe obshchestvo. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2016, Penza, 2016: 197–203.
- Brovar O.V. 2006. Stan vugil'noi promislivosti Donbasu ta ii vidbudova u 1943–1945 rr. [The State of the Coal Industry of Donbass and its Restoration in 1943–1945]. Kul'tura narodov Prichernomor'ja. Gol. red. Ju.A. Katunin. Simferopol'. 95: 12–17 (in Ukrainian).
- Velikaja Otechestvennaja vojna, 1941–1945: Jenciklopedija [The Great Patriotic War, 1941–1945: Encyclopedia]. Institut voennoj istorii Ministerstva oborony SSSR. Gl. red. M.M. Kozlov. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija, 1985, 832 p.
- Ermolaev A.N., Zelenin A.A., Ovchinnikov V.A. 2023. Kuzbass-Donbass: iz istorii vzaimodejstvija regionov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Kuzbass-Donbass: from the History of Interaction between Regions during the Great Patriotic War]. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovanij*. 2(85): 113–119.
- Mihev M.V. 2024. Ugol'nye bassejny SSSR v sisteme mezhdunarodnykh gruzoperevozok v 1940–1953 gg. [Coal Basins of the USSR in the System of Interregional Freight Traffic, 1940–1953]. *Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Journal]*. 1(82): 62–71.
- Kniga pamjati Ukrainy: Doneckaja oblast' [Book of Memory of Ukraine: Donetsk region]. Sost. D.Z. Didova, I.I. Kulaga. Doneck: Donbas, 1999. T. 21. 336 p.
- Narodnoe hozjajstvo Voroshilovgradskoj oblasti. Statisticheskij sbornik [National Economy of Voroshilovgrad region. Statistical collection]. Moscow, Gosstatizdat, 1956. 170 p.
- Sudavcov N.D. 2017. Vosstanovlenie Donbassa v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Restoration of Donbass during the Great Patriotic War]. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovanij [Journal of Historical, Political and International Studies]*. 1(60): 33–40.
- Sujusanov L.I. 2002. Vugil'na promislivost' i shahtari Ukraїni v roki Drugoї svitovoi vijni (1939–1945 rr.) [Coal Industry and Miners of Ukraine during the Second World War (1939–1945)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Donec'k, 18 p. (in Ukrainian).
- Ukrainskaja SSR v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza 1941–1945 gg. [Ukrainian SSR in the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945]. Pod red. I.D. Nazarenko. T. 1. Kyiv, Politizdat Ukrainy, 1975. 543 p.
- Shhednij I.V. 2000. Ekonomika Ukraїni v roki Drugoї svitovoi vijni [Economy of Ukraine during the Second World War]. *Istorichni ta politologichni doslidzhennja [Historical and Political Research]*. 1(3): 56–62 (in Ukrainian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.02.2025

Received 26.02.2025

Поступила после рецензирования 05.03.2025

Revised 05.03.2025

Принята к публикации 07.03.2025

Accepted 07.03.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комлякова Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0001-2587-026X](https://orcid.org/0009-0001-2587-026X)

Руднева Мария Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0113-5084](https://orcid.org/0000-0002-0113-5084)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia Yu. Komlyakova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of General History, Faculty of History and Philology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Maria A. Rudneva, Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer of the Department of General History, Faculty of History and Philology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 93/94 (470) «1943»

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-193-201

Оригинальное исследование

Проблемы применения бронетанковых войск Воронежского фронта в оборонительной фазе Курской битвы

Тимиряев Д.О.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Россия, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3

E-mail: DenisOlegovichTimiryayev@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблемам, возникшим у танковых и механизированных войск Красной Армии в ходе оборонительного этапа Курской битвы. В ходе изучения документов как танковых армий, так и общевойсковых, в составе которых находились отдельные танковые части и соединения, были обнаружены многочисленные недостатки в действиях бронетанковых сил Воронежского фронта. Современники событий – авторы отчетов армий – отмечали периодическое нарушение взаимодействия со стрелковыми частями и соединениями, с артиллерией и авиацией. В условиях недостаточного количества мотострелков и артиллерии в составе воинских формирований бронетанковых войск это приводило к резкому снижению уровня боеспособности и срыве выполнения поставленных задач. Были отмечены случаи неправильного использования общевойсковыми командирами приданных им частей и соединений танковых и механизированных войск. Наблюдался порой низкий уровень подготовки танкистов и самоходчиков. В статье осуществлена попытка вскрыть причины вышеизложенных проблем. Сделан вывод о росте боевой выучки танковых и механизированных войск Красной Армии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Курская битва, Красная Армия, танковые и механизированные войска, боевое применение, документы армий

Для цитирования: Тимиряев Д.О. 2025. Проблемы применения бронетанковых войск Воронежского фронта в оборонительной фазе Курской битвы. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 193–201. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-193-201

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Problems of Using Armored Troops of the Voronezh Front in the Defensive Phase of the Battle of Kursk

Denis O. Timiryayev

National Research University Higher School of Economics,
building 3 21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow 105066, Russia

E-mail: DenisOlegovichTimiryayev@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the problems that arose in the tank and mechanized troops of the Red Army during the defensive stage of the Battle of Kursk. Study of the documents of tank corps and combined arms armies, which included separate tank units and formations, revealed numerous shortcomings in the actions of the Voronezh front armies. Contemporaries of the events – the authors of army reports – noted periodic disruption of interaction with rifle units and formations, with artillery and aviation. Given a lack of motorized riflemen and artillery in the tank armies and separate formations and units, this led to lower combat ability and the failure to fulfill assigned tasks. The inability of combined arms commanders to properly use tank and self-propelled artillery units was also mentioned. At times, a low level of training of tankers and self-propelled gun operators was observed. The article attempts to reveal the causes of the

above problems. A conclusion is made about the improvement of combat training of tank and mechanized troops of the Red Army.

Keywords: The Great Patriotic War, the Battle of Kursk, the Red Army, tank and mechanized troops, combat use, army documents

For citation: Timiryayev D.O. 2025. Problems of Using Armored Troops of the Voronezh Front in the Defensive Phase of the Battle of Kursk. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 193–201 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-193-201

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Великая Отечественная война останется для нас неугасимым факелом славы отечественного военного искусства. Однако путь к Победе был труден и непрост. Первый период войны (от 22.06.1941 до 18.11.1942 – начала контрнаступления под Сталинградом) для Красной Армии был очень трагичен и наполнен больше поражениями и неудачами, чем победами и достижениями. Ситуация стала меняться во время следующего этапа Великой Отечественной войны – коренного перелома в ней (19.11.1942 – декабрь 1943 г.). Перелом в войне достигался не только возросшей боевой выучкой войск и выходом военной промышленности на максимальные объемы производства, но также и совершенствованием организационно-штатной структуры объединений, соединений и частей Красной Армии.

В особенности это касается танковых войск, ставших во второй и завершающие периоды войны во многом тем самым «ломом», против которого, как известно, нет приема. Танковые и механизированные войска в первой половине войны прошли извилистый путь. В первые месяцы Великой Отечественной все довоенные организационно-штатные формы воинских соединений этого рода были упразднены. Материальная часть и личный состав бывших механизированных корпусов и танковых дивизий были обращены на создание отдельных бригад. Весной 1942 года начался процесс формирования с нуля новых соединений и объединений. Впрочем, если созданные весной 1942 года танковые корпуса проявили себя как вполне себе рабочие соединения данного рода войск, то появившиеся тогда же танковые армии смешанного состава (состояли из танковых корпусов и стрелковых дивизий) потерпели фиаско и были расформированы. Точнее то, что от них осталось после участия в боях на южном фланге советско-германского фронта летом 1942 года [Советские танковые войска, 1973, с. 55–56, 118; Дайнес, 2010, с. 20].

Следующей попыткой создания оперативно-тактического объединения танковых и механизированных войск стало создание зимой-весной 1943 года, особенно в период оперативной паузы на фронте, танковых армий однородного состава. Теперь танковая армия состояла из двух танковых и одного механизированного корпусов. Именно в такой структуре танковые армии дошли до Берлина. В завершающий период войны в танковых армиях (всего было создано шесть танковых армий) происходил процесс расширения штатов (численное увеличение техники в существующих частях) и качественной смены боевой техники в виде перехода на новые типы танков и самоходных орудий, без изменений в структуре армии [Дайнес, 2010, с. 154–158].

Дебютом вновь сформированных танковых армий стала Курская битва в обоих ее этапах: оборонительном (оборонительные операции Воронежского и Центрального фронтов) и наступательном (наступательные операции Брянского, Воронежского, Западного, Степного и Центрального фронтов). Помимо танковых армий, в составе общевойсковых армий находились отдельные танковые полки и бригады, а в резерве фронта – отдельные танковые корпуса. Логичным будет предположить, что первое боевое применение танковых армий, как и использование отдельных танковых частей и соединений, не прошло идеально.

Нас в первую очередь интересует применение танковых войск в оборонительной операции Воронежского фронта. По сравнению с Центральным фронтом, по Воронежскому фронту был нанесен более мощный удар войсками противника, чем по его северному соседу. Это обстоятельство обусловило более напряженный характер боев, более высокие потери фронта как в людях, так и в технике. К тому же, в отличие от Центрального фронта, в оборонительной операции Воронежского фронта приняли участие две танковые армии. Первая танковая (в документах обозначалась как 1-я ТА) в составе фронта с весны 1943 года, пятая гвардейская танковая армия (в документах обозначалась как 5-я гв. ТА) была передана в разгар боев)¹²⁵.

К сожалению, корпус имеющийся литературы обходит заявленную в исследовании тему стороной. В советские годы тематика поражений и проблем Красной Армии была запретной. Даже в литературе, издававшейся под грифом «Для служебного пользования», невозможно найти информацию по данному вопросу. Например, в изданном в конце 50-х годов четырехтомнике «Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945» в разделах, посвященных Курской битве, нет об этом информации [Операции советских вооруженных... Т.2., 1958]. Тем более, невозможно было об этом заявить в литературе для массового читателя [Колтунов, Соловьев, 1970; Советские танковые войска, 1973; Армейские операции, 1977]. Сами же участники Курской битвы – командиры частей и командующие объединениями – в своих мемуарах и статьях вскользь упоминали о проблемах, возникающих в боях на Курской дуге.

Так, например, командующий 1-й танковой армией М.Е. Катукон в своих мемуарах отметил лишь следующее: «...танковые армии новой организации были созданы незадолго до Курской битвы, а 4-я к началу боев еще только завершала свое формирование. Штабы некоторых армий были укомплектованы молодыми офицерами, не имевшими опыта управления войсками. Да и в высших штабах далеко не всегда и везде существовала четко разработанная теория оперативного использования таких крупных объединений, как танковая армия» [Катукон, 1974, с. 240]. В таком же духе чуть ранее высказался и командир 3-й механизированной бригады 3-го механизированного корпуса 1-й танковой армии А.Х. Бабаджанян [Бабаджанян, 1970, с. 194].

Постсоветская литература по истории Курской битвы также не интересуется данной проблемой. Работы, изданные Министерством обороны, не ушли далеко от своих советских предшественников [Великая Отечественная война. Т. 3., 2012; Не уронили чести..., 2023]. В вышедшем в 2007 году замечательном сборнике статей о развитии и применении бронетанковых войск Красной Армии в 1942–43 гг., к сожалению, проанализировано только участие немецких танковых войск в Курской битве [Танковый удар, 2007]. В книге В.О. Дайнеса «Советские танковые войска в бою» дается только описание боев [Дайнес, 2010]. Весьма своеобразно поступил И.В. Небольсин в своей работе, посвященной боевому пути 1-й танковой армии. В его тысячестраничном труде на трех страницах приведены выдержки из отчетных документов данной армии об оборонительных боях, но они никак не выделены ни шрифтом, ни кавычками [Небольсин, 2016, с. 128–130]. Нет сносок, нет авторского комментария о том, что это прямые цитаты из документа. Конечно, работа заявлена как научно-популярная, но все же как-то читателя нужно было предупредить, что это не мысли автора, а мнение офицеров первой танковой армии.

В итоге нам представляется актуальной для изучения обнаруженная проблема.

Объект и методология исследования

Объектом исследования являются документы, вышедшие из штабов танковых (5-я гв. танковая армия, 1-я танковая армия) и общевойсковых армий (5-я, 6-я, 7-я гв. армии, 69-я

¹²⁵ Подробнее о боевом составе танковых и механизированных войск Воронежского фронта см. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2 томах. Том II. – М. 2010. – С. 21–25.

армия) Воронежского фронта, а также доклад представителя Генерального штаба Красной Армии при штабе Воронежского фронта – полковника М.Н. Костина. Предмет исследования – боевое применение частей, соединений и объединений танковых и механизированных войск Воронежского фронта в оборонительном этапе Курской битвы.

В процессе исследования используются как общенаучные, так и специальные исторические методы. Общенаучными методами являются методы индукции, анализа и синтеза. Историко-генетический метод использовался нами для рассмотрения участия бронетанковых войск в боевых действиях от начала оборонительной операции Воронежского фронта (05.07.1943 г.) до его завершения и до начала Белгородско-Харьковской наступательной операции (03.08.1943 г.). Историко-системный метод применялся для рассмотрения влияния Курской битвы на действия различных формирований танковых войск. Историко-сравнительный метод позволил выявить общие закономерности и различия в отчетных документах трех «пользователей»: штабы танковых армий, штабы общевойсковых армий и структуры, стоящей над ними, – представителя Генерального Штаба. Получается, что мы видим ситуацию с трех точек зрения, что придает нашему исследованию панорамный и объективный характер.

Результаты и их обсуждение

Пожалуй, главным бичом бронетанковых войск Воронежского фронта стало периодическое отсутствие взаимодействия с другими родами войск и взаимного прикрытие друг друга. Особо остро этот вопрос стоял в плане координации действий с артиллерией, ведь танковым армиям очень не хватало своей тяжелой артиллерии. Без артиллерийского подавления противотанковой обороны противника танки несли большие потери. В «Оперативно-тактическом описании оборонительной операции 1 ТА (танковой армии – Д.Т.) на Белгородском направлении в период 5-16.07. 1943 г.» содержался один из вариантов решения проблемы. Предлагалось организовать заранее, примерно за неделю до предстоящих боев, процесс личного знакомства высших офицеров танковых и артиллерийских частей, чтобы обсудить все вопросы взаимодействия. Офицеры-танкисты констатировали, что слишком быстрая перетасовка артиллерийских частей и соединений между разными участками фронта или армий снижает эффективность их работы, т. к. танкисты и артиллеристы в процессе совместной боевой деятельности в короткие сроки не успевают осознать специфику действий каждого рода войск, отсюда отсутствие согласованности в действиях ¹²⁶.

Авторы «Отчета о боевых действиях 5 гв. ТА с 7 по 24 июля» выражали такое же мнение. Они заявляли, что в процессе перехода от одного рубежа к другому танки и артиллерия действуют не согласованно. Артиллерия постоянно отстает в процессе занятия новых огневых позиций, особенно это касалось зенитной артиллерии ¹²⁷. Офицеры 5-й гвардейской, но уже общевойсковой армии в своем «Отчете о боевых действиях частей и соединений БТ и МВ 5 гв. А за период с 11 июля по 7 августа 1943 г.» отмечали, что артиллерия стрелковых дивизий не поддерживала действующих на участках фронта, занимаемых этими дивизиями танковых частей. Отработка вопросов общих сигналов и связи между танкистами и артиллеристами скорее были исключением, чем правилом. Артиллеристы поддерживали танкистов только перед их атакой, но никак не в процессе. Медленная реакция артиллеристов приводила к потерям в личном составе и технике ¹²⁸. Аналогичная проблема отмечалась и авторами «Оперативно-тактического описания оборонительной операции 69 армии с 8 по 18 июля 1943 г. на Белгородско-Корочанском направлении». По мнению офицеров этой армии, командиры артиллерийских частей во время взаимодействия с танковыми частями

¹²⁶ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 299, Оп. 3070. Д. 208. Л. 31.

¹²⁷ ЦАМО. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 31. Л. 33.

¹²⁸ ЦАМО. Ф. 328. Оп. 4852. Д. 96. Л. 6, 7.

находились слишком далеко от передовой. Вместо применения танков, оснащенных радиостанциями, как подвижных наблюдательных пунктов они командовали с дальних наблюдательных пунктов¹²⁹.

Представитель Генерального Штаба Красной Армии полковник Костин отмечал в своем отчете: «Недостаточное оснащение радиосредствами связи командующих артиллерией танковых армий, мехкорпусов и танковых корпусов лишало возможности их управления имеющейся и приданной им артиллерией и по существу лишало их возможности маневрировать огнем и гусеницами на поле боя и непрерывно сопровождать стремительный натиск танков и мотопехоты мощным артиллерийским огнем»¹³⁰. Он предлагал следующее решение проблемы. Необходимо было в штат командующих артиллерией танковых армий и командующих артиллерией механизированных и танковых корпусов ввести, как минимум, по одной радиостанции типа «РВС». Этими же радиостанциями нужно было снабдить подразделения связи всех самоходных и истребительно-противотанковых артиллерийских полков. Не забывал полковник Костин и об артиллерийских батареях. Он им предлагал предоставить радиостанции типа «РБ» для корректирования артиллерийского огня и ведения разведки¹³¹.

Проблемы со связью отмечались и в 1-й танковой армии, но причина была скорее в человеческом факторе. Было отмечено, что в 31-м танковом корпусе из-за неспособности начальника связи в условиях сложной боевой обстановки обеспечить работу всех подразделений не работала проволочная связь¹³². Впрочем, по мнению штаба, лишних средств связи не бывает. В процессе боя возможен выход из строя радиостанций. Нужен резерв в количестве радиостанций. Предлагались следующие цифры: в армии – одна радиостанция типа «РАФ» и три типа «РСБ», в корпусах – по две типа «РСБ»¹³³. Да и для организации взаимодействия был необходим запас материальной части. Армии в оперативное подчинение передавались стрелковые, артиллерийские и танковые части, и для них всех нужно дополнительное количество проволочных линий, телефонов, телеграф, в общем, средств связи¹³⁴. Армия хоть и была танковая, но испытывала проблемы с транспортом, что сковывало оперативность развертывания штабов. Настоятельно требовалась моторизация всех подразделений связи, особенно это касалось 858-й отдельной телеграфно-строительной роты¹³⁵.

Другой очень важной проблемой стало взаимодействие с пехотой. Аксиома о взаимном прикрытии и поддержке только казалась всем понятной и легко реализуемой. Особенно это касалось частей и подразделений. В 1-й танковой армии утверждали, что в звене штаб корпуса – штаб армии вопросы взаимодействия со стрелковыми частями решены, но вот уже на уровне дивизии, бригады, полка и тем более подразделений ситуация была хуже¹³⁶. Впрочем, по мнению офицеров из 5-й гвардейской общевойсковой, вопросы были и к штабам корпусов – высших тактических соединений. В случаях оперативного подчинения танковых корпусов из состава танковых армий общевойсковой армии неоднократно возникали проблемы во взаимодействии танковых и стрелковых корпусов. Особенно это касалось танковых корпусов 5-й гвардейской танковой армии¹³⁷. Тем более все вышеперечисленное касалось и соединений уровня ниже корпуса. Стрелковые дивизии

¹²⁹ ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 513. Л. 14.

¹³⁰ ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 515. Л. 53.

¹³¹ Там же.

¹³² ЦАМО. Ф. 299. Оп. 3070. Д. 208. Л. 20.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. Л. 31.

¹³⁷ ЦАМО. Ф. 328. Оп. 4852. Д. 96. Л. 7.

и танковые части, действующие самостоятельно в полосе действий дивизий, периодически не могли скоординировать общие действия¹³⁸.

Коллеги воинов-гвардейцев 5-й армии из 7-й гвардейской в своем «Кратком отчете о боевых действиях танковых частей 7 гв. А с 25.6 по 25.7.43 г.» отмечали сходные проблемы. Постоянно наблюдались эпизоды, когда пехота при совместной атаке с танками отставала от последних и не могла уже огнем штатного стрелкового вооружения и артиллерийских орудий поддержать танки. Итог был предсказуем: большие потери в танках¹³⁹. Подобные явления не укрылись от всевидящего ока представителя Генерального Штаба. Более того, им отмечались факты обстрела танками своей же пехоты на участке 183-й стрелковой дивизии из состава 69-й армии из-за плохого уровня взаимодействия. А также фиксировались случаи подрыва наших танков на наших минных полях¹⁴⁰.

Организация прикрытия с воздуха от ударной авиации противника была тоже нетривиальной задачей. 1-я танковая констатировала огромные потери в танках от действий «стервятников Геринга». Требовалось немедленное усиление танковых корпусов полком зенитной артиллерии. А для армии требовалась уже дивизия зенитчиков. Причем не приданную от фронта, а входящую организационно в состав армии¹⁴¹. Т. е. мысль шла по пути повторения немецкого опыта. Танковые части, соединения и объединения противника имели очень сильную зенитную артиллерию, действующую только в интересах своих частей.

Вопросы были и к «сталинским соколам». Офицеры отмечали постоянное опоздание истребительной авиации на поле боя, а также наблюдалось отсутствие активности летчиков-истребителей¹⁴². Но еще хуже были случаи «дружественного огня». Наземные войска, по свидетельству офицеров, несмотря на обозначение своего положения на передовой ясно видимыми сигналами, известными летчикам, периодически подвергались ударам своей авиации, особенно штурмовой¹⁴³. Офицеры-танкисты предлагали решение проблемы. По их мнению, следует предоставить командирам танковых и механизированных корпусов право непосредственного вызова авиации. Для этого к нему в штаб должен прибыть представитель авиационного командования со своими средствами связи¹⁴⁴.

Досталось и воинам-гвардейцам из 5-й гвардейской танковой: «Не все вопросы полно увязываются с авиацией, в силу чего было несколько случаев бомбежки своих войск (район Прохоровка, Яковлево)»¹⁴⁵. 69-я общевойсковая выразилась кратко: «Боевые действия танков не обеспечивали достаточным авиационным прикрытием, авиаразведкой и авионаведением»¹⁴⁶.

Еще одной проблемой, объединяющей все отчеты и доклады общевойсковых армий, стало неумение общевойсковых командиров правильно применять танки. Офицеры 6-й гвардейской общевойсковой отмечали, что танковые части часто меняют участки фронта, перемещаясь из полосы действия одной дивизии в полосу действия другой. Все это приводило к потере связи, к незнанию положения и состава сил противника на новом участке. Общевойсковые командиры, не обладая знаниями о специфике танковых войск, не зная их сильных и слабых свойств, не могут их использовать правильно, ставят невыполнимые задачи¹⁴⁷. Подобное отмечали и в 7-й гвардейской общевойсковой. В

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779, Д. 245. Л. 59.

¹⁴⁰ ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843, Д. 515. Л. 46

¹⁴¹ ЦАМО. Ф. 299. Оп. 3070. Д. 208. Л. 31.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ ЦАМО. Ф. 328. О. 4852, Д. 96. Л. 33.

¹⁴⁶ ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 513. Л. 14.

¹⁴⁷ ЦАМО. Ф. 335. Оп. 5113, Д. 252. Л. 30.

попытках прикрыть все опасные направления общевойсковые командиры дробили танковые подразделения на группы из 3–5 танков, что приводило к распылению сил. Командиры дивизий часто бросали в бой танки, не понимая, что мелкие группы боевых машин на поле боя не исправят ситуацию¹⁴⁸.

Не отставали и в 69-й общевойсковой армии с фиксацией печальных фактов. Отмечались случаи, когда общевойсковые командиры, вводя в бой танковые части, не организовывали пехотное и артиллерийское прикрытие танковых атак¹⁴⁹. Чуда ожидаемо не получалось. И вновь отмечалось распыление танков уже при штурме сильно укрепленных узлов обороны противника. Мелкие группы танков просто не были способны на успешное выполнение подобных задач¹⁵⁰.

В ходе боев обнаружили проблемы и в подготовке личного состава бронетанковых войск. Офицеры 5-й гвардейской общевойсковой отмечали следующие недочеты: на огневых позициях личный состав плохо маскировал материальную часть; слишком медленно двигались в атаке; отсутствие маневра и постоянные попытки атаковать в лоб; слишком длительные остановки для ведения огня с места¹⁵¹. Об этом же свидетельствовали офицеры из 7-й гвардейской общевойсковой. Они наблюдали отсутствие маневров на поле боя как отдельных танков, так и подразделений, неумение использовать складки и рельеф местности для охватов и обходов, периодически атаковали просто в лоб¹⁵². Полковник Костин отметил еще и недостаток в организации разведывательных мероприятий: «Недостаточно хорошо были организованы разведки, в особенности в танковых и стрелковых корпусах. Не всегда имелось взаимодействие всех родов разведки для достижения единой цели»¹⁵³.

Первое применение самоходных артиллерийских полков (имеющих на вооружении «самоходки»: СУ-76, СУ-122, СУ-152) ожидаемо не прошло гладко. В «Отчете» 5-й гвардейской общевойсковой отметили целый «букет» проблем. Первым в списке, как и положено, был «человеческий фактор». Выяснилось, что командиры самоходных артиллерийских полков (далее САП) очень слабо готовятся к бою: не знают местность, на которой предстоит вести боевые действия, плохо организована разведка, плохо работают эвакуационные и ремонтные органы¹⁵⁴. Общая беда Красной Армии в 1943 году – нехватка автотранспорта – была органическим пороком и нового рода оружия. По данным офицеров, 1440-й самоходный артиллерийский полк был укомплектован колесным транспортом всего лишь на 40 %. Но это еще ничего. 1902-й САП – вообще только на 20 %. Все это не могло не создавать трудности в применении этих частей¹⁵⁵. А в условиях недостаточной подготовки в техническом плане закономерно приводило к неизбежным вещам. Отличился 1902-й САП, в котором из-за плохого знания техники личным составом фиксировали большой процент выхода из строя самоходных установок по техническим причинам. И вдобавок органы тыла фронта не справлялись с удовлетворением потребностей частей, что приводило к неизбежному замедлению ремонта техники и восстановления боеспособности части¹⁵⁶.

В 7-й гвардейской общевойсковой отметили еще и непонимание некоторыми начальниками особенностей нового рода оружия. Самоходки были не заменой танка, а дополнением к нему, и нужно было применять самоходные полки вместе с танковыми

¹⁴⁸ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 245. Л. 60.

¹⁴⁹ ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 513. Л. 12.

¹⁵⁰ Там же. Л. 14.

¹⁵¹ ЦАМО. Ф. 328. Оп. 4852. Д. 96. Л. 6.

¹⁵² ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 245. Л. 59.

¹⁵³ ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 515. Л. 47.

¹⁵⁴ ЦАМО. Ф. 328. Оп. 4852. Д. 96. Л. 6.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

частями и пехотой. Фиксировался тот же пагубный принцип, что с танковыми частями: самоходки применяли не сосредоточенно, а распыленно, что не приводило к выполнению поставленных задач¹⁵⁷.

Заключение

В итоге можно отметить, что первое применение вновь созданных танковых армий и отдельных частей и соединений танковых и механизированных войск не прошло гладко. Проблемы были ожидаемы, ибо в условиях военного времени обеспечить качественную подготовку всего личного состава было весьма затруднительно. Это касалось как рядового и сержантского состава, так и офицеров и генералов. Оборонительный этап Курской битвы был своего рода обкаткой танковых армий в условиях подготовленной обороны. То же самое можно сказать и об участвовавших в этом этапе отдельных корпусах, бригадах, полках и батальонах.

Проблема взаимодействия между родами войск и даже видами вооруженных сил всегда будет актуальной для любой армии. В ходе Великой Отечественной войны Красная Армия росла количественно и качественно. Многие вещи делались по наитию или в условиях цейтнота. Отсюда и проблемы с организацией взаимодействия с другими родами войск или видами сил в плане взаимного прикрытия. Многое решалось на уровне личного взаимодействия между офицерами разных частей, соединений и объединений. А между тем требовалось системное решение проблем. В итоге практика была критерием истины, хотя это приводило к лишним и ненужным потерям. В огне Курской битвы ковался опыт танковых и механизированных войск Красной Армии, вскоре добившей противника в его логове.

Список источников

Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО):

- Ф. 203. Воронежский фронт. Оп. 2843. Д. 513. Оперативно-тактическое описание оборонительной операции 69-й армии на Белгородско-Корочанском направлении.
Д. 515. Общая обстановка на фронте к началу операции войск Воронежского фронта.
Ф. 240. Степной фронт. Оп. 2779, Д. 245. Краткий отчет о боевых действиях танковых частей 7 гв. армии с 25.6 по 25.7.43 г.
Ф. 299. 1-я гвардейская танковая армия. Оп. 3070. Д. 208. Оперативно-тактическое описание оборонительной операции 1-й танковой армии на Белгородском направлении.
Ф. 328. 5-я гвардейская армия. Оп. 4852. Д. 96. Отчет о боевых действиях частей и соединений БТ и МВ 5 гвардейской армии за период с 11 июля по 7 августа 1943 г.
Ф. 332. 5-я гвардейская танковая армия. Оп. 4948. Д. 31. Отчет о боевых действиях 5 гвардейской танковой армии
Ф. 335. 6-я гвардейская армия. Оп. 5113. Д. 252. Описание оборонительных боев и контрнаступления 6 гвардейской армии.

Список литературы

- Армейские операции (Примеры из опыта Великой Отечественной войны). 1977. Под общ. ред. А.И. Радзиевского. Москва, Воениздат, 254 с.
Бабаджан А.Х. 1970. Бронетанковые и механизированные войска в Курской битве. В сб. Курская битва: / Под ред. И.В. Паротькина. Москва: Наука: 192–203.
Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2 томах. Том II. Коллектив авторов: М.Э. Морозов (руководитель) и др. 2010. Москва, Объединенная редакция МВД России, 784 с.
Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. 2012. Москва, Кучково поле, 864 с.

¹⁵⁷ ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 245. Л. 59.

- Дайнес В.О. 2010. Советские танковые армии в бою. Москва, Яуза: Эксмо, 797 с.
- Катуков М.Е. 1976. На острие главного удара. Москва, Воениздат, 429 с.
- Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. 1970. Курская битва. Москва, Воениздат, 400 с.
- Небольсин И.В. 2016. Первая из гвардейских. 1-я танковая армия в бою. Москва: Яуза: Эксмо, 1052 с.
- Не уронили чести ратной на Курской огненной дуге. А.В. Берлов, Д.Г. Гужва, А.А. Зданович и др. 2023. Москва, Граница, 223 с.
- Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. 1973. Москва, Воениздат, 333 с.
- Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943. 2007. Сб. ст. / ред. сост. В. Гончаров. Москва, Яуза: Эксмо, 448 с.

References

- Armejskie operacii (Primery iz opyta Velikoj Otechestvennoj vojny) [Army Operations (Examples from the Great Patriotic War)]. 1977. Pod obshh. red. A.I. Radzievskogo. Moscow, Voenizdat, 254 p.
- Babadzhan A.H. 1970. Bronetankovye i mehanizirovannye vojskav Kurskoj bitve [Armored and Mechanized Troops in the Battle of Kursk]. V sb. Kurskaja bitva: / Pod red. I.V. Parot'kina. Moscow: Nauka: 192–203.
- Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. Kampanii i strategicheskie operacii v cifrah. V 2 tomah. Tom II [The Great Patriotic War 1941-1945. Campaigns and Strategic Operations in Figures. In 2 volumes. Volume II]. Kollektiv avtorov: M.E. Morozov (rukovoditel') i dr. 2010. Moscow, Obedinennaja redakcija MVD Rossii, 784 p.
- Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. V 12 t. T. 3. Bitvy i srazhenija, izmenivshie hod vojny [The Great Patriotic War 1941–1945. In 12 Volumes. Volume 3. Battles and Engagements that Changed the Course of the War.]. 2012. Moscow, Kuchkovo pole, 864 p.
- Dajnes V.O. 2010. Sovetskie tankovye armii v boju [Soviet Tank Armies in Battle]. Moscow, Jauza: Jeksmo, 797 p.
- Katukov M.E. 1976. Na ostrie glavnogo udara [At the Forefront of the Main Attack]. Moscow, Voenizdat, 429 p.
- Koltunov G.A., Solov'ev B.G. 1970. Kurskaja bitva [Battle of Kursk]. Moscow, Voenizdat, 400 p.
- Nebol'sin I.V. 2016. Pervaja iz gvardejskih. 1-ja tankovaja armija v boju [The First of the Guards. 1st Tank Army in Battle]. Moscow: Jauza: Jeksmo, 1052 p.
- Ne uronili chesti ratnoj na Kurskoj ognennoj duge [They Did not Disgrace their Military Honor at the Kursk Fiery Bulge]. A.V. Berlov, D.G. Guzhva, A.A. Zdanovich i dr. 2023. Moscow, Granica, 223 p.
- Sovetskie tankovye vojska 1941–1945. Voенно-istoricheskij oчерk [Soviet Tank Forces 1941–1945. Military-Historical Essay]. 1973. Moscow, Voenizdat, 333 p.
- Tankovyj udar. Sovetskie tanki v bojah. 1942–1943 [Tank Strike. Soviet Tanks in Battle. 1942–1943]. 2007. Sb. st. / red. sost. V. Goncharov. Moscow, Jauza: Jeksmo, 448 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 31.01.2025

Received 31.01.2025

Поступила после рецензирования 19.02.2025

Revised 19.02.2025

Принята к публикации 21.02.2025

Accepted 21.02.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тимиряев Денис Олегович, кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Denis O. Timiryayev, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the School of History, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

 [ORCID: 0009-0008-9759-8227](https://orcid.org/0009-0008-9759-8227)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 323.1

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-202-211

Оригинальное исследование

Советский компонент цивилизационной идентичности России

Алексеев Н.Н.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23
E-mail: alekseev@imomi.unn.ru

Аннотация. Современная российская идентичность является сложной, динамичной системой, включающей многочисленные компоненты, отражающие принадлежность к сообществам различных типов (национальным, этническим, религиозным и т. д.), а также наследие исторических этапов государственного становления. Многонациональный, поликультурный состав населения Российской Федерации затрудняет гармонизацию идентичностей и в то же время позволяет говорить о цивилизационном характере российской идентичности. Значительное воздействие на формирование и укрепление современной российской идентичности оказывает продолжающийся процесс осмысления советского прошлого. Целью исследования является выявление функциональных особенностей советского компонента в системе российской цивилизационной идентичности. Основой методологии является системный фрактальный анализ идентичности, в рамках которого идентичности рассматриваются как сложные, динамичные, самоподобные системы. Особое внимание уделено вопросам гармонизации советского прошлого с другими неотъемлемыми составляющими современных процессов, формирующих вектор политического самоопределения России.

Ключевые слова: идентичность, российская идентичность, цивилизационная идентичность, советская идентичность, национальная идентичность, политика памяти

Для цитирования: Алексеев Н.Н. 2025. Советский компонент цивилизационной идентичности России. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 202–211. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-202-211

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Soviet Component of Russia's Civilizational Identity

Nikolai N. Alekseev

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: alekseev@imomi.unn.ru

Abstract. Contemporary Russian identity is a complex, dynamic system, including numerous components that reflect belonging to communities of various types (national, ethnic, religious, etc.), as well as the legacy of historical stages of state formation. The multinational, multicultural composition of the population of the Russian Federation complicates the harmonization of identities and at the same time allows us to talk about the civilizational nature of Russian identity. The ongoing process of understanding the Soviet past has a

significant impact on the formation and strengthening of modern Russian identity. The purpose of the study is to identify the functional features of the Soviet component in the system of Russian civilizational identity. The basis of the methodology is a systemic fractal analysis of identity, within which identities are considered as complex, dynamic, self-similar systems. Particular attention is paid to the issues of harmonization of the Soviet past with other integral components of modern processes which form the vector of Russia's political self-determination.

Keywords: identity, Russian identity, civilizational identity, Soviet identity, national identity, memory politics

For citation: Alekseev N.N. 2025. Soviet Component of Russia's Civilizational Identity. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 202–211 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-202-211

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Среди проблем, дестабилизирующих различные общественно-политические процессы в современной России, особое значение имеет проблема формирования единой идентичности, а также поиск ее ценностного фундамента [Расторгуев, Титов, 2024]. Российский общественно-политический дискурс характеризуется поистине уникальной палитрой различных идентичностей и их компонентов, находящихся в перманентном взаимодействии. Среди наиболее заметных можно выделить множество этнонациональных идентичностей, формирующуюся национально-государственную, наследие транснациональной социалистической идентичности [Титов, 2020]. Также системообразующую роль играет, например, православно-христианская идентичность. Данное взаимодействие нередко имеет конфликтный характер, затрудняет формирование и принятие единого политического курса и препятствует консолидации общества. Всеобъемлющий характер российской идентичности, которая к тому же адаптируется к актуальным внутри- и внешнеполитическим реалиям, приводит к тому, что до сих пор отсутствует общественный консенсус относительно основ постсоветского национально-государственного самоопределения и идентичности [Попова, 2018].

Классик политической науки С. Хантингтон уже после распада СССР говорил о перспективах формирования мирового порядка цивилизаций [Хантингтон, 2020]. В настоящее время, учитывая усиливающийся культурно-ценностный уклон современных идентичностей, особый интерес вызывают цивилизационные идентичности и их роль в современных политических процессах. Ряд исследователей относит Российскую Федерацию к особой категории «цивилизационных государств» или «государств-цивилизаций» [Идентичность..., 2023]. С. Хантингтон определял Россию в качестве центра православно-славянской цивилизации, отводя ей роль стержневого государства, то есть центра политического притяжения [Хантингтон, 2020]. Рассматривая пример России, можно утверждать, что необходимые черты стержневого государства присутствуют и обусловлены как минимум историческим прошлым, принимая во внимание становление Российского государства ключевым актором в обширном геополитическом пространстве. Наконец, цивилизационное самоосознание становится все более отчетливым в общественно-политическом дискурсе РФ [Концепция..., 2013; Концепция..., 2016; Концепция..., 2023].

Цивилизационная идентичность как актуальная категория политической науки

В условиях глобальной геополитической неопределенности, ослабления национальной и одновременного укрепления транснациональных идентичностей отмечается растущее значение цивилизационной идентичности, которая также является элементом системы идентичностей индивида, сообщества [Алексеев, 2023]. С. Хантингтон определял цивилизационную идентичность как высшую форму самоопределения индивида. Российские исследователи идентичности в политической науке определяют

цивилизационную идентичность как отождествление или соотнесение индивида, социальной группы, этноса или государства с той или иной локальной цивилизацией. Также «цивилизационная идентичность указывает на принадлежность ее носителя к локальной цивилизации, имеющей свои культурные нормы, традиции и социальные практики» [Идентичность..., 2023]. Можно конкретизировать многозначное понятие цивилизации в качестве общности, обладающей привязанностью к определенному географическому ареалу и выступающей носителем религий, идеологий, ценностей, культурных норм и социальных практик, которые имеют ярко выраженную специфику, но при этом претендуют на универсальную, всемирную значимость. Таким образом, структурообразующими компонентами цивилизационной идентичности можно считать географический ареал или территорию с присущим ей символическим смыслом, а также элементы социальной культуры, причем со значительной степенью универсальности и транснациональной распространенности. Активная политизация цивилизационной идентичности и превращение ее компонентов в политический ресурс становятся закономерным итогом политических трансформаций [Мчедлова, Букин, 2023].

Одним из государств, предъявляющих претензии на формирование цивилизационной транснациональной идентичности, является Российская Федерация. Дискуссия о возможности появления если не цивилизационной, то транснациональной идентичности с РФ в качестве стержневого государства так или иначе является результатом комплекса процессов во внутренней и внешней политике. Транснациональный характер обуславливается историческим прошлым Российской империи и Советского Союза. В.Э. Багдасарян в своих исследованиях предлагает представление идентичности в качестве двухуровневой модели, выделяя первый уровень – этнический и второй уровень – цивилизационный. Таким образом, цивилизационная составляющая представляется не в качестве отдельно существующей единицы, а в качестве закономерного этапа развития, ступени иерархии в комплексе идентичностей. Примером является комплекс идентичностей в Российской империи, где в одном измерении можно было обладать великороссийской, армянской, грузинской, татарской идентичностью и при этом в цивилизационном измерении быть носителем русской цивилизационной идентичности. В.Э. Багдасарян также утверждает, что существование этнического в отрыве от цивилизационного представляет собой угрозу [Багдасарян, 2024]. Данное утверждение подтверждается примерами конфликтов на почве несоответствия этнических и цивилизационных измерений (существование Израиля в политико-культурном пространстве исламской цивилизации).

Учитывая задачи и ответственность РФ как великой державы, особенно в период внешнеполитической турбулентности, формирование и эффективное функционирование цивилизационной идентичности является значимым фактором сохранения региональной стабильности и безопасности. Цивилизационное самоопределение оказывает серьезное воздействие на внешнюю политику России, в особенности на постсоветском пространстве. Тем не менее национальное, культурное и, как следствие, ценностно-символическое многообразие общественно-политического цивилизационного пространства, в котором существует Россия, обуславливают слабую осязаемость контуров этой идентичности. Требуют изучения вопросы гармонизации и стабилизации многочисленных мировоззрений для определения возможного ценностного обрамления с учетом концептуальных истоков цивилизационной идентичности. Особый интерес представляет советский компонент в цивилизационном измерении российской идентичности, поскольку он отличается чрезвычайной политической самобытностью, хронологической близостью и социалистическим транснациональным наследием.

Истоки цивилизационной идентичности России

Цивилизационную амбицию, а вместе с ней формирование цивилизационного измерения идентичности можно наблюдать уже на ранних этапах зарождения русской

государственности. Заметным воплощением цивилизационной идеи является концепт «Русского мира», который переживает очередное рождение в постсоветской внешнеполитической риторике. Именно возврат к «Русскому миру» от мира социалистического стал одним из лейтмотивов идентификационных трансформаций постсоветской России. В то же время А.В. Ишин подчеркивает, что термин «Русский мир» употреблялся еще по отношению к догосударственному периоду в истории восточного славянства. Базовые признаки российской государственности формировались в VIII–IX вв. на стыке различных культурных «миров»: славянского, балтского, скандинавского, финно-угорского, тюрко-хазарского [Ишин, 2015]. Присутствие этой концепции в официальной риторике РФ становится все более заметным. В Концепции внешней политики 2023 г. Российская Федерация определяется как ядро цивилизационной общности Русского мира [Концепция..., 2023]. Мария Захарова называет Русский мир «сформировавшейся на протяжении не одного столетия культурно-духовной, языковой, цивилизационной общностью людей» [Захарова заявила..., 2023]. Таким образом, в концепции Русского мира отражены одновременно цивилизационное начало и стержневая роль российского государства. В качестве еще одного нарратива российской цивилизационной идентичности можно считать идеи евразийства и неоевразийства. Неоевразийские трактовки российской цивилизации также отражают полиэтничность. В определении Н.Н. Моисеева Россия представляет собой не просто региональный «север Евразии» и его полиэтничное население, а самостоятельную, целостную цивилизацию с общим миропредставлением, образом жизни [Моисеев, 2002]. Цивилизационный характер, отражающий самобытность на межнациональном уровне, отражают известные концепции «особого пути» России, России как моста между Востоком и Западом [Политика памяти..., 2023]. Архитектура современной мировой политики все чаще трактуется в категориях Запад и неЗапад, где Россия в качестве одной из ключевых незападных держав играет определяющую роль [Алексеев, 2003]. Идея противопоставления России и Европы и использования образа «значимого другого» для формирования собственной идентичности на цивилизационном уровне достаточно известна, однако СССР поспособствовал ее максимальному развитию в контексте цивилизационного самоопределения России [Малинова, 2017].

Наследие СССР в матрице российской цивилизационной идентичности

Особое положение в комплексе компонентов цивилизационной идентичности РФ занимает советский компонент как отражающий хронологически наиболее близкий период, так и во многом вписывающийся в актуальную политическую конъюнктуру. Во-первых, социалистическая идеология имела транснациональный характер, а ее распространение и укрепление на протяжении существования СССР сопровождалось параллельным укреплением национальных объединяющих тенденций. Очевидно, что степень лояльности идеям социалистического единства и их соотношения с идеями единства национального отличались в различных сообществах и на разных исторических этапах. Это связано с тем, что инструменты формирования транснациональной социалистической идентичности работали грубо и однообразно, сопровождаясь социальными потрясениями, однако они все же принесли свои плоды. Исследователи отмечают, что, несмотря на низкую эффективность механизмов общественной пропаганды на закате СССР, его распад тем не менее спровоцировал социальную растерянность [Веретевская, 2017]. Если мы говорим о советском компоненте цивилизационной идентичности России, отмечая многолетний процесс ее формирования и следуя официальному нарративу исторической преемственности, то можно говорить о советском периоде (этапе) формирования и трансформации цивилизационной идентичности. Советскую идентичность отдельно можно рассматривать как первую целенаправленно конструируемую транснациональную идентичность. Как минимум инструментальный и идеологическо-ценностный подход

отличались заметной прогрессивностью, предварившей, например, формирование европейской идентичности в ЕС. Не случайно и символично наличие слова «Союз» в названии сверхдержавы внутри системы международных отношений с доминированием национальных государств. Любопытно также то, что в названии оппонента СССР по биполярной системе идея единения (*Соединенные Штаты*) тоже отражена в названии и играет системообразующую роль в формировании национально-государственной идентичности. В английском языке данная идея выражается однокоренными словами («*union*» и «*united*»). Как видим, две сверхдержавы биполярной системы, в рамках которой СССР успел достигнуть пика своего развития, а затем прекратил свое существование, изначально представляли собой нечто большее, чем национальные государства, а политический, культурный и ценностный факторы позволяют говорить о цивилизационной конфронтации. Однако гражданская модель идентичностей (например, Франции и США) объединяет на основе ценностей, территории и языка, в то время как советская идентичность поставила ценности в качестве основы данной конструкции. В этом контексте следует вспомнить Манифест коммунистической партии К. Маркса: «У рабочих нет отечества», что отражает если не транснациональную, то интернациональную природу социалистической идентичности (отсюда – Коммунистический интернационал) [Манифест..., 2024]. Революционная идеология отрицала национальность и территориальность. Данные аргументы могут объяснить транснациональность советской идентичности, но не ее цивилизационный характер. Исследователи отмечают цивилизационный характер идентичности Российской империи, однако Советское государство, в особенности в самом начале своего формирования, стремилось не просто уничтожить наследие империи, но и разорвать с ним символическую – цивилизационную преемственность. А.В. Веретевская считает, что создание нового путем разрушения старого – органический процесс, который способствует формированию новой политической идентичности [Веретевская, 2017]. Можно добавить, что «старое» необходимо в качестве известного образа «значимого другого», относительно которого выстраивается новое самоопределение, однако следует также отметить, что постепенная адаптация советской идеологии к политико-культурной реальности способствовала сохранению цивилизационного нарратива с системообразующей ролью российской государственности. По мнению В.Э. Багдасаряна, русская цивилизационная идентичность, сформировавшаяся в период существования Российской империи, трансформировалась именно в советскую. Как и при осмыслении монархического прошлого в СССР, в постсоветской России выделяется ряд периодов различного восприятия «всего советского». Первый период преимущественно негативного отношения к советскому прошлому начался непосредственно с 1991 года и явился логическим продолжением перестройки вплоть до начала 2000-х гг. [Малинова, 2018]. Исследователи отмечают, что субъекты государственной власти в последнее десятилетие XX века пытались разрушить все советское как чуждое, а многие ритуалы, праздники и герои стали представлять собой объекты для разного рода критики [Сенцов и др., 2016]. Можно выделить переходный период, допускающий определенные позитивные черты советского прошлого и, наконец, постепенную актуализацию компонентов советской идентичности и превращение их в политический ресурс в условиях новой реальности. Колебания систем и компонентов идентичности от исключения к включению, от легитимизации до стигматизации – естественные процессы, однако в случае советской идентичности ситуация усложняется подлинно транснациональным и ценностно-идеологическим характером, поэтому в той или иной степени затрагивает все идентичности постсоветского пространства. Неслучайно проведению линии преемственности различных этапов цивилизационного становления России империя – союз – федерация уделяется особое внимание в отдельных документах [Указ Президента..., 2024].

Следует отметить еще одну особенность советского компонента в российской цивилизационной идентичности, позволяющую говорить о том, что советский опыт является значимым фактором современного цивилизационного самоопределения России. Формирование советской системы ценностей как противоположной капиталистическим ценностям происходило во многом в форме противопоставления – формирования негативной идентичности [Герштейн, 2020]. Определяющая роль негативной идентичности и самоопределения посредством противопоставления естественна для молодого советского сообщества, стремительно включающегося в систему устоявшихся политических отношений, отвечает логике многонационального объединения, а также является результатом постепенного осознания фактического краха идеи мировой социалистической революции. Это жизненно необходимое противопоставление для формирования по сути первой транснациональной идентичности в эпоху национальных государств за период существования СССР претерпевало качественные трансформации по степени негативности образа другого – от идеологического и потенциально военного противника до нейтрального соседа. Как уже было отмечено, противопоставление, например, России и Европы – достаточно укоренившийся нарратив и инструмент самоопределения, однако именно в СССР подобный подход использовался наиболее активно и играл определяющую роль. И.Г. Шаблинский пишет, что одной из двух важных идеологем, сформированных еще в эпоху сталинизма, является курс на постоянное противостояние внешнему врагу [Шаблинский, 2017]. Сейчас Россия, активно выступая за формирование многополярного мира, приобретающего все более понятные очертания, проявляет схожую готовность поставить под вопрос устоявшийся прозападный мировой порядок и также во многом самоопределяется за счет идеологического оппонента [Зиновьев, Жеравина, 2014]. То есть можно говорить о негативной идентичности, самоопределении посредством противопоставления, но в разных идеологемах, причем, что особенно важно, с обязательным выходом на транснациональный уровень. То есть если Украина подчеркивала, что она не Россия, выводя негативизацию на национальном уровне, российская идентичность противопоставляется «западной», как советская социалистическая – капиталистической [Кучма, 2003]. Это транснациональное, цивилизационное наследие, обусловленное историческими особенностями формирования государственности, масштабом и разнообразием общества в РФ. Даже в период «перестройки» цивилизационное противопоставление сохранялось. Так, выступая с речью перед депутатами парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге, М.С. Горбачев говорил: «При всех нынешних недостатках и отставании мы хорошо знаем сильные стороны нашего социального строя, вытекающие из его сущностных характеристик. И уверены, что сумеем их реализовать на пользу и себе, и Европе» [Горбачев, 2010]. В.В. Путин в самом начале первого президентского срока также обособлял Россию от Европы, а известная речь в рамках Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году олицетворяет риторику самоопределения в масштабах больших, чем национальное государство [Путин, 2001; Выступление и дискуссия..., 2024].

А.В. Веретевская пишет, что ускоренная модернизация привела к формированию так называемого мобилизационного типа развития советского государства. Это не могло не повлиять на мобилизационный тип развития советской идентичности. Растущая динамика общественно-политических процессов в начале XX века, потрясения Гражданской войны, а также внутривнутриполитическая нестабильность периода после нее (кадровые перестановки, НЭП, репрессии) способствовали формированию неустойчивого типа идентичности. Можно говорить о том, что до Великой Отечественной войны советская идентичность – это, скорее, стихийная идентификация, которая после ВОВ получила компоненты, необходимые для стабилизации коллективной идентичности [Зиновьев, Жеравина, 2014]. Именно тяжелейшие испытания Великой Отечественной / Второй мировой войны стали одновременно «коллективной жертвой» и «коллективным триумфом», которые

С.В. Акопов выделяет в качестве необходимых оснований транснациональной идентичности [Акопов, 2015]. В этом контексте денацификация как одна из целей СВО проводит четкую линию преемственности с одним из ключевых компонентов советской транснациональной идентичности – вкладом СССР в победу над нацизмом. Внеациональный характер отражен в устоявшейся формулировке «подвиг советского народа» [Ефременко, 2023]. Наконец, «сверхдержавное наследие» Советского Союза послужило очевидным источником масштабного, именно цивилизационного самопозиционирования, поскольку именно послевоенный биполярный раскол и «холодная война» подчеркнули самобытность СССР в качестве лидера социалистического блока и поспособствовали формированию и укреплению наднациональных идей.

Заключение

Курс на всеобъемлющее принятие собственной истории неизбежно включил советский компонент в матрицу формирующейся современной российской цивилизационной идентичности. Примечательны повторяющиеся нарративы «возвращения» и «возрождения», идущие параллельно с процессами цивилизационного самоопределения, которые, с одной стороны, подчеркивают несформированность новых компонентов идентичности, с другой стороны, могут восприниматься реакцией на нестабильную, напоминающую советское прошлое внешнеполитическую обстановку. Причем речь идет не только о ностальгии по общественно-политическому и культурному контексту ушедшей эпохи, но и о целенаправленном возвращении определенных практик, в том числе среди представителей молодого поколения, не заставших СССР. Например, Всероссийское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия» определяет себя как «добровольное российское детско-юношеское движение, которое *возродило* добрые традиции молодежных организаций» [Юнармия..., 2024].

Чрезвычайно масштабные общие вызовы, а также хронологическая близость делает советское наследие значимым компонентом, во многом подпитывающим российскую цивилизационную идентичность необходимым смысловым наполнением, требующимся для реализации эффективной политики памяти. Например, как отмечает Д.В. Ефременко, в контексте конструирования идентичности ДНР и ЛНР большая степень устойчивости наблюдается у компонентов идентичности, отражающих советский опыт, что также сближает ДНР и ЛНР с практиками политики памяти и идентичности в современной России [Ефременко, 2023].

Советский компонент идентичности актуализируется также в силу своего биполярного контекста. Укрепляющаяся роль цивилизационных идентичностей в политическом измерении требует их тщательного осмысления. Все чаще цивилизационный контекст проникает в практическое поле политики – в риторике СМИ, выступлениях официальных лиц речь идет не просто о двусторонних межгосударственных, но межблоковых и межцивилизационных отношениях. Тем не менее осмысление советского прошлого и, как следствие, его окончательное включение в качестве компонента цивилизационной идентичности не закончено. Завершение рефлексии по советскому прошлому и его гармонизация с другими компонентами цивилизационной идентичности России необходимо для определения национальной идеи и стабилизации комплекса внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов.

Список источников

- Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 15.10.2024).
Захарова заявила, что Запад подвергает искажению понятие «Русский мир». URL: <https://tass.ru/politika/19391247> (дата обращения: 15.10.2024).

- Концепция внешней политики РФ (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).
- Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).
- Концепция внешней политики РФ (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.10.2024).
- Манифест коммунистической партии. К. Маркс. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (дата обращения: 15.10.2024).
- Путин В.В. 2001. Выступление в бундестаге ФРГ 25 сентября 2001 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21340> (дата обращения: 15.10.2024).
- Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 15.10.2024).
- «Юнармия» – Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение. URL: <https://yunarmy.ru/> (дата обращения: 15.10.2024).

Список литературы

- Акопов С.В. 2015. Человек многомерный: транснациональная модель идентификации с макрополитическими сообществами (метатеоретический анализ). СПб., Алетейя, 296.
- Алексеев Н.Н. 2023. Кризис идентичности в современной Европе: стремление к признанию и комплексная политизация. Вестник ученых-международников, 2(24): 200–209.
- Багдасарян В.Э. 2024. Традиционные ценности и новое мировоззренческое строительство в России: проблемы и решения. Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки, 1: 8–25.
- Веретевская А.В. 2017. Уроки прошлого для современной России: Эволюция взаимоотношений советского государства и общества. Политическая наука, 3: 177–194.
- Герштейн И.З. 2020. «Негативная» идентичность как фактор современного государствообразования (на примере Беларуси, Украины, ДНР и ЛНР). Via in Tempore. История. Политология, 3(47): 630–639.
- Горбачев М.С. 2010. Собрание сочинений. Т. 15. М., Весь мир: 149–154.
- Ефременко Д.В. 2023. Обретая уверенность в собственном прошлом. Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке. Политическая наука, 2: 15–45.
- Зиновьев В.П., Жеравина А.Н. 2014. Советская составляющая российской идентичности. Русин, 4(38): 130–138.
- Ишин А.В. 2015. Цивилизационное измерение Русского мира. Проблемы постсоветского пространства, 3(5): 19–33.
- Казаринова Д.Б., Дунамалян Н.А. 2022. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции. Политическая наука, 1: 52–79.
- Кучма Л.Д. 2003. Украина – не Россия. М., Время, 560 с.
- Малинова О.Ю. 2017. Неудобный юбилей: Итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ. Политическая наука, 3: 13–40.
- Малинова О.Ю. 2018. Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России). Вестник Пермского университета. Политология, 1: 75–91.
- Моисеев Н.Н. 2002. Судьба цивилизации. Пути разума. М., Языки русской культуры, 224 с.
- Мчедлова М.М., Букин О.А. 2023. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2(25): 445–454.
- Политика памяти в России – региональное измерение: Коллективная монография / Под редакцией А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М., Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023, 471 с.
- Попова О.В. 2018. Модели идентичности политических акторов в современной России. Политическая наука, 2: 173–194.

- Расторгуев С.В., Титов В.В. 2024. Кризис российской национально-государственной идентичности в конце XX – начале XXI в.: факторы, специфика, репрезентации. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2(26): 277–291.
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Морозова Е.В. и др. 2023. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М., ООО «Издательство «Весь Мир», 512 с.
- Сенцов А.Э., Трунтягин А.А., Лещев М.Е. 2016. Региональное развитие и формирование политической идентичности в условиях партийного доминирования. Стратегия устойчивого развития регионов России, 35: 71–76.
- Титов В.В. 2020. Образы советского прошлого как ресурс формирования национально-государственной идентичности россиян. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета, 10(3): 20–24.
- Хантингтон С. 2020. Столкновение цивилизаций. М., Издательство АСТ, 640 с.
- Шаблинский И.Г. 2017. «Новый российский консерватизм» и советская идеологическая парадигма. Политическая наука, 3: 136–157.

References

- Akopov S.V. 2015. Chelovek mnogomernyy: transnatsional'naya model' identifikatsii s makropoliticheskimi soobshchestvami (metateoreticheskiy analiz) [Multidimensional Man: A Transnational Model of Identification with Macropolitical Communities (Meta-Theoretical Analysis)]. SPb., Aleteyya, 296.
- Alekseev N.N. 2023. Identity Crisis in Modern Europe: Aspiration to Recognition and Complex Politicization. Vestnik uchenykh-mezhdunarodnikov, 2(24): 200–209 (in Russian).
- Bagdasaryan V.E. 2024. Traditional Values and New Worldview Construction in Russia: Problems and Solutions. Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki, 1: 8–25 (in Russian). doi: 10.18384/2949-5164-2024-1-8-25
- Veretevskaya A.V. 2017. Lessons of the Past for Modern Russia: The Evolution of the Relationship of the Soviet State and the Society. Politicheskaya nauka, 3: 177–194 (in Russian).
- Gershteyn I.Z. 2020. «Negative» Identity as a Factor of Modern State Education (On the Example of Belarus, Ukraine, DPR and LPR). Via in Tempore. Istoriya. Politologiya, 3(47): 630–639 (in Russian). doi: 10.18413/2687-0967-2020-47-3-630-639
- Gorbachev. M.S. 2010. Sobranie sochineniy [Collected Works]. Vol. 15. M., Ves' mir: 149–154.
- Efremenko D.V. 2023. Gaining Certainty in our Own Past. Russian Identity and Memory Politics at a New Historical Fork. Politicheskaya nauka, 2: 15–45 (in Russian). doi: 10.31249/poln/2023.02.01
- Zinov'ev V.P., Zheravina A.N. 2014. Soviet Component of Russian Identity. Rusin, 4(38): 130–138 (in Russian).
- Ishin A.V. 2015. Civilization Measurement of the Russian World. Problemy postsovetского prostranstva, 3(5): 19–33 (in Russian).
- Kazarinova D.B., Dunamalyan N.A. 2022. Trajectories of Development of Post-Soviet Identities: Approaches, Models, Trends. Politicheskaya nauka, 1: 52–79 (in Russian). doi: 10.31249/poln/2022.01.02
- Kuchma L.D. 2003. Ukraina – ne Rossiya [Ukraine is not Russia]. M., Vremya: 560 p.
- Malinova O.Yu. 2017. Uncomfortable Centenary: Preliminary Results of Reconsidering «The Founding Myth» of the USSR in the Russian Official Historical Narrative. Politicheskaya nauka, 3: 13–40 (in Russian).
- Malinova O.Yu. 2018. Strategic Culture and Frames of Collective Memory (The Case of Post-Soviet Russia). Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya, 1: 75–91 (in Russian). doi: 10.17072/2218-1067-2018-1-75-91
- Moiseev N.N. 2002. Sud'ba tsivilizatsii. Puti razuma [The Fate of Civilization, the path of Reason]. M., Yazyki russkoy kul'tury, 224 p.
- Mchedlova M.M., Bukin O.A. 2023 Russian Civilization: Civilizational Approach in Political Theory. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya, 2(25): 445–454 (in Russian). doi: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454
- Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie [Memory Politics in Russia – Regional Dimension]: Kollektivnaya monografiya / Pod redaktsiey A.I. Millera, O.Yu. Malinovoy, D.V. Efremenko. M.,

Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2023, 471 p. doi: 10.31249/B978-5-248-01053-0.2023.00.00

Popova O.V. 2018. Identity Models of Political Actors in Contemporary Russia. *Politicheskaya nauka*, 2: 173–194 (in Russian).

Rastorguev S.V., Titov V.V. 2024. The Crisis of Russian National-state Identity in the Late 20th – Early 21st Centuries: Factors, Specifics, Representations. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 2(26): 277–291 (in Russian). doi: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-277-291

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Morozova E.V. et al. 2023. Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. *Novye kontury issledovatel'skogo polya [Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field]*. M., OOO "Izdatel'stvo "Ves' Mir", 512 p.

Sentsov A.E., Truntyagin A.A., Leshchev M.E. 2016. Regional'noe razvitie i formirovanie politicheskoy identichnosti v usloviyakh partiynogo dominirovaniya [Regional Development and Formation of Political Identity in the Context of Party Domination]. *Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii*, 35: 71–76.

Titov V.V. 2020. Images of the Soviet Past as a Resource for the Formation of National-state Identity of Russians. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 10(3): 20–24 (in Russian). doi: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-20-24

Khantington S. 2020. *Stolknovenie tsivilizatsiy [Clash of Civilizations]*. M., Izdatel'stvo AST, 640 p.

Shablinskiy I.G. 2017. The «New Russian Conservatism» and the Soviet Ideological Paradigm. *Politicheskaya nauka*, 3: 136–157 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.01.2025

Received 11.01.2025

Поступила после рецензирования 25.01.2025

Revised 25.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Accepted 30.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексеев Николай Николаевич, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Nikolai N. Alekseev, Candidate of Sciences in Politics, Senior Lecturer of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-5154-7554](https://orcid.org/0000-0002-5154-7554)

УДК 327
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-212-222
Оригинальное исследование

Реалии современной Арктики: особенности политики новых членов НАТО и подходов РФ в решении проблем безопасности

Казаков М.А.¹ , Лысцев М.С.²

¹⁾ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;

²⁾ Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексева,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 24

E-mail: kazakov_mihail@list.ru, MLystsev@gmail.com

Аннотация. Из проведенного исследования следует, что вступление Финляндии и Швеции в североатлантический альянс породило новую проблему в сфере национальной и международной безопасности. Успешный опыт проведения политики нейтралитета оказался бесполезен, несмотря на то, что он до сих пор представляет ценность для таких европейских стран, как Австрия, Ирландия или Швейцария. Отказ от исторического опыта, памяти – отказ от тех скреп деятельности, на основе которых формируются позитивные и негативные образы/действия политиков. Наблюдаемые на пути вхождения Швеции и Финляндии в НАТО несоответствия между скрываемыми договоренностями и декларируемыми принципами как раз указывают на то, что их элиты стратегически неверно оценивают свои возможности, вводя население в заблуждение при решении проблем безопасности.

Ключевые слова: диалог, Заполярье, НАТО, конфронтация, национальная и международная безопасность, подходы, «Холодная война 2.0», элиты

Для цитирования: Казаков М.А., Лысцев М.С. 2025. Реалии современной Арктики: особенности политики новых членов НАТО и подходов РФ в решении проблем безопасности. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 212–222. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-212-222

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Realities of the Modern Arctic: Features of the Policy of New NATO Members and the Russia's Approaches to Resolving Security Problems

Mikhail A. Kazakov¹ , Mikhail S. Lystsev²

¹⁾ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russia;

²⁾ R.E. Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University,
24 Minin St., Nizhny Novgorod 603950, Russia

E-mail: kazakov_mihail@list.ru, MLystsev@gmail.com

Abstract. The study shows that Finland and Sweden joining the North Atlantic Alliance has created a new problem in the sphere of national and international security. The successful experience of pursuing a policy of neutrality has proven useless despite the fact that it still has value for such European countries as Austria, Ireland or Switzerland. The rejection of historical experience and memory is the rejection of those bonds of activity on the basis of which positive and negative images/actions of politicians are formed. The discrepancies between hidden agreements and declared principles observed on the path of Sweden and Finland

joining NATO indicate that their elites strategically incorrectly assess their capabilities, misleading the population when solving security problems.

Keywords: dialogue, Arctic, NATO, confrontation, national and international security, approaches, "Cold War 2.0", elites

For citation: Kazakov M.A., Lystsev M.S. 2025. Realities of the Modern Arctic: Features of the Policy of New NATO Members and the Russia's Approaches to Resolving Security Problems. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 212–222 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-212-222

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В начале 2000-х гг. на фоне наметившегося было сближения России и США руководство НАТО занимает официально лояльную позицию к этому процессу. Но уже первые признаки его ухудшения, вызванные как внешнеполитическими действиями американской администрации, так и критическими по их поводу выступлениями Президента РФ, возвращают альянс к исходной (в главном) военно-наступательной стратегии, в том числе на арктическом направлении. С середины первого десятилетия XXI века блок НАТО меняет подходы, стратегические «виды» на Арктику и начинает тестировать регион на возможность расширения военных учений.

В 2009 г. страны НАТО совместно с (пока еще) «нейтральными» Швецией и Финляндией проводят учения «Loyal Arrow», где приняло участие более 2 тыс. военных [Гриняев, 2010]. В 2010 году – учения «Cold Response», где уже участвовало 10 тыс. военнослужащих. Переосмыслив свои оборонные интересы, страны-члены НАТО также активизировались и стали регулярно проводить национальные маневры. Канада в 2008 г. и 2009 г. провела военные учения «Нанук» [Лысцев, 2014, с. 22]. Параллельно США провели учения «ICEX-2009» для проверки боеспособности подводных лодок в условиях Заполярья. Правда, в тот период Америка и РФ еще не стремились к военно-политическому обострению и, демонстрируя миру военную мощь как элемент глобального статуса [Арбатов, 2017, с. 10], взаимодействовали на разных уровнях.

В начале 2010-х гг. по линии Россия – НАТО идёт взаимовыгодное сотрудничество: в 2010 г. состоялся первый диалог по вопросам экологической безопасности, в 2011 г. был создан Круглый стол Арктических сил безопасности. Развитию диалога способствовали консультации начальников генеральных штабов стран-членов Арктического совета (АС) в 2012, 2013 гг. Российский подход к мирному, открытому региональному взаимодействию государств в Заполярье продолжился и после присоединения Крыма к России. В 2016 году Президент РФ В.В. Путин в приветствии участникам встречи стран АС заявил: «Арктика должна утверждаться как пространство для открытого и равноправного диалога, основанного на принципах всеобщей и неделимой безопасности, в котором нет места для геополитических игр военных блоков, закулисных соглашений и раздела сфер влияния. Россия и впредь будет сохранять приверженность мирному освоению данного региона при соблюдении собственных национальных интересов и безусловном уважении интересов других стран» [Путин, 2016].

Но маховик милитаризации политики Финляндии и Швеции был уже запущен. Не гласно в 2008–2009 гг. начинается их военно-технологическое сотрудничество со своими соседями из НАТО – Данией и Норвегией, направленное на укрепление кооперации государств и интенсификации процессов региональной интеграции в Заполярье в рамках проекта NORDEFSCO [Белухин, 2019, с. 32]. Эти и другие аспекты в динамике отношений арктических государств позволяют рассматривать изменения, происходящие в 2010-е и последующие годы как особый геополитический процесс, где пересекаются интересы

России, США, НАТО и других. Целью статьи является исследование специфики политики последних лет новых членов альянса Швеции и Финляндии в условиях поэтапно ужесточающейся гибридной войны коллективного Запада. В задачи исследования входит охарактеризовать некоторые планы НАТО, разницу подходов США, ее «вассалов» и РФ к решению проблем национальной и международной безопасности.

Вступление сначала Финляндии, а чуть позже и Швеции в НАТО стало неким потрясением для экспертов, считавших, что эти страны не откажутся от политики нейтралитета. Эффект неожиданности усилился синхронностью действий руководства стран по вступлению в альянс. Однако в действительности на основании изученного эмпирического материала следует признать, что начало процесса вовлечения нейтральных стран в блок НАТО приходится на рубеж XX–XXI вв.

В 1994 г. страны примкнули к программе НАТО «Партнёрство ради мира», а в 1997 г. они присоединились к Совету евроатлантического партнёрства. В 2002 г. впервые за долгий период шведское правительство изменило внешнеполитическую доктрину. Склоняясь к тому, что существенных изменений во внешней политике королевства не произошло, в новой концепции было прописано: нейтралитет теперь не является обязательным (из-за сложения иной расстановки сил и появления новых угроз в международных отношениях), а становится одной из ряда возможных линий поведения.

Но нельзя забывать, что политика, проводимая королевством, отличается от внешнеполитического курса Швейцарии или Австрии. В отличие от других «нейтралов» Европы, Швеция не придерживалась жёсткого нейтралитета, что позволяло её политике носить ситуативный или «заявленный» характер. Поэтому существовавший с окончания Наполеоновских войн шведский нейтралитет, в отличие от швейцарского, не был причислен международниками-правоведами к *постоянному*. И этому имелось веское объяснение – практика. Во время начала военного конфликта шведское правительство выпускало декларацию, подразумевавшую неучастие страны в войне. Таким образом, шведский нейтралитет являлся выражением внешнеполитического курса шведских элит, и его можно называть «эвентуальным», т. е. «от случая к случаю» [Корунова, 2024, с. 62].

Не нуждаясь в подобной гибкости, с 2000-х гг. идёт активизация Вашингтона в вопросах эволюции НАТО. В начале США выходят из договора о противоракетной обороне (ПРО) и запускают процесс строительства системы ПРО, в том числе и в Арктике (Гренландия, авиабаза Туле – Питуффик). В конце десятилетия под влиянием оценок первой «холодной войны» президент США Дж. Буш-младший подписывает директиву № 66 «Политический курс Соединённых Штатов в Арктическом регионе» [Кзаков, Лысцев, 2023, с. 780]. Следующий шаг был предопределён событиями весны 2014 г. После присоединения Крыма к России начинается массированный переход к политике *скрытого* гибридного противостояния. Об этом в 2017 году заявляет директор Службы внешней разведки России С.Е. Нарышкин: «Масштабы развёрнутой Западом работы позволяют говорить о необъявленной гибридной войне» [Нарышкин, 2017].

К данному периоду времени и особенно после него российские исследователи начинают разбирать подходы США к трансформации НАТО, вопросы вовлечения, установления и укрепления контактов властей Швеции и Финляндии с элитами стран альянса [Кислицын, 2018; Трунов, 2018, с. 141; Мурадов, 2019; Андреев, 2022; Данилов, 2022] с выходом на геополитическую ситуацию в регионе, проявляющую идеологические ориентации данных приарктических стран как со-акторов борьбы за мировую гегемонию. На тот момент они вошли в процесс обновления своих арктических стратегий, стали участвовать экспертами в разработке «новых блоковых» документов. Откуда им была предложена политика новой арктической коалиции.

Одним из следствий этой деятельности стало подписание в прошлом году США, Канадой и Финляндией меморандума о создании консорциума для строительства арктических ледоколов – Icebreaker Collaboration Effort. В сентябре 2024 г. в Оттаве

состоялась встреча глав МИД Канады и стран Северной Европы. Министры согласовали продолжение политики создания арктической коалиции, ставшей «необходимой из-за того, что они больше не встречаются в частном порядке на политическом уровне, отчасти из-за присутствия России в Арктическом совете» [Канада и страны Северной Европы создадут коалицию против России, пишут СМИ, 2024].

В ее рамках планируется осуществление научных исследований и программ двойного назначения в пользу притязаний США на арктические пространства. Складывающаяся в настоящее время обстановка в Заполярье представляет несомненную угрозу безопасности РФ как в формах свойственных соперничеству информационных операций, так и нездоровой конкуренции экономических проектов Запада против РФ.

Методология

Методологической основой исследования выбраны принципы неореализма и конструктивизма. Первые объясняют повышенный уровень глобальной нестабильности в Арктическом регионе, наблюдаемый в данный момент. Принципы конструктивизма позволяют утверждать, что факторы международных отношений определяются не только материальными, но и идеологическими аспектами. Основу научного исследования составляют принципы объективности, историзма и системности. Проводя комплексный анализ для всестороннего изучения предмета исследования, авторы использовали модель взаимодействия акторов «наступательный реализм» Дж. Д. Миршаймера [Гусейнов, 2023].

В процессе работы были задействованы различные методы научного исследования. Среди них диалектический метод, позволивший выявить многоаспектность проблем, преломляющихся в регионе в рамках противоречивого политического процесса. Методы системного анализа дали возможность установить взаимосвязь общих для региона тенденций, исходящих из среднесрочной перспективы НАТО. Уточнить место Заполярья в структуре оперативно-стратегических возможностей блока. Из теорий международных отношений были востребованы концепции «баланса сил» и «баланса угроз». Новые возможности из арсенала цивилизационной парадигмы применительно к текущему периоду позволяют говорить о сосредоточенном внимании США к Арктическому региону. Элитологический аспект исследования представлен решенческим подходом.

Метод историзма обеспечил более четкое определение граней процесса вовлечения нейтральных стран в блок НАТО, уточнение динамики связей и распределения ролевой нагрузки государств альянса. Применение методов структурно-функционального, деятельностного и сравнительного анализа стало важным для раскрытия особенностей политики и характеристик элит новых членов НАТО, их реальных действий. Ситуационный анализ использовался для оценки и прогнозирования конкретных политических ситуаций вместе с прикладными методами исследования: включенного наблюдения, case-study, контент-анализа СМИ. Изучение геополитических приоритетов как направлений деятельности государств Запада вызвало необходимость задействовать в работе методы институционального и неинституционального подходов.

Результаты и их обсуждение

Передел Арктики – одна из главных геополитических целей Запада на ближайшую перспективу. Для граждан России это стало понятно в 2014 году, когда после свершения вооруженного мятежа на Украине против нашей страны была развернута гибридная война (или «Холодная война 2.0»). К силовому подходу подключились «нейтральные» Швеция и Финляндия. После их организованного вступления в НАТО эти и другие события внутри стран Европы стали напоминать сценарный план альянса по формированию глобальной коалиции сначала против РФ, а после долгих обсуждений – против Китая. Поэтому

Заполярье всё серьезнее втягивается в масштабную подготовку к военной агрессии и из-за этого вынуждено милитаризироваться.

Как отмечалось ранее, процесс вовлечения нейтральных стран в орбиту Вашингтона и его союзников начался задолго до начала текущего витка противостояния. Переговоры и процессы, произошедшие за последнее десятилетие, продемонстрировали, что западноевропейские элиты не были искренними в выстраивании взаимовыгодного диалога с Россией в Арктическом регионе. Используя события 2014 г. сначала в качестве перехода к политике соперничества, Вашингтон втянул затем эту лукавую часть союзников в войну на стороне Киева, наметив их в последующем ответственными за конфликт и собственную безопасность. Далее, не желая уменьшать напряжение в современном мире, блок НАТО приступил к расширению своего присутствия в Арктике.

В 2020 г. бывший министр юстиции Исландии Б. Бьярнасон опубликовал доклад, посвященный политике безопасности североевропейских стран. В нем предстала детально прописанная информация о регулярных встречах их министров иностранных дел и перечислены малоизвестные общественности форумы и соглашения, в рамках которых осуществляется региональное сотрудничество. Во-первых, это созданная в 1992 году Северо-Балтийская восьмерка (Nordic-Baltic Eight, NB8), куда вошли Исландия, Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, а также бывшие советские республики Эстония, Латвия и Литва. Во-вторых, долгая и успешная работа NB8 способствовала установлению контактов с Лондоном в 2012 г. и двумя годами позднее (2014 г.) – с Вышеградской группой.

Автор доклада показывает тесное взаимодействие NB8 с Вашингтоном начиная с 2003 года. В этом году администрация Дж. Буша-младшего предложила странам Северо-Балтийской восьмерки расширить контакты между ними и предложила программу «Enhanced Partnership in Northern Europe». Данная программа с позиций американских элит необходима для обеспечения безопасности стран-участниц. Эти и другие факторы, играющие не только с балансом сил, но и угроз, способствовали вовлечению Швеции и Финляндии первично в процессы военно-политического сотрудничества, как предтечи для их вхождения в НАТО.

В 2022 году в отчете финского правительства была прописана информация об истории взаимоотношений Хельсинки с соседними странами, где подчеркивалось, что Финляндия и Швеция на протяжении нескольких лет достаточно успешно сотрудничают с руководством блока. Одновременно на сайте шведского правительства появился раздел о взаимодействии королевства и альянса, а также был выложен доклад «Ухудшение ситуации в политике безопасности – последствия для Швеции». В докладе было прописано, что на протяжении восьми лет, то есть с момента начала «Холодной войны 2.0», Стокгольм и Хельсинки проводят политику тесного взаимодействия в сфере безопасности с США, Великобританией, Францией, Германией.

В 2014 году после уэльского саммита Швеция, Финляндия (а также Грузия, Иордания и Австралия) фактически стали ассоциированными членами блока. На саммите руководство НАТО подписало с шведскими и финскими партнерами два соглашения – «Host nations support» и «Partnership Interoperability Initiative». Новый формат взаимодействия предусматривал создание платформы оперативной совместимости («Interoperability Platform»), партнерской программы расширенных возможностей («Enhanced Opportunities Partners») и объединённого экспедиционного корпуса (Joint Expeditionary Force). Целями партнерской программы и создания корпуса были регулярные консультации по вопросам безопасности, развитие сил быстрого реагирования, борьба с различными кризисными ситуациями, достижение совместимости в таких сферах, как проведение спецопераций в Заполярье, логистические и кадровые вопросы. Если платформа оперативной совместимости была нацелена на обмен информацией и консультации в сфере безопасности, то участие Стокгольма и Хельсинки в партнерской

программе расширенных возможностей и с 2017 года в объединённом экспедиционном корпусе – на более глубокое военно-техническое сотрудничество с блоком.

Следующим знаковым событием стала встреча глав оборонных ведомств США и Швеции весной 2017 г. в Вашингтоне. На встрече глава Пентагона отметил, что, несмотря на отсутствие военно-политического договора, страны успешно взаимодействуют в оборонной сфере. Шведский министр в своём выступлении напомнил, что отношения между ними продолжают укрепляться. Подтверждением этого курса стало подписанное 8 мая 2016 г. соглашение между главой Пентагона США и министром обороны Швеции [Швеция и США..., 2016]. Петер Хультквист на встрече заявил, что Россия – главный вызов для европейской модели безопасности. Хотя Дж. Мэттис не прокомментировал заявление министра обороны Швеции, он подчеркнул, что роль НАТО – поддержание стабильности в Европе.

Таким образом, сотрудничество Стокгольма и Хельсинки с блоком НАТО за рассмотренный нами период приобрело широкую основу, несмотря на декларируемую в то же время элитами двух стран политику военного неприсоединения. Можно с уверенностью сказать, что за несколько лет до подачи заявок Швеции и Финляндии в Североатлантический альянс местные политики активно подготавливали общественное мнение. К началу 2020-х гг., когда начался процесс их вхождения, поддержка финского населения была 75 %, а шведского – около 60 % [Lynch, 2022]. Кроме этого, идею вхождения в НАТО поддерживали финские и шведские деловые элиты. По мнению российских специалистов, членство в блоке может укрепить доступ шведских и финских предприятий ВПК к международным рынкам, а также расширит их возможности для ведения бизнеса [Чеков и др., 2023, с. 21].

В мае 2022 года после подачи заявки о вхождении в блок президент и глава правительства Финляндии С. Ниинистё и С. Марин выступили с обращением к населению. Президент заявил, что, став частью «стабильного, сильного и ответственного Севера», т. е. НАТО, Финляндия станет более защищённой благодаря активному вкладу в коллективную безопасность Европы и региона. В тот же день премьер-министр Швеции М. Андерссон анонсировала предстоящее заседание парламента по поводу вступления в альянс. 17 мая финский парламент практически единогласно (8 депутатов – *против*, остальные – *за*) проголосовал за подачу заявки в блок НАТО.

Одновременно с голосованием в финском парламенте в Стокгольме прошла пресс-конференция лидеров двух ведущих партий Швеции: М. Андерссон, премьер-министра, лидера пока ещё правящей Социал-демократической рабочей партии, и У. Кристерссона, лидера оппозиционной Умеренной коалиционной партии, по вопросу подачи заявки в НАТО. Таким образом, произошёл окончательный отказ лидеров шведских социал-демократов от внешнеполитического курса их предшественников второй половины XX в. Эти и другие шаги показывают, что к тому моменту при помощи деполитизации и информационного обмана со стороны элит произошли существенные изменения в мировоззрении населения и партий страны.

Выступая в духе «инструментального» обоснования, М. Андерссон и У. Кристерссон объяснили, что это не спонтанное решение. Ему предшествовала работа специальной группы, созванной в середине марта 2022 года, куда вошли представители всех парламентских партий, глава оборонного ведомства П. Хультквист, а возглавила глава МИД А. Линде. Группа подготовила итоговый отчет «Ухудшение ситуации в политике безопасности – последствия для Швеции», который смоделировал дальнейшее негативное развитие ситуации в регионе, если Швеция не станет членом НАТО.

Финская заявка практически не встретила сопротивления, и 4 апреля Финляндия официально стала новым членом Североатлантического альянса. Фактически сразу страна стала активно вооружаться. На следующий день после вхождения в блок Хельсинки выразили желание приобрести систему ПРО «Праца Давида». А уже в ноябре был

подписан контракт между Израилем и Финляндией на сумму 1,3 млрд шекелей [Израиль объявил о продаже..., 2023]. Спустя год после вступления Финляндии в альянс 7 марта 2024 года новым 32-м членом блока стала Швеция. Так завершился процесс неоднозначного «встраивания» двух приарктических стран в состав НАТО.

По мнению китайских экспертов, в современных турбулентных условиях, когда сотрудничество приарктических стран подорвано, именно неарктические государства должны начать играть более активную роль, чтобы восстановить диалог. Государствам-наблюдателям АС следует проводить линию, направленную на возобновление диалога между постоянными членами для выхода из тупика в совете. Кроме этого, государства-наблюдатели должны способствовать поддержанию сотрудничества в таких важных сферах, как аварийно-спасательные операции, реагирование на стихийные бедствия, комплексные научные исследования и т. д.

Однако западные страны не слышат рациональные предложения как от России, так и от других заинтересованных сторон. В последнее время практически все приарктические страны Запада (Канада, Норвегия, Швеция, Финляндия) заявили о увеличении своих расходов на вооружение. Фактически это готовность к продолжению курса на милитаризацию Арктики. И последние внешнеполитические решения властей Швеции и Финляндии подтверждают этот опасный вектор.

В 2022–2023 гг. США заключили серию военных соглашений с североευропейскими странами (Defence Cooperation Agreement): в августе 2022 года с Норвегией, в декабре 2023 года со Швецией, Финляндией и Данией. В результате Вашингтон получил доступ к военным базам на территориях этих стран, где смогут размещаться солдаты и вооружение. Подписанные соглашения указывают на растущий интерес американских политических элит к Заполярью, что доказывают последние заявления 47-го президента США Д. Трампа и республиканских членов Конгресса «по покупке» Гренландии [Республиканцы подготовили проект..., 2025]. Но об этих параллелях в следующих публикациях.

Взрывоопасная ситуация в Заполярье формирует новые требования к системе обеспечения безопасности РФ. Закономерен интерес к тому, как российское противодействие тем, кто ради циничной выгоды стремится к новой конфронтации, будет организовано в сопротивлении стран мирового большинства агрессивной политике коллективного Запада и нацелено на вовлечение в совместную деятельность этих государств по развитию Арктики [Казаков, Лысцев, 2023, с. 782]. Китайские эксперты считают, что активная фаза «Холодной войны 2.0» уже нашла выражение в следующих аспектах. Во-первых, произошёл раскол Арктического региона на два сегмента (Россия – с одной стороны, приарктические западные страны или члены АС-7 – с другой). Во-вторых, разрушена модель международного регионального сотрудничества из-за искусственного ограничения России. В-третьих, проведение СВО на Украине повлияло на научное и экономическое региональное взаимодействие [Петровский, 2024, с. 78].

Анализ международной среды приводит китайских исследователей к выводу о верности линии руководства нашей страны на плодотворное российско-китайское региональное сотрудничество. По их мнению, Россия в настоящее время на просторах Заполярья противостоит западному арктическому альянсу в лице НАТО, что может ослабить позиции государства и затронуть его национальные интересы. Поэтому Москве нужно в ближайшее время найти надёжных партнёров, мотивированных в региональном взаимодействии политикой незападных стран. В этом контексте Китай, а также другие дружественные России страны Азии и Латинской Америки (или БРИКС+) являются наиболее подходящими союзниками. Китай, по мнению экспертов, выгоден для нашей страны, поскольку обладает финансовой и технической мощью, заинтересован в освоении Арктики [Петровский, 2024, с. 82].

В то же время РФ нельзя забывать о том, что Пекин занимает особую позицию в развитии Арктики. До недавнего времени Китай настаивал на сохранении баланса между

интересами арктической пятёрки (Россия, США, Канада, Норвегия и Дания) и остальными странами [Казаков, Лысцев, 2023, с. 783]. Сейчас, когда Америка обозначает гораздо большее внимание Индо-Тихоокеанскому региону, возможен пересмотр этой позиции в сторону сближения национальных интересов РФ и Китая.

В ответ на новые вызовы элит Запада, особенно их европейских страт, которые совершенно не знают, в каком мире они живут и что им надлежит делать при смене установок гегемона, Пекин помогает, а Россия одновременно с социальной укрепляет военную инфраструктуру для обеспечения национальной безопасности в Арктике. Акцент сделан и на угрозах, связанных с членством в НАТО Швеции и Финляндии. 1 марта 2024 г. был образован Ленинградский военный округ. Годом ранее с использованием гиперзвуковых комплексов Министерство обороны РФ взяты под радиолокационный контроль арктические моря, Северный морской путь.

Эти и другие шаги/меры в условиях военной активности нынешнего поколения элит Запада комплексно направлены на защиту национальных интересов России. Их реализация во многом определяется национально-ориентированным целеполаганием, сочетанием горизонтов планирования, достижением целей тактических и стратегических планов путём последовательной работы в любых условиях. Это и отличает подходы РФ в обеспечении безопасности страны и принятии внешнеполитических решений.

Заключение

Проведённое исследование позволяет прийти к выводу, что вхождение в НАТО Королевства Швеция и Финляндской республики породило «новую» проблему в сфере безопасности Арктики. Успешный в прошлом веке *опыт проведения политики нейтралитета оказался бесполезен*, несмотря на то, что он до сих пор представляет ценность для таких европейских стран, как Ирландия, Австрия и Швейцария. Отказ от исторического опыта, памяти – отказ от тех скреп деятельности, на основе которых формируются позитивные и негативные образы/действия политиков. Наблюдаемые на пути вхождения в НАТО Швеции и Финляндии несоответствия между скрываемыми договоренностями и декларируемыми принципами как раз указывают на то, что их элиты стратегически неверно оценивают свои возможности, вводя население в заблуждение при решении проблем безопасности.

Период 2020–2024 гг. заложил предпосылки нового этапа в развитии Арктики с признанием особого значения факторов 2022 года. Она становится ареной стратегического планирования, борьбой взвешенных подходов и свежих стимулов. Субъекты власти и политики России с опорой на них более способны отстаивать национальные интересы государства и обеспечивать безопасность страны. Возникающие в процессе их реализации риски и угрозы, сравнительно эффективно снимаемые выверенными решениями ответственных за них лиц, поддерживают импульс реальных инновационных изменений Заполярья.

Список литературы

- Андреев С. 2022. Новая геополитическая реальность: взгляд из Хельсинки. URL:<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-geopoliticheskaya-realnost-vzglyad-iz-khelsinki/?ysclid=m5j8rk247k182456224> (дата обращения: 06.01.2025).
- Арбатов А. 2017. Договор о ракетах средней дальности – 30 лет спустя. Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. 9: 5–15. doi: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-5-15
- Белухин Н.Е. 2019. Северное оборонное сотрудничество (НОРДЕФКО) – 10 лет спустя. Международная аналитика, 4: 28–39. doi: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2019-0-4-28-39>
- Гриняев С. 2010. Арктика в огне. URL:<https://csef.ru/politica-i-geopolitica/501/arktika-v-ogne-652?ysclid=m5q9t46wax322878977> (дата обращения: 09.01.2025).

- Гусейнов К.К. 2023. Трансформация институтов общей политики безопасности и обороны Европейского Союза и позиция Франции. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 24.
- Данилов Д.А. 2022. Финляндия и Швеция у открытых дверей НАТО. Научно-аналитический вестник Института Европы РАН, 2 (26): 16–23. doi: 10.15211/vestnikieran220221623
- Израиль объявил о продаже «Пращи Давида» в Финляндию. РБК. 12.11.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/11/2023/65508b9e9a794704bd5f6401?ysclid=m5w7i011fq33143217> (дата обращения: 14.01.2025).
- Казиков М.А., Лысцев М.С. 2023. Современная история и перспективы сотрудничества Российской Федерации с азиатскими государствами в Арктическом регионе. Via in tempore. История. Политология. Т. 50. 3: 779–789. doi: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-779-789
- Канада и страны Северной Европы создадут коалицию против России, пишут СМИ. РИА Новости. 02.10.2024. URL: <https://ria.ru/20241002/kanada-1976052860.html?ysclid=m5qacsc3ih823316609> (дата обращения: 10.01.2025).
- Кислицын С.В. 2018. Военно-политическое сотрудничество США с Финляндией и Швецией на современном этапе. Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. Т. 11. 4: 376–389. doi: 10.21638/11701/spbu06.2018.404.
- Корунова Е.В. 2024. «Решение принято»: долгая история присоединения Швеции и Финляндии к НАТО. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Т. 16. 3: 53–97. doi: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97
- Лысцев М.С. 2014. Арктическая политика североамериканских государств. Регионоведение, 3: 21–29.
- Мурадов А. 2019. Фактор Швеции в диалоге по линии Финляндия – НАТО. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/faktor-shvetsii-v-dialoge-po-linii-finlyandiya-nato/?ysclid=m5j960z7r1260262655> (дата обращения: 08.01.2025).
- Нарышкин С.Е. Нарышкин обвинил США в ведении необъявленной гибридной войны против стран СНГ. 19.12.2017. URL: <https://www.interfax.ru/world/592442?ysclid=m5qa0u5czb826444804> (дата обращения: 06.01.2025).
- Петровский В.Е. 2024. Новый военно-политический ландшафт в Арктике: прогнозы из Китая. Арктика и Север, 54: 74–86. doi: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.74>
- Путин В.В. Арктика должна стать местом, в котором нет геополитических игр. 30.08.2016. URL: <https://ria.ru/20160830/1475627706.html?ysclid=m5nh0fnf5949744654> (дата обращения: 06.01.2025).
- Республиканцы подготовили проект, разрешающий Трампу купить Гренландию. РБК. 14.01.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/01/2025/6785aabd9a7947017a798c99?ysclid=m5w92dcxb6186815466> (дата обращения: 15.01.2025).
- Трунов Ф.О. 2018. Североευропейское измерение деятельности НАТО на современном этапе. В кн: Проблемы европейской безопасности. Вып. 3: Европа в эпоху геополитических неопределенностей. Сборник научных трудов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН: 129–149.
- Худолей К.К., Ланко Д.А. 2019. Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы. Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. 3: 13–20. doi: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20.
- Чеков А.Д., Воротников В.В., Чечевишников А.Л., Якутова У.В. 2023. Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России. Мировая экономика и международные отношения. Т. 67. 10: 19–29. doi: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29.
- Швеция и США подписали заявление о намерениях по оборонному сотрудничеству. РИА Новости. 08.06.2016. URL: <https://ria.ru/20160608/1444748261.html> (дата обращения: 12.01.2025).
- Lynch L. 2022. Joining the West. URL: <https://newleftreview.org/sidecar/posts/248> (дата обращения: 15.01.2025).

References

- Andreev S. Novaja geopoliticheskaja real'nost': vzglyad iz Hel'sinki [New Geopolitical Reality: A View from Helsinki]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-geopoliticheskaya-realnost-vzglyad-iz-khelsinki/?ysclid=m5j8rk247k182456224> (accessed: 06 January 2025).

- Arbatov A. 2017. Dogovor o raketah srednej dal'nosti – 30 let spustja [The Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty – 30 Years Later]. *World Economy and International Relations*, Vol. 61. 9: 5–15.
- Belukhin N.E. 2019. Severnoe oboronnoe sotrudnichestvo (NORDEFKO) – 10 let spustja [Northern Defence Cooperation (NORDEFKO) – 10 Years Later]. *International Analytics*, 4: 28–39.
- Grinyaev S. Arktika v ogne. [The Arctic on Fire]. Available at: <https://csef.ru/politica-i-geopolitica/501/arktika-v-ogne-652?ysclid=m5q9t46wax322878977> (accessed: 09 January 2025).
- Guseinov K.K. 2023. Transformacija institutov obshhej politiki bezopasnosti i oborony Evropejskogo Sojuza i pozicija Francii [Transformation of the Institutions of the Common Security and Defense Policy of the European Union and the Position of France]. Abstract. dis. ... cand. polit. sciences. Ekaterinburg, 24.
- Danilov D.A. 2022. Finljandija i Shvecija u otkrytyh dverej NATO [Finland and Sweden at NATO's Open Doors]. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences*, 2 (26): 16–23.
- Izrail' objavil o prodazhe «Prashhi Davida» v Finljandiju [Israel Announced the Sale of "David's Sling" to Finland]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/12/11/2023/65508b9e9a794704bd5f6401?ysclid=m5w7i011fq33143217> (accessed: 14 January 2025).
- Kazakov M.A., Lyscev M.S. 2023. Sovremennaja istorija i perspektivy sotrudnichestva Rossijskoj Federacii s aziatskimi gosudarstvami v Arkticheskom regione [Modern History and Prospects of Cooperation of the Russian Federation with Asian States in the Arctic Region]. *Via in tempore. History. Political science*, Vol. 50. 3: 779–789.
- Kanada i strany Severnoj Evropy sozdadut koaliciju protiv Rossii, pishut SMI [Canada and Northern European Countries to form Coalition against Russia, Media Reports]. Available at: <https://ria.ru/20241002/kanada-1976052860.html?ysclid=m5qacsc3ih823316609> (accessed: 10 January 2025).
- Kislitsyn S.V. 2018. Voenno-politicheskoe sotrudnichestvo SShA s Finljandiej i Shveciej na sovremennom jetape [Military-Political Cooperation of the USA with Finland and Sweden at the Present Stage]. *Bulletin of St. Petersburg University. International relations*, Vol. 11. 4: 376–389.
- Korunova E.V. 2024. «Reshenie prinjato»: dolgaja istorija prisoedinenija Shvecii i Finljandii k NATO ["The Decision Has Been Made": The Long History of Sweden and Finland's Accession to NATO]. *Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics*, Vol. 16. 3: 53–97.
- Lystsev M.S. 2014. Arkticheskaja politika severoamerikanskih gosudarstv [Arctic Policy of the North American States]. *Regionology*, 3: 21–29.
- Muradov A. Faktor Shvecii v dialoge po linii Finljandija – NATO [The Swedish Factor in the Dialogue between Finland and NATO]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/faktor-shvetsii-v-dialoge-po-linii-finlyandiya-nato/?ysclid=m5j960z7r1260262655> (accessed: 08 January 2025).
- Naryshkin S.E. Naryshkin obvinil SShA v vedenii neobjavlennoj gibridnoj vojny protiv stran SNG. [Naryshkin accused the United States of Waging an Undeclared Hybrid War against the CIS Countries]. Available at: <https://www.interfax.ru/world/592442?ysclid=m5qa0u5czb826444804> (accessed: 06 January 2025).
- Petrovsky V.E. 2024. Novyj voenno-politicheskij landshaft v Arktike: prognozy iz Kitaja [New Military-Political Landscape in the Arctic: Forecasts from China]. *Arctic and North*, 54: 74–86.
- Putin V.V. Arktika dolzhna stat' mestom, v kotorom net geopoliticheskikh igr [The Arctic should become a Place where there are no Geopolitical Games]. Available at: <https://ria.ru/20160830/1475627706.html?ysclid=m5nh0fnf5949744654> (accessed: 06 January 2025).
- Respublikancy podgotovili proekt, razreshajushhij Trampu kupit' Grenlandiju [Republicans Prepare Bill Allowing Trump to Buy Greenland]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/14/01/2025/6785aabd9a7947017a798c99?ysclid=m5w92dcxb6186815466> (accessed: 15 January 2025).
- Trunov F.O. 2018. The Northern European Dimension of NATO Activities at the Current Stage. In: *Problemy evropejskoj bezopasnosti. Evropa v jepohu geopoliticheskikh neopredelennostej. Sbornik nauchnyh trudov [Problems of European Security. Europe in the Era of Geopolitical Uncertainties. Collection of Scientific Papers]*. M.: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences: 129–149.

- Khudoley K.K., Lanko D.A. 2019. Finskaja dilemma bezopasnosti, NATO i faktor Vostochnoj Evropy. [Finnish Security Dilemma, NATO and the Eastern European Factor]. *World Economy and International Relations*, Vol. 63. 3: 13–20.
- Chekov A.D., Vorotnikov V.V., Chechevishnikov A.L., Yakutova U.V. 2023. Posledstviya vstupleniya Finljandii i Shvecii v NATO dlja nacional'noj bezopasnosti Rossii [Consequences of Finland and Sweden's Accession to NATO for Russia's National Security]. *World Economy and International Relations*. Vol. 67. 10: 19–29.
- Shvecija i SShA podpisali zajavlenie o namerenijah po oboronnomu sotrudnichestvu [Sweden and the United States Signed a Statement of Intent on Defense Cooperation]. Available at: <https://ria.ru/20160608/1444748261.html> (accessed: 12 January 2025).
- Lynch L. Joining the West. Available at: <https://newleftreview.org/sidecar/posts/248> (accessed: 15 January 2025).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.01.2025

Received 10.01.2025

Поступила после рецензирования 20.01.2025

Revised 20.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Accepted 30.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Казakov Михаил Анатольевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-7001-4059](https://orcid.org/0000-0002-7001-4059)

Mikhail A. Kazakov, Doctor of Science in Politics, Professor, Professor of the Department of Political Science, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Лысцев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры методологии, истории и философии науки института экономики и управления, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9117-9063](https://orcid.org/0000-0002-9117-9063)

Mikhail S. Lystsev, Candidate of Science in Politics, Associate Professor, Associate Professor of Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Institute of Economics and Management, R.E. Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-223-232

Оригинальное исследование

Вызовы для БРИКС в XXI веке и методы их урегулирования

Толмачев Ю.О.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
Россия, 390000, г. Рязань, ул.Свободы, 46,

E-mail: yu.librik@yandex.ru

Аннотация. В научном исследовании поставлена цель рассмотреть проблему развития БРИКС через систему вызовов, понимаемых как комплексное противоречие между участниками этого объединения из-за разного проецирования конечного результата в современном мировом порядке. Методология работы основывается на проблемном подходе, базирующемся на критическом анализе отечественной и зарубежной прессы. Сформулирована концепция вызовов для стран участниц БРИКС в XXI веке, которые автором подразделяются на концептуальный, межгосударственный и экономический. Рассматриваются конфликты между странами участницами и делается вывод о необходимости создать единую нормативно-правовую основу для укрепления положения БРИКС в мировой политике и современных международных отношениях.

Ключевые слова: БРИКС, Россия, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, конфликты, вызовы, урегулирование

Для цитирования: Толмачев Ю.О. 2025. Вызовы для БРИКС в XXI веке и методы их урегулирования. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 223–232. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-223-232

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Challenges for BRICS in the 21st Century and Methods of their Settlement

Yury O. Tolmachev

S.A. Yesenin Ryazan State University,
46 Svobody St., Ryazan 390000, Russia

E-mail: yu.librik@yandex.ru

Abstract. The scientific study aims to consider the problem of BRICS development through a system of challenges understood as a complex contradiction between the participants of this association due to different projections of the final result in the modern world order. The author formulates the concept of challenges faces by BRICS member states in the 21st century, dividing them into conceptual, interstate and economic ones. Overcoming the conceptual challenge is possible through the creation of a single document that will declare the agreed goals, methods and principles of the association. The economic challenge should be resolved through the creation of joint goals and solving problems in a specific region. Systematic work to eliminate existing challenges will ultimately lead to the creation of a single regulatory framework, where all mechanisms will be spelt out in detail.

Keywords: BRICS, Russia, China, India, Brazil, South Africa, conflicts, challenges, settlement

For citation: Tolmachev Y.O. 2025. Challenges for BRICS in the 21st Century and Methods of their Settlement. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 223–232 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-223-232

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

На современном этапе возникает необходимость комплексного осмысления неформальных методов и форм дипломатического взаимодействия. Международные межправительственные организации порой не могут решить всех вызовов, стоящих перед современной мировой политикой. Отсюда большая роль и взаимодействие отдается инструментам в мировой политике, позволяющим обсудить все проблемные вопросы с учетом позиций всех заинтересованных сторон. С целью создания гибкого инструмента дипломатического общения в 2009 г. Россией, Бразилией, Индией и Китаем была создана БРИК. В 2011 г. объединение расширилось с вступлением в него ЮАР и стало называться БРИКС. Отсутствие устава предопределило обращение к международным соглашениям и материалам саммитов как к основе для дипломатического взаимодействия. Данное обстоятельство делает актуальным изучение темы БРИКС и конфликтных противоречий, складывающихся в рамках данной структуры. Наличие желания каждой из сторон формировать международный порядок исходя из своих национальных интересов определяет основную проблему данной статьи – это противоречие между стремления стран-участниц объединения взаимодействовать во всех возможных форматах и наличием межгосударственных конфликтов, не позволяющих прийти к консенсусу.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования данной статьи выступают вызовы для БРИКС в XXI веке. Предметом являются основные тенденции развития концептуальных, межгосударственных и экономических противоречий в рамках данного объединения. Выбор методологического подхода обусловлен анализом существующей научной литературы. Молодые ученые и ведущие специалисты в области международных отношений через теоретические концепции стремятся осмыслить конфликтное взаимодействие в рамках объединения. Нестеров О.А. рассматривает вызовы БРИКС, исходя из конкретных речей и заявлений лидеров стран. Сильная сторона данного подхода заключается в актуальном политическом контексте, а слабая – в изменчивости заявлений политических деятелей исходя из конкретной геополитической обстановки [Нестеров, 2014]. Проблемно-категориальный принцип используется в фундаментальной монографии «Межгосударственное объединение БРИКС. Страницы истории и современность», деятельность Бразилии, России, Индии, Китая, Южной Африки, Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии, Эфиопии представлена через описание географического положения, народонаселения, истории, политики, экономики и культуры. К примеру, О.А. Наумов при анализе китайско-индийских противоречий акцент делает на влияние третьих стран, пограничный конфликт и борьбу за сферы влияния в современных международных отношениях [Пивоваров и др., 2024, с. 119–120].

Иногда исследователи, исходя из области своих интересов, выделяют главный фактор и вызов, оказывающий влияние на все остальные. К примеру, в коллективной монографии «БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС» Дискиным И.Е. рассматриваются проблемные аспекты развития стран БРИКС с преимущественным акцентом на экономическую составляющую: «ловушка среднего уровня развития»; противоречия между традиционными ценностями и концепцией глобального гражданского общества среди молодежи; миграция талантливой молодежи в развитые страны; санкционная политика западных стран [Дискин и др., 2024, с. 18–19]. Бабаев К.В. анализирует вызовы на основе философского подхода и указывает, что такие глобальные противоречия, как конфликт на территории Украины, экономическая война

против российского государства, серьезно осложняют процесс взаимодействия в рамках объединения [Ярыгина и др., с. 105–117].

Авторы коллективной монографии «БРИКС и мирное сосуществование: альтернативная версия мирового порядка» указывают на то, что дипломатическое взаимодействие Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки в рамках БРИКС неразрывно связана с 4 основными принципами: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; вмешательство во внутренние дела других государств только в рамках согласованных на многосторонней основе норм и правил; взаимное ненападение и юридическое равенство государств; содействие взаимной выгоде и национальным путям развития. Реализация первого концептуального положения затруднена из-за наличия у государств территориальных и пограничных споров, которые Бразилия решает с помощью правовых способов, а Китай – используя переговоры, но его стремление восстановить исторические территории приводит к конфликтам в Южно-Китайском и Восточно-китайском морях. Второй принцип на практике осуществляется с большим трудом из-за нежелания Индии, Китая, России осуществлять вмешательства в дела другого, руководствуясь концепцией демократических ценностей, но, с другой стороны, ЮАР и Бразилия не против. Третий трактуется странами тоже различно, так как исторические интересы превалируют над международным правом в случае с присоединением Крыма, хотя авторы труда не рассматривают результаты референдума о признании статуса Крыма как легитимные. Четвертый развит наиболее всего, и в конце исследователи отмечают, что именно собственное внутривнутриполитическое развитие является приоритетным для группы стран БРИКС, стремящихся создать международную и экономическую среду, способствующую росту и взаимному процветанию. Несмотря на подобное стремление, в мире доминируют преимущественно западные финансовые инструменты [Cedric de Coning et al., p. 171–182]. Индийские исследователи при анализе потенциала стран участников БРИКС акцент делают на математический анализ проблемы влияния индекса коррупции на экономический рост государств объединения [Shireesha et al., p. 1659–1661].

Плюрализм методологических подходов позволяет определять цель данной научной статьи как рассмотрение проблемы развития БРИКС через систему вызовов, понимаемых как комплексное противоречие между участниками этого объединения из-за разного проецирования конечного результата в современном мировом порядке. Генезис возникновения конфликтного потенциала – это гибкость и адаптивность самой структуры БРИКС. Условно вызовы можно поделить на концептуальные, межгосударственные и экономические. Причина их возникновения – это различные национальные интересы, отражающиеся в системе действий государств. В методологическом отношении в статье используется проблемный подход, позволяющий рассмотреть явления, исходя из имеющейся совокупности противоречий.

Результаты и их обсуждение

Стремительное развитие современных международных отношений предопределило возникновение системы вызовов в рамках БРИКС. Развитие любого межгосударственного объединения всегда характеризуется наличием противоречий. Их формирование и дальнейшая трансформация в рамках БРИКС предопределяют развитие современной модели дипломатического взаимодействия.

Концептуальный вызов связан с тем, что участники по-своему конструируют внутривнутриполитический и внешнеполитический процесс. РФ акцент делает на традиционные духовные ценности и цивилизационный подход. Система угроз конструируется западными странами через создание затяжных конфликтов. Методы дипломатического и силового воздействия со стороны других участников не играют решающей роли для изменения внешнеполитического курса РФ, который всегда был ориентирован на построение

справедливого мира исходя из системы своих национальных интересов. Российская дипломатия для достижения данной цели активно использует переговорные и военные ресурсы. В.В. Путин в своих многочисленных заявлениях всегда подчеркивает, что РФ стремится к равноправному диалогу со всеми участниками мировой политики [Итоги саммита БРИКС, 2024]. Сам формат БРИКС рассматривается российским руководством как доказательство того, что за исключением западных стран с РФ ведется диалог, и она может решать крупные международные вопросы и проблемы [Юрий Ушаков: БРИКС, 2024]. Подход китайской стороны отличается использованием конфуцианства и принципа невмешательства в те дела, которые непосредственно не касаются КНР, но если какая-то из сторон начнет целенаправленно давать оценку внутривнутриполитическим событиям на территории Китая, то дипломатические отношения начнут ухудшаться. Китайские дипломаты весьма резко реагируют на критический анализ уйгурского, тибетского, гонконгского, тайваньского вопросов, равно как и рассмотрение внутривнутриполитической ситуации на территории КНР с позиции анализа соответствия или несоответствия американским демократическим ценностям. Сам Си Цзиньпин в ходе выступления в Казани указал, что все мировое сообщество связано общей концепцией безопасности [Полный текст выступления..., 2024]. Усиление украинского кризиса будет способствовать разрушению структуры международного взаимодействия, что приведет к втягиванию третьих стран в затяжной конфликт. Формат БРИКС для китайской стороны – это прежде всего дипломатическое общение и выработка проектов, а решение проблемных вопросов и конфликтов других стран в эту повестку не входит. Вместе с тем постоянная критика США сближают Россию и Китай, что вызывает уже недовольство у индийской стороны. Испытания ядерного оружия в конце XX века заставило Новый Дели искать новые формы дипломатического представления собственной страны на мировой арене. Одна из форм – это создание образа великой индийской цивилизации, которая имеет многовековую культуру, исходя из этого ее задача – это на основе культурных проектов и инициатив выстраивать межцивилизационный диалог, не поддерживая при этом резкую риторику других участников международных отношений. Дхар А.П. указывает на тот факт, что современная дипломатия Нового Дели преимущественно использует инструментальные механизмы мягкой силы, основывающиеся на теоретических постулатах древнеиндийского политического деятеля Каутильи и ставящие своей целью сократить влияние китайского фактора на развитие региональных систем международного взаимодействия в зоне Индийского океана [Дхар, 2021, с. 18]. Внешнеполитическая парадигма Нового Дели не предполагает глобальной трансформации международного порядка, равно как и сохранения статус кво. Индийский журналист Хэпимон Джейкоб указывает, что срединный путь его государства другие страны не разделяют [Наррутон, 2024]. Наренда Моди акцентировал внимание на нейтральном характере БРИКС и приказал индийским переговорщикам не превращать саммиты в антизападную пропаганду. Чрезмерное усиление Китая подорвет авторитет самой Индии в гималайском регионе, а открытая конфронтация с США без взаимовыгодных дивидендов лишит индийскую сторону перспективных проектов [Козина, 2023]. Бразилия считает главным взаимодействовать со всеми участниками международных отношений в независимости от сложившихся противоречий. Разность походов привела к тому, что объединение на данном этапе показывает невысокие показатели по проблемам борьбы с международным терроризмом и решением конфликтов [Larionava, Shelepov, 2015, с. 54].

Концептуальные противоречия не способствуют выработке единого подхода к проблеме расширения. Цель России и Китая заключается в том, чтобы организовать страны остального мира в борьбе против западной гегемонии, но вместе с тем сохранить возможность для равноправного диалога между всеми участниками. Индия выступает же решительно против создания союза, направленного против действий тех или иных государств.

Расширение БРИКС усиливает концептуальный вызов, так как отсутствие устава превращает формат взаимодействия в площадку для дипломатического диалога. В связи с

этим возникает проблема расширения. Данный процесс был запущен в 2022 г. Китаем, который предложил принимать как можно больше стран с целью построения равноправного мира [Китай предлагает начать..., 2022]. Представительность, привлекательность и влияние, по мнению официального представителя МИД КНР Го Цзякуня, являются ключевыми факторами для расширения БРИКС, а принципы открытости, инклюзивности и взаимовыгодного сотрудничества являются основой для цивилизационного диалога [В МИД Китая заявили..., 2025]. Российская Федерация со своей стороны поддержала данную идею и поставила своей целью с помощью мягкой силы создать привлекательный для других государств образ. Российская дипломатия в лице главы МИД России С.В. Лаврова блестяще справилась с этой задачей, так как акцент делался на добровольном характере взаимодействия, когда каждая из сторон могла выступить с любой инициативой [Лавров прокомментировал..., 2024]. Подобный подход вызвал весьма сдержанную реакцию у бразильской стороны. Глава МИД Бразилии Мауру Виейра попросил стран-участниц выработать единое понимание того, на какой основе следует принимать новых участников. Каждая страна должна брать на себя обязательства и принимать общую идентичность. Маура Виейра указывает на то, что страны должны действовать сообща и согласованно на основе четкой системы критериев, которые превратят БРИКС в реальную силу в мировой политике [Бразилия выступила..., 2024]. Индия выступила за обсуждение расширения БРИКС в формате диалога с сохранением позитивной атмосферы взаимодействия [МИД Индии назвал..., 2023]. Иранский президент Ибрахим Раиси рассматривает расширение объединения как уход от односторонних подходов, представляющих возможность для урегулирования ирано-саудовских дипломатических отношений [2024. BRICS Summit 2023, 2024, p. 5].

Несмотря на противоречия по вопросу расширения, все государства-участники пришли к мнению о необходимости поиска консенсуса в процессе выработки оптимальных критериев приема стран-участниц.

Между странами участницами существует совокупность нерешенных конфликтов. Китай и Индия оспаривают принадлежность района Аксайчин. Большую обеспокоенность у Нового Дели, по мнению О.А. Наумова, вызывает китайско-пакистанское военнотехническое сотрудничество в связи с нерешенностью кашмирского вопроса, где китайское правительство в рамках одного из проектов планирует построить дорогу для своего проекта «Один пояс – один путь» [Пивоваров и др., 2024, с. 102]. КНР весьма скептически оценивает американско-индийское взаимодействие, считая, что его главная цель – это сдержать развитие Китая. Полноценная реализация планов Вашингтона и Нового Дели, как полагает Пекин, не должна подрывать региональную безопасность на любом уровне [МИД КНР: Надеемся..., 2023]. Помимо всего прочего, сюда следует добавить войны исторической памяти. Для Китая все договоры до 1949 г. являются неравноправными, а для Индии – это часть исторического наследия. Разная государственная политика в сфере истории внешней политики и дипломатии делает невозможным поиск компромисса, сохраняя при этом лишь возможным формат обмена протокольными фразами о необходимости поиска компромисса и решения острых проблем в рамках межгосударственного диалога. Совокупность данных противоречий не способствует складыванию доверительных китайско-индийских отношений в рамках БРИКС.

Борьба за сферы влияния на Ближнем Востоке мешают дипломатическому взаимодействию между Ираном и Саудовской Аравией. Теократическая модель иранской внешнеполитической модели серьезно противоречит американоцентричной аравийской. Страны не желают уступать друг другу в вопросах передела сфер влияния в Ираке и Ливане. В рамках БРИКС их противоречия также обостряются.

Влияние третьих стран на складывание противоречий внутри БРИКС также весьма значительно. США и западные страны в своих программных заявлениях создают негативный фон вокруг самой структуры БРИКС, которая является весьма гибкой.

Американские дипломаты указывают на то, что подобная система взаимодействия не создает обязательств между сторонами и превращается лишь в площадку для диалога. Тем не менее они предпринимают все возможное, дабы обострить противоречия между различными акторами. К примеру, западные страны объявили о начале строительства экономического транспортного коридора Индия – Ближний Восток – Европа [Эксперты из Китая..., 2023]. Американские дипломаты указывают на то, что именно Индия, а не Китай должна стать центром Азии. Данную риторику активно поддерживает ЕС и Канада. Представители европейских стран весьма творчески трактуют любые решения БРИКС, всегда указывая на то, что их подход является правильным и верным и политика осуждения односторонних санкций к ним не относится [ЕС заявил..., 2024]. Схожий подход используется в научной сфере. Гонзало Позо указывает, что противостояние России и Запада в сфере геополитики показывает действия двух империалистических блоков, столкнувшихся из-за Украины. Данный конфликт делает БРИКС форматом, усиливающим противоречия в современной системе международных отношений. Противоречия складываются из-за классов, чье мнение выражает государство, трансформирующее империалистическое противоборство в капиталистическое [Pozo, 2015, p. 223–224]. Журналист газеты «The Washington Times» Иван Саша Шихан охарактеризовала деятельность БРИКС как антизападный экономический альянс, способствующий развитию России и Пекина, но подрывающий американские национальные интересы [Ivan Sascha Sheehan, 2024].

Экономическое взаимодействие также осложняется тем, что в течение долгого времени страны БРИКС обсуждают планы по борьбе с деллоризацией мировой экономики и международных экономических отношений [Шерпы и молот, 2024].

Проект создания новой валюты является весьма сложным и проблемным. Необходимо для начала создать единую модель платежной системы, которая будет связана с национальными финансовыми структурами. Страны внутри БРИКС имеют разный потенциал, что также не способствует выработке единой линии в отношении экономического вызова. В 2024 г. к работе в БРИКС присоединилось 13 государств. Подобное увлечение численности, с одной стороны, ставит вопрос о формировании новых экономических блоков, но, с другой стороны, не способствует созданию единой валюты. Президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва выдвинул идею использовать традиционный подход при формировании единой финансовой системы, когда страны торгуют в рамках своей национальной валюты [Президент Бразилии выступил..., 2024]. Наренда Монди за образец предложил взять индийский платежной интерфейс, так как он широко зарекомендовал себя среди других стран [PM's Modi..., 2024]. КНР высказалась за использование национальных валют и местных платежных систем при расчетах [В КНР назвали..., 2024]. Во время проведения XVI саммита БРИКС Си Цзиньпин и Наренда Модии в ходе стратегического общения заявили о необходимости выстраивать диалог на основе взаимного уважения, мирного разрешения всех спорных вопросов. Индийский премьер-министр в качестве идеи предложил использовать трансграничные платежи для улучшения бизнес-контактов между Индией и Китаем [Chatterjee, 2025]. Подобные инициативы не нашли широкой поддержки среди других участников, и В.В. Путин указал, что на данном этапе страны объединения не ставят своей целью сформировать единую валютную систему в рамках БРИКС [Путин высказался..., 2024]. Победа Дональда Трампа в президентской гонке в 2024 г. сразу определила его отношение по планам БРИКС создать свою валюту. Будущий президент в резкой и эмоциональной форме заявил о том, что Америка будет жестко реагировать на любые заявления, касающиеся изменения роли ключевой валюты. Он предупредил, что тарифные ограничения будут наложены на страны, участвующие в объединении, из-за их негативного отношения к американской валюте. Министр иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар уверил Дональда Трампа, что Новый Дели не заинтересован в подрыве позиций доллара [«No interest in weakening dollar»..., 2024].

Заключение

Таким образом, в настоящее время БРИКС испытывает серию вызовов, связанных с гибким характером этой структуры. Преодоление концептуального вызова возможно через создание единого документа, где будут декларироваться согласованные цели, методы и принципы объединения. Для принятия данного положения необходимо либо выработать нейтральные цели, такие как укрепление международного сотрудничества, образовательные проекты, либо формировать блок государств, которые не поддерживают политику конкретной страны, а тех членов, которые не разделяют данные ценности, просить найти другую площадку для диалогового взаимодействия. Странам следует разработать единые критерии членства, равно как экономические и правовые последствия для тех государств, которые покинут данное объединение. В институциональном плане целесообразно поставить вопрос о трансформации в межправительственную организацию с определенным уставом, хотя следует учитывать, что не всегда жесткие юридические рамки способствуют эффективному решению возникающих международных проблем, но они создают систему обязательств, которые нужно выполнять. Межгосударственный вызов возможно решить через совместные проекты, когда государства сотрудничают, несмотря на имеющиеся конфликты. Методом профилактики конфликтов являются встречи и дипломатические консультации между странами. Экономический вызов следует решать через создание совместных целей и решение задач в конкретном регионе. Системная работа по ликвидации имеющихся вызовов в конечном итоге приведет к созданию единой нормативно-правовой базы, где будут детально прописаны все механизмы.

Список литературы

- Бразилия выступила за баланс в представительстве разных регионов в БРИКС. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241022/briks-1979424402.html?ysclid=m5pmrlshvi838765733> (дата обращения: 09.01.25).
- БРИКС: российский взгляд: пролегомены в научное исследование феномена БРИКС. Под ред. Дискаина Е.И. 2024. Казань, Изд-во «Познание» КИУ, 224.
- БРИКС в мировых финансах и экономике = BRICS in Global Finance and Economy. Под ред. Ярыгиной И.З., Герасимова В.И. 2024. М., МГИМО-Университет, 541.
- В КНР назвали необходимостью ведение расчетов в БРИКС в национальных валютах. Известия. URL: <https://iz.ru/1642009/2024-01-30/v-knr-nazvali-neobkhodimosti-vedenie-raschetov-v-briks-v-natsionalnykh-valiutakh> (дата обращения: 09.01.25).
- В МИД Китая заявили о большом потенциале для углубления сотрудничества в БРИКС после расширения. TV BRICS. URL: <https://tvbrics.com/news/v-mid-kitaya-zayavili-o-bolshom-potentsiale-dlya-uglubleniya-sotrudnichestva-v-briks-posle-rasshiren/?ysclid=m5pnjyge2i362689822> (дата обращения: 09.01.25).
- Дхар А.П. 2021. Политика Республики Индия в регионе Индийского океана: основные направления, тенденции, перспективы (1997–2020 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 28.
- ЕС заявил о нежелании менять свою политику из-за БРИКС. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241025/evrosoyuz-1980074819.html?ysclid=m3qu4ozbjp41089581> (дата обращения: 17.01.2025).
- Итоги саммита БРИКС – главные заявления Путина. Риа Новости Крым. URL: <https://crimea.ria.ru/20241024/itogi-sammita-briks---glavnye-zayavleniya-putina-1141325724.html> (дата обращения: 17.01.2025).
- Китай предлагает начать процесс расширения БРИКС. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14675263> (дата обращения: 09.01.25).
- Козина А. США расширяют партнерство с Индией против Китая. РЕПОСТ. URL: <https://repost.press/news/ssha-rasshiryayut-partnerstvo-s-indiej-protiv-kitaya?ysclid=m3qu2mmywv738447376> (дата обращения: 17.01.2025).
- Лавров прокомментировал расширение БРИКС. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240131/briks-1924516874.html?ysclid=m3qv4yz55o264238551> (дата обращения: 17.01.2025).

- Межгосударственное объединение БРИКС. Страницы истории и современность. Под ред. Пивовара Е.И. 2024. СПб., Алетейя, 480.
- МИД Индии назвал безосновательными сообщения, что страна против расширения БРИКС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18437157> (дата обращения: 09.01.25).
- МИД КНР: Надеемся, индийско-американское военное сотрудничество не нарушит мир. EADaily. URL: <https://easily.com/ru/news/2023/06/26/mid-knr-nadeemsa-indijsko-amerikanskoe-voennoe-sotrudnichestvo-ne-narushit-mir> (дата обращения: 09.01.25).
- Нестеров А.О. 2014. Наиболее серьезные противоречия государств БРИКС и способы их преодоления. Армия и общество, 1.
- Полный текст выступления Си Цзиньпина на 16-й встрече лидеров стран БРИКС. CGTN. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-10-23/1849071761764814849/index.html> (дата обращения: 17.01.2025).
- Президент Бразилии выступил за создание единой финансовой системы БРИКС. Сетевое издание "Смотрим". URL: <https://smotrim.ru/article/4187074> (дата обращения: 17.01.2025).
- Путин высказался о создании единой валюты БРИКС. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20241107/putin-1982544108.html?ysclid=m3qt8opmki802975017> (дата обращения: 17.01.2025)
- Шерпы и молот: Сергей Лавров анонсировал новую повестку БРИКС. Сетевое издание «Комсомольская правда». URL: <https://www.kp.ru/daily/27561/4885369/?ysclid=m5pn8s3lgn626651039> (дата обращения: 09.01.25).
- Эксперты из Китая оценили проект Индия – Ближний Восток – Европа. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230911/voprosy-1895607874.html?ysclid=m3qu17cgxa970598644> (дата обращения: 17.01.2025).
- Юрий Ушаков: БРИКС на деле выражает интересы мирового большинства. ТАСС. URL: <https://tass.ru/interviews/20149675?ysclid=m5pq8mq962779684128> (дата обращения: 09.01.25).
2024. BRICS Summit 2023: Aspirations 8 Frustrations// Contemporary World – The Leading Current Affairs Journal, 1, 1–8.
- Chatterjee. A China, India should deepen exchanges, seize chance to revive multilateralism. China Daily. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202501/15/WS67870854a310f1265a1dadcc.html> (дата обращения: 09.01.25).
- Ed Coning C. 2015. The BRICS and Coexistence : An Alternative Vision of World Order. London, New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 220.
- Happymon J. Grand Strategy: These BRICS can't construct a new world order. Hindustan Times. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/grand-strategy-these-brics-can-t-construct-a-new-world-order-101730120445220.html> (дата обращения: 09.01.25).
- Larionava M., Shelepov A. Is BRICKS Institutionalization Enhancing Its Effectiveness. In: The European Union and the BRICS. Complex Relations in the Era of Global Governance Springer, 2015, 39–57.
- «No interest in weakening dollar», says Jaishankar. Hindustan Times. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/no-interest-in-weakening-dollar-says-jaishankar-101733584269069.html> (дата обращения: 09.01.25).
- PM's Modi Full Speech At 16th BRICS Summit In Russia. NDTV. URL: <https://www.ndtv.com/world-news/pm-narendra-modis-full-speech-at-16th-brics-summit-in-russia-6856263> (дата обращения: 17.01.2025).
- Pozo G. 2015. Russia's Neoliberal Imperialism and the Eurasian Challenge. In: BRICS : An Anti-Capitalist Critique. London, Pluto Press: 206–231.
- Sheehan I.S. Small nations joining BRICS threaten American security. The Washington Times. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2023/sep/12/small-nations-joining-brics-threaten-american-secu/> (дата обращения: 09.01.25).
- Shireesha I., Varalakshmi T., S. Swarna Shiva. 2024. Corruption and Economic Growth in BRICS Countries. International Research Journal on Advanced Engineering and Management. V. 02, 1659–1661.

References

- Braziliya vy`stupila za balans v predstavitel`stve razny`x regionov v BRIKS. RIA Novosti [Brazil Calls for Balanced Representation of Different Regions in BRICS]. Available at: <https://ria.ru/20241022/briks-1979424402.html?ysclid=m5pmlshvi838765733> (accessed: January 9 2025).

- BRICS v mirovy`x finansax i e`konomike = BRICS in Global Finance and Economy [BRICS in Global Finance and Economy = BRICS in Global Finance and Economy] Ed. Yaryginoy I.Z., Gerasimova V.I. 2024. M., MGIMO-Universitet, 541.
- BRICS: rossijskij vzglyad: prolegomeny v nauchnoe issledovanie fenomena BRICS [BRICS: Russian View: Prolegomena to Scientific Research of the BRICS Phenomenon]. Ed. Diskina E.I. 2024. Kazan`, Izd-vo «Poznanie» KIU, 224.
- V KNR nazvali neobxodimost`yu vedenie raschetov v BRICS v nacional`ny`x valyutax. Izvestiya [China Calls for Settlements in BRICS in National Currencies Necessary]. Available at: <https://iz.ru/1642009/2024-01-30/v-ksr-nazvali-neobkhdodimosti-vedenie-raschetov-v-briks-v-natsionalnykh-valiutakh> (data obrashheniya: 09.01.25).
- V MID Kitaya zayavili o bol`shom potentsiale dlya uglublenniya sotrudnichestva v BRICS posle rasshireniya. TV BRICS [The Chinese Foreign Ministry has Stated that there is Great Potential for Deepening Cooperation in BRICS after Expansion. TV BRICS]. Available at: <https://tvbriks.com/news/v-mid-kitaya-zayavili-o-bolshom-potentsiale-dlya-uglublenniya-sotrudnichestva-v-briks-posle-rasshireniya/?ysclid=m5pnjyge2i362689822> (accessed: January 9 2025).
- Dxar A.P. 2021. Politika Respubliki Indiya v regione Indijskogo okeana: osnovny`e napravleniya, tendencii, perspektivy` (1997–2020 gg.) [Policy of the Republic of India in the Indian Ocean Region: Main Directions, Trends, Prospects (1997–2020)]. Abstract. dis. ... cand. hist. sciences. Moscow, 28 p.
- ES zayavil o nezhelanii menyat` svoyu politiku iz-za BRICS [EU Says it is Unwilling to Change its Policy because of BRICS]. RIA Novosti. Available at: <https://ria.ru/20241025/evrosoyuz-1980074819.html?ysclid=m3qu4ozbjp41089581> (accessed: January 9 2025).
- Itogi sammita BRICS – glavny`e zayavleniya Putina. Ria Novosti Kry`m [BRICS Summit Results – Putin's Main Statements]. Available at: <https://crimea.ria.ru/20241024/itogi-sammita-briks---glavnye-zayavleniya-putina-1141325724.html> (accessed: January 9 2025).
- Kitaj predlagaet nachat` process rasshireniya BRICS [China Proposes to Start BRICS Expansion Process]. TASS. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14675263> (data obrashheniya: 09.01.25).
- Kozina A.S. Sha rasshiryayut partnerstvo s Indiej protiv Kitaya [US Expands Partnership With India against China]. REPOST. Available at: <https://repost.press/news/ssha-rasshiryayut-partnerstvo-s-indiej-protiv-kitaya?ysclid=m3qu2mmywv738447376> (data obrashheniya: 17.01.2025).
- Lavrov prokomentiroval rasshirenie BRICS [Lavrov Comments on BRICS Expansion]. RIA Novosti. Available at: <https://ria.ru/20240131/briks-1924516874.html?ysclid=m3qv4yz55o264238551> (accessed: January 9 2025).
- Mezhgosudarstvennoe obedinenie BRICS. Stranicy istorii i sovremennosti [Interstate association BRICS. Pages of History and Modernity]. Ed. Pivovara E.I. 2024.SPb., Aletejya, 480.
- MID Indii nazval bezosnovatel`ny`mi soobshheniya, chto strana protiv rasshireniya BRICS [Indian Foreign Ministry Says Reports that Country Opposes BRICS Expansion are Baseless]. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18437157> (accessed: January 9 2025).
- MID KNR: Nadeemsa, indijsko-amerikanskoe voennoe sotrudnichestvo ne narushit mir [Chinese Foreign Ministry: We hope that Indian-American Military Cooperation will not Disrupt Peace]. EADaily. Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2023/06/26/mid-ksr-nadeemsa-indijsko-amerikanskoe-voennoe-sotrudnichestvo-ne-narushit-mir> accessed: January 9 2025).
- Nesterov A.O. 2014. Naibolee ser`ezny`e protivorechiya gosudarstv BRICS i sposoby` ix preodoleniya [The Most Serious Contradictions of the BRICS Countries and Ways to Overcome them]. Armiya i obshhestvo, 1.
- Polnyj tekst vystupleniya Si Czzin`pina na 16-j vstreche liderov stran BRICS [Full Text of Xi Jinping's Speech at the 16th BRICS Leaders' Meeting]. CGTN. Available at: <https://russian.cgtn.com/news/2024-10-23/1849071761764814849/index.html> (accessed: January 9 2025).
- Prezident Braziii vystupil za sozdanie edinoj finansovoj sistemy BRICS [Brazilian President Calls for Creation of Single BRICS Financial System]. Setevoe izdanie "Smotrim". Available at: <https://smotrim.ru/article/4187074> (accessed: January 9 2025).
- Putin vyskazalsya o sozdanii edinoj valyuty BRICS [Putin Spoke about the Creation of a Single BRICS Currency]. RIA Novosti. Available at: <https://ria.ru/20241107/putin-1982544108.html?ysclid=m3qt8opmki802975017> (accessed: January 9 2025)

- Sherpy i molot: Sergej Lavrov anonsiroval novuyu povestku BRIKS [Sherpas and Hammer: Sergey Lavrov Announces New BRICS Agenda]. Setevoe izdanie «Komsomol'skaya pravda». Available at: <https://www.kp.ru/daily/27561/4885369/?ysclid=m5pn8s3lgn626651039> (accessed: January 9 2025).
- Eksperty iz Kitaya ocenili proekt Indiya – Blizhnij Vostok – Evropa [Experts from China have Assessed the India – Middle East – Europe project]. RIA Novosti. Available at: <https://ria.ru/20230911/voprosy-1895607874.html?ysclid=m3qu17cgxa970598644> (accessed: January 9 2025).
- Yurij Ushakov: BRIKS na dele vy`razhaet interesy` mirovogo bol`shinstva [Yuri Ushakov: BRICS in Fact Expresses the Interests of the Global Majority]. TASS. Available at: <https://tass.ru/interviews/20149675?ysclid=m5pq8mq962779684128> (accessed: January 9 2025).
2024. BRICS Summit 2023: Aspirations 8 Frustrations// Contemporary World – The Leading Current Affairs Journal, 1, 1–8.
- Chatterjee. A China, India should deepen exchanges, seize chance to revive multilateralism. China Daily. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202501/15/WS67870854a310f1265a1dadcc.html> (дата обращения: 09.01.25).
- Ed Coning C. 2015. The BRICS and Coexistence : An Alternative Vision of World Order. London, New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 220.
- Happymon J. Grand Strategy: These BRICS can't construct a new world order. Hindustan Times. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/grand-strategy-these-brics-can-t-construct-a-new-world-order-101730120445220.html> (дата обращения: 09.01.25).
- Larionava M., Shelepov A. Is BRICKS Institutionalization Enhancing Its Effectiveness. In: The European Union and the BRICS. Complex Relations in the Era of Global Governance Springer, 2015, 39–57.
- «No interest in weakening dollar», says Jaishankar. Hindustan Times. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/no-interest-in-weakening-dollar-says-jaishankar-101733584269069.html> (дата обращения: 09.01.25).
- PM's Modi Full Speech At 16th BRICS Summit In Russia. NDTV. URL: <https://www.ndtv.com/world-news/pm-narendra-modis-full-speech-at-16th-brics-summit-in-russia-6856263> (дата обращения: 17.01.2025).
- Pozo G. 2015. Russia's Neoliberal Imperialism and the Eurasian Challenge. In: BRICS : An Anti-Capitalist Critique. London, Pluto Press: 206–231.
- Sheehan I.S. Small nations joining BRICS threaten American security. The Washington Times. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2023/sep/12/small-nations-joining-brics-threaten-american-secu/> (дата обращения: 09.01.25).
- Shireesha I., Varalakshmi T., S. Swarna Shiva. 2024. Corruption and Economic Growth in BRICS Countries. International Research Journal on Advanced Engineering and Management. V. 02, 1659–1661.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 18.01.2025

Received: 18.01.2025

Поступила после рецензирования: 28.01.2025

Revised: 28.01.2025

Принята к публикации: 28.01.2025

Accepted: 28.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Толмачев Юрий Олегович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия

 [ORCID: 0009-0008-2850-4442](https://orcid.org/0009-0008-2850-4442)

Yury O. Tolmachev, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General History and International Relations, S.A. Yesenin Ryazan State University, Ryazan, Russia

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-233-244

Оригинальное исследование

Трансформация инструментов обеспечения международной и национальной безопасности в условиях гибридных войн

Рыжов И.В. , Трубицин К.А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

E-mail: ivr@fmo.unn.ru, Swat2020@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ трансформации инструментов обеспечения международной и национальной безопасности в контексте гибридных войн. Основная цель – исследовать изменения в подходах к обеспечению безопасности на фоне развития гибридных войн и новых вызовов международной стабильности. В работе применяются методы анализа современной международно-правовой базы, а также обзор актуальных примеров гибридных конфликтов. Важнейшим результатом стало выявление ключевых направлений модернизации инструментов обеспечения безопасности, включая адаптацию правовых норм и практик, направленных на предотвращение и реагирование на гибридные угрозы. Исследование подчеркивает значимость комплексного подхода к обеспечению безопасности в условиях глобализации и технологического развития.

Ключевые слова: гибридные войны, международная безопасность, национальная безопасность, модернизация инструментов безопасности, международное право, противостояние угрозам, адаптация правовых норм

Для цитирования: Рыжов И.В., Трубицин К.А. 2025. Трансформация инструментов обеспечения международной и национальной безопасности в условиях гибридных войн. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 233–244. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-233-244

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Transformation of Instruments for Ensuring International and National Security in the Conditions of Hybrid Warfare

Igor V. Ryzhov , Konstantin A. Trubitsin

National Research Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod,

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

E-mail: ivr@fmo.unn.ru, Swat2020@mail.ru

Abstract. This article explores the transformation of instruments for ensuring international and national security in the context of hybrid warfare. The primary objective is to examine the shifts in security measures amidst the evolution of hybrid wars and emerging challenges to international stability. The methodology includes the analysis of the contemporary international legal framework and review of current instances of hybrid conflicts. A critical finding is the identification of key directions for the modernization of security instruments, encompassing the adaptation of legal norms and practices aimed at preventing and responding to hybrid threats. The research highlights the importance of a comprehensive approach to security in an era of globalization and technological advancement.

Keywords: hybrid warfare, international security, national security, security instruments modernization, international law, threat counteraction, legal norms adaptation

For citation: Ryzhov I.V., Trubitsin K.A. 2025. The Transformation of Instruments for Ensuring International and National Security in the Conditions of Hybrid Warfare. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 233–244 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-233-244

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Актуальность выбранной темы исследования определяется наблюдаемым размытием критериев, на базе которых классифицируются угрозы международной и национальной безопасности, и в рамках общего направления исследования – необходимостью адаптации инструментов обеспечения безопасности к новой конъюнктуре международных отношений. Несмотря на то, что международным правом были закреплены базовые признаки войны, модернизация данного явления создала условия для развития форм противостояния, прямо не относящихся к войне (и лежащих, таким образом, вне поля регулирования международного права). На 2021 год множество военнослужащих различных государств вовлечены в боевые действия, антитеррористические операции и иные силовые меры, направленные на разрешение политических конфликтов. Параллельно с высокой активностью в сфере военных действий на рубеже XXI в. повысилась напряженность на Ближнем Востоке, стали развиваться новые формы противостояний (в т. ч. так называемые «гибридные войны»¹⁵⁸). Всё это требует уточнения понятийного аппарата войны в международном праве с учетом актуальных реалий мировой политической обстановки.

Целью работы является рассмотрение феномена трансформации инструментов обеспечения международной и национальной безопасности в условиях современной конъюнктуры международных отношений. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие исследовательские задачи:

- дать характеристику сущности войны и военным действиям как категориям международного права;
- рассмотреть актуальные проблемы трактовки войны как проблемы в теории международных отношений;
- оценить основные векторы трансформации инструментов обеспечения международной и национальной безопасности.

Предметом исследования выступает война как проблема теории международных отношений. Объектом исследования выступает международное гуманитарное право как источник международного регулирования вопросов мира и безопасности.

Проблематику войны в теории международных отношений можно характеризовать как хорошо изученную. При подготовке работы использовались такие международно-правовые источники, как Гагская и Женевская конвенции, а также работы следующих авторов: С.В. Голованов, А.И. Горячева, Э. Давид, И.К. Джиева, А.Я. Зайцев, Ю.П. Ивонин, А.А. Ирихин, А.Л. Кузьминых, А.А. Мишкуро, А.И. Никитин, И.В. Очкасова, И.В. Рыжов, К.Л. Сазонова, В.Н. Старцун, В.В. Толстых, И.В. Шамин и других.

Объект и методы исследования

Объектом и предметом исследования в данной статье являются военные конфликты и их влияние на мировую политику и экономику, а также анализ последствий этих конфликтов для международных отношений и внутреннего развития стран, участвующих в

¹⁵⁸ Гибридная война (англ. hybridwarfare) – вид враждебных действий, при котором нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, кибервойны, а также оказывая поддержку повстанцам, действующим на территории противника.

конфликтах. В исследовании применяются такие общенаучные методы, как анализ и обобщение, индукция, кейс-стади и контент-анализ международно-правовых документов.

Результаты и обсуждение

Война как средство реализации внешней политики неразрывно связана с развитием общества. В исторический период формирования норм и обычаев международного права, регламентирующих законы и практику ведения военных действий, ключевую роль играли государства с наиболее мощными вооружёнными силами. Они определяли подходы к вопросам объявления, завершения и регулирования военных конфликтов, а также модели поведения победителей в отношении побеждённых и их имущества [Очкасова, 2017]. Одной из важных проблем, связанных с международными отношениями и вопросами военных действий, является неопределенность в терминологии, используемой для характеристики конфликтов. В контексте формирования норм и практик международного права, регулирующих применение силы в военных конфликтах, возникает проблема терминологической неоднозначности понятия «вооружённый конфликт». Различные участники событий могут вкладывать в этот термин отличающиеся друг от друга смыслы, что может приводить к разногласиям и недопониманию.

Так, одна сторона может обозначать как вооружённый конфликт борьбу с террористическими группировками, тогда как для другой стороны подобные действия будут трактоваться как акты терроризма. Разночтения в толковании данного термина затрудняют выработку единых подходов к регулированию вооружённых конфликтов и ведут к необходимости уточнения и согласования определений на международном уровне.

Важно различать термины «вооруженный конфликт» и «война», поскольку последний подразумевает официальное состояние вооруженного противостояния между государствами, что имеет серьезные политические и юридические последствия. Четкое определение терминов и их понимание помогут избежать недопониманий и споров в случае вооруженных конфликтов. Кроме того, важно развивать общепринятые стандарты и правила поведения в международных отношениях, чтобы предотвратить развитие более серьезных конфликтов и обеспечить международный мир и стабильность. Сфера международного права, которая занимается вопросами регулирования военных конфликтов, претерпевала значительные изменения в ходе эволюции мирового сообщества и прогресса в области разработки вооружений. Эволюция технологий и вооружений, ориентированных на увеличение разрушительного потенциала, привела к возрастанию потребности в международном регулировании вооружённых конфликтов. Этот процесс объясняет усиленное внимание мирового сообщества к проблемам войны в начале XX века, когда на вооружение были приняты такие методы ведения боевых действий, как химическое оружие [Голованов, 2012; Кузьминых, 2013].

Международное право регулирует проведение военных операций с целью защиты гражданского населения и объектов критической инфраструктуры, а также ограничения применения жестоких методов ведения боевых действий и других связанных аспектов. Эта область права охватывается разнообразными источниками, включая нормативные акты, международное гуманитарное право, договоры и конвенции.

Ключевую роль в правовом регулировании вооружённых конфликтов играет международное гуманитарное право, базирующееся на международных договорах, а также нормах и принципах гуманизма. Оно определяет порядок ведения боевых действий и распространяет своё действие на все стадии конфликта: от его начала до завершения, включая периоды оккупации и постконфликтного урегулирования [Давид, 2011].

Несмотря на наличие множества источников правовых норм, касающихся войны, все еще не существует универсального и однозначного определения этого понятия, что отражает сложность и многообразие аспектов международных отношений в ситуациях

вооруженных конфликтов. Для задания общих теоретических основ объекта регулирования рассмотрим сущность войны и связанные с ней термины, а также их отображение в МГП. Война представляет собой многозначный термин, под которым могут пониматься:

– средство осуществления внешней политики и разрешения международных противоречий и споров [Наставление по международному...];

– средство навязывания своей воли оппонентам различными субъектами политики.

При этом субъектами политики в данном случае могут выступать как государства (в случае регулируемой МГП межгосударственной войны), так и иные акторы (к примеру, повстанческие формирования в случае внутрисоциальной войны);

– вооружённый конфликт, в котором соперничающие группы обладают достаточно равными силами, чтобы сделать исход сражения неопределённым;

– общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными методами, подчиняющееся своим законам.

Итак, войну можно представить в двух основных аспектах: как средство и как явление. Средством войны служит организованная вооруженная борьба, а цели лежат в плоскости целей сторон войны, представленных политическими субъектами той или иной формы.

В начале XX в. (особенно после окончания Первой мировой) была предпринята попытка окончательного вытеснения войны как средства разрешения межгосударственных споров в некое «маргинальное» поле. При этом одна из форм войны – оборонительная, т. е. направленная против внешнего агрессора, – признавалась легитимной. Логично, что именно такая трактовка войны была закреплена в тот период времени – именно войны были одним из активно используемых средств внешней политики, а происходили они преимущественно в межгосударственной форме в условиях недостаточно нормативно закреплённых отношений по вопросам межгосударственных границ. Как следствие, изначальное регулирование вопросов войны характеризовалось следующими недостатками [Толстых, 2017]:

– недостаточно конкретно была определена сущность войны. Это закономерно привело к тому, что после принятия соответствующих норм международного права реализация внешней политики стран средствами вооруженной борьбы не прекратилась, но не принимала форму войн (т. е. не декларировался соответствующий факт агрессии со стороны субъекта политики). Примером проявления таких войн (которые с точки зрения международного права войнами на тот момент признаны не были) можно назвать нападение японских войск на Китай (1930-е гг.);

– недостаточно проработан вопрос материального запрета применения силы с точки зрения принуждения к миру (вопрос санкций или вмешательства третьей стороны (кроме конфликтующих) в военные действия).

В процессе эволюции международного права, касающегося вооружённых конфликтов, произошло расширение понятийного аппарата. В Женевских конвенциях от 12 августа 1949 года и дополнительных протоколах 1977 года наряду с понятием «война» был введён термин «вооружённый конфликт» [Женевская конвенция...]. Со временем оба термина стали использоваться в международно-правовой практике как синонимы.

Несложно заметить, что развитие международного права в данной сфере совпадает с разрушительными последствиями масштабных войн (Второй мировой войны) и пытается адаптироваться к военной активности стран без объявления войны.

Характерно, что существенного развития вопросы терминологии войны, ее атрибутов и прочих характеристик не получили. Развитием международного права по вопросам войны стали:

– акты, регламентирующие вопросы ликвидации последствий войны (гуманитарная помощь и т. п.). В пункте 4 ст. 2 Устава ООН закреплён запрет применения любой силы в международных отношениях, а не только «война в правовом смысле». Это явилось реакцией на существенно возросшую политическую напряжённость в мире;

– акты, регламентирующие невоенные способы внешней политики государств (способы принуждения к соблюдению норм международного права), а также вопросы способов воздействия на страны, нарушающие международное гуманитарное право;

– учреждение организаций, прямо или косвенно участвующих в решении военных вопросов. В частности, была закреплена монополия Совета Безопасности ООН на принятие решений о применении вооруженной силы.

Современный уровень развития международных отношений в вопросах войны и связанных понятий в настоящее время позволяет назвать легальной лишь оборонительную войну, а в качестве способов воздействия на страну, нарушающую свои международные обязательства, закрепляет лишь политические, дипломатические и иные средства, но не при помощи вооруженной силы.

Терминология в международном праве, которая касается военных действий, претерпевает изменения в соответствии с эволюцией политического и идеологического ландшафта. Отмечается стремление пересмотреть восприятие войны и исключить её из списка приемлемых методов урегулирования международных разногласий.

В прошлом война рассматривалась как допустимый инструмент внешней политики и решения конфликтов между государствами. Однако в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций она признана незаконной в современных международных отношениях.

Многие исследователи указывают на несоответствие современной системы международных отношений изменившимся политическим реалиям и правовым нормам, регулирующим взаимодействие государств.

В литературе подчёркивается, что, несмотря на её историческую значимость, действующая международная система требует пересмотра и адаптации к актуальным глобальным вызовам. В качестве одного из возможных решений рассматривается формирование многополярной мировой системы, способной учесть многообразие геополитических интересов на международной арене [Ватаман, 2015; Ирхин, 2015]. Подчеркивается частичное несоответствие между институтами, призванными обеспечивать мир и безопасность, и современными реалиями глобальной политики, что заслуживает внимания и обсуждения для совершенствования международной системы и правовых норм.

Следует подчеркнуть, что термины «война» и «вооружённый конфликт» не тождественны. Категория «вооружённый конфликт» шире и включает в себя различные геополитические события, в том числе «войну» [Мишкуро, 2016]. Существуют разнообразные формы вооружённых конфликтов, начиная от военного давления ради мирного урегулирования более развитых и мощных в военном плане держав менее «сильных» стран до вмешательства, репрессий против меньших государств и внутренних конфликтов, таких как мятежи, восстания или гражданские войны, в зависимости от количества и типа участников, а также масштаба происходящих событий.

Отметим также, что XXI век привнес совершенно новый вид войн – «информационную войну». Такие конфликты не подразумевают вооруженного противоборства вовсе, однако являются важнейшей составляющей более масштабного явления – «гибридной войны», поэтому нельзя не брать их в расчет при выработке соответствующей терминологической базы [Горячева, Мачнев, 2023].

Существующая терминологическая проблема создает условия для фактического ведения войн и невозможности их классифицировать как таковые (а следовательно, невозможности полного распространения на субъекты политики средств принуждения к миру). В статье 1 III Гаагской конвенции об открытии военных действий, принятой в 1907 году, действительно указывается на необходимость официального объявления войны как на один из признаков военных действий [Гаагская конвенция...]. Объявление войны зачастую ведёт к разрыву дипломатических связей между странами-участницами конфликта, в результате чего

многие международные соглашения могут временно перестать действовать или утратить актуальность.

На практике же данная норма создает возможность для стран, формально не объявляющих войну, сокращать распространение норм международного права.

В 1949 году под эгидой ООН была сформулирована концепция международного вооруженного конфликта, ключевым элементом которой является наличие реального конфликта. Эта концепция предполагает применение определенных правил при наличии конкретных обстоятельств. В результате была разработана новая теория, уточняющая условия, при которых правила о вооруженных конфликтах становятся применимыми.

В международных нормативно-правовых актах, регулирующих гуманитарное право, при описании способов урегулирования международных и внутригосударственных конфликтов с применением военной силы обеими сторонами используются термины «военный конфликт» и «вооружённый конфликт». Под «военным конфликтом» понимаются различные формы вооружённых столкновений, осуществляемых в целях достижения политических целей, включая войны. В отличие от термина «война», который не имеет чёткого правового определения в международных документах, термин «вооружённый конфликт» имеет строгое юридическое закрепление в международных правовых нормах [Вите, 2009].

Несмотря на прогрессивные нормы международного права, запрещающие применение силы в решении международных споров, в современном мире наблюдается высокая динамика вооруженных конфликтов, в которых активно участвуют влиятельные государственные и военные структуры, включая Россию. Международные организации проводят целый комплекс миротворческих операций, применяя для этого значительный контингент военного и полицейского персонала и гражданских специалистов.

Эффективное решение вооруженных конфликтов требует комплексного подхода, включающего в себя дипломатические переговоры, мирные соглашения, гуманитарную помощь и меры по обеспечению безопасности гражданского населения. Решение международных конфликтов нередко затрудняется сложностью политических, этнических и религиозных факторов, которые лежат в основе данных конфликтов.

Важность международного сотрудничества и диалога в решении вооруженных конфликтов неоспорима. Также имеет значение учет интересов всех сторон конфликта и достижение компромиссов и справедливого урегулирования споров. Для стабилизации ситуации и обеспечения мира необходимо активно работать над устранением причин конфликтов, развитием международного сотрудничества и повышением взаимопомощи и солидарности между государствами мира [Никитин, 2017].

Современная геополитическая ситуация создаёт значительные препятствия на пути реализации целей запрета применения военной силы в рамках норм международного права. Очевидно, что идеал полного прекращения вооружённых конфликтов в условиях текущей мировой политической системы остаётся недостижимым. Конец XX века ознаменовался обострением международной геополитической напряжённости, что привело к возникновению многочисленных военно-политических конфликтов.

В современных условиях международных отношений особенно остро стоит вопрос выбора эффективных инструментов для обеспечения международной и национальной безопасности.

Основной проблемой классификации войны в теории международных отношений, как видится, выступает некоторое несоответствие системы международных отношений актуальной их практике. Важным аспектом, подтверждающим сложности в сфере международных конфликтов, является проблема терминологии войны. Существует ряд военных действий в мире, которые не расцениваются как прямая война, но имеют серьезные последствия для гражданского населения и не полностью подпадают под нормы международного гуманитарного права. Эти действия, например, характеризуются как

вооруженные конфликты, боевые действия или другие термины, что усложняет их правовое регулирование и защиту гражданских лиц.

Ряд исследователей отмечает наличие разрыва между текущим состоянием международных отношений и изменениями, происходящими в глобальном политическом контексте, а также правовыми нормами, регулирующими взаимодействие между государствами. Они подчёркивают, что, несмотря на её историческую значимость, существующая система международных отношений нуждается в пересмотре и адаптации к современным вызовам. Одним из предложенных путей модернизации является создание многополярной политической структуры, способной учесть многообразие геополитических интересов на мировой арене. Это позволит более эффективно урегулировать международные конфликты и обеспечить мир и стабильность в мире [Ватаман, 2015; Ирхин, 2015]. Подчеркивается частичное несоответствие между институтами, призванными обеспечивать мир и безопасность, и современными реалиями глобальной политики, что заслуживает внимания и обсуждения для совершенствования международной системы и правовых норм.

Также в качестве одной из проблем для классификации современных войн можно назвать применение традиционных категорий МГП, разделяющих участников войны на комбатантов и некомбатантов, к таким новым участникам современных боевых действий, как, например, члены террористических или повстанческих организаций [Чернядьева, 2016]. Особый интерес в рамках данного вопроса представляет определение правового статуса сотрудников частных военных компаний (ЧВК), без чьего деятельного участия уже практически невозможно представить современный, в особенности гибридный конфликт, одна из сторон которого желает минимизировать свои внутренние и внешние репутационные потери, передавая определенные операции или отдельные задачи в «частные» руки [Зайцев, 2021].

Концепция права народов на самоопределение, утверждённая ООН в 1960-х годах, изначально была направлена на регулирование статуса подопечных и самоуправляющихся территорий, преимущественно колоний. Однако в современную эпоху проблема таких территорий практически утратила свою актуальность, что свидетельствует о снижении значимости этого вопроса и механизмов его разрешения, включая одобрение ООН для признания суверенитета новых государств. ООН столкнулась с ситуациями, когда провозглашённый ею принцип самоопределения народов оказался трудно реализуемым. Ярким примером такого противоречия стало её сопротивление так называемому «параду суверенитетов», сопровождавшему распад Советского Союза и Югославии [Джигоева, 2013].

Конфликт в Косово стал символом сложных противоречий, связанных с реализацией права на самоопределение и соблюдением территориальной целостности государств. Он также продемонстрировал недостатки международных механизмов урегулирования подобных ситуаций. Несмотря на вмешательство международных сил и последующее провозглашение независимости Косово в 2008 году, вопрос признания его статуса остаётся спорным на международной арене. Различные страны, включая Россию и Китай, продолжают поддерживать позицию о непризнании Косово, ссылаясь на принцип нерушимости границ, в то время как другие государства признали его независимость, исходя из права на самоопределение.

Этот пример подчёркивает сложность поиска баланса между двумя ключевыми принципами международного права и указывает на необходимость дальнейшего развития правовых механизмов, способных адекватно реагировать на такие вызовы, сохраняя стабильность и мир в регионах с этническими и национальными противоречиями.

Возможно, сейчас наступил момент для обновления норм международного права с целью создания эффективной системы осуществления права народов на самоопределение.

Разрастание политических противоречий между геополитическими центрами на мировой арене существенно влияет на военную обстановку.

Геополитические акторы, стремящиеся увеличить свою политическую, экономическую и военную мощь, все чаще распределяют ресурсы в регионах политической нестабильности и в некоторых случаях могут даже способствовать возникновению подобных ситуаций. Очевидно, что, найдя лазейки в международном гуманитарном праве, указанные геополитические центры активно используют и будут продолжать использовать свою военную мощь для достижения своих политических целей на территории других стран [Сазонова, 2014; Рувинский, 2016; Сазонова, 2016].

Ярким примером подобных силовых решений можно считать современную архитектуру региональной безопасности на Ближнем Востоке – агрессивное вмешательство ряда западных стран во главе с США во внутренние дела региона на протяжении последних 30 лет превратило его в одну большую зону нестабильности, в которой то и дело вспыхивают все новые и новые конфликты, порождая тем самым новые поводы для вмешательства различных государств из других регионов. Российский ученый И.В. Рыжов, комментируя проекты по созданию системы региональной безопасности на Ближнем Востоке, подчеркивает, что это уже и вовсе невозможно без участия игроков извне [Рыжов, Бородин, Савичева, 2023].

В условиях нарастающей глобальной конфронтации международного сообщества становится всё более очевидной низкая вероятность выработки единой позиции в отношении критериев классификации вооружённых конфликтов и их различных форм. Недавние события, такие как негативная реакция стран Запада на воссоединение России с Крымом, Донецкой и Луганской Народными Республиками, Херсонской и Запорожской областями, а также референдум о независимости Каталонии и неурегулированные вопросы в Ирландии ярко демонстрируют существование двойных стандартов в международных подходах к различным ситуациям.

Эти случаи подчёркивают необходимость пересмотра критериев классификации вооружённых конфликтов, поскольку от этого зависит признание их последствий. Особое внимание уделяется вопросу легитимности вмешательства стран мирового сообщества в политические, социальные и внутренние процессы суверенных государств. Дискуссии о том, где проходит граница между допустимым вмешательством и нарушением суверенитета, усиливаются на фоне глобальных политических изменений, что создаёт дополнительные вызовы для международного права и безопасности. В итоге всё чаще ставится вопрос о том, насколько оправданы международные интервенции и как они соотносятся с принципами, провозглашёнными в Уставе ООН.

Особую актуальность описанная в данной статье проблема приобретает в свете опубликованных в марте 2021 года «Временных указаний по стратегии национальной безопасности США», в которых американские стратеги ввели понятие «Пространство вооруженного конфликта или же «серой зоны», которое, по их мнению, должно обозначать принципиально новую форму «непрямой» геополитической борьбы с неугодными Соединенным Штатам государствами посредством вооруженной или невооруженной борьбы, или, как описал данное понятие российский исследователь И.В. Шамин, «Управляемый силовой и/или вооруженный конфликт» [Шамин, 2023].

Заключение

Война является инструментом внешнеполитической стратегии и методом урегулирования международных конфликтов и разногласий, а также социо-политическим феноменом, который представляет собой продолжение политических действий с использованием силы и подчиняется определенным правилам. Она ведется через

организованное вооруженное противостояние, цели которого определяются интересами участвующих в конфликте политических групп или государств.

Международные отношения в сфере военных конфликтов и аналогичных действий регулируются международным гуманитарным правом. Развитие международного гуманитарного права было стимулировано повышением уровня геополитической напряженности в мире в начале XX века, созданием системы международных договоров и организаций, а также увеличением угроз применения массового разрушительного оружия.

Результатом совместных действий стран стало формирование совокупности нормативных актов, регламентирующих запрет любых войн, кроме оборонительных, а также формализация механизма международного вмешательства в сфере принуждения стран к миру.

Хотя международное гуманитарное право и прочие юридические документы, касающиеся военных действий, обширны, война продолжает использоваться как метод решения политических дилемм. Это связано с наличием множества конфликтов, которые выходят за пределы разрешения через международное право, включая споры о территориях, статусе непризнанных государств и угрозу от стран с оружием массового уничтожения.

Некоторые из проблем, возникающих в международной арене, связаны с противоречиями между различными нормами международного права, такими как право на самоопределение и принцип территориальной целостности. Эти противоречия часто лежат в основе локальных конфликтов за последние десятилетия. Кроме того, важной задачей является адаптация норм международного права к нынешним геополитическим реалиям.

Существующая концепция международного вооруженного конфликта, основанная на фактическом наличии конфликта и запрете ведения войны, не всегда обеспечивает эффективные методы предотвращения военных способов решения политических проблем.

Несмотря на широкое согласие на международном уровне по отношению к отверганию войны, крупнейшие мировые державы часто применяют военные действия в других странах, иногда нарушая международное право и оставаясь без серьезных последствий или встречая ограниченный отклик на такие действия. Следовательно, имеется потребность в дальнейшем изучении проблемы войны в контексте международных отношений для разработки более эффективных подходов к ее предотвращению.

Список источников

- Гагская конвенция от 18 октября 1907 года об открытии военных действий [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/20791161/19877157/> (дата обращения: 04.04.2024).
- Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными [Электронный ресурс]. URL; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml (дата обращения: 04.04.2024).
- Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. Министром обороны РФ 08.08.2001) (вместе с «Правилами применения норм международного гуманитарного права, касающихся опознавания») / СПС Консультант [Электронный ресурс]. URL; <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=309311#0> (дата обращения: 04.04.2024).

Список литературы

- Ватаман А.В. 2015. Формирование новой системы международных отношений и непризнанные государства. Власть, 2. 44–47.
- Голованов С.В. 2012. Средства ведения войны в международном гуманитарном праве и международно-правовой статус участников вооруженных конфликтов. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки, 14: 141–144.

- Горячева А.И. 2023. Информационная война как элемент гибридной войны. Скиф. Вопросы студенческой науки, 5(81): 168–172. EDN IXWXDI.
- Давид Э. 2011. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/handbook/icrc/2011/ru/135478> (дата обращения: 27.11.2024).
- Джигоева И.К. 2013. Предпосылки образования непризнанных государств на постсоветском пространстве. Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева, 1(27): 285–292.
- Зайцев А.Я. 2021. Частные военные компании как инструмент осуществления силовой стратегии гибридных войн. Вестник Московского государственного областного университета, 3: 72–82. doi: 10.18384/2224-0209-2021-3-1080. – EDN VXVHTH.
- Ирхин А.А. 2015. Глобальные и региональные тенденции формирования новой системы международных отношений. Причерноморье. История, политика, культура, 17: 137–141.
- Кузьминых А.Л. 2013. Международное право и «узники войны»: проблема правовой защиты военнопленных и интернированных лиц. Вестник института: преступление, наказание, исправление, 4(20): 77–80.
- Мишкуро М.А. 2016. Соотношение понятий «война» и «вооруженный конфликт» в международном гуманитарном праве. Молодой ученый, 8(112): 763–765.
- Никитин А.И. 2017. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование: М.: Аспект-Пресс, 384.
- Очкасова И.В., Юдина Т.Ф. 2018. Право войны в контексте источников отечественного и международного права: исторический аспект. Юридический вестник Самарского университета, Т. 3. № 2: 9–16.
- Рувинский Р.З. 2016. Отражение доктрины «справедливой войны» (*bellum justum*) и понятия «незаконного врага» (*hostis injustus*) в современном международном праве. Международное право, 1: 1–12. doi: 10.7256/2306-9899.2016.1.16948
- Рыжов И.В., Бородин М.Ю., Савичева Е.М. 2023. Ближний Восток: поиск новой архитектуры безопасности в меняющемся мире. Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 15(2): 418–435. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.213>
- Сазонова К.Л. 2016. Американская доктрина международного права: возрождение концепции «справедливой войны». Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 1(56): 98–105. doi: 10.12737/18192
- Сазонова К.Л. 2014. Концепция «справедливой войны» в современном международном праве. Журнал российского права, 5(209): 117–125. doi: 10.12737/3468
- Сильван Витэ. 2009. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/vite.pdf> (дата обращения: 05.04.2024).
- Толстых В.В. 2017. Нормативно-правовое закрепление понятия «война» в российском и международном праве. Academy. 3(18): 57–63.
- Чернядьева Н.А. 2018. О допустимости в международном праве термина «война с терроризмом». Военное право, 5(45): 240–246.
- Шамин И.В. 2023. Технология «управляемый гибридный вооруженный конфликт» как инструмент ведения «непрямой» геополитической борьбы в условиях «холодной войны – 2». Наследие В.Г. Короленко Стратегии гуманизма. Сборник материалов Четвертой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией А.Н. Фортунатова. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 525–533.

References

- Vataman A.V. 2015. Formirovanie novoj sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij i nepriznannye gosudarstva [The Formation of a New System of International Relations and Unrecognized States]. Vlast, 2: 44–47.
- Golovanov S.V. 2012. Sredstva vedenija vojny v mezhdunarodnom gumanitarnom prave i mezhdunarodno-pravovoj status uchastnikov vooruzhennyh konfliktov [Means of Warfare in International Humanitarian Law and the International Legal Status of Parties to Armed Conflicts]. Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija D: Jekonomicheskie i juridicheskie nauki, 14: 141–144.

- Goryacheva A.I. 2023. Informacionnaya voina kak element gibridnoy voyny [Information Warfare as an Element of Hybrid Warfare]. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki*, 5(81): 168–172. EDN IXWXDI
- David Je. 2011. Principy prava vooruzhennykh konfliktov: Kurslekcij, pročitannykh na juridicheskom fakul'tete Otkrytogo Brjussel'skogo universiteta [Principles of the Law of Armed Conflict: A Course of Lectures at the Faculty of Law of the Open University of Brussels]. [Web resource]. URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/handbook/icrc/2011/ru/135478> (accessed: 27.11.2024).
- Dzhioeva I.K. 2013. Predposylki obrazovaniya nepriznannykh gosudarstv na postsovet'skom prostranstve [Prerequisites for the Formation of Unrecognized States in the Post-Soviet Space]. *Vestnik Volzhskogo universiteta*. V.N. Tatishheva, 1(27): 285–292.
- Zaytsev A. Ya. 2021. Chastnye voennye kompanii kak instrument osushchestvleniya silovoi strategii gibridnykh voyn [Private Military Companies as a Tool for Implementing the Force Strategy of Hybrid Wars]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 3: 72–82. doi: 10.18384/2224-0209-2021-3-1080. - EDN BXBHTH
- Irhin A.A. 2015. Global'nyei regional'nye tendentsii formirovaniya novoy sistemy mezhdunarodnykh otnoshenij [Global and Regional Trends in the Formation of a New System of International Relations]. *Prichernomor'e. Istorija, politika, kul'tura*, 17: 137–141.
- Kuz'minyh A.L. 2013. Mezhdunarodnoe pravo i «uznikivojny»: problema pravovoj zashhity voennoplennykh i internirovannykh lic [International Law and Prisoners of War: The Problem of Legal Protection of Prisoners of War and Internees]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 4(20): 77–80.
- Mishkuro M.A. 2016. Sootnoshenie ponjatij «vojna» i «vooruzhennyj konflikt» v mezhdunarodnom gumanitarnom prave [Relationship between the Concepts of “War” and “Armed Conflict” in International Humanitarian Law]. *Molodoj uchenyj*, 8(112): 763–765.
- Nikitin A.I. 2017. Mezhdunarodnye konflikty: vmeshatel'stvo, mirotvorchestvo, uregulirovanie [International Conflicts: Intervention, Peacekeeping, Mediation]. Moskva: Aspekt-Press, 384 s.
- Ochkasova I.V., Yudina T.F. 2017. Pravo vojny v kontekste istochnikov otechestvennogo i mezhdunarodnogo prava: istoricheskij aspekt [The Law of War in the Context of Sources of Domestic and International Law: Historical Perspective]. *Juridicheskij vestnik Samarskogo universiteta*, 3(2): 9–16.
- Ruvinskij R.Z. 2016. Otrazhenie doktriny «spravedlivoj vojny» (bellum justum) i ponjatija «nezakonno go vraga» (hostis in justus) v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Reflection of the “Justified Warfare” Doctrine (bellum justum) and the Term “Illegal Hostile” (hostis in justus) in the Modern International Law]. *Mezhdunarodnoe parvo*, 1: 1–12. doi: 10.7256/2306-9899.2016.1.16948
- Ryzhov I.V., Borodina M.Yu., Savicheva E.M. 2023. Blizhnij Vostok: poisk novoj arhitektury bezopasnosti v menjajushhemsja mire [The Middle East: Seeking a New Security Architecture in a Changing World]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, 15(2): 418–435. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.213>
- Sazonova K.L. 2016. Amerikanskaja doktrina mezhdunarodnogo prava: vozrozhdenie koncepcii «spravedlivoj vojny» [The American Doctrine of International Law: The Resurrection of the “Justified Warfare” Concept]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 1(56): 98–105. doi: 10.12737/18192
- Sazonova K.L. 2014. Koncepcija «spravedlivoj vojny» v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Conception of the “Justified Warfare” in the Modern International Law]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 5(209): 117–125. doi: 10.12737/3468
- Sil'van Vitje. 2009. Tipologija vooruzhennykh konfliktov v mezhdunarodnom gumanitarnom prave: pravovye koncepcii real'nyesituacii [Elektronnyj resurs] [The Typology of Armed Conflicts in the Modern Humanitarian Law: Legal Concepts and Real Situations] [Web resource] URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/vite.pdf> (accessed: 05.04.2024).
- Tolstyh V.V. 2017. Normativno-pravovoe zakreplenie ponjatija «vojna» v rossijskom i mezhdunarodnom prave [Normative and Legal Consolidation of the Concept of “War” in Russian and International Law]. *Academy*, 3(18): 57–63.
- Chernjad'eva N.A. 2017. O dopustimosti v mezhdunarodnom pravetermina «vojna s terrorizmom» [On the Admissibility in International Law of the Term “War on Terrorism”]. *Voennoe parvo*, 5(45): 240–246.
- Shamin I.V. 2023. Tehnologija «upravljaemyj gibridnyj vooruzhennyj konflikt» kak instrument vedeniya «nepriamoj» geopoliticheskoy bor'by v uslovijah «holodnoj vojny 2» [The Technology of «Controlled Hybrid Armed Conflict» as an Instrument of «Indirect» Geopolitical Struggle in the Conditions of «Cold War 2»].

“Controlled Hybrid Armed Conflict” as a tool for Conducting “Indirect” Geopolitical Struggle in the Conditions of “Cold War 2”]. Nasledie V.G. Korolenko. Strategii gumanizma. Sbornik materialov Chetvertoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Pod redakciej A.N. Fortunatova. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU, 525–533.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.12.2024

Received 10.12.2024

Поступила после рецензирования 20.01.2025

Revised 20.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Accepted 30.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Рыжов Игорь Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-6417-1517](https://orcid.org/0000-0002-6417-1517)

Igor V. Ryzhov, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Трубицин Константин Андреевич, аспирант кафедры истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0006-2366-2893](https://orcid.org/0009-0006-2366-2893)

Konstantin A. Trubitsin, Postgraduate Student of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 325(4)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-245-257

Оригинальное исследование

Влияние миграционного кризиса 2015 года на внутреннюю политику Европейского союза

Дубинин А.И.^{1,2} , Коллегаев Е.А.¹ , Масланов К.Д.¹ , Мачадо Ортега Ш.Э.¹

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;

²Школа № 777 имени Героя Советского Союза Е.В. Михайлова, Россия, 109428, г. Москва, ул. Шатурская, д. 1

E-mail: adubinin40rus@mail.ru, ekollegaev@gmail.com,
maslanov152@mail.ru, sharon.ortega.93@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема миграционного кризиса 2015 года, а также освещается его влияние на общественную жизнь в странах Западной Европы. Статья обращает внимание на кризисные явления, с которыми столкнулось европейское общество после переезда в Старый Свет большого количества беженцев. В исследовании также дается характеристика миграционных процессов в различных европейских регионах и делаются выводы о том, каким образом европейское общество отнеслось к массовому переселению беженцев. Данная статья обобщает общее влияние миграционного кризиса на внутреннюю политику в государствах Европейского союза и их различия в разных европейских государствах, специфику распределения мигрантов в отдельных частях европейского региона и их взаимодействие с местным населением, а также последствия миграции и ответных мер, проводимых в Европе.

Ключевые слова: Европа, миграция, Ближний Восток, Африка, христианство, ислам, кризис, Европейский союз, Сирия, интеграция мигрантов, беженцы

Для цитирования: Дубинин А.И., Коллегаев Е.А., Масланов К.Д., Мачадо Ортега Ш.Э. 2025. Влияние миграционного кризиса 2015 года на внутреннюю политику Европейского союза. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 245–257. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-245-257

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Impact of the 2015 Migration Crisis on the Internal Policy of the European Union

Aleksandr I. Dubinin^{1,2} , Egor A. Kollegaev¹ ,
Konstantin D. Maslanov¹ , Sharon E. Ortega Machado¹

National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,

23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603022, Russia;

Hero of the Soviet Union E.V. Mikhailov School No. 777,

1 Shaturskaya St., Moscow 109428, Russia

E-mail: adubinin40rus@mail.ru, ekollegaev@gmail.com,
maslanov152@mail.ru, sharon.ortega.93@gmail.com

Abstract. This article examines the problem of the migration crisis of 2015 and highlights its impact on public life in Western European countries. The focus falls on the crisis phenomena that European society faced after a large number of refugees moved to the Old World. The study also characterizes migration processes in various European regions and draws conclusions about how society reacted to the mass

resettlement of refugees. The authors examine the general impact of the migration crisis on domestic politics in the European Union and their differences in various European countries, the specifics of migrants' distribution in certain parts of the European region and their interaction with the local population, as well as the consequences of migration and the response measures taken in Europe.

Keywords: Europe, migration, Middle East, Africa, Christianity, Islam, crisis, European Union, Syria, integration of migrants, refugees

For citation: Dubinin A.I., Kollegaev E.A., Maslanov K.D., Ortega Machado S.E. 2025. The Impact of the 2015 Migration Crisis on the Internal Policy of the European Union. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 245–257 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-245-257

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В 2015 году страны Европы ощутили на себе последствия миграционного кризиса [Гукова, Богатырев, 2016]. Некоторые авторы даже говорят о новом «великом переселении народов», что изменит социокультурный облик Европы. Отметим, что с 2013 по 2015 годы число мигрантов выросло в три раза – с 556 тыс. до 1,5 млн человек [«EUROSTAT», 2023]. Беженцев и мигрантов привлекает высокий уровень социального обеспечения в развитых странах ЕС [Пазына, 2017, с. 200]. Согласно данным ООН, самый высокий уровень жизни в Норвегии, затем идут Швейцария, Ирландия, Германия, а в топ-10 входят такие страны, как Исландия, Швеция, Нидерланды. Все они располагаются в Европе, и не удивительно, что именно богатые и развитые европейские страны являются центром притяжения для мигрантов со всего мира. Большинство мигрантов прибывали и прибывают в Европу из стран Ближнего Востока, Африки и Азии, зачастую они покидают свою родину в связи с экономической и политической нестабильностью [Шенфельдт, 2018, с. 197].

Целью данной работы является анализ влияния миграционного кризиса на страны Европы и выявление разных подходов к смягчению его последствий со стороны отдельных стран континента. В качестве методов исследования были использованы исторический анализ, сравнение, синтез. Новизна данной работы заключается в анализе методов преодоления миграционного кризиса по регионам Европы.

В ходе написания данной работы использовался ряд научных трудов, затрагивающих проблематику миграционной политики стран Европы, а также описывающих комплекс мер властей, столкнувшихся с миграционным кризисом 2015 года. Так, Д.М. Гукова и А.З. Богатырев в статье «Миграционные процессы и потоки в Европе: возможные пути развития» анализируют современные миграционные процессы на территории Европы и дают прогнозы данному явлению. О том, каким образом менялось европейское законодательство по вопросам миграции, пишут И.И. Рыжов, К.С. Тихомирова, В.М. Ручина, К.Д. Масланов в научной публикации на тему «Трансформация миграционного законодательства ЕС: причины и последствия» [Рыжов и др., 2023, с. 26–46]. В научной работе Е.О. Пазына «Проблемы миграционной безопасности Европейского союза: финансово-правовые аспекты» выделяются наиболее важные проблемы в миграционной политике современной Европы, а также дается оценка финансовым возможностям стран ЕС в период миграционного кризиса. А.А. Шенфельдт в публикации «Использование политики в целях развития для разрешения миграционного кризиса в Европе» анализирует подходы отдельных стран Евросоюза к миграционному вопросу. О.Ю. Потемкина в статье под названием «Миграционный кризис и политика Европейского союза» описывает способы, при помощи которых Европа пыталась справиться с миграционным кризисом 2015 года. Причины миграционного кризиса доскональным образом описаны в работе Р.М. Гасанова «Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения». В статье Ц.Б. Гаврилова «Основные тенденции современной международной миграции»

дается оценка миграционным процессам современности и говорится о том, что процессы переселения в ближайшие годы будут только увеличиваться. Географические причины миграции в Европе разбираются в научной публикации Д.В. Житина, А.И. Краснова и А.В. Щендрика «Географические особенности миграционных связей Европы». О том, как Испания пережила миграционный кризис, пишет Н.Ю. Кудеярова в своей научной статье «Испания после миграционного бума: социально-экономическая и внешнеполитическая проекции». Этническому аспекту процесса переселения ближневосточных и африканских народов в Европу уделяет внимание М.К. Любарт в публикации «Миграционный кризис в Евросоюзе 2015–2016 гг.: этнокультурный аспект». О различии подходов в принятии мигрантов между разными европейскими странами, взяв за основу шведскую модель, пишет А.М. Волков в статье «Мигранты в странах Северной Европы: шведский подход». О поведении немецких политических деятелей во время кризиса 2015 года пишут Д.Р. Муллина и Д.В. Шмелев в работе «Политика Германии в миграционном кризисе». Проблематике миграции особое внимание уделяют Ш.Э. Мачадо Ортега и И.В. Рыжов в статье «Сравнение миграционных политик стран Европейского союза во время миграционного кризиса 2015 года» [Мачадо Ортега, Рыжов, 2024]. А.В. Белинский в научной публикации под названием «Западная и Центрально-Восточная Европа» дает характеристику взаимоотношений между отдельными частями Европы и заостряет внимание на кризисных явлениях, с которыми столкнулся Старый свет в первой трети XXI века [Белинский, 2024]. О проблемах миграции в Европе пишут и иностранные ученые. Так, Р. Фридри в статье «Development of the German Immigration Policy after 2015: A Balancing Act between Populism and EU Policy» описывает причины, по которым правительство Германии приняло решение о помощи беженцам. М. Гладыш в работе «The Influence of the Migration Crisis of 2015 on the EU Migration Policy» дает оценку последствиям, с которыми Европа столкнется после окончания миграционного кризиса.

Наплыв мигрантов, вызванный политическим и военным кризисом в Сирийской Арабской Республике, вынудил ЕС принять активные меры по обеспечению безопасности собственных границ. Сирийский кризис подсветил для Европейского союза ряд политических, экономических и социальных проблем. Европейское общество в своей массе не было готово к появлению такого большого количества представителей другой культуры, равно как и беженцы не были готовы к активной интеграции в систему ценностей и норм европейских стран. Сирийский кризис как таковой являлся триггером для представителей различных, преимущественно арабских государств. Жители высоко конфликтного региона Ближнего Востока и Африки воспользовались частичным послаблением правил получения статуса беженца на территории ЕС, что фактически означало эффект домино. Вскоре на европейских границах пропуска уже дождалось более 3 миллионов человек.

В 2015 году ЕС спешно организует ряд совещаний и конференций по преодолению миграционного кризиса. Среди наиболее разумных предложений звучали следующие: принятие мер по противодействию трансграничной преступности и распространению контрабанды людей. С этой целью были предписаны дополнительные проверки прибывающих соискателей статуса беженцев на наличие у них товаров и предметов, представляющих ценность для криминального мира и/или запрещенных к ввозу в пределы ЕС. Усиление охраны внешних границ также способствовало повышению общего уровня безопасности и контролю за незаконным пересечением границ. Именно для этого был существенно увеличен бюджет агентства под названием «ФРОНТЕКС», а также других организаций, способствующих помощи и адаптации беженцев. Предложен пересмотр положения о «голубой карте ЕС» с целью повышения привлекательности легальной миграции на территорию Европейского союза среди высококвалифицированных мигрантов. Впрочем, исполнение этих предложений невероятно затягивалось [Потемкина, 2016, с. 42], а порой и не проводилось вовсе [Гукова, Богатырев, 2016, с. 206]. А уже 22 сентября 2015 года страны Европейского союза стали выдавать национальные квоты для беженцев. Данный

подход должен был стать решением нарастающей проблемы миграционного давления для государств, с границ которых начинается непосредственно Европейский союз. Стоит отметить, что при распределении квот учитывались сразу несколько показателей государств, среди которых ВВП, численность населения и экономика.

Единственной мерой решения миграционного кризиса ЕС 2015 года, которая, по мнению авторов, имеет не нулевую эффективность, стало увеличение роли и полномочий европейского агентства FRONTEX, отвечающего за охрану внешних границ. Финансовые вливания данной организации за два года (с 2016 до 2018) возросли на 159 миллионов евро.

На данный момент цифры выросли до 543 миллионов евро. При этом агентство проводило несколько операций, суть которых заключается в борьбе с нелегальным пересечением границ стран Евросоюза. Другой важной стороной является финансовая поддержка государств, откуда приезжают беженцы. К примеру, Турция получила порядка 3 млрд долларов для помощи сирийским беженцам [Гасанов, 2016, с. 18]. Также в то же время была создана программа Восточного партнерства, направленная на создание центров размещения мигрантов в государствах, непосредственно граничащих с Европейским союзом. Таким образом, к 2020 году страны ЕС смогли снизить поток мигрантов, однако полностью решить проблему не удалось.

Ранее считалось, что одной из основных задач мигрантов при переезде на новое место жительства является скорейшая ассимиляция. Ее ускоряли при помощи различных законов, зачастую дискриминационного характера. Однако впоследствии данная концепция уступила место другой, напрямую связанной с мультикультурализмом. Концепция мультикультурализма в современной европейской реальности себя не оправдала. Однако миграционный кризис в 2015 году показал, что этнические меньшинства склонны к созданию анклавов.

Таким образом, в ЕС давно сформировались «транснациональные сообщества» – группы, базирующиеся в двух или более странах, которые взаимодействуют поверх границ на постоянной основе [Гаврилов, 2016, с. 15], миграционный кризис 2015 года в своем развитии является тому подтверждением.

Далее авторы рассматривают специфику распределения мигрантов в отдельных частях европейского региона. Отметим, что Европа – очень широкое понятие. ООН делит этот регион на 4 части – Западную, Северную, Восточную и Южную Европу. Данная часть работы также будет поделена на 4 соответствующие части в связи с тем, что регионы в силу различного экономического и географического положения имеют различное значение в миграционном процессе [Гукова, Богатырев, 2016, с. 456–459]. Так, за 25 лет (1990–2015 гг.) количество мигрантов увеличилось в полтора раза. Стоит отметить, что миграция в разные страны ЕС была неоднородной. К примеру, после активной фазы югославского конфликта прирост беженцев в странах юго-восточной Европы насчитывал порядка 40 %, в то время как в государствах Скандинавского полуострова показатель увеличился в 2,6 раза, а на юге Европы – в 4,4 раза.

Южная Европа

Кризис 2015 года стал отправной точкой для приезда большого количества мигрантов в Европу. Примечательно, что Греция стала центром притяжения беженцев. Именно через нее мигранты старались переехать в более интересные для них страны [Гасанов, 2016, с. 13]. Важно отметить, что порядка 7 % населения государства являются мигрантами.

Италия также стала одной из наиболее привлекательных стран для беженцев, преимущественно из Восточной Европы, после падения Берлинской стены. Стоит отметить, что наибольшее количество беженцев в стране приходится на румын. В целом в период с 2013 по 2018 гг. в Италию заехало порядка 700 тысяч нелегальных мигрантов, что сильно возмутило коренных жителей [Музыка, 2016, с. 55]. Более того, в 2015 г., «ужасном году»

великого исхода беженцев в Европу, общее количество человек, высадившихся в Италии, было на 10 тыс. меньше по сравнению с 2014 г. [Салаконе, 2024, с. 32].

Испания переживает рост мигрантов с начала XXI века. Так, к 2018 году их численность достигла 8 миллионов человек. Несмотря на это, значительного негатива со стороны местного населения замечено не было. К тому же страна не стала центром миграционного кризиса 2015 года, так как граница Испании была надежно защищена [Кудеярова, 2019, с. 86].

Португалия, в отличие от Испании, пережила серьезный наплыв мигрантов. К примеру, с 2014 по 2019 годы процент беженцев вырос на 413 %. В стране на данный момент проживает немалое количество мигрантов из Восточной Европы.

Таким образом, Южная Европа является одним из лидеров по количеству переехавших туда мигрантов. Это подтверждают цифры: в период с 1990 по 2000 гг. показатель вырос на 65 %, а в последующее десятилетие – еще в полтора раза. В данном контексте безусловным лидером стала Италия: за период с 1990 по 2013 гг. в страну въехало порядка 14 миллионов человек [Музыка, 2016, с. 77].

Западная Европа

Западная Европа в 2015 году стала фактически главным убежищем для мигрантов с Ближнего Востока. Стоит отметить, что столь масштабное переселение людей в последний раз происходило во времена Второй мировой войны. Причины столь грандиозного по своим масштабам переселения лежат на поверхности: это нестабильное положение в странах Ближнего Востока и северной Африки и, как следствие, большое количество военных конфликтов в Сирии, Ираке, Афганистане и т. д. Стоит отметить, что в 2015 году контролировать ситуацию стало сложнее. Важно понимать, что предпосылки миграционного кризиса можно было увидеть и раньше, ведь на территории Ближнего Востока военные, политические и экономические кризисы сменяли друг друга, а иногда и вовсе предельно осложняли жизнь, «выстреливая» одновременно. Здесь стоит задаться вопросом: «Почему именно в Европу, отличную по своему культурному коду и религиозному составу, стремилось такое количество переселенцев?». В первую очередь это географическое положение, так как страны, откуда можно было наблюдать наибольший приток людей, прямо или опосредованно граничат с европейскими государствами. К тому же важно помнить и колониальный период жизни стран Африки и, как следствие, уже ослабевшую, но все же не ставшую рудиментарной связь колоний и метрополий. Одновременно с этим важнейшей причиной выбора Европы как конечной точки эмиграции является высокий уровень жизни в странах Старого света. Экономическое благополучие Германии, Франции и других стран региона было способно замотивировать оставшихся без крова и пищи, бегущих от войны африканцев и жителей Ближнего Востока к столь рискованному путешествию за лучшей жизнью. С приходом большого количества мигрантов страны Европы были вынуждены решать сразу несколько задач: экономическое обеспечение приезжих, интеграция их в европейское общество, а также работа по обеспечению национальной безопасности [Gladys, Sychov, 2020, p. 10].

Уже к 2014 году по Средиземному морю в страны ЕС прибыло порядка 216 тыс. мигрантов [Любарт, 2017, с. 4]. Уже спустя год количество беженцев перевалило за миллион. Неудивительно, что европейская экономика оправилась далеко не сразу, однако отказаться принимать переселенцев было нельзя из-за ряда документов, ратифицированных самим Евросоюзом и Женевской конвенции о статусе беженцев. Наибольшее количество беженцев (порядка 75 %) пришлось всего на пять государств Европейского Союза: «Германия (30,0 %), Венгрия (17,6 %), Швеция (15,7 %), Австрия (9,1 %) и Нидерланды (4,2 %)» [Любарт, 2017, с. 10].

Немецкое направление является одним из наиболее популярных для мигрантов [Житин, 2016, с. 81]. Всего было несколько волн переселения: первая – во время конфликта в Югославии (в Германию переехало порядка 600 тысяч), вторая – в 2015 году. Уже к 2016 году количество мусульман в стране значительно увеличилось и составило 6 % от общего числа.

Однако с 2017 до 2022 года поток беженцев сокращался. С новой силой кризис обострился после начала Специальной военной операции. Таким образом, из-за переезда в страну мигрантов население Германии достигло своего максимума и составило 84 миллиона человек. Сейчас количество иностранцев в государстве составляет порядка 14 миллионов, из которых большинство представлено выходцами из Турции и Украины. События в Кельне, а также увеличение количества преступлений в других городах Германии повлияли на рост партий правого характера [Гасанов, 2016, с. 16].

Данные силы выступают за немедленное ужесточение политики в отношении мигрантов. Несмотря на это Ангела Меркель, занимавшая должность канцлера Германии в 2015 году, объявила об открытости границ страны для беженцев. Немецкое правительство объяснило свое решение гуманитарными соображениями [Friedery, 2021, p. 1]. Коренное население страны все чаще стало высказывать обеспокоенность тем, что внутри Германии стали формироваться национальные диаспоры, угрожающие общественной безопасности. К примеру, в некоторых школах государства стали преподавать на турецком языке, появляется все больше телевизионных каналов на языках этнических меньшинств, и, как следствие, процесс исламизации набирает обороты [Муллина, Шмелев, 2021, с. 127]. Главным оппозиционером курса, выбранного немецким правительством, стала партия «Альтернатива для Германии», которая открыто выступила не только за ужесточение миграционного законодательства, но и за ограничение финансовой помощи бедным странам европейского юга. В это же время ХДС/ХСС, имевшая большинство в парламенте, продолжила курс на предоставление льгот для мигрантов. На этом фоне позиции самой партии стали проседать. Таким образом, можно прийти к выводу, что кризис 2015 года серьезным образом затронул немецкое общество. Немецкий обыватель не может смириться с тем, что из государственного бюджета весомая часть финансов тратится теперь на беженцев. Большой приток беженцев, безусловно, способен дезорганизовать внутривнутриполитическую жизнь в стране из-за того, что властям приходится интегрировать новых жителей в общество. Наряду с этим важно понимать, что с большим числом мигрантов возрастает и преступность, а также количество радикальных движений. Однако на данную проблему можно посмотреть и с другой стороны: большое количество приезжих здоровых мужчин может помочь насытить немецкий рынок труда рабочей силой, в которой бизнес Германии определенно нуждается.

Примечательно, что уже у 2021 году количество французских мигрантов составило порядка 10 % от всего населения страны. Около 50 % из приезжих пришлось на страны Африки и Азии, остальные в основном родом из других стран ЕС. Стоит отметить, что Франция уже долгие годы является страной, принимающей мигрантов. В стране существует серьезно проработанное законодательство. Также Париж располагает большим количеством организаций, направленных на социальную поддержку нуждающихся, в том числе и переселенцев. В целом миграционная политика Франции долгое время не меняла свой вектор, однако все же некоторые аспекты принимаемых решений в 2015 году стали отличаться от тех, что воплощали в жизнь французские правящие круги десятилетием ранее. В данном контексте стоит обратиться к политике Н. Саркози во времена, когда он возглавлял страну. Именно при нем во Франции были приняты три закона, напрямую регламентирующие миграционную политику Парижа. Зачастую их объединяют под общим названием «политика выборочной миграции». К примеру, один из законов того периода, принятый 24 июля 2006 года, усложнил правила выдачи вида на жительство, а также регламентировал жизнь тех, кто хотел остаться в стране на долгое время. В том числе прибывшие во Францию должны были чтить ценности государства, ее республиканский строй и доказать знание языка. Затем 20 ноября 2007 г. был издан довольно спорный закон,

согласно которому должны были разрешить использовать генетическое тестирование для доказательства родства между отдельными людьми. Некоторые политики не поддержали данную инициативу, так как в генетической экспертизе они разглядели сходство с нацистской идеологией. Вскоре Министерство по делам эмиграции упразднили, а к 2014 году политика Парижа по отношению к беженцам во многом изменила вектор развития. В последние годы высшие эшелоны власти стали уделять значительно больше внимания правам мигрантов, что в целом соответствовало общеевропейскому тренду. Так, в 2015 году были приняты два важнейших закона: 1) «О предоставлении убежища»; 2) «О правах иностранцев». Первый давал беженцам защиту во время судопроизводства и выявлял наиболее пострадавших лиц, среди которых были жертвы насилия, дети, женщины. Благодаря Закону о правах иностранцев был увеличен срок вида на жительство, который теперь мог составлять от двух до четырех лет. Однако данные меры не смогли интегрировать новых жителей или даже граждан в единое французское общество. Скорее наоборот, миграция 2015 года усилила этническое расслоение, что в целом противоречит внутренней политике французского государства. Стоит отметить, что французское общество нельзя назвать единым касательно миграционной политики страны. Среди населения есть как левые, считающие, что мигранты должны свободно пересекать границу и получать возможность начать жизнь на территории республики, так и правые, требующие закрыть страну от нежелательной миграции. К числу последних относится Марин Ле Пен, чья программа во многом строится на противодействии действующей миграционной политике.

Весьма дискуссионным вопросом является точка зрения правых, которые не без оснований полагали, что приезжие из стран Ближнего Востока и Северной Африки влияют на государственный бюджет с негативной стороны. По мнению М. Ле Пен и ее сторонников, дети мигрантов не должны получать бесплатное образование, а выдачу пособий следует ограничить. Примечательно, что та же М. Ле Пен в своих выступлениях проводила весьма занимательную аналогию, сравнивая эмигрантский кризис 2015 года с нашествием варваров на Европу IV века.

Среди проблем, с которыми столкнулось французское общество в 2015 году и после, особняком стоит радикализация мусульманского населения. К тому же молодежь мигрантов, которая впоследствии могла бы стать движущей силой для экономического рывка, не смогла по-настоящему полюбить Францию, ее законы. Таким образом, проблема ассимиляции приезжих не решается и по сей день. К тому же многие из мигрантов зачастую вовлекаются в криминальные структуры, связываются с наркотрафиком, «черной трансплантологией» и секс-индустрией [Шумилов, Шмидт, 2023, с. 10].

Однако и отношения мигрантов с левыми после 2015 года стали стремительно ухудшаться. Всему виной западная повестка, поощряющая гомосексуальные связи и браки. Реакционно настроенные мигранты, ядро которых составляют мусульмане, все чаще выражают свое недовольство взглядами левых политиков, которые, в свою очередь, наиболее ярко поддерживают законы, направленные на защиту прибывших с Ближнего Востока и Северной Африки граждан других стран.

Таким образом, миграционный кризис 2015 года внес серьезный разлад во французском обществе. Не желающие жить по законам французского государства мигранты стараются насадить свою культуру и религию, в то время как вопрос переселенцев является одним из наиболее дискуссионных в политических кругах страны.

Северная Европа

Страны Северной Европы подходят к проблеме мигрантов по-разному. Шведы и норвежцы наиболее лояльны к приезжим. К примеру, в 2020 году четверть шведского населения так или иначе связана с мигрантами. В Норвегии их порядка 18 %. Остальные

страны региона стали проводить более жесткую политику по данному вопросу [Волков, 2018, с. 104–108].

Количество мигрантов в Великобритании достигло практически 10 млн. В Соединенное королевство приезжают преимущественно выходцы из Индии, Пакистана и стран Карибского бассейна. Стоит отметить, что в стране также присутствует большое количество граждан стран Восточной Европы и Прибалтики [Житин, 2016, с. 81].

Восточная Европа

Не стоит забывать и о миграции внутри Европы, когда из стран с более низким уровнем жизни люди стараются перебраться в страны с более высокими социальными стандартами.

Важным аспектом является миграция внутри самой Европы. В первую очередь данное явление связано с желанием людей переехать в страны с более высоким уровнем жизни. Именно из стран Восточной Европы переезжает наибольшее количество мигрантов в другие государства ЕС. Основной поток мигрантов пришелся на выходцев из стран, которые не могут похвастаться высокими показателями уровня жизни. При этом государства Восточной Европы, в отличие от стран западного континента, выступают против приема большого количества беженцев [Гасанов, 2016 с. 16].

Низкоквалифицированная часть населения стран Восточной Европы зачастую отправляется на запад для сезонной работы. Так, например, румыны, поляки, словаки участвуют в сборе урожая винограда, овощей и фруктов в Германии, Австрии, Швеции, Италии.

Жители приграничных районов пользуются привилегией шенгенской зоны и пересекают внутренние границы ЕС несколько раз в день. Реалии, с которыми сталкиваются европейские страны, напрямую влияют на миграционные потоки.

Например, украинцы после 2000 года заняли прочные позиции в Португалии, прежде всего в строительном бизнесе, тогда как раньше их было особенно много в Италии [Тенги, 2004].

Изменения в миграционной политике ЕС в ответ на миграционный кризис 2015 года

В 2015 году ЕС организовал серию совещаний и конференций с целью выработки мер по преодолению миграционного кризиса. Особое внимание уделялось борьбе с трансграничной преступностью и контрабандой людей, незаконным пересечением границ, ввозом запрещенных товаров и предметов. Для этого бюджет Агентства ЕС по безопасности внешних границ ФРОНТЕКС был существенно увеличен, были выделены дополнительные суда для обеспечения бесперебойного выполнения операции «Тритон» (спасение терпящих бедствие на Средиземном море), были предложены механизмы по реформе системы правил и принципов предоставления убежища, в том числе закреплено требование к пограничным государствам ЕС о подготовке и рассмотрении ходатайства о субсидиарной защите лицам, которые впервые пересекли внешнюю границу союза в зоне ответственности этих стран.

Однако исполнение этих предложений сильно затягивалось [Гукова и др., 2016, с. 456–459], а порой и не проводилось вовсе [Потемкина, 2016, с. 42]. К таким «программным предложениям» стоит отнести меры по обеспечению возвращения лиц, которым было отказано в предоставлении статуса беженца. Фактически ни одна европейская страна не смогла обеспечить мероприятия по организации депортации нелегальных мигрантов за пределы ЕС и их возвращение в страны происхождения.

22 сентября 2015 года страны-члены ЕС приняли решение о распределении национальных квот беженцев в Европе. Данный подход должен был стать решением проблемы миграционного давления в странах, являющихся «воротами в ЕС» для балканского и средиземноморского маршрутов нелегальной миграции (наибольшее число беженцев прибывает в ЕС через Средиземное море к границам Италии, а также через Турцию в Грецию). При распределении миграционных квот учитывались в первую очередь

экономические и демографические показатели, ВВП на душу населения и количество уже принятых беженцев. Несмотря на справедливость в рамках европейского законодательства и социокультурного кода, ряд стран Еврозоны отказались или ограничили прием беженцев, что подорвало эффективность данной меры. Единственной мерой разрешения кризиса, которая, по мнению авторов, имеет не нулевую эффективность, стало увеличение роли и полномочий Агентства ФРОНТЕКС. Финансирование этой организации с 2014 по 2016 годы возросло с 79,5 до 238 млн евро. В наши дни сумма финансирования составляет уже 543 млн евро.

Именно силами данного агентства проводились операции «Посейдон», «Тритон» и пришедшая им на смену «Фемида», в рамках которых осуществлялось патрулирование Средиземноморья для обеспечения безопасности границ ЕС и борьбы с незаконными перевозками людей на территорию стран Евросоюза [«FRONTEX», 2018].

После реорганизации 2019 года ФРОНТЕКС стал первой силовой структурой, что подчиняется непосредственно руководству ЕС. Дополнительно ЕС усилил роль Агентства, приняв Регламент ФРОНТЕКС. Другой важной частью политики стран ЕС является субсидирование стран, откуда прибывают беженцы. Так, например, Турции было предоставлено 3 млрд евро для размещения беженцев из Сирии на ее территории [Гасанов, 2016, с. 18]. В рамках программы по контролю нелегальной иммиграции за пределами европейских границ была реализована программа Восточного партнерства, которая предусматривала инвестиции в строительство центров размещения мигрантов в приграничных по отношению к ЕС странах, таких как Сербия, Турция и Беларусь. В результате всех принятых мер к 2020 году странам Европы удалось снизить поток нелегальных и легальных мигрантов [Гукова и др., 2016, с. 456–459].

В то же время в сентябре 2020 года Комиссия представила новый Пакт по миграции и убежищу (ПМУ), который был одобрен Европейским парламентом и Советом Европейского союза в декабре 2023 года. Этот Пакт создан с целью управления и стандартизации миграции на долгосрочной основе, обеспечивая безопасность, прозрачность и достойные условия для тех, кто прибывает в Европейский союз [European Commission, 2023].

Заключение

Прежде всего, нужно отметить, что большие миграционные потоки во многом являются следствием процессов колонизации, которую проводил глобальный западный мир в период с XV по XIX века. Сейчас мы можем наблюдать за процессом «реактивной колонизации», суть которой заключается в переезде жителей бывших колоний в государство-колонизатор. Следствием этого процесса стало увеличение этнических индийцев, пакистанцев и выходцев из Карибского бассейна на территории Великобритании. В общей сумме количество переселенцев из указанных регионов составляет порядка 2 миллионов [Гаврилов, 2016, с. 18].

Другим немаловажным фактором, непосредственно влияющим на усиление миграционных потоков, является политика мультикультурализма, которой придерживается большое число европейских государств в последние десятилетия [Кудеярова, 2019, с. 86]. На этом фоне процесс ассимиляции мигрантов существенно замедлился [Гасанов, 2016, с. 14].

Еще одним немаловажным фактором является ухудшение внутривнутриполитической ситуации в странах Африки, Азии, Латинской Америки и Восточной Европы, следствием которого стал переезд сотен тысяч людей в более благоприятные страны.

Таким образом, можно сделать вывод, что миграционный кризис в Европе выявил комплекс проблем, решить которые в один момент будет крайне тяжело. Стоит отметить, что отдельные государства Старого света стали проводить разную миграционную политику. Наиболее лояльное отношение к беженцам продемонстрировала Северная Европа. Во многом схожий комплекс мер предприняли руководители Западной Европы.

Так, в Германии и Франции был принят ряд законов, призванных помочь мигрантам стать частью местного общества. Однако данные меры были восприняты негативно гражданами стран, которые не без оснований считают траты на мигрантов слишком завышенными. Ко всему прочему, мигранты серьезно влияют на рынок труда из-за притока в большом количестве дешевой рабочей силы. К тому же, попав в абсолютно новую среду, беженцы тяготеют к созданию национальных диаспор, что влияет на безопасность с негативной точки зрения из-за радикализации отдельных индивидов. Все эти процессы, в свою очередь, начинают склонять «вправо» все больше граждан европейских стран. В подтверждение этого в статье было сказано о набирающей популярность политических партиях, на повестке у которых стоит ужесточение миграционной политики. Схожие тезисы приводятся в научной публикации «Влияние миграционного фактора на демографический кризис в Европе (на примере Италии)» [Коврижных, Сантретова, Коломеец, 2023, с. 32–45].

Таким образом, все сказанное выше привело к расколу внутри европейского общества по миграционной проблеме. Некоторые государства по-прежнему принимают беженцев без каких-либо ограничений. Власти других стран идут по пути ужесточения миграционного законодательства. Одновременно с этим в европейском обществе встал вопрос о безопасности, ущерб которой наносят некоторые приезжие. Наряду с этим растет недовольство политикой ЕС.

Список источников

- Migration and migrant population statistics. «EUROSTAT, the statistical office of the European Union». Available at: ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 2 августа 2024).
- Migration and asylum in Europe – 2023. Interactive publication. «EUROSTAT, the statistical office of the European Union». Available at: ec.europa.eu/eurostat/web/interactive-publications/migration-2023 (дата обращения: 2 августа 2024).
- Frontex launching new operation in Central Med. «Frontex, the European Border and Coast Guard Agency». Available at: www.frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/frontex-launching-new-operation-in-central-med-yKqSc7 (дата обращения: 2 августа 2024).title=Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 2 августа 2024).

Список литературы

- Белинский А.В. 2024. Соседи, партнеры, конкуренты: Западная и Центрально-Восточная Европа на переломе эпох. Актуальные проблемы Европы. 2(122) 2024. doi: 10.31249/ape/2024.02.02
- Волков А.М. 2018. Мигранты в странах Северной Европы: шведский подход. Вестник Института экономики Российской академии наук. 4: 104–119.
- Гаврилов Ц.Б. 2016. Основные тенденции современной международной миграции. Власть. 10: 13–18.
- Гасанов Р.М. 2016. Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения. Актуальные проблемы современных международных отношений. 7: 11–22.
- Гукова Д.М., Богатырев А.З. 2016. Миграционные процессы и потоки в Европе: возможные пути развития. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 8(3): 456–459.
- Житин Д.В., Краснов А.И., Шендрик А.В. 2016. Географические особенности миграционных связей Европы. Балтийский регион. 3: 75–92. doi: 10.5922/2074-9848-2016-3-5
- Коврижных О.А., Сантретова Е.С., Коломеец А.А. 2023. Влияние миграционного фактора на демографический кризис в Европе (на примере Италии). Общество: социология, психология, педагогика. 1(105). С. 32–45.
- Кудеярова Н.Ю. 2019. Испания после миграционного бума: социально-экономическая и внешнеполитическая проекции. Современная Европа. 1(86): 80–91. doi: 10.15211/soveurope120198091
- Любарт М.К. 2017. Миграционный кризис в Евросоюзе 2015–2016 гг.: этнокультурный аспект. М., ИЭА РАН, 53 с.
- Муллина Д.Р., Шмелев Д.В. 2021. Позиция Германии в миграционном кризисе 2015 г. Казанский вестник молодых учёных. 5(2). С. 123–129.

- Музыка А.С. 2016. Специфика современной миграционной ситуации в Европейском союзе. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 1: 75–78.
- Ортега Мачадо Ш.Э., Рыжов И.В. 2024. Сравнение миграционных политик стран Европейского союза во время миграционного кризиса 2015 года. *Via in tempore. История. Политология*, 51(2): 486–495. doi: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-486-495
- Пазына Е.О. 2017. Проблемы миграционной безопасности Европейского союза: финансово-правовые аспекты. *Труды Института государства и права Российской академии наук*. С. 199–210.
- Потемкина О.Ю. 2016. Миграционный кризис и политика Европейского союза. *Актуальные проблемы Европы*. С. 38–60.
- Рыжов И.В., Тихомирова К.С., Ручина В.М., Масланов К.Д. 2023. Трансформация миграционного законодательства ЕС: причины и последствия. *Конфликтология / nota bene*, (4), 26–46. doi: 10.7256/2454-0617.2023.4.69579
- Салаконе А. 2017. Миграционный кризис в Европе: взгляд из Италии. *Вестник РГГУ*. 2(8). С. 25–38.
- Тенги А. Восточная Европа: миграционные процессы после расширения ЕС. *Отечественные записки*. – 2004. Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/vostochnaya-evropa-migratsionnye-protsessy-posle-rasshireniya-es.html> (дата обращения: 07.07.2023)
- Шенфельдт А.А. 2018. Использование политики в целях развития для разрешения миграционного кризиса в Европе. *Вестник международных организаций*. 13(4): 195–212. doi: 10.17323/1996-7845-2018-04-08
- Шумилов М.М., Шмидт О.И. 2023. Миграционный кризис как нарастающая угроза европейской безопасности (2015–2023). *Управленческое консультирование*. 8(176): 9–23. doi: 10.22394/1726-1139-2023-8-9-23
- Gladys M., Sychov V. 2020. The Influence of the Migration Crisis of 2015 on the EU Migration Policy. *Studia Europejskie – Studies in European Affairs*, 24(3), 9–23. <https://doi.org/10.33067/SE.3.2020.1>
- Friedery R. 2021. The Development of the German Immigration Policy after 2015: A Balancing Act between Populism and EU Policy. *Slovak Yearbook of European Union Law*, 1(1), pp. 1–8.

References

- Belinsky A.V. 2024. Sosed, partny, konkurenty: Zapadnaya i Centralno-Vostochnaya Evropa na perelome epoch.-Aktualnye problem Evropy [Neighbors, Partners, Competitors: Western and Central-Eastern Europe at the Turn of the Era]. doi: 10.31249/ape/2024.02.02
- Volkov A.M. 2018. Migranty v stranakh Severnoy Evropy: shvedskiy podkhod [Migrants in the Nordic Countries: The Swedish Approach]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. 4: 104–119.
- Gavrilov Ts.B. 2016. Osnovnye tendentsii sovremennoy mezhdunarodnoy migratsii [The Main Trends of Contemporary International Migration]. *Vlast'*. 10: 13–18.
- Gasnov R.M. 2016. Migratsionnyy krizis v Evrope: prichiny, posledstviya, perspektivy razresheniya [European Migrant Crisis: Causes, Effects and Prospects for Resolution]. *Aktual'nye problem sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy*. 7: 11–22.
- Gukova D.M., Bogatyrev A.Z. 2016. Migratsionnye protsessy i potoki v Evrope: vozmozhnye puti razvitiya [Migration Processes and Streams in Europe: Possible Ways of Development]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 8(3): 456–459.
- Zhitin D.V., Krasnov A.I., Shendrik A.V. 2016. Geograficheskie osobennosti migratsionnykh svyazey Evropy [Geography of European Migration]. *Baltiyskiy region*. 3: 75–92. doi: 10.5922/2074-9848-2016-3-5.
- Kovrizhnykh O.A., Santretova E.S., Kolomeets A.A. 2023. Vliyanie migratsionnogo faktora na demograficheskii krizis (na primere Italii) [The Impact of the Migration Factor on the Demographic Crisis in Europe (Using Italy as an Example)]. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 1(105). P. 32–45.
- Kudeyarova N. 2019. Ispaniya posle migratsionnogo buma: sotsial'no-ekonomicheskaya i vneshnepoliticheskaya proektsii [Spain after the Immigration Boom: Socio-Economic and Political Perspective]. *Sovremennaya Evropa*. 1(86): 80–91. doi: 10.15211/soveurope120198091
- Lyubart M.K. 2017. Migratsionnyi krizis v Evropeiskom Soyuze 2015–2016: etnoculturniy aspekt [The Migration Crisis in the European Union 2015–2016: Ethnocultural Aspect]. Moscow: IEA RAS. 53 p.
- Mullina D.R., Shmelev D.V. Posicia Germanii v migratsionnom krizise 2015 g. [Germany's Position in the 2015 Migration Crisis]. *Kazan Bulletin of Young Scientists*. 5(2). P. 123–129.

- Muzyka A.S. 2016. Spetsifika sovremennoy migratsionnoy situatsii v Evropeyskom Soyuze [Specifics of the Current Migration Situation in the European Union]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 1: 75–78.
- Ortega Machado S.E., Ryzhov I.V. 2024. Sravnenie migracionnykh politic stran Evropeiskogo Soyuza vo vremya migracionnogo krizisa 2015 goda. [Comparison of Migration Policies of the European Union Countries during the 2015 Migration Crisis]. *Via in tempore. Istoriya. Politologia*, 51(2): 486–495. doi: 10.52575/2687-0967-2024-51-2-486-495
- Pazyna E.O. 2017. Problemy migracionnoy besopasnosti Evropeiskogo soyuza: finansovo-pravovye aspekty [Problems of Migration Security of the European Union: Financial and Legal Aspects]. *Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. P. 199–210.
- Potemkina O.Y. 2016. Migratsionnyy krizis i politika Evropeyskogo soyuza [Migration Crisis and the European Union Policy]. *Aktual'nye problem Evropy*. 4: 38–60.
- Ryzhov I.V., Tikhomirova K.S., Ruchina V.M., Maslanov K.D. 2023. Transformacia migracionnogo zakonodatelstva ES: prichiny i posledstvia [Transformation of EU Migration Legislation: Causes and Consequences]. *Conflictology / nota bene*, (4), 26–46. doi: 10.7256/2454-0617.2023.4.69579
- Tengi A. 2004. Vostochnaya Evropa: migracionniye processy posle rashirenniya ES [Eastern Europe: Migration Processes after EU Enlargement]. *Otechestvennye zapiski*. Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/vostochnaya-evropa-migracziionnye-procressy-posle-rasshireniya-es.html> (date of access 07/07/2024).
- Salacone A. 2017. Migracionnyy krizis v Evrope: vzglyad iz Italii [Migration Crisis in Europe: A View from Italy]. *Bulletin of the Russian State University*. 2(8). Pp. 25–38.
- Shenfeldt A. 2018. Ispol'zovanie politiki v tselyakh razvitiya dlya razresheniya migratsionnogo krizisa v Evrope [The European Development Response to the Refugee and Migration Crisis]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 13(4): 195–212. doi: 10.17323/1996-7845-2018-04-08
- Shumilov M.M., Shmidt O.I. 2023. Migratsionnyy krizis kak narastayushchaya ugroza evropeyskoy bezopasnosti [Migration Crisis as a Growing Threat to European Security (2015–2023)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 8(176): 9–23. doi: 10.22394/1726-1139-2023-8-9-23M
- Gladyshev M., Sychev V. 2020. The Influence of the Migration Crisis of 2015 on the EU Migration Policy. *Studia Europejskie – Studies in European Affairs*, 24(3), 9–23. <https://doi.org/10.33067/SE.3.2020.1>
- Friedery R. 2021. The Development of the German Immigration Policy after 2015: A Balancing Act between Populism and EU Policy. *Slovak Yearbook of European Union Law*, 1(1), pp. 1–8.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 12.01.2025

Received 12.01.2025

Поступила после рецензирования 22.01.2025

Revised 22.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Accepted 30.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дубинин Александр Игоревич, соискатель Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; учитель истории, школа № 777 имени Героя Советского Союза Е.В. Михайлова, г. Москва, Россия

 [ORCID:0009-0004-7237-1676](https://orcid.org/0009-0004-7237-1676)

Alexander I. Dubinin, External Post-Graduate Student, the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia; History Teacher, Hero of the Soviet Union E.V. Mikhailov School No. 777, Moscow, Russia

Коллегаев Егор Александрович, бакалавр истории Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0002-6720-2638](https://orcid.org/0009-0002-6720-2638)

Масланов Константин Дмитриевич, соискатель Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0000-4339-3201](https://orcid.org/0009-0000-4339-3201)

Ортега Мачадо Шарон Элизабет, аспирант Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0009-6270-0567](https://orcid.org/0009-0009-6270-0567)

Egor A. Kollegaev, Bachelor of History, the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

Konstantin D. Maslanov, External Post-Graduate Student, the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

Sharon E. Ortega Machado, Post-Graduate Student, the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 321
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-258-267
Оригинальное исследование

Уровень цифровизации и развитость демократии в разных странах мира: количественный анализ

Воронин В.А.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
E-mail: sevvy@inbox.ru

Аннотация. Настоящая работа направлена на выявление склонности различных стран к построению цифровой демократии исходя из уровней их цифровизации и демократизации. Для этого было проведено количественное исследование с использованием таких методов, как корреляционный анализ и кластерный анализ. Корреляционный анализ показал, что между уровнем цифровизации и развитостью демократии существует умеренная связь, значение коэффициента Пирсона составило 0,56. Посредством кластерного анализа было выявлено 4 группы стран с разной склонностью к построению цифровой демократии. Кластер с наиболее высокими значениями по обоим показателям образовали страны Северной Америки, Западной и Северной Европы, а также некоторые государства Восточной и Юго-Восточной Азии. Наименее склонным к построению цифровой демократии оказался кластер, который включал в себя преимущественно авторитарные государства Азии и Африки с большим разбросом по уровню цифровизации, что свидетельствует о большей склонности их режимов к цифровой автократии.

Ключевые слова: цифровой авторитаризм, цифровая демократия, политический режим, корреляция, кластеры

Для цитирования: Воронин В.А. 2025. Уровень цифровизации и развитость демократии в разных странах мира: количественный анализ. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 258–267. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-258-267

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Level of Digitalization and the Development of Democracy in Different Countries of the World: A Quantitative Analysis

Vsevolod A. Voronin

Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia
E-mail: sevvy@inbox.ru

Abstract. This study aims to investigate the potential for different countries to develop digital democracy, based on their level of digitalization and democratization. To do this, we conducted a quantitative analysis using methods such as correlation and clustering. The correlation analysis revealed a moderate positive relationship between digitalization and democratic development, with a correlation coefficient of 0.56 using a Pearson test. Clustering analysis identified four clusters of countries, based on their propensity for digital democracy. These clusters include North America, Western Europe, Northern Europe, and a few countries in Eastern and Southeast Asia, which have the

high-est levels of digitalization and democracy. On the other hand, the cluster that is least likely to embrace digital democracy consists primarily of authoritarian states in Asia and Africa. These countries have a wide range of digitalization levels, indicating a greater tendency towards digital autocracy rather than democracy. The paper provides examples of digital authoritarianism and reveals the limitations of the research results stemming from the possible incomplete objectivity of the Democracy Index.

Keywords: digital authoritarianism, digital democracy, political regime, correlation, clusters

For citation: Voronin V.A. 2025. The Level of Digitalization and the Development of Democracy in Different Countries of the World: A Quantitative Analysis. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 258–267 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-258-267

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Цифровая демократия – инновационная форма демократии, которая основана на массовом применении современных цифровых технологий в механизмах народовластия. Исследователи выделяют следующие ее элементы: электронное голосование, электронные опросы граждан, электронные петиции, предоставление электронных государственных услуг, электронные консультации, электронные ходатайства, электронное правосудие и прочее электронное взаимодействие граждан и власти [Дзидзоев, Лолаева, 2022]. Среди связанных с цифровой демократией системных элементов политической жизни можно также выделить такой институт, как электронное правительство [Никулина, 2016; Сударев, Мальченков, 2023]. Наличие таких элементов обусловлено рядом факторов.

Развитость цифровой демократии зависит в первую очередь от того, насколько общество той или иной страны в целом демократично (функционируют ли в нем демократические институты), а также от уровня цифровизации в государстве, что является необходимой материальной базой для построения цифровой демократии [Маневский, 2019]. В данном контексте представляется актуальным рассмотреть соотношение этих двух факторов развития цифровой демократии, выявить степень их взаимосвязи, а также определить, какие страны достигли наибольших успехов в созидании рассматриваемых аспектов общественной жизни – политического (непосредственно демократии) и экономико-технического (цифровой системы). Исходя из этого, можно будет определить, насколько те или иные страны склонны к построению полноценной цифровой демократии.

Сразу необходимо отметить, что цифровая демократия не является историческим безальтернативным продолжением демократии как политического режима. Однако она может быть важным элементом политической организации общества, способствующей большему вовлечению граждан в социально-управленческие процессы и обеспечивающей более эффективное и быстрое принятие решений.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является цифровая демократия. *Предметом* же выступила склонность стран к построению цифровой демократии.

Цель исследования – выявить склонность различных стран к построению цифровой демократии в зависимости от уровня цифровизации и развитости демократии.

Для этого необходимо выполнить следующие *задачи*:

- 1) определить основные детерминанты развития цифровой демократии на основе изучения актуальной научной литературы;
- 2) отобрать количественные показатели, которые операционализируют эти детерминанты;
- 3) провести корреляционный анализ для выявления степени связи между отобранными для исследования показателями;
- 4) провести кластерный анализ и определить основные группы стран по их склонности к построению цифровой демократии.

Были выдвинуты следующие *гипотезы*:

- 1) цифровизация не всегда способствует демократизации;
- 2) некоторые технологически развитые страны будут оставаться авторитарными;
- 3) наиболее склонными к построению цифровой демократии будут западноевропейские и североевропейские страны.

В ходе работы были использованы такие количественные *методы*, как корреляционный анализ (в программе Excel) и кластерный анализ (в программе JASP). Для проведения исследования были отобраны государства по двум показателям – *глобальный индекс цифровизации (GDI)* и *индекс демократии (DI)*. Первый был составлен в 2024 году компанией Huawei совместно с международным консалтинговым агентством IDC. Он отражает достижения стран по внедрению информационных технологий. Составляется данный индекс по 4 показателям: «повсеместная связь», «цифровая основа» (применение автоматизированных способов работы с данными), «зеленая энергетика» (так как потенциально может обеспечивать развитие цифровых технологий) и «поддерживающая политика» (в области ИКТ). В данный индекс входит 77 стран, на которые приходится 80 % мирового населения. В выборку вошли все государства из глобального индекса цифровизации. Все эти страны присутствуют также в индексе демократии, который ежегодно составляется сотрудниками Economist Intelligence Unit и включает в себя экспертную оценку и результаты массовых опросов, касающихся избирательного процесса и плюрализма, деятельности правительства, политического участия, политической культуры, а также гражданских свобод.

Результаты исследования

Есть популярное мнение, что цифровизация способствует демократизации общества [Study on the impact...; The positive impact...]. В информационном обществе граждане имеют больше возможностей для получения информации о политике, объединения друг с другом, обмена мнениями и т. д. [Мясников, Воробьев, Прохоров, 2024, How is digital technology...]. Для проверки данного положения как обязательного правила был проведен *корреляционный анализ*.

Данные по цифровизации [Global Digitalization Index...] были соотнесены с индексом демократии [Democracy Index by Country...] этих стран. Коэффициент корреляции между показателями по формуле Пирсона составил 0,56. Данное значение хоть и является статистически значимым, все же не свидетельствует о высоком уровне взаимосвязи. Так, некоторые страны были сильно отдалены от зоны основного рассеяния. Следовательно, цифровизацию нельзя назвать главной детерминантой демократизации общества. На диаграмме (рис. 1) видны страны, которые достаточно развиты в технологическом плане, однако демократиями не являются.

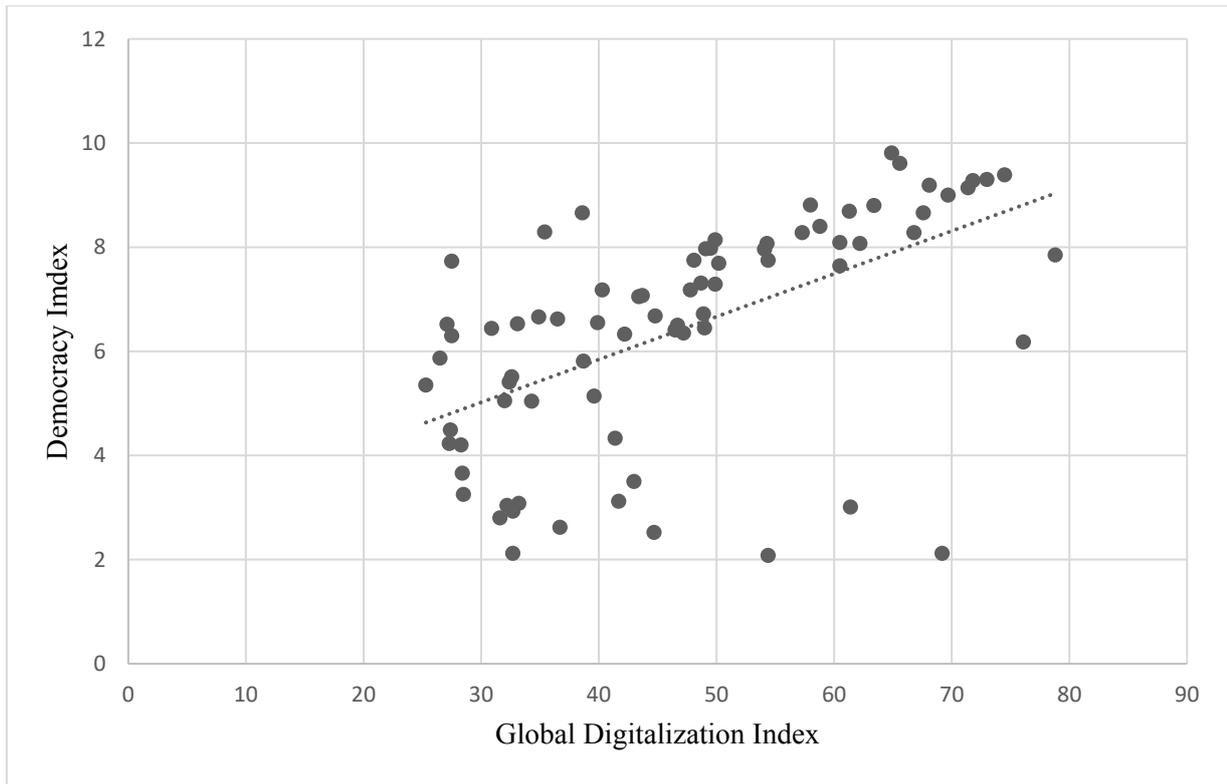
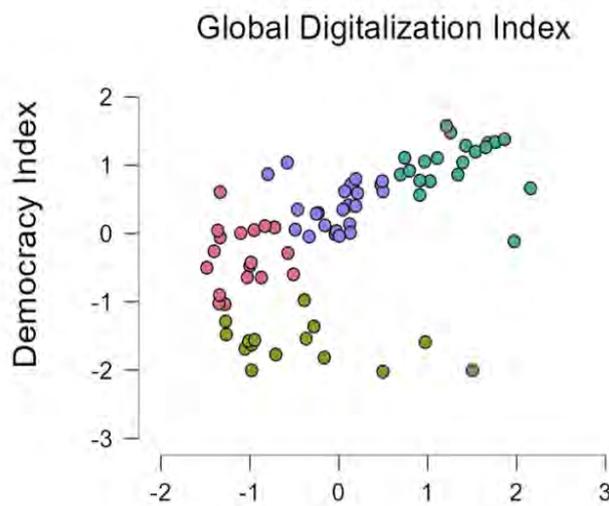

Рис. 1. Диаграмма рассеяния стран по показателям GDI и DI
Fig. 1. The dispersion diagram of countries by GDI and DI indicators

Вторым аспектом эмпирической части исследования стал *кластерный анализ*, с помощью которого были выделены группы стран с различным уровнем склонности к цифровой демократии. Результаты анализа представлены ниже (рис. 2–3, таб. 1).

Cluster Matrix Plot

Cluster Mean Plots

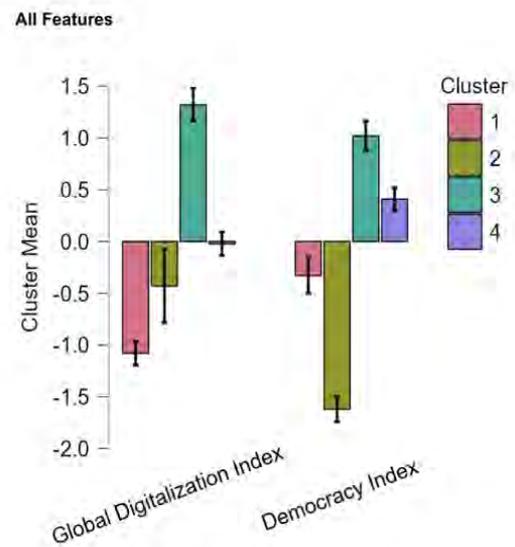

Рис. 2. Кластерная матрица и график средних значений
Fig. 2. Cluster matrix and cluster mean plots

Cluster Density Plots

All Features

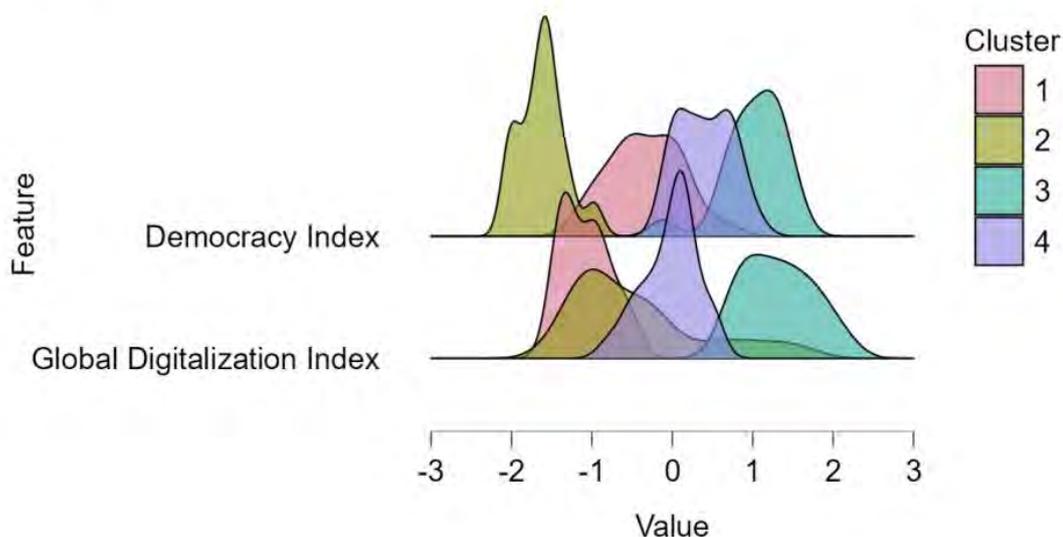

Рис 3. Графики плотности кластеров
 Fig. 3. Cluster density plots

Таблица 1
 Table 1

Распределение стран по кластерам Distribution of countries by clusters

Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4
Аргентина	Алжир	Австралия	Бразилия
Бангладеш	Азербайджан	Австрия	Болгария
Боливия	Бахрейн	Бельгия	Чили
Ботсвана	Китай	Канада	Колумбия
Доминиканская республика	Египет	Дания	Коста-Рика
Эквадор	Иордания	Финляндия	Хорватия
Гана	Казахстан	Франция	Чехия
Индонезия	Кувейт	Германия	Эстония
Кения	Оман	Ирландия	Греция
Мексика	Пакистан	Япония	Венгрия
Марокко	Саудовская Аравия	Люксембург	Индия
Намибия	Турция	Нидерланды	Италия
Нигерия	Объединенные Арабские Эмираты	Новая Зеландия	Литва
Перу	Узбекистан	Норвегия	Малайзия
Филиппины	Вьетнам	Сингапур	Польша
Танзания		Южная Корея	Португалия
Тунис		Швеция	Румыния
Уганда		Швейцария	Сербия
		Великобритания	Словакия
		Соединенные Штаты Америки	Словения
			Южноафриканская республика
			Испания
			Таиланд
			Уругвай

Выявленные кластеры были охарактеризованы по степени склонности к построению цифровой демократии:

- *Наиболее склонные к построению цифровой демократии.* Так можно охарактеризовать государства, попавшие в 3-й кластер. Это преимущественно либерально-демократические страны (исключение составляет лишь Сингапур), которые наиболее развиты технологически, а также в экономическом плане в целом.

- *Скорее склонные к построению цифровой демократии.* Сюда вошли государства 4-го кластера. Эти страны менее демократические и в большинстве своем менее развитые (Южная Европа, Восточная Европа, некоторые страны Азии и Латинской Америки). Однако данные страны продолжают активно цифровизироваться, что позволяет говорить об их потенциале.

- *Скорее не склонные к построению цифровой демократии.* Это страны 1-го кластера. Данные государства являются недемократическими. Преимущественно это страны Латинской Америки, Африки и Азии. Режимы в них в основном гибридные – формально там есть институты президентства, парламента и т. д., однако в действительности демократические механизмы в данных странах практически не работают. В технологическом и экономическом плане страны также развиты слабо.

- *Не склонные к построению цифровой демократии.* В странах 2-го кластера функционируют гибридные и авторитарные режимы, у которых при этом большой разброс по уровню технологической развитости. Так, в данный кластер вошли технологически развитые Китай, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, представляющие собой автократии.

Вдоль расположения 3-го, 4-го и 1-го кластеров видна линия тренда. Страны идут, с одной стороны, по пути развития цифровых технологий, с другой – по пути демократизации. Возвращаясь к предмету и результатам корреляционного анализа, необходимо отметить, что в некоторых случаях дальнейшая цифровизация действительно может способствовать там демократизации и в конечном итоге – построению цифровой демократии.

Однако у большинства стран 2-го кластера ситуация сложнее. Многие страны из этого кластера уже начали процесс цифровизации в условиях автократии, некоторые из них добились значимых социально-экономических успехов, что дает их режимам дополнительную легитимность. В таких условиях может сработать эффект колеи, который гласит о том, что становление институтов и выбор направления развития в прошлом во многом определяет процессы будущего. И из такой колеи, заключающейся в господстве сильной власти, стране выйти достаточно трудно. В таком случае развитие цифровизации может способствовать дальнейшему укреплению власти государства, лишению граждан приватности, так как цифровые технологии позволяют контролировать и ограничивать многие аспекты жизни граждан (онлайн-цензура, онлайн-слежка и т. д.). Помимо прямого ограничительного вмешательства, правительства могут использовать интернет для манипулирования информацией, усиления контроля, а также легитимации власти [Власова, 2020]. Феномен электронного (сетевое) авторитаризма исследовал Ю.А. Кабанов. Учёный отмечает, что, с одной стороны, технологии в таких странах позволили свободно общаться в сети, однако в то же время власть выступает как участник и даже регулятор интернет-пространства [Кабанов, 2016].

Необходимо привести конкретные примеры возможных проявлений цифрового авторитаризма. Например, в Китае действует система социального рейтинга. Несмотря на широкую общественную поддержку данного нововведения, оно включает в себя риски, связанные с возможностью проведения цифрового надзора, наложения ограничений на регистрацию бизнеса или занятие должностей, а также на доступ к государственным услугам [Xu, Kostka, Cao, 2022]. Западными исследователями также активно исследуются

проявления цифрового авторитаризма в Саудовской Аравии [Jones, 2022; Schmidt-Feuerheerd, 2024]. Так, правительство государства использует программу Pegasus для взлома смартфонов оппозиционных активистов, журналистов и правозащитников. Имеет место активная блокировка нежелательных сайтов, а также сбор данных общественного мнения посредством искусственного интеллекта с целью выявления потенциальных угроз режиму. Последний представляет собой особый феномен, который способен содействовать манипулированию информацией [Хайруллова, 2023].

Дискуссия и ограничения

Важно отметить, что склонность различных государств к построению цифровой демократии не иллюстрирует напрямую эффективность управления внутри них. Также исследование не предполагает идеологической или моральной оценки политических режимов данных стран, так как совокупность методов регуляции и способов взаимодействия государства и общества может определяться историческими условиями [Huntington, 1991], политической культурой населения [Inglehart, 1997], внешними факторами [Першина, 2007] и т. д. Результаты же данной работы показывают вариативность становления политических режимов в условиях цифровизации. При этом склонность той или иной страны к цифровой демократии, выраженная к принадлежности к кластеру, не является прогнозом. Это позволяет сделать допущение, что некоторые демократические страны при наличии определенных условий в будущем могут пойти по пути цифрового авторитаризма (и наоборот).

Необходимо также учитывать, что политические режимы различных стран могут сочетать в себе как демократические, так и авторитарные элементы [Гарбузарова, 2024]. Так, например, во многих западных либерально-демократических странах (в частности, в ЕС) в 2022 году были заблокированы нежелательные российские информационные ресурсы – «РИА Новости», «Russia Today», «НТВ», «Россия-1» и другие [В Евросоюзе начали блокировать...], что можно рассматривать как желание ограничить гражданам доступ к источникам с альтернативным взглядом на некоторые события в мировой политике. Таким образом, наличие политической конкуренции на выборах может сочетаться с лимитацией свободы СМИ. Следовательно, возможное ограничение результатов исследования может заключаться в неполной объективности такого показателя, как индекс демократии, который основывается в том числе на мнениях экспертов, которые могут включать в себя долю субъективности. Вместе с тем гносеологическая ценность работы заключается в возможности продолжить исследование в данном направлении с использованием других количественных показателей при сохранении выработанной методологии.

Заключение

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что выдвинутые в начале работы гипотезы в целом подтвердились. Как показал корреляционный анализ, сравнительно цифровизированные страны не всегда имели высокий показатель по индексу демократии, что не позволяет говорить о строгой причинно-следственной связи рассматриваемых явлений. По склонности к построению цифровой демократии было выделено четыре группы стран (кластера). Большую часть стран третьего кластера (наиболее склонного к построению цифровой демократии) составили страны Западной и Северной Европы. Вместе с тем в этот же кластер вошли страны из Северной Америки, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Таким образом, связь между демократизацией и цифровизацией есть, но ее характер не позволяет утверждать, что цифровизация влияет на становление демократии. Следовательно, сама по себе цифровизация без устойчивых демократических институтов

не способна привести общество к цифровой демократии. В качестве альтернативного пути развития политического режима в условиях цифровизации можно выделить цифровой авторитаризм, который складывается в некоторых азиатских и африканских странах. Из этого можно сделать вывод, что процесс цифровизации предполагает разные варианты развития политических режимов. Он не только не всегда предполагает движение в сторону демократии, но и дает авторитарным режимам новые возможности сохранения существующей политической конъюнктуры.

Благодарность

Автор выражает благодарность научному руководителю, кандидату политических наук, доценту кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета Мартьянову Денису Сергеевичу.

Список источников

- В Евросоюзе начали блокировать сайты российских СМИ. 2024. Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/26/v-evrosoyuze-nachali-blokirovat-sayty-rossiyskih-smi/> (дата обращения: 20.01.2025)
- Democracy Index by Country. World Population Review. Available at: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/democracy-index-by-country> (дата обращения: 20.11.2024)
- Global Digitalization Index (GDI). 2024. Available at: <https://www.huawei.com/en/gdi> (дата обращения: 20.11.2024)
- How is digital technology affecting democracy? University of Sheffield. Department of Politics and International Relations. Available at: <https://www.sheffield.ac.uk/politics/research/how-digital-technology-affecting-democracy> (дата обращения: 19.01.2025)
- Study on the impact of digital transformation on democracy and good governance. Council of Europe. 2021. Report. Available at: <https://rm.coe.int/study-on-the-impact-of-digital-transformation-on-democracy-and-good-go/1680a3b9f9> (дата обращения: 19.01.2025)
- The positive impact of digitalization on democracy – best practices on e-governance from Ghana, Estonia, and India. Supporting democracy worldwide. Available at: <https://www.idea.int/news/positive-impact-digitalization-democracy-best-practices-e-governance-ghana-estonia-and-india> (дата обращения: 19.01.2025)

Список литературы

- Власова О.Ю. 2020. Цифровой авторитаризм и электронная демократия: содержание и границы. *Studia Humanitatis*. 3: 6–29.
- Гарбузарова Е.Г. 2024. Особенности политических процессов в странах Центральной Азии на современном этапе. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 26(3): 477–490. doi: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-477-490
- Дзидзоев Р.М., Лолаева А.С. 2022. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2: 14–20. doi: 10.31429/20785836-14-2-14-20.
- Кабанов Ю.А. 2016. Электронный авторитаризм (Институт электронного участия в недемократических странах). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 4(83): 36–55.
- Мальченков С.А., Сударев А.А. 2023. Цифровая демократия как новая форма народовластия: преимущества и недостатки. *Огарёв-Online*. 8(193): 1–8.
- Маневский Е.В. 2019. Факторы развития электронной демократии в современном обществе. *Политика и общество*. 2: 15–20. doi: 10.7256/2454-0684.2019.2.21852.
- Мясников А.И., Воробьев М., Прохоров А.В. 2024. Интернет-дискурс современных общественно-политических движений как способ саморепрезентации (на примере движения желтых

- жилетов). Вестник СНО Санкт-Петербургского университета. Науки об обществе. 1(1): 32–49. doi.org/10.21638/spbu36.2023.102
- Никулина Ю.В. 2016. Цифровая демократия и электронное участие в информационном обществе. Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 15: 97–104.
- Першина Е.В. 2007. Внешний фактор трансформации тоталитарных режимов на примере стран Восточной Европы. Автореф. дис. канд. полит. наук. Уфа: Башкирский государственный университет, 142.
- Хайруллова А.В. 2023. Использование искусственного интеллекта «Единой Россией» на губернаторских выборах 2023 г. Новая политическая реальность: возможности и вызовы: Сборник тезисов XIV Международной молодежной научной конференции, Санкт-Петербург, 18 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт». 25–26.
- Jones M.O. 2022. Digital Repression for Authoritarian Evolution in Saudi Arabia. In: *New Authoritarian Practices in the Middle East and North Africa*. Cambridge University Press.
- Huntington S.P. 1991. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. University of Oklahoma Press.
- Inglehart R. 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton University Press.
- Schmidt-Feuerheerd B. 2024. Collaborative Authoritarianism and its Unintended Consequences. *Democratization*, 1–21. <https://doi.org/10.1080/13510347.2024.2432018>
- Xu X., Kostka G., & Cao X. 2022. Information Control and Public Support for Social Credit Systems in China. *The Journal of Politics*, 84(4), 2230–2245. <https://doi.org/10.1086/718358>

References

- Vlasova O.Yu. 2020. Tsifrovoy avtoritarizm i elektronnoy demokratija: sodержanie i granitsy [Digital Authoritarianism and Electronic Democracy: Content and Boundaries]. *Studia Humanitatis*. 3: 6–29.
- Garbuzarova E.G. 2024. Osobennosti politicheskix processov v stranax Central'noj Azii na sovremennom etape [Features of Political Processes in Central Asian Countries at the Present Stage]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija*. 26(3): 477–490. doi: 10.22363/2313-1438-2024-26-3-477-490.
- Dzidzoev R.M., Lolaeva A.S. 2022. Tsifrovaja (jelektronnoy) demokratija v Rossii: ponjatije i predely [Digital (Electronic) Democracy in Russia: Concept and Limits]. *Juridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 14–20. doi: 10.31429/20785836-14-2-14-20.
- Kabanov Yu.A. 2016. Jelektronnyj avtoritarizm (Institut jelektronnogo uchastija v nedemokraticeskix stranax) [Electronic Authoritarianism (Institute of Electronic Participation in Non-Democratic Countries)]. *Politija: Analiz. Xronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*. 4(83): 36–55.
- Mal'chenkov S.A., Sudarev A.A. 2023. Tsifrovaja demokratija kak novaja forma narodovlastija: preimushhestva i nedostatki [Digital Democracy as a New Form of Popular Sovereignty: Advantages and Disadvantages]. *Ogaryov-Online*. 8(193): 1–8.
- Manevskij E.V. 2019. Faktory razvitija jelektronnoj demokratiji v sovremennom obshhestve [Factors in the Development of Electronic Democracy in Modern Society]. *Politika i obshhestvo*. 2: 15–20. doi: 10.7256/2454-0684.2019.2.21852.
- Myasnikov A.I., Vorob'ev M., Proxorov A.V. 2024. Internet-diskurs sovremennyx obshhestvenno-politicheskix dvizhenskij kak sposob samoreprezentacii (na primere dvizhenskij zheltyx zhiletov) [Internet Discourse of Contemporary Socio-Political Movements as a Way of Self-Representation (On the Example of the Yellow Vests Movement)]. *Vestnik SNO Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki ob obshhestve*. 1(1): 32–49. doi.org/10.21638/spbu36.2023.102.
- Nikulina Yu.V. 2016. Tsifrovaja demokratija i jelektronnoe uchastie v informacionnom obshhestve [Digital Democracy and Electronic Participation in the Information Society]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly. Filosofsko-gumanitarnye nauki*. 15: 97–104.
- Pershina E.V. 2007. Vneshnij faktor transformacii totalitarnyx rezhimov na primere stran Vostochnoj Yevropy [External Factor in the Transformation of Totalitarian Regimes: The Example of Eastern European Countries]. *Avtoreferat dis. kand. polit. nauk*. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet, 142.

- Khayrullova A.V. 2023. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta "Yedinoy Rossiey" na gubernatorskix vyborax 2023 g. [The Use of Artificial Intelligence by "United Russia" in the 2023 Gubernatorial Elections]. *Novaya politicheskaya real'nost': vozmozhnosti i vyzovy: Sbornik tezisov XIV Mezhdunarodnoj molodezhnoy nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 18 noyabrya 2023 goda.* – Sankt-Peterburg: OOO "Skifiya-print". 25–26.
- Jones M.O. 2022. Digital Repression for Authoritarian Evolution in Saudi Arabia. In: *New Authoritarian Practices in the Middle East and North Africa.* Cambridge University Press.
- Huntington S.P. 1991. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century.* University of Oklahoma Press.
- Inglehart R. 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies.* Princeton University Press.
- Schmidt-Feuerheerd B. 2024. Collaborative Authoritarianism and its Unintended Consequences. *Democratization*, 1–21. <https://doi.org/10.1080/13510347.2024.2432018>
- Xu X., Kostka G., & Cao X. 2022. Information Control and Public Support for Social Credit Systems in China. *The Journal of Politics*, 84(4), 2230–2245. <https://doi.org/10.1086/718358>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.01.2025

Received 15.01.2025

Поступила после рецензирования 25.01.2025

Revised 25.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Accepted 30.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Воронин Всеволод Алексеевич, студент бакалавриата факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Vsevolod A. Voronin, Undergraduate Student at the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0009-0002-2859-6427](https://orcid.org/0009-0002-2859-6427)

УДК – 327

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-268-276

Оригинальное исследование

Экологическая политика Саудовской Аравии в XXI веке

Колычева С.К. , Урывский А.П. , Фомичев Н.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: kolycheva@bsuedu.ru, uryvsky@bsuedu.ru, fomichev@bsuedu.ru

Аннотация. В статье произведен анализ ключевых элементов экологической политики Саудовской Аравии в рамках внутригосударственной, региональной и общемировой борьбы с изменениями климата, опустыниванием, выбросами парниковых газов и т. д. Был также сделан вывод, что «зеленая» политика Королевства, осуществляемая за счет создания инициатив «Зеленая Саудовская Аравия» и «Зеленый Ближний Восток», является на сегодняшний день одним из качественных примеров борьбы с изменением климата на всех уровнях, в том числе возможности расширения международного сотрудничества. Данное утверждение подтверждается уровнем эффективности в сфере экологии, в рамках которого Саудовская Аравия показала одни из самых лучших результатов по сравнению с другими государствами, экологические достижения которых на протяжении с 2014 по 2024 годы были значительными, но потребовали большего времени на реализацию и восстановление, чем у КСА. Государство также берет во внимание свою энергетическую политику, поскольку она напрямую сопряжена с экологической безопасностью страны. Саудовская Аравия реализует программы по улучшению условий проведения энергетических и экологических инициатив, в том числе привлекая ближневосточные государства, формируя этим решением политику «сплочения» арабских стран на глобальном уровне, обеспечивая сохранение существующей экосистемы в регионе. И, наконец, в исследовании было отмечено, что Королевство Саудовская Аравия на сегодняшний день выстраивает «внеблоковую» политику, расширяя свои возможности в области обеспечения экологической эффективности государства на мировом уровне и роста престижа Королевства как «зеленой» страны в общемировом рейтинге.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Ближний Восток, изменение климата, Инициатива «Зеленая Саудовская Аравия», Инициатива «Зеленый Ближний Восток», циркулярная углеродная экономика, возобновляемые источники энергии

Для цитирования: Колычева С.К., Урывский А.П., Фомичев Н.Н. 2025. Экологическая политика Саудовской Аравии в XXI веке. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 268–276. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-268-276

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Saudi Arabia's Environmental Policy in the 21st Century

Sabina K. Kolycheva , Andrey P. Uryvsky , Nikolay N. Fomichev

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: kolycheva@bsuedu.ru, uryvsky@bsuedu.ru, fomichev@bsuedu.ru

Abstract. The article delves into the intricate details of Saudi Arabia's ecological strategy within the context of domestic, regional, and global efforts to address climate change, desertification, and greenhouse gas emissions. It is evident that the kingdom's proactive approach manifested through initiatives such as "Green Saudi Arabia" and the broader "Green Middle East", stands as a prime example of effective climate change

mitigation efforts. This approach not only demonstrates a commitment to local action but also presents itself as a model for international cooperation in this critical area. The analysis further underscores Saudi Arabia's success in ecological endeavors, highlighting its notable achievements compared to other nations. The pace of implementation and restoration in Saudi Arabia appears to be more rapid and substantial than in some other countries, making it a standout example of progress in environmental stewardship. The government of Saudi Arabia also takes into account its energy policy, as it is closely linked to the environmental security of the country. The Kingdom is implementing programs aimed at improving the conditions for energy initiatives and environmental protection, including cooperation with Middle Eastern states. This includes the formation of a policy of “uniting” Arab countries at the regional level and ensuring the preservation of the existing ecosystem. Furthermore, the study highlighted that Saudi Arabia is pursuing a “non-aligned” policy, focusing on enhancing its capacity to ensure environmental sustainability on a global scale, thereby enhancing the Kingdom's reputation as a “green” nation in global rankings.

Keywords: Saudi Arabia, Middle East, climate change, Green Saudi Arabia Initiative, Green Middle East Initiative, circular carbon economy, renewable energy sources

For citation: Kolycheva S.K., Uryvsky A.P., Fomichev N.N. 2025. Saudi Arabia's Environmental Policy in the 21st Century. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 268–276 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-268-276

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В XXI веке вопросы сохранения окружающего мира и улучшения экологической ситуации рассматриваются не только в отдельных государствах, но и в регионах мира. Наряду с большим количеством проблем, связанных с опустыниванием, эрозией почвы, засолением, истощением ресурсов и т. д., политика стран Ближнего Востока в области разработок повесток и программ по решению экологических проблем является актуальной на сегодняшний день, поскольку процесс расширения механизмов и методик на внутригосударственном уровне в дальнейшем даст возможность для реализации собственных идей на международном и глобальном уровне.

Королевство Саудовская Аравия (КСА) как одно из крупнейших государств-экспортеров нефти в XXI столетии столкнулось с рядом экологических проблем, которые так или иначе связаны с энергетической политикой государства за последние несколько лет. В связи с этим Королевство разработало ряд экологических инициатив, предназначенных для увеличения охраняемых природных территорий, сокращения выбросов углерода и разработку экологических проектов по возобновляемым источникам энергии, которые требуют анализа.

Целью данной статьи является исследование и анализ ключевых сфер и деятельности в области принятия экологических решений, программ и инициатив Королевства Саудовская Аравия, в том числе обоснование современной политики государства в контексте меняющейся международной обстановки.

Объект, методы и материалы исследования

Объектом исследования является экологическая политика Саудовской Аравии, направленная на развитие «экобудущего» как на внутригосударственном уровне, так и на региональном и глобальном. В работе используется метод аналитического исследования первоисточников, государственных программ Королевства Саудовская Аравия, который позволяет проанализировать и сравнить содержание документов, представляющих актуальную информацию для формирования выводов о дальнейших перспективах и значимости экологической политики КСА для международной

организации БРИКС в условиях трансформации геополитического пространства на международной арене.

Кроме того, в работе был использован метод качественного контент-анализа, позволивший выявить и выделить ключевые положения государственных программ в экологической сфере, определить перспективные цели Саудовской Аравии в области разработки механизмов для улучшения качества жизни как на региональном, так и на международном уровне. В качестве материалов исследования были использованы документы существующих инициатив «Зеленая Саудовская Аравия» и «Зелёный Ближний Восток», а также статистические данные об экологических изменениях в странах мира, которые позволили сравнить предлагаемые документы и сделать вывод об улучшении и представленности государственной политики в глобальном измерении.

Анализ темы исследования и его обсуждение

В январе 2016 года была разработана Национальная программа трансформации в рамках поддержки формировавшегося глобального проекта «Vision 2030». Данная программа содержала не только стратегические цели, но и прогнозируемые результаты деятельности, включая [National Transformation Program, 2020]:

- в сфере экономики и экологии: развитие частного сектора и активизация экологического направления как ключевого аспекта устойчивого развития;
- в сфере сохранения окружающей среды, водных ресурсов и сельского хозяйства: содействие достижению устойчивой продовольственной безопасности, оптимальное и рациональное использование возобновляемых водных ресурсов;
- в сфере энергетики: увеличение нефтяного экспорта, укрепление стратегических рынков, повышение эффективности использования топлива в электроэнергетическом секторе, сокращение выбросов при потреблении топлива, а также развитие стратегических направлений сотрудничества в производственном секторе и обеспечение вклада атомной энергетики в национальный энергетический баланс в соответствии с государственными и международными обязательствами.

Еще во время председательства на саммите G20 в Эр-Рияде КСА в 2020 году запустило концепцию циркулярной углеродной экономики, которая была одобрена «Большой двадцаткой» как интегрированная и всеобъемлющая основа для решения проблем, которые были связаны с выбросами парниковых газов, и управления ими с помощью различных доступных технологий [Басангов, Игнатов, 2019, с. 657]. Данное решение представляло собой экономически устойчивый способ управления выбросами с использованием общей схемы: снижение – вторичное использование – ротация – удаление, поскольку все элементы и цели схемы соответствуют программе «Vision 2030», направленной на достижение социальных преобразований и более устойчивого экономического роста путем согласования и работы со всеми секторами развития Королевства.

В Саудовской Аравии на сегодняшний день действуют два экологических проекта: инициативы «Зеленая Саудовская Аравия» [Saudi Green Initiative, 2021] и «Зеленый Ближний Восток» [Middle East Green Initiative, 2021], которые имеют долгосрочную перспективу на ближайшие десятилетия для государства как на государственном, так и на глобальном уровне, поскольку основной из задач проектов выступала высадка более 10 миллиардов деревьев для восстановления почвы и сокращения опустынивания.

Что касается первого пакета инициатив, то задачи в рамках проекта заключаются в следующем:

- активизация усилий по повышению качества жизни и защите будущих поколений КСА за счет увеличения зависимости от чистой энергии;

- сокращение выбросов углерода к 2030 году на 278 миллионов тонн ежегодно;
- высадка более 450 миллионов деревьев и восстановление при помощи этого 8 миллионов гектаров деградированных и новых земель;
- присоединение и работа в рамках различных организаций: Всемирная федерация океанов, Глобальное обязательство по метану, Альянс по ликвидации пластиковых отходов в океанах и на пляжах, Соглашение о спорте ради борьбы с изменением климата, Глобальный центр по устойчивому туризму и некоммерческому фонду для изучения моря и океана;

- выделение инвестиционного пакета для развития «зеленой» экономики, созданию рабочих мест и предоставление широкого спектра возможностей для частного сектора.

Следовательно, в рамках формирования экологической политики государства возникает необходимость учитывать цели Энергетической стратегии КСА [Integrated Energy Strategy, 2016]. Так, Министерство энергетики выделяет самые известные проекты Саудовской Аравии в данном направлении:

- интегрированная энергетическая стратегия, включающая в себя вопросы по углеводороду, возобновляемой энергии и сектору электричества;

- проект по утверждению данных офисом администрации: разработка политики и возможностей, связанных с управлением данных энергетического сектора;

- проект по разработке информационного центра, содержащего данные по различным секторам энергетики: предоставление экономической аналитики и бизнес-аналитики для поддержки лиц, которые принимают решения в энергетическом секторе; сбор, хранение и интеграция данных в единой среде; расширение возможностей служб бизнес-аналитики, моделирования и отчетности; гармонизация и обеспечение возможности перехода к цифровым технологиям и интеграции между различными рабочими группами министерства энергетики и других госструктур.

Таким образом, политика, направленная для обеспечения устойчивого развития КСА, подразумевает разработку механизмов и технологий для исследования энергетического сектора, в том числе использования возобновляемых источников энергии, а также интеграции сектора электроэнергии за счет развития цифрового пространства и т. д.

Кроме того, одной из основных целей в рамках Инициативы «Зеленая Саудовская Аравия» является обеспечение естественной среды обитания для местных видов растений и животных, поскольку государство взяло на себя обязательство по защите 30 % своих земельных и морских территорий к 2030 году совместно с Международным союзом охраны природы. Поставленная цель стремительно начала приносить свои плоды: 25 миллионов долларов выделяется на защиту арабского леопарда, более 7 тысяч животных, которые были выпущены в естественную среду обитания с 2021 года, и т. д. [SGI target: protecting..., 2024]

Среди прилагаемых усилий государства в рамках Инициативы можно выделить также:

- разработку программ мониторинга и оценки с целью изучения и отслеживания эффективности программ по охране территорий;

- поддержку экосистем для сохранения находящихся под угрозой видов;

- консультации с экспертами для разработки программ и планов реализации политики;

- использование новейших технологий, картирование границ охраняемых территорий на суше и море;

- обучение персонала для обеспечения качества управления охраняемыми территориями.

Программа по возобновляемой энергии также стоит как одна из ключевых инициатив в рамках обеспечения экологической безопасности Саудовской Аравии. Она включает в

себя инициативы, которые интегрируются с углеводородными ресурсами в производстве энергии, поскольку государство имеет особое географическое и климатическое положение, что позволяет получить выгоду от данного сектора и усилить действия в области диверсификации источников энергии. В связи с этим КСА стремится укрепить и расширить свою глобальную лидирующую позицию в области нефти, а также других источников энергии.

Особенно важной является и вторая инициатива «Зеленый Ближний Восток». Следует отметить, что она носит региональный характер, поскольку основной целью является снижение воздействия изменений климата на регион и совместная работа для достижения задач глобальных действий по борьбе с изменением климата. Другими словами, расширяя региональное сотрудничество и создавая инфраструктуру для сокращения выбросов и защиты окружающей среды, Инициатива имеет все шансы на успех в глобальном измерении, обеспечивая при этом экономическое процветание региона в долгосрочной перспективе [The Green Middle..., 2024].

Еще в ноябре 2022 года Его Высочество наследный принц Королевства Саудовская Аравия Мухаммед бен Салман бин Абдулазиз Аль Сауд объявил, что сформирует и разместит у себя Генеральный секретариат Инициативы, выделив при этом 2,5 миллиарда долларов США на поддержку проектов инициативы и управленческой деятельности, чтобы ускорить их реализацию. Так как на сегодняшний день изменение климата происходит с невероятной скоростью, Инициатива направлена на объединение усилий лидеров ближневосточного региона; снижение экономического ущерба от пыльных бурь в регионе, который составляет 13 миллиардов долларов каждый год. Среди 30 стран, поддерживающих данную Инициативу, можно выделить государства-члены БРИКС: Российскую Федерацию, КНР, Индию, Бразилию, ОАЭ, ЮАР, Египет, которые согласились поддерживать усилия региона по сокращению выбросов углекислого газа и по посадке 50 миллиардов деревьев на Ближнем Востоке, то есть мелиорации земель и борьбе с опустыниванием [MGI target: grow..., 2024].

Кроме того, в рамках курса на достижение целей устойчивого развития ООН Саудовский Государственный инвестиционный фонд стал всё больше финансировать различные проекты по развитию альтернативной энергетики, к примеру, проекты ACWA Power, Sudair, Shuaiba и т. д., направленные на формирование долгосрочного энергетического будущего за счет роста потребления солнечной энергии [Кулькова, 2023, с. 153].

Вдобавок в рамках достижения глобального взаимодействия за счет регионального сотрудничества КСА работает над созданием региональных центров и программ, что требует разработки определенных процедур, которые способствовали бы расширению взаимодействия. Среди таких КСА выделяет:

1. Процедура 1 – ведущее региональное сотрудничество. На встрече в Эр-Рияде 2022 года государства-учредители согласовали структуру управления деятельностью по посадке лесов, а также одобрили ее уже на саммите в Шарм-эль-Шейхе.

2. Процедура 2 – понимание влияния изменения климата на регион Ближнего Востока и Северной Африки. Среди стран, которые задействованы в рамках Инициативы, региональный центр исследований изменения климата будет играть важную роль для роста инновационного потенциала государств.

3. Процедура 3 – увеличение количества осадков в ближневосточном регионе. Для обеспечения роста растительности региональная программа по засеву облаков способствует увеличению количества осадков, которые уже станут шагом к улучшению качества воздуха.

4. Процедура 4 – превентивные предупреждения для смягчения последствий ураганов. В данном случае работа возлагается на Центр раннего предупреждения о штормах.

5. Процедура 5 – сотрудничество по защите биоразнообразия. Региональный центр устойчивого развития рыболовства берет обязательства по обеспечению процветания и защиты морской жизни.

Следовательно, Инициатива Саудовской Аравии преследует одну ключевую цель – воодушевление и привлечение других государств к формированию «зеленого» низкоуглеродного будущего в рамках уже глобального воздействия, поскольку КСА стремится мобилизовать усилия для сокращения выбросов углекислого газа при добыче нефти в регионе более чем на 60 %, что в эквиваленте CO₂ на 670 миллионов тонн включает абсолютно все вклады государств ближневосточного региона. Так, Инициатива станет катализатором сотрудничества на самых высоких уровнях правительства, что позволит компаниям и организациям гражданского общества расширять программы улавливания углекислого газа, инвестирования в проекты «зеленой» экономики и росту возобновляемых источников энергии. Исходя из этого, также определяются ряд процедур по достижению ключевой цели [MGI target: support..., 2024]:

1. Процедура 1 – мобилизация усилий ближневосточного региона. Все лидеры государств Ближнего Востока должны объединиться для построения лучшего будущего для всех.

2. Процедура 2 – укрепление действий и опыта стран Ближнего Востока и Северной Африки в области циркулярной углеродной экономики. В ходе проведения конференции COP27 КСА объявило о создании «Центра знаний по циркулярной углеродной экономике», который стал региональной площадкой между государствами в области разработки технологий в данном секторе.

3. Процедура 3 – сокращение выбросов в регионе. Саудовская Аравия активно сотрудничает с Экономической и социальной комиссией ООН для Западной Азии (ЭСКЗА) над созданием регионального центра.

4. Процедура 4 – привлечение инвестиций для создания новейших технологий по улавливанию и хранению углерода.

5. Процедура 5 – снижение интенсивности выбросов от приготовленной пищи, то есть использование чистых источников топлива.

6. Процедура 6 – создание регионального фонда, который будет заниматься вопросами инвестиций в экологически чистые технологические решения и «зеленую» инновационную политику.

Если сравнить разработанные государством инициативы, то можно прийти к выводу, что программа «Зеленый Ближний Восток» является архиактуальной на сегодняшний день, поскольку имеет более расширенный спектр задач и целей, результат которых может оказать влияние на глобальном уровне, а не только на региональном.

Кроме того, климатическая повестка последних лет позволила Саудовской Аравии активизировать усилия по разработке механизмов и программ в рамках уже многосторонней дипломатии, в том числе расширить энергетические приоритеты для перспективного сотрудничества с Российской Федерацией.

В случае вопроса глобального влияния Саудовская Аравия разрабатывает новаторские экологические инициативы, чтобы бороться с изменением климата за счет перехода к безотходно углеродной экономике. Наследный принц и премьер-министр КСА объявил о планах КСА по достижению целей нулевой нейтральности к 2060 году путем реализации подхода циркулярной углеродной экономики, что должно дать возможность для перехода на чистую энергию. В рамках же международного сотрудничества Саудовская Аравия подписала еще ряд глобальных инициатив, чтобы расширить границы и сферы по борьбе с изменением климата. К таким можно отнести Инициативу ООН «Спорт ради климата» и создание Глобального океанического Альянса. Чтобы расширить свое положительное влияние на мировое спортивное сообщество, государство присоединилось

к первой Инициативе, поскольку таким образом КСА демонстрирует, как достичь глобальных целей в области изменения климата, опираясь на усилия всего общества. Что касается второй Инициативы по присоединению к Глобальному океаническому Альянсу, то основная цель коалиции заключалась в защите как минимум 30 % мирового океана к 2030 году за счет расширения морских охраняемых территорий. Стоит отметить, что Саудовская Аравия является одной из немногих арабских государств, которые присоединились к Глобальному океаническому Альянсу [Innovative environmental initiatives..., 2024].

Вдобавок, как показывает анализ различных критериев в рамках осуществления экологической политики Саудовской Аравии, государство по состоянию на 2025 год наряду с занимаемым 55 местом по уровню загрязнения (62,5) [Индекс загрязнения по странам, 2025] стремится улучшить экологическую обстановку в стране. По индексу экологической эффективности за 2024 год КСА, оставаясь на позиции 108 (индекс – 42,6), во многом характеризует политику государства как развивающуюся, поскольку за период с 2014 по 2024 годы индекс вырос на 8,3 пункта в отличие, например, от Бразилии, уровень «зеленой» экономики которой выше, чем у Саудовской Аравии [Индекс экологической эффективности..., 2024].

Кроме того, Королевство присоединилось к Международному Альянсу по борьбе с засухой, который стал глобальной площадкой мобилизации политической власти, технических возможностей и финансовых инвестиций для подготовки мира к суровым климатическим засухам. И также КСА стремится внести свой вклад в сокращение глобальных выбросов метана на 30 % к 2030 году, что подкрепляется участием в глобальном обязательстве по метану, представляющим важный шаг на пути к сокращению парниковых газов.

Результаты и выводы

Таким образом, за последние несколько лет Королевство Саудовская Аравия вышло на новый уровень своей экологической политики за счет создания различных проектов и инициатив, которые носят как региональный, так и глобальный характер. Можно сделать вывод, что, несмотря на то, что государство является одним из лидеров по добыче нефти, оно стремится улучшить экологическую ситуацию внутри государства, на Ближнем Востоке в целом и мире. Следовательно, многим государствам БРИКС+ необходимо рассматривать уже опыт КСА по многим аспектам «зеленой» политики и формировать новые общемировые структуры по борьбе с изменением климата. Кроме того, Саудовская Аравия может стать «государством-мостом», находясь во «внеблоковом» статусе, что подтверждает неприсоединение страны в 2025 году к БРИКС+.

Список источников

- Индекс загрязнения по странам 2025 г. Numbeo. URL: https://www.numbeo.com/pollution/rankings_by_country.jsp (дата обращения: 15.01.2025).
- Индекс экологической эффективности по странам 2024 г. World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/environmental-performance-index-by-country> (дата обращения: 15.01.2025).
- Innovative environmental initiatives designed to have a positive global impact. Saudi Green Initiatives 2024. (in Arabic). URL: <https://www.sgi.gov.sa/ar-sa/saudi-global-climate-impact/?csrt=1593927176263454499> (дата обращения: 15.01.2025).
- Integrated Energy Strategy 2016. Portal of the KSA Ministry of Energy (in Arabic). URL: <https://www.moenergy.gov.sa/ar/OurPrograms/Strategy/Pages/Projects.aspx> (дата обращения: 13.01.2025).
- MGI target: grow 50 billion trees across the Middle East. Saudi Green Initiatives 2024 (in Arabic). URL: <https://www.sgi.gov.sa/ar-sa/about-mgi/mgi-targets/planting-trees/> (дата обращения: 15.01.2025).

- MGI target: support the region to reduce 670 tons of CO_{2e} emissions. Saudi Green Initiatives 2024 (in Arabic). URL: <https://www.sgi.gov.sa/ar-sa/about-mgi/mgi-targets/reducing-emissions/> (дата обращения: 15.01.2025).
- Middle East Green Initiative. Saudi Vision 2030 (in Arabic). URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/explore/projects/middle-east-green-initiative> (дата обращения: 13.01.2025).
- National Transformation Program 2020. Portal of the KSA Ministry of Energy (in Arabic). URL: <https://andp.unescwa.org/ar/plans/1240> (дата обращения: 12.01.2025).
- Saudi Green Initiative 2021. Arab National Development Planning Portal (in Arabic). URL: <https://www.moenergy.gov.sa/ar/Trends/Pages/saudi-green-initiative-main-page.aspx> (дата обращения: 12.01.2025).
- SGI target: protecting 30 % of Saudi Arabia's land and sea. Saudi Green Initiatives 2024 (in Arabic). URL: <https://www.sgi.gov.sa/ar-sa/about-sgi/sgi-targets/protecting-land-and-sea/?csrt=1593927176263454499> (дата обращения: 14.01.2025).
- The Green Middle East Initiative: promoting action to combat climate change in the region. Saudi Green Initiatives 2024 (in Arabic). URL: <https://www.sgi.gov.sa/ar-sa/about-mgi/> (дата обращения: 14.01.2025).

Список литературы

- Басангов Л.Л., Игнатов А.А. 2019. О председательстве Саудовской Аравии в «Группе двадцати» в 2020 году. Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 19: 5. С. 654–662.
- Кулькова О.Д. 2023. Устойчивое развитие Королевства Саудовская Аравия и перспективы российско-саудовского энергетического сотрудничества. Международный научный журнал «Вестник Науки». 2: 12(69). С. 149–159.

References

- Basangov L.L., Ignatov A.A. 2019. O predsedatel'stve Saudovskoi Aravii v «Gruppe dvadtsatI» v 2020 godu [On Saudi Arabia's G20 Presidency in 2020]. Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 19: 5. S. 654–662.
- Kul'kova O.D. 2023. Ustoichivoe razvitie Korolevstva Saudovskaya Araviya i perspektivy rossiisko-saudovskogo ehnergeticheskogo sotrudnichestva [Sustainable Development of the Kingdom of Saudi Arabia and Prospects for Russian-Saudi Energy Cooperation]. Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Vestnik NaukI». 2: 12(69). S. 149–159.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 18.01.2025

Received: 18.01.2025

Поступила после рецензирования: 28.01.2025

Revised: 28.01.2025

Принята к публикации: 28.01.2025

Accepted: 28.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Колычева Сабина Константиновна, магистрант кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Sabina K. Kolycheva, Graduate Student of the Department of International Relations, Foreign Regional and Political Studies, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0008-8707-5457](https://orcid.org/0009-0008-8707-5457)

Урывский Андрей Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-3438-1898](https://orcid.org/0000-0002-3438-1898)

Фомичев Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-7166-7553](https://orcid.org/0000-0002-7166-7553)

Andrey P. Uryvsky, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of International Relations, Foreign Regional and Political Studies, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Nikolay N. Fomichev, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of International Relations, Foreign Regional and Political Studies, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 327.8

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-1-277-286

Оригинальное исследование

Стратегическая коммуникация Китая в Африке

Сельницын А.С.

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка 53/2, строение 1

E-mail: selnitsynas@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается модель стратегической коммуникации КНР в Африке. Основной целью исследования является анализ подходов, используемых Китаем для укрепления своего влияния на африканском континенте, в том числе механизмы экономической помощи, дипломатические и культурные инициативы. Методология работы включает исторический анализ, сравнительное изучение официальных документов и оценку воздействия китайских инвестиций на африканские государства. Результаты научной работы демонстрируют, что КНР с помощью стратегической коммуникации эффективно формирует положительный имидж и расширяет политическую поддержку среди африканских стран на международной арене. Этот процесс носит целенаправленный характер. Значимость данного исследования заключается в углублённом понимании динамики китайско-африканских отношений, их роли в геополитике и выявлении потенциальных вызовов для России.

Ключевые слова: стратегическая коммуникация, КНР, Китай, Африка, мягкая сила, институт Конфуция

Для цитирования: Сельницын А.С. 2025. Стратегическая коммуникация Китая в Африке. *Via in tempore. История. Политология*, 52(1): 277–286. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-277-286

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

China's Strategic Communication in Africa

Alexander S. Selnitsyn

Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russia,
1 building, 53/2 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

E-mail: selnitsynas@mail.ru

Abstract. This article delves into the strategic communication model employed by the People's Republic of China (PRC) in Africa. The primary objective of this research is to analyze the various approaches utilized by China to bolster its influence across the African continent. This includes examining mechanisms of economic assistance, cultural initiatives, and diplomatic efforts that are part of China's broader strategy. The methodology of the study encompasses a historical analysis, a comparative examination of official documents, and an assessment of the impact of Chinese investments on African nations. By employing these methods, the research aims to provide a comprehensive understanding of how China's strategic communication efforts are designed to cultivate a favorable image and enhance political support among African countries on the international stage. The findings of this scholarly work reveal that the PRC effectively leverages strategic communication to create a positive perception of itself while expanding its political backing in Africa. This process is characterized by intentionality and a clear focus on long-term goals. The significance of this study lies in its contribution to a deeper understanding of the dynamics of China-Africa relations, their implications for global geopolitics, and the identification of potential challenges for Russia. In the current geopolitical landscape, both Russia and China view the African continent as increasingly vital to their strategic interests. The research underscores the importance of recognizing and responding to the evolving nature of international relations, particularly

in light of China's growing presence and influence in Africa. Through this exploration, the article aims to shed light on the complexities of Sino-African interactions and their broader ramifications in the context of global power shifts.

Keywords: Strategic Communication, PRC, China, Africa, soft power, Confucius Institute

For citation: Selnitsyn A.S. 2025. China's Strategic Communication in Africa. *Via in tempore. History and political science*, 52(1): 277–286 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-1-277-286

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Между США и КНР идет ожесточенная борьба за лидирующие позиции на международной арене. Пытаясь заручиться более масштабной поддержкой и расширить экономическое влияние, Китай демонстрирует широкий интерес ко всем уголкам планеты. При этом он уделяет особое внимание наименее развитым и развивающимся странам. Наибольшая концентрация государств, относящихся к этим категориям, находится в Африке.

Динамика развития и уникальность китайско-африканских отношений полностью передают особенности стратегической коммуникации Китая, которая сочетает в себе общепринятые и прогрессивные подходы, подразумевает целенаправленное использование широкого набора инструментов «мягкой силы» и реализацию операций информационной войны, вместе с тем акцентирует внимание на общем историческом прошлом, связанном с неокOLONIALной зависимостью развивающихся стран от «золотого миллиарда».

Благодаря целенаправленным усилиям Китай смог выйти на авансцену политической и экономической жизни Африки. За последнее двадцатилетие ему также удалось трансформироваться в крупнейшего торгово-экономического партнера, фактически вытеснив Францию и США с этого места. Среди населения континента Пекин активно продвигает тезисы о том, что только КНР является единственным субъектом международного права, который готов отстаивать интересы африканских государств на международных площадках.

Китайское присутствие в Африке в целом оказывает разноплановое воздействие на регион. Его стратегическое участие открывает перед континентами одновременно как новые возможности, так и создаёт целый ряд серьезных проблем. Для африканских стран китайские кредиты, инвестиции и доступные промышленные товары представляют значительную ценность. Однако, с другой стороны, местные фабрики испытывают на себе последствия китайской коммерческой экспансии. Заинтересованность африканских политических элит в углублении двусторонних отношений с КНР обусловлена желанием извлечь личную выгоду, острой потребностью в стабилизации и повышении устойчивости национальных экономик, а также в укреплении позиций на мировой арене.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются китайско-африканские отношения. Основное внимание в данной работе уделяется стратегической коммуникации Китая в отношении стран Африки. В рамках исследования рассматриваются механизмы, методы и цели, с помощью которых Китай стремится укрепить свои позиции и влияние на африканском континенте. Для решения научной задачи используется широкий набор методов. Анализ исторического контекста дает возможность выявить эволюцию китайской дипломатии и двустороннего взаимодействия с африканскими государствами. Также применяется сравнительный анализ, позволяющий сопоставить подходы Китая и других ключевых мировых игроков к выстраиванию отношений со странами Африки. Контент-анализ официальных документов помогает выявить стратегические цели и внешнеполитические приоритеты Пекина. В дополнение анализ экономических данных позволяет оценить влияние китайских

инвестиций и торговых отношений на развитие межгосударственных связей. В совокупности данные методы обеспечивают глубокое понимание динамики развития китайско-африканских отношений и стратегической коммуникации Китая в регионе.

Результаты и обсуждение

Краткая история развития китайско-африканских отношений.

При рассмотрении истории развития китайско-африканских отношений на современном этапе хорошо прослеживается эволюция стратегических аспектов коммуникации КНР в отношении Африки. Под понятием «стратегические аспекты коммуникации» подразумевается целенаправленное проецирование и навязывание реципиентам определенной системы ценностей, правил и формирование в их умах позитивного имиджа своего государства [Лобанова, 2014].

Отправной точкой в становлении современных отношений между Китаем и африканскими странами принято считать проведение Конференции стран Азии и Африки, прошедшей в апреле 1955 года в городе Бандунг (Индонезия) [Медушевский, Рябчукова, 2021]. В ходе этого крупномасштабного международного мероприятия состоялась серия встреч между первым главой Госсовета КНР Чжоу Эньлай и лидерами Ганы, Египта, Либерии, Ливии, Судана и Эфиопии, в результате которой Пекину удалось заложить прочный фундамент для развития отношений с африканскими партнерами в будущем. Китайская сторона взяла на себя обязательства придерживаться линии императивности в соблюдении принципа невмешательства во внутрисударственные дела стран Азии и Африки, а также не допускать каких-либо проявлений агрессии по отношению к ним. Такая риторика китайских властей на фоне колониальных устремлений стран Запада была воспринята на «черном континенте» крайне положительно.

На протяжении следующего десятилетия КНР смогла установить дипломатические отношения с большинством стран африканского континента. За почти двухлетний период с декабря 1963 по июнь 1965 года глава Госсовета Китая совершил три турне в Африку и при этом нанес визит в 10 стран континента [Дейч, 2013]. Зарубежные поездки высокопоставленного политика в значительной мере способствовали углублению двусторонних отношений с региональными игроками. По состоянию на июль 1965 года дипломатические отношения были установлены с 18 африканскими партнерами. Однако в конце 60-х гг. на фоне «культурной революции» и активизации борьбы с реваншизмом существенно изменились подходы Пекина к взаимодействию с иностранными государствами. Африканские страны не стали исключением. Контакты с ними были сведены до минимального уровня. После того как Мавритания признала материковый Китай в 1965 году, ни одна другая страна не устанавливала дипломатических отношений с Китаем в течение следующих пяти лет [Zabella, 2020].

Лишь в первые годы восьмидесятых руководство республики озаботилось решением проблем, связанных с поиском рынков сбыта национальной промышленной продукции и получением беспрепятственного доступа к стратегическому сырью. Вместе с тем пришло осознание необходимости укреплять свой политический имидж на международной арене, а также не допустить признания независимости Тайваня субъектами международного права. Эти факторы стали мощным драйвером для развития стратегической коммуникации Китая и интенсификации сотрудничества между КНР и африканскими партнерами. Для решения внешнеполитических задач Пекин начал активно задействовать стратегические инструменты и средства, позволяющие планомерно оказывать воздействие на взгляды реципиентов и формировать в их глазах положительный образ Китая. Он стал предоставлять нуждающимся странам Африки финансовую помощь, а также выступил на региональном уровне в роли ключевого инвестора в инфраструктурный сектор. Уже к

концу 80-х годов общий объем экономической поддержки, которую Поднебесная предоставила африканским государствам, превысил 4 млрд долл. США.

В 90-х годах для руководства КНР стало очевидно, что развитие взаимодействия с государствами «черного континента» приносит хорошие экономические и политические дивиденды. Приблизительно с середины 90-х годов был взят курс на целенаправленное углубление двусторонних отношений со странами, обладающими обширными запасами природных ресурсов.

В 1982 году в ходе 12-го съезда Коммунистической партии Китая было официально объявлено о переходе от политики, которая делала упор на «войну и революцию», к политике, которая делала упор на «мир и развитие» [Shinn, 2019].

В ходе своего визита в шесть африканских стран в мае 1996 года председатель КНР Цзян Цзэминь публично презентовал «Предложение из пяти пунктов» по развитию долгосрочных и стабильных отношений с африканскими странами. Предложение китайского лидера включало в себя [Урнов, 2023]:

- укрепление «искренней дружбы»;
- взаимодействие, основанное на равенстве, уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела;
- общее развитие на основе взаимной выгоды;
- расширение консультаций и сотрудничества в глобальных делах китайско-африканских отношений, основанных на всестороннем сотрудничестве и взаимодействии;
- долгосрочное создание «более великолепного мира» посредством формирования нового справедливого, честного экономического и политического мирового порядка.

Сформулированные китайским лидером тезисы стали идеологическим базисом для дальнейшего углубления отношений. Они были восприняты на континенте положительно и получили широкую поддержку среди африканских стран, так как они соответствуют их стремлению к независимости, развитию и укреплению позиций на мировой арене. Этот исторический пример демонстрирует высокую роль стратегической коммуникации в международных отношениях.

В начале XXI века Пекин приступил к реализации государственной стратегии по выходу национальных промышленных компаний на внешние рынки под девизом «идти вовне». Ее главная идея состояла в активном распространении китайской культуры и ценностей за рубежом, укреплении политических позиций КНР на международной арене и расширении экономических связей. При этом основное внимание уделялось максимальному использованию потенциала растущей китайской миграции и активности своих диаспор.

Важно отметить, что данная стратегия является умеренно-агрессивной. Она направлена на укрепление экономических и политических позиций Китая в мире. На Западе ее воспринимают как экспансионистскую. США неоднократно публично подвергали ее резкой критике. В частности, в Вашингтоне воспринимают этот столп внешней политики КНР как серьезную угрозу национальным интересам, в том числе своему экономическому влиянию и суверенитету. Практические шаги по ее реализации постоянно становятся «яблоком раздора» для американцев.

В 2000 году был сформирован «Форум сотрудничества Китай – Африка» (Forum on China-Africa Cooperation, FOCAC). С тех пор и по настоящее время он является главной площадкой всего комплекса двусторонних связей.

В 2006 году руководство КНР впервые публично развернуто изложило подходы к выстраиванию взаимодействия с африканскими партнерами. Была опубликована Белая книга под названием «Политика КНР в отношении стран Африки» [China's Policy..., 2006]. В документе обозначены ключевые цели национальной внешней политики в отношении Африки, способы и методы их достижения, предложения по развитию дальнейшего сотрудничества по широкому кругу вопросов и переходу к новому этапу взаимовыгодного

сотрудничества. Власти республики в Белой книге намеревались донести, что Китай стремится к установлению равноправных отношений, готов оказывать поддержку и углублять сотрудничество в различных областях, наращивать объем инвестиций, укреплять политические связи, в том числе организовывать визиты высокопоставленных должностных лиц, расширять контакты между национальными институтами. Признание принципа «одного Китая» закреплено в качестве неотъемлемого условия для установления дипломатических отношений. С выходом в свет этого документа стало очевидно, что Африка станет приоритетным направлением Пекина как минимум в течение текущего столетия.

Заставляет на себя обратить внимание тот факт, что сразу после вступления в должность председателя КНР Си Цзиньпин нанес государственный визит в Танзанию. Именно в рамках этой зарубежной поездки он впервые сформулировал концепции правильного понимания справедливости и выгоды: «правдивость, деловитость, душевная близость и искренность». В настоящее время они в значительной мере определяют вектор внешней политики Китая в отношении Африки.

В 2015 г. вышла в свет новая версия Белой книги [China's second..., 2015]. В ней полностью учтена динамика развития отношений и произошедшие за 9 лет структурные сдвиги в системе международных отношений. Наряду с этим предложен широкий спектр конкретных мер и действий, нацеленных на укрепление доверия и дальнейшее расширение сотрудничества во многих областях. Таким образом, обе версии документа демонстрируют стремление Китая идеализировать свою деятельность на африканском континенте. В концептуальных документах в качестве главных принципов политики Китая в отношении Африки выделены уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела, взаимовыгодное сотрудничество и поддержка развития африканских стран.

Стоит отметить, что ни в одном концептуальном официальном правительственном документе Китая в отношении Африки не упоминается понятие стратегическая коммуникация. Китайские власти стремятся в публичных выступлениях также избегать употребления этого понятия.

В ноябре 2021 г. накануне восьмой министерской встречи в рамках Форума по китайско-африканскому сотрудничеству Государственный совет КНР опубликовал обновленную версию Белой книги и присвоил ей название «Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху» [China-Africa..., 2021]. В документе содержатся актуализированные подходы к взаимодействию со странами Африки. Концептуальных различий в сравнении с прошлыми версиями не наблюдается. В тексте последней версии пристальное внимание уделено расширению политического взаимодействия, углублению сотрудничества в области поддержания мира и стабильности, развитию экономических связей, усилению партнерства в социально-гуманитарной сфере.

В январе 2024 года Министр иностранных дел КНР Ван И совершил турне в Африку. В ходе визита китайский дипломат указал на возрастающую значимость всего континента в составе Глобального Юга. Наряду с этим подчеркнул, что африканским странам необходимо выбрать путь развития, соответствующий их собственным национальным условиям, твердо держать свое будущее и судьбу в своих собственных руках [Ван И..., 2017].

Ключевые цели стратегической коммуникации Китая в Африке

Цели стратегической коммуникации Китая в странах Африки носят долгосрочный характер. Пекин планомерно вытесняет своих главных конкурентов и поступательно движется вперед к достижению стратегических целей. Африка имеет огромное экономическое, политическое и военное значение для Китая. Экономический интерес Пекин включает в себя африканские природные ресурсы, доступ к рынкам для инвестиций и экспорта, а также широкомасштабный выход национальных компаний на континентальный рынок. В этом контексте его отношения с Южной Африкой имеют большое значение, поскольку она является одним из крупнейших экономических партнеров КНР в Африке [Usman, Lyu, 2021].

У Пекина также есть четыре основных политических интереса на континенте, а именно: улучшить свой имидж, изолировать Тайвань для продвижения своей политики «одного Китая», обеспечить стабильность своих экономических партнеров и противостоять распространению влияния стран Запада на континенте.

Наряду с этим для него важно заручиться максимально широкой и сильной поддержкой на мировой арене. В связи с этим он пытается привлечь на свою сторону как можно больше стран Глобального Юга, в состав которого входят все африканские государства.

Наконец, политические и экономические интересы Китая определяют его стратегические приоритеты в сфере безопасности, которые заключаются в защите экономических достижений и растущего политического влияния. В рамках многосторонних и двусторонних соглашений Китай расширил свои связи в области безопасности и обороны со многими странами, включая Джибути [Saleh, 2021]. Создание первой зарубежной китайской военно-морской базы в Джибути отражает готовность КНР усилить свои региональные возможности проецирования силы [Chaziza, 2018].

Основные аспекты стратегической коммуникации Китая в Африке

Руководство Поднебесной последние три десятилетия придает первостепенное значение созданию внешнего имиджа своего государства [Алтухова, 2015]. Китай активно расширяет политическое влияние в Африке, стремясь укрепить позиции и увеличить возможности по осуществлению воздействия на политические процессы в регионе. Для этого Пекин активизирует двусторонние контакты и взаимодействие с Африканским союзом, вместе с тем оказывает содействие африканским странам в их стремлении к экономическому развитию и политической стабильности. Наряду с этим КНР также нацелена обеспечить себе политическую поддержку как можно более широкого круга партнеров и не допустить формирования коалиции под руководством американцев против себя [Карпович, Шангараев, 2022].

С момента провозглашения Китайской Народной Республики руководству республики удалось установить дипломатические отношения с 53 независимыми странами из 54. Только Эсватини не проявляет интерес к развитию взаимодействия с материковым Китаем. Карликовое государство до сих пор признает независимость Тайваня, несмотря на постоянно усиливающееся давление со стороны Пекина.

Ключевым звеном общественной дипломатии КНР является расширение сети институтов Конфуция. Учредителем таких образовательных центров является национальное министерство образования. Китайская сторона позиционирует создание этих образовательных заведений на территориях иностранных государств как возможность укрепить дружбу между странами и обеспечить лучшее понимание китайского языка и культуры за рубежом. В настоящее время эти институты представляют собой одну из наиболее значительных инвестиций Китая в «мягкую силу». В действительности их деятельность направлена на продвижение интересов правящей партии за пределами китайской территории. Они являются важнейшей частью зарубежной пропагандистской системы Китая [Селезнева, 2021].

Первый институт Конфуция был открыт в Узбекистане в 2004 г. Далее их сеть стремительно разрасталась по всему миру, в том числе в Африке. На «черном континенте» впервые такое учреждение было открыто в декабре 2005 г. в Кении. Сейчас их количество в африканских странах превышает 60, а по всему миру – 550.

Председатель Китайского международного фонда образования по китайскому языку Ян Вэй в Найроби (Кения) в ходе Совместного заседания африканских институтов Конфуция в мае 2024 года отметил, что КНР и Африка «уважают друг друга и дружелюбно сотрудничают». Институты Конфуция внесли значительный вклад в укрепление двусторонних отношений и помогли построить культурный мост между партнерами.

Китай инвестировал обширные ресурсы в создание институтов Конфуция по всему миру. Они действуют на площадках местных институтов и университетов. Управление ими

осуществляет Ханьбань (Канцелярия международного совета китайского языка). Организация подчиняется непосредственно Министерству образования КНР. Ханьбань выделяет финансовые средства на создание институтов Конфуция и предоставляет преподавателей. На плечи местного образовательного заведения ложится предоставление инфраструктуры, в том числе оборудованных учебных классов, административных помещений. Расположение институтов Конфуция в кампусах иностранных университетов является стратегической попыткой Пекина более глубоко проникнуть в зарубежную академическую среду и оказывать на нее воздействие изнутри.

Хотя деятельность институтов Конфуция внешне кажется безобидной и культурно-академической по своей направленности, полный контроль правительства над их персоналом и учебной программой гарантирует, что они будут ненавязчиво продвигать позиции Коммунистической партии Китая по таким ключевым для нее вопросам, как территориальные споры с соседними государствами, «тайваньский кейс», местные религиозные меньшинства.

Одним из ключевых аспектов политического влияния Китая является его экономическая помощь и инвестиции в Африку. Пекин предоставляет финансовую поддержку, техническую помощь и обучение для развития инфраструктуры, сельского хозяйства, здравоохранения и других секторов экономики. Эти усилия направлены не только на укрепление экономических связей между Поднебесной и Африкой, но и на создание более тесных политических отношений.

Пекин уже более десятилетия назад обошел Вашингтон, став крупнейшим инвестором и торговым партнером стран Африки. В настоящий момент эта роль за ним сохраняется [Карпович и др., 2024].

Общий объем торговли Китая со странами Африки в 2023 году стал рекордным и достиг 282,1 млрд долларов США, из которых 173 млрд долларов США (увеличился на 7,5 % по сравнению с 2022 годом) приходится на китайский экспорт на континент, а 109 млрд долларов США – на импорт (уменьшился на 6,7 % по сравнению с 2022 годом) [Nyabiage, 2024]. Торговый дисбаланс между КНР и странами Африки продолжает расти, поскольку положительное сальдо торгового баланса не является стратегической задачей китайской стороны.

За последние годы приток прямых иностранных инвестиций Китая в Африку значительно вырос – с 74,1 млн долларов США в 2003 году до 3,4 млрд долларов в 2022 году [Потеряйко, 2022]. Уже к 2013 г. Пекину удалось уверенно обогнать Вашингтон по этому показателю. Пик в 3,98 млрд долларов США наблюдался в 2018 г. После этого времени отмечается снижение потока прямых иностранных инвестиций на фоне проблем, связанных с борьбой с распространением COVID-19 и продолжения замедления роста мировой экономики.

Торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и Африкой характеризуется преобладанием сырьевых товаров в экспорте стран Африки и товаров с высокой добавленной стоимостью в импорте Китая. Это указывает на асимметричный характер отношений, где африканские государства выступают в роли поставщика сырья, а Китай – в роли потребителя и инвестора.

Такая структура торговли приводит к дисбалансу в отношениях и вызывает недовольство у грамотной части африканского населения. Африканские страны ожидают большего экономического и технологического сотрудничества со стороны Китая, однако получают лишь ограниченное участие китайских компаний в развитии инфраструктуры и промышленности. Власти Китая осознают проблему и предпринимают меры для её решения. Они предоставляют льготные кредиты и инвестиции для развития инфраструктуры и промышленности на континенте. Однако эти меры пока не оказали должного воздействия на структуру торгово-экономических отношений.

В условиях протекания объективного процесса трансформации геополитической системы из однополярного мира в многополярный Китай стремится заручиться политической поддержкой правительств африканских стран в международных организациях. По классификации ООН в Африке насчитывается 54 независимых страны, что обеспечивает континенту мощнейшую электоральную базу при голосованиях по международным вопросам. В частности, африканским странам принадлежит около 25 % мест в ООН [Карпович и др., 2023].

Многосторонняя дипломатия играет важную роль в установлении правовых отношений между государствами. Однако согласие правительств африканских стран с Китаем по ключевым вопросам международной повестки свидетельствует о политическом и экономическом доминировании Пекина в Африке. Поддержка Китая со стороны африканских стран в ООН носит системный характер, и ожидается, что она будет продолжаться в течение долгого времени. Богатые природными ресурсами страны Африки обычно голосуют в пользу Китая в ООН.

Для оправдания своих решений при голосовании по вопросам, связанным с Китаем, правительства многих африканских стран акцентируют внимание в политической риторике на преимуществах двустороннего сотрудничества, солидарности и взаимной поддержки Пекина в ООН.

Заключение

Исходя из вышесказанного, необходимо сформулировать выводы о стратегической коммуникации КНР в Африке и перспективах ее реализации. Пекин в течение длительного времени выстраивает стратегическую коммуникацию в отношении африканских государств. Этот процесс носит целенаправленный характер. В условиях обострения международной обстановки, стремительного роста конфликтного потенциала в мире, усиления глобальной конкуренции с США Китай стремится расширить список своих сторонников, в том числе посредством развития отношений со странами Африки. Наряду с этим экономическая вовлеченность Поднебесной продолжает увеличиваться. Следует ожидать, что основная траектория развития стратегических коммуникаций КНР в отношении государств данного континента сохранится как минимум в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Очевидно, что Пекин продолжит совершенствовать свою модель стратегической коммуникации и адаптировать к изменениям международной обстановки. Не исключено, что обострение конкуренции в Африке вынудит Пекин разрабатывать все более изощренные подходы к реализации стратегической коммуникации, включая более агрессивные, направленные на дискредитацию деятельности оппонентов.

В текущих геополитических реалиях для РФ и КНР африканский континент приобретает ключевое значение. У сторон существует конфликт интересов в Африке в сферах торговли, энергетики и военно-технического сотрудничества. Однако необходимо осознавать, что область двустороннего сотрудничества значительно шире пространства для конкуренции. Всеобъемлющее стратегическое партнерство является «краеугольным камнем» сотрудничества. На политическом уровне Москва и Пекин не являются стратегическими соперниками. Как Россия, так и Китай привержены созданию справедливого многополярного миропорядка.

Список источников

- Ван И сообщил, что Форум сотрудничества «Китай – Африка» состоится в Пекине осенью. 2017. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20179043> (дата обращения: 01.12.2024).
Потеряйко А. 2022. Китай оккупирует африканскую экономику кредитами и инвестициями. Регнум. URL: <https://regnum.ru/article/3478783> (дата обращения: 01.12.2024).

- China-Africa cooperation in the new era. 2021. State Council of People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-11/26/content_5653540.htm (дата обращения: 01.12.2024).
- China's Policy Documents on Africa. 2006. State Council of People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_212161.htm (дата обращения: 01.12.2024).
- China's second Africa policy paper. 2015. State Council of People's Republic of China. URL: http://www.china.org.cn/world/2015-12/05/content_37241677.htm (дата обращения: 01.12.2024)
- Nyabiage J. 2024. China-Africa trade hit US\$282 billion in 2023 but Africa's trade deficit widens, with commodity prices a key factor. South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3250552/china-africa-trade-hit-282-billion-2023-africas-trade-deficit-widens-commodity-prices-key-factor> (дата обращения: 01.12.2024).

Список литературы

- Алтухова И.Н. 2015. Формирование международного имиджа КНР в современном мире. *Science Time*. 9(21): 16–22.
- Дейч Т.Л. 2013. «Китайский век» для Африки. *Международная жизнь*. 10: 89–102.
- Карпович О.Г., Сидорова Г.М., Троянский М.Г., Шангараев Р.Н. 2023. Россия – Африка: стратегическое сотрудничество. Москва, Дипломатическая академия МИД России, 324 с.
- Карпович О.Г., Сидорова Г.М., Шангараев Р.Н., Шахалова А.А. 2024. Африка и контуры формирующегося мира. Москва, Дипломатическая академия МИД России, 252 с.
- Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. 2022. Влияние США и внешних факторов на экономическое развитие Китая. *Вопросы региональной экономики*. 2(51): 241–246.
- Лобанова Т.Н. 2014. Стратегическая коммуникация Китая в рамках БРИКС. *Государственное управление. Электронный вестник*. 47: 390–401.
- Медушевский Н.А., Рябчукова А.М. 2021. Интересы Китая в Африке: анализ трансрегионального сотрудничества. *Теории и проблемы политических исследований*, 10, 5А: 131–140.
- Селезнева Н.В. 2021. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 26(26): 291–305.
- Урнов А.Ю. 2023. Политика Администрации Дж. Байдена в Африке. Конец 2021 г. – начало 2023 г. Москва, Ин-т Африки РАН, 322 с.
- Chaziza M. 2018. China's Military Base in Djibouti. *The Begin-Sadat Center for Strategic Studies*. : 17–18.
- Saleh A.B. 2021. China's Relations in Africa: Perspective from China's Growing Economic and Political Interest in Nigeria. *Political Science*. 1: 160.
- Shinn D.H. 2019. China-Africa Ties in Historical Context. In A. Oqubay, & J. Y. Lin (Eds.), *China-Africa and an Economic Transformation*. 61–83.
- Usman S.M., Lyu Z. 2021. Sino-Africa Relations: Gradual Changes in Chinese Foreign Strategy Towards African Countries. *Liberal Arts and Social Sciences International Journal*. 5(1): 154–167.
- Zabella A.A. 2020. The Impact of the China-Africa Cooperation Forum on the Deepening of Relations between China and Africa. *RUDN Journal of World History*. 12(1): 35–46.

References

- Altukhova I.N. 2015. Formirovanie mezhdunarodnogo imidzha KNR v sovremennom mire [Formation of the International Image of the PRC in the Modern World]. *Science Time*. 9(21): 16–22.
- Deitch T.L. 2013. «Kitajskij vek» dlja Afriki [«China's Century» for Africa]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. 10: 89–102.
- Karpovich O.G., Shangaraev R.H. 2022. Vlijanie SShA i vneshnih faktorov na jekonomicheskoe razvitie Kitaja [Influence of the USA and External Factors on the Economic Development of China]. *Voprosy regional'noj jekonomiki*. 2(51): 241–246.
- Karpovich O.G., Sidorova G.M., Shangaraev R.N. N., Shakhhalova A.A. 2024. Afrika i kontury formirujushhegosja mira [Africa and the Contours of the Emerging World]. Moscow, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 252 p.
- Karpovich O.G., Sidorova G.M., Trojansky M.G., Shangaraev R.H. 2023. Rossiya – Afrika: strategicheskoe sotrudnichestvo [Russia-Africa: Strategic Cooperation]. Moscow, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 324 p.

- Lobanova T.N. 2014. Strategicheskaja kommunikacija Kitaja v ramkah BRIKS [China's Strategic Communication within the BRICS Framework]. Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik. 47: 390–401.
- Medushevsky N.A., Ryabchukova A.M. 2021. Interesy Kitaja v Afrike: analiz transregional'nogo sotrudnichestva [China's Interests in Africa: An Analysis of Transregional Cooperation]. Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 10, 5A: 131–140.
- Selezneva N.V. 2021. Instituty Konfucija kak instrument «mjagkoj sily» Kitaja: problemy i perspektivy razvitija v novuju jepohu [Confucius Institutes as an Instrument of China's 'Soft Power': Problems and Prospects of Development in the New Era]. Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'. 26(26): 291–305.
- Urnov A.Yu. 2023. Politika Administracii Dzh. Bajdena v Afrike. Konec 2021 g. – nachalo 2023 g [Polity of the Administration of J. Biden in Africa. The End of 2021 – the Beginning of 2023]. Moscow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 322 p.
- Chaziza M. 2018. China's Military Base in Djibouti. *The Begin-Sadat Center for Strategic Studies*. : 17–18.
- Saleh A.B. 2021. China's Relations in Africa: Perspective from China's Growing Economic and Political Interest in Nigeria. *Political Science*. 1: 160.
- Shinn D.H. 2019. China-Africa Ties in Historical Context. In A. Oqubay, & J. Y. Lin (Eds.), *China-Africa and an Economic Transformation*. 61–83.
- Usman S.M., Lyu Z. 2021. Sino-Africa Relations: Gradual Changes in Chinese Foreign Strategy Towards African Countries. *Liberal Arts and Social Sciences International Journal*. 5(1): 154–167.
- Zabella A.A. 2020. The Impact of the China-Africa Cooperation Forum on the Deepening of Relations between China and Africa. *RUDN Journal of World History*. 12(1): 35–46.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.12.2024

Received 10.12.2024

Поступила после рецензирования 20.01.2025

Revised 20.01.2025

Принята к публикации 30.01.2025

Accepted 30.01.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сельницын Александр Сергеевич, соискатель кафедры стратегических коммуникаций и государственного управления, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0009-0002-0717-5471](https://orcid.org/0009-0002-0717-5471)

Alexander S. Selnitsyn, External Postgraduate Student, Department of Strategic Communications and Public Administration, Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia